ISSN: 2542-212X

Электронный журнал

«Кавказология»

Caucasology

II

2025

Электронный журнал

«Кавказология»

Caucasology

№ 2 / 2025

DOI: 10.31143/2542-212X-2025-2

Свидетельство о регистрации	Эл № ФС77-59844 от 17 ноября 2014
ISSN	2542-212X
Периодичность	4 раза в год
Учредитель/Издатель	Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»
E-mail редакции	caucasology.kbsu@mail.ru
URL-адрес издания	http://www.kbsu.ru/nauchnye-izdaniya/zhurnal-kavkazologiya/

Редакционный совет

Альтудов Юрий Камбулатович, профессор, ректор Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия.

Барахоева Нина Мустафаевна, директор Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева, Магас, Россия.

Берсиров Батырбий Махмудович, главный научный сотрудник Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева», Майкоп, Россия.

Горбунов Александр Павлович, ректор Пятигорского государственного университета, Пятигорск, Россия.

Грусман Владимир Моисеевич, советник директора, руководитель научной части Российского этнографического музея, Санкт-Петербург, Россия.

Гапуров Шахрудин Айдиевич, заведующий кафедрой новой и новейшей истории Чеченского государственного университета, Грозный, Россия.

Дерлугьян Георгий Матвеевич, профессор Нью-Йоркского университета Абу-Даби, США.

Дмитриев Владимир Александрович, ведущий научный сотрудник Российского этнографического музея, Санкт-Петербург, Россия.

Дюмон Жерар Франсуа, географ, экономист и демограф, профессор, преподаватель Университета Париж-Сорбонна, Париж, Франция.

Ивахненко Евгений Николаевич, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Ильин Владимир Иванович, профессор кафедры социологии культуры и коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.

Карамурзов Барасби Сулейманович, профессор, руководитель Центра развития цифровой экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, действительный член Российской академии образования, Нальчик, Россия.

Левитская Алина Афакоевна, профессор Северо-Кавказского федерального университета, Ставрополь, Россия.

Магомедов Магомед Ибрагимович, главный научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы, Махачкала, Россия.

Мусукаев Александр Ибрагимович, доктор исторических наук, профессор, Нальчик, Россия.

Мюльфрид Флориан, доктор наук, Йена, Германия.

Рябов Андрей Виленович, главный редактор журнала «Мировая экономика и международные отношения», Москва, Россия.

Томеллери Витторио Спрингфилд, профессор департамента славянской филологии университета г. Мачерата, Марчета, Италия.

Узденов Таусолтан Аубекирович, ректор Карачаево-Черкесского государственного университета имени У.Д. Алиева, Карачаевск, Россия.

Editorial Council

Altudov Yuri Kambulatovich, Professor, Rector, Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Russia.

Nina Mustafaevna Barakhoeva, Director, Ingush Institute for the Researches in Humanities, Magas, Russia.

Bersirov Batyrbiy Mahmudovich, Principal research fellow, Adyghe Republic's Institute for Humanitarian Studies, Maikop, Russia.

Gorbunov Alexandr Pavlovich, Rector, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia.

Grusman Vladimir Moiseevich, advisor to the director, head of the scientific part, Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, Russia.

Gapurov Shahrudin Aidievich, Head of the Department of Modern and Contemporary History of the Chechen State University, Groznyi, Russia.

Derluguian Georgi, Professor, New York University Abu Dhabi, UAE, USA.

Dmitriev Vladimir Alexandrovich, Leading Researcher, Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, Russia.

Dumont Gerard Francois, geographer, economist and demographer, Professor of Paris-Sorbonne University, Paris, France.

Ivakhnenko Evgeny Nikolaevich, Professor, M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Ilyin Vladimir Ivanovich, Professor, Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

Karamurzov Barasbi Suleymanovich, Professor, CEO, Lomonosov Moscow State University Digital Economy Development Center, Full Member of the Russian Academy of Education, Nalchik, Russia.

Levitskaja Alina Afakoevna, Professor, The North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia.

Magomedov Magomed Ibragimovich, Principal Research Fellow, Institute of Language, Literature and Art, Makhachkala, Russia.

Musukaev Alexander Ibragimovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Nalchik, Russia.

Mühlfried Florian, PhD, Jena, Germany.

Ryabov Andrey Vilenovich, Editor-in-chief, World Economy and International Relations, Moscow, Russia.

Tomellery Vittorio Springfield, Professor, University of Macerata, Macerata, Italy.

Uzdenov Tausoltan Aubekirovich, Rector, Karachay-Cherkess State University, Karachaevsk, Russia.

Главный редактор
Абазов Алексей Хасанович
доктор исторических наук, доцент

Заместитель главного редактора
Кажаров Артур Гусманович
доктор исторических наук, доцент

Ответственный секретарь
Анищенко Елена Александровна

Редактор текстов на английском языке
Ашхотова Алина Пшимурзовна

Редакционная коллегия:
Аккиева Светлана Исмаиловна – доктор исторических наук;
Албогачиева Макка Султан-Гиреевна – доктор исторических наук;
Аликаев Рашид Султанович – доктор филологических наук, профессор;
Аствацатурова Майя Арташесовна – доктор политических наук, профессор;
Баразбиев Муслим Исмаилович – кандидат исторических наук;
Бауаев Казим Каллетович – доктор филологических наук, доцент;
Башиева Светлана Конакбиевна – доктор филологических наук, профессор;
Берберов Бурхан Абуюсуфович – доктор филологических наук;
Бижева Зара Хаджимуратовна – доктор филологических наук, профессор;
Бижоев Борис Чамалович – доктор филологических наук;
Бозиева Наима Борисовна – кандидат филологических наук;
Боров Аслан Хажисмелович – кандидат исторических наук, доцент;
Борова Асият Руслановна – доктор филологических наук;
Бухуров Мухамед Фуадович – кандидат филологических наук;
Гераев Хаким Камильевич – кандидат исторических наук;
Гутов Адам Мухамедович – доктор филологических наук, профессор;
Дзамихов Касболат Фицевич – доктор исторических наук, профессор;
Канукова Залина Владимировна – доктор исторических наук, профессор;
Кетенчиев Мусса Бахаутдинович – доктор филологических наук;
Кудаева Зинаида Жантемировна – доктор филологических наук, доцент;
Кузьминов Петр Абрамович – доктор исторических наук, профессор;
Кучукова Зухра Ахметовна – доктор филологических наук, профессор;
Кушхабиев Анзор Викторович – доктор исторических наук, доцент;
Лобанов Владимир Борисович – кандидат исторических наук;
Мамсиров Хамитби Борисович – доктор исторических наук, профессор;
Муратова Елена Георгиевна – доктор исторических наук, профессор;
Нальчикова Елена Аниуаровна – кандидат исторических наук, доцент;
Прасолов Дмитрий Николаевич – кандидат исторических наук, доцент;
Сабанчиев Хаджи-Мурат Алексеевич – доктор исторических наук, профессор;
Сокаева Диана Вайнерова – доктор филологических наук;
Тамазов Муслим Султанович – кандидат исторических наук;
Тимижев Хамиша Тарканович – доктор филологических наук, профессор;
Тумов Аскер Асланбекович – кандидат исторических наук;
Узденова Фатима Таулановна – доктор филологических наук;
Улаков Махти Зейтунович – доктор филологических наук, профессор;
Хавжокова Людмила Борисовна – доктор филологических наук;
Хараева Лариса Ханбиевна – доктор филологических наук, профессор.

Editor-in-Chief
Abazov Alexey Khasanovich
doctor of science (history), associate professor

Deputy Editor-in-Chief
Kazharov Artur Gusmanovich
doctor of science (history), associate professor

Executive Secretary
Anishchenko Elena Aleksandrovna

English text editor
Ashkhotova Alina Pshimurzovna

Editorial board:
Akkieva Svetlana Ismailovna – doctor of science (history);
Albogachieva Makka Sultan-Gireevna – doctor of science (history);
Alikaev Rashid Sultanovich – doctor of science (philology), professor;
Astvatsaturova Maya Artashesovna – doctor of science (political science), professor;
Barazbiev Muslim Ismailovich – PhD (in history);
Bauaev Kazim Kalletovich – doctor of science (philology), associate professor;
Bashieva Svetlana Konakbievna – doctor of science (philology), professor;
Berberov Burkhan Abuyusufovich – doctor of science (philology);
Bizheva Zara Khadzhimuratovna – doctor of science (philology), professor;
Bizhoev Boris Chamalovich– doctor of science (philology);
Bozieva Naima Borisovna – PhD (in philology);
Borov Aslan Khazhismelovich – PhD (in history), associate professor;
Borova Asiyat Ruslanovna – doctor of science (philology);
Bukhurov Muhamed Fuadovich – PhD (in philology);
Gegraev Hakim Kamilevich – PhD (in history);
Gutov Adam Mukhamedovich – doctor of science (philology), professor;
Dzamikhov Kasbolat Fitzevich – doctor of science (history), professor;
Kanukova Zalina Vladimirovna – doctor of science (history), professor;
Ketenchiev Mussa Bakhautdinovich – doctor of science (philology);
Kudaeva Zinaida Zhantemirovna – doctor of science (philology), associate professor;
Kuzminov Petr Abramovich – doctor of science (history), professor;
Kuchukova Zukhra Akhmetovna – doctor of science (philology), professor;
Kushkhabiev Anzor Viktorovich – doctor of science (history), associate professor;
Lobanov Vladimir Borisovich – PhD (in history);
Mamsirov Khamitbi Borisovich – doctor of science (history), professor;
Muratova Elena Georgievna – doctor of science (history), professor;
Nalchikova Elena Aniuarovna – PhD (in history), associate professor;
Prasolov Dmitry Nikolaevich – PhD (in history), associate professor;
Sabanchiev Haji-Murat Alekseevich – doctor of science (history), professor;
Sokaeva Diana Vainerova– doctor of science (philology);
Tamazov Muslim Sultanovich – PhD (in history);
Timizhev Khamisha Tarkanovich – doctor of science (philology), professor;
Tumov Asker Aslanbekovich – PhD (in history);
Uzdenova Fatima Taulanovna – doctor of science (philology);
Ulakov Makhti Zeitunovich – doctor of science (philology), professor;
Khavzhokova Lyudmila Borisovna – doctor of science (in philology);
Kharaeva Larisa Khanbievna – doctor of science (philology), professor.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Средневековая и новая история

Беппаев А.Р.
Некоторые направления деятельности приставства Малой Кабарды в 1830-1858 годах **14-25**

Дабагова И.М.
Из истории становления органов охраны правопорядка на Центральном Кавказе в условиях перехода к военно-народному управлению в первой половине 60-х годов XIX века **26-36**

Урусмамбетова Л.А.
Особенности управления системой образования в Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. (на примере Кавказского учебного округа) **37-51**

Новейшая история

Яхутль Ю.А.
Из истории партийного строительства в Адыгейской (Черкесской) автономной области в 1922–1925 годах **52-62**

Тумаков Д.В.
Военные действия в Чеченской Республике в 1994-1996 гг. и объединение «Яблоко» **63-82**

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

Кушхабиев А.В.
Этнографические сведения о кабардинцах в российских источниках последней трети XVIII – первой четверти XIX века **83-101**

Муков М.И.
Абазины в турецких архивных источниках XIX века **102-114**

Азикова Ю.М.
Аспекты социально-пространственного единства Кабарды и Балкарии в материалах газеты «Кавказ» **115-139**

Журтова А.А.
Кавказская проблематика в исследованиях Адольфа Петровича Берже (по материалам журнала «Русская старина») **140-158**

Соблирова З.Х., Гаунова Л.Р.
Отражение военных и революционных событий 1905 года на страницах газеты «Кавказ» **159-172**

Этнология, антропология и этнография

Гетагазова А.М.
Некоторые особенности семейно-брачных отношений в ингушском обществе: история и современность **173-188**

ФИЛОЛОГИЯ

Литература народов Российской Федерации (литература народов Северного Кавказа)

Бауаев К.К.
Модернизация поэтической традиции в балкарской литературе 1920-1930-х годов (К.Б. Мечиев, С.О. Шахмурзаев) **189-202**

Бозий Н.Б.
Лъэпкъым и гъащIэ блэкIар Анзор Мухьэмэд и «Атэлыкъым и лIэужьыр» повестым къызэрыщыгъэлъэгъуэжар **203-213**

Кажарова И.А.
Повесть «Затерявшийся в городе» Заура Канкулова: имена, эмоции, смыслы **214-230**

Сарбашланы М.къ.А.
Гуртуланы Бертни малкъар адабиятны айныууна къошумчулугъу (жазыучуну 115-жылыгъына) **231-241**

Русский язык. Языки народов России

Езаова М.Ю.
Метафорическая экспансия *нэ*-глаз в кабардино-черкесском языке **242-255**

Жылэтеж Хь.Ч.
Адыгэбзэм и термин псалъалъэхэм жылагъуэ-политикэ лексикэр къазэрыхэщыр **256-265**

Хашхожева З.Т.
Функциональный статус лексем с аффиксами *-у//-уэ//-эу* в кабардино-черкесском языке **266-277**

ХъутIэжь З.А., УнэлIокъуэ В.Хь.
Адыгэ таурыхъхэм я бзэм хэлъ щхьэхуэныгъэхэм теухуауэ **278-287**

Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Шогенова М.Ч.
Репрезентация этнокультурной информации в современной праздничной коммуникации (на материале официальных текстов поздравлений к этническим праздникам кабардинцев и балкарцев) **288-301**

ОЧЕРКИ, ЗАМЕТКИ, РЕЦЕНЗИИ

Турпалов Л.А.
Кино в творчестве Махмуда Эсамбаева (к 100-летию великого танцовщика) **302-313**

Наши авторы **314-316**

CONTENTS

HISTORY, ETHNOLOGY AND ARCHAEOLOGY

Medieval and modern history

Beppaev A.R.
Some areas of activity of the bailiff of Malaya Kabarda in 1830-1858 **14-25**

Dabagova I.M.
From the history of the establishment of law enforcement bodies in the Central Caucasus in the conditions of the transition to military-popular government in the first half of the 1860s. **26-36**

Urusmambetova L.A.
Features of management of the education system in the Russian empire in the second half of the XIX – beginning of the XX centuries (on the example of the Caucasus educational district) **37-51**

Contemporary history

Yakhutl Y.A.
From the history of party building in the Adyghe (Circassian) Autonomous Region in 1922–1925 **52-62**

Tumakov D.V.
Military operations in the Chechen republic in 1994-1996 and the Yabloco association **63-82**

Historiography, source studies, methods of historical research

Kushkhabiev A.V.
Ethnographic information about the Kabardians in Russian sources of the last third of the 18th – first quarter of the 19th century **83-101**

Mukov M.I.
The Abazans in turkish archival sources of the 19th century **102-114**

Azikova Yu.M.
Aspects of socio-spatial unity of Kabarda and Balkaria in the materials of the newspaper "Kavkaz" **115-139**

Zhurtova A.A.
Caucasian problems in the research of Adolf Petrovich Berger (based on the materials of the journal «Russkaya starina») **140-158**

Soblirova Z.Kh., Gaunova L.R.
Reflection of military and revolutionary events of 1905 in the pages of the newspaper «Kavkaz» **159-172**

Ethnology, Anthropology and Ethnography

Getagazova A.M.
Some features of family and marriage relations in the Ingush society: history and modernity **173-188**

PHILOLOGY

Literature of the peoples of the Russian Federation (literature of the peoples of the North Caucasus)

Bauaev K.K.
Modernization of the poetic tradition in the Balkarian literature of the 1920s and 1930s (K.B. Mechiev, S.O. Shakhmurzaev) **189-202**

Bozieva N.B.
The historical past of the people in the story «Trace of atalyk» by Mukhamed Anzorov **203-213**

Kazharova I.A.
Story by Zaur Kankulov «Lost in the city»: names, emotions, meanings **214-230**

Sarbasheva A.M.
Bert Gurtuev's contribution to the development of balkar literature (on the writer's 115th birthday) **231-241**

Russian language. Languages of the peoples of Russia

Ezaova M.Yu.
Metaphorical expansion of ne-glaz in the Kabardino-Circassian language **242-255**

Zhiletezhev Kh.Ch.
Reflection of socio-political vocabulary in terminological dictionaries of the Kabardino-Circassian language **256-265**

Khashkhozheva Z.T.
Functional status lexemes with affixes -u//-ue//-eu
in the Kabardino-Circassian language **266-277**

Hutezhev Z.G., Unatlokov V.Kh.
On the question of the peculiarities of the language of Adyghe fairy tales **278-287**

Theoretical, applied and comparative linguistics

Shogenova M.Ch.
Representation of ethnocultural information
in modern holiday communication (based on official texts
of congratulations for ethnic holidays of the Kabardians and the Balkars) **288-301**

ESSAYS, NOTES, REVIEWS

Turpalov L.A.
Cinema in the works of Mahmud Esambayev
(On the 100th anniversary of the great dancer) **302-313**

Our authors **314-316**

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Средневековая и новая история

УДК 93/94(470.64)
Научная статья
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-2-14-25
EDN: AGQZZQ

НЕКОТОРЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРИСТАВСТВА МАЛОЙ КАБАРДЫ В 1830-1858 ГОДАХ

Азамат Русланович Беппаев
Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук, Нальчик, Россия, beppaev33@mail.ru

Аннотация. В статье исследованы некоторые направления деятельности приставства Малой Кабарды в 1830-1858 гг. В работе с опорой в основном на делопроизводственную документацию управления Центра Кавказской линии, управления Малой Кабарды и Кабардинского временного суда и в контексте сложившейся к тому времени системы учреждений локального судебно-административного контроля рассмотрены его административные, полицейские, судебные и некоторые другие полномочия. Обращается внимание на то, что в их задачи входило пресечение укрывательства лиц, совершивших преступления (абреков), наблюдение за санитарно-эпидемиологической обстановкой среди населения с целью предотвращения распространения инфекций, проведение предварительных следственных действий по уголовным делам, самостоятельное принятие решений по мелким правонарушениям и гражданским спорам, урегулирование земельных вопросов, сбор информации о принадлежности местных жителей к различным сословиям, предоставление руководству отчетности о движении денежных средств по приставству и т.п. Эти направления деятельности рассмотрены с учетом того, что пристав Малой Кабарды в пределах своих полномочий взаимодействовал как с вышестоящими (начальник Центра Кавказской линии), так и с другими должностными лицами и учреждениями (Кабардинский временный суд, начальник Сунженской линии и др.) для решения вопросов, выходящих за рамки его прямой административной подчиненности. Сделан вывод о том, что в 1830–1858 гг. приставство Малой Кабарды было важным звеном в системе управления Центральном Кавказом, сочетавшим в себе административные, полицейские, судебные и некоторые другие функции.

Ключевые слова: Центральный Кавказ, Малая Кабарда, Штаб войск Кавказской линии и Черномории, Центр Кавказской линии, пристав, приставское управлени

Для цитирования: Беппаев А.Р. Некоторые направления деятельности приставства Малой Кабарды в 1830-1858 годах // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 2. – С. 14-25. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-2-14-25. EDN: AGQZZQ.

© Беппаев А.Р., 2025

Original article

SOME AREAS OF ACTIVITY OF THE BAILIFF OF MALAYA KABARDA IN 1830-1858

Azamat R. Beppaev
Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, beppaev33@mail.ru

Abstract. The article examines some areas of activity of the bailiff of Malaya Kabarda in 1830-1858. In the work, based mainly on the office records of the Office of the Center of the Caucasian Line, the office of Malaya Kabarda and the Kabardinsky District Court and in the context of the system of institutions of local judicial and administrative control that had developed by that time, its administrative, police, judicial and some other powers were considered. It is noted that their tasks included preventing the concealment of persons who had committed crimes (abrek), monitoring the sanitary and epidemiological situation among the population in order to prevent the spread of infections, conducting preliminary investigations in criminal cases, independently making decisions on minor offenses and civil disputes, resolving land issues, collecting information about the social status of local residents, providing management with reports on the movement of funds in the bailiff system, etc. These areas of activity were considered in light of the fact that the bailiff of Malaya Kabarda, within the limits of his authority, interacted with both higher-ranking officials (the head of the Caucasian Line Center) and other officials and institutions (the Kabardian Temporary Court, the head of the Sunzha Line, etc.) to resolve issues that went beyond his direct administrative subordination. It is concluded that in the period from 1830 to 1858, the administration of Malaya Kabarda was an important link in the management system of the Central Caucasus, combining administrative, police, judicial, and other functions.

Keywords: Central Caucasus, Malaya Kabarda, Headquarters of the Caucasian line and Chernomoriya troops, Center of the Caucasian line, bailiff, bailiff's office

For citation: Beppaev A.R. Some areas of activity of the bailiff of Malaya Kabarda in 1830-1858. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 2. – P. 14-25. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-2-14-25. EDN: AGQZZQ.

© Beppaev A.R., 2025

Введение

В 1830–1858 гг. приставство Малой Кабарды занимало важное место в системе локального судебно-административного контроля на Центральном Кавказе. Пристав по-прежнему выполнял роль посредника между российской властью и местным населением, а приставское управление было важным механизмом инкорпорации населения региона в политико-правовое пространство Российской империи. Исследование основных направлений его деятельности дает возможность рассмотреть особенности развития российского аппарата государства в этом регионе в одних из сложнейших периодов истории региона и народов, его населяющих. Деятельность приставства Малой Кабарды была многогранна и охватывала широкий спектр вопросов от поддержания общественного порядка до урегулирования споров между местными жителями. Пристав, как представитель российской власти в регионе, должен был учитывать местные обычаи и традиции, чтобы эффективно управлять территорией и предотвращать конфликты. Поэтому изучение истории приставства Малой Кабарды позволяет лучше понять процессы интеграции народов Центрального Кавказа в состав Российской империи, а также особенности развития институтов российской государственности на юге страны.

Основные направления деятельности приставского управления Малой Кабарды в 1830–1858 гг. до сих пор не становились предметом специального исследования. Хотя некоторые его аспекты так или иначе затрагивались в работах кавказоведов по социально-политической истории Центрального Кавказа второй четверти XIX в. [Абазов 2016; Абазов 2023a; Абазов 2023b; Абазов, Нахушева 2020; Адыги 2022; Алхасова 2021; Алхасова 2022; Алхасова 2023; Алхасова 2024; Века 2017; Казаков 2006; Калмыков 2007; Кушхабиев, Журтова, Алхасова 2024; Марзей 2021; Нахушева 2020]. Тогда как в архивах страны хранится достаточно большой материал, позволяющий уточнить и подробно охарактеризовать основные направления деятельности приставского управления Малой Кабарды в это время. В ходе исследования были изучены в основном материалы Управления Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики (далее. – УЦГА АС КБР (Ф. И-8 «Управление Малой Кабарды» (1845–1857 гг.), Ф. И-16 «Управление Центра Кавказской линии» (1845–1857 гг.), Ф. И-23 «Кабардинский временный суд»). Их анализ дает возможность подробно изучить основные направления деятельности приставского управления Малой Кабарды в указанный период, рассмотреть его штатную структуру, порядок финансирования и основные направления деятельности.

Результаты исследования

В 1830-1858 гг. на Кавказе функционировала целая сеть приставских управлений, подведомственных начальникам определенных дистанций Кавказской линии. И.Р. Марзей установила, что «в это время на подведомственной Центру и Левому крылу Кавказской линии территории функционировали следующие приставства и управления: Главное приставство горских народов бывшего Владикавказского округа; приставство урусбиевского, чегемского, хуламского и балкарского народов; малокабардинское приставство; дигорское приставство; приставство алагирских и куртатинских народов; приставство назрановского народа; приставство карабулаков и чеченцев; кумыкское приставство; костековское приставство; аксаевское приставство; приставство надтеречных чеченцев и брагунского народа. Кроме того, в эту систему были включены 2 старшины галгаевского народа; 2 знаменщика назрановского народа» [Марзей 2021: 117].

Документально подтверждается, что малокабардинское приставство функционировало с начала 30-х гг. XIX в. до 1858 г. В разные годы приставство Малой Кабарды попеременно возглавляли капитан Е.А. Бекович-Черкасский, майор Ф.А. Бекович-Черкасский, подпоручик А.Ш. Абаев, сотник М.В. Дыдымов, хорунжий Тефов, майор Анастасьев, штабс-капитан Ф.П. Диков, сотник Тургиев и т.д. И.Р. Марзей считает, что «малокабардинское приставство стало правопреемницей реорганизованного в 1822 г. приставства кабардинского народа» [Марзей 2021: 120]. С этим отчасти можно согласиться, т.к. с 1822 г. функции пристава в отношении населения Большой Кабарды выполнял Кабардинский временный суд. И с этого времени приставского кабардинского народа, учреждённое в 1769 г. в прежнем виде перестало существовать. Однако до настоящего времени практически не сохранилось сведения о функционировании приставства Малой Кабарды в середине 20-х гг. XIX в., равно как и нет источников об его учреждении

на рубеже 20-х – 30-х гг. XIX в. и до сих пор не обнаружено инструкции либо другого учредительного документа, определявшего его права и обязанности. Функционирование приставства Малой Кабарды с начала 30-х гг. XIX в. до 1858 г. – данность, отраженная в широком массиве делопроизводственной документации.

Приставы Малой Кабарды были подведомственны начальнику Центра Кавказской линии (а в 1857–1858 гг. – начальнику Левого фланга Кавказской линии) и обладали значительными полномочиями. В их задачи входило пресечение укрывательства лиц, совершивших преступления (абреков), наблюдение за санитарно-эпидемиологической обстановкой среди населения с целью предотвращения распространения инфекций. Кроме того, они проводили предварительные следственные действия по серьёзным уголовным делам. При этом приставы имели право самостоятельно выносить решения по мелким правонарушениям и гражданским спорам, не требующим сложного разбирательства. Пристав принимал участие в урегулировании ряда земельных вопросов, осуществлял сбор информации о принадлежности представителей подведомственного населения к различным сословиям, реализовывали меры, направленные на предотвращение правонарушений, а также предоставляли вышестоящему руководству отчетность о поступлении денежных средств в общественную сумму. Ранее мы установили, что в 1848–1849 гг. пристав Малой Кабарды обладал некоторыми полномочиями по ведению малокабардинской общественной суммы и определили каналы пополнения и расходования ее средств, а также то, что основной ее доход составляли денежные сборы с населения региона «за вывоз леса за пределы Кавказской линии для продажи, штрафы за преступления и средства от продажи имущества местных жителей, самовольно переселившихся из региона проживания на неподконтрольные российской власти территории» [Беппаев 2025: 15].

Анализ документов показывает, что с начала 30-х гг. XIX в. до 1858 г. приставство Малой Кабарды играло важную роль в управлении коренным населением региона и занимало одну из ключевых позиций в системе учреждений локального судебно-административного контроля на Центральном Кавказе. Поэтому, полагаем, что наиболее наглядное представление о его деятельности можно получить на основе изучения наиболее типичных примеров из практики.

Так, пристав Малой Кабарды в пределах своей компетенции взаимодействовал с должностными лицами и учреждениями, не состоящими с ним в административной зависимости. Например, в 1847 г. с начальником Сунженской линии [УЦГА АС КБР. Ф. И-8. Оп. 1. Д. 2. Л. 14] по вопросам решения споров на почве имущественных отношений [УЦГА АС КБР. Ф. И-8. Оп. 1. Д. 2. Л. 14]. Такое взаимодействие документировалось в основном в форме отношений.

В конце 30-х – первой половине 40-х гг. XIX в. Кабардинский временный суд и пристав Малой Кабарды был вовлечен в активное обсуждение вопросов о принятии мер предосторожности против вторжения Шамиля в Кабарду. В частности, пристав Малой Кабарды майор Анастасьев направлял в адрес начальника Центра Кавказской линии многочисленные рапорта по этой части, в которых оповещал о фактах принятия жителями подведомственной ему территории преступников под предлогом обычая гостеприимства [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп.

1. Д. 138. Л. 1 об.], предлагал принять конкретные меры по противодействию им, выражал мнения о количестве и оснащении вооруженных отрядов для ликвидации угроз их пребывания на вверенной ему территории и поимке преступников, направлял полученные от посылаемых им в Чечню лазутчиками сведения [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 39. Л. 40], сведения о намерениях групп сторонников Шамиля напасть на конкретные населенные пункты Малой Кабарды [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 39. Л. 55] и т.п. Позже преемник Анастасьева штабс-капитан Ильин направлял аналогичные рапорта о присутствии абреков на вверенной ему территории, посещении Малой Кабарды преступниками из других регионов и конкретных местах их размещения [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 138. Л. 9 об.]. Пристав ингушевских и карабулакских народов сотник Мистулов о неповиновении крестьян своим подвластным и неисполнении приказов пристава [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 138. Л. 3 об.]. Начальник Центра Кавказской линии в ответ на каждый рапорт предлагал исполнить конкретные предписания. Некоторые из получаемых сведений начальник Центра Кавказской линии направлял в штаб войск на Кавказской линии и Черномории.

В некоторых случаях на приставов налагалась обязанность о приведении в исполнение решений Кабардинского временного суда, если ответчики проживали на подведомственной им территории. В этом случае суд сообщал о принятом решении начальнику Центра Кавказской линии, а тот в свою очередь адресовал приставу соответствующее предписание, в котором приводилась суть дела (спора, конфликта) и содержались сведения о мере наказания. Например, 11 декабря 1845 г. было приставу Малой Кабарды было направлено предписание начальника Центра Кавказской линии, в котором говорилось о необходимости взыскать 130 руб. сер. в пользу князя Тлостаналиева с жителя Малой Кабарды Б. за похищенную его братом абреком У. лошадь [УЦГА АС КБР. Ф. И-23. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 1]. В свою очередь пристав по получении предписания направил для исполнения решения Кабардинского временного суда урядника [УЦГА АС КБР. Ф. И-23. Оп. 1 .Ед. хр. 1. Л. 2]. Сведения об исполнении решения суда и предписания начальника Центра Кавказской линии фиксировались в виде расписки ответчика и потерпевшего (истца), о чем пристав сообщал начальнику в соответствующем рапорте.

Одной из обязанностей пристава Малой Кабарды в 1848 г. была организация охраны Военно-Грузинской дороги от всяческих посягательств жителей подведомственных аулов. Например, в предписании начальника Малой Кабарды приставу Малой Кабарды от 1 апреля 1848 г. отмечалось: «препровождая при сем расписание о числе караулов, имеющих заняться в Малой Кабарде жителями подведомственных вам аулов, предписываю Вашему благородию согласно оного распорядиться немедленно назначить определенное из каждого аула число людей, отправить их на назначенные места и наблюсти, чтоб в каждом пункте находилось непременно полное число людей. В противном случае если кто из кабардинцев не явится в караул, то с него будет взыскано с штрафованием 1 быка…» [УЦГА АС КБР. Ф. И-8. Оп. 1. Д. 22. Л. 21–21 об.].

Большой объем работы малокабардинский пристав выполнял в области обеспечения и содействия расследованию преступлений. Чаще через его посредство

фигуранты уголовных дел приглашались для разбирательств в соответствующие инстанции. Например, в 1847 г. начальник Центра Кавказской линии направил предписание начальнику Малой Кабарды полковнику Эристову, в котором распорядился вызывать к нему трех местных жителей, уличенных в краже быка [УЦГА АС КБР. Ф. И-8. Оп. 1. Д. 32. Л. 2]. В свою очередь Эристов направил это предписание для непосредственного исполнения приставу Малой Кабарды хорунжему Тургиеву [УЦГА АС КБР. Ф. И-8. Оп. 1. Д. 32. Л. 2 об.]. В 1836 г. пристав Малой Кабарды Бекович-Черкасский участвовал в решении споров по вопросам конфискации имущества у жителей Малой Кабарды, выселенных за уголовные преступления [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 20]. Также приставы оказывали содействие в поимке бежавших из других регионов Кавказа правонарушителей. Например, пристав Малой Кабарды Анастасьев 24 мая 1841 г. рапортовал и.д. начальника Центра Кавказской линии о поимке жителя Чечни, подозреваемого в связях с Шамилем [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 99. Л. 3]. В апреле 1845 г. пристав Малой Кабарды капитан Диков направлял рапорта начальнику Центра Кавказской линии со сведениями о привлечении к ответственности жителей подведомственной ему территории за кражу лошадей [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 460. Л. 4], о розыске сына князя Мисостова [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 441. Л. 1] и др. В 1851–1852 гг. начальник ЦКЛ состоял в переписке с приставом Малой Кабарды сотником Тургиевым по вопросу о привлечении к ответственности холопа В. за убийство черкеса Г-ва [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 1143]. В решении этого вопроса пристав Малой Кабарды выступал в качестве лица, проводившего допросы участников разбирательства, отвечавшего за их доставление к местам разбирательства спора, оповещал начальника Центра Кавказской линии о ходе расследования по делу и т.п.

Пристав за свою работу получали жалование, их деятельность обеспечивал аппарат в составе (в некоторых случаях) помощника, письмоводителя и др. Так, например, в 1839 г. пристав Малой Кабарды получал жалование по чину за счет средств экстраординарной сумму по 100 руб. по предписанию корпусного командира, а, например, дигорский пристав – из экстраординарной суммы по 150 руб. [Административная интеграции… Т. II. Ч. III. 2024. С. 49].

Иногда в составе приставского управления работали штатные переводчики. В 1847 г. иерархия административных структур просматривается на основе анализа вопросов назначения переводчика в приставское управление Малой Кабарды [УЦГА АС КБР. Ф. И-8. Оп. 1. Д. 35. Л. 1]. Так, например, 30 июня 1847 г. управление начальника Малой Кабарды уведомило пристава Малой Кабарды поручика Тургиева о том, что к нему в переводчики был зачислен казак М., который обязан был находиться там постоянно по должности [УЦГА АС КБР. Ф. И-8. Оп. 1. Д. 35. Л. 1]. В отношении генерал-майора Филипсона генерал-майору Нестерову от 22 февраля 1847 г. сообщалось о том, что «штатом, составленном для магометанских народов при подведомственном Вашему Преосвященству приставе Малой Кабарды положено иметь штатного переводчика» [УЦГА АС КБР. Ф. И-8. Оп. 1. Д. 35. Л. 2]. Здесь же отмечалось, что в большинстве случаев переводчики при приставах назначались из числа казаков [УЦГА АС КБР. Ф. И-8. Оп. 1. Д. 35. Л. 2]. В надписи на предписании начальника Малой Кабарды

пристав Малой Кабарды Тургиев сообщал, что «переводчика при приставском моем управлении ныне не имеется совершенно ни их какого сословия, равно и прежде не имелось, а как в таковом указывает самая надобность…» [УЦГА АС КБР. Ф. И-8. Оп. 1. Д. 35. Л. 2 об.].

Кадровый состав малокабардинского приставства мог меняться в зависимости от необходимости. Решение принимало высшее военное начальство в регионе после определенных обсуждений. Например, в 1852–1853 гг. начальник Центра Кавказской линии вел переписку с приставом Малой Кабарды о назначении ему помощника [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 1287]. Назначение помощников приставов обсуждалось на уровне начальника Центра Кавказской линии на основании представления пристава. Как правило, на должности помощников приставов выдвигались офицеры российской армии, зарекомендовавшие себя на службе и имевшие опыт службы на Кавказе. Следует отметить, что просьбы от частных приставов о назначении им помощников в адрес начальника Центра Кавказской линии исходили часто. Например, в 1852 г. пристав балкарских и других горских народов в рапорте начальнику Центра Кавказской линии просил назначить ему двух помощников (от балкарского общества корнета М. Айдебулова и хуламского общества юнкера У. Шакманова) [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 1287. Л. 1–1 об.]. Основной мотив просьбы – скопление большого количество дел, в результате – замедление сроков их исполнения. Следует отметить, что начальник Центра Кавказской линии удовлетворил просьбу балкарского пристава [УЦГА АС КБР. Ф. И-22, оп. 1, д. 1287. Л. 2], причем в ответе не уточнялись никакие дополнительные условия их назначения помощниками (изменение штатной структуры пристава, оплата жалования работы помощников и источники финансового обеспечения их деятельности и т.п.). Примечательно, что в данном случае это были местные жители, представители своих обществ, состоявшие на российской военной службе и имевшие воинские звания и чины.

В середине 30-х гг. XIX в. частные приставы взаимодействовали с Центром Кавказской линии по вопросам розыска и возвращения к месту жительства невольников. Так, например, 19 марта 1836 г. пристав Малой Кабарды майор князь Бекович-Черкасский обратился к начальнику Центра Кавказской линии с просьбой о возращении невольника Карданова подвластного ему узденя Атажуко Абаева, который самовольно находился в Большой Кабарде в ауле князя Наурузова [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 16. Л. 2]. В качестве реакции на обращение начальник Центра Кавказской линии предписал Кабардинскому временному суду разыскать и возвратить невольника его владельцу [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 16. Л. 3]. Материалы дела показывают, что пристав Малой Кабарды и Кабардинский временный суд находились на одном уровне иерархии учреждений локального судебно-административного контроля, были наделены схожими полномочиями и выполняли аналогичные распоряжения надведомственного учреждения – управления Центра Кавказской линии. Отличия заключались лишь в территориальной подведомственности: к подведомственности Кабардинского временного суда относилось население Большой Кабарды; пристава Малой Кабарды, соответственно – население Малой Кабарды.

В 1851–1852 гг. начальник Центра Кавказской линии состоял в переписке с приставом Малой Кабарды сотником Тургиевым по вопросу о запрещении переселения холопа М-ва из аула князя Бековича-Черкасского [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 1139]. В деле содержится рапорт главного пристава чеченского народа майора Доможилова заведующему Левым флангом Кавказской линии [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 1139. Л. 1]. Командующий Левым флангом Кавказской линии решил вопросы с начальником Центра Кавказской линии посредством отношений, а основными исполнителями были подведомственные им приставы.

Кроме того, пристав сообщал начальнику Центра Кавказской линии о любых случаях природных катаклизмов, в особенности и тех, которые могли определенным образом повлиять на состояние и сбор урожая жителями подведомственной территории. Например, в 1855 г. пристав Малой Кабарды войсковой старшина Дыдымов рапортовал начальнику Центра Кавказской линии о нашествии саранчи на поля подведомственной ему территории и о гибели части урожая проса, мерах борьбы с саранчой (выжигание огнем), и о побочных эффектах (пострадавших хозяйствах от пожаров во время борьбы с ней) [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 1365. Т. 2. Л. 185].

Заключение

Таким образом, в период с 1830 по 1858 гг. на Кавказе существовала разветвленная система приставских управлений, подчиненных начальникам дистанций Кавказской линии. Эти учреждения функционировали на обширной территории, подведомственной начальникам Центра, Правого и Левого крыльев Кавказской линии. Их деятельность была направлена на управление коренным населением этой местности, включая абазин, карачаевцев, осетин, кабардинцев, балкарцев, чеченцев, ингушей и др. В этой системе приставство Малой Кабарды занимало важное место, а его пристав был наделен широким кругом полномочий. Их функционал включал содействие местным жителям в разрешении земельных споров, установление социального статуса населения, профилактику преступной деятельности и информирование начальства о финансовых поступлениях в общественную сумму и т.п. Пристав Малой Кабарды взаимодействовал как с вышестоящими (начальник Центра Кавказской линии), так и с другими должностными лицами и учреждениями (Кабардинский временный суд, начальник Сунженской линии и др.) для решения вопросов, выходящих за рамки его прямой административной подчиненности. Пристав отвечал за предотвращение вооруженных вторжений на подведомственную ему территорию (например, Шамиля), борьбу с преступностью (поимка абреков, беглых преступников), поддержание порядка и организацию охраны важных объектов (например, Военно-Грузинской дороги). Он участвовал в исполнении решений Кабардинского временного суда, взыскивал долги и штрафы, содействовал расследованию преступлений, допрашивал участников разбирательств и обеспечивал их доставку. А регулярно предоставлял рапорты начальнику Центра Кавказской линии о различных событиях, происшествиях, настроениях населения, природных катаклизмах и т.д. Деятельность пристава Малой Кабарды была строго регламентирована

предписаниями вышестоящего начальства (Начальника Центра Кавказской линии). Работа приставского управления обеспечивалась аппаратом, включавшим помощников, письмоводителей и переводчиков. Пристав получал жалование за свою службу. В целом, пристав Малой Кабарды был важным звеном в системе управления регионом, сочетавшим в себе административные, полицейские и судебные функции.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Абазов 2016 – *Абазов А.Х.* Народы Центрального Кавказа в судебной системе Российской империи в конце XVIII – начале XX в. – Нальчик: Общество с ограниченной ответственностью «Печатный двор», 2016. – 264 с.

Абазов 2023a – *Абазов А.Х.* Делопроизводственная практика Кабардинского временного суда: документальное измерение региональной интеграции народов Центрального Кавказа в 1822-1858 гг. // Новое прошлое. – 2023. – № 1. – С. 48-63.

Абазов 2023b – *Абазов А.Х.* Приставское управление балкарского народа в системе локального судебно-административного контроля на Центральном Кавказе в 1846-1858 годах // Научная мысль Кавказа. – 2023. – № 2(114). – С. 35-41.

Абазов, Нахушева 2020 – *Абазов А.Х., Нахушева И.Р.* Приставские управления на Северном Кавказе в последней трети XVIII – первой половине XIX века: эволюция деятельности // Научный диалог. – 2020. – № 8. – С. 287-300.

Административная интеграция… Т. II. Ч. III. 2024 – Административная интеграция народов Северо-Западного и Центрального Кавказа в состав Российской империи: Сборник документов и материалов. – 2-е переработанное и дополненное. – Нальчик: Кабардино-Балкарский научный центр, 2024. – 908 с.

Адыги 2022 – Адыги: Адыгейцы. Кабардинцы. Черкесы. Шапсуги. – Москва: "Наука", 2022. – 870 с.

Алхасова 2021 – *Алхасова Д.М.* Судебные полномочия начальника Центра кавказской линии в 30-50-е гг. XIX вв. // Электронный журнал «Кавказология». – 2021. – № 4. – С. 33-47.

Алхасова 2022 – *Алхасова Д.М.* Взаимодействие управления Центра Кавказской линии с региональными этноэлитами в 40-х годах XIX века // Научная мысль Кавказа. – 2022. – № 3 (111). – С. 67-73.

Алхасова 2023 – *Алхасова Д.М.* Порядок деконструкции военно-административного учреждения на примере упразднения Центра Кавказской линии в 1857 году // Научная мысль Кавказа. – 2023. – № 2(114). – С. 42-47.

Алхасова 2024 – *Алхасова Д.М.* Управление Центра Кавказской линии в административной системе и политической практике Российской империи в 30–50-е гг. XIX в.: Дис. канд. ист. н-к/ Нальчик, 2024. – 224 с.

Беппаев 2025 – *Беппаев А.Р.* Становление основ и методов управления народным капиталом на Центральном Кавказе в конце 1840-х годов (на примере малокабардинской общественной суммы) // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 1. – С. 15-26. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1-15-26.

Века 2017 – Века совместной истории: народы Кабардино-Балкарии в российском цивилизационном процессе (1557–1917 гг.). – Нальчик: Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского Научного центра Российской академии наук, 2017. – 544 с.

Казаков 2006 – *Казаков А.В.* Адыги (черкесы) на российской военной службе. Воеводы и офицеры (середина XVI – начало XX вв.): биографический справочник. – Нальчик Эльфа 2006. – 394 с.

Калмыков 2007 – *Калмыков Ж.А.* Интеграция Кабарды и Балкарии в общероссийскую систему управления (вторая половина XVIII – начало XX века). – Нальчик: Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 2007. – 232 с.

Кушхабиев, Журтова, Алхасова 2024 – *Кушхабиев А.В., Журтова А.А., Алхасова Д.М.* Проблемы политико-правовой интеграции Северного Кавказа в состав России в отражении делопроизводственной документации (по материалам опубликованных источников) // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 3. – С. 228-255.

Марзей 2021 – *Марзей И.Р.* Система приставских управлений на Северном Кавказе в 1769–1864 гг.: Дисс. канд. ист. н-к. – Нальчик, 2021. – 193 с.

Нахушева 2020 – *Нахушева И.Р.* Приставское управление в Кабарде в 1769-1858 гг.: динамика, полномочия, персоналии // Электронный журнал «Кавказология». – 2020. – № 3. – С. 60-78.

УЦГА АС КБР. Ф. И-16 – Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики. Ф. И-16 «Управление Центра Кавказской линии» (1845–1857 гг.).

УЦГА АС КБР. Ф. И-23 – Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики. Ф. И-23 «Кабардинский временный суд».

УЦГА АС КБР. Ф. И-8. – Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики. Ф. И-8 «Управление Малой Кабарды» (1845–1857 гг.).

REFERENCES

ABAZOV A.KH. *Narody Tsentral'nogo Kavkaza v sudebnoi sisteme Rossiiskoi imperii v kontse XVIII – nachale XX v.* [The peoples of the Central Caucasus in the judicial system of the Russian Empire in the late XVIII – early XX century]. – Nal'chik: Obshchestvo s ogranichennoi otvetstvennost'yu «Pechat-nyi dvor», 2016. – 264 p. (In Russ.).

ABAZOV A.KH. *Deloproizvodstvennaya praktika Kabardinskogo vremennogo suda: dokumental'noe izmerenie regional'noi integratsii narodov Tsentral'nogo Kavkaza v 1822-1858 gg.* [Clerical practice of the Kabardian Provisional Court: a documentary measurement of the regional integration of the peoples of the Central Caucasus in 1822-1858]. In: Novoe proshloe. – 2023. – № 1. – P. 48-63. (In Russ.).

ABAZOV A.KH. *Pristavskoe upravlenie balkarskogo naroda v sisteme lokal'nogo sudeb-no-administrativnogo kontrolya na Tsentral'nom Kavkaze v 1846-1858 godakh* [Bailiff administration of the Balkarian people in the system of local judicial and administrative control in the Central Caucasus in 1846-1858]. In: Nauchnaya mysl' Kavkaza. – 2023. – № 2(114). – P. 35-41. (In Russ.).

ABAZOV A.KH., NAKHUSHEVA I.R. *Pristavskie upravleniya na Severnom Kavkaze v poslednei treti XVIII – pervoi polovine XIX veka: evolyutsiya deyatel'nosti* [Bailiff offices in the North Caucasus in the last third of the XVIII – first half of the XIX century: the evolution of activity]. In: Nauchnyi dialog. – 2020. – № 8. – P. 287-300. (In Russ.).

Administrativnaya integratsiya narodov Severo-Zapadnogo i Tsentral'nogo Kavkaza v sostav Rossiiskoi imperii [Administrative integration of the peoples of the Northwestern and Central Caucasus into the Russian Empire]: Sbornik dokumentov i materialov. – 2-e pererabotannoe i do-polnennoe. – Nal'chik: Kabardino-Balkarskii nauchnyi tsentr, 2024. – 908 p. (In Russ.).

Adygi: Adygeitsy. Kabardintsy. Cherkesy. Shapsugi [Adygs: The Adygeans. Kabardians. Circassians. Shapsugi]. – Moskva: "Nauka", 2022. – 870 p. (In Russ.).

ALKHASOVA D.M. *Sudebnye polnomochiya nachal'nika Tsentra kavkazskoi linii v 30-50-e gg. XIX vv.* [Judicial powers of the head of the Center of the Caucasian line in the 30-50s of the 19th century]. In: Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya». – 2021. – № 4. – P. 33-47. (In Russ.).

ALKHASOVA D.M. *Vzaimodeistvie upravleniya Tsentra Kavkazskoi linii s regional'ny-mi etnoelitami v 40-kh godakh XIX veka* [Interaction of the administration of the Center of the Caucasian line with regional ethnic elites in the 40s of the XIX century]. In: Nauchnaya mysl' Kavkaza. – 2022. – № 3 (111). – P. 67-73. (In Russ.).

ALKHASOVA D.M. *Poryadok dekonstruktsii voenno-administrativnogo uchrezhdeniya na primere uprazdneniya Tsentra Kavkazskoi linii v 1857 godu* [The order of deconstruction of a military

administrative institution on the example of the abolition of the Center of the Caucasian Line in 1857]. In: Nauchnaya mysl' Kavkaza. – 2023. – № 2(114). – P. 42-47. (In Russ.).

ALKHASOVA D.M. *Upravlenie Tsentra Kavkazskoi linii v administrativnoi sisteme i politicheskoi praktike Rossiiskoi imperii v 30–50-e gg. XIX v.* [Management of the Center of the Caucasian Line in the Administrative System and Political Practice of the Russian Empire in the 1830s–1850s.]: Dis. kand. ist. n-k/ Nal'-chik, 2024. – 224 p. (In Russ.).

BEPPAEV A.R. *Stanovlenie osnov i metodov upravleniya narodnym kapitalom na Tsentral'nom Kavkaze v kontse 1840-kh godov (na primere malokabardinskoi obshchestvennoi summy)* [Formation of the Foundations and Methods of Managing Public Capital in the Central Caucasus in the Late 1840s (Based on the Example of the Malokabardian Public Fund)]. In: Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya». – 2025. – № 1. – P. 15-26. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1-15-26. (In Russ.).

Veka sovmestnoi istorii: narody Kabardino-Balkarii v rossiiskom tsivilizatsion-nom protsesse (1557–1917 gg.) [Centuries of Shared History: The Peoples of Kabardino-Balkaria in the Russian Civilizational Process (1557–1917)]. – Nal'chik: Institut gumanitarnykh issledovanii Kabardino-Balkarskogo Nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk, 2017. – 544 p. (In Russ.).

KAZAKOV A.V. *Adygi (cherkesy) na rossijskoj voennoj sluzhbe. Voevody i oficery (se-redina XVI – nachalo XX vv.): biograficheskij spravochnik* [Adygs (Circassians) in Russian Military Service. Voivodes and Officers (mid-16th – early 20th centuries): Biographical Handbook]. – Nal'chik Jel'fa 2006. – 394 p. (In Russ.).

KALMYKOV ZH.A. *Integratsiya Kabardy i Balkarii v obshcherossiiskuyu sistemu upravleniya (vtoraya polovina XVIII – nachalo XX veka)* [Integration of Kabarda and Balkaria into the All-Russian System of Governance (Second Half of the 18th Century – Early 20th Century)]. – Nal'chik: Respublikanskii poligrafkom-binat im. Revolyutsii 1905 g., 2007. – 232 p. (In Russ.).

KUSHKHABIEV A.V., ZHURTOVA A.A., ALKHASOVA D.M. *Problemy politiko-pravovoi integratsii Severnogo Kavkaza v sostav Rossii v otrazhenii deloproizvodstvennoi dokumentatsii (po materialam opublikovannykh istochnikov)* [Problems of political and legal integration of the North Caucasus into Russia as reflected in official documents (based on published sources)]. In: Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya». – 2024. – № 3. – P. 228-255. (In Russ.).

MARZEI I.R. *Sistema pristavskikh upravlenii na Severnom Kavkaze v 1769–1864 gg.* [The system of bailiff offices in the North Caucasus in 1769-1864]: Diss. kand. ist. n-k. – Nal'chik, 2021. – 193 p. (In Russ.).

NAKHUSHEVA I.R. *Pristavskoe upravlenie v Kabarde v 1769-1858 gg.: dinamika, polnomochiya, personalii* [The bailiff office in Kabarda in 1769-1858: dynamics, powers, and personalities]. In: Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya». – 2020. – № 3. – P. 60-78. (In Russ.).

Upravlenie Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva Arkhivnoi sluzhby Kabardino-Balkarskoi Respubliki. F. I-16 «Upravlenie Tsentra Kavkazskoi linii» (1845–1857 gg.) [Department of the Central State Archive of the Archival Service of the Kabardino-Balkarian Republic. F. I-16 "Department of the Center of the Caucasian Line" (1845-1857).]. (In Russ.).

Upravlenie Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva Arkhivnoi sluzhby Kabardino-Balkarskoi Respubliki. F. I-23 «Kabardinskii vremennyi sud» [Department of the Central State Archive of the Archival Service of the Kabardino-Balkarian Republic. F. I-23 "Kabardian Temporary Court".].(In Russ.).

Upravlenie Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva Arkhivnoi sluzhby Kabardino-Balkarskoi Respubliki. F. I-8 «Upravlenie Maloi Kabardy» (1845–1857 gg.) [Department of the Central State Archive of the Archival Service of the Kabardino-Balkarian Republic. F. I-8 "Department of Little Kabarda" (1845-1857)]. (In Russ.).

Информация об авторе

А.Р. Беппаев – аспирант Научно-образовательного центра.

Information about the author

A.R. Beppaev – postgraduate student at the Scientific and Educational Center.

Статья поступила в редакцию 09.04.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.06.2025 г.; принята к публикации 27.06.2025 г.

The article was submitted 09.04.2025; approved after reviewing 15.06.2025; accepted for publication 27.06.2025.

УДК 93/94(470.64)
Научная статья
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-2-26-36
EDN: BJTWBO

ИЗ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ ОРГАНОВ ОХРАНЫ ПРАВОПОРЯДКА НА ЦЕНТРАЛЬНОМ КАВКАЗЕ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА К ВОЕННО-НАРОДНОМУ УПРАВЛЕНИЮ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 60-Х ГОДОВ XIX ВЕКА

Инна Мухамедовна Дабагова
Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук, Нальчик, Россия, innadabagova@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена исследованию некоторых аспектов истории становления и развития системы органов охраны правопорядка на Центральном Кавказе в условиях перехода к военно-народному управлению в первой половине 60-х гг. XIX в. На основе анализа нормативно-правовых актов и делопроизводственных документов Центрального государственного архива Республики Северная Осетия – Алания рассмотрены одно из направлений реорганизации Терского конно-иррегулярного полка и туземной временной милиции в Терскую постоянную милиции. Обращается внимание, что для реализации этих преобразований временно применялись учредительные документы, регламентировавшие деятельность аналогичных структур в других регионах Кавказа. Подробно проанализировано принятое в 1860 г. положение «о Дагестанской постоянной милиции». Делается вывод, что в первой половине 60-х гг. XIX в. все эти мероприятия преследовали цели сокращения и реорганизации численности милиции, проведение структурных преобразований, установление регламентов службы и обеспечение взаимодействия административных структур.

Ключевые слова: Центральный Кавказ, Терская область, военно-народное управление, Терский конно-иррегулярный полк, Туземная временная милиция, Терская постоянная милиция

Для цитирования: Дабагова И.М. Из истории становления органов охраны правопорядка на Центральном Кавказе в условиях перехода к военно-народному управлению в первой половине 60-х годов XIX века // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 2. – С. 26-36. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-2-26-36. EDN: BJTWBO.

© Дабагова И.М., 2025

Original article

FROM THE HISTORY OF THE ESTABLISHMENT OF LAW ENFORCEMENT BODIES IN THE CENTRAL CAUCASUS IN THE CONDITIONS OF THE TRANSITION TO MILITARY-POPULAR GOVERNMENT IN THE FIRST HALF OF THE 1860S.

Inna M. Dabagova
Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, innadabagova@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the study of certain aspects of the history of the formation and development of the system of law enforcement agencies in the Central Caucasus in the context of the transition to military-people's administration in the first half of the 1860s. Based on the analysis of legal acts and business documents from the Central State Archive of the Republic of North Ossetia-Alania, the article examines one of the directions of the reorganization of the Terek Cavalry Irregular Regiment and the Terek Temporary Militia into the Terek Permanent Militia. It is noted that these transformations were temporarily implemented using the founding documents that regulated the activities of similar structures in other regions of the Caucasus. The article provides a detailed analysis of the 1860 Regulation on the Dagestan Permanent Militia. It concludes that in the first half of the 1860s, all these measures were aimed at reducing and reorganizing the militia, implementing structural changes, and establishing service regulations.

Keywords: Central Caucasus, Terek Region, Military-People's Administration, Terek Cavalry-Irregular Regiment, Terek Temporary Militia, Terek Permanent Militia

For citation: Dabagova I.M. From the history of the establishment of law enforcement bodies in the Central Caucasus in the conditions of the transition to military-popular government in the first half of the 1860s. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 2. – P. 26-36. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-2-26-36. EDN: BJTWBO.

© Dabagova I.M., 2025

Введение

В 1860 г. Кавказская линия была упразднена, и на территории Северо-Западного и Центрального Кавказа были сформированы Кубанская и Терская области. Каждая из них включала в себя округа и участки (в некоторых округах – наибства). С этого же времени военно-народное управление, помимо Дагестанской области, было введено в отношении местного мусульманского населения 5 округов Кубанской и 8 округов Терской областей, а также Сухумского и Артвинского отделов Кутаисской губернии (современная Абхазия) в Западном Закавказье [Бобровников 2015: 120]. Одновременно с учреждением административных и судебных органов начали формироваться и развиваться органы охраны правопорядка, которые комплектовались в том числе и представителями коренного населения. Так, 30 октября 1860 г. было утверждено «Положение о создании Терского Конно-иррегулярного полка» в Терской области, а 12 июня 1861 г. сам полк уже был сформирован [Ибрагимова 2007: 433]. Каждый военнослужащий полка приносил клятву верности, соответствующую его религиозным убеждениям. Одновременно в области из представителей коренного население была сформирована Туземная временная милиция в количестве 6 сотен. Спустя несколько лет, 29 января 1865 г. на основе Терского Конно-иррегулярного полка и Туземной временной милиции была создана Терская постоянная милиция. «Положение о Терской постоянной милиции» было утверждено императором Александром II 29 января 1865 г., которое несмотря на последующие изменения и дополнения [РГИА. Ф. 1268. Оп. 15. Ед. Хр. 94] действовало до 1913 г. Вместе с тем, этому преобразованию предшествовало долгое обсуждение на разных уровнях власти. При этом при разработке ряда документов учредительного характера (положений, инструкций и т.п.) в качестве примеров властям рекомендовалось обращаться к позитивному опыту соседних регионов. Например, для подготовки Положения «об управлению Терской областью», которая была поручена

командующему войсками Терской области генерал-майору Д.И. Святополк-Мирскому [Кобахидзе 2009: 197], в качестве примера предлагалось использовать аналогичный документ по управлению Дагестанской областью, так как, по мнению кавказского начальства, он полностью соответствовал «потребностям народа и видам нашего [российского] правительства» [АКАК. Т. XII: 1253]. Или же, Владикавказский областной суд предполагалось устроить по примеру областного суда в Дагестане [Кобахидзе 2009: 199]. В этом плане исследование особенностей применения аналогии права для проведения административных преобразований на Центральном Кавказе во второй половине XIX в. представляет собой определенный научный интерес. Анализ примеров применения аналогии права в указанный период позволяет выявить механизмы адаптации общероссийского нормативно-правового массива к местным условиям, а также оценить эффективность имплементации новых правовых норм в регионе с устоявшимися традициями и обычаями. Изучение архивных материалов, законодательных актов и судебных решений позволяет установить, что применение аналогии права было обусловлено необходимостью оперативного реагирования на возникающие административные проблемы в условиях правового вакуума или неполноты действующего законодательства. Кроме того, такое исследование дает возможность уточнить некоторые детали перехода Центрального Кавказа к военно-народному управлению в начале 60-х гг. XIX в. и изучить особенности становления и развития органов охраны правопорядка в регионе.

Вопросы становления и развития органов охраны правопорядка (в том числе и Терской постоянной милиции) в историографии народов Центрального Кавказа в начале 60-х гг. XIX в. затрагивались лишь фрагментарно. Некоторые проблемы эволюции здесь органов правопорядка затрагивались в работах З.Х. Ибрагимовой [Ибрагимова 2007], М.Г. Кулешина [Кулешин 2009], А.Х. Абазова [Абазов 2011; Абазов 2015; Абазов 2016], З.Р. Болиева [Болиев 2021], Т.К. Макоева [Макоев 2023], И.С. Пазова [Пазов 2024; Пазов 2025] и др. При этом такое исследование возможно с опорой на сохранившиеся источники. Исследование выстраивалось на нормативно-правовые акты (приказы руководителя Главного Штаба, положение «о Дагестанской постоянной милиции» (1860), Положение «о создании Терского Конно-иррегулярного полка» (1860), Положения «об управлению Терской областью» (1862), «Положение о Терской постоянной милиции» (1865)) и делопроизводственные материалы фонда 53 «Штаб войск Терской области» (опись 1) Центрального государственного архива Республики Северная Осетия – Алания. Анализ литературы и источников дает возможность уточнить некоторые детали становления и развития органов охраны правопорядка на Центральном Кавказе в условиях перехода к военно-народному управлению в начале 60-х гг. XIX в., в том числе и проанализировать некоторые формы применения аналогии права для реализации определенного этапа этих преобразований.

Результаты исследования

Преобразование системы охраны правопорядка в Терской области в начале 60-х гг. XIX в. было направлено на оптимизацию расходов, повышение эффективности и централизацию управления. На это был направлен целый комплекс

решения высших должностных лиц в регионе. Так, в отзыве начальника Главного штаба Кавказской линии командующему войсками Кубанской и Терской областей от 2 сентября 1860 г. сообщалось о том, что главнокомандующий войсками на Кавказе распорядился о внесении в смету на 1861 г. расчетов на содержание 8-ми сотен милиции вместо запрошенных 10-ти [ЦГА РСО-Алания. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1755. Л. 2]. При этом оговаривалось, что принимаемая мера была временной, и решение должно действовать до момента образования Терского конного иррегулярного полка [ЦГА РСО-Алания. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1755. Л. 2 об.]. Вместе с тем начальнику Терской области предлагалось выступить с предложением о замене функционировавшей в регионе временной милиции на постоянную [ЦГА РСО-Алания. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1755. Л. 3], а в качестве ориентира по аналогии нормативного акта воспользоваться правилами, принятыми в этом отношении в Дагестанской области. При этом предлагалось провести расчеты «с крайней точностью, в мере действительной необходимости без малейшего излишества, так чтобы положенное число милиционеров непременно состояло из числа лиц, как по положению следует, а не по произволу частных начальников» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1755. Л. 3].

Применение аналогии права при исследовании особенностей учреждения военно-народного управления на Центральном Кавказе в начале 60-х гг. XIX в. представляет собой сложную, но потенциально информативную исследовательскую задачу. В силу специфики исторического контекста, характеризующегося переходным периодом от традиционных форм самоуправления к имперской администрации, прямое применение действующего норм российской правовой системы представляется затруднительным. Следовательно, аналогия права может служить инструментом для выявления общих принципов и закономерностей, регулировавших общественные отношения в регионе. Так, 22 сентября 1860 г. из штаба войск Терской области в канцелярию по управлению горцами Терской области об ожидании приказа руководителя Главного Штаба об замене временной милиции на постоянную [ЦГА РСО-Алания. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1755. Л. 1–1 об.]. Это говорит о том, что вопрос о реорганизации милиции в регионе находился на стадии решения и зависел от указаний вышестоящего командования.

Для более глубокого осознания специфики рассматриваемого феномена необходимо проанализировать основные принципы, изложенные в анализируемом документе. Так, во временном положении о Дагестанской постоянной милиции от 1860 г. содержались основные принципы ее организации, которые предлагалось экстраполировать и на Терскую область в качестве временной меры. Постоянная милиции должна была создаваться для охраны общественного порядка и спокойствия в области из туземных жителей [ЦГА РСО-Алания. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1755. Л. 4]. Служба в милицейский сотнях, комплектование кадрами и финансовое обеспечение должны были возлагаться на само население и относиться к разряду общественных повинностей [ЦГА РСО-Алания. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1755. Л. 4–4 об.]. В качестве временной меры (на первые 3 года после образования) и в условиях финансовой несостоятельности местного населения первоначально предлагалась содержание постоянной милиции за счет казенных средств. В составе постоянной милиции должно было состоять определенное количество

конных сотен (в отношении Терской области их было утверждено 8). Сотни должны были состоять в распоряжении частных начальников по управлению народом (скорее всего, начальников округов). В их обязанности входила как отправление функций охранной стражи и полицейско-исполнительной силы, так и постовой и конвойной стражи [ЦГА РСО-Алания. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1755. Л. 6]. Кроме того, предусматривалась еще и служба пеших милиционеров, «которые состоят при конвойных сотнях, для содержания караулов и занятия наблюдательных постов в тех местах, где неудобно и нет надобности употреблять для этой службы конных людей» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1755. Л. 6]. Милиция должна комплектоваться на добровольных началах из поступающих на службу представителей местного населения. Зачисление на службу оформлялось приказом начальника области по представлению специального штаб-офицера – заведующего постоянной милицией в должности ее инспектора (высшее должностное лицо структуры). Инспектор избирался на должность из штаб-офицеров регулярных войск и утверждался на основании Высочайшего приказа [ЦГА РСО-Алания. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1755. Л. 7]. В этой структуре предусматривались должности адъютанта и казначея, которые также назначались из штаб-офицеров регулярных войск и утверждались Высочайшими приказами [ЦГА РСО-Алания. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1755. Л. 7]. Также в этой структуре предусматривались должности переводчика, писарей. Все штатные офицеры зачислялись на должности приказами главнокомандующего кавказской армией и выбирались преимущественно из представителей местного населения. Сотенные командиры назначались на должность приказами начальника области. Всем служащим постоянном милиции полагалось жалование.

Инспектор постоянной милиции должен был быть зачислен в армейскую кавалерию и носить установленную для офицеров кавалерии форму обмундирования [ЦГА РСО-Алания. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1755. Л. 8]. Для остальных милиционеров форма обмундирования не устанавливалась. При этом «для отличия от нижних чинов офицеры имеют на черкесках или плечевые погоны из серебряного галуна, или же белые серебряные эполеты, присвоенные всем вообще состоящим по милиции офицерам» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1755. Л. 10]. Все милиционеры обязаны иметь одежду и вооружение, а конные – еще и лошадей со сбруей в собственности и содержать их за собственный счет [ЦГА РСО-Алания. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1755. Л. 10 об.]. За потерянных при исполнении служебных обязанностей лошадей полагалась денежная компенсация от казны в установленном размере (42 руб. 90 коп. – за лошадей офицеров, 35 руб. – за лошадей нижних чинов). Милиционеры имели право получать медицинское обслуживание в казенных лазаретах наравне со служащими регулярных войск. Регламентировалось количество ружейных и пистолетных патронов. Средства на содержание постоянной милиции направлялись из Интендантства в распоряжение начальника области по запросу главнокомандующего войсками. Интендантство ежегодно направляло в областное правление шнуровую книгу для учета приходных и расходных операций. Главнокомандующий войсками направлял такую же книгу инспектору постоянной милиции. Временное положение устанавливало, порядок расходования казенных денежных средств на нужды постоянной милиции и порядок проверки шнуровых

учетных книг. Также положение регламентировало сроки службы, льготы, порядок получения пенсий по выслуге и единовременных пособий и ответственность милиционеров. Служба офицеров постоянной милиции приравнивалась по статусу к службе офицеров регулярных войск. В случаях участия милиционеров в военных действиях и перестрелках офицеры милиции могли быть представлены к наградам на основании общих правил, нижние чины – порядке награждения установленными Высочайше утвержденными 5 июля 1858 г. «правилами для наград азиатцев вообще» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1755. Л. 17].

Служащие в постоянной милиции по мере необходимости по распоряжению командующего войсками могли быть распределены в составе сотен или команд разной (большей или меньшей) численности по округам области для службы как при управлениях военных начальников, так и при округах [ЦГА РСО-Алания. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1755. Л. 20–20 об.].

Инспектор постоянной милиции не был наделен распорядительной властью в служебном отношении над милиционерами. Его функционал был ограничен деятельностью в отношении численности личного состава (избрание людей для комплектования милиции; представление их главнокомандующему войсками для зачисления в милицейские сотни; знакомство с бытом и служебным положением милиционеров; доведение до сведения начальства просьб и претензий нижних чинов и их сопровождение собственными мнением [ЦГА РСО-Алания. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1755. Л. 21–23]).

Делопроизводство в постоянной милиции возлагалось на управление инспектора и производилось на основании общих предписанных для письмоводства в войсках правил [ЦГА РСО-Алания. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1755. Л. 23 об.]. Устанавливалось, что инспектор по должности имел право вступать в переписку по служебным вопросам с командующим войсками и его штабом, с окружными военными начальниками, в распоряжении которых состояли милицейские части, и с командирами этих частей [ЦГА РСО-Алания. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1755. Л. 24 об.].

Инспектор был обязан ежемесячно представлять начальству рапорта о состоянии вверенной ему постоянной милиции [ЦГА РСО-Алания. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1755. Л. 24 об.] и отчеты со сведениями о прибыли и убыли чинов, местах их расположения. И ежегодно – кондуитные и формулярные списки офицеров его команды и ведомости о кавалерах наград [ЦГА РСО-Алания. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1755. Л. 24 об. – 25].

Штат постоянной милиции округа включал должности инспектора, его управления и милицейских сотен. В управлении инспектора служили адъютант милиции (в чине обер-офицера или ротмистра), казначей, переводчик и писари. В каждой милицейской сотне должны были состоять сотенный командир (в чине капитана или штабс-капитана), его помощник (в чине от прапорщика до штабс-капитана), юнкеры, урядники и всадники [ЦГА РСО-Алания. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1755. Л. 27–28].

Встречались и другие примеры адаптации уже действовавших нормативно-правовых актов под складывавшиеся реалии региона. Например, с преобразованием полицейских управлений России на основании Высочайше утвержденных 25 декабря 1862 г. временных правил Министерство внутренних дел

циркулярным предложением от 18 ноября 1863 г. в адрес губернаторов (в том числе и начальников областей) сообщало, что до введения новых правил делопроизводства в преобразованных полицейских управлениях сохранялся порядок, который практиковался в прежних земских судах [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 52. Д. 276. Л. 27]. Вместе с тем, в условиях преобразований начала 60-х гг. XIX в., в корне изменивших в том числе и характер деятельности полиции в стране, прежние формы делопроизводства утратили свое значение и стали существенно осложнять работу полицейских учреждений. В связи с этим Департамент полиции по делопроизводству при Министерстве внутренних дел распорядился о переходе с 1 января 1863 г. на соответствовавшие требованиям времени правила делопроизводства. Они предусматривали порядок делопроизводства в городских и уездных полицейских учреждениях и у исполнительных полицейских чиновников, обязанности исполнительных полицейских чиновников (становых, полицейских и участковых приставов, их помощников и полицейских надзирателей и т.п.) [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 52. Д. 276. Л. 27]. Правила предусматривали более оптимальные формы сбора и учета информации по текущей деятельности полицейского управления. Например, взамен докладного распорядительного (входящего) реестра вводился настольный журнал, отменялись входящие и исходящие журналы. Предполагалось, что в полицейских управлениях должны были вестись дежурная книга, настольный реестр, разносная книга, книга для записи почтовых повесток, книга для записи замечаний и выговоров, инвентарь имущества, метрические книги о раскольниках, книги на записку вещественных доказательств, описи делам и нарядам, книги по учету нижних чинов запаса, книги описания уездов, книги для записи заявлений, книги о лицах, состоявших под надзором полиции, книги для записи прихода и расхода гербовых марок, денежные книги, краткие алфавиты по розыскам, книги содержавшихся под стражей, книги для записи прихода и расхода кормовых денег, получаемых для арестованных при полиции, корешковые книги на выдачу отсрочек, различных свидетельств и паспортов, книги для прописки предъявляемых иностранных паспортов, книги для записки денежных долговых документов и на записку контрактов, договоров и доверенностей [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 52. Д. 276. Л. 27–30 об.] и т.п.

При это следует отметить, что становление органов правопорядка в регионе опирались и на некоторые другие нормативно-правовые акты. Их применение зависело от региональной специфики проводимых преобразований. Так, например, 1 ноября 1861 г. было высочайше утверждено Положение «об управлении слободками, образовавшимися при крепостях, укреплениях и штаб-квартирах разных частей войск Кавказской линии», в котором был регламентирован ряд полицейских функций слободских правлений [ЦГА РСО-Алания. Ф. 53. Оп. 52. Д. 155. Л. 34–40 об.]. В п. 21 положения отмечалось, что к обязанностям слободского правления относились полицейские и полицейско-судебные дела [ЦГА РСО-Алания. Ф. 53. Оп. 52. Д. 155. Л. 40 об.]. П. 22 устанавливал, «дела полицейские и полицейско-административные, ведомству слободского управления принадлежащие, суть те самые, кои на основании Общего учреждения властей и мест городских (Св. зак. Т. II, 1857 г.) принадлежат городской полиции» [ЦГА

РСО-Алания. Ф. 53. Оп. 52. Д. 155. Л. 40 об.]. П. 23 Положения устанавливал, что «кроме сего, по части полицейской, слободское правление может давать проживающим в ведомстве его для работ и промыслов мещанам и крестьянам отсрочки с тем: 1) чтобы сии отсрочки выдаваемы были лишь по плакатным паспортам сроком на 6 месяцев на гербовой бумаге в 90 коп. сер.; 2) чтобы в отсрочках было объясняемо, что по ним, кроме тех слобод, в коих они выданы, проживать нигде не дозволяется, и чтобы лица, воспользовавшиеся отсрочкою, если не получат к назначенному сроку паспорта, следовали в свои общества; 3) чтобы при выдаче отсрочек тотчас делались о сем надлежащие надписи на представленных плакатных паспортах, и затем паспорты сии возвращались бы предъявителям для отсылки куда следует к обмену на новые вида; 4) чтобы слободское управление, давая отсрочки лицам податных сословий, соблюдало бы в точности правила, изложенные в Уставе о паспортах…. 1857 г.» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 53. Оп. 52. Д. 155. Л. 40 об.]. В 1862 г. начальник Терской области в циркулярном предписании начальникам округов направил Положение с распоряжением о принятии ими его в работу. 23 февраля 1862 г. начальник Кабардинского округа рапортовал командующему войсками Терской области о том, что подведомственном ему округе «есть только один форштадт при Нальчикском укреплении, который на основании приказа по Кавказской армии от 28 декабря 1861 года за № 567 и должен быть обращен в слободку. Распоряжение об упреждении на Нальчикском форштадте слободки… [им] уже сделано и управление слободкой поручено здешнему воинскому начальнику подполковнику Занаревскому на точном основании правил, приложенных к вышеупомянутому приказу по Армии за 567» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 53. Оп. 52. Д. 155. Л. 9]. Получается, что административные структуры, обладая широкими полномочиями и доступом к информации, могли эффективно осуществлять сбор данных о потенциальных угрозах, проводить профилактические мероприятия и оперативно реагировать на нарушения. Однако, следует отметить, что данная форма полицейского надзора имела свои особенности. В отличие от функционировавших в то время органов охраны правопорядка, административные структуры не обладали специализированными кадрами и техническими средствами. Их деятельность в сфере обеспечения правопорядка носила, скорее, вспомогательный характер и была направлена на поддержание стабильности и предотвращение крупных беспорядков. Однако, этот аспект проблемы нуждается в дополнительном исследовании. Точно также в дополнительном исследовании нуждаются и вопросы, насколько сопоставимы в последующем были предлагаемые в качестве аналогии нормы положения «о Дагестанской постоянной милиции» (1860) с положением «о Терской постоянной милиции» (1865).

Заключение

Таким образом, еще раз подчеркнем, что в начале 60-х гг. XIX в. в Терской области проводились преобразования в системе охраны правопорядка, направленные на оптимизацию расходов, повышение эффективности и централизацию управления. В первой половине 60-х гг. XIX в. их цель преследовала сокращение и реорганизацию численности милиции, структурные преобразования,

установление регламентов службы и обеспечение взаимодействия административных структур. Примечательно, что эти преобразования проводились в том числе и с опорой на аналогию права. Для их реализации временно применялись учредительные документы, регламентировавшие деятельность аналогичных структур в других регионах Кавказа. Несмотря на это, реформы продолжались, и к концу 60-х гг. XIX в. в Терская область уже находилась на пути становления более централизованной и унифицированной системы охраны правопорядка. Терская постоянная милиция была реорганизована и приведена в соответствие с некоторыми общероссийскими стандартами. Преобразования 60-х гг. XIX в. заложили основу для дальнейшего развития правоохранительной системы в регионе и способствовали его интеграции в состав Российской империи.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Абазов 2011 – *Абазов А.Х.* Формирование многоуровневой судебной системы в Кабарде в конце XVIII – начале XX в.: этапы, особенности // Caucasica: Труды Института политических и социальных исследований Черноморско-Каспийского региона / Под редакцией В.А. Захарова. Том 1. – Москва: Русская панорама, 2011. – С. 93-108.

Абазов 2015 – *Абазов А.Х.* Горские словесные суды Терской и Кубанской областей в 1871-1918 гг. // История государства и права. – 2015. – № 23. – С. 58-63.

Абазов 2016 – *Абазов А.Х.* Народы Центрального Кавказа в судебной системе Российской империи в конце XVIII – начале XX в. – Нальчик: «Печатный двор», 2016. – 264 с.

АКАК – Акты Кавказской археографической комиссии.

Бобровников 2015 – *Бобровников В.О.* Юг России в проектах имперской интеграции: военно-народное управление на Кавказе (1860–1917) // Историко-культурное наследие Юга России: Научно-практическая конференция, Ставрополь, 09 февраля 2015 года. – Ставрополь: Книжный мир, 2015. – С. 114-139.

Болиев 2021 – *Болиев З.Р.* Полиция Северной Осетии. История и современность: 300-летию Полиции России посвящается. – Владикавказ: ИПП им. В.А. Гассиева, 2021. – 216 с.

Ибрагимова 2006 – *Ибрагимова З.Х.* Чеченцы в зеркале царской статистики (1860-1900). – М.: Пробел-2000, 2006. – 244 с.

Ибрагимова 2007 – *Ибрагимова З.Х.* Мир чеченцев. XIX век. – М.: Пробел-2000, 2007. – 1024 с.

Кобахидзе 2009 – *Кобахидзе Е.И.* Два документа об административных преобразованиях в Терской области // Известия СОИГСИ. – 2009. – № 3(42). – С. 197-199.

Кулешин 2009 – *Кулешин М.Г.* Горская милиция на страже порядка в Терской области во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2009. – № 1. – С. 90-94.

Макоев 2023 – *Макоев Т.К.* Правоохранительные органы Терской области как предшественники частей и подразделений Росгвардии (по материалам газеты «Терские ведомости») // Известия СОИГСИ. – 2023. – № 47(86). – С. 150-177.

Пазов 2024 – *Пазов И.С.* История становления органов общественного правопорядка в Кабарде и Балкарии (вторая половина XIX века – первая половина XIX века) // Право и управление. – 2024. – № 10. – С. 358-363.

Пазов 2025 – *Пазов И.С.* Административно-полицейский аппарат управления Кабарды и Балкарии во второй половине XIX – начале XX вв. // Образование и право. – 2025. – № 1. – С. 124-131.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

ЦГА РСО-Алания – Центральный государственный архив Республики Северная Осетия–Алания.

REFERENCES

ABAZOV A.KH. *Formirovanie mnogourovnevoi sudebnoi sistemy v Kabarde v kontse XVIII – nachale XX v.: etapy, osobennosti* [Formation of a multi–level judicial system in Kabarda at the end of the XVIII - beginning of the XX century: stages, features]. In: Caucasica: Trudy Instituta politicheskikh i sotsial'-nykh issledovanii Chernomorsko-Kaspiiskogo regiona / Pod redaktsiei V.A. Zakharova. Tom 1. – Moskva: Russkaya panorama, 2011. – P. 93-108. (In Russ.).

ABAZOV A.KH. *Gorskie slovesnye sudy Terskoi i Kubanskoi oblastei v 1871-1918 gg.* [The Mountain verbal courts of the Tersk and Kuban regions in 1871-1918]. In: Istoriya gosudarstva i prava. – 2015. – № 23. – P. 58-63. (In Russ.).

ABAZOV A.KH. *Narody Tsentral'nogo Kavkaza v sudebnoi sisteme Rossiiskoi imperii v kontse XVIII – nachale XX v.* [The peoples of the Central Caucasus in the judicial system of the Russian Empire at the end of the XVIII – beginning of the XX century]. – Nal'chik: «Pechatnyi dvor», 2016. – 264 p. (In Russ.).

Akty Kavkazskoi arkheograficheskoi komissii [Acts of the Caucasian Archaeographic Commission]. (In Russ.).

BOBROVNIKOV V.O. *Yug Rossii v proektakh imperskoi integratsii: voenno-narodnoe upravlenie na Kavkaze (1860–1917)* [The South of Russia in the Projects of Imperial Integration: Military and Popular Administration in the Caucasus (1860–1917)]. In: Istoriko-kul'turnoe nasledie Yuga Rossii: Nauchno-prakticheskaya konferentsiya, Stavropol', 09 fevralya 2015 goda. – Stavropol': Knizhnyi mir, 2015. – P. 114-139. (In Russ.).

BOLIEV Z.R. *Politsiya Severnoi Osetii. Istoriya i sovremennost': 300-letiyu Politsii Rossii posvyashchaetsya* [The police of North Ossetia. History and modernity: the 300th anniversary of the Russian Police is dedicated]. – Vladikavkaz: IPP im. V.A. Gassieva, 2021. – 216 p. (In Russ.).

IBRAGIMOVA Z.KH. *Chechentsy v zerkale tsarskoi statistiki (1860-1900)* [Chechens in the Mirror of Tsarist statistics (1860-1900)]. – M.: Probel-2000, 2006. – 244 p. (In Russ.).

IBRAGIMOVA Z.KH. *Mir chechentsev. XIX vek* [The World of the Chechens. 19th Century]. – M.: Probel-2000, 2007. – 1024 p. (In Russ.).

KOBAKHIDZE E.I. *Dva dokumenta ob administrativnykh preobrazovaniyakh v Terskoi oblasti* [Two Documents on Administrative Reforms in the Terek Region]. In: Izvestiya SOIGSI. – 2009. – № 3(42). – P. 197-199. (In Russ.).

KULESHIN M.G. *Gorskaya militsiya na strazhe poryadka v Terskoi oblasti vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.* [The mountain militia on guard of order in the Tersk region in the second half of the XIX – early XX century]. In: Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Is-toriya Rossii. – 2009. – № 1. – P. 90-94. (In Russ.).

MAKOEV T.K. *Pravookhranitel'nye organy Terskoi oblasti kak predshestvenniki cha-stei i podrazdelenii Rosgvardii (po materialam gazety «Terskie vedomosti»)* [The law enforcement agencies of the Tersk region as the forerunners of the units and divisions of the Russian Guard (based on the materials of the newspaper "Terskiye Vedomosti")]. In: Izvestiya SOIGSI. – 2023. – № 47(86). – P. 150-177. (In Russ.).

PAZOV I.S. *Administrativno-politseiskii apparat upravleniya Kabardy i Balkarii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv.* [The administrative and police administration of Kabarda and Balkaria in the second half of the 19th – early 20th centuries]. In: Obrazovanie i pravo. – 2025. – № 1. – P. 124-131. (In Russ.).

PAZOV I.S. *Istoriya stanovleniya organov obshchestvennogo pravoporyadka v Kabarde i Balkarii (vtoraya polovina XIX veka – pervaya polovina XIX veka)* [The history of the formation of public law enforcement agencies in Kabarda and Balkaria (the second half of the 19th century – the first half of the 19th century)]. In: Pravo i upravlenie. – 2024. – № 10. – P. 358-363. (In Russ.).

Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii akhiv [Russian State Historical Archive]. (In Russ.).

Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Severnaya Osetiya–Alaniya [Central State Archive of the Republic of North Ossetia–Alania]. (In Russ.).

Информация об авторе
И.М. Дабагова – соискатель Научно-образовательного центра.
Information about the author
I.M. Dabagova – the applicant at the Scientific and Educational Center.

Статья поступила в редакцию 09.04.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.06.2025 г.; принята к публикации 27.06.2025 г.
The article was submitted 09.04.2025; approved after reviewing 15.06.2025; accepted for publication 27.06.2025.

Научная статья
УДК 94
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-2-37-51
EDN: CMMQXU

ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНИЯ СИСТЕМОЙ ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. (НА ПРИМЕРЕ КАВКАЗСКОГО УЧЕБНОГО ОКРУГА)

Лаура Адамовна Урусмамбетова[1]
[1] Центр непрерывного повышения профессионального мастерства педагогических работников Минпросвещения КБР, Нальчик, Россия, layra_ya@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-5891-0571
[1] Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия

Аннотация. Статья посвящена выявлению особенностей управления системой образования в Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. на примере Кавказского учебного округа. В исследовании рассматривается процесс создания учебных округов, их структура, роль попечителей в организации учебного процесса на Кавказе. В ходе анализа рассмотрены направления трансформации нормативно-правовой базы, изменение реформ в Российской империи, подчеркивается важность взаимодействия между центральными властями и местными учреждениями для формирования эффективной образовательной системы. Новизна статьи выражается в реконструкции связи между нормативно-правовыми актами и реальными практиками управления учебными округами, а также систематизация и обобщение ранее разрозненные сведений о попечителях Кавказского учебного округа и их деятельности. Статья представляет собой попытку проследить эволюцию управленческих подходов в образовательной политике Российской империи на примере деятельности попечителей Кавказского учебного округа. Несмотря на ограниченный объём, анализ позволяет выявить общие тенденции и особенности функционирования системы образования в регионе, не претендуя на исчерпывающее освещение вклада каждого попечителя. Результаты анализа могут стать полезным материалом для дальнейших исследований в области истории образования и управления в историческом контексте.

Ключевые слова: Российская империя, система образования, учебные округа, Кавказский учебный округ, попечители, образовательная политика, централизованное управление, регионализация, XIX век, управление образованием, образовательные реформы.

Для цитирования: Урусмамбетова Л.А. Особенности управления системой образования в Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. (на примере Кавказского учебного округа) // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 2. – С. 37-51. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-2-37-51. EDN: CMMQXU.

© Урусмамбетова Л.А., 2025
Original article

FEATURES OF MANAGEMENT OF THE EDUCATION SYSTEM IN THE RUSSIAN EMPIRE IN THE SECOND HALF OF THE XIX – BEGINNING OF THE XX CENTURIES (ON THE EXAMPLE OF THE CAUCASUS EDUCATIONAL DISTRICT)

Laura A. Urusmambetova[1]

[1] Center for Continuous Improvement of Professional Skills of Teaching Staff of the Ministry of Education of the Kabardino-Balkarian Republic, Nalchik, Russia, layra_ya@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-5891-0571

[1] Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia

Abstract. The article identifies features of the education system management in the Russian Empire's Caucasian Educational District during the late 19th and early 20th centuries. The study examines the creation of educational districts, their structure, and the role of trustees in organizing the educational process in Caucasus. The analysis examines the directions of transformation of the regulatory framework, the directions of reforms in the Russian Empire, and emphasizes the importance of interaction between central authorities and local institutions for the formation of an effective educational system. The novelty of the article is the reconstruction of the relationship between regulatory legal acts and actual practices of managing educational districts, as well as the systematization and generalization of previously disparate information about the trustees of the Caucasian Educational District and their activities. The article is an attempt to trace the evolution of managerial approaches in the educational policy of the Russian Empire using the example of the activities of trustees in the Caucasian Educational District. Despite the limited scope, the analysis makes it possible to identify general trends and features of the functioning of the education system in the region, without pretending to provide exhaustive coverage of the contribution of each trustee. The results of the analysis can become useful material for further research in the field of history of education and management in a historical context.

Keywords: Russian Empire, education system, educational districts, Caucasian educational district, trustees, educational policy, centralized management, regionalization, 19th century, education management, educational reforms.

For citation: Urusmambetova L.A. Features of management of the education system in the Russian empire in the second half of the XIX – beginning of the XX centuries (on the example of the Caucasus educational district). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 2. – P. 37-51. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-2-37-51. EDN: CMMQXU.

© Urusmambetova L.A., 2025

Введение

Во второй половине XIX в. в Российской империи возникла настоятельная потребность в создании централизованной системы управления образованием, в связи с расширением ее территории. Поэтому были созданы учебные округа, которые стали важным элементом образовательной политики. Они обеспечивали эффективное распределение ресурсов, административное управление и организацию образовательного процесса в учебном округе.

Важной частью политики централизации управления системой образования во второй половине XIX в. стало создание Кавказского учебного округа, руководство которым осложнялось сложными межэтническими и культурными особенностями региона. Изучение эволюции учебных округов, вклада попечителей в развитие образовательной системы на Кавказе позволяет глубже понять динамику образовательных реформ в Российской империи. Такой подход содействует комплексному осмыслению влияния региональных особенностей на социальные и

культурные процессы в разных частях империи во второй половине XIX – начале XX вв. Опыт прошлого, учитывающий исторические, культурные и социальные факторы, может стать ценным ориентиром в контексте реформирования и совершенствования современного образовательного процесса.

Целью исследования является изучение особенностей управления образовательной политикой Российской империи на примере Кавказского учебного округа второй половине XIX – начала XX вв. Формулировка цели исследования позволяет выделить задачи статьи:

1. Проанализировать нормативно-правовую базу, регулирующую систему управления образованием в Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв.
2. Исследовать структуру управления отдельным учебным округом на примере Кавказского учебного округа.
3. Изучить деятельность попечителей Кавказского учебного округа и выделить их вклад в развитие системы образования на Кавказе во второй половине XIX – начале XX вв.

Материалы и методы. При написании статьи применены историко-аналитический, сравнительный, историко-социологический подходы, а также метод интерпретации и реконструкции. Применение документального метода позволило использовать архивные материалы, включая ранее не опубликованные документы. Анализ писем, официальных обращений и отчетов позволил получить достоверные данные, необходимые для всестороннего исследования темы.

Историографию по теме исследования можно разделить на 3 группы – дореволюционную, советскую и современную. Авторы, которые писали научные работы в дореволюционный период рассматривали организацию и управление Кавказского учебного округа в контексте образовательной политики Российской империи во второй половине XIX в. В работах М.В. Краснова [Краснов 1913], Б.Л. Модзалевского [Модзалевский 1880] показана роль системы учебных округов в реализации централизации управления. Исследователи показывали ведущую роль университетов и попечителей учебных округов в деятельности учебных округов.

В советской историографии освещение данных вопросов происходило через призму классовой борьбы и национального вопроса. В трудах Л.С. Гатаговой [Гатагова 1993], Т.Х. Кумыкова [Кумыков 1996] рассматривалась деятельность попечителей учебных округов как элементов царской администрации и громоздкой системы управления, которые замедляли процессы и препятствовали развитию образования. Так, Т.Х. Кумыков отмечал, что «на пути просвещения народа возникали серьезные трудности, вызванные экономической и культурной отсталостью населения, нежеланием царских властей поддержать инициативу народной интеллигенции и выделить на развитие школы необходимые материальные средства» [Кумыков 1996: 167]. Следовательно, в советской историографии деятельность попечителей учебных округов интерпретировалась преимущественно как проявление репрессивной и громоздкой бюрократической системы самодержавия. Такая оценка была типична для советского научного дискурса, стремившегося показать несовершенство и реакционность дореволюционного

государственного аппарата. Этот подход отображал лишь социальный контекст их деятельности и приводил к упрощённой трактовке исторических процессов, игнорируя функциональные и реформаторские аспекты деятельности царской администрации в сфере образования.

В современной историографии наблюдается более системный и комплексный подход к изучению темы. В научных исследованиях В.Р. Аветисян [Аветисян 2016], С.Д. Галиуллиной [Галиуллина 2012], Д.И. Герасимовой [Галиуллина, Герасимова 2012], И.Е. Кропоткиной [Крапоткина 2010], М.З. Саблирова [Саблиров 2001], А.Б. Созаева [Созаев 2010], И.В. Черказьяновой [Черказьянова 2007], О.И. Шафрановой [Шафранова 2013], Л.Р. Гауновой, А.А. Журтовой, П.А. Кузьминова и З.Х. Соблировой [Гаунова, Журтова, Кузьминов, Соблирова 2024], А.А. Черкасова [Черказьянова 2007], О.И. Шафрановой, М.С. Трофимова [Шафранова, Трофимов 2020], А.В. Политовой [Политова 2022] исследуются педагогические инициативы, управленческие практики, роль благотворительности в образовании и просвещении, а также влияние этнокультурной и региональной специфики на развитие и функционирование образовательной системы в различных историко-культурных контекстах. В современной научной литературе преобладает более сбалансированная оценка. Исследователи отмечают вклад царской администрации в формирование устойчивой системы народного образования. По наблюдению А.А. Черкасова, в условиях отсутствия развитой местной инфраструктуры, российские власти инициировали системное внедрение образовательных институтов, создавая «систему народного образования, что называется «с чистого листа» [Черкасов 2023: 470]. Современные публикации фокусируются главным образом на позитивных аспектах деятельности попечителей, подчеркивая их роль в развитии просвещения на Кавказе. Положительными фактами признаются их вклад в развитие сети образовательных учреждений, внедрение стандартов, издание методической литературы, распространение направлений модернизации образования. Как подчёркивают Л.Р. Гаунова и соавторы, деятельность Н.Ф. Рудольфа рассматривается ими как пример «подвижнической деятельности на благо народов Кавказа» [Гаунова 2024: 1454].

Анализ историографии свидетельствует о возросшем интересе исследователей к вопросам развития образования на Кавказе в имперский период. Вместе с тем отдельные аспекты, связанные с организацией и управлением деятельностью Кавказского учебного округа во второй половине XIX века, освещены неравномерно и могут быть уточнены в рамках дальнейших исследований, что подчёркивает целесообразность обращения к данной теме в рамках настоящего исследования.

Результаты

В XIX в. в связи с расширением территории Российской империи возникла необходимость в создании учебных округов. Первые учебные округа были созданы 24 января 1803 г., с этой целью издали указ «Об учреждении учебных округов, с назначением для каждого особых Губерний» [ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 27 (1802-1803). № 20: 598]. С течением времени количество округов увеличилось, при каждом из них формировался свой штат управления. В результате «за 80 лет

было сформировано 12 учебных округов» [Галиуллина, Герасимова 2012: 124]. Положение об учреждении Кавказского учебного округа было издано в 1848 г. Однако в условиях реформаторской дискуссии, характеризовавшейся противостоянием идей регионализации и централизации, после назначения на пост наместника Кавказа А.И. Барятинского, Кавказский учебный округ был упразднён. Вскоре его восстановили, это произошло в 1867 г. Во вновь принятом Положении об учебной части на Кавказе и за Кавказом были обозначены пункты о необходимости «полного сближения» с общим устройством «с допущением необходимых здесь по местным условиям особенностям»; привлечения «местных обществ и сословий к участвованию в содержании местных заведений», а также увеличения количества училищ [Отчет попечителя 1867: 3]. Допускалось изучение «туземных языков... только тем, до коих они суть природные» [там же]. Одновременно восстанавливалась должность попечителя [Саблиров 2001: 108-109]. В целом, процесс формирования учебных округов в Российской империи был завершен в 1885 г. созданием учебного округа в Западной Сибири, центром которого являлся Томск. Все 12 округов просуществовали до 1918 г., когда с приходом советской власти деление на учебные округа было упразднено.

Учебные округа создавались вокруг университетов, при которых были организованы училищные комитеты, в функции которых входило осуществление общего управления в округе. До 1835 г. профессорско-преподавательский состав университетов выполнял дополнительные функции инспекторов. Учебные заведения округов были связаны, таким образом, происходило формирование управленческой структуры системы образования.

С течением времени среди учебных округов, в зависимости от их географических, культурно-образовательных, национальных и иных факторов складывалась иерархия. В приоритете были те округа, в которых функционировали академические университеты – Московский, Петербургский, Казанский, Харьковский. В остальных округах, как правило, преобладало нерусское население, и управление округами осложнялась напряженными межэтническими отношениями. Так было в «Варшавском, Виленском, Рижском, Киевском», Кавказском и др. [Расписание перемен 2012: 272]. Сложным было управление также и в Западно-Сибирском округе, который характеризовался большой территорией и небольшим количеством административного аппарата, которые обслуживали ее. Учитывая факт того, что эту территорию заселяли выходцами из Западных губерний, и количество училищ там постоянно увеличивалось, становится понятным, что организация школьного дела в этих условиях представляла значительные трудности.

С принятием Положения об учебных округах и нового Устава российских императорских университетов 25 июня 1835 г. непосредственное управление учебными округами передали их попечителям. Данная мера усиливала административный надзор за благонадежностью учебных заведений и упрощала процедуру осуществления непосредственного управления системой образования.

Должности попечителей учебных округов были учреждены одновременно с самими округами, но их статус менялся. С самого начала они должны были следить за благоустройством училищ округа, распространением образования и

просвещения среди населения. После 1835 г. попечители получили практически неограниченную власть в осуществлении управленческих полномочий в учебном округе. Управленческий аппарат пополнялся должностью помощника попечителя, а сам попечитель должен был проживать на территории вверенного ему учебного округа. В функции попечителя входило не только управление, но и составление ежегодных отчетных документов по округу, который охватывал широкий круг вопросов о его развитии. Он должен был сам совершать ревизии, давать свое разрешение на открытие новых учебных заведений в округе, решать широкий круг хозяйственных вопросов. В архивных документах Управления центрального государственного архива архивной службы Кабардино-Балкарской Республики можно найти примеры реализации некоторых функций попечителя. Так, в 1914 г. жители селения Кармово обратились к попечителю Кавказского учебного округа с просьбой об «открытии Кармовского 2-го училища с назначением туда учителем Талиба Кашежева» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 933. Л. 41 об.]. В ответном письме из канцелярии Попечителя Кавказского учебного округа содержалось разъяснение, в котором открытие училища было одобрено, но кандидатура Кашежева была отклонена из-за «недостаточного образовательного ценза... и вследствие неблаговидных о нем сведений» [УЦГА АС КБР.Ф. И-6. Оп. 1. Д. 933. Л. 134]. При этом в резолюции попечителя Кавказского округа значилось, что «2-е Кармовское училище непременно должно быть открыто» [УЦГА АС КБР.Ф. И-6. Оп. 1. Д. 933. Л. 41 об.]. Исходя из содержания архивного документа становится понятно, что жители селения инициировали открытие училища, но кандидатура учителя, известного своими революционными взглядами и «демократическими убеждениями» была отклонена [Кумыков 1996: 167]. Следовательно, в компетенцию попечителя входило не только разрешение на открытие учебного заведения, но и одобрение педагогического состава.

Основные вопросы попечитель должен был решать совместно с новым совещательным органом – советом попечителя, в который могли входить ректор, инспектора, директора, помощники попечителя. Попечительский совет, играя важную роль в принятии управленческих решений, являлся весомым звеном управленческой цепочки. Поэтому его функционал постепенно расширялся. В принятом «Положении о советах при попечителях учебных округов» 20 марта 1860 г. расширялся его состав. В него стали входить директора гимназий, учительских институтов, реальных училищ, деканы факультетов и др.

С приходом к власти Александра III управленческий функционал попечителей еще более усиливался. Так, 27 января 1881 г. в проекте новых штатов для Управлений учебных округов закреплялся статус попечителя как начальника учебного округа, подчиненного Министерству народного просвещения [По проекту новых штатов... 1878: 2047-2123]. В 1884 г. был принят новый университетский устав, согласно которому «попечитель получил возможность назначать профессорско-преподавательский состав университета» и контролировать внутренний распорядок ВУЗов [Крапоткина 2010: 125]. Им осуществлялась «экспертиза учебно-методической литературы, рекомендация кандидатур к обучению на педагогических курсах, аттестация педагогических работников и государственных служащих в испытательном комитете» [Галиуллина 2012: 330].

Кавказский учебный округ с 1848 г. возглавлял В.Н. Семенов, которого через четыре года сменил А.П. Николаи. Упразднение округа привело к передаче его функций в «департамент общих дел Главного управления наместника Кавказа», а позже с «1864 по 1867 год учебная часть сосредотачивается в ведении главного инспектора учебных заведений на Кавказе» [Созаев 2010: 73]. Сложность управленческой работы на Кавказе была основана на том, что при выстраивании образовательного взаимодействия нужно было учитывать местные особенности, связанные с религиозностью населения, местными обычаями, разноязычным составом учащихся. Данные особенности необходимо было соотнести с нормативными требованиями. Это стало причиной того, что «в 1876 г. …учреждается новая дирекция – Терская» [Модзалевский1880: 80].

В целом, управление системой образования во второй половине XIX в. характеризовалось значительной сложностью и многоуровневостью, что обусловливало необходимость четкой координации между различными административными и образовательными структурами. Центральное руководство системой образования осуществлялось Министерством народного просвещения, которое делилось на соответствующие подразделения и было подотчетно Первому департаменту правительствующего Сената. Управление Кавказским учебным округом находилось «под юрисдикцией» попечителя Кавказского учебного округа, который в свою очередь являлся членом Совета Главного управления Закавказского края [Гатагова 1993: 43]. В состав управляющих лиц входили помощник попечителя, инспектор казенных училищ, архитектор, чиновник особых поручений и канцелярия. При попечителе также утверждался комитет для «пересмотра и начертания учебными руководствами», в функцию которого входило написание рекомендаций по отбор учебных пособий для использования их в учебном процессе. В округе был также и цензурный комитет. Целью его существования являлось наблюдение за органами печати и для предварительного осмотра содержания книг, привозимых из-за границы [ПСЗРИ. Т. 23. Ч. 2. № 22838: 100-116].

Управление системой образования в Российской империи основывалось на принципах «государственно-частного партнерства», об этом свидетельствует факт того, что в Положении об учебной части на Кавказе и за Кавказом была обозначена необходимость привлечения финансирования от обществ и частных лиц [Галиуллина, Герасимова 2012: 129]. Реализацией данной концепции является появление в структуре управленческого звена попечительских советов, которые имели совещательную функцию. Функции попечительских советов трансформировались от неофициальных благотворительных до уровня государственной службы. Помимо этого, в управленческой деятельности широко использовались механизмы привлечения дополнительного финансирования как от частных лиц, так и от обществ.

Примером того, как привлекались общественные деньги для нужд образования, в частности строительства помещений для училищ, являются материалы из архивных источников. Так, 28 ноября 1885 г. из дирекции народных училищ Терской области пришло письмо № 3520 от инспектора, адресованное начальнику Нальчикского округа, в котором озвучивались результаты ревизии училищ. В нем отмечалось, что «училища в станицах Александровской, Котляревской,

Прохладненской, Пришибской, Приближной, Павлодольской, Новопавловской, Подгорной и Курской пользуются помещениями неудобными в учебно-воспитательном отношении: тесные, темные или недостаточно светлые». Обозначив круг проблем, которые были выявлены в ходе ревизионной проверки, инспектор дал рекомендации Начальнику Нальчикского округа о том, что «нужно разъяснить обществам, их содержащим о необходимости устройства более удобных помещений. …Нужно побудить общества названных станиц выстроить дома для училищ по нормальному плану Министерства Народного Просвещения» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 91: 9 об.].

Таким образом, одним из главных элементов в структуре управления образованием учебных округов являлся попечитель. Занимая посредническую позицию между центральной властью и местными образовательными учреждениями, попечители учебных округов находились в сложном положении. В значительной степени успешная адаптация правительственного курса к условиям поликультурного региона, такого как Кавказ, зависела от личности попечителя и характера его управленческой деятельности. С 1867 г. по вновь принятому положению восстановили должность попечителя Кавказского учебного округа [Модзалевский 1880: 42]. В период с 1867 по 1916 гг. в Кавказском учебном округе последовательно сменились 4 попечителя, каждый из которых в той или иной степени оказал влияние на формирование и реализацию образовательной политики в регионе.

В 1867 г. попечителем Кавказского учебного округа был назначен Януарий Михайлович Неверов (1810-1893 гг.). В период его деятельности на посту попечителя был открыт первый «учительский институт на Кавказе» [Краснов 1913: 72]. Кроме этого, началось распространяться женское образование. К инновационным идеям того времени можно отнести то, что Неверов большое внимание в образовательном процессе уделял воспитательному компоненту, развитию нравственности детей. В условиях поликультурного Кавказа, народы которого не имели собственного алфавита, Неверов содействовал организации работы в данном направлении. Основные усилия в его деятельности направлялись на подготовку и «воспитание педагогов» [Аветисян 2016: 10]. Понимая, что отсутствие квалифицированных кадров учителей станет серьезным препятствием для распространения образования, Неверов последовательно инициировал меры, направленные на подготовку, профессиональное становление и материальное стимулирование учителей. Так, для сельских наставников были учреждены стипендии «для достижения лучших результатов в народном обучении» [Отчет попечителя 1867: 17]. При этом, в условиях многонационального и поликультурного Кавказа он продвигал идею о том, что педагог непременно должен владеть местными наречиями. Этот подход отражал стремление Неверова к созданию устойчивой и профессионально подготовленной учительской среды как необходимого условия успешной реализации образовательной политики в условиях Кавказского учебного округа.

Занимая различные управленческие должности в системе Кавказского учебного округа, включая пост инспектора, а впоследствии и попечителя, Януарий Михайлович Неверов на протяжении примерно пятнадцати лет принимал активное

участие в формировании и реализации образовательной политики в регионе. Он умело формировал кадровый состав, подбирая специалистов, которые становились его единомышленниками, их было «легко отличить в любой сфере педагогической, общественной и государственной деятельности» [Краснов 1913: 75].

Следующим попечителем Кавказского учебного округа был Кирилл Петрович Яновский (1822-1902). Ранее он работал преподавателем математики, был директором «Кишиневской гимназии, после чего занимал пост помощника попечителя Петербургского учебного округа» [Расписание перемен 2012: 282]. Получив приглашение от наместника Кавказа – князя Михаила Николаевича, Яновский приступил к анализу учебных дел на Кавказе. В первом же своем отчете Кирилл Петрович стал продвигать идею о необходимости организации на Кавказе «Горного института и факультета восточных языков, наподобие факультета в Петербургском университете» [Черказьянова 2007: 16]. В период пребывания А.И. Яновского на должности попечителя Кавказского учебного округа с 1878 по 1900 гг., наблюдалось заметное расширение сети учебных заведений. Для улучшения качества образовательного процесса Яновским была утверждена практика проведения методических семинаров и открытых уроков в целях обмена опытом. Такие уроки проводились «в присутствии всех преподающих в начальных училищах гор. Владикавказа...затем вырабатывается решение, обязательное к исполнению для всех принимавших участие в обсуждении урока» [Отчет попечителя 1884: 198]. Этот фрагмент свидетельствует о стремлении К.П. Яновского к системному повышению качества преподавания в учебных заведениях Кавказского учебного округа через внедрение элементов профессиональной педагогической рефлексии и методической подготовки. Кроме этого, расширился круг преподаваемых дисциплин. Например, в семинариях внедрили в учебную программу изучение основ сельского хозяйства. Усилилась работа по методическому сопровождению педагогов, издавалась методическая литература. Кирилл Петрович приложил определенные усилия для увеличения ассигнований школ в Кавказском учебном округе. В условиях, когда основное финансирование начальных школ осуществлялось за счёт местных обществ, Яновский подчёркивал нестабильность и зависимость этих средств от ряда внешних факторов. По словам самого Яновского, выделение средств на начальные школы «нередко зависело от случайного местного недорода, от того иного взгляда на школу низших, средних и высших чинов администрации, ... от личных счетов старосты или атамана станицы с учителем [Отчет попечителя 1898: 161].

Помимо прикладной деятельности, Яновский занимался разработкой научных трудов. Так, одной из его последних работ была рукопись «Обмен и постоянное движение материи, как условие мировой жизни вообще и в частности – жизни органической». При Яновском в Кавказском учебном округе проводился учет всей научной и методической литературы [Отчет попечителя 1884: 155-157]. Он представлен в Отчете попечителя Кавказского учебного округа. Перечень литературы содержал указатели, в числе которых значилось «Кавказоведение». Таким образом, деятельность попечителя способствовала развитию этнокультурного образования. Например, учителя Кавказского учебного округа принимали участие в сборе материалов о национальных детских играх, которые

собирал педагог Е.А. Покровский. Основной материал, который был издан в отдельной книге «Сборника материалов для исследования местностей и племен Кавказа» [Покровский 1895].

Завадский Михаил Ромуальдович был назначен на пост попечителя Кавказского учебного округа в 1901 г. Период его деятельности на этом посту совпал со сложными социально-экономическими обстоятельствами, обусловленные революционными событиями начала XX в. Учитывая политическую ситуацию, вопрос урегулирования хода учебного процесса являлся весомым, поэтому по указанию попечителя учебного округа в училищах собирали чаще, чем в прежние годы родительские собрания. На них педагогические советы вместе с родителями вырабатывали совместные решения, необходимые для школьной жизни. Такие встречи давали положительные результаты, потому что родители, погружаясь в школьные проблемы, охотнее помогали школе. Основными темами, которые рассматривались на собраниях были вопросы поведения, здоровья, санитарных условий, обсуждение внеклассных мероприятий. Завадский, понимая значимость данного направления деятельности для установления более прочной связи родителей со школой издал Положение «о родительских кружках при средних учебных заведениях г. Тифлиса» [Отчет попечителя 1905: 23]. На основании данного циркуляра в женских гимназиях Тифлиса состоялись встречи, повещённые организации родительских кружков, первые из которых начали свою работу уже в 1905 г.

Другим важным направлением деятельности Завадского являлось развитие библиотек и наполнение их учебно-методической литературой. Все типы училищ, в том числе начальные были укомплектованы библиотеками. В 1905 г. в библиотеках начальных училищ было 1489065 наименований различной литературы. Ежегодно на приобретение новинок литературы выделялось до 100 тыс. рублей. Каждое училище в обязательном порядке по предписанию должны были выписывать от 1 до 6 периодических изданий. В отчете попечителя за 1905 г. отмечалось, что лучшее состояние библиотек было в двухклассных казенных, земских и общественных училищах [Отчет попечителя 1905: 7].

Михаил Ромуальдович уделял особое внимание расширению сети образовательных учреждений, стремясь обеспечить равный доступ к образованию для всех слоев населения. В результате 5-летней деятельности Завадского на посту попечителя проводилась дальнейшая модернизация системы образования. Вводились более строгие стандарты, усиливались требования к профессионально подготовке учителей.

Следующим попечителем Кавказского учебного округа стал Николай Федорович Рудольф, который занимал данный пост с 1907 по 1916 гг. До своего назначения на Кавказ, Николай Федорович работал директором Александровского механико-технического удилища в Екатеринославле. После этого служил инспектором в одном из департаментов Министерства народного просвещения.

В период деятельности Рудольфа на посту попечителя Кавказского учебного округа ежегодно проводились ревизионные поездки по всему краю. Целью таких поездок являлся контроль, осмотр учебных заведений, создание новых типов училищ (технических, сельскохозяйственных, ремесленных), проведение

переговоров с местными властями и представителями городских, сельских и станичных обществ для получения финансирования. Ревизионные поездки могли длиться несколько месяцев. Но в результате попечитель получал достоверные сведения об учебных заведениях Кавказского учебного округа, посещал значимые мероприятия. Так, 13 июля 1911 г. он присутствовал при закладке первого камня здания Нальчикского реального училища. На торжественном событии он «зачитал памятку, в которой указывалось, что средства на постройку здания были даны кабардинским народом и горцами Пяти обществ Нальчикского округа» [Кумыков 1996: 243].

В период руководства Н.Ф. Рудольфа Кавказским учебным округом продолжилось активное развитие издательской деятельности, направленной на выпуск учебной и методической литературы. Значительное внимание он уделял популяризации и внедрению естественнонаучных дисциплин в учебный процесс учебных заведений округа. Отдавая предпочтение формированию практических навыков в процессе обучения, благодаря его инициативам в округе были открыты «классы по ручной лепке, корзиноплетению, резьбе по дереву» и др. [Гаунова 2024: 1455]. Кроме того, при его содействии получило дальнейшее развитие музейное дело в училищах, что способствовало укреплению наглядного и практико-ориентированного обучения. Также, необходимо отметить его вклад в развитие женского образования. Так «к 1909 г. на Северном Кавказе было 30 средних учебных заведений» [Шафранова 2013: 140]. В более широком масштабе, уже к 1914 году в пределах всего Кавказского учебного округа было открыто свыше 140 среднеобразовательных учреждений, «это и учительские институты, учительские семинарии, мужские и женские гимназии и прогимназии, а также реальные училища» [Черкасов 2023: 466-467]. Это свидетельствует о поступательной динамике в развитии системы образования округа в период деятельности Н.Ф. Рудольфа. В целом его деятельность отличалась стремлением к модернизации образовательного процесса и расширению его содержательного и материального потенциала в рамках Кавказского учебного округа.

Заключение

В результате проведенного исследования можно сформулировать ряд выводов. Анализ нормативно-правовой базы показал, что система учебных округов являлась ключевым звеном в управлении системой образования в Российской империи второй половины XIX в. Трансформация их деятельности была неотъемлемо связана с продолжающейся борьбой между тенденциями регионализации и централизации. В целом, система управления образованием посредством учебных округов смогла обеспечить как централизованное руководство, так и учет местных особенностей и потребностей.

Исследование структуры управления Кавказским учебным округом показало, что он был сформирован с учетом специфики региона. Это требовало применение гибкой управленческой политики. На каждом уровне управления системой образования значительную роль играли попечительские советы. При этом в систему финансирования деятельности училищ были включены общества и

частные лица, что свидетельствует о наличии элементов государственно-частного партнерства в системе управления Кавказского ученого округа.

В ходе исследования особенностей управления системой образования в Российской империи на примере Кавказского учебного округа выявлена сложная и многоаспектная роль попечителей как ключевых административных фигур. Они выполняли административные функции, отвечали за материальное обеспечение, распространение образования и др. Помимо этого, они занимались внедрением новых образовательных программ, ориентированных на местные условия и культурные особенности региона. При этом они были проводниками правительственного курса, поэтому нередко вызывали неоднозначное восприятие среди местного населения.

Сделанные выводы подчеркивают необходимость изучения управленческих практик в тесной связи с историко-культурными условиями региона. Это позволяет по-новому осмыслить механизмы взаимодействия центра и регионов в сфере образования и подтвердить значимость комплексного подхода к анализу исторических моделей образовательного управления.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Аветисян 2016 – *Аветисян В.Р.* Роль Я.М. Неверова в становлении института восточных языков (Лазаревского института) // Гуманитарные и юридические исследования. – 2016. № 3. – С. 8-13.

Высочайше утвержденное положение – Высочайше утвержденное положение о Кавказском учебном округе и учебных заведениях, оному подчиненных // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). – Т. 23. – Ч. 2. – № 22838. – 546 с.

Галиуллина 2012 – *Галиуллина С.Д.* Попечительство как форма государственной службы в Российской империи // Вестник ТГУ. – 2012. – № 9. – С. 327-332.

Галиуллина Герасимова 2012 – *Галиуллина С.Д., Герасимова Д.И.* Попечительство как система управления образовательными учреждениями (исторический аспект) // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. – 2012. – № 2. – С. 123-131.

Гатагова 1993 – *Гатагова Л.С.* Правительственная политика и народное образование на Кавказе в XIX в. – М.: РИЦ. Россия молодая, 1993. – 141 с.

Гаунова, Журтова, Кузьминов, Соблирова 2024 – *Гаунова Л.Р., Журтова А.А., Кузьминов П.А., Соблирова З.Х.* Н.Ф. Рудольф – организатор и попечитель народного образования на Кавказе // *Былые годы*. – 2024. – № 19 (3). – С. 1453–1461.

Крапоткина 2010 – *Крапоткина И.Е.* Административная деятельность попечителя учебного округа (из истории Казанского учебно-окружного центра) // Известия АлтГУ. – 2010. – № 4-3. – С. 123-133.

Краснов 1913 – *Краснов М.В.* Просветители Кавказа. – Ставрополь: [б.и.], 1913. – 102 с.

Кумыков 1996 – *Кумыков Т.Х.* Общественная мысль и просвещение адыгов и балкарокарачаевцев в XIX – начале XX в. – Нальчик: Эльбрус, 1996. – 329 с.

Модзалевский 1880 – *Модзалевский Л.Н.* Ход учебного дела в Кавказском крае с 1802 по 1880 год. Памятная книжка Кавказского учебного округа на 1880 год. – Тифлис, 1880. – Отд. I. – 96 с.

Отчет попечителя 1867 – Отчет попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений за 1867 год. – Тифлис, 1868. – 51 с.

Отчет попечителя 1885 – Отчет попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений округа за 1884 год. – Тифлис, 1885. – 580 с.

Отчет попечителя 1905 – Отчет попечителя 1905 – Отчет попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений округа за 1905 год. – Тифлис, 1906. – 169 с.

Отчет попечителя 1898 – Отчет попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений округа за 1897 год. – Тифлис, 1898. – 807 с.

По проекту новых штатов…1878 – По проекту новых штатов для Управлений учебных округов // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. – М., 1878. – Т. 7. – 2294 с.

Покровский 1895 – *Покровский Е.А.* Детские игры преимущественно русские (в связи с историей, этнографией, педагогией и гигиеной). Изд. 2-е, исп., доп. – М., 1895. Репринтное издание вышло в 1994 г. в Петербурге.

Политова 2022 – *Политова А.В.* Благотворительность в отечественном образовании, воспитании и просвещении в XIX – начале XX веков: на материалах Ставрополья и Терека: дисс. ... канд. ист. наук. – Ставрополь: ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», 2022. – 191 с.: ил.

ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи. – Собр. 1. – Т. 27 (1802-1803). – № 20. – 1122 с.

Расписание перемен 2012 – Расписание перемен очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи СССР (конец 1880-х – 1930-е годы). отв. ред. А.Н. Дмитриев. – Москва: Новое литературное обозрение, 2012. – 894 с.

Саблиров 2001 – *Саблиров М.З.* Культура народов Кабарды и Балкарии в конце XIX – начале XX в. – Нальчик: Эльбрус, 2001. – 46 с.

Созаев 2010 – *Созаев А.Б.* Кавказский учебный округ и его роль в развитии образования // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. – 2010. – № 1. – С. 71-75.

УЦГА АС КБР – Управление центрального государственного архива архивной службы Кабардино-Балкарской Республики.

Черказьянова 2007 – *Черказьянова И.В.* Яновский К.П. – просветитель и организатор народного образования на Кавказе // Наука. Инновации. Технологии. – 2007. – № 50. – С. 12-18.

Черкасов 2023 – *Черкасов А.А.* Кавказский учебный округ в последние годы имперского периода (1914–1917 гг.): некоторые результаты дореволюционной системы образования // Былые годы. – 2023. – № 18 (1). – С. 465–474.

Шафранова 2013 – *Шафранова О.И.* Женское среднее образование на Северном Кавказе во II половине XIX – начале XX в // Наука. Инновации. Технологии. – 2013. – № 3. – С. 130-143.

Шафранова, Трофимов 2020 – *Шафранова О.И., Трофимов М.С.* Имперская модель образовательной интеграции для национальных окраин: северокавказская школа во второй половине XIX – начале XX в. // Гуманитарные и юридические исследования. – 2020. – №3. – С. 109–119.

REFERENCES

AVETISYAN V.R. Rol' Ya.M. *Neverova v stanovlenii instituta vostochnykh yazykov (Lazarevskogo instituta)* [The role of Ya.M. Neverov in the formation of the Institute of Oriental Languages (Lazarev Institute)]. In: Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya. – 2016. № 3. – P. 8-13. (In Russ.).

Vysochaishe utverzhdennoe polozhenie o Kavkazskom uchebnom okruge i uchebnykh zavedeniyakh, onomu podchinennykh [The highly approved regulations on the Caucasian Educational District and the educational institutions subordinate to it]. In: Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii (PSZRI). – T. 23. – Ch. 2. – № 22838. – 546 p. (In Russ.).

GALIULLINA S.D. *Popechitel'stvo kak forma gosudarstvennoi sluzhby v Rossiiskoi imperii* [Guardianship as a form of public service in the Russian Empire]. In: Vestnik TGU. – 2012. – № 9. – P. 327-332. (In Russ.).

GALIULLINA S.D., GERASIMOVA D.I. *Popechitel'stvo kak sistema upravleniya obrazovatel'nymi uchrezhdeniyami (istoricheskii aspekt)* [Guardianship as a management system for educational institutions (historical aspect)]. In: Vestnik UGNTU. Nauka, obrazovanie, ekonomika. Seriya: Ekonomika. – 2012. – № 2. – P. 123-131. (In Russ.).

GATAGOVA L.S. *Pravitel'stvennaya politika i narodnoe obrazovanie na Kavkaze v XIX v.* [Government policy and public education in the Caucasus in the 19th century]. – M.: RITs. Rossiya molodaya, 1993. – 141 p. (In Russ.).

GAUNOVA L.R., ZHURTOVA A.A., KUZ'MINOV P.A., SOBLIROVA Z.KH. N.F. *Rudol'f – organi-zator i popechitel' narodnogo obrazovaniya na Kavkaze* [N.F. Rudolf – organizer and trustee of public education in the Caucasus]. In: Bylye gody. – 2024. – № 19 (3). – P. 1453–1461. (In Russ.).

KRAPOTKINA I.E. *Administrativnaya deyatel'nost' popechitelya uchebnogo okruga (iz is-torii Kazanskogo uchebno-okruzhnogo tsentra)* [Administrative activity of the trustee of the educational district (from the history of the Kazan Educational District Center)]. In: Izvestiya AltGU. – 2010. – № 4-3. – P. 123-133. (In Russ.).

KRASNOV M.V. *Prosvetiteli Kavkaza* [Enlighteners of the Caucasus]. – Stavropol': [b.i.], 1913. – 102 p. (In Russ.).

KUMYKOV T.KH. *Obshchestvennaya mysl' i prosveshchenie adygov i balkaro-karachaevtsev v XIX – nachale XX v.* [Public thought and education of the Adygs and Balkarian-Karachays in the 19th and early 20th centuries.]. – Nal'chik: El'brus, 1996. – 329 p. (In Russ.).

MODZALEVSKII L.N. *Khod uchebnogo dela v Kavkazskom krae s 1802 po 1880 god. Pamyatnaya knizhka Kavkazskogo uchebnogo okruga na 1880 god* [The course of education in the Caucasus region from 1802 to 1880. Commemorative book of the Caucasian Educational District for 1880]. – Tiflis, 1880. – Otd. I. – 96 p. (In Russ.).

Otchet popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga o sostoyanii uchebnykh zavedenii za 1867 god [Report of the Trustee of the Caucasian Educational District on the state of educational institutions for 1867]. – Tiflis, 1868. – 51 p. (In Russ.).

Otchet popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga o sostoyanii uchebnykh zavedenii okruga za 1884 god [The report of the trustee of the Caucasian Educational District on the state of educational institutions of the district for 1884]. – Tiflis, 1885. – 580 p. (In Russ.).

Otchet popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga o sostoyanii uchebnykh zavedenii okruga za 1905 god [Report of the trustee of the Caucasian Educational District on the state of educational institutions of the district for 1905]. – Tiflis, 1906. – 169 p. (In Russ.).

Otchet popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga o sostoyanii uchebnykh zavedenii okruga za 1897 god [The report of the trustee of the Caucasian Educational District on the state of educational institutions of the district for 1897]. – Tiflis, 1898. – 807 p. (In Russ.).

Po proektu novykh shtatov dlya Upravlenii uchebnykh okrugov [According to the draft of new staff for School District Administrations]. In: Sbornik postanovlenii po Ministerstvu narodnogo prosveshcheniya. – M., 1878. – T. 7. – 2294 p. (In Russ.).

POKROVSKII E.A. *Detskie igry preimushchestvenno russkie (v svyazi s istoriei, etno-grafiei, pedagogiei i gigienoi)* [Children's games are mostly Russian (in connection with history, ethnography, pedagogy and hygiene)]. Izd. 2-e, isp., dop. – M., 1895. Reprintnoe izdanie vyshlo v 1994 g. v Peterburge. (In Russ.).

POLITOVA A.V. *Blagotvoritel'nost' v otechestvennom obrazovanii, vospitanii i prosveshchenii v XIX – nachale XX vekov: na materialakh Stavropol'ya i Tereka* [Charity in Russian education, upbringing and enlightenment in the XIX – early XX centuries: based on the materials of Stavropol and Terek: diss]: diss. ... kand. ist. nauk. – Stavropol': FGAOU VO «Severo-Kavkazskii federal'nyi uni-versitet», 2022. – 191 p.: il. (In Russ.).

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. – Sobr. 1. – T. 27 (1802-1803). – № 20. – 1122 p. (In Russ.).

Raspisanie peremen ocherki istorii obrazovatel'noi i nauchnoi politiki v Rossiiskoi imperii SSSR (konets 1880-kh – 1930-e gody) [Timetable of Changes essays on the history of educational and scientific policy in the Russian Empire of the USSR (late 1880s – 1930s)]. otv. red. A.N. Dmitriev. – Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012. – 894 p. (In Russ.).

SABLIROV M.Z. *Kul'tura narodov Kabardy i Balkarii v kontse XIX – nachale XX v.* [Culture of the peoples of Kabarda and Balkaria in the late XIX – early XX century]. – Nal'chik: El'brus, 2001. – 46 p. (In Russ.).

SOZAEV A.B. *Kavkazskii uchebnyi okrug i ego rol' v razvitii obrazovaniya* [The Caucasian Educational District and its role in the development of education]. In: Intellek-tual'nyi potentsial XXI veka: stupeni poznaniya. – 2010. – № 1. – P. 71-75. (In Russ.).

Upravlenie tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva arkhivnoi sluzhby Kabardino-Balkarskoi Respubliki [Department of the Central State Archive of the Archival Service of the Kabardino-Balkarian Republic]. (In Russ.).

CHERKAZ'YANOVA I.V. *Yanovskii K.P. – prosvetitel' i organizator narodnogo obrazovaniya na Kavkaze* [K.P. Yanovsky – educator and organizer of public education in the Caucasus]. In: Nauka. Innovatsii. Tekhnologii. – 2007. – № 50. – P. 12-18. (In Russ.).

CHERKASOV A.A. *Kavkazskii uchebnyi okrug v poslednie gody imperskogo perioda (1914–1917 gg.): nekotorye rezul'taty dorevolyutsionnoi sistemy obrazovaniya* [The Caucasian Educational District in the last years of the Imperial Period (1914-1917): some results of the pre-revolutionary education system]. In: Bylye gody. – 2023. – № 18 (1). – P. 465–474. (In Russ.).

SHAFRANOVA O.I. *Zhenskoe srednee obrazovanie na Severnom Kavkaze vo II polovine XIX – nachale XX v.* [Women's secondary education in the North Caucasus in the second half of the 19th – early 20th century]. In: Nauka. Innovatsii. Tekhnologii. – 2013. – № 3. – P. 130-143. (In Russ.).

SHAFRANOVA O.I., TROFIMOV M.S. *Imperskaya model' obrazovatel'noi integratsii dlya natsional'nykh okrain: severokavkazskaya shkola vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.* [The Imperial model of educational integration for national suburbs: the North Caucasian school in the second half of the 19th – early 20th century.]. In: Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya. – 2020. – №3. – P. 109–119. (In Russ.).

Сведения об авторе:
Л.А. Урусмамбетова – кандидат педагогических наук
Information about the author
L.A. Urusmambetova – PhD (in Pedagogy)

Статья поступила в редакцию 08.04.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.06.2025 г.; принята к публикации 27.06.2025 г.

The article was submitted 08.04.2025; approved after reviewing 15.06.2025; accepted for publication 27.06.2025.

Научная статья
УДК: 94:329(470.621)“1922/1925”
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-2-52-62
EDN: DLHURY

Юрий Асланбиевич Яхутль
Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия, a075ca@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-6750-4110

ИЗ ИСТОРИИ ПАРТИЙНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В АДЫГЕЙСКОЙ (ЧЕРКЕССКОЙ) АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ В 1922–1925 ГОДАХ

Аннотация. В начале 1920-х в национальных образования Советской России происходила коренная трансформация общественных отношений, которая приобретала новое политическое звучание в контексте провозглашения их самостоятельности. Национальная политика большевиков обеспечивала им поддержку со стороны нацменьшинств, которые, в свою очередь, получали возможность приобрести статус самостоятельных субъектов – автономий или республик в составе РСФСР. Ключевым значением для новых автономных образований, в том числе Адыгейской (Черкесской) автономной области стало привлечение в партийные структуры представителей национальных меньшинств, которые должны были выступать главными проводниками политики РКП(б) в этнической среде. Но в Адыгее не было достаточного количества подготовленных кадров, поэтому главенствующие позиции в партийном аппарате заняли приезжие, командированные центральным аппаратом РКП(б). Они не имели реальных представлений о горском обществе, что во многом объясняет столь медленное партийное строительство в области. Первая половина 1920-х гг. стала начальным этапом формирования областного партаппарата и зарождения первичных партийных организаций в адыгских аулах. В этот период определяются основные направления внутрипартийной работы, организационного его оформления и социальная база РКП(б).

Ключевые слова: Адыгея, РКП(б), оргбюро, партия, партийное строительство, первичные организации, партийные кадры.

Для цитирования: Яхутль Ю.А. Из истории партийного строительства в Адыгейской (Черкесской) автономной области в 1922–1925 годах // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 2. – С. 52-62. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-2-52-62. EDN: DLHURY.

© Яхутль Ю.А., 2025

Original article

FROM THE HISTORY OF PARTY BUILDING IN THE ADYGHE (CIRCASSIAN) THE AUTONOMOUS REGION IN 1922–1925

Yuri A. Yakhutl
Kuban State University, Krasnodar, Russia, a075ca@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-6750-4110

Abstract. In the early 1920s, the national formations of Soviet Russia underwent a radical transformation of social relations, which acquired a new political meaning in the context of the proclamation of their independence. The national policy of the Bolsheviks provided them with support from national minorities, who, in turn, were given the opportunity to acquire the status of independent subjects – autonomies or republics within the RSFSR. The key importance for the new autonomous entities, including the Adyghe (Circassian) Autonomous Region, was the involvement of representatives of national minorities in the party structures, who were supposed to act as the main agents of the policy of the RCP (b) in the ethnic environment. But there were not enough trained personnel in Adygea, so the dominant positions in the party apparatus were occupied by newcomers sent by the central office of the RCP(b). They had no real understanding of the mountain society, which largely explains the slow party building in the region. The first half of the 1920 s was the initial stage of the formation of the regional party apparatus and the emergence of primary party organizations in the Adyghe villages. During this period, the main directions of internal party work, its organizational design and the social base of the RCP (b) were determined.

Keywords: Adygea, RCP(b), organizational bureau, party, party building, primary organizations, party cadres.

For citation: Yakhutl Y.A. From the history of party building in the Adyghe (Circassian) Autonomous Region in 1922–1925. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 2. – P. 52-62. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-2-52-62. EDN: DLHURY.

© Yakhutl Y.A., 2025

Введение

Руководящей силой государственного строительства в Советской России после завершения Гражданской войны выступила Российская коммунистическая партия большевиков (РКП(б)). Большевики объявили отказ и разрыв с прежней политической традицией. Вдохновителем и сторонником формирования новой жёсткой исполнительной вертикали власти выступил лидер партии В.И. Ленин. Так социал-демократы, представлявшие нелегальную организацию профессионалов-революционеров за четверть века, трансформировались в ведущую политическую силу, ставшая привлекательной для активной части населения Советской России.

Современная российская историческая наука не проявляет явно выраженного интерес к РСДРП–РКП(б)–ВКП(б)–КПСС, как это было в период существования СССР [Тютюкин 1998; 56]. Исследователи обращаются к общей концепции развития советской системы и роли партии в её формировании, и как правило, критике лидеров партии [Латышев 1996; Крестьяне и власть… 1996: История политических партий России… 1994; Павлюченков 2008]. История РСДРП – РКП(б) – ВКП(б) – КПСС рассматривается не как история правящей политической партии, а как явление большевизма [Булдаков 2016]. В оценке большевизма можно отметить два сформировавшихся направлений: либеральное, ставшее традиционным в российской исторической науке и второе, которое рассматривает его как сильное идейно-политическое движение [История Коммунистической партии Советского Союза… 2013; Хлевнюк 2017]. На региональном уровне по истории Адыгейской областной партийной организации, о её деятельности в начале 1920- гг. опубликовано незначительное количество научных работ [Кубов 1967; Бузаров, Бабичева, Мекулов 1987; Шеуджен, Тхакушинов 2007]. Это

обусловлено ограниченными архивными источниками разного вида. Поэтому изучение истории партийного строительства в Адыгейской автономной области в период её организационного оформления и выявления особенностей этого процесса представляет определённый научный интерес. Кроме того, исследование партийного строительства на региональном уровне необходимо для понимания принципиальной линии РКП(б) в вопросах управления, что позволяют выявить общую стратегию проведения внутренней политики и формирования управленческих функций партии на местах.

Исследование проблемы партийного строительства в национальной автономии осуществлено на основе принципов объективности, историзма и системного подхода. Это позволило учесть существующие точки зрения по проблемам партийного строительства в национальном образовании и изучить основные этапы его развития в первые годы советской власти. При подготовке исследования использован историко-генетический метод, позволивший определить основные принципы деятельности большевиков при формировании социальной базы РКП(б) и её первичных организаций в национальной автономии.

Источниковую основу исследования составили документы Национального архива Республики Адыгея – фонд Адыгейской областной партийной организации. Он представлен документами Адыгейского оргбюро РКП(б), а именно материалами заседаний оргбюро и пленумов. В них содержится информация о деятельности оргборо, первичных организациях РКП(б), а также политическом и социально-экономическом положении области и планах развития. Эти документы обладают рядом особенностей, обусловленные ограниченностью информации, связанные с порядком их формирования – в основном протоколы, в которых отсутствует содержательная информация по обсуждаемым вопросам. Кроме того, часть из них была утеряна в период временной оккупации региона в годы Великой Отечественной войны.

Цель исследования – изучить процесс формирования структур РКП(б) в Адыгейской автономной области в первой половине 1920-х гг., происходивший одновременно с учреждением институтов государственной власти автономии. Хронологически он охватывает период с 23 сентября 1922 г., когда было учреждено Адыгейское областное оргбюро РКП(б) до первой областной партийной конференции, завершившаяся организационным оформлением и избранием членов областного комитет РКП(б) в ноябре 1925 г.

Для объективной оценки процесса партийного строительства в Адыгейской (Черкесской) атомной области необходимо отметить один существенный факт. Попытка большевиков разделить адыгское общество по основным классовым признакам с политической точки зрения не имела перспектив, так как дифференциация по имущественному признаку была относительно слаба. В адыгском ауле сохранялись общинные представления и ценности, поэтому объективно большевики сталкивались с властью «стариков и мулл» в ходе практического строительства партийных структур на низовом уровне.

Организационно-политическое оформление Адыгейской областной партийной организации в 1922–1925 гг.

Реформа партийных органов большевиков проходила постоянно, формируя контроль РКП(б) над органами государственного управления Советской России. Так, в марте 1919 г. было учреждено Политбюро и Оргбюро ЦК, а затем и бюро региональных партийных комитетов. Это было сделано с целью организации непрерывного партийного руководства над экономическими, социально-политическими процессами в регионах между пленумами и конференциями. Учреждение бюро регионального комитета партии было закреплено новым Уставом, принятым XII Всероссийской партконференцией в августе 1922 г.

Координация деятельности, формирующихся партийных организации на Северном Кавказе, была возложена на Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б), которое ЦК партии учредил 27 февраля 1921 г. путём раздела Кавказского бюро ЦК. Это решение было обусловлено изменениями на юге Советской России, расширением политического контроля над Закавказскими республиками. Такую территорию сложно контролировать, и реорганизация существовавшего партийного органа была обусловлена объективными причинами. Регион переживал сложные времена, связанные с последствиями Гражданской войны: экономический кризис в сельском хозяйстве, рост недовольства населения реализуемой внутренней политики большевиков, наличие нерешённых межнациональных и земельных вопросов. Первым руководителем Юго-Восточного бюро ЦК был назначен А.Г. Белобородов. Одним из важнейших направлений работы Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) было укрепление местных партийных организаций и органов государственной власти. Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) исходило в своих действиях из принципов сплочения всех народов, обеспечения их равного представительства в органах управления. Важной задачей ЮВБ ЦК являлся контроль над формированием автономных республик и областей, определением их полномочий и границ [Баранов: 91–92]. Принципиальное значение для партийных органов имели подбор и расстановка ответственных работников.

Начало партийного и советского строительства в регионе было сложным и встречало достаточное серьёзное сопротивление со стороны сельского населения, которое составляло большинство в РСФСР и в национальных образованиях Северного Кавказа. В Кубано-Черноморской области адыги компактно проживали в Екатеринодарском, Баталпашинском, Майкопском, Туапсинском, общая численность которых составляла менее 50 тыс. чел. После решения Президиума ВЦИК РСФСР 27 июля 1922 г. об образовании Черкесской (Адыгейской) автономной области в составе Псекупского, Ширванского, Фарсского округов возникли вопросы относительно формирования управленческого аппарата новых органов власти [НАРА. Ф. Р-419. Оп. 1 Д. 6. Л. 17]. До созыва Черкесского (Адыгейского) областного съезда Советов властные полномочия принадлежали Горскому исполкому, который испытывал трудности с подбором национальных кадров. Следует отметить, что одним из аргументов против образования автономии адыгов со стороны руководства Кубани и Черноморья было не только отсутствие развитой экономики, но подготовленных национальных кадров [НАРА. Ф. Р-419. Оп. 1 Д. 6. Л. 11].

События Великой Российской революции вывели на авансцену Кубани и Черноморья политических деятелей из числа коренного населения. В октябре состоялись выборы в Кубанскую законодательную Раду, а 1 ноября 1917 г. она начала свою работу. В состав Кубанской Законодательной Рады вошли 6 адыгов: Султан-Шихам-Гирей, Батир Малахов, Касполет Улагай, Гамид Трахов, Султан Крым-Гирей, Крым-Гирей Шеретлуков [Емтыль (Калашаова): 89][1]. Однако их число было ограничено, и они не обладали опытом политической и тем белее государственной деятельности. В свою очередь, 1 (14) февраля 1918 г. в г. Армавире состоялся I съезд Советов Кубанской области, обсудивший текущие вопросы, в том числе организацию советской власти и земельные отношения. Активным участником съезда был М.Х. Шовгенов, один из первых горцев-коммунистов, которого назначили Народным Комиссаром по национальным вопросам в правительстве Кубанской Советской республики, но в ходе Гражданской войны он погиб. Таким образом к моменту организационно-правового оформления автономии адыгов наиболее известными оставались Ш. Хакурате, М. Гатагогу, С. Сиюхов, С. Заема и К. Мишуриев.

После образования автономии было учреждено Организационное бюро РКП(б) Адыгейской автономной области и 23 сентября 1922 г его возглавил Казимир Исаквоич Голодович (23.09.1922 г. по 07.06.1923 г.) [Шеуджен, Тхакушинов: 25]. Спектр проблем, который необходимо было решить областной партийной организации оказался чрезвычайно широк – это политпросветительская деятельность среди населения, советское строительство, антирелигиозная работа, взаимодействие с беспартийным активом и женщинами, формирование национальных кадров. Но партийный актив бы крайне малочислен, основу которого составляли русские функционеры, бывшие красноармейцы, прибывшие из других регионов. Они не знали местных особенностей, истории региона, не обладали достаточным опытом, чтобы организовать работу низовых партийных структур в национальном регионе. С учётом уровня развития адыгского общества, в котором особое место занимало духовенство, деятельность малочисленных партийных групп на местах была малоэффективной и в большей мере безрезультативной. Партия большевиков в начале 1920-х гг. не пользовалась ещё авторитетом среди горцев, о чем свидетельствовал состав областной партийной организации. Руководство области признавало не только наличие дефицита национальных кадров, но и в целом недостаточный уровень подготовки действующих функционеров. Поэтому большое значение придавалось работе среди беспартийного национального актива, который становился основным источником пополнения и развития партийной сети на местах.

По сведениям Я.Н. Раенко-Туранского в областной партийной организации в конце 1922 гг. состояло на учёте 135 членов партии, из которых 6 черкесов [Раенко-Туранский: 76].

Отсутствие кой-либо существенной промышленной базы в автономии не могло не сказываться на численном и социальном составе областной партийной

[1] Емтыль (Калашаова) З.Я. Жернова истории. Социально-политическая история адыгов конца XIX в. – 20-е гг. XX в. в очерках и документах. – Краснодар: Дом–Юг, 2016. – С. 89.

организации. Основанная деятельность первичных организаций была сосредоточена на решении вопросов налогообложения и землеустройства. Серьёзное влияние на работу ячеек оказывало духовенство, чей авторитет по-прежнему сохранялся в адыгском обществе. Поэтому руководство областного комитета РКП(б) постоянно обращало внимание местных партийных работников на необходимость организации антирелигиозной пропаганды и расширения социальной базы партии.

Организационный период для областного оргбюро РКП(б) продлился шесть месяцев с сентября 1922 г. по март 1923 г. Первое заседание оргбюро состоялось 22 сентября 1922 г., на котором присутствовали Голодович, Хакурате, Иваницкий, Заем и Гатагогу [НАРА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3. Л. 1].

На первом пленуме Адыгейского обкома РКП(б), проходившем с 6 по 10 марта 1923 г. рассмотрели 11 вопросов. Одним из решений было создание сети политических кружков среди различных социальных слоёв адыгского аула. Предлагалось особое внимание уделить молодёжи и женщинам. Ставилась задача «вербовать» в партию «выдержанных товарищей-черкесов» [НАРА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 21а. Л. 1]. С момента создания областного оргбюро постоянно шёл поиск наиболее оптимальной структуры регионального партийного аппарата и подбора кадров из числа адыгов.

К лету 1923 г. структура областной партийная организация большевиков представляла собой 25 первичных организаций, в том числе в Шерванском округе – 13, в Фарском – 6, а в Псекупском округе и в г. Краснодаре по 3 ячейки. На партийном учёте состояло 236 чел., из них членов РКП(б) – 160 чел., кандидатов в члены партии – 76 чел., в том числе русских 209 чел. (с учётом кандидатов члены партии), адыгов – 17 чел, поляков – 2, татар – 1 чел., эстонцев – 1 чел., армян – 2 чел., малороссов – 2 чел. и прочих национальностей – 2 чел. Большинство членов партии были представлены хлеборобами – 91 чел. и служащими – 83 чел. [НАРА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 22. Л. 3]. Самая малочисленная первичная организация с. Штурбина в своих рядах насчитывала 5 чел. Одной из лучших организаций считалась ячейка коммуны «Свободный труд».

Деятельность оргбюро была сосредоточена на выстраивании работы первичных организаций в округах и проведении выборных кампаний в сельские Советы, где первичным партийным организациям отводилась ведущая роль. Так, одно из первых областных совещаний секретарей партячеек провели в сентябре 1923 г., на котором обсуждали содержание предстоящих выборов в Советы.

Первая областная партийная конференция начала свою работу 12 ноября 1925 г. Повестка дня конференции была традиционной, состоящая из отчётов и выборов в руководящие органы областной организации. В отчётном докладе секретаря Л.П. Глазова (07.06.1923–12.12.1926 гг.) были отмечены недостатки в сборе продналога и землеустроительных мероприятиях. Проблемы экономического роста во многом объяснялись отсутствием достаточных бюджетных средств, выступавшие главным источником восстановления сельского хозяйства. Так, областной бюджет, составленный на 2,5 млн р. был сокращён краевым руководством до 1,2 млн р.

Следует обратить внимание на два факта в работе первой областной конференции. Обращает на себя внимание то, что в ходе конференции не обсуждался вопрос о содержании нового направления в аграрной политике большевиков – «лицом к деревне». Это объясняется невысоким уровнем развития индивидуальных хозяйств адыгов и отсутствием острых социальных и сословных противоречий. Основная проблема, вызвавшая дискуссию, заключалась в затянувшихся землеустроительных работах. В состав областного комитета избрали 25 членов и 7 кандидатов, но в ходе выборов единогласную поддержку получили только Газов, Хакурате, Цей, Тлепшуков, Чухо, Белов и Суворов. Это было результат сохранявшихся ещё принципов внутрипартийной демократии первой половины 1920-х гг. Но в этот период уже проявилось отсутствие единства в партийном руководстве Адыгейской автономной области.

К середине 1920-х гг. в рядах областной партийной организации состояло 700 чел. с учётом кандидатов в члены РКП(б), в то время как Северо-Кавказская краевая организация насчитывала 56 318 чел. Но значительно выросло число адыгов членов коммунистической партии, достигнув показателя 113 чел. [НАРА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 129. Л. 1, 7, 16]. Многих рекомендовали на советско-партийную работу вне зависимости от их образовательного уровня, поэтому в последующем они продолжили обучение в высших учебных заведениях Советского Союза или на специальных курсах. Таким образом формировался партийный и хозяйственный актив области. Однако признавалось, что работа школ-передвижек и курсы секретарей ячеек не приносили существенных положительных результатов, которые могли свидетельствовать о росте влияния коммунистов в адыгском ауле. Кампания по «переброске» партийный кадров, командировка 15 ответственных работников обкома в округа не могли изменить общую тенденцию в характере и содержании деятельности партийных ячеек.

За период с 1923 г. по 1925 г. Оргбюро РКП(б) провело 13 заседаний, где обсуждали вопросы экономического развития области, выборных кампаний в сельские Советы, ликвидации неграмотности, создания сети лечебных учреждений и др. Особое место занимали проблемы внутрипартийного строительства и соблюдения дисциплины членами партии. За три года из партии были исключены 27 членов и кандидатов – 18 чел. Так, из 27 чел., исключённых из рядов партии большевиков, 22 чел. (в том числе 3 адыга) вступили в её ряды за период с 1920 г. по 1925 г. Такое количество исключённых из партии свидетельствовало об ограниченности социальной базы роста РКП(б) в Адыгейской автономной области [НАРА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 129. Л. 19]. Одним из существенных резервов выступала областная комсомольская организация, которая была создана в конце 1922 г. В январе в её рядах состояло 84 чел., в апреле – 288, в июле – 698, в октябре – 801. Областная организация за год выросла в 10 раз. К 1925 г. её численность достигла 1 774 комсомольца, но количество адыгов было незначительным. Признавалось, что желание вступить в молодёжную организации было во многом обусловлено возможностью обеспечить себе продвижение по службе. Но за три года, только 70 комсомольцев вступили в партию большевиков. Требовалось организовать взаимодействие партии с молодёжной организацией, которое носило формальный характер. При этом признавалось, что у ряда комсомольцев

«заметна заносчивость, нежелание признавать авторитет партячеек. Раньше мы всеми силами предлагали населению проводить в Советы комсомольцев, которые не имели никакого авторитета, никакой силы и не могли ничего сделать. Эту политику надо бросать» [НАРА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 129. Л. 22, 23]. Деревенские партийные и комсомольские организации вынуждены были осторожно подходить к вопросам о выдвижении кандидатур членов партии и комсомольцев в руководящие органы местных Советов и хозяйствующие субъекты. Менялась тактика по организации и проведении выборов в Советы. В решениях областной комитета РКП(б) особо отмечалась необходимость пресекать незаконное командование перевыборными собраниями, административное давление на избиркомы, привлекая виновных к ответственности.

Своё влияние оказывала новая партийная линия по смягчению экономического и политического доминирования в доколхозной деревне. Но так как в Адыгее не было развитой местной промышленности, а сельское хозяйство характеризовалось невысоким уровнем товарности, то приоритетными оставалась политическая составляющая реализуемого РКП(б) регионального курса.

Вторая партийная конференция проходила с 5 по 11 декабря 1925 г. Делегаты областной партийной конференции обсудили 6 вопросов, особо выделив проблемы развитие потребительской и сельскохозяйственной кооперации [НАРА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 177. Л. 3]. Обращает на себя такой факт как единогласное решение об избрании 29 членов областного комитета. В состав вновь избранного руководящего партийного органа вошли 13 адыгов, в то время как в первом составе их было 10 чел.

Областная партийная организация на рубеже 1925/26 г. насчитывала в своих рядах 849 чел., в том числе партийный билет получили 184 черкеса. В партию стали вступать даже черкешенки, что стало несомненным достижением результатов работы среди женщин адыгеек. Местные партийные структуры были представлены 15 аульскими и 24 сельскими ячейками. Основная работа была сосредоточена среди беднейшей части сельского населения. Сельскохозяйственные рабочие и беднота составляла основу аульских ячеек. Оказание материальной помощи бедняцкой части и задачи по активизации организационно-политической работы среди населения приобретали особую актуальность с учётом новых планов правительства СССР по преобразованию страны. Но значительная часть адыгского аула находилась под влиянием зажиточной части в силу культурно-бытовых особенностей горского населения. Результат противостояние малочисленных партячеек и неформального союза середняка и зажиточной части адыгского аула сказался на итогах перевыборов в сельские Советы. В условиях, когда призывали отказаться от административного вмешательства в ход выборных собраний и слабости партии на местах в руководящие органы проходили не сторонники РКП(б) [НАРА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 179. Л. 2].

Беднейшая часть адыгского аула поддерживала большевиков, но она не выступала единой политической силой способная вместе с малочисленными партийными ячейками противостоять зажиточной и середняцкой массе. Областная партийная организация вынуждена была признать несостоятельность союза бедняков и середняков в адыгском ауле. Формирование первичных организаций

РКП(б) в отличии от областного уровня шло сложно, сталкиваясь с проявлениями патриархально-родовых и религиозных традиций, сохранявшихся в адыгском ауле.

Выводы

Сильной стороной большевиков было умение слиться с массами и понимать их проблемы, а в последующем подчинять их и подавлять силой проявления инакомыслия. Эта политика активно была реализована в Адыгейской автономной области и в силу исторических традиций горцев получила поддержку. Она заключалась в признании советской власти и отказе от активного сопротивления в начале 1920-х гг. Поэтому уровень конфликтности РКП(б) с сельским населением Адыгеи был не столь высок в отличии соседней Кубано-Черноморской области.

В начале 1920-х гг. в Адыгее не было сколько-нибудь достаточной прослойке образованных и подготовленных национальных кадров. Для первой половины 1920-х гг. характерна ситуация, когда в аулах и районах председатели сельских Советов и секретари партийных ячеек оставались малообразованными, неопытными в управлении. Кроме того, они были связаны между собой патриархально-родовыми и религиозными отношениями, что оказывало существенное влияние на процесс формирования партийных структур в автономии. Эти процессы находили своё отражение в партийных документах и активно обсуждались на региональных партийных форумах.

Несмотря на рост доли этнического представительства в руководящем партийном органе – Адыгейском областном комитете РКП(б), качественный состав низовых органов оставался чрезвычайно низким. В партийной организации области доминировали командированные работники из других регионов, поэтому важнейшей проблемой был языковый и культурный барьер.

Социальной базой роста областной партийной организации выступал комсомол. Большевики пытались привлечь в свои ряды молодёжь как наиболее сознательную часть сельского населения. Но и она не оправдывала надежды партии. Главная причина заключалась в низком образовательном и культурном уровне, который фрагментарно был преодолён в ходе социалистической модернизации в 1930-х гг.

Несмотря на явное отсутствие широкой социальной базы развития, слабости первичных партийных ячеек Адыгейская областная партийная организация в первой половине 1920-х гг. окончательно сформировалась и приобрела статус основного аппарата управления.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Баранов 2022 – *Баранов А.В.* Роль Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) в реализации национальной политики на Северном Кавказе (1921–1924 гг.). // Научная мысль Кавказа – 2022 – № 1. – С. 89–97.

Бузаров, Бабичева, Мекулов 1987 – *Бузаров А.Ш., Бабичева Р.И., Мекулов Д.Х.* Адыгейская областная организация КПСС в цифрах, 1922–1987 – Майкоп: Краснодар. кн. изд-во, Адыг. отделение, 1987. – 222 с.

Булдаков 2016 – *Булдаков В.П.* Российская многопартийность: иллюзии прошлого, химеры современности // Полис. Политические исследования. – 2016. – № 4. – С. 100–114.

Емтыль (Калашаова) 2016 – *Емтыль (Калашаова) З.Я.* Жернова истории. Социально-политическая история адыгов конца XIX в. – 20-е гг. XX в. в очерках и документах. – Краснодар: Дом–Юг, 2016. – 226 с.

История Коммунистической партии Советского Союза 2013 – *История Коммунистической партии Советского Союза* / отв. ред. А. Б. Безбородов - М.: Политическая энциклопедия, 2013. – 671 с.

История политических партий России 1994 – История политических партий России / Под ред. А.И. Зевелева. – Москва: Высшая школа, 1994 – 447 с.

Крестьяне и власть 1996 – Крестьяне и власть. Материалы конф. / С.А. Есиков отв. ред. – Москва, Тамбов: МШСЭН, ТГТУ, 1996. – 182 с.

Кубов – *Кубов Ч.Ч.* Деятельность КПСС по решению национального вопроса в Адыгее в период социалистического строительства (1920-1937 гг.): диссертация ... к.и.н. – Киев, 1968. – 459 с.

Латышев 1996 – *Латышев А.Г.* Ленин: первоисточники. – Москва: Изд. Март, 1996. – 48 с.

НАРА – Национальный архив Республики Адыгея.

Павлюченков 2008 – *Павлюченков С.А.* «Орден меченосцев»: партия и власть после революции. 1917–1929 гг. – Москва: Собрание, 2008 – 463 с.

Раенко-Туранский 1927 – *Раенко-Туранский Я.Н.* Адыге до и после Октября /под ред. Борона И., Хуажева Цей Д. – Москва, Ростов н/Д–Краснодар, 1927 – 95 с.

Тютюкин 1998 – *Тютюкин С.В.* Современная отечественная историография РСДРП (дооктябрьский период) // Отечественная история. – 1998. – № 6 – С. 54–64.

Хлевнюк 2017 – *Хлевнюк О.В.* Сталинский период советской истории: историографические тенденции и нерешённые проблемы // Уральский исторический вестник. – 2017. – № 3 – С. 71–80.

REFERENCES

BARANOV A.V. *Rol' Yugo-Vostochnogo byuro TSK RKP(b) v realizatsii natsional'noi politiki na Severnom Kavkaze (1921–1924 gg.*) [The role of the Southeastern Bureau of the Central Committee of the Russian Communist Party (b) in the implementation of national policy in the North Caucasus (1921–1924)]. IN: Nauchnaya mysl' Kavkaza – 2022 – № 1. – P. 89–97. (In Russ.).

BUZAROV A.SH., BABICHEVA R.I., MEKULOV D.KH *Adygeiskaya oblastnaya organizatsiya KPSS v tsifrakh, 1922–1987* [The Adyghe regional organization of the CPSU in numbers, 1922–1987]. – Maikop: Krasnodar. kn. izd-vo, Adyg. otdelenie, 1987. – 222 p. (In Russ.).

BULDAKOV V.P. *Rossiiskaya mnogopartiinost': illyuzii proshlogo, khimery sovremennosti* [Russian multiparty system: Illusions of the past, chimeras of modernity]. IN: Polis. Politicheskie issledovaniya. – 2016. – № 4. – P. 100–114. (In Russ.).

EMTYL' (KALASHAOVA) Z.YA. *Zhernova istorii. Sotsial'no-politicheskaya istoriya adygov kontsa XIX v. – 20-e gg. XX v.v ocherkakh i dokumentakh*. [The millstones of history. Socio-political history of the Adygs at the end of the 19th century – the 20s of the 20th century in essays and documents.] – Krasnodar: Dom–Yug, 2016. – 226 p. (In Russ.).

Istoriya Kommunisticheskoi partii Sovetskogo Soyuza [History of the Communist Party of the Soviet Union] / otv. red. A. B. Bezborodov – Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2013. – 671 p. (In Russ.).

Istoriya politicheskikh partii Rossii [The history of political parties in Russia] / Pod red. A.I. Zeveleva. – Moscow: Vysshaya shkola, 1994 – 447 p. (In Russ.).

Krest'yane i vlast' [Peasants and the government]. Materialy konf. / S.A. Esikov otv. red. – Moscow, Tambov: MSHSEN, TGTU, 1996. – 182 p. (In Russ.).

KUBOV CH.CH. Deyatel'nost' KPSS po resheniyu natsional'nogo voprosa v Adygee v period sotsialisticheskogo stroitel'stva (1920–1937 gg.): dissertatsiya ... k.i.n. [The activity of the CPSU in solving the national question in Adygea during the period of socialist construction (1920–1937)]– Kiev, 1968. – 459 p.

LATYSHEV A.G. *Lenin: pervoistochniki*. [Lenin: primary sources] – Moscow: Izd. Mart, 1996. – 48 p. (In Russ.).

NARA – *Natsional'nyi arkhiv Respubliki Adygeya* [The National Archive of the Republic of Adygea]. (In Russ.).

PAVLYUCHENKOV S.A. *«Orden mechenostsev»: partiya i vlast' posle revolyutsii. 1917–1929 gg*. [The Order of the Sword: the Party and power after the Revolution. 1917–1929]. – Moskva: Sobranie, 2008 – 463 p. (In Russ.).

RAENKO-TURANSKII YA.N. *Adyge do i posle Oktyabrya* [Adyge before and after October] /pod red. Borona I., Khuazheva Tsei D. – Moskva, Rostov n/D–Krasnodar, 1927 – 95 p. (In Russ.).

TYUTYUKIN S.V. *Sovremennaya otechestvennaya istoriografiya RSDRP (dooktyabr'skii period)* [Modern Russian historiography of the RSDLP (pre-October period)]. IN: Otechestvennaya istoriya. – 1998. – № 6 – P. 54–64. (In Russ.).

KHLEVNYUK O.V. *Stalinskii period sovetskoi istorii: istoriograficheskie tendentsii i nereshennye problem*/ [The Stalinist Period of Soviet History: historiographical trends and unresolved issues]. IN: Ural'skii istoricheskii vestnik. – 2017. – № 3 – P. 71–80. (In Russ.).

Информация об авторе

Ю.А. Яхутль – профессор, доктор исторических наук, доцент

Information about the author

Y.A. Yakhutl – professor, doctor of historical sciences, associate professor

Статья поступила в редакцию 24.05.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.06.2025 г.; принята к публикации 27.06.2025 г.

The article was submitted 24.05.2025; approved after reviewing 15.06.2025; accepted for publication 27.06.2025.

Научная статья
УДК 94(470.66)
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-2-63-82
EDN: GDCDVQ

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ В ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ В 1994-1996 ГГ. И ОБЪЕДИНЕНИЕ «ЯБЛОКО»

Денис Васильевич Тумаков[1,2]
[1] Ярославский государственный медицинский университет, Ярославль, Россия, denistumakov@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-8569-7246
[2] Ярославский государственный университет имени П.Г. Демидова, Ярославль, Россия

Аннотация. В статье рассматривается позиция избирательного блока и общественного объединения «Яблоко» по чеченскому вопросу в 1994-1996 гг. Исследована публицистика лидера объединения Г.А. Явлинского, проанализированы его интервью для центральной периодической печати, а также публичные выступления других известных депутатов Совета Федерации и Государственной Думы России от «Яблока» – В.Л. Шейниса, Ю.П. Щекочихина, В.В. Борщёва и Е.Б. Мизулиной. Изучена точка зрения объединения по чеченскому вопросу в период проведения парламентской и президентской избирательных кампаний 1995 и 1996 гг. Сделан вывод о том, что «Яблоко» в 1994-1996 гг. неизменно занимало умеренно-антивоенную позицию. В статье приведена и позиция некоторых региональных отделений «Яблока». Объединение осуждало военную операцию как способ решения кризиса на Северном Кавказе или проблемы терроризма, однако не подвергало сомнению территориальное единство страны, критиковало боевиков за террористические акты в Будённовске и Кизляре и полагало погибших российских военных жертвами трагических обстоятельств. Падение авторитета демократических сил и несговорчивость самого Г.А. Явлинского привели к тому, что стать лидером мощного антивоенного движения у «Яблока» не получилось.

Ключевые слова: объединение «Яблоко», военные действия, сепаратисты, Чечня, Россия, выборы, средства массовой информации

Для цитирования: Тумаков Д.В. Военные действия в Чеченской Республике в 1994-1996 гг. и объединение «Яблоко» // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 2. – С. 63-82. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-2-63-82. EDN: GDCDVQ.

© Тумаков Д.В., 2025

Original article

MILITARY OPERATIONS IN THE CHECHEN REPUBLIC IN 1994-1996 AND THE YABLOKO ASSOCIATION

Denis V. Tumakov[1,2]
[1] Yaroslavl State Medical University Yaroslavl, Russia, denistumakov@yandex.ru; https://orcid.org/0000-0001-8569-7246
[2] Yaroslavl State University named P.G. Demidov, Yaroslavl, Russia

Abstract. The Chechen issue's treatment by the electoral bloc and Yabloko between 1994 and 1996 is examined in this article. The author examines the journalism of the leader of the association, G.A. Yavlinsky, and analyzes his interviews for the central periodical press, as well as public appearances by other well-known deputies of the Federation Council and the State Duma of Russia from Yabloko – V.L. Sheinis, Yu.P. Shchekochikhin, V.V. Borshchev and E.B. Mizulina. The article explores the association's views on the Chechen conflict in the context of the 1995 and 1996 elections. It is concluded that in 1994-1996 Yabloko consistently held a moderate anti-war position. The article also provides the position of some regional branches of Yabloko. The association condemned the military operation as a way to solve the crisis in the North Caucasus or the problem of terrorism, but did not question the territorial unity of the country, criticized the Chechen militants for terrorist acts in Budennovsk and Kizlyar, etc. and they considered the dead Russian military to be victims of tragic circumstances. The decline of the authority of the democratic forces and the intractability of G.A. Yavlinsky himself led to the fact that Yabloko failed to become the leader of a powerful anti-war movement.

Keywords: Yabloko association, military actions, separatists, Chechnya, Russia, elections, mass media

For citation: Tumakov D.V. Military operations in the Chechen republic in 1994-1996 and the Yabloco association. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 2. – P. 63-82. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-2-63-82. EDN: GDCDVQ.

© Tumakov D.V., 2025

Введение

В 1990-е гг. новая Россия, помимо многочисленных экономических проблем, связанных с трудностями перехода к рыночным отношениям, а также перманентного политического кризиса, столкнулась с обострением межнациональных взаимоотношений. В первое постсоветское десятилетие особую остроту приобрела и проблема сепаратизма. Наиболее известным её проявлением стал кризис в Чечне, приведший к двум кровопролитным военным кампаниям 1994-1996 и 1999-2009 гг. Как известно, осенью 1991 г. у власти в Грозном при помощи лиц из ближайшего окружения первого президента России Б.Н. Ельцина встал нелегитимный режим во главе с генерал-майором Советской Армии в отставке Д.М. Дудаевым, быстро провозгласивший независимость Чеченской Республики от СССР и РСФСР и впоследствии предпринявший немало практических шагов в данном направлении. Существование на Северном Кавказе de-facto независимой Чечни уже в 1992 г. вызывало неподдельный интерес у большинства федеральных масс-медиа [Тумаков 2024: 140].

Попытка российских властей силой навести конституционный порядок в Чечне в конце 1994 г. встретила ожесточённое сопротивление сторонников её независимости, которых СМИ называли «боевиками», «сепаратистами» или по фамилии их лидера – «дудаевцами». Задуманная как небольшая полицейская операция, она быстро переросла в затяжные военные действия с применением тяжёлых вооружений, сопровождавшиеся большими человеческими жертвами. В силу этого весьма значительная часть российского общества резко осуждала действия федерального Центра на Северном Кавказе. По данным социологического опроса фонда «Общественное мнение», в декабре 1994 г. 66 % респондентов выступали против ввода федеральных сил в Чечню и лишь 20 % его поддерживали [Досье

1994: 2]. Соотношение сил в этом вопросе принципиально не изменилось и в дальнейшем. Так, в конце 1995 года негативное отношение к силовой попытке Кремля по возвращению Чечни в политико-правовое поле России высказали 74 % опрошенных, её одобрение выразили только 10 % [Социологический опрос 1995]. В то же время российское общество не было готово и к предоставлению республике независимости. Как писал зимой 1996 г. известный социолог, заведующий отделом Всероссийского центра изучения общественного мнения Л.Д. Гудков (внесён в реестр физических лиц и организаций, признанных иностранными агентами в РФ), 50 % опрошенных считали Чечню субъектом РФ, а 54 % были согласны с официальным определением чеченской вооружённой оппозиции как «боевиков» и «наёмников» [Гудков 1996: 166].

Боевые действия в Чечне в 1994-1996 гг. и их роль в жизни российского общества неоднократно становились предметом исследования отечественных, [Асташкин 2005; Бугай 2006; Ляховский 2006; Малашенко, Тренин 2002; Тишков 2001; Тумаков 2016; Тумаков 2017], в том числе чеченских [Осмаев 2009; Шайхаев 2019], и зарубежных [Ливен 2019] исследователей. Тем не менее в работах упомянутых учёных чаще упоминается о том, как менялись подходы официальных властей к кризису в Чечне, в то время как точка зрения оппозиционных политических сил России находится на периферии внимания или вовсе игнорируется. К числу таковых относился избирательный блок «ЯБЛоко» (с 1995 года – общественное объединение «Яблоко»), занявший принципиальную позицию в чеченском вопросе [Война в Чечне 2015: 6]. О ней и пойдёт речь в данной публикации.

Обсуждение

Поскольку операция федеральных войск в Чечне 1994-1996 гг. изначально и на всём её протяжении была очень непопулярна в российском обществе, на критике курса правительства на Северном Кавказе могли повысить свой авторитет оппозиционные к действующей власти политические силы России. К ним относились не только коммунисты или национал-радикалы, но и сторонники демократических реформ. И до начала чеченских событий они нередко осуждали президента за неудачи рыночных реформ или, наоборот, за непоследовательность при их проведении, а также за трагическую развязку противостояния с Верховным Советом в Москве в октябре 1993 г. или за подчас весьма экстравагантное поведение [Тумаков 2017: 517]. Начавшиеся на Кавказе военные действия воспринимались демократами как составная часть поворота Кремля к консервативному курсу или даже как возвращение в авторитаризм, напоминавшее о вводе советских войск в Венгрию, Чехословакию или Афганистан [Тумаков 2017: 517].

К середине 1990-х гг. некоторые из известных приверженцев демократических преобразований разочаровались лично в первом президенте России Б.Н. Ельцине. Например, директор Института США и Канады академик Г.А. Арбатов в мемуарах открыто называл главу государства «предельно властолюбивым» человеком, полагал его «типичным партийным аппаратчиком», то есть «хамом» или даже «барином, не считавшимся с человеческим достоинством» [Арбатов 2015: 406-407]. Первый омбудсмен новой России, правозащитник, известный

советский диссидент и политзаключенный С.А. Ковалев накануне президентских выборов 1996 г. тоже негативно охарактеризовал действующего главу государства. По его мнению, российский президент за годы правления «так и не смог отодрать себя от партийной номенклатуры» и поэтому «давно уже не демократ» [Мильштейн 1996: 14-15]. Фактически в глазах данной части российского политического спектра Б.Н. Ельцин ещё до ввода федеральных войск в Чечню перестал казаться политиком, ориентированным на проведение широких социально-экономических и политических преобразований в стране.

В силу этого в российском обществе середины 1990-х гг. в качестве реальной альтернативы действующей власти стал восприниматься избирательный блок (с 1995 г. – общественное объединение) «ЯБЛоко» во главе с известным политиком и экономистом Г.А. Явлинским. В отличие от действующего главы государства – выходца из советско-партийной бюрократии, он вызывал симпатию у сторонников реформ тем, что, по выражению всё того же С.А. Ковалёва, «…своей пуповиной связан совсем с другими людьми, с кругом либеральной интеллигенции» [Мильштейн 1996: 15]. Похожим образом на страницах парижского издания «Русская мысль» рассуждал и житель Москвы А. Курчаткин, считавший лидера «ЯБЛока» лучшим, подлинно демократическим кандидатом на президентский пост, так как Явлинский ранее не имел отношения к ЦК КПСС и умел совершать сильные поступки наподобие добровольной отставки из правительства РСФСР [Курчаткин 1996]. В связи с этим Курчаткин призвал всех тех, «кто связывает свои надежды с демократической Россией» поддержать кандидатуру лидера «Яблока» на президентских выборах 1996 года, так как «в реальности ни с кем, кроме как с Явлинским, дальнейшего более или менее демократического развития России связать нельзя» [Курчаткин 1996]. Отметим, что даже те представители столичной прессы, что были скептически настроены по отношению к политической позиции и перспективам руководителя «Яблока», не сомневались в его личной честности и искренности его взглядов. Так, в преддверии думских выборов 1995 г. журналист политического еженедельника «Новое время» А.В. Колесников (внесён в реестр физических лиц и организаций, признанных иностранными агентами в РФ) охарактеризовал Г.А. Явлинского как «молодого, умного, брызжущего энергией, с большим потенциалом» политического деятеля [Колесников 1995: 9].

Именно в этот период лидер «Яблока» достиг пика популярности. Так, осенью 1995 г., согласно опросу Всероссийского центра изучения общественного мнения, он занимал 2-е место по уровню доверия избирателей после генерала А.И. Лебедя, набрав 12 % и опередив не только действующего президента Б.Н. Ельцина, но и таких известных политиков, как лидер ЛДПР В.В. Жириновский, премьер-министр России В.С. Черномырдин, председатель КПРФ Г.А. Зюганов или лидер Партии самоуправления трудящихся С.Н. Фёдоров [Вавра 2024: 196]. Отметим, что вплоть до весны 1996 г. Г.А. Явлинский по-прежнему опережал главу государства по уровню популярности, а в городах-миллионниках его рейтинг и позднее был вполне сопоставим с показателями главных фаворитов предстоящего голосования – Б.Н. Ельцина и Г.А. Зюганова [Лапкин 1996: 11]. Так, перед первым туром голосования он мог рассчитывать на голоса 20 %

сотрудников частных и коммерческих предприятий, 20 % руководителей производства, 10 % молодёжи, а также каждого восьмого жителя Москвы и Санкт-Петербурга и каждого шестого жителя крупных промышленных центров России [Лапкин 1996: 11]. Секрет популярности лидера «Яблока» обозреватель журнала «Новое время» видел в его неучастии в осуществлении непопулярных рыночных реформ и в целом в управлении страной в то время [Колесников 1995: 9]. Позднее Колесников даже утверждал, что Явлинский в середине 1990-х гг. пытался привлечь на свою сторону именно ту часть интеллигенции, что была «наиболее щепетильна в вопросах нравственности в политике», поэтому «мог стать единым кандидатом демократических сил, но не стал им» [Колесников 1996: 9].

Как уже отмечалось выше, боевые действия 1994-1996 гг. на территории Чеченской Республики были непопулярны в российском обществе. К числу политических сил страны, неизменно занимавших строго антивоенную позицию, относился избирательный блок «ЯБЛоко». Незадолго до ввода в Чечню федеральных сил руководитель его думской фракции Г.А. Явлинский призвал Б.Н. Ельцина к диалогу с лидером непризнанной Чеченской Республики Ичкерия Д.М. Дудаевым и объявил о собственной готовности заменить российских военных, взятых в плен при совместном штурме столицы Чечни отрядами антидудаевской оппозиции и силовыми структурами РФ [Явлинский 1994]. Немного позднее он вместе с депутатами Государственной Думы РФ от фракции «Выбор России» С.Н. Юшенковым и А.Е. Шабадом побывал в Грозном и в результате трудных переговоров сумел вернуть из плена 7 российских военнослужащих и 3 гроба с неопознанными телами бойцов [Афанасьева 1994]. Примерно тогда же Г.А. Явлинский назвал готовившуюся против дудаевского режима силовую операцию не «чеченской», а «Кавказской» войной [Колобова 1998: 262], которая не имеет завершения. Когда же боевые действия в Чечне начались, думская фракция «ЯБЛока» 13 декабря 1994 г. выступила с заявлением, в котором возложила «всю полноту ответственности за трагические события» на Президента РФ Б.Н. Ельцина и назвала политику высших органов исполнительной власти страны «лучшим способом развалить Российское государство и получить затяжной гражданский и межнациональный конфликт» [Колобова 1998: 268].

В качестве альтернативы военным методам решения чеченского вопроса партия выдвинула идею переговоров с «представителями Чечни на самом высоком уровне», то есть лично с генералом Д.М. Дудаевым. Со стороны федерального Центра диалог, по мнению Г.А. Явлинского и его коллег, должны были вести «люди, не причастные к военным авантюрам… и обладающие авторитетом в российском обществе» [Колобова 1998: 269]. Тем самым решительно отвергалось участие в вероятном переговорном процессе в Чечне представителей действующего федерального правительства. В качестве руководителя российской делегации на переговорах по урегулированию вооружённого конфликта в Чечне «ЯБЛоко» видело президента Ингушетии Р.С. Аушева как человека, пользовавшегося уважением на Северном Кавказе и одновременно в армейских кругах [Чеченское горе 1995: 13-14]. Несмотря на поддержку думских фракций «Выбора России», «Женщин России» и некоторых других, упомянутая инициатива «ЯБЛока» не имела практических последствий.

Следующим заметное антивоенное заявление партии Г.А. Явлинского было датировано началом 1995 г., когда «новогодний штурм» Грозного привёл к большим людским потерям федеральных сил и гражданского населения столицы Чечни, окончившись неудачей. Уже 4 января лидер «ЯБЛока» потребовал в качестве единственно возможного выхода из создавшегося на Северном Кавказе положения «добровольную отставку президента Б. Ельцина (в соответствии с п. 2 ст. 92 Конституции)» [Явлинский 1999: 36]. Дальнейшее решение чеченской проблемы в случае ухода Ельцина он возлагал на премьер-министра РФ В.С. Черномырдина, ставшего бы в таком случае исполняющим обязанности главы государства, а затем на нового, досрочно избранного президента России, в роли которого Явлинский вполне очевидно мог видеть себя.

Заметим, что некоторые депутаты нижней палаты российского парламента от фракции «ЯБЛоко» оказались непосредственными очевидцами «новогоднего» штурма столицы Чечни и позднее поделились собственными впечатлениями с коллегами. К числу таких относился известный журналист и правозащитник, депутат В.В. Борщёв, который зимой 1994-1995 гг. находился в Грозном в составе группы депутатов обеих палат Федерального Собрания РФ, возглавляемой омбудсменом С.А. Ковалёвым, и встречался с Д.М. Дудаевым и другими лидерами чеченских боевиков. В выступлении на пленарном заседании Государственной Думы России от 25 января 1995 года Борщёв открыто обвинил федеральные власти в безразличии к судьбам мирных жителей Чечни всех национальностей, сообщив, что в сырых и холодных подвалах Грозного он видел детей в возрасте от 6 месяцев до 6 лет, которые гибнут во время обстрелов и бомбардировок города [Выступление 1995: 628-629].

С думской трибуны действия власти подверглись жёсткой критике и из уст другого непосредственного очевидца неудачного штурма Грозного, депутата фракции «ЯБЛоко» В.Л. Шейниса. На внеочередном заседании нижней палаты парламента 11 января 1995 г. тот призвал коллег «заявить антивоенную позицию и потребовать смещения министров войны», а также принять законы, запрещавшие президенту России начинать военные операции без санкции парламента и дающие законодателям возможность назначать руководителей силовых структур страны. Кроме того, Шейнис предложил депутатам использовать в качестве важного козыря голосование по принятию государственного бюджета [Шейнис 1995: 53].

Аналогичные лозунги в тот период выдвигали и местные отделения партии. Так, 8 января в Волгограде состоялся крупный антивоенный митинг, организованный местными отделениями Комитета солдатских матерей (КСМ) и объединения «Яблоко». В принятой его участниками резолюции, кроме требований прекращения войны и предания суду главных её виновников, значились немедленная добровольная отставка президента Б.Н. Ельцина и проведение новых выборов главы государства, а также внесение изменений в Конституцию РФ с целью установления парламентского контроля над действиями исполнительной власти [Тумаков 2017: 518]. Спустя примерно месяц члены «Яблока», наряду с КСМ, другими демократическими активистами и представителями вайнахской диаспоры, приняли участие в антивоенной акции в Иванове. В резолюции, которую

поддержали до 150 митинговавших горожан, содержались уже традиционные призывы к завершению боевых действий в Чечне, отмене постановления Генеральной прокуратуры РФ об аресте лидеров дудаевского режима, а также созданию Временного комитета из представителей обеих сторон конфликта для его совместного урегулирования [Сереброва 1995].

Позицию «Яблока» в чеченском вопросе можно считать вполне умеренной. 18-19 марта 1995 г. в московской гостинице «Россия» состоялся Всероссийский семинар «Правовые аспекты чеченского кризиса», организованный правозащитным центром «Мемориал» и институтом «Открытое общество». Среди его участников была депутат Совета Федерации от Ярославской области, доктор юридических наук, член «Яблока» Е.Б. Мизулина. Участники семинара призвали власти к немедленному завершению боевых действий через организацию и проведение переговоров между сторонниками и противниками генерала Д.М. Дудаева, а также к оказанию гуманитарной помощи Чечне и, в конечном итоге, мирному урегулированию взаимоотношений между федеральным Центром и республикой. Отметим, что, несмотря на осуждение политики российских властей на Северном Кавказе, вопрос о предоставлении Чечне независимости на указанном семинаре не обсуждался, а дудаевцев его участники отказались считать «национально-освободительным движением» чеченского народа [Тумаков 2016: 126-127]. В выступлении самой Е.Б. Мизулиной подверглась критическому анализу не чеченская операция, а, скорее, внутренняя политика президента Б.Н. Ельцина в целом [Тумаков 2016: 127-128].

Критика кавказского курса главы государства со стороны «Яблока» продолжалась и в дальнейшем. Так, после кровавого нападения отряда чеченских боевиков под руководством полевого командира Ш.С. Басаева на райцентр Будённовск в Ставропольском крае 14-20 июня 1995 г., массового захвата в заложники гражданских лиц и неудачных попыток их освобождения со стороны российских силовых структур, Г.А. Явлинский, выступая 16 июня в Государственной Думе РФ, подверг резкому осуждению поведение Б.Н. Ельцина, уехавшего в те дни в Канаду на заседание «Большой семёрки». В частности, он не просто заявил, что «президенту… нужно сегодня ехать не в Галифакс, а в Будённовск», но и предложил главе государства «для того, чтобы спасти тысячу людей от смерти… разговаривать с кем угодно», то есть возглавить переговоры с террористами. События на юге страны лидер «Яблока» квалифицировал как «начало гражданской войны в России», а главным виновником подобного развития событий считал лично президента страны Б.Н. Ельцина [Явлинский 1999: 50-51].

В то же время примечательно, что любые попытки мирного урегулирования на Северном Кавказе со стороны высшего политического руководства России тотчас бывали замечены Г.А. Явлинским. Например, в выступлении с парламентской трибуны 21 июня он по-прежнему полагал единственным способом решения чеченского кризиса и установления мира в регионе выражение вотума недоверия Правительству РФ в Государственной Думе и удаление из состава кабинета министров руководителей силовых структур, чью вину за начало военных действий в конце 1994 г. лидер «Яблока» считал решающей. Однако одновременно он похвалил премьер-министра В.С. Черномырдина за мирное решение

кризиса с заложниками в Будённовске, поддержав прекращение боевых действий в Чечне и начало мирных переговоров с дудаевцами, и поэтому от имени думской фракции «Яблока» выразил готовность поддержать Черномырдина в случае повторного выдвижения его кандидатуры на второй по значению пост в государстве [Явлинский 1999: 52-54].

Без внимания «Яблока» не остались и другие крупные события на кавказском фронте. Как известно, 9 января 1996 г. террористы под руководством полевых командиров С.Б. Радуева и Х-П.Г. Исрапилова атаковали российскую вертолётную базу в дагестанском райцентре Кизляр, а затем захватили в заложники местных жителей в здании городской больницы. На следующий день после переговоров с республиканским руководством боевики покинули Кизляр, но на административной границе с Чечнёй их автоколонна была остановлена огнём федеральных сил с воздуха. После того, как 11 января на пресс-конференции для российских и зарубежных тележурналистов в захваченном селе Первомайское главарь террористов С.Б. Радуев заявил, что желает видеть в качестве гарантии антивоенно настроенных депутатов Государственной Думы РФ А.И. Лебедя, Б.В. Громова и Г.А. Явлинского, лишь последний ответил фактическим согласием «сделать все возможное для того, чтобы освободить людей», особенно женщин и детей [Елисеенко 1996]. После кровопролитной и не совсем успешной силовой операции по освобождению заложников 15-18 января 1996 г. в Первомайском думская фракция «Яблока» попыталась внести в повестку дня Государственной Думы РФ вопрос об отставке правительства В.С. Черномырдина, однако не была поддержана коллегами из КПРФ и ЛДПР[1]. К этой идее «яблочники» неоднократно возвращались и в дальнейшем, по мере эскалации боевых действий в Чечне зимой[2] и весной[3] 1996 г.

11 января Г.А. Явлинский выдвинул собственный план урегулирования чеченского кризиса. Весьма примечательно, что этот документ был адресован Б.Н. Ельцину и Д.М. Дудаеву, которые были названы Президентами России и Чечни, а сам вооружённый конфликт – «российско-чеченским» [Явлинский 1999: 91]. Тем самым военные действия на Северном Кавказе выводились за рамки наведения правопорядка в мятежном регионе страны, как их позиционировал Кремль. План Г.А. Явлинского предполагал существенные уступки со стороны как федерального Центра, так и лидеров чеченских боевиков. Если Кремль желал оставить в республике по бригаде от МО и ВВ МВД РФ, то «Яблоко» настаивало на полном и немедленном выводе группировки федеральных сил из Чечни при условии заключения пакта о ненападении между сторонниками Д.М. Дудаева и Д.Г. Завгаева, а также полного и немедленного освобождения заложников, нераспространения оружия и прекращения вылазок боевиков за пределы

[1] Заявление фракции «Яблоко» о событиях в посёлке Первомайский. 16 января 1996 года // URL: https://www.yabloko.ru/Themes/Chechnja/chech-5.html [дата обращения 1.04.2025 г.].

[2] Заявление фракции «Яблоко». 6 марта 1996 года // URL: https://www.yabloko.ru/Themes/Chechnja/chech-6.htm [дата обращения 1.04.2025 г.].

[3] Фракция «Яблоко» возобновляет сбор подписей за постановку вопроса о недоверии Правительству в связи с расстрелом колонны российских солдат 16 апреля 1996 года в Чечне // URL: https://www.yabloko.ru/Themes/Chechnja/chech-9.html [дата обращения 1.04.2025 г.].

республики. В дальнейшем вопрос о статусе республики должен был решить её народ на референдуме, в то время как в период до его проведения стороны обязались бы придать Чечне некий выработанный в ходе переговоров временный статус [Явлинский 1999: 91].

27 января 1996 г. на III съезде Общественного объединения «Яблоко» Г.А. Явлинский был избран кандидатом в Президенты РФ от демократической оппозиции [Явлинский 1999: 97-103]. В докладе с характерным наименованием «Ложь и насилие в российской политике» он снова утверждал об операции в Чечне как о гражданской войне и считал, что боевые действия на Северном Кавказе могут привести страну к полной дестабилизации в будущем [Явлинский 1999: 99]. Спустя несколько дней в статье на страницах «Известий» Г.А. Явлинский полностью поддержал акцию нижегородского губернатора Б.Е. Немцова по сбору 1 млн. подписей против продолжения боевых действий и призвал руководителей всех прочих регионов страны её поддержать [Явлинский 1996]. Одновременно он, как один из основных кандидатов на президентский пост, повторил призыв к действующей власти прекратить силовые действия в Чечне, а лидерам сепаратистов вновь предложил освободить всех удерживаемых заложников и отказаться от актов террора. По плану Г.А. Явлинского, российская демократическая общественность и депутаты обеих палат парламента должны были приложить максимум усилий для оказания давления на исполнительную власть снизу [Явлинский 1996]. Под таким давлением понимались, в том числе, общероссийские Дни антивоенных действий с 30 марта по 6 апреля 1996 г., когда по всей стране должны были пройти различные акции протеста против боевых действий в Чечне. Союзниками «Яблока» в данном вопросе выступали КСМ и ряд других демократических организаций[1].

Более подробно точка зрения партии «Яблоко» была представлена в большом интервью её лидера редакции столичной «Общей газеты», данном в январе 1996 г. В нём Г.А. Явлинский предположил, что неготовность России к масштабным терактам чеченских боевиков в Будённовске, Кизляре и Первомайском объясняется незаинтересованностью ближайшего окружения Президента РФ Б.Н. Ельцина в реальном наведении порядка в Чечне и в целом на Северном Кавказе [Явлинский 1999: 93-94]. Конкретных имён в интервью не прозвучало. Кроме того, лидер «Яблока» утверждал о военной слабости государства в силу низкой эффективности его силовых структур и правоохранительных органов и делал из этого вывод о том, что «надо начинать всё с самого начала», то есть «освобождаться от того, что мы не в состоянии нести в руках». От имени своих избирателей Г.А. Явлинский фактически намекнул на возможность отделения Чечни, хотя и не сделал никаких прямых заявлений по этому поводу [Явлинский 1999: 95]. Отметим, что аналогичным образом он рассуждал и позднее. В частности, осенью 1996 г., уже после подписания Хасавюртовских соглашений и фактического завершения активных военных действий, лидер «Яблока» в интервью «Независимой газете» рассуждал о том, что 80 % населения Чечни не считают себя

[1] Остановим кровопролитие в Чечне! // URL: https://www.yabloko.ru/Themes/Chechnja/chech-8.html [дата обращения 1.04.2025 г.].

российскими гражданами [Явлинский 1999: 142]. Источник получения данных сведений остался неизвестным, однако заметим, что и в этом случае прямых призывов к предоставлению республике независимости со стороны Явлинского всё-таки не последовало.

Весьма примечательно, что высшие лидеры чеченской вооружённой оппозиции весьма положительно отнеслись к кандидатуре лидера «Яблока» из-за его антивоенной позиции. Так, весной 1996 г. начальник штаба вооружённых формирований непризнанной Ичкерии А.А. Масхадов высказал мнение, что на предстоящих летом того же года выборах Президента РФ населению Чечни будет выгодна победа тех политиков, что выступают за мирное решение конфликта на Северном Кавказе, в частности, Г.А. Явлинского [НЕГА 1996]. О согласии самого Д.М. Дудаева на посредничество лидера «Яблока» при ведении переговорного процесса с федеральным Центром в интервью популярному еженедельнику «Аргументы и факты» говорил и известный в те годы российский политик и предприниматель К.Н. Боровой (внесён в реестр физических лиц и организаций, признанных иностранными агентами в РФ) [Макаров 1996]. Тем не менее в этой роли Явлинский так и не был задействован.

Тема продолжавшейся военной кампании на Северном Кавказе звучала и в разгар президентской избирательной кампании 1996 г. В ходе встреч с Б.Н. Ельциным 6 и 16 мая Г.А. Явлинский предложил действующему главе государства реальное прекращение боевых действий в Чечне на основе Соглашения по блоку военных вопросов от 30 июля 1995 г. Напомним, что, согласно этому документу, предусматривалось прекращение военных действий, терактов и диверсий, полное освобождение незаконно удерживаемых лиц, разоружение отрядов чеченских боевиков при одновременном поэтапном отводе подразделений федеральных сил от населённых пунктов, а затем и их выводе с территории Чеченской республики, за исключением воинских частей постоянной дислокации [Трошев 2001: 72-73].

Одновременно Г.А. Явлинский снова настаивал на возобновлении прямых переговоров руководства страны с лидерами чеченских боевиков. Им предлагалось проявить одновременно уважение к безопасности Российского государства и интересам собственного народа. В ходе переговоров, полагал лидер «Яблока», делегации должны были договориться об установлении продолжительного переходного периода и согласовать некий «временный фактический статус» республики. Позднее, согласно плану Явлинского, предполагалось проведение в Чечне референдума о государственно-правовом статусе. Кроме кардинального пересмотра «чеченского курса», Г.А. Явлинский настаивал на отставке премьер-министра В.С. Черномырдина, первого вице-премьера О.Н. Сосковца, министра обороны генерала армии П.С. Грачёва и руководителя администрации Президента РФ Н.Д. Егорова, которых он считал ответственными за военные неудачи на Северном Кавказе [Лидер 1996; Условия 1996]. После принятия Б.Н. Ельциным данных условий лидер «Яблока» был готов войти в состав правительства, а также отказаться от участия в президентских выборах, поддержав на них кандидатуру действующего главы государства. Как известно, переговоры политиков окончились неудачей.

Отметим, что активную антивоенную позицию в чеченском вопросе в середине 1990-х гг. высказывали и некоторые другие известные члены «Яблока», неоднократно бывавшие в республике. В частности, после посещения Чечни зимой и весной 1996 г. депутат Государственной Думы РФ, журналист Ю.П. Щекочихин в статьях для столичной «Литературной газеты» утверждал о невозможности военного пути решения чеченской проблемы по причине низкой боеспособности федеральных войск. В частности, автор писал, что на многочисленных блокпостах российских силовых структур в Чечне несут службу в основном молодые солдаты, которые «измучены бессмысленностью войны». В частности, некий анонимный российский офицер, служивший на административной границе Чечни и Ингушетии, даже попросил журналиста как объяснить ему ход военных действий на Северном Кавказе, так и дать прогноз о времени их завершения [Щекочихин 1996б]. В этом Ю.П. Щекочихин был не одинок, так как похожие оценки состояния российской группировки давались в те дни во многих федеральных СМИ [Тумаков 2023: 53-54].

Явным преимуществом чеченских боевиков журналист полагал и тот факт, что они постоянно проживали в населённых пунктах, в то время как федеральные силы – в вырытых посреди обычного поля землянках. Тем самым он отчётливо давал понять своим читателям, на чьей стороне находятся симпатии явного большинства населения республики [Щекочихин 1996а]. Из этого Щекочихин заключал, что уже якобы ничто не может заставить чеченский народ перестать кричать «Аллах акбар!», то есть закончить вооружённую борьбу за независимость, а потому федеральному Центру придётся согласиться с его выходом из состава страны. При этом он отнюдь не считал возможное отделение Чечни окончательным, приводя в качестве довода слова местного старейшины: «вы (россияне – *Авт.*) живите так, а мы – так. А потом снова полюбим друг друга», так как «чеченцы – не звери» [Щекочихин 1996а].

В статье постоянно сравнивались обе противоборствующие стороны чеченского конфликта, причём сравнение оказывалось явно не в пользу сил правопорядка. В частности, Ю.П. Щекочихин упоминал о некоем чеченском подростке, который уже получил немалый боевой опыт и, в частности, умел подбивать российскую бронетехнику [Щекочихин 1996а]. Таким, по мнению депутата нижней палаты Федерального Собрания РФ, этого человека сделали «все мы вместе», то есть сами россияне, так как проявили абсолютное безразличие к непростой обстановке в Чечне в начале 1990-х гг. Другие полевые командиры и рядовые члены вооружённых формирований Д.М. Дудаева сравнивались в публикации с героями Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. – Маршалами Советского Союза Г.К. Жуковым и К.К. Рокоссовским, а также красноармейцем А.М. Матросовым или знаменитой советской партизанкой З.А. Космодемьянской [Щекочихин 1996а]. Автором публикации особо подчёркивался тот факт, что многие крупные чеченские полевые командиры не имели профессионального военного образования и до трагических событий 1994-1996 гг. были представителями различных гражданских профессий, но при этом могут вполне адекватно противостоять федеральным войскам.

События в Кизляре и Первомайском Ю.П. Щекочихин полагал победой террористов несмотря на то, что российское командование будто бы бросило на штурм захваченного дагестанского селения 17 тысяч военных [Щекочихин 1996а]. Причиной столь неблагоприятного для федеральных сил исхода операции депутат-журналист считал принципиально иное отношение чеченской стороны к жизням собственных бойцов. Один из боевиков говорил в интервью о том, что «когда погибает один наш боец, у нас трагедия, а у вас целый батальон гибнет – и все спят спокойно» [Щекочихин 1996а]. Начальник главного штаба чеченских формирований А.А. Масхадов тоже называл захваченных в ходе операции террористов «моими бойцами», одновременно утверждая о скорой отдаче под суд военного трибунала полевого командира С.Б. Радуева, чьи действия в Дагестане он подверг критике [Щекочихин 1996а]. Чеченские боевики в данных репортажах выглядели не врагами России, а соотечественниками. Тем самым репортаж в «Литературной газете» был наглядной иллюстрацией тезиса «Яблока» о чеченском конфликте как о гражданской войне в России.

В центральных масс-медиа публиковалась и точка зрения на чеченский кризис ещё одного известного представителя «Яблоко», депутата Государственной Думы РФ, журналиста и правозащитника В.В. Борщёва. В июне 1995 г. Борщёв не только активно участвовал в переговорах с террористами, напавшими на Будённовск, но предложил им себя в качестве добровольного заложника. Его впечатления об отряде Ш.С. Басаева вскоре после завершения кризиса опубликовала «Литературная газета». Депутат охарактеризовал главаря боевиков как очень авторитетную фигуру в республике, не противостоящую Д.М. Дудаеву, но во многом действующую автономно от него, а также однозначно утверждал о том, что ожидать выдачи террористов российскому правосудию нецелесообразно [Сабов 1995]. В беседе с журналистом столичного издания В.В. Борщёв также отмечал большой боевой опыт членов группировки Ш.С. Басаева, жёсткую дисциплину и единоначалие в их рядах. При этом она была интернациональной – визуально депутат-правозащитник выделил среди террористов одного казаха, трёх украинок и ещё нескольких славян [Сабов 1995]. Справедливости ради, в данном интервью Борщёв не оправдывал действий террористов, захвативших родильный дом в Будённовске, и отказывался признать их «мусульманами и воинами ислама», как они на том настаивали [Сабов 1995].

Критикуя федеральные власти за приверженность силовым действиям на Северном Кавказе, руководство «Яблока» старалось не впадать в другую крайность. В публичных выступлениях Г.А. Явлинского и других представителей партии не наблюдалось апологетики дудаевского режима. Например, в упоминавшемся выступлении от 11 января 1995 г. В.Л. Шейнис, хоть и называл сражавшихся с федеральными войсками чеченских боевиков «вооружённым народом», открыто заявил, что вопрос о статусе Чечни не может являться предметом переговоров [Шейнис 1995: 53]. Принципиальных перемен в позиции «Яблока» по этому вопросу не произошло и впоследствии. В заявлении думской фракции о трагических событиях в Первомайском от 16 января 1996 г. виновниками начала чеченской кампании были объявлены как Б.Н. Ельцин, так и Д.М. Дудаев. По отношению к обоим политикам «Яблоко» было настроено крайне критично.

Напомним, что фракция заявила о недоверии Президенту и Правительству РФ, высказав намерение отстранить их от власти законным путём. Однако и лидер чеченских боевиков был охарактеризован в этом документе как «политический труп», так как в результате действий банды С.Б. Радуева в Дагестане погибли гражданские лица всех национальностей, включая женщин и детей[1].

В упоминавшемся выше интервью редакции «Общей газеты» уже сам Г.А. Явлинский назвал чеченских боевиков «бандитами», что не расходилось с официальной фразеологией федеральных властей и военного командования, а также утверждал, что в Кизляре и Первомайском террористы действовали «*за пределами чести*… (курсив оригинала – *Авт.*) и… не могут больше рассчитывать ни на что» [Явлинский 1999: 96]. Весьма любопытно, что даже в заявлении «О ситуации в Чеченской Республике» от 10 августа 1996 года думская фракция «Яблоко» осудило массированную атаку боевиков на Грозный и, в очередной раз призывая враждующие стороны к возобновлению переговорного процесса и политическому урегулированию чеченского конфликта, всё же высказалась в поддержку «адекватных военных мер для освобождения Грозного от вооружённых сепаратистов»[2].

Тем не менее в целом объединение «Яблоко» продолжало настаивать на исключительно мирных способах разрешения кризиса на Северном Кавказе, а потому неудивительно, что парламентская фракция этой партии оказалась единственной, которая «решительно поддержала» заключение Хасавюртовских соглашений и окончание активных боевых действий в республике. Выступая в нижней палате российского парламента 2 октября 1996 г. от имени всей фракции, Явлинский заявил, что «никаких других соглашений в нынешней ситуации подписать там (в Чечне – *Авт.*) просто невозможно» [Явлинский 1999: 133]. Спустя две недели в интервью столичной «Независимой газете» он развил собственную мысль, назвав упомянутые соглашения А.И. Лебедя с руководителями чеченских вооружённых формирований «единственным правильным шагом», так как они «остановили полномасштабную войну» и «в будущем… могут иметь весьма положительное значение». Лидер «Яблока» сделал однозначный вывод о том, что никакого иного решения чеченская проблема на тот период не имела [Явлинский 1999: 137, 139-140].

Как показало развитие событий в стране в середине 1990-х гг., антивоенная позиция объединения «Яблоко» и её лидера, невзирая на чёткость и совпадение с настроениями большинства российских граждан, содержала и ряд слабых мест, которыми могли воспользоваться политические конкуренты. Так, критикуя российское военно-политическое руководство за массовую гибель мирных жителей в период военных действий 1994-1996 гг. в Чечне, «яблочники» практически не упоминали о имевших место преступлениях режима Д.М. Дудаева, а также о непростых межнациональных отношениях в республике. По некоторым данным, в начале 1990-х гг. Чечню покинули примерно 200-300 тысяч граждан различных

[1] Заявление фракции «Яблоко» о событиях в посёлке Первомайский. 16 января 1996 года // URL: https://www.yabloko.ru/Themes/Chechnja/chech-5.html [дата обращения 1.04.2025 г.].

[2] Заявление фракции «Яблоко» «О ситуации в Чеченской Республике». 10 августа 1996 года // URL: https://www.yabloko.ru/Themes/Chechnja/chech-12.html [дата обращения 1.04.2025 г.].

национальностей, что соответствовало примерно 20-25 % её населения в позднесоветский период, а ещё до 30 тысяч – бесследно исчезли [Мяло 2002: 344]. Уже весной 1992 г. корреспонденты федеральных масс-медиа сообщали после посещения Грозного о том, что в парламент Чечни был избран всего один русский депутат, а прочие народы республики и вовсе не представлены в законодательном органе власти, а также писали о нередких преступлениях в отношении русскоязычных жителей [Дубнов, Ковальская 1992: 23]. Российские власти и СМИ также утверждали, что в те же годы вооружённые нападения на железнодорожный транспорт, проходивший через территорию республики, были регулярными. Только в 1992-1994 гг. в Чечне погибли 26 железнодорожников [Россия и СССР 2001: 578], от набегов регулярно страдали соседние регионы – Ставропольский край и Дагестан [Бугай 2006: 336, 349-350]. В результате к исходу 1994 г. Центр просто не мог далее игнорировать сложившуюся в Северо-Кавказском регионе ситуацию, а антивоенные заявления «Яблока» могли расцениваться в обществе как попытки оправдать дудаевский режим.

Г.А. Явлинский и «Яблоко» умалчивали об упорстве и нежелании официального Грозного идти на компромиссы на переговорах с федеральными властями в 1991-1994 гг. Напомним, что в эти годы режим генерала Д.М. Дудаева отказывался признать Чеченскую Республику субъектом РФ и регулярно подчёркивал её de-facto независимый статус. Напротив, ещё 1 января 1992 г. вступил в силу Закон об обороне (защите) республики, согласно которому возникли т.н. «вооружённые силы» Чечни [Коротко 1992]. В дальнейшем официальный Грозный активно принимал меры по повышению их боеспособности [Тумаков 2017: 90-93, 95]. Дудаевский режим в первой половине 1990-х гг. проявлял немалую активность и в вопросе создания «Кавказского общего дома», что понималось в Москве как попытка вытеснить Россию не только из Закавказья, но и с Северного Кавказа. Федеральные СМИ уже осенью 1992 г. неоднократно упоминали о создании крайне негативного образа России в чеченской периодической печати [Тумаков 2024: 146-147].

Достаточно спорным выглядело позиционирование Г.А. Явлинским Хасавюртовских соглашений как «единственно правильного шага», так как ситуация в Чечне в августе 1996 г. после атаки отрядов боевиков на Грозный, несмотря на большие потери российских войск в людях и технике, не выглядела безвыходной для них. На стороне федеральной группировки были несопоставимо большие человеческие резервы и, в силу этого, безусловное численное превосходство, абсолютное господство в воздухе и подавляющий перевес в огневой мощи. Только за счёт банального численного и технического преимущества российская армия смогла бы вернуть контроль над столицей Чечни. Боевой дух федеральных сил, несмотря на все сложности, также не был сломлен. Как показал социологический опрос, проведённый в конце 1996 г. среди военнослужащих 101-й бригады ВВ МВД РФ – участников боёв августа того же года, свыше 81 % респондентов считали себя сильнее противника и выражали уверенность в конечной победе в случае возобновления боевых действий в Чечне. Иначе думали лишь 4 % [Радковский 1997: 25].

Достаточно наивным выглядело утверждение лидера «Яблока» о продолжении содержательных политических переговоров с лидерами сепаратистов по вопросам «терроризма внутри Чечни» и защите сопредельных российских регионов от проникновения оружия и наркотиков [Явлинский 1999: 137-138]. Учитывая, что у власти в Грозном после окончания боевых действий и полного вывода федеральных войск из Чеченской Республики снова встали сторонники независимости, в том числе крупные полевые командиры – организаторы и исполнители кровавых террористических актов (братья Шамиль и Ширвани Басаевы, Т-А.А. Адгериев, Х-П.Г. Исрапилов, А.А. Исмаилов, А.М. Мовсаев и А.С. Абдулхаджиев), решать с ними подобные вопросы было крайне проблематично.

Заключение

В 1994-1996 гг. избирательный блок «ЯБЛоко», а затем и Общественное объединение «Яблоко» стали одним из заметных противников военного способа решения чеченского кризиса. Оно располагало сравнительно крупной фракцией в Государственной Думе РФ, его члены были представлены в федеральных и региональных органах исполнительной власти. На фоне других реформаторских партий России позицию «Яблока» в чеченском вопросе можно считать умеренной. В отличие от некоторых российских правозащитников, журналистов, представителей творческой интеллигенции, политических или общественных деятелей [Тумаков 2017: 502-516, 527-530], «яблочники» занимали сравнительно умеренную позицию. Они никогда не вели речь о геноциде чеченского народа, не поддерживали идею предоставления независимости Чечне и, тем более, не допускали публичных оскорблений в адрес военнослужащих федеральных сил и не признавались в симпатиях к дудаевскому режиму. Напротив, «Яблоко» неизменно выступало с позиций сохранения территориальной целостности и единства России, выражало сочувствие военным как к жертвам трагических обстоятельств. Так, выступая на IV (закрытом) съезде Общественного объединения «Яблоко» 23 июня 1996 г., Г.А. Явлинский заявил, что «мы не простим (президенту России Б.Н. Ельцину – *Авт.*) … убитых зазря мальчишек» [Явлинский 1999: 118], явно имея в виду погибших в Чечне российских солдат срочной службы. Весьма примечательно, что объединение не отказывалось от признания тех чеченцев, что воевали на стороне федерального Центра, призывая и к внутричеченскому диалогу.

В то же время, в отличие от Партии российского единства и согласия С.М. Шахрая [Тумаков, Кищенков, Михайлов 2023: 764-766] или группы «Либерально-демократический союз 12 декабря» [Тумаков 2017: 468-469], «Яблоко» неизменно отказывалось даже от частичной поддержки кавказской политики Кремля, считая её неверной. Даже занимавший особую позицию по чеченскому вопросу член думской фракции, бывший участник советского диссидентского движения В.В. Игрунов летом 1996 г. полагал, что для прекращения военных действий в Чечне требуется мирный процесс, а не армейская сила [Началась 1996]. Г.А. Явлинский и некоторые другие депутаты парламента от «Яблока» лично ездили в Чечню и были непосредственными очевидцами происходивших там трагических событий. Однако общее падение популярности реформаторских

сил среди населения России и провал переговоров «Яблока» и «Выбора России» о коалиции в преддверии думских выборов 1995 г. привели к тому, что создать и возглавить широкое антивоенное движение объединение так и не смогло.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ:

Арбатов 2015 – *Арбатов Г.А.* Человек системы. – М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2015. – 416 с.

Асташкин 2005 – *Асташкин Н.С.* По волчьему следу. Хроники чеченских войн. – М.: Вече, 2005. – 416 с.

Афанасьева 1994 – *Афанасьева Е.* Явлинский привёз пленных // Новая ежедневная газета. – 1994. – 8 декабря.

Бугай 2006 – *Бугай Н.Ф.* Чеченская республика: конфронтация, стабильность, мир. – М.: ИРИ РАН, 2006. – 476 с.

Вавра 2024 – *Вавра А.В.* Виктор Черномырдин: В харизме надо родиться. – М.: АФК «Система»; Политическая энциклопедия, 2024. – 367 с.

Война в Чечне: политические ошибки и военные преступления. – М.: РОДП «Яблоко», 2015. – 116 с.

Выступление 1995 – Выступление на пленарном заседании Госдумы 25 января 1995 года депутата фракции «Яблоко» В.В. Борщёва при обсуждении вопроса о деятельности уполномоченного по правам человека, председателя Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации Ковалёва С.А. // Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Весенняя сессия. Том 13. 11-27 января 1995 года. – М.: «Известия», 1995. – С. 628-629.

Гудков 1996 – *Гудков Л.* Год чеченской войны в общественном мнении России // Дружба народов. – 1996. – № 2. – С. 160-168.

Досье 1994 – Досье // Огонёк. – 1994. – № 50-51. – С. 2.

Дубнов, Ковальская 1992 – *Дубнов А., Ковальская Г.* С Россией или без?.. // Новое время. – 1992. – № 20. – С. 22-25.

Елисеенко 1996 – *Елисеенко В.* После Кизляра – Первомайское // Русская мысль. – 1996. – 18-24 января.

Колесников 1995 – *Колесников А.* Яблочный дым. Явлинский – живой миф, который эффективен в политической борьбе // Новое время. – 1995. - № 45. С. 8-9.

Колесников 1996 – *Колесников А.* Какой сорт «ЯБЛока» предпочитает интеллигенция? // Новое время. – 1996. – № 20. – С. 9-10.

Колобова 1998 – *Колобова В.В*. Григорий Явлинский. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. – 317 с.

Коротко 1992 – Коротко: Чечня // Независимая газета. – 1992. – 4 января.

Курчаткин 1996 – *Курчаткин А.* Не «Игрок», а гражданин. Почему травят Григория Явлинского // Русская мысль. – 1996. – 2-8 мая.

Лапкин 1996 – *Лапкин В.* Лидер меньшинства. Социологический портрет // Новое время. – 1996. – № 20. – С. 11-12.

Ливен 2019 – *Ливен А.* Чечня: трагедия российской мощи. Первая чеченская война. – М.: Университет Дмитрия Пожарского. Русский фонд содействия образованию и науке, 2019. – 560 с.

Лидер 1996 – Лидер «ЯБЛока» предложил Президенту поделиться ответственностью, но сохранить связь // Независимая газета. – 1996. – 18 мая.

Ляховский 2006 – *Ляховский А.А.* Зачарованные свободой: Тайны кавказских войн: Информация. Анализ. Выводы. – М.: Детектив-Пресс, 2006. – 640 с.

Макаров 1996 – *Макаров Д.* Война унесла 80 тысяч жизней. Позиция Дудаева // Аргументы и факты. – 1996. – 10 апреля.

Малашенко, Тренин 2002 – *Малашенко А.В., Тренин Д.А.* Время Юга: Россия в Чечне, Чечня в России. – М.: Гендальф, 2002. – 267 с.

Мильштейн 1996 – *Мильштейн И.* Сергей Ковалёв: «Не надо меня агитировать за Гайдара…». Дела наши безнадёжны, победа будет за нами // Новое время. – 1996. – № 20. – С. 14-15.

Мяло 2002 – *Мяло К.Г.* Россия и последние войны XX века (1989-2000). К истории падения сверхдержавы. – М.: Вече, 2002. – 480 с.

Началась 1996 – Началась ли в Чечне «война до победного конца»? // Коммерсант-Власть. – 1996. – № 26. – С. 4.

НЕГА 1996 – НЕГА сообщает: Северный Кавказ // Независимая газета. – 1996. – 19 апреля.

Осмаев 2009 – *Осмаев А.Д.* Повседневная жизнь жителей Чеченской Республики в 1990-1996 гг. // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2009. – № 3А. – С. 123-126.

Радковский 1997 – *Радковский И.* Вывод перед вводом? // Солдат удачи. – 1997. – № 10. – С. 20-25.

Россия и СССР 2001 – Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – 608 с.

Сабов 1995 – *Сабов А.* Будённовск: штурм и после него. Рассказывает депутат Госдумы Валерий Борщёв // Литературная газета. – 1995. – 28 июня.

Сереброва 1995 – *Сереброва Л.* В живых осталось только двое из сорока восьми ребят... // Рабочий край. – 1995. – 7 февраля.

Социологический опрос 1995 – Социологический опрос // Комсомольская правда. – 1995. – 10 декабря.

Тишков 2001 – *Тишков В.А*. Общество в вооруженном конфликте. Этнография чеченской войны. – М.: Наука, 2001. – 552 с.

Трошев 2001 – *Трошев Г.Н.* Моя война. Чеченский дневник окопного генерала. – М.: Вагриус, 2001. – 383 с.

Тумаков 2016 – *Тумаков Д.В.* Тревожный регион: вооружённые конфликты на Северном Кавказе в первой половине 1990-х гг. и Ярославская область. – Ярославль: «Аверс Плюс», 2016. – 180 с.

Тумаков 2017 – *Тумаков Д.В.* Горячая точка новой России: чеченский кризис 1991-1996 гг. в оценках российского общества. – Ярославль: Аверс Плюс, 2017. – 740 с.

Тумаков 2023 – *Тумаков Д.В.* Российская армия и чеченские сепаратисты в боевых действиях зимы – весны 1996 года (по материалам периодической печати) // Социогуманитарные коммуникации. – 2023. – № 4 (6). – С. 50-63.

Тумаков 2024 – *Тумаков Д.В.* Чеченская Республика в 1992 году (по материалам федеральной печати) // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 4. – С. 139-159.

Тумаков, Кищенков, Михайлов 2023 – *Тумаков Д.В., Кищенков М.С., Михайлов С.А.* Региональная политика России первой половины 1990-х гг. в оценках С.М. Шахрая и Партии российского единства и согласия // Via in tempore. История. Политология. – 2023. – Т. 50. № 3. – С. 758-769.

Условия 1996 – Условия Явлинского известны. Реакции президента пока нет // Известия. – 1996. – 18 мая.

Чеченское горе 1995 – Чеченское горе России. Сборник статей и материалов. – М.: Координационный совет помощи беженцам и вынужденным переселенцам, 1995. – 128 с.

Шайхаев 2019 – *Шайхаев Т.И.* Военно-политические события на территории Чеченской республики перед подписанием «Хасавюртовских соглашений» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. – 2019. - № 3. – С. 107-114.

Шейнис 1995 – *Шейнис В.Л.* Выступление на внеочередном заседании Госдумы по вопросу «О сохранении российской государственности. О ситуации в Чеченской Республике и мерах выхода из кризиса» // Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Весенняя сессия. Том 13. 11-27 января 1995 года. – М.: «Известия», 1995. – С. 51-53.

Щекочихин 1996а – *Щекочихин Ю.* Чтобы победить, Россия должна проиграть войну в Чечне // Литературная газета. – 1996. – 7 февраля.

Щекочихин 1996б – *Щекочихин Ю.* Если это мир, то что же означает война? // Литературная газета. – 1996. – 10 апреля.

Явлинский 1994 – Явлинский и ряд думцев «готовы заменить пленных» // Сегодня. – 1994. – 6 декабря.

Явлинский 1996 – *Явлинский Г.* Кроме кучки дельцов, все против этой бойни // Известия. – 1996. – 1 февраля.

Явлинский 1999 – *Явлинский Г.А.* О российской политике. Выступления и статьи (1994-1999). – М.: ЭПИ-Центр, 1999. – 419 с.

REFERENCES

ARBATOV G.A. *Chelovek sistemy* [The man of the system]. – Moscow: ZAO Izdatelstvo Centrpoligraf, 2015. – 428 p. (In Russ.).

ASTASHKIN N.S. *Po volchemu sledu. Hroniki chechenskih vojn* [On the Wolf's trail: chronicles of the Chechen Wars]. – Moscow: Veche, 2005. – 416 p. (In Russ.).

AFANASYEVA E. *Yavlinsky privyoz plennyh* [Yavlinsky brought prisoners]. IN: Novaja ezhednevnaja gazeta. – 1994. – December 8 (In Russ.).

BUGAY N.F. *Chechenskaja respublika: konfrontacija, stabilnost, mir* [The Chechen Republic: confrontation, stability, peace]. – Moscow: IRI RAN, 2006. – 476 p. (In Russ.).

VAVRA A.V. *Victor Chernomyrdin: V harizme nado roditsya* [Viktor Chernomyrdin: One must be born into charisma]. – Moscow: AFK «Systema»; Politicheskaya enciklopedia, 2024. – 367 p. (In Russ.).

Vojna v Chechne: politicheskie oshibki i voennye prestuplenija [The war in Chechnya: political mistakes and war crimes]. – Moscow: RODP «Yabloko», 2015. – 116 p. (In Russ.).

Vystuplenie na plenarnom zasedanii Gosdumy 25 janvarya 1995 goda deputata fraktsii «Yabloko» V.V. Borshyova pri obsuzhdenii voprosa o deyatelnosti upolnomochennogo po pravam cheloveka, predsedatelya Komissii po pravam cheloveka pri Prezidente Rossijskoj Federacii S.A. Kovalyova [Speech at the plenary session of the State Duma on January 25, 1995 by deputy of the Yabloko faction V.V. Borshchev when discussing the activities of the Commissioner for Human Rights, Chairman of the Human Rights Commission under the President of the Russian Federation S.A. Kovalev]. IN: Gosudarstvennaja Duma. Stenogramma zasedanij. Vesennyja sessija. Tom 13. 11-27 janvarya 1995 goda. – Moscow: «Izvestia», 1995. – P. 628-629 (In Russ.).

GUDKOV L. *God chechenskoj vojny v obshchestvennom mnenii Rossii* [The Year of the Chechen War in Russian public opinion]. IN: Druzhba narodov. – 1996. - № 2. – P. 160-168. (In Russ.).

Dosyje [The dossier]. IN: Ogonyok. – 1994. – № 50-51. – P. 2 (In Russ.).

DUBNOV A., KOVALSKAYA G. *S Rossiej ili bez?..* [With or without Russia?..]. IN: Novoje vremya. – 1992. – № 20. – P. 22-25. (In Russ.).

ELISEENKO V. *Posle Kizlyara – Pervomayskoye* [After Kizlyar – Pervomayskoje]. IN: Russkaja mysl. – 1996 – January 18-24 (In Russ.).

KOLESNIKOV A. *Yablochnyj dym. Yavlinsky – zhivoj mif, kotoryj effektiven v politicheskoy borbe* [Apple smoke. Yavlinsky is a living myth that is effective in political struggle]. IN: Novoje vremya. – 1995. – № 45. – P. 8-9 (In Russ.).

KOLESNIKOV A. *Kakoy sort «YaBLoka» predpochitaet intelligencija?* [What kind of "apple" does the intelligentsia prefer?]. IN: Novoje vremya. – 1996. – № 20. – P. 9-10 (In Russ.).

KOLOBOVA V.V. *Grigory Yavlinsky* [Grigory Yavlinsky] – Rostov-na-Donu: Fenix, 1998. – 317 p. (In Russ.).

Korotko: Chechnya [In short: Chechnya]. IN: Nezavisimaya gazeta. – 1992. – January 4 (In Russ.).

KURCHATKIN A. *Ne «Igrok», a grazhdanin. Pochemu travyat Grigorija Yavlinskogo* [Not a "Player", but a citizen. Why is Grigory Yavlinsky being bullied?]. IN: Russkaja mysl. – 1996. – May 2-8 (In Russ.).

LAPKIN V. *Lider menshinstva. Sociologicheskij portret* [The minority leader. Sociological portrait]. IN: Novoje vremya. – 1996. - № 20. P. 11-12 (In Russ.).

LIVEN A. *Chechnya: tragedija rossijskoj moschi. Pervaja chechenskaja vojna* [Chechnya: the tragedy of Russian power. The First Chechen War]. – Moscow: Dmitry Pozharsky University, 2019. – 560 p. (In Russ.).

Lider «YaBLoka» predlozhil Prezidentu podelitsya otvetstvennostyu, no sohranit svyaz [The Yabloko leader suggested that the President share responsibility, but keep in touch]. IN: Nezavisimaya gazeta. – 1996. – May 18 (In Russ.).

LYAKHOVSKY A.A. *Zacharovannyje svobodoj: Tajny kavkazskih vojn: Informacija. Analiz. Vyvody* [Enchanted Freedoms: Secrets of the Caucasian Wars: Information. Analysis.Conclusions]. – Moscow: Detectiv-Press, 2006. – 640 p. (In Russ.).

MAKAROV D. *Vojna unesla 80 tysyach zhiznej* [The war claimed 80,000 lives. Dudaev's position]. IN: Argumenty i facty. - 1996. – April 10.

MALASHENKO A.V., TRENIN D.A. *Vremya Juga*: *Rossija* v *Checne*, *Chechnya* v *Rossii* [Time of the South: Russia in Chechnya, Chechnya in Russia]. – Moscow: Gendalf, 2002. – 267 p. (In Russ.)

MILSHTEIN I. *Sergey Kovalyov: «Ne nado menya agitirovat za Gaidara…». Dela nashi beznadyozhny, pobeda budet za nami* [Sergey Kovalev: "Don't agitate me for Gaidar..." Our cause is hopeless, victory will be ours]. IN: Novoje vremya. – 1996. – № 20. – P. 14-15 (In Russ.).

MYALO K.G. *Rossija i poslednije vojny XX veka (1989-2000). K istorii padenija sverhderzhavy* [Russia and the last wars of the 20th century (1989-2000). Towards the story of the fall of a superpower]. – Moscow: Veche, 2002. – 480 p. (In Russ.).

Nachalas li v Checne «vojna do pobednogo kontsa»? [Has the "war to the bitter end" begun in Chechnya?]. IN: Kommersant-Vlast. – 1996. – № 26. – P. 4 (In Russ.).

NEGA soobshchaet: Severny Kavkaz [NEGA reports: The North Caucasus]. IN: Nezavisimaya gazeta. – 1996. – April 19 (In Russ.).

OSMAEV A.D. *Povsednevnaja zhizn zhitelej Chechenskoj Respubliki v 1990-1996 gg.* [daily life of residents of the Chechen Republic in 1990-1996]. IN: Izvestia vysshih uchebnyh zavedenij. Severo-Kavkazckij region. Obshestvennye nauki. – 2009. – № 3A. – P. 123-126. (In Russ).

RADKOVSKY I. *Vyvod pered vvodom?* [Output before input?]. IN: Soldat udachi. – 1997. – № 10. – P. 20-25 (In Russ.).:

Rossija i SSSR v vojnah XX veka: Statisticheskoje issledovanije [Russia and the USSR in the wars of the XX century: A statistical study]. - Moscow: OLMA-PRESS, 2001. – 608 p. (In Russ.).

SABOV A. *Budyonnovsk: shturm i posle nego. Rasskazyvaet deputat Gosdumy Valery Borshyov* [Budennovsk: the assault and after it. Says State Duma Deputy Valery Borshchev]. IN: Literaturnaja gazeta. – 1995. – June 28 (In Russ.).

SEREBROVA L. *V zhivyh ostalos tolko dvoe iz soroka vosmi rebyat* [Only two of the forty-eight children remained alive...]. IN: Rabochij kraj. – 1995. – February 7 (In Russ.).

Sociologicheskij opros [Sociological survey]. IN: Komsomolskaja pravda. – 1995. – December 10 (In Russ.).

TISHKOV V.A. *Obschestvo v vooryzhennom konflikte. Etnografija chechenskoj vojny* [Society in armed conflict. Ethnography of the Chechen War]. – Moscow: Nauka, 2001. – 552 p. (In Russ).

TROSHEV G.N. *Moya vojna. Chechenskij dnevnik okopnogo generala* [My war. The Chechen diary of a trench general]. – Moscow: Vagrius, 2001. – 383 p. (In Russ.).

TUMAKOV D.V. *Trevozhnyj region: vooruzhyonnye konflicty na Severnom Kavkaze v pervoj polovine 1990-h gg. i Yaroslavskaya oblast* [An alarming region: armed conflicts in the North Caucasus in the first half of the 1990s and the Yaroslavl Region]. – Yaroslavl: Avers plus, 2016. – 180 p. (In Russ.).

TUMAKOV D.V. *Goryachaya tochka novoj Rossii: chechenskij krizis 1991-1996gg. v otsenkah rossijskogo obschestva* [Hot spot of the new Russia: the Chechen crisis of 1991-1996 in the Assessments of Russian Society]. – Yaroslavl: Avers plus, 2017. – 740 p. (In Russ.).

TUMAKOV D.V. *Rossijskaja armija i chechenskije separatisty v boevyh deystviyah zimy – vesny 1996 goda (po materialam periodicheskoj pechati)* [The Russian army and Chechen separatists in the fighting in the winter and spring of 1996 (based on the materials of the periodical press)]. IN: Sociogumanitarnyje kommunikacii. – 2023. – № 4 (6). – P. 20-25 (In Russ.).

TUMAKOV D.V. *Chechenskaja Respublika v 1992 godu* [Chechen Republic in 1992 (based on the materials of the federal periodicals)]. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 4. – P. 139-159 (In Russ.).

TUMAKOV D.V., KISHHENKOV M.S., MIKHAYLOV S.A. *Regionalnaja politika Rossii pervoj poloviny 1990-h gg. v otsenkah S.M. Shahraja i Partii rossijskogo edinstva i soglasija* [Regional Policy of Russia in the First Half of the 1990s in the Assessments of S.M. Shakhrai and the Party of Russian Unity and Accord]. IN: Via in tempore. History and political science. – 2023. – Vol. 50. № 3. – P. 758-769 (In Russ.).

Uslovia Yavlinskogo izvestny. Reakcii prezidenta poka net [Yavlinsky's conditions are known. There is no reaction from the president yet]. IN: Izvestia. – 1996. – May 18 (In Russ.).

Chechenskoje gore Rossii. Sbornik statej i materialov [The Chechen grief of Russia. Collection of articles and materials]. – Moscow: Coordinating Council for Assistance to Refugees and Internally Displaced Persons, 1995. – 128 p. (In Russ.).

SHAYKHAEV T.I. *Voenno-politicheskie sobytia na territorii Chechenskoj respubliki pered podpisaniem «Khasavyurtovskih soglashenij»* [Military-political developments on the territory of the Chechen republic prior to the signing of the «Khasavyurt agreements»]. IN: Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seria: Istoria i politicheskie nauki. – 2019. - № 3. – P. 107-114 (In Russ.).

SHEYNIS V.L. *Vystuplenie na vneocherednom zasedanii Gosdumy po voprosu «O sohranenii rossijskoj gosudarstvennosti. O situacii v Chechenskoj Respublike I merah vyhoda iz krizisa»* [Speech at an extraordinary meeting of the State Duma on the issue of «Preserving Russian statehood. On the situation in the Chechen Republic and measures to overcome the crisis»]. IN: Gosudarstvennaja Duma. Stenogramma zasedanij. Vesennyja sessija. Tom 13. 11-27 janvarya 1995 goda. – Moscow: «Izvestia», 1995. – P. 51-53 (In Russ.).

SCHEKOCHIHIN Y. *Chtoby pobedit, Rossija dolzhna proigrat vojnu v Chechne* [To win, Russia must lose the war in Chechnya]. IN: Literaturnaja gazeta. – 1996. – February 7 (In Russ.).

SCHEKOCHIHIN Y. *Esli eto mir, to chto zhe oznachaet vojna?* [If this is peace, then what does war mean?]. IN: Literaturnaja gazeta. – 1996. – April 10 (In Russ.).

Yavlinsky i ryad dumtsev «gotovy zamenit plennyh» [Yavlinsky and a number of Duma members "ready to replace prisoners"]. IN: Segodnya. – 1994. – December 6 (In Russ.).

YAVLINSKY G. *Krome kuchki deltsov, vse protiv etoj bojni* [Except for a bunch of businessmen, everyone is against this massacre]. IN: Izvestia. – 1996. – February 1 (In Russ.).

YAVLINSKY G. *O rossijskoj politike. Vystuplenija i statji* [About Russian politics. Speeches and articles (1994-1999)]. – Moscow: EPI-Center, 1999. – 419 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Д.В. Тумаков – кандидат исторических наук, доцент.

Information about the authors

D.V. Tumakov – Candidate of Science (History).

Статья поступила в редакцию 07.04.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.06.2025 г.; принята к публикации 27.06.2025 г.

The article was submitted 07.04.2025 y.; approved after reviewing 15.06.2025 y.; accepted for publication 27.06.2025 y.

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

Научная статья
УДК 94+39(=352.3)
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-2-83-101
EDN: JPSKHO

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ О КАБАРДИНЦАХ В РОССИЙСКИХ ИСТОЧНИКАХ ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XVIII – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

Анзор Викторович Кушхабиев
Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук, Нальчик, Россия, anzor-vk@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-4618-2148

Аннотация. В статье представлен анализ некоторых этнографических сведений о кабардинцах, зафиксированных в российских источниках последней трети XVIII – первой четверти XIX в.: делопроизводственных документах, нарративных материалах и др. Показано, что в них содержатся противоречивые – объективные и тенденциозные оценки сведений о кабардинцах. Зафиксированные в источниках утверждения об отсутствии в Кабарде законов и княжеской собственности, о грабительском характере сбора податей князьями и др., а также перечисление значительного количества негативных качеств, якобы свойственных этническому характеру кабардинцев и других народов Северного Кавказа, опровергаются данными, свидетельствующими об обратном. В рассмотренных источниках демографическая и статистическая информация рассматривается, в основном, в контексте описания политической ситуации в регионе. Представлены позиции царских властей и кабардинской политической элиты по территориальной проблеме. В них зафиксировано значительное уменьшение численности кабардинцев в 9-10 раз и, как следствие, снижение военного потенциала Кабарды. В некоторых источниках содержатся рекомендации военных чиновников о ликвидации системы военного воспитания сыновей черкесских феодалов с целью установления полного административно-правового контроля над Кабардой.

Ключевые слова: этнографические сведения, кабардинцы, российские источники, Центральный Кавказ

Для цитирования: Кушхабиев А.В. Этнографические сведения о кабардинцах в российских источниках последней трети XVIII – первой четверти XIX века // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 2. – С. 83-101. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-2-83-101. EDN: JPSKHO.

© Кушхабиев А.В., 2025

Original article

ETHNOGRAPHIC INFORMATION ABOUT THE KABARDIANS IN RUSSIAN SOURCES OF THE LAST THIRD OF THE 18TH – FIRST QUARTER OF THE 19TH CENTURY

Anzor V. Kushkhabiev

Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia., 2, anzor-vk@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-4618-2148

Abstract. The article presents an analysis of some ethnographic information on the Kabardians, recorded in Russian sources of the last third of the 18th – first quarter of the 19th century: office documents, narrative materials, etc. It is shown that they contain contradictory – objective and tendentious assessments of information about the Kabardians. Statements recorded in the sources about the absence of laws and princely property in Kabarda, about the predatory nature of tax collection by princes, etc., as well as the listing of a significant number of negative qualities allegedly inherent in the ethnic character of the Kabardians and other peoples of the North Caucasus, are refuted by information indicating the opposite. In the reviewed sources, demographic and statistical information is considered mainly in the context of describing the political situation in the region. The positions of the tsarist authorities and the Kabardian political elite on the territorial problem are presented. They recorded a significant decrease in the number of Kabardians by 9-10 times and, as a consequence, a decrease in the military potential of Kabarda. Some sources contain recommendations from military officials to eliminate the system of military education of the sons of Circassian feudal lords in order to establish full administrative and legal control over Kabarda.

Keywords: ethnographic information, Kabardians, Russian sources, Central Caucasus

For citation: Kushkhabiev A.V. Ethnographic information about the Kabardians in Russian sources of the last third of the 18th – first quarter of the 19th century. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 2. – P. 83-101. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-2-83-101. EDN: JPSKHO.

© Kushkhabiev A.V., 2025

Введение

В современный период сохраняется исследовательский интерес к проблемам истории народов Центрального Кавказа Нового времени. В информационном пространстве публикуется значительное количество научных исследований и публицистических работ по данной проблематике, в которых использованы сведения разных видов источников. В то же время, в ряде работ представлены противоречивые трактовки и выводы о народах этих субрегионов, а нередко и субъективная трактовка сведений источников. В этой связи, анализ этнографических сведений о народах Центрального Кавказа, в частности о кабардинцах, зафиксированных в российских источниках (нормативные и делопроизводственные документы, нарративные источники и др.) последней трети XVIII – первой четверти XIX в., представляет важную исследовательскую задачу современного кавказоведения; позволяет глубже изучить этническую историю народов Центрального Кавказа в Новое время, характер и особенности отношений народов субрегиона с российскими органами власти.

Целью настоящей статьи является анализ некоторых этнографических сведений о кабардинцах, зафиксированных в российских источниках (делопроизводственные документы, нарративные источники и др.) последней трети XVIII – первой четверти XIX в.

Источниковую базу настоящей работы составили источники последней трети XVIII – первой четверти XIX в., включенные в сборники: «Акты, собранные Кавказской археографической комиссией» [АКАК]; «Кабардино-Русские отношения в XVI-XVIII веках» [КРО]; документы и материалы, выявленные в

Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА, г. Москва), Российском государственном историческом архиве (РГИА, г. СПб.) и др.

Состояние изученности проблемы. Российскими авторами XIX в., прежде всего, военными чиновниками и офицерами, был опубликован значительный этнографический материал о народах и государственных образованиях Центрального Кавказа, в том числе и о Кабарде. Наиболее известными и цитируемыми современными исследователями являются работы: С. Броневского [Броневский 1823], И.Ф. Бларамберга [Бларамберг 1992], Н.Ф. Дубровина [Дубровин 1871], В.А. Потто [Потто 1887-1889], Н.Ф. Грабовского [Грабовский 1870], И. Дебу [Дебу 1829], Ф.И. Леонтовича [Леонтович 1882], К.Ф. Сталя [Сталь 2001], И.Д. Попко [Попко 1880], М.М. Ковалевского [Ковалевский 1890], Е. Максимова [Максимов 1892] и др. Вместе с тем в указанных работах, наряду с ценной информацией, содержатся противоречивые и неточные сведения о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа, что обусловлено как тенденциозным подходом, так и непониманием ряда деталей внутреннего устройства этногосударственных образований региона.

Среди историко-этнографических исследований о Кабарде Нового времени советских и российских кавказоведов, подготовленных на основе анализа значительного корпуса источников, следует указать работы: В.К. Гарданова [Гарданов 1967], Н.Г. Волковой [Волкова 1974], Х.М. Думанова [Думанов 1990], В.Х. Кажарова [Кажаров 1994], П.А. Кузьминова [Кузьминов 2004], А.Х. Абазова [Абазов 2016], З.А. Кожева [Кожев 2020], Т.Х. Алоева [Алоев 2017] и др.

Основная часть

Во второй половине XVIII – первой половине XIX в. царское правительство проводило политику по присоединению государственных образований народов Северного Кавказа и включению их в административно-правовое поле империи. В процессе реализации этой политики проводились и исследования региона: военно-топографические, этнографические и др. В этой связи, в ряде делопроизводственных документов (записки, рапорты, донесения и др.) и нарративных материалов, составленных российскими военными чиновниками в последней трети XVIII – первой четверти XIX в., зафиксированы этнографические сведения о народах Центрального Кавказа, в частности о кабардинцах.

***Сведения о территории и численности населения Кабарды*.** В некоторых работах российских военных чиновников и офицеров содержится довольно подробная демографическая и статистическая информация, в других – краткие заметки. Данные сведения довольно часто рассматриваются в контексте описания политической ситуации в регионе. В них содержатся рекомендации по преобразованию военных и административных структур на территории Кабарды. В частности, в работе генерал-губернатора Кавказского наместничества П.С. Потёмкина (1785-1787) «Краткое описание о кабардинских народах, сделанное в 1784-м году ген. – поручиком Павлом Потемкиным» [Краткое... 1784], лишь зафиксировано, что Малая Кабарда лежит по реке Тереку, а Большая по рекам Байсану (Баксану – А.К.), Чегему и прочим, и простирается до вершины реки Кубани [Краткое... 1784: 545]. Также сказано, что Большая Кабарда разделена на три

княжеских владения – Атажукиных, Мисостовых и Джанбулатовых (Бекмурзины и Кайтукины – А.К.) [Краткое... 1784: 546].

Краткое описание территории расселения народов Северного Кавказа и, в частности кабардинцев, содержится в «Записке о беспорядках на Кавказской линии и о способах прекратить оные», составленной кабардинским князем полковником Измаил-беем (Исмаилом) Атажукиным [Записка... 1804]. В записке сказано, что черкесы (Черкесия – А.К.) делятся на две главные части – Большую и Малую Кабарду и на третью, в которой важнейшую часть составляют бесленейские селения (селения Бесленейского княжества – А.К.) и некоторые другие. Отмечается, что Большая Кабарда расположена по «сю сторону» Терека и Кубани между началами этих рек [Записка... 1804: 957]. О Малой Кабарде сказано, что она расположена к востоку по Тереку, и, что некоторая часть осетин ей подвластна.

О Бесленеевском княжестве сказано, что оно расположено к западу от Большой Кабарды по ту сторону Кубани. В записке отмечается, что владеют в Большой Кабарде три фамилии из рода Инала: Атажуковы, Мисостовы и Жамбулатовы; в Малой – Таусултановы (Талостановы – А.К.) и Гилахстановы (Джилахстановы – А.К.), в Бесленее – князья Кануковы (Каноковы – А.К.) [Записка... 1804: 957].

В записке изложена позиция кабардинской политической элиты по территориальной проблеме. В ней сказано, что причиной обострения отношений кабардинских князей с царскими властями стало возведение на землях, отрезанных от Кабарды пограничной «Линии по Тереку» на расстоянии 260 верст, кончавшейся крепостью Моздоком (Кизляро-Моздокская пограничная или военная линия, состоявшая из военных укреплений и поселений – А.К.), которая предназначена для защиты российских владений от татар, кочующих между Кубанью и Доном. Сказано также, что кабардинцы, потеряв земли, отрезанные у них под линию, ощутили большую нужду в пастбищах для своих стад скота. Через линию их не стали пропускать без билетов, которые могли раздаваться не без злоупотреблений. Для содержания против них караула в 1770 г. были переселены волжские и донские казаки числом до 850 семей, которые стали притеснять без разбора как тех, кто причинял «беспокойствия», так и кабардинцев. Отмечается, что кабардинцы, не подав повода для таких притеснений, но потеряв, таким образом, свою собственность, доведены до крайности, и стали искать способы удовлетворения, в связи с чем и начались от них беспорядки на Линии, которые не менее подкреплены были и беспорядками казаков, которые у них угоняли скот и целые табуны лошадей. Также сказано, что осетины и абазины, прервав узы, соединявшие их с кабардинцами, «пустились во все беспорядки» [Записка... 1804: 958].

В записке зафиксированы рекомендации царскому правительству – возвратить кабардинцам отрезанные у них земли, на которых устроена Линия и основаны слободы, а если это невозможно, то по крайней мере предоставить им свободный вход во все прежде им принадлежавшие места для выпаса скота и прочих нужд, не подвергая их обязанности брать билеты [Записка... 1804: 958]. Данное предложение было в резкой форме отвергнуто военными чиновниками. Астраханский генерал-губернатор и главнокомандующий на Кавказе, инспектор

Кавказской линии, генерал от инфантерии П.Д. Цицианов в своем донесении министру внутренних дел Российской империи графу В.П. Кочубею (от 28-го февраля 1805 г., № 126) охарактеризовал данное предложение Исмаила Атажукина как превышающее меру дерзости [Донесение... 1805: 960, 961].

В записке пристава Кабарды (1803-1810 гг.) генерал-майора И.П. Дельпоццо «Записка о Большой и Малой Кабарде» [Дельпоццо 1808] содержится описание западных земель Кабарды, граничивших с народами Закубанья, в контексте рекомендаций по их преобразованию. И.П. Дельпоццо предложил ряд мер по усилению постов, возведению новых крепостей и редутов, начиная от крайнего укрепленного поста у Невинного мыса (редута), вверх по Кубани [Дельпоццо 1808: 24-30]. Он также рекомендовал построить крепости возле рек Баксана и Чегема у входов в ущелья и дислоцировать в них по батальону пехоты. В записке сказано, что данные преобразования предложены для установления полного контроля над Кабардой и воспрепятствования взаимодействию народов Закубанья, кабардинцев и чеченцев [Дельпоццо 1808: 34].

В записке Дельпоццо И.П. нет информации о численности населения Кабарды, но в ней сказано, что вследствие пандемии чумы, охватившей Кабарду, уцелела только одна десятая часть её населения [Дельпоццо 1808: 14, 20]. Следует отметить, что в данную работу вошли сведения из рапортов И.П. Дельпоццо, составленных в период его службы на посту пристава Кабарды.

В работе подполковника А.М. Буцковского, собиравшего по особому поручению сведения по географии, этнографии и статистке Северного Кавказа в 1810-1812 гг., сказано, что Кабарда граничит на западе с Малой Абазой (территория северокавказских абазин алтыкесек – А.К.) и частью Георгиевского уезда, на севере – с Георгиевским и Моздокским уездами, на востоке – с так называемыми мирными чеченцами, карабулаками и ингушами, на юге – с «областью осетинскою, балкарцами, чегемцами и частью карачаевцами» [Буцковский 1812: 74]. Сказано также, что Кабарда разделена на Большую и Малую: первая расположена между реками Подкумком и Аргуданом, вторая между р. Аргуданом и землей мирных чеченцев и ингушей [Буцковский 1812: 74]. В работе также зафиксировано, что шесть княжеских родов или кланов владеют наследственно Малой и Большой Кабардой: в Большой Кабарде на территории от вершины р. Подкумка до р. Чегема расположены владения Мисостовых и Атажукиных; от р. Чегема до р. Аргудана – владения Бекмурзиных и Кайтукиных. В Малой Кабарде: от р. Аргудана до р. Курпа находятся владения Талостановых; от р. Курпа далее к востоку – владения Джилахстановых [Буцковский 1812: 75].

В работе А.М. Буцковского сказано, что точно определить численность населения Кабарды затруднительно, так как, в отличие от других народов, в кабардинском дворе проживает не одна семья, а от 2 до 10 семей. Так же отмечается, что подсчет численности кабардинцев затруднителен в связи с пандемией чумы, при появлении которой в селениях, здоровые жители вынужденно переселяются на новые места [Буцковский 1812: 75, 76]. Численность же дворов кабардинцев определена в 2 тыс. [Буцковский 1812: 108]. Таким образом, если один двор в среднем состоял из 4-5 семей, а одна семья из 4-5 человек, то по сведениям

А.М. Буцковского, численность кабардинцев в 1812 г. составляла приблизительно 40-50 тыс. человек.

По результатам переписи всех сословий Кабарды, проведенной по предписанию командующего отдельным Кавказским корпусом генерала А.П. Ермолова в 1824-1825 гг., численность населения мужского пола составляла 13611 чел. [Рапорт... 1825: 476]. Общая же численность кабардинцев могла составлять приблизительно 26 тыс. человек, т.е. прослеживается значительное снижение численности кабардинского населения за 12-летний период.

По результатам исследований советских и российских кавказоведов, численность кабардинского населения во 2-й половине XVIII в. составляла приблизительно 250-300 тыс. человек. В первой четверти XIX в. произошла гибель значительного числа кабардинского населения вследствие пандемии чумы в 1804-1811 гг. и походов царских войск в Кабарду. В конце XVIII – первой четверти XIX в. около 20 тыс. кабардинцев, отказавшихся примириться с условиями царских властей, переселились на западные территории Кабарды между Лабой и Кубанью и в западночеркесские государственные образования. В начале 1830-х гг. за Кубанью насчитывалось 62 кабардинских селения. Несколько тысяч кабардинцев вынужденно переселились в Чечню. В итоге, к началу 1830-х гг. численность кабардинского населения на территории Кабарды составляла около 30 тыс. человек [Прасолов, Губжоков 2006: 128–130; Дзамихов 2001: 75-76; Кузьминов 2004: 722-759; Султан Хан-Гирей 2009: 143-145; Алоев 2017: 4-9].

Правовая и политическая культура Кабарды. В российских источниках рассматриваемого периода содержится информация о правовой и политической культуре Кабарды, но в них представлены разные оценки данных институтов. В работах П.С. Потемкина и И.П. Дельпоццо сказано, что у кабардинцев не было, и нет законов, а следуют они обычаям по преданию [Краткое... 1784: 547; Дельпоццо 1808: 14]. Однако в их же работах зафиксированы сведения, противоречащие данным сообщениям. В записке Потемкина П.С. отмечается, что ранее воля князя составляла весь закон, но с увеличением численности князей появились советы, в которые стали приглашать узденей (дворян – А.К.), а в связи с недовольством народа стали приглашать и народных старшин. По-мнению П.С. Потемкина, главным обязательством участников советов является клятва на Коране, но в связи с тем, что «закон магометанской» (нормы ислама – А.К.) у них принят недавно, клятву они сохраняют не более одного года [Краткое... 1784: 547].

В записке И.П. Дельпоццо сказано, что кабардинцы якобы являются врагами послушания и не имеют никакого закона, кроме своей воли и т.п. [Дельпоццо 1808: 23]. В то же время, кратко описывая сословную структуру кабардинского общества, он зафиксировал права и обязанности сословий, чем опроверг предыдущую характеристику. Он сообщил, что уздени обязаны служить владельцам (князьям – А.К.): ехать с ними на войну, брать с собой столько подвластных, сколько необходимо князю [Дельпоццо 1808: 20]. В случае если князь не может заплатить свои долги, «нажитые через разные несчастные случаи», за него должны заплатить долг его дворяне, а за дворян их холопы (зависимые – А.К.) [Дельпоццо 1808: 21]. И.П. Дельпоццо кратко сообщил и о пожалованиях (земельные наделы, зависимые крестьяне, рабы, боевые кони, оружие, скот и др.),

которые дворяне получали от князей – своих сюзеренов за несение службы. В записке отмечено, что если же какой-нибудь дворянин выходил из послушания своего владельца, он был обязан все «подарки» возвратить обратно [Дельпоццо 1808: 20].

В записке И.П. Дельпоццо также зафиксировано, что князья и дворяне не могут, т. е. не имеют права продавать пахотных крестьян поодиночке, но имеют право продавать таковых семьями [Дельпоццо 1808: 21]. В противном случае они лишаются всей такой семьи, которая переходит к другому владельцу – находится под его покровительством, вроде кунака, в течение времени пока «...сделано не будет владельцам по обычаям надлежащее удовлетворение» [Дельпоццо 1808: 21]. Данные сообщения И.П. Дельпоццо свидетельствуют не об отсутствии, а напротив, о функционировании феодальных законов, которые он назвал обычаями, и об их соблюдении представителями разных сословий.

Следует отметить, что в рассматриваемый период в Кабарде правовая сфера регулировалась феодальными законами: княжеским кодексом «Пши хабзе» (пщы хабзэ, от пщы – князь, хабзэ – правило, норма), дворянским кодексом «Уорк хабзе» (уэркъ хабзэ, от уэркъ – рыцарь, дворянин,) и общенародным сводом морально-правовых норм «Адыга хабзе» [Абазов и др. 2022: 353-373; Кушхабиев и др. 2022: 374-415].

В рескрипте генерал-майору де-Медему (от 03.11.1769 г.) содержится краткое, но довольно точное описание системы власти в Кабарде. В нём, в частности, сказано, что Кабардинское правительство состоит во взаимном совещании и соглашении всех беков или владельцев и узденей или дворян, но из владельцев всегда наибольшего влияния достигает и получает поддержку других князей, тот, который других «проворнее и смышленее». В рескрипте отмечается, что князю старшему по возрасту в народе оказывается «наружное почтение», но количество дворян, служащих у того или иного князя, т. е. могущество князя, зависит от его личных способностей, так как дворяне вольны в выборе себе сюзерена [Рескрипт... 1769: 220].

В записке П.С. Потемкина изложена система функционирования «общего круга» или «общего совета», который он охарактеризовал как нечто важное и весьма достойное. Сказано, что для принятия решений старший летами владелец (великий князь – А.К.) созывает дворян и народных старшин селений в назначенное место. Представители сословий собираются в назначенном месте раздельно. Князья сообщают дворянам свое решение вопроса, дворяне его рассматривают, но почти всегда соглашаются с мнением князей, так как от них зависят. Затем заключение представителей обоих сословий передают на рассмотрение представителям крестьян. Далее сказано, что представители народа обладают полномочиями принимать и отменять решения князей и дворян, что положение народное служит силой закона; князья – наблюдатели законодательной власти, дворяне же – исполнители владельческих повелений, их обязанность – стараться соглашать народ с мнением владельцев [Краткое... 1784: 547, 548].

Таким образом, сведения о системе власти в Кабарде, зафиксированные в рескрипте генерал-майору де-Медему и в записке П.С. Потемкина также

опровергают его же сообщение и сообщение И.П. Дельпоццо об отсутствии законов в Кабарде.

Для оценки вышеизложенных сведений следует кратко охарактеризовать систему власти в черкесских княжествах и, в частности в Кабарде, в рассматриваемый период. Так называемые общий круг или общий совет в Кабарде – это *хаса* – сословно-представительное законодательное собрание, выполнявшее разные функции в разные исторические эпохи. В эпоху родового строя хаса была народным собранием, в эпоху феодализма трансформировалась в институт власти. В XV – начале XIX в. являлась высшим законодательным органом черкесских государственных образований (объединенная Черкесия, Кабарда, Бесленей, Жаней, Кемиргой, Бжедугия, демократические политии – Натухай, Шапсугия, Абадзехия, Убыхия). В Кабарде функционировали следующие виды хасы: Великая хаса – *хасашхо* (*хасэшхуэ, каб. яз.*) – общекабардинское сословно-представительное законодательное собрание; 2. хасы в уделах. Создавались также хасы, объединявшие два и три удела. Великая хаса в Кабарде была трехпалатной: 1. княжеская хаса; 2. дворянская хаса; 3. крестьянская хаса (после 1767 г.). Великий князь – *пшишхо* (*пщышхуэ, каб. яз.*) избирался на *хасашхо* и возглавлял её. На *хасашхо* обсуждались: вопросы войны и мира, отношения между удельными князьями, взаимоотношения между сословиями, отношения с соседними народами, территориальные и земельные споры. На них избирали верховный суд, утверждали новые законы и правила, устанавливали штрафы за их нарушения и др. После окончательного включения Кабарды в административно-правовое пространство России в 1822 г. хаса была лишена властных функций [Кажаров 1994: 201-316; Кузьминов 2004: 335-342].

Следует также отметить, что вывод П.С. Потемкина о полномочиях народа принимать и отменять решения князей и дворян преувеличен в значительной степени. Как правило, представители дворянской и крестьянской палат Великой хасы соглашались с решениями князей.

Вопрос о собственности и доходах кабардинских князей. В записке П.С. Потемкина сказано, что кабардинские князья, якобы не имеют никакой собственности, некоторые дворяне имеют собственность, все принадлежит народу. Система сбора податей в ней охарактеризована как «грабительство» [Краткое... 1784: 546]. В записке зафиксировано, что князья, называющиеся покровителями народа, могут брать у своих подданных все их состояние, что корыстолюбивые князья, совершают злоупотребления властью и грабят подданных и их старшин [Краткое... 1784: 546, 548]. Относительно данных сообщений следует отметить, что злоупотребления властью князьями в Кабарде могли иметь место, также как и в любом феодальном государстве, но отрицание собственности у князей и «грабительство» ими народа не соответствуют действительности. В рассматриваемый период кабардинские князья являлись верховными собственниками земли. Доходы князя складывались из ренты, получаемой со всего населения княжества, подати, уплачиваемой принадлежащими ему крестьянами, из торговых пошлин, штрафов, дани с некоторых подвассальных народов и др. [Кажаров 1994: 178, 179].

Охарактеризовав кабардинских князей как алчных, грабящих своих подданных, П.С. Потемкин зафиксировал элементы их образа жизни, которые опровергают данную характеристику. В записке П.С. Потемкина сказано, что старший и самый богатый князь живет скромно – почти в хижине, пища князей, также скромная, состоит из сваренного проса и куска печеной или вареной баранины. Также отмечено, что князь не должен отказывать подданному ни в чем, что князья очень щедрые и дарят дворянам все, что им понравится: деньги, одежду, шапки и др. Однако щедрость князей П.С. Потемкин расценил как воздаяние за тягость [Краткое... 1784: 551, 552]. Он также отметил, что рыцарство есть предмет славы каждого, и роскошь ещё не вкралась в сердца этого народа, золото и серебро они не ставят ни во что, или за весьма малое, напротив доспехи и оружие ставят за драгоценность [Краткое... 1784: 549].

Сведения о собственности князей, зафиксированные в работе А.М. Буцковского, также опровергают заявление П.С. Потемкина по данному вопросу. В ней сказано, что земли кабардинцев находятся в полной собственности князей, что дворяне и простой народ считаются подданными тех князей, на землях которых находятся. Также отмечено, что князья имеют и крепостных крестьян, которые состоят из пленных невольников или же лиц, полученных за штрафы [Буцковский 1812: 75].

Система воспитания детей кабардинских феодалов. В ряде российских источников содержатся сведения о системе воспитания сыновей черкесских феодалов, которая рассматривается как основа их военной подготовки и образа жизни, но оценивается, в основном, негативно. Объясняя сущность данной системы, П.С. Потёмкин отметил, что князья отдают сыновей на воспитание другим, чтобы «не допустить юность вкусить негу» [Краткое... 1784: 549]. При этом он охарактеризовал данную систему как «порочные нравы» [Краткое... 1784: 547].

В рапорте Астраханского генерал-губернатора, главнокомандующего на Кавказе и инспектора Кавказской линии, генерала от инфантерии П.Д. Цицианова императору Александру I [Всеподданнейший... 1804: 952-954] содержатся предложения о проведении реформ, направленных на установление административного контроля над Кабардой. В нем П.Д. Цицианов охарактеризовал систему воспитания сыновей черкесских феодалов как «основанную на хищничестве» и внес предложения по её ликвидации: перемену воспитания; введение в Кабарде роскоши; сближение кабардинских феодалов с российскими нравами. В рапорте П.Д. Цицианова сказано, что необходимо назначить начальником Кабардинской области генерал-майора, так как кабардинские князья имеют военные (полковничьи) чины и не имеют никакого уважения к штатским, «предпочитая войну и силу всему». Через начальника в чине генерал-майора стараться убеждать их отдавать своих детей в училища, которые следует учредить в Георгиевске и Екатериноградe. Затем под предлогом усовершенствования наук отправлять княжеских детей в кадетские корпуса, по окончании которых определять в полки, отдаленные от Кавказской линии. Аналогичные школы предложено учредить и для сыновей кабардинских дворян, но определять их в полки в чинах ниже чинов княжеских детей, чтобы не оскорблять последних. П.Д. Цицианов также

предложил сформировать Кабардинский гвардейский эскадрон, предназначенный для изменения кабардинскими князьями образа жизни (возможность прохождения дальнейшей службы, стремление к роскоши и т.п.) [Всеподданнейший... 1804: С. 952-954].

Для лучшего понимания вышеизложенных сведений следует кратко охарактеризовать систему военного воспитания детей феодальных сословий в Кабарде и Западной Черкесии или институт воспитательства (*быфадэ-пIур* – каб. яз.; в российском кавказоведении «аталычество»), который стал объектом особого внимания российских военных чиновников рассматриваемого периода. Он выполнял две основные функции – военную подготовку сыновей феодалов и укрепление сюзеренно-вассальных отношений. Князья отдавали своих сыновей на воспитание семьям первостепенных дворян, последние отдавали своих детей на воспитание незнатным дворянам – беслан-уоркам и уоркам-шаотлугусам. Незнатные дворяне воспитывали своих детей сами, либо отдавали на воспитание свободным общинникам. Сыновья феодалов проходили у своих воспитателей (*быфадэ, быф, гъэсакIуэ, атэлыкъ*) комплекс морально-правовой (изучение *пши хабзе, уорк хабзе, адыга хабзе*, правила полемики) и военно-физической подготовки (обучение владению оружием, правилам верховой езды и джигитовки, боевым тактическим приемам и др.). К 9–10-летнему возрасту воспитанники (*быфыкъуэ, пIур, гъэсэн, къан*) могли управлять конем, владели разными видами оружия, а в 15–16-летнем возрасте их брали в походы. В результате данной системы сыновья черкесских феодалов становились искусными воинами. Князья получали особо лояльных дворян в лице дворян-воспитателей их сыновей, дворяне же, воспитавшие княжеских сыновей, получали покровительство князей. Таким путем между князьями и дворянами устанавливалось искусственное родство [Кушхабиев и др. 2022: 411-413]. Благодаря системе воспитания детей феодалов, черкесскому (адыгскому) этносу удавалось выживать и отстаивать свою независимость в борьбе с нашествиями многочисленных войск завоевателей на протяжении тысячелетий.

В целом, негативно характеризуя систему военного воспитания сыновей черкесских феодалов и, предлагая заменить её на прохождение последними военной службы в Российской армии, военные чиновники рекомендовали ликвидировать данную систему и таким путем ослабить феодалов для установления полного административно-правового контроля над Кабардой.

Военный потенциал Кабарды. В рассматриваемых источниках оценка военно-политического потенциала Кабарды представлена как доминирующая на Северном Кавказе. Потемкин П.С. в своей записке охарактеризовал кабардинцев как главнейших «между всеми народами, занимающими все пространство земли, лежащей у подошвы Кавказских гор, между Каспийским и Черным морем» [Краткое... 1784: 543].

В представлении Астраханского губернатора П. Кречетникова о Малой Кабарде императрице Екатерине II (от 24.04.1775 г.) сказано, что кабардинцы в случае объединения могут выставить до 15 тыс. воинов [Представление... 1775: 480].

В записке о кабардинцах Коллегии иностранных дел (1775 г.) сказано, что к 1739 г. (год заключения Белградского трактата – А.К.) Большая Кабарда могла

выставлять в поле 6 тыс. конного войска, состоявшего только из князей и дворян, Малая Кабарда – до 3 тыс. войска. При этом в записке уточняется, что князья своих подданных, т.е. крестьян используют на войне только в крайних случаях, и только в пехотных полках [Записка... 1775: 483]. Следует отметить, что численность крестьянского ополчения превышала численность княжеско-дворянского войска приблизительно в два раза, т.е. составляла около 18 тыс. человек. Необходимо также учитывать, что князья в поход брали не все войско; часть воинов-дворян оставляли для охраны границ княжеств. Следовательно, общая численность княжеско-дворянских войск и крестьянского ополчения Кабарды к середине XVIII в. составляла приблизительно 30 тыс. человек.

В рапорте бригадира Ивана Большого Горича командующему Кавказским корпусом П.А. Текелли (от 03.01.1788 г.) сказано, что в совместном походе российских и кабардинских войск за Кубань в октябре 1787 г. кабардинское войско состояло из 2 тыс. дворянской панцирной конницы и 3 тыс. рядовых токошавов (свободные крестьяне, претендовавшие на дальнейший перевод в сословие незнатных дворян). Ими командовали 40 князей во главе с Мисостом Атажукиным [Копия... 1788: 369].

В рапорте И.П. Дельпоццо Гудовичу (от 11.03.1807 г., № 103) содержится информация о кабардинских войсках, которые сохранялись князьями, несмотря на масштабный уровень смертности населения во время пандемии чумы. К 19 февраля 1807 г. 25 князей Большой Кабарды с войском свыше 3 тыс. человек переправились через р. Терек и прибыли к месту дислокации российских войск возле р. Сунжи. К 25 февраля туда же прибыли 4 князя Малой Кабарды с войском численностью свыше 500 человек. В рапорте И.П. Дельпоццо также отмечено, что в кабардинском войске соблюдался порядок, что без его ведома и позволения, никто не мог отлучиться [Рапорт... 1807: 647-648]. Следовательно, в начале 1807 г. общая численность воинов-дворян Кабарды с учетом дворян, остававшихся для охраны внутренних границ княжеств, составляла приблизительно 4-5 тыс. человек. Численность крестьянского ополчения могла составлять приблизительно 9-10 тыс. человек.

В 1812 г. по сведениям А.М. Буцковского, в Кабарде насчитывалось 50 князей и 1000 дворян [Буцковский 1812: 75].

По результатам переписи всех сословий Кабарды 1825 г., насчитывалось (мужского пола): 50 князей и 3034 дворян (узденей первоклассных – 301, второклассных – 234, 3-го и 4-го классов – 2499) [Рапорт... 1825: 476].

Таким образом, в российских источниках последней четверти XVIII – начала XIX в. прослеживается снижение военного потенциала Кабарды в значительной степени, что было обусловлено, прежде всего, значительным уменьшением численности её населения.

Негативная характеристика этнического характера кабардинцев. В записке П.С. Потемкина представлены некоторые негативные черты, якобы свойственные этническому характеру кабардинцев (непостоянство, ветреность, вероломство) [Краткое... 1784: 550]. В записке И.П. Дельпоццо перечислено еще большее количество негативных качеств, якобы свойственных кабардинцам, среди которых: «злы к мщению и без пощады», «предприимчивы с дерзновением

к грабежу и убийству», «жестокосердны», «враждебны до бесконечности» и т. п. [Дельпоццо 1808: 16]. В то же время в данной работе содержится ряд противоречий. В частности, И.П. Дельпоццо, обвинив обобщенно кабардинцев в убийствах и ограблениях казаков и русского населения, фактически опроверг эти обвинения, отметив, что у него кабардинцы и другие горские народы никогда ничего не украли и никого не убили [Дельпоццо 1808: 18].

Дельпоццо И.П. также обвинил кабардинцев в лености и праздном образе жизни, но рассматривая состояние сельского хозяйства в Кабарде, он опроверг собственное обвинение, сообщив, что кабардинцы выращивают просо, разводят прекрасных лошадей, крупный рогатый скот, овец и пчёл. При этом он отметил, что вся пища кабардинцев собственного производства: просяная каша, молоко, сыр, баранина, говядина и др. [Дельпоццо 1808: 22, 23]. Вызывает сомнение и сама возможность праздного образа жизни кабардинцев во время пандемии чумы.

В работе А.М. Буцковского также содержатся сведения о высоком уровне развития коневодства в Кабарде. В ней зафиксировано, что в Кабарде к 1812 г. начитывалось 20 табунов лошадей, в каждом табуне около 100 косяков, состоящих из 20 кобыл и жеребца. При этом, отмечено, что конские заводы в Кабарде пришли в упадок как числом, так и «добротой» (качеством – А.К.), что лучший из них в Малой Кабарде «шолохом именуемый, ныне весьма малочислен» [Буцковский 1812: 81]. Наличие в Кабарде такого значительного количества лошадей (около 40 тыс.), несмотря на пандемию чумы и напряженную ситуацию на Кавказской пограничной линии, свидетельствует не о лености, а напротив, о трудолюбии кабардинцев и также опровергает обвинение Дельпоццо И.П. кабардинцев в лености и праздном образе жизни.

Обвиняя кабардинцев в недостаточном уровне развития земледелия, И.П. Дельпоццо не указал главную причину, о которой неоднократно сообщал в своей записке, – пандемию чумы, следствием которой стало истощение населения. В ней сказано, что вследствие чумы, охватившей Кабарду в 1803-1807 гг., был неурожай хлеба, разразился голод, люди питались «земляными кореньями», от чего многие «распухли и похожи на образ человека, едва имеющие движение» [Дельпоццо 1808: 12].

Дельпоццо И.П. также заявил, что кабардинцы «грубы на просвещение», что кроме мулл и эфендиев никто не умеет читать и писать, но сам же опроверг свое заявление, сообщив, что многие дворяне в возрасте около 40 лет учатся «татарской грамоте» (арабскому языку – А.К.), чтобы понимать Коран. Он также отметил, что учатся в мечетях, которые есть в каждом ауле [Дельпоццо 1808: 15, 23].

В работе Буцковского А.М. также перечислен ряд негативных качеств, якобы свойственных кавказским народам («общекавказским народам принадлежащих свойств»): корыстолюбие, наглость, недоверчивость, дерзость при малейшей удаче, нетерпимость и др. В качестве единственной добродетели указано гостеприимство [Буцковский 1812: 173].

Правомерно возникает вопрос – чем было обусловлено составление царскими военными чиновниками и офицерами гипертрофированно негативного образа кабардинцев и других народов Северного Кавказа? Очевидно, что значительный список негативных качеств этнического характера, зафиксированных в

вышеуказанных работах, не может быть свойственен какому-либо этносу или всем этносам Северного Кавказа. Вероятнее всего, негативные характеристики кабардинцев и других народов Северного Кавказа, зафиксированные в данных работах, были обусловлены, идеологическими установками, и непониманием элементов их этнических культур. Авторы рассмотренных работ стремились занизить уровень социально-политического развития Кабарды, чтобы оправдать силовую политику царизма. Негативные характеристики, зафиксированные в рассмотренных работах, были перенесены в труды других авторов: И. Дебу, К.Ф. Сталя и др.

Заключение

В статье представлен анализ некоторых этнографических сведений о кабардинцах, зафиксированных в российских источниках последней трети XVIII – первой четверти XIX в.: делопроизводственных документах, нарративных материалах и др. В них демографическая и статистическая информация рассматривается, в основном, в контексте описания политической ситуации в регионе, и содержатся рекомендации по преобразованию военных и административных структур на территории Кабарды. Представлены позиции царских властей и кабардинской политической элиты по территориальной проблеме. Прослеживается значительное уменьшение территории Кабарды и снижение численности её населения в 9-10 раз в связи с пандемией чумы, голодом и др., и как следствие значительное снижение её военного потенциала.

В рассмотренных источниках представлены противоречивые оценки правовой и политической культуры Кабарды последней трети XVIII – первой четверти XIX в. В записках П.С. Потемкина (1784 г.) и И.П. Дельпоццо (1808 г.) сказано, что у кабардинцев, якобы не было и нет законов, однако в них же содержится информация о правах и обязанностях сословий, которая свидетельствует о функционировании феодальных законов и об их соблюдении представителями разных сословий, что опровергает предыдущую характеристику. Заявления об отсутствии законов в Кабарде опровергаются и сведениями, зафиксированными в рескрипте генерал-майору де-Медему (1769 г.) о «Кабардинском правительстве» и в записке П.С. Потемкина о системе функционирования «общего круга» или «общего совета».

Система сбора податей, охарактеризованная в записке П.С. Потемкина как «грабительство» князьями народа, опровергается зафиксированными в данной записке сведениями о скромном образе жизни кабардинских князей и одаривании ими дворян и представителей крестьян.

В записке П.С. Потемкина сказано, что кабардинские князья, якобы не имеют никакой собственности. Сведения А.М. Буцковского о том, что земли кабардинцев находятся в полной собственности князей, что дворяне и простой народ считаются подданными тех князей, на землях которых находятся, опровергают данное заявление П.С. Потемкина.

В некоторых российских источниках система воспитания сыновей черкесских феодалов рассматривается как основа их военной подготовки и образа жизни. При этом военные чиновники, оценивали данную систему, в основном,

негативно, рекомендовали ликвидировать её, и таким путем ослабить феодалов для установления полного административно-правового контроля над Кабардой.

В работах И.П. Дельпоццо и А.М. Буцковского представлено перечисление значительного количества негативных качеств, якобы свойственных этническому характеру кабардинцев и других народов Северного Кавказа (леность, игнорирование просвещения и др.). Однако, сведения о хозяйственной деятельности кабардинского народа, об обучении арабской письменности в каждом кабардинском селении, зафиксированные в их же работах, опровергают предыдущие характеристики. Негативные характеристики кабардинцев и других народов Северного Кавказа, зафиксированные в данных работах, вероятнее всего, были обусловлены идеологическими установками, и непониманием элементов их этнических культур. Авторы рассмотренных работ стремились занизить уровень социально-политического развития Кабарды, чтобы оправдать силовую политику царизма.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Абазов 2016 – *Абазов А.Х.* Народы Центрального Кавказа в судебной системе Российской империи в конце XVIII – начале XX в. – Нальчик: ООО «Печатный двор», 2016. – 264 с.

Абазов и др. 2022 – *Абазов А.Х., Губжоков М.Н., Прасолов Д.Н.* Обычное право и правовая культура // Адыги: Адыгейцы. Кабардинцы. Черкесы. Шапсуги / отв. ред. А. Х. Абазов, Ю. Д. Анчабадзе, А. В. Кушхабиев, М. М. Паштова; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН; Кабардино-Балкарский научный центр РАН; Адыгейский республиканский ин-т гуманитарных исследований им. Т. М. Керашева. – М.: Наука, 2022. – С. 353-373.

АКАК – Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. – Т. 2–6. –Тифлис: Тип. главного управления Наместника кавказского, 1868–1875.

Алоев 2017 – *Алоев Т.Х.* Очерки политической истории хаджретской Кабарды в первой половине XIX в. – Нальчик: РИО ИГИ КБНЦ РАН, 2017. – 126 с.

Бларамберг 1992 – *Бларамберг И.Ф.* Кавказская рукопись. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1992. – 240 с.

Броневский 1823 – *Броневский С.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, составленные и пополненные Семеном Броневским. – М.: Тип. С. Селивановского, 1823. – 465 с.

Буцковский 1812 – *Буцковский А.М.* Военно-топографическое и статистическое описание Кавказской губернии и соседствующих ей горских областей, сочиненное свиты Его императорского Величества по квартирмейстерской части подполковником Буцковским. 1812 г. // РГВИА. Ф. 414. Статистические, этнографические и военно-топографические сведения о Российской империи. Оп. 1. Д. 300. 108 л. 17 таблиц (173 с.).

Волкова 1974 – *Волкова Н.Г.* Этнический состав населения Северного Кавказа в XVII – начале XX века. – М.: Изд-во «Наука», 1974. – 280 с.

Всеподданнейший... 1804 – *Всеподданнейший* рапорт кн. Цицианова от 23-го марта 1804 года // АКАК. – Т. 2. – С. 952-954.

Гарданов 1967 – *Гарданов В.К.* Общественный строй адыгских народов (XVIII – первая половина XIX в.). – М.: Изд-во «Наука», 1967. – 332 с.

Грабовский 1870 – *Грабовский Н.Ф.* Очерки суда и уголовных преступлений в Кабардинском округе // Сборник сведений о кавказских горцах. – Тифлис, 1870. – Вып. IV. – 420 с.

Дебу 1829 – *Дебу И.* О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске, или общие замечания о поселенных полках, ограждающих Кавказскую линию, и о соседственных горских народах. – СПб.: Тип. К. Крайя, 1829. – 476 с.

Дельпоццо 1808 – *Дельпоццо И.П.* Записка о Большой и Малой Кабарде // РГВИА. Ф. 846. ВУА. Оп. 16. Д. 18491. 1808 г. 37 л.; Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа / Сост. Х.М. Думанов. – Нальчик: Эль-Фа, 2001. – Т. 1. – С. 9-41.

Дзамихов 2001 – *Дзамихов К.Ф.* Адыги в политике России на Кавказе (1550-е – начало 1770-х гг.). – Нальчик: Эль-Фа, 2001. – 412 с.

Донесение... 1805 – *Донесение* кн. Цицианова гр. Кочубею от 28-го февраля 1805 года, № 126 // АКАК. – Т. 2. – С. 960-961.

Дубровин 1871 – *Дубровин Н.* Черкесы // История войны и владычества русских на Кавказе. – Т. 1. Очерки Кавказа и народов его населяющих. – Кн. 1. Кавказ. – СПб.: Тип. департамента уделов, 1871. – С. 63-259.

Думанов 1990 – *Думанов Х.М.* Социальная структура кабардинцев в нормах адата. Первая половина XIX в. – Нальчик: Эльбрус, 1990. – 264 с.

Записка... 1804 – *Записка* о беспорядках на Кавказской линии и о способах прекратить оные (1804 г.) // АКАК. – Т. 2. – С. 957-958.

Записка... 1775 – *Записка* о кабардинцах из материалов Коллегии иностранных дел с краткими сведениями о расселении кабардинцев, их занятиях и некоторых фактах из их истории (После 1775 г.) // КРО. – Т. 2. – С. 482-485.

Кажаров 1994 – *Кажаров В.Х.* Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX века. – Нальчик: Эль-Фа, 1994. – 438 с.

Ковалевский 1890 – *Ковалевский М.М.* Закон и обычай на Кавказе. – М.: Тип. А.И. Мамонова и К., 1890. – Т. 1. – 303 с.

Кожев 2020 – *Кожев З.А.* Численность военно-служилого сословия Кабарды в эпоху зрелости традиционного общества (XVI-XVIII вв.) // Кавказология. – 2020. – № 4. – С. 12-26.

Копия... 1788 – *Копия* с рапорта г-на бригадира Ивана Большого Горича, писанного к ген.-аншефу и кавалеру Теккели от 3 генваря 1788 года // КРО. – Т. 2. – С. 560-561.

Краткое... 1784 – *Краткое* описание о кабардинских народах, сделанное в 1784-м году ген. – поручиком Павлом Потемкиным // КРО. – Т. 2. – С. 545-553.

КРО – Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII веках. Документы и материалы в 2 томах. – Т. 2. XVIII век. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2007. – 624 с.

Кузьминов 2004 – *Кузьминов П.А.* Этнодемографическая карта народов Терека: размещение, численность и миграции населения в конце XVIII – первой половине XIX века // Ландшафт, этнографические и исторические процессы на Северном Кавказе в XIX – начале XX века. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2004. – С. 641-759.

Кушхабиев и др. 2022 – *Кушхабиев А.В., Мирзоев А.С., Наков Ф.Р.* Военная культура в Средние века и Новое время // Адыги: Адыгейцы. Кабардинцы. Черкесы. Шапсуги / отв. ред. А. Х. Абазов, Ю. Д. Анчабадзе, А. В. Кушхабиев, М. М. Паштова; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН; Кабардино-Балкарский научный центр РАН; Адыгейский республиканский ин-т гуманитарных исследований им. Т. М. Керашева. – М.: Наука, 2022. – С. 374-415.

Леонтович 1882 – *Леонтович Ф.И.* Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. – Одесса: Тип. П.А. Зеленого. – Вып. 1. – 1882 – 448 с.

Максимов 1892 – *Максимов Е.* Кабардинцы. Статистико-экономический очерк // Терский сборник. – Владикавказ, 1892. – Вып. 2. – Кн. 2. – С. 139–187.

Попко 1880 – *Попко И.Д.* Терские казаки со стародавних времен. – Вып. 1. – СПб., 1880 – 526 с.

Потто 1887-1889 – *Потто В. А.* Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. – Т. 1-4. – СПб: Изд. кн. склада В. А. Березовского, 1887-1889.

Прасолов, Губжоков 2006 – *Прасолов Д.Н., Губжоков М.Н.* Численность населения Черкесии в XVI – первой половине XIX в. // Адыгская (Черкесская) энциклопедия. – М.: Фонд им. Б.Х. Акбашева, 2006. – С. 128–130.

Представление... 1775 – *Представление* Астраханского губернатора П. Кречетникова о Малой Кабарде, с изложением его мнения о политике по освоению этого края (1775 г. апреля 24-го) // КРО. Т. 2. – С. 470-482.

Рапорт... 1807 – *Рапорт* ген.-м. Дельпоццо гр. Гудовичу, от 11-го марта 1807 года, № 103. Прохладная // АКАК. – Т. 3. – С. 647-650.

Рапорт... 1825 – *Рапорт* подполк. Булгакова ген. Ермолову, от 28-го февраля 1825 года, № 47. – Нальчик // АКАК. – Т. 6. – Ч. 2. – С. 476.

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив. – М.

РГИА – Российский государственный исторический архив. – СПб.

Рескрипт... 1769 – *Рескрипт* к генералу майору де-Медему 3 ноября 1769 года. Копия // РГИА. Ф. 1350. Третий департамент Сената. Оп. 56. Д. 270 А. Л. 209-224.

Сталь 2001 – *Сталь К.Ф.* Этнографический очерк черкесского народа // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. – Нальчик: Эль-Фа, 2001. – Т. 1 – С. 185–278.

Султан Хан-Гирей 2009 – *Султан Хан-Гирей*. Избранные труды и документы. – Майкоп: Полиграф-Юг, 2009. – 672 с.

REFERENCES

ABAZOV A.KH. *Narody Tsentral'nogo Kavkaza v sudebnoi sisteme Rossiiskoi imperii v kontse XVIII – nachale XX v.* [The peoples of the Central Caucasus in the judicial system of the Russian Empire in the late 18th – early 20th centuries]. – Nalchik: OOO Pechatny Dvor, 2016. – 264 p. (In Russ.).

ABAZOV A.KH., GUBZHOKOV M.N., PRASOLOV D.N. *Obychnoe pravo i pravovaya kul'tura* [Customary law and legal culture] IN: *Adygi: Adygeitsy. Kabardintsy. Cherkesy. Shapsugi* [Adyghe: Adyghe. Kabardians. Circassians. Shapsugs]. Ed. A.KH. Abazov, YU. D. Anchabadze, A.V. Kushkhabiev, M.M. Pashtova; Institute of Ethnology and Anthropology named after N.N. Miklukho-Maklay RAS; Kabardin-Balkarian Scientific Center of RAS; Adyghean Republican Institute of Humanitarian Studies named after T.M. Kerashev.– M.: Nauka, 2022.– P. 353-373. (In Russ.).

AKAK – *Akty, sobrannye Kavkazskoi arkheograficheskoi komissiei* [Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission]. – Vol. 2–6. – Tiflis: Typ. of the Main Administration of the Viceroy of the Caucasus, 1868–1875. (In Russ.).

ALOEV T.KH. *Ocherki politicheskoi istorii khadzhretskoi Kabardy v pervoi polovine XIX v.* [Essays on the political history of the Khadzhret Kabarda in the first half of the 19th century] – Nal'chik: RIO IGI KBNC RAS, 2017. – 126 p.

BLARAMBERG I.F. *Kavkazskaya rukopis'* [Caucasian manuscript]. – Stavropol: Book Publishing House, 1992. – 240 p. (In Russ.).

BRONEVSKII S. *Noveishie geograficheskie i istoricheskie izvestiya o Kavkaze, sostavlennye i popolnennye Semenom Bronevskim* [The latest geographical and historical information about the Caucasus, compiled and supplemented by Semyon Bronevsky]. – M.: Typ. S. Selivanovsky, 1823. – 465 p. (In Russ.).

BUTSKOVSKII A.M. *Voenno-topograficheskoe i statisticheskoe opisanie Kavkazskoi gubernii i sosedstvuyushchikh ei gorskikh oblastei, sochinennoe svity Ego imperatorskogo Velichestva po kvartirmeisterskoi chasti podpolkovnikom Butskovskim.* 1812 g. [Military-topographical and statistical description of the Caucasus province and neighboring mountain regions, compiled by Lieutenant Colonel Butskovsky, quartermaster retinue of His Imperial Majesty. 1812]. IN: RGVIA. F. 414. *Statisticheskie, ehtnograficheskie i voenno-topograficheskie svedeniya o Rossiiskoi imperii* [Statistical, ethnographic and military-topographical information about the Russian Empire]. Op. 1. D. 300. 108 p. 17 tables (173 p.). (In Russ.).

VOLKOVA N.G. *Ehtnicheskii sostav naseleniya Severnogo Kavkaza v XVII – nachale XX veka* [Ethnic composition of the population of the North Caucasus in the 17th – early 20th centuries]. – Moscow: Nauka Publishing House, 1974. – 280 p. (In Russ.).

Vsepoddanneishii raport kn. Tsitsianova ot 23-go marta 1804 goda [Most humble report of Prince Tsitsianov dated March 23, 1804. IN: AKAK. – T. 2. – P. 952-954. (In Russ.).

GARDANOV V.K. *Obshchestvennyi stroi adygskikh narodov (XVIII – pervaya polovina XIX v.)* [Social structure of the Circassian peoples (XVIII – first half of the XIX century)]. – M.: Publishing house «Nauka», 1967. – 332 p. (In Russ.).

GRABOVSKII N.F. *Ocherki suda i ugolovnykh prestuplenii v Kabardinskom okruge // Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh* [Essays on the court and criminal offenses in the Kabardian district]. – Tiflis, 1870. – Issue IV. – 420 p. (In Russ.).

DEBU I. *O Kavkazskoi linii i prisoedinennom k nei Chernomorskom voiske, ili obshchie zamechaniya o poselennykh polkakh, ograzhdayushchikh Kavkazskuyu liniyu, i o sosedstvennykh gorskikh narodakh* [About the Caucasian line and the Black Sea army attached to it, or general remarks about the settled regiments fencing the Caucasian line, and about the neighboring mountain peoples]. – St. Petersburg: Typ. K. Kraya, 1829. – 476 p. (In Russ.).

DEL'POTSTSO I.P. *Zapiska o Bol'shoi i Maloi Kabarde* [Note on Greater and Lesser Kabarda]. IN: *RGVIA. F. 846. VUA. Op. 16. D. 18491. 1808 g. 37 p.; Russkie avtory XIX veka o narodakh Tsentral'nogo i Severo-Zapadnogo Kavkaza* [Russian authors of the 19th century on the peoples of the Central and Northwestern Caucasus]. Comp. KH.M. Dumanov. – Nalchik: El-Fa, 2001. – Vol. 1. – P. 9-41. (In Russ.).

DZAMIKHOV K.F. *Adygi v politike Rossii na Kavkaze (1550-e – nachalo 1770-kh gg.)* [Circassians in Russian policy in the Caucasus (1550s – early 1770s)]. – Nalchik: El-Fa, 2001. – 412 p. (In Russ.).

Donesenie kn. Tsitsianova gr. Kochubeyu ot 28-go fevralya 1805 goda, № 126 [Report of Prince Tsitsianov to Gr. Kochubey from February 28, 1805, No. 126]. IN: AKAK. – Vol. 2. – Pp. 960-961. (In Russ.).

DUBROVIN N. *Cherkesy* [Circassians]. IN: *Istoriya voiny i vladychestva russkikh na Kavkaze* [History of the war and rule of the Russians in the Caucasus]. – Vol. 1. *Ocherki Kavkaza i narodov ego naselyayushchikh* [Essays on the Caucasus and the peoples inhabiting it]. – Book 1. Caucasus. – St. Petersburg: Typ. department of udels, 1871. – P. 63-259. (In Russ.).

DUMANOV KH.M. *Sotsial'naya struktura kabardintsev v normakh adata. Pervaya polovina XIX v.* [Social structure of the Kabardians in the norms of adat. First half of the 19th century]. – Nalchik: Elbrus, 1990. – 264 p. (In Russ.).

Zapiska o besporyadkakh na Kavkazskoi linii i o sposobakh prekratit' onye (1804 g.) [Note on the unrest on the Caucasian line and on ways to stop it (1804)]. IN: *AKAK*. – Vol. 2. – P. 957-958. (In Russ.).

Zapiska o kabardintsakh iz materialov Kollegii inostrannykh del s kratkimi svedeniyami o rasselenii kabardintsev, ikh zanyatiyakh i nekotorykh faktakh iz ikh istorii (Posle 1775 g.) [Note on the Kabardians from the materials of the Collegium of Foreign Affairs with brief information on the settlement of the Kabardians, their occupations and some facts from their history (After 1775)]. IN: *KRO*. – Vol. 2. – P. 482-485. (In Russ.).

KAZHAROV V.KH. *Traditsionnye obshchestvennye instituty kabardintsev i ikh krizis v kontse XVIII – pervoi polovine XIX veka* [Traditional social institutions of the Kabardians and their crisis in the late 18th – first half of the 19th century]. – Nalchik: El-Fa, 1994. – 438 p. (In Russ.).

KOVALEVSKII M.M. *Zakon i obychai na Kavkaze* [Law and custom in the Caucasus]. – M.: Typ. A.I. Mamonova and K., 1890. – Vol. 1. – 303 p. (In Russ.).

KOZHEV Z.A. *Chislennost' voenno-sluzhilogo sosloviya Kabardy v ehpokhu zrelosti traditsionnogo obshchestva (XVI-XVIII vv.)* [The size of the military service class of Kabarda in the era of maturity of traditional society (16th-18th centuries]. IN: Kavkazologiya. – 2020. – № 4. – P. 12-26. (In Russ.).

Kopiya s raporta g-na brigadira Ivana Bol'shogo Goricha, pisannogo k gen.-anshefu i kavaleru Tekkeli ot 3 genvarya 1788 goda [Copy of the report of Mr. Brigadier Ivan Bolshoy Gorich, written to the General-in-Chief and Cavalier Tekkeli dated January 3, 1788]. IN: *KRO*. – Vol. 2. – P. 560-561. (In Russ.).

Kratkoe opisanie o kabardinskikh narodakh, sdelannoe v 1784-m godu gen. – poruchikom Pavlom Potemkinym [Brief description of the Kabardian peoples, made in 1784 by General – Lieutenant Pavel Potemkin]. IN: *KRO*. – Vol. 2. – P. 545-553. (In Russ.).

KRO – *Kabardino-russkie otnosheniya v XVI-XVIII vekakh. Dokumenty i materialy v 2 tomakh* [Kabardino-Russian relations in the 16th-18th centuries. Documents and materials in 2 volumes]. – Vol. 2. 18th century. – Nalchik: Publishing center "El-Fa", 2007. – 624 p. (In Russ.).

KUZ'MINOV P.A. *Ehtnodemograficheskaya karta narodov Tereka: razmeshchenie, chislennost' i migratsii naseleniya v kontse XVIII – pervoi polovine XIX veka* [Ethnodemographic map of the peoples of Terek: distribution, size and migration of the population in the late 18th – first half of the 19th century]. IN: *Landshaft, ehtnograficheskie i istoricheskie protsessy na Severnom Kavkaze v XIX – nachale XX veka* [Landscape, ethnographic and historical processes in the North Caucasus in the 19th – early 20th centuries]. – Nalchik: El-Fa Publishing Center, 2004. – P. 641-759. (In Russ.).

KUSHKHABIEV A.V., MIRZOEV A.S., NAKOV F.R. *Voennaya kul'tura v Srednie veka i Novoe vremya* [Military culture in the Middle Ages and Modern Times]. IN: *Adygi: Adygeitsy. Kabardintsy. Cherkesy. Shapsugi* [Adyghe: Adyghe. Kabardians. Circassians. Shapsugs]. Ed. A.KH. Abazov, YU. D. Anchabadze, A.V. Kushkhabiev, M.M. Pashtova; Institute of Ethnology and Anthropology named after N.N. Miklukho-Maklay RAS; Kabardin-Balkarian Scientific Center of RAS; Adyghean Republican Institute of Humanitarian Studies named after T.M. Kerashev.– M.: Nauka, 2022.– P. 374-415. (In Russ.).

LEONTOVICH F.I. *Adaty kavkazskikh gortsev. Materialy po obychnomu pravu Severnogo i Vostochnogo Kavkaza* [Customs of the Caucasian Highlanders. Materials on the Customary Law of the Northern and Eastern Caucasus]. – Odessa: Type. P.A. Zeleny. – Issue 1. – 1882 – 448 p. (In Russ.).

MAKSIMOV E. *Kabardintsy. Statistiko-ehkonomicheskii ocherk* [Statistical and Economic Essay]. IN: Terskii sbornik [Terek Collection]. – Vladikavkaz, 1892. – Issue 2. – Book 2. – P. 139–187. (In Russ.).

POPKO I.D. *Terskie kazaki so starodavnikh vremen* [Terek Cossacks from Ancient Times]. – Issue 1. – St. Petersburg, 1880 – 526 p. (In Russ.).

POTTO V.A. *Kavkazskaya voina v otdel'nykh ocherkakh, ehpizodakh, legendakh i biografiyakh* [The Caucasian War in Separate Essays, Episodes, Legends, and Biographies]. – Vol. 1-4. – St. Petersburg: Publ. book warehouse of V.A. Berezovsky, 1887-1889. (In Russ.).

PRASOLOV D.N., GUBZHOKOV M.N. *Chislennost' naseleniya Cherkesii v XVI – pervoi polovine XIX v.* [Population size of Circassia in the 16th – first half of the 19th centuries]. IN: *Adygskaya (Cherkesskaya) ehntsiklopediya* [Adyghe (Circassian) Encyclopedia]. – Moscow: B.Kh. Akbashev Foundation, 2006. – P. 128–130. (In Russ.).

Predstavlenie Astrakhanskogo gubernatora P. Krechetnikova o Maloi Kabarde, s izlozheniem ego mneniya o politike po osvoeniyu ehtogo kraya (1775 g. aprelya 24-go) [Presentation of the Astrakhan Governor P. Krechetnikov on Little Kabarda, outlining his opinion on the policy for the development of this region (April 24, 1775)]. IN: KRO. – Vol. 2. – P. 470-482. (In Russ.).

Raport gen.-m. Del'potstso gr. Gudovichu, ot 11-go marta 1807 goda, № 103. Prokhladnaya [Report of the General-Minister Delpozzo to Count Gudovich, dated March 11, 1807, No. 103. Prokhladnaya]. IN: AKAK. – Vol. 3. – P. 647-650. (In Russ.).

Raport podpolk. Bulgakova gen. Ermolovu, ot 28-go fevralya 1825 goda, № 47. – Nal'chik [Report of Lieutenant Colonel Bulgakov to General Ermolov, dated February 28, 1825, No. 47. – Nalchik]. IN: AKAK. – Vol. 6. – Part 2. – P. 476. (In Russ.).

RGVIA – *Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv* [Russian State Military Historical Archive]. – Moscow.

RGIA – *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv* [Russian State Historical Archive]. – St. Petersburg.

Reskript k generalu maioru de-Medemu 3 noyabrya 1769 goda. Kopiya [Rescript to Major General de Medem, November 3, 1769. Copy]. IN: RGIA. F. 1350. Tretii departament Senata [Third Department of the Senate]. Op. 56. D. 270 A. Ll. 209-224. (In Russ.).

STAL' K.F. *Ehtnograficheskii ocherk cherkesskogo naroda* [Ethnographic essay on the Circassian people]. IN: *Russkie avtory XIX veka o narodakh Tsentral'nogo i Severo-Zapadnogo Kavkaza* [Russian authors of the 19th century about the peoples of the Central and Northwestern Caucasus]. – Nalchik: El-Fa, 2001. – P. 185–278. (In Russ.).

SULTAN KHAN-GIREI. *Izbrannye trudy i dokumenty* [Selected works and documents]. – Maikop: Poligraf-Yug, 2009. – 672 p. (In Russ.).

Информация об авторе

А.В. Кушхабиев – доктор исторических наук.

Information about the authors

A.V. Kushkhabiev – Doctor of Science (History).

Статья поступила в редакцию 05.05.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.06.2025 г.; принята к публикации 27.06.2025 г.

The article was submitted 05.05.2025 y.; approved after reviewing 15.06.2025 y.; accepted for publication 27.06.2025 y.

Научная статья
УДК 930+325
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-2-102-114
EDN: MATKVI

АБАЗИНЫ В ТУРЕЦКИХ АРХИВНЫХ ИСТОЧНИКАХ XIX ВЕКА

Мурат Исмаилович Муков
Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук, Нальчик, Россия, abaza_2005@mail.ru, https://orcid.org/0009-0003-7177-6770

Аннотация. В статье предпринята попытка на основе анализа архивных источников проиллюстрировать место и роль абазин в политике Османской империи на Кавказе, в том числе – во время трагических событий перемещения абазин в Османскую империю по итогам «Кавказской войны» 1763-1864 гг. Документы из государственных архивов Турции, открытые для широкого круга исследователей, демонстрируют, в частности, участие абазин в военных операциях на стороне Османской империи, а также раскрывают турецкое понимание роли и места ислама в жизни северокавказских народов. Особое значение имеют архивные документы, в которых зафиксированы названия селений, основанных абазинскими иммигрантами. Исследование территории расселения абазин в Османской империи и территории их проживания в современной Турции позволяет изучить как историю конкретных абазинских поселений, так и историю миграции абазин в новых условиях. Проанализированные источники, касающиеся государственной политики Османской империи в сфере светского и духовного образования, позволяют сделать вывод о том, что появление значительного числа турецких абазин, получивших образование и профессиональную подготовку, непосредственно связано с тем, что сто пятьдесят лет назад в сёлах абазин-иммигрантов были построены мечети и школы, и обеспечено организационное и финансовое функционирование этих учреждений.

Ключевые слова: абаза, абазины, абазы, алтыкесек, архивы, история, Османская империя, Российская Империя, Турция, этнография.

Для цитирования: Муков М.И. Абазины в турецких архивных источниках XIX века // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 2. – С. 102-114. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-2-102-114. EDN: MATKVI.

© Муков М.И., 2025

Original article

THE ABAZANS IN TURKISH ARCHIVAL SOURCES OF THE 19TH CENTURY

Murat I. Mukov
Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, abaza_2005@mail.ru, https://orcid.org/0009-0003-7177-6770

Abstract. The article seeks to demonstrate Abazins' status and role in Ottoman Empire policies in the Caucasus, particularly the terrible events of their relocation to the Ottoman Empire during the "Caucasian War" of 1763-1864. Documents from the state archives of Turkey, open to a wide range of researchers, demonstrate, in particular, the participation of the Abazins in military operations on

the side of the Ottoman Empire, and also reveal the Turkish understanding of the role and place of Islam in the life of the North Caucasian peoples. Of particular importance are archival documents that record the names of villages founded by Abazin immigrants. The study of the territory of settlement of the Abazins in the Ottoman Empire and the territory of their residence in modern Turkey allows us to study both the history of specific Abazin settlements and the history of Abazin migration in new conditions. The analyzed sources concerning the state policy of the Ottoman Empire in the field of secular and spiritual education allow us to conclude that the emergence of a significant number of Turkish Abazins who received education and professional training is directly related to the fact that one hundred and fifty years ago, mosques and schools were built in the villages of Abazin immigrants, and the organizational and financial functioning of these institutions was ensured.

Keywords: Abaza, Abazins, Abazas, Altykesek, archives, history, Ottoman Empire, Russian Empire, Türkiye, ethnography.

For citation: Mukov M.I. The Abazans in turkish archival sources of the 19th century. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 2. – P. 102-114. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-2-102-114. EDN: MATKVI.

© Mukov M.I., 2025

Введение

Вынужденное переселение, а затем и депортация в Османскую империю – трагическая страница в истории народов Северо-Западного Кавказа. Абазины, как и другие кавказские народы, оказывали упорное сопротивление царизму, стремясь сохранить свою независимость и традиционный образ жизни. Однако, превосходящие силы царской армии в итоге предопределили исход войны. Массовое выселение некоторых народов Северного Кавказа в Османскую империю как в ходе «Кавказской войны», так и после её завершения, получил освещение в научной и публицистической литературе как «мухаджирство», «выселение», «депортация» и т.п. Независимо от названия, это был процесс, отмеченный масштабными лишениями и завершившийся утратой родины. Он оставил неизгладимый след в коллективной памяти абазинского народа, разбросанного по многим странам мира.

Следует указать комплекс причин, побудивших абазин покинуть родные земли. С одной стороны, это был страх перед репрессиями со стороны российской администрации, которые следовали за подавлением сопротивления. Абазинам навязывали новые законы и порядки, противоречившие их традициям и культуре. С другой стороны определенную роль сыграла пропаганда Османской империи, которая представляла переселение как возможность сохранить свою веру и культуру в мусульманской стране. Кроме того, экономические трудности, усугубленные войной и потерей земель, также подталкивали абазин к поиску лучшей жизни вдали от родины. Часть абазин стремилась выехать в Османскую империю с целью получить исламское образование более высокого уровня в мусульманской стране и др. [Муков 2021: 85].

Понимание этого сложного процесса требует тщательного анализа разных видов источников, позволяющих реконструировать картину событий и оценить их последствия. Данная работа направлена на обзор османских источников, освещающих вынужденное переселение абазин, выявление их информационного

потенциала и определение перспектив дальнейшего исследования. Учитывая, что османские источники отражают точку зрения османской администрации и общества на проблему мухаджирства, мы попытались при их анализе критически оценивать содержащуюся в них информацию и сопоставлять ее с другими источниками. Комплексный анализ османских источников в сочетании с другими историческими материалами позволяет создать более полную и объективную картину событий, связанных с вынужденным переселением абазин в Османскую империю, и оценить его последствия для истории и культуры абазинского народа.

Основная часть

Вопросы, связанные с выселением народов Северного Кавказа в Османскую империю раскрыты на документальных материалах, хранящихся в российских и зарубежных архивах, в исследованиях Г.А. Дзидзария [Дзидзария 1982], А.Х. и Х.А. Касумовых [Касумов 1989; Касумов 2010], М.Х-Б. Кишмахова [Кишмахов 2004], А.В. Кушхабиева [Кушхабиев 2007], Т.В. Половинкиной [Половинкина 2001], С.Х. Хотко [Хотко 2002] и других. Наиболее изученными являются российские архивы. ввиду их большей доступности и языка делопроизводства. Менее изученными и важными источниками являются османские документы, хранящиеся в архивах Турции и открытые для исследователей, в том числе – зарубежных, в конце 80-х гг. XX в. В османских документах содержится информация о приеме и расселении абазинских иммигрантов на территории Османской империи, их адаптации к новым условиям жизни, а также о политике османского правительства в отношении иммигрантов. Изучение опубликованных сборников документов позволяет получить представление о масштабах абазинской эмиграции и ее последствиях для принимающей стороны.

Вопреки распространенному мнению, что в новейшей истории Турции все потомки переселенцев с Северного Кавказа именуются черкесами, османские чиновники в XVIII – первой половине XIX в. имели представление о национальном многообразии Кавказа. Исследователи указывают, что наряду с черкесами (адыгами) в османских документах упоминаются *абаза*, то есть абхазы, садзы-джигеты, убыхи и северокавказские абазины [История адыгов… 2009: 354-355], а в документе Османского государственного архива Hatt - Hatti hümayün 1104/ 444590- Y, который датируется тридцатыми годами XIX в., к *абазским* племенам отнесены «...шапсуги, натухайцы, баги, башилбаевцы, кызылбеки, ашхарцы, баракаевцы, алтыкесеки», «...а также «абазины, проживающие в Карачае» [Чедия 2018:105-112].

Необходимо отметить, что в указанных в настоящей статье османских архивных документах абазины названы *абаза* (*abaza)* или *абазины,* в ряде случаев в документах использовалось наименование одной из субэтнических групп абазин – *алтыкесек (altikesek)*.

К концу первого – началу второго десятилетия XXI в. относится появление в России и в Турции сборников документов из османских архивов, в которых раскрывается роль кавказских народов в процессах конца XVIII–XIX веков, связанных с реализацией османской политики на Кавказе.

Так, в сборнике, изданном в рамках совместного проекта Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН, Архивной службы КБР и Центра социально-стратегических исследований «Кавказский дом» (г. Стамбул) [История адыгов… 2009], абазины упоминаются в документах, отражающих обострение соперничества Российской и Османской империй на Кавказе в последней четверти XVIII–XIX в. Этот сборник дополняет сведения, содержащиеся в двухтомном издании, опубликованном в Турции в 2012 г. под редакцией профессора Угура Унала [Osmanli belgelerýnde Kafkas… 2012], генерального директора государственного архива. В документах турецкого сборника содержится информация о расселении *абазин (abaza)* в землях Османской империи во второй половине XIX в., которая также существенно дополняет источниковедческую базу по истории и этнографии абазин (по имеющейся информации, к печати готовятся очередные тома сборника). Документы в настоящей статье датированы по григорианскому календарю. Следует отметить, что документы из турецкого сборника, которые впервые вводятся в научный оборот на русском языке, переведены автором настоящей статьи.

Корпус имеющихся материалов следует разделить тематически на два блока: 1-й блок – источники, содержащие информацию об участии абазин в военных действиях в интересах Османской империи; 2-й блок – документы, в которых зафиксирована информация о массовых переселениях с Северного Кавказа в Османскую империю во второй половине XIX в.

1. ***Упоминания об абазинах (abaza) в документах, подтверждающих их участие в военных действиях в интересах Османской империи***:

1.1. «Докладная записка о наборе и отправке войск в Согуджак…» от 22 апреля 1810 г. [История адыгов… 2009: 32-33], в которой отмечается участие *абазских беев* в обсуждении приготовлений, необходимых для выступления в Сухум, Ризу и Анапу.

1.2. «Докладная записка об отправке в Анапу пушек и артиллеристов…», относящаяся к 1812/1813 гг. [История адыгов… 2009: 35-36], в которой содержится спорное описание атаки *абазов* на российское воинское подразделение в районе Анапы.

1.3. «Докладная записка Султану о взаимном нарушении границ черкесами и абазами, а также российскими подданными…» от 03 января 1825 г. [История адыгов… 2009: 39-41], в которой автор документа:

– излагает переписку между генералом Ермоловым и комендантом Анапы Сейид Ахмед-пашой по вопросу нарушения границ черкесами и *абазами*, с одной стороны, а также российскими подданными – с другой, вопреки условиям мирного договора (вероятно, речь идет о Ясском мирном договоре от 09 января 1792 г., закрепившем границу между Турцией и Россией по реке Кубань),

– докладывает о ситуации с заложниками из числа сыновей и родственников черкесских и *абазских беев*, взятых Сейид Ахмед-пашой для прекращения набегов на русские земли,

– обращает внимание на благосклонное отношение Сейид Ахмед-паши к «черкесским и *абазским племенам»*, «творящим дурное» (не исповедующим ислам).

1.4. «Присяга в верности предводителей убыхов, Вардана и Шаса (саше)…», относящаяся к 1826/1827 г. [История адыгов… 2009: 41-43], в которой содержится напоминание, что некогда «все племена *абазов* и черкесов отправили выбранного ими из своей среды посла сперва к губернатору Трабзона и коменданту Анапы…, затем – в Стамбул,…, и добились приема падишахом». В результате черкесы и *абазы* приняли на себя обязательства по соблюдению шариата Мухаммеда, повиновению Османскому государству, а также воздержанию от прежних предрассудков (верования, обычаи, традиции, обряды и т.п.), противоречащих шариату. Из этого следует, что укрепление ислама в среде абазин в описываемые времена сопровождалось сохранением и использованием традиций и обычаев, связанных с культурой предков.

Также указанные предводители брали на себя обязательство не пересекать российскую границу.

1.5 Упоминания об абазинах (абаза) в документах, подтверждающих их участие в Крымской войне 1853-1856 гг. «Официальное письмо в Министерство финансов…», относящееся к 1854/1855 гг. [История адыгов… 2009: 41-43], в котором, в частности, уделяется особое внимание вопросу о выделении достаточной денежной суммы для оплаты расходов на дополнительное снабжение черкесских и *абазских войск* пушками и боеприпасами.

Указанные в первом разделе архивные османские документы подтверждают участие *абазин* в военном закреплении Османской империи в районе Анапы, участии в Русско-турецкой войне, в распространении ислама на Кавказе и т.п., в том числе, участие, основанное на договорах и соглашениях с османскими властями.

2. Сведения об абазинах (abaza) в документах, отражающих массовые переселения с Северного Кавказа в Османскую империю во второй половине XIX в.:

2.1. В документе от 29 августа 1859 г. [Osmanli belgelerýnde Kafkas…I 2012: 285-287] указывается регион расселения одной из групп *алтыкесек* в Османской империи – Кютахия, недалеко от Сейитгази, указывается название деревни – Кушмар и количество дворов – 50. Также из текста документа можно понять, что *алтыкесеки* поселились в указанной местности в 1850-1851 гг., то есть, задолго до османского закона от 09 марта 1857 г. о мухаджирстве и переговоров 1856-1858 гг. между правительствами Российской и Османской империй о переселении коренного населения Северного Кавказа в Османскую империю. Отдельно в документе отмечается, что *алтыкесеки*, занимаясь сельским хозяйством исправно собирают десятину и несут иные повинности, что «…они …послушны». На современной карте Турции мы не находим деревню Кушмар, и о судьбе абазин, некогда живших в ней, нам ничего не известно. Также следует отметить, что и во всём районе Сейитгази, к которому в XIX в. относилась эта деревня, абазинских поселений сегодня нет. Но вот в Эскишехирской области, к которой сегодня относится район Сейитгази, абхазскими и российскими

исследователями абазинские деревни выявлены. М.С. Тхайцухов говорит о 8 абазинских деревнях [Тхайцухов 2013: 14-40], В.А. Чирикба дополняет список четырьмя деревнями [Чирикба 2012: 77-92], а автор настоящей статьи по результатам посещений ассоциаций абазин Турции (dernek) в 1995–2007 гг. – ещё шестью наименованиями, в том числе двумя деревнями с совместным проживанием абазин и адыгов. И возможно, что потомки абазинских переселенцев из деревни Кушмар, растворились среди населения других абазинских деревень Эскишехирской, или какой-либо другой, области.

2.2. Конкретные места расселения абазин зафиксированы также в документе от 18 июня 1903 г. [Osmanli belgelerýnde Kafkas…I 2012: 538-542], содержащем список «румелийских, боснийских, батумских, черкесских и *абазинских* (abaza)» поселений, основанных в Инегёль. В списке указаны абазинские сёла Османие, Тюфекчиконак кареси и Мезит кареси, основанные в 1879–1880 гг. Необходимо отметить, что указанные сёла находятся и сегодня на указанных в архивных документах местах. Но В.А. Чирикба относит эти села к абхазским [Чирикба 2012: 52-57], тогда как по наблюдениям автора настоящей статьи в сёлах проживают *абазины-ашхарцы*.

2.3. Из архивных документов видно, что некоторые *абазины*, иммигрировавшие в Османскую империю в 60-е гг. XIX в., располагали точной информацией о местах расселения их сородичей, ранее переехавших в Османскую империю, и использовали легитимные средства, такие, как официальные обращения к османским властям для воссоединения с единокровниками. Так, в документе от 09 августа 1860 г. [Osmanli belgelerýnde Kafkas…I 2012: 300-301] содержится информация о некой спорной ситуации, связанной с просьбой переселенцев – *алтыкесек* о поселении их в Кютахия, близ Сейитгази, где проживают и их соотечественники.

2.4. Известно, что правовым основанием массовой эмиграции народов Кавказа, в том числе – *абазин* в Османскую империю явилось высочайшее утверждение постановления Кавказского комитета от 10 мая 1862 г. «О переселении горцев». Официальная по форме, но плохо организованная операция сопровождалась массовой гибелью людей на всех этапах переселения – не только на переходах от мест проживания до побережья Чёрного моря (в портах и на побережье, при ожидании отправки); во время переправы по морю, но и в местах высадки и временного пребывания на побережье Османской империи. О высоком уровне смертности в Османской империи среди переселенцев с Северного Кавказа от голода, холода и болезней – до двухсот человек в день, при безразличии местных властей, свидетельствуют архивные документы, составленные очевидцем трагических событий вице-консулом в Трапезунде А.Н. Мошниным [Кушхабиев 2023: 293-317]. Но опубликованные документы свидетельствуют, что уже через несколько лет османские власти серьёзно озаботились вопросами санитарно-медицинского обслуживания переселенцев. Так, в документе от 11 апреля 1867 г. [Osmanli belgelerýnde Kafkas…I 2012: 81-87] раскрываются вопросы, связанные с санитарно-медицинским обслуживанием иммигрантов – *абазин (abaza)*. Из документа следует, что указанные вопросы подняты в связи с ожидаемым прибытием (на российских паромах, после первого мая 1867 г.) «большого количества

населения из племени *абаза*» в назначенные османскими властями порты Трабзон, Самсун и Синоп. Для санитарно-медицинского сопровождения переселенцев властями назначаются три врача, для соблюдения порядка – группа карантинных офицеров, места, где будут находится переселенцы, должны быть обустроены. Предусматривалось специальное (целевое) финансирование всех необходимых затрат. В документе указывается количество *абазин*, ранее переселившихся на российских паромах в Османскую империю – «около четырёх тысяч семей», отмечалось, что ранее переселенцы прибывали неорганизованно, на неподходящих кораблях и небольших лодках, в количестве, превышающем в несколько раз возможности принимающей стороны, а общее количество переселившихся неизвестно. Неорганизованная эмиграция вызвала инфекционные заболевания (чёрная лихорадка, оспа и т.п.) среди переселенцев, многие из которых умерли, а болезни перекинулись на местное население. В связи с этим в документе зафиксировано заявление неназванного сотрудника российского посольства, присутствующего на собрании, что «количество людей, которые эмигрируют на этот раз, будет невелико, и подразумевается, что они прибудут на специальных паромах».

2.5. Как следует из документов от 14 января 1868 г. [Osmanli belgelerýnde Kafkas…II 2012: 107-110], а также от 6 августа 1868 г. [Osmanli belgelerýnde Kafkas…II 2012: 111-116] необходимые денежные средства на оплату паромного фрахта и на содержание привлечённых государственных чиновников для переселения *абазин (abaza)* в османские земли выделялись Министерством финансов Османской империи.

2.6. Кроме собственно расселения переселенцев с Северного Кавказа, важной частью деятельности османской администрации, как следует из опубликованных документов, было обеспечение иммигрантов ресурсами, необходимыми для жизни и хозяйственной деятельности на новом месте. Отдельно решался вопрос о финансировании неотложных нужд абазин, в частности – о пошиве для переселенцев одежды за счёт османского бюджета. Кроме того, что переселенцы обеспечивались жильём, земельными участками (не облагаемыми налогом) и тягловым скотом, документы демонстрируют и иные формы материальной и духовной поддержки, получаемой абазинами. Так, в документе от 16 августа 1887 г. [Osmanli belgelerýnde Kafkas…II 2012: 149-152] зафиксирована реакция османских властей на просьбу черкесских, румелийских и *абазинских (abaza)* иммигрантов о строительстве в сёлах, где они проживают, за счёт государственного бюджета мечетей и школ: в результате принято решение о строительстве в районах Кандыра, Хармантепе и Хендек шести мечетей и школ, по одной на каждые двести домохозяйств, для богослужения и образования детей *абазинских (abaza)*, черкесских и румелийских иммигрантов.

2.7. При этом османские власти были озабочены не только строительством школ для абазин, но и в их качественном функционировании. Так, в документе от 17 июня 1878 г. [Osmanli belgelerýnde Kafkas…II 2012: 122-123] поднимаются вопросы, связанные с «обучением и профессиональной подготовкой» *абазинских (abaza)* переселенцев в Йозгате (где и сегодня исследователями выделяются 13 абазинских сёл), в частности: о подготовке учителей со знанием

абазинского языка, и о количестве этих учителей, которое необходимо трудоустроить. Мы считаем, что массовое появление среди турецких абазин людей, получивших образование и профессиональную подготовку, непосредственно связано с тем, что сто пятьдесят лет назад правительством Османской империи в абазинских сёлах были не только построены мечети и школы, но и обеспечено организационное и финансовое функционирование этих учреждений.

2.8. Государственный подход к духовной сфере жизнедеятельности переселенцев, продемонстрированный выше, может быть проиллюстрирован также частным, но закреплённым в документе от 24 октября 1864 г. [Osmanli belgelerýnde Kafkas…II 2012: 93-90] случаем, когда один из иммигрантов – *алтыкесек*, проживавший в районе Месудие, отказался от ранее полученной российской награды (документ не уточняет – какой именно), за что получил от Османского правительства орден Миджидие (девиз ордена – «Рвение. Преданность. Лояльность»).

2.9. В связке с удовлетворением потребностей абазинских переселенцев, расселённых на Балканах (Зиштови, Нигболу, Плевна и Ловча) в волах, плугах, а также в форме расходов на ежедневное питание, ресурсов на строительство домов и больниц, документы демонстрируют инициативы местных османских чиновников в части финансового обеспечения этих потребностей. Так, в документе от 25 сентября 1867 г. [Osmanli belgelerýnde Kafkas…II 2012: 102-106] приводится обоснование, что указанные потребности *абазинских (abaza)* иммигрантов могут быть удовлетворены без обременения государственной казны, за счёт доходов от десятины, полученных от ранее осевших в указанных землях татарских и ногайских иммигрантов.

2.10. Отсутствие альтруизма Османской империи в отношении иммигрантов с Северного Кавказа и прагматичность её организационных и финансовых усилий можно проиллюстрировать ссылкой на уже упоминавшийся документ от 25 сентября 1867 г. [Osmanli belgelerýnde Kafkas…II 2012: 102-106], в котором отмечается, что в Дунайскую область направлена одна тысяча *абазинских (abaza)* семей (восемь тысяч человек), которые «как можно скорее должны заняться сельским хозяйством».

2.11. Известно, что часть эмигрировавших в Османскую империю абазин, столкнувшись с различными проблемами, принимала решение вернуться на родину. Так, в июле 1863 г. управляющий российским вице-консульством в Варне А. Ольхин сообщал российскому послу в Константинополе Е.П. Новикову о желании северокавказских иммигрантов, поселенных на Балканах (известно, что значительная часть абазин была размещена османскими властями в балканских владениях), возвратиться на родину [Донесение 1863]. Вероятно, в османских архивах со временем будут выявлены документы, в которых беспристрастно зафиксированы причины, порождавшие у северокавказских переселенцев желание вернуться на родину. В опубликованном же документе от 12 октября 1879 г. [Osmanli belgelerýnde Kafkas…II 2012: 296-298] содержится информация об одном из факторов реэмиграции: сообщается, что в Измите, «некоторые русские шпионы» поощряют *абазин (abaza)*, эмигрировавших с Балкан в Османскую империю, вернуться в Россию под предлогом, что Османское государство не

сможет о них позаботиться. Общеизвестно, что и российское и османское правительство выступали против реэмиграции переселенцев, причём архивные источники показывают, что османская сторона ради недопущения реэмиграции шла даже на нарушение собственных правил. Так, в документах зафиксирована ситуация, когда группа абазин – *алтыкесеков*, прибывших в Самсун весной 1861 г., и не удовлетворенных предложенными для поселения местами, заявила о намерении вернуться на родину. Вопреки практике Комиссия по делам иммигрантов разрешила абазинам выбрать устраивающий их регион, а руководителям окружных администраций предписала максимально учитывать пожелания этой группы для недопущения её отъезда в Россию – «…никуда не выпускать мухаджиров, обеспечив их скорейшее и должное поселение» [BOA. A.MKT.MHM, no 220/9, 232/27; BOA. A.MKT.NZD, no 362/72; BOA. A.MKT.UM, no 519/16. цит. по Чочиев 2021: 63].

Указанные документы имеют важное значение для понимания процессов формирования абазинской диаспоры в Турции: исследователям стала доступна официальная османская информация о расселении абазинских иммигрантов в регионах Османской империи в XIX в., в том числе географическая, статистическая и оценочная информация, иллюстрирующая этот процесс.

Отдельного упоминания заслуживает ещё одно свидетельство того, что массовое переселение некоторых народов Северного Кавказа в Османскую империю, которое в определённой степени носило стихийный характер, в целом представляло организованный и контролируемый процесс, выступая, как минимум, предметом дипломатической переписки, в том числе, с упоминанием наименований конкретных этнических групп. Так, в «Официальной переписке Управления Комиссии по делам иммигрантов и Везирата…» от марта-мая 1873 г. [История адыгов… 2009: 87-89] цитируется письмо от 27 марта 1873 г., поступившее в Комиссию из российского посольства. В указанном письме посольство подтверждает, что в сентябре 1872 г. группа *абазин* из Кубанского края в количестве пятьсот девятнадцати человек просила разрешения на переселение в Османское государство, которое не было дано, в силу двустороннего договора о запрете массового переселения (о переселении по частям), и об осуществлении ряда процедур относительно их имущества и недвижимости, как в Османском государстве, так и на Кавказе. Ситуацию подтверждает «Опись лиц желающих переселиться в Турцию (за границу)…» из Кубанско-Лоовского аула Баталпашинского отдела Кубанской области, хранящаяся в Государственном архиве Краснодарского края[1] С большой долей уверенности можно заявить, что этим людям выезд за пределы России так и не был разрешён, что потомки тех, чьи имена перечислены в документе, по-прежнему живут в аулах, ныне именуемых Кубина и Псыж. Это умозаключение основывается на факте, что в «Описи…» под № 13 указан Мач Муков – прапрадед автора настоящей статьи, а также многие другие жители указанных населенных пунктов современной Карачаево-Черкесии.

[1] Опись лиц, желающих переселиться в Турцию (заграницу), родственники Азмедбии Салиманова, из Кубанской области Баталпашинского отдела кубанской Лоовского аула // ГАКК. Ф. 318. Оп. 2. Д. 2512. Л. 115.

Анализ опубликованных источников позволяет сделать вывод о том, что переселение с Кавказа в Османскую империю было плохо организовано и сопровождалось масштабными людскими потерями. Абазины, лишенные имущества и средств к существованию, отправлялись в долгий и опасный путь по морю в переполненных судах. Антисанитарные условия, голод и болезни приводили к высокой смертности, особенно среди детей и пожилых людей. Многие тысячи абазин погибли в пути, так и не достигнув берегов Османской империи. Основная масса тех, кто выжил, оказалась в чужой стране, без жилья, работы и знания османского языка. Османские власти предпринимали определенные меры по оказанию помощи абазинским иммигрантам в обустройстве. Часть абазинских иммигрантов, недовольная своим положением в Османской империи, стремилась к возвращению на родину.

В современный период абазины интегрированы в турецкое общество, но сохраняют свою этнокультурную идентичность и поддерживают связи с родиной. Они создают различные организации и фонды, занимающиеся изучением абазинского языка и культуры, издаются научные труды, посвященные истории переселения в Османскую империю.

Заключение

Таким образом, османские документы архивов Турции предоставляют свидетельства не только о ранних стадиях формирования абазинской диаспоры в Османской империи, но и о сложных и многогранных отношениях между абазинами и османскими властями, касающихся сохранения самобытности народа в первой половине XIX в., дополняя российские источники. Важно подчеркнуть, что архивные данные позволяют расширить наши знания о численности и географическом распределении абазинских поселений в Османской империи, а также о процессах адаптации и интеграции абазин в новую социокультурную среду.

Рассмотренные в настоящей статье архивные документы свидетельствуют о том, что власти Османской империи имели определённое представление о сложном национальном составе Кавказа. Однако, уточняющая информация о том, какие именно народы (в нашем случае – народы абазинские) стоят за словами «черкесы» и «абаза», крайне редко встречается в османских архивных документах. Важное значение в дальнейших поисках будет иметь выявление архивных документов, содержащих значимую для идентификации абазин информацию, такую, как названия населённых пунктов и местности, родовых фамилий и т.п.

Следует также отметить, что изучение османских документов архивов Турции является важным и перспективным направлением в исследовании истории абазинской диаспоры. Дальнейшие поиски и анализ этих источников, в сочетании с критическим осмыслением уже имеющихся данных, позволят существенно расширить наши знания об этом трагическом периоде в истории абазинского народа и способствовать более глубокому пониманию его культурного наследия. Дальнейшие исследования в этой области должны быть направлены на выявление новых источников, критический анализ ранее опубликованных и разработку новых методологических подходов к изучению этого трагического периода истории абазинского народа.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Дзидзария 1982 – *Дзидзария Г.А*. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. – Сухуми: Алашара, 1982. – 532 с.

Донесение управляющего… – Донесение управляющего российским вице-консульством в Варне А. Ольхина российскому послу в Константинополе Е.П. Новикову о желании северокавказских иммигрантов возвратиться на родину. 1863 г., июля 4-го. № 121 // АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 1615. Л. 55.

История адыгов… 2009 – *История адыгов* в документах Османского государственного архива. Выпуск 1. – Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», 2009. – 404 с.

Касумов 1989 – *Касумов А.Х*. Северо-Западный Кавказ в русско-турецких войнах и международные отношения XIX века / А.Х. Касумов; отв. ред. А.Л. Нарочницкий; кол. авт. Северо-Кавказский научный центр высшей школы. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1989. – 192 с.

Касумов 2010 – *Касумов Х.А*. Массовая депортация горцев Северного Кавказа в 1860-е гг.: пространственная сегрегация, как форма государственного управления и контроля // Актуальные вопросы современной науки. – 2010. – № 16. – С. 44–48.

Кишмахов 2004 – *Кишмахов М.Х-Б*. Убыхский род Берзек и его абхазо-адыгские родословные ветви: дис. ... канд. ист. наук. – Нальчик: 2004. – 194 с.

Кушхабиев 2007 – *Кушхабиев А.В*. Очерки истории зарубежной черкесской диаспоры. – Нальчик: Эль-Фа. 2007. – 320 с.

Кушхабиев 2003 – *Кушхабиев А.В*. Проблема репатриации черкесских иммигрантов из Османской империи во 2-й половине XIX – начале XX века в документах архивов России и Грузии // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 3. – С. 293-317. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-293-317. EDN: HMXHHY.

Муков 2021 – *Муков М.И*. Проблема абазинской диаспоры и пути ее решения // Кавказ: перекресток культур. – СПб, МАЭ РАН, 2021. – Вып. 3. – С. 85-93.

Половинкина 2001 – *Половинкина Т.В*. Черкесия – боль моя. Исторический очерк (древнейшее время – начало XX в.) 2-е изд., испр. и доп. – Майкоп: ГУРИПП «Адыгея»; 2001. – 224 с.

Тхайцухов 2013 – *Тхайцухов М.С*. Атлас расселения турецких абазин: (по материалам научных экспедиций в Турцию в 2003, 2005, 2011 гг.). – Черкесск: РГБУ КЧИГИ, 2013. – 43 с.

Хотко 2002 – Хотко С.Х. История Черкесии в средние века и новое время. – СПб.: СПбГУ, 2002. – 551 с.

Хрестоматия 2023 – *Хрестоматия* по истории зарубежной черкесской диаспоры. Часть первая. Черкесская диаспора в Османской империи (вторая половина XIX – начало XX века). Учебное пособие. Составитель, автор предисловия и комментариев А.В. Кушхабиев. Издание 2-е, перераб. и доп. – Нальчик: КБНЦ РАН, 2023. – 252 с.

Чирикба 2012 – *Чирикба В.А*. Расселение абхазов и абазин в Турции // Джигетский сборник. – Вып. 1: Вопросы этнокультурной истории Западной Абхазии, или Джигетии / под общ. ред. Д.К. Чачхалиа. – М., 2012. – С. 22-96.

Чедия 2018 – *Чедия А.Р*. Этническая ситуация на Западном Кавказе по представлениям османов (на примере документа османского архива Hatt-Hatti hümayün 1104/ 444590- Y). // Genesis: исторические исследования. – 2018. – № 2. – С. 102–113. – DOI: 10.25136/2409-868X.2018.2.25306. – EDN: YOWGPW.

Чочиев 2021 – *Чочиев Г.В*. Проблема «возвращения на родину» в северокавказской диаспоре в Турции (османский период) // Вопросы истории. – 2021. – № 6 (1). – С. 61-84. – DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202106Statyi10.

Экзеков, Емельянова 2012 – *Экзеков М., Емельянова Н*. По обе стороны Большого Кавказа: Сборник документов т. 1. Абазины и «черкесский» вопрос. – СПб.: Питер, 2012. – 608 с.

Osmanli belgelerýnde Kafkas… 2012 – Osmanli belgelerýnde Kafkas göçlerý. I. – Ýstanbul, 2012. – 584 p. (In Turkish).

Osmanli belgelerýnde Kafkas… 2012 – Osmanli belgelerýnde Kafkas göçlerý. II. – Ýstanbul, 2012. – 448 p. (In Turkish).

REFERENCES

DZIDZARIYa G.A. *Mahadzhirstvo i problemy istorii Abhazii XIX stoletiya* [Mahajirism and problems of the history of Abkhazia in the 19th century]. – Suhumi: Alashara, 1982. – 532 p. (In Russ.).

Donesenie upravlyayushchego rossijskim vice-konsul'stvom v Varne A. Ol'hina ros-sijskomu poslu v Konstantinopole E.P. Novikovu o zhelanii severokavkazskih immi-grantov vozvratit'sya na rodinu. 1863 g., iyulya 4-go. № 121 [Report by the manager of the Russian Vice-Consulate in Varna, A. Olkhin, to the Russian Ambassador in Constantinople, E.P. Novikov, about the desire of the North Caucasian immigrants to return to their homeland. July 4, 1863. № 121]. In: AVPRI. F. 180. Posol'stvo v Konstantinopole. Op. 517/2. D. 1615. L. 55. (In Russ.).

Istoriya adygov v dokumentah Osmanskogo gosudarstvennogo arhiva [The history of the Adygs in the documents of the Ottoman State Archive]. Vypusk 1. – Nal'chik: GP KBR «Respu-blikanskij poligrafkombinat im. Revolyucii 1905 g.», 2009. – 404 p. (In Russ.).

KASUMOV A.H. *Severo-Zapadnyj Kavkaz v russko-tureckih vojnah i mezhduna-rodnye otnosheniya XIX veka* [The North-Western Caucasus in the Russian-Turkish Wars and international relations of the 19th century] / A.H. Kasumov; otv. red. A.L. Narochnickij; kol. avt. Severo-Kavkazskij nauchnyj centr vysshej shkoly. – Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo Rostovskogo universiteta, 1989. – 192 p. (In Russ.).

KASUMOV H.A. *Massovaya deportaciya gorcev Severnogo Kavkaza v 1860-e gg.: pro-stranstvennaya segregaciya, kak forma gosudarstvennogo upravleniya i kontrolya* [Mass deportation of the Highlanders of the North Caucasus in the 1860s: spatial segregation as a form of government and control]. In: Aktual'nye voprosy sovremennoj nauki. – 2010. – № 16. – P. 44–48. (In Russ.).

KIShMAHOV M.H-B. *Ubyhskij rod Berzek i ego abhazo-adygskie rodoslovnye vetvi* [The Ubykh Berzek family and its Abkhaz-Adyghe family tree branches]: dis. ... kand. ist. nauk. – Nal'chik: 2004. – 194 p. (In Russ.).

KUShHABIEV A.V. *Ocherki istorii zarubezhnoj cherkesskoj diaspory* [Essays on the history of the Circassian Diaspora abroad]. – Nal'chik: El'-Fa. 2007. – 320 p. (In Russ.).

KUShHABIEV A.V. *Problema repatriacii cherkesskih immigrantov iz Osmanskoj imperii vo 2-j polovine XIX – nachale XX veka v dokumentah arhivov Rossii i Gruzii* [The problem of repatria-tion of Circassian immigrants from the Ottoman Empire in the second half of the 19th - early 20th century in the documents of the archives of Russia and Georgia]. In: Elektronnyj zhurnal «Kavkazologiya». – 2023. – № 3. – P. 293-317. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-293-317. EDN: HMXHHY. (In Russ.).

MUKOV M.I. *Problema abazinskoĭ diaspory i puti ee resheniya* [The problem of the Abaza diaspora and ways to solve it]. In: Kavkaz: perekrestok kul'tur. – SPb, MAE RAN, 2021. – Vyp. 3. – P. 85-93. (In Russ.).

POLOVINKINA T.V. *Cherkesiya – bol' moya. Istoricheskij ocherk (drevnejshee vremya – nachalo XX v.)* [Circassia is my pain. Historical sketch (ancient times – the beginning of the XX century)]. 2-e izd., ispr. i dop. – Majkop: GURIPP «Adygeya»; 2001. – 224 p. (In Russ.).

THAJCUHOV M.S. *Atlas rasseleniya tureckih abazin: (po materialam nauchnyh ekspedicij v Turciyu v 2003, 2005, 2011 gg.)* [Atlas of the settlement of the Turkish Abaza: (based on the materials of scientific expeditions to Turkey in 2003, 2005, 2011)]. – Cherkessk: RGBU KChIGI, 2013. – 43 p. (In Russ.).

HOTKO S.H. *Istoriya Cherkesii v srednie veka i novoe vremya* [The history of Circassia in the Middle Ages and modern times]. – SPb.: SPbGU, 2002. – 551 p. (In Russ.).

Hrestomatiya po istorii zarubezhnoj cherkesskoj diaspory. Chast' pervaya. Cherkesskaya dias-pora v Osmanskoj imperii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka) [A textbook on the history of

the Circassian Diaspora abroad]. Uchebnoe posobie. Sostavitel', avtor predisloviya i kommentariev A.V. Kushkhabiev. Izdanie 2-e, pererab. i dop. – Nal'chik: KBNC RAN, 2023. – 252 p. (In Russ.).

ChIRIKBA V.A. *Rasselenie abhazov i abazin v Turcii* [Settlement of Abkhazians and Abaza in Turkey]. In: Dzhigetskij sbornik. – Vyp. 1: Voprosy etnokul'turnoj istorii Zapadnoj Abhazii, ili Dzhigetii / pod obshch. red. D.K. Chachkhalia. – M., 2012. – P. 22-96. (In Russ.).

ChEDIYa A.R. *Etnicheskaya situaciya na Zapadnom Kavkaze po predstavleniyam osmanov (na primere dokumenta osmanskogo arhiva Hatt-Hatti hümayün 1104/ 444590-Y)* [The ethnic situation in the Western Caucasus according to the Ottomans (using the example of the document from the Ottoman archive Hatt-Hatti hümayün 1104/ 444590-Y)]. In: Genesis: istoricheskie issledovaniya. – 2018. – № 2. – P. 102–113. – DOI: 10.25136/2409-868X.2018.2.25306. – EDN: YOWGPW. (In Russ.).

ChOChIEV G.V. *Problema «vozvrashcheniya na rodinu» v severokavkazskoj diaspore v Turcii (osmanskij period)* [The problem of "homecoming" in the North Caucasian Diaspora in Turkey (the Ottoman period)]. In: Voprosy istorii. – 2021. – № 6 (1). – P. 61-84. – DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202106Statyi10. (In Russ.).

EKZEKOV M., EMEL'YaNOVA N. *Po obe storony Bol'shogo Kavkaza* [On both sides of the Greater Caucasus]. Sbornik dokumentov t. 1. Abaziny i «cherkesskij» vopros. – SPb.: Piter, 2012. – 608 p. (In Russ.).

Osmanli belgelerýnde Kafkas göçlerý [Caucasian migrations in Ottoman documents]. I-II. – Ýstanbul, 2012. – 584 p. (In Turkish).

Osmanli belgelerýnde Kafkas göçlerý [Caucasian migrations in Ottoman documents]. I-II. – Ýstanbul, 2012. – 448 p. (In Turkish).

Информация об авторе
М.И. Муков – соискатель.
Information about the author
M.I. Mukov – a candidate.

Статья поступила в редакцию 02.03.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.06.2025 г.; принята к публикации 27.06.2025 г.

The article was submitted 02.03.2025; approved after reviewing 15.06.2025; accepted for publication 27.06.2025.

Научная статья
УДК 93/94(470.6)
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-2-115-139
EDN: NKKRIH

АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНО-ПРОСТРАНСТВЕННОГО ЕДИНСТВА КАБАРДЫ И БАЛКАРИИ В МАТЕРИАЛАХ ГАЗЕТЫ «КАВКАЗ»

Юзанна Мартиновна Азикова
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия, i.azikova@kbsu.ru, https://orcid.org/0000-0001-8901-8861

Аннотация. В статье исследуется представление в материалах газеты «Кавказ» взаимосвязей населения Кабарды и Балкарии в рамках социально-пространственной структуры Центрального Кавказа в XIX – начале XX в. Осуществлен анализ интерпретаций авторами и редакцией газеты взаимоотношений кабардинцев и балкарцев, а также специфика освещения в газете усилий российского правительства по построению нового административно-территориального деления Кавказа в рамках своего правового поля. Исследование строится на «нарративном», описательно-объяснительном подходе, позволяющем избежать подчинения строго определенной концепции и сосредоточиться на анализе исходных данных и последовательной реконструкции фактов и всех возможных взаимодействий по изучаемому случаю. Привлеченные материалы анализируются с опорой на историко-системный метод. В работе показаны фундаментальные основания выстраивания кабардино-балкарских связей, а также характер освещения такой проблематики на страницах периодической печати. Совокупность материалов газеты «Кавказ» о кабардино-балкарском единстве позволяет увидеть, что его оформление соответствовало внутренней логике соотношения преемственности и метаморфоз глубоко обусловленной и исторически сложившейся социально-территориальной структуры. Публикации в газете «Кавказ» правительственных решений о реформах на Центральном Кавказе также показывают, что имперские власти учитывали историко-культурные основы и экономические реалии выстраивания взаимоотношений кабардинцев и балкарцев.

Ключевые слова: периодическая печать; газета «Кавказ»; Кабарда; Балкария; горы; равнина; Центральный Кавказ; XIX – начало XX в.; социально-пространственная структура; природно-хозяйственная система.

Благодарности и финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке Внутреннего гранта КБГУ. Договор № 14 от 09.07.2024 г.

Для цитирования: Азикова Ю.М. Аспекты социально-пространственного единства Кабарды и Балкарии в материалах газеты «Кавказ» // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 2. – С. 115-139. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-2-115-139. EDN: NKKRIH.

© Азикова Ю.М., 2025

Original article

ASPECTS OF SOCIO-SPATIAL UNITY OF KABARDA AND BALKARIA IN THE MATERIALS OF THE NEWSPAPER "KAVKAZ"

Yuzanna M. Azikova
Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia, i.azikova@kbsu.ru, https://orcid.org/0000-0001-8901-8861

Abstract. The article analyzes the depiction of the interactions between the populations of Kabarda and Balkaria in the newspaper “Kavkaz,” within the context of the socio-spatial framework of the Central Caucasus from the 19th to early 20th century. An examination of the authors' and editorial staff's interpretations of the relationship between Kabardians and Balkars, alongside the newspaper's portrayal of the Russian government's initiatives to establish a new administrative-territorial division of the Caucasus within its legal framework, was conducted. The study is based on a “narrative”, descriptive and explanatory approach, which allows avoiding subordination to a strictly defined concept and allows focusing on the analysis of source data and the consistent reconstruction of facts and all possible interactions in the case under study. The materials involved are analyzed based on historical-systemic method. The work shows the fundamental grounds for building Kabardino-Balkarian ties, as well as the nature of coverage of such an issue in the pages of the periodical press. The totality of the materials of the newspaper “Kavkaz” on the Kabardino-Balkarian unity allows us to see that its design corresponded to the internal logic of the relationship between continuity and metamorphosis of a deeply conditioned and historically established socio-territorial structure. Publications in the newspaper "Kavkaz" of government decisions on reforms in the Central Caucasus also show that the imperial authorities took into account the historical and cultural foundations and economic realities of building relationships between Kabardians and Balkars.

Keywords: periodicals; newspaper "Kavkaz"; Kabarda; Balkaria; mountains; plain; Central Caucasus; 19th – early 20th century; socio-spatial structure; natural-economic system.

Acknowledgements and funding: The study was financially supported by an Internal grant from KBSU. Agreement No. 14 dated 07/09/2024

For citation: Azikova Yu.M. Aspects of socio-spatial unity of Kabarda and Balkaria in the materials of the newspaper "Kavkaz". IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 2. – P. 115-139. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-2-115-139. EDN: NKKRIH.

© Azikova Yu.M., 2025

То, что история народов Центрального Кавказа разворачивается в конкретных пространственных рамках кажется самоочевидным, а простая констатация этого факта – банальностью. Но это не говорит об отсутствии необходимости специальных исследований природно-географических, социально-экономических и культурно-антропологических характеристик того пространства, в котором протекал региональный исторический процесс. Скажем, утверждение, что поверхность планеты Земля задает пространственные рамки истории всех народов (групп населения, обществ) для эпохи древности и раннего средневековья почти бессодержательно, но уже для позднего Средневековья приобретает определенный смысл. Эпоха капиталистической мир-системы с развитием мировой торговли и мировой колониальной системы уже не позволяет изолированно рассматривать историю отдельных стран и целых континентов, а в условиях современной глобализации транснациональные факторы, действующие в мировом пространстве, начинают играть ведущую роль во внутреннем развитии отдельных стран и регионов мира. Интеграционные исторические процессы

развиваются неравномерно не только во времени, но и в пространстве, формируя устойчивые региональные исторические системы – мир-экономики, мир-империи, локальные цивилизации, культурно-исторические области.

Применяя эту логику к истории Северного Кавказа, правомерно было бы утверждать, что до определенного времени можно рассматривать историю народов Дагестана и Северо-Западного Кавказа, скажем, лезгин и адыгов, изолированно, фиксируя лишь некоторое сходство условий природно-географической и внешней социально-политической среды. Но представляется невозможным то же самое сказать о Центральном Кавказе. Равнинно-предгорные территории в пределах этого субрегиона составили область жизнеобеспечения и этнический ареал кабардинцев, а этническая территория балкарцев формировалась в центральной части северного склона Главного Кавказского хребта в ущельях рек Черек (Хуламский и Балкарский), Чегем, Баксан. «Природно-географические условия территорий, на которых локализовались кабардинское и балкарское общества предопределили их тесную взаимосвязь» [Боров 2023: 58]. Это дает основание некоторым исследователям говорить, что одновременно со становлением в XV в. Кабарды и Балкарии как этно-социо-территориальных образований идет и становление исторической Кабардино-Балкарии как устойчивой области жизнедеятельности и упорядочения взаимных отношений кабардинцев и балкарцев. Оформление данных взаимоотношений определялось «характером хозяйственной основы кабардинского и балкарского общества, которую составляло отгонное животноводство. Оно предполагало использование и кабардинцами, и балкарцами пастбищных и сенокосных ресурсов в горах, в предгорьях и на равнине, а значит и поддержание взаимоприемлемого порядка их использования» [Боров 2024: 21]. В XVI–XVIII вв. функционируют и воспроизводятся зрелые формы традиционной социальной организации кабардинского и балкарского обществ и институализированные механизмы их интер-социального взаимодействия. Кабардинцы и балкарцы имели в тот период длительные отношения с другими обществами и владениями Северного и Южного Кавказа, но ни в одном случае эти отношения не достигали той степени полноты, плотности и устойчивости, как во взаимоотношениях Кабарды и Балкарии [Боров и др. 2024: 461].

Определяемый единой природно-хозяйственной системой жизненный уклад, социально-политический порядок сосуществования кабардинцев и балкарцев, видоизменялся под воздействием меняющихся исторических реалий. Вместе с тем неизменной оставалась потребность в поддержании обоюдно принятых и взаимовыгодных условий и форм интер-социального взаимодействия. Ключевой аспект взаимодействия – обеспечение хозяйственно-экономических интересов сторон и устойчивого их положения в единой пространственной системе.

Проблемы разносторонних связей кабардинцев и балкарцев и оформления Кабардино-Балкарии как социо-пространственной единицы российского общества и государства нашли отражение в трудах ряда отечественных исследователей [Баразбиев 2000; Батчаев 2006; Бегеулов 2009; Блиева 2005; Боров, Дзамихов 1998; Боров и др. 1999; Боров и др. 2021; Боров и др. 2024; Кажаров 2014; Калмыков 2007; Кипкеев 2005; Кипкеева 2008; Кожев 2005; Кожев 2016; Муратова 2007; Тебуев, Хатуев 2002; Хатуев 1999; Прасолов 2017; Абазов 2016].

С методологической точки зрения обращение к взаимодополняющим методологиям «новой компаративной истории», «новой региональной истории» и «новой спатиальной истории» предполагает описание и объяснение связей и взаимодействий в рамках долговременно динамических социально-территориальных структур, преодолевая границы искусственно конструируемых национальных и государственных контекстов [Репина 2019; Реконструкции… 2017; Остерхаммель 2011; Боров 2022; Боров 2023].

Между тем в современном кавказоведении отмечают роль имперской власти в конструировании внешних границ и внутренней структуры Северного Кавказа, ставшего ее «региональным изобретением, в пространстве которого решались задачи построения основ нового общества, способного интегрироваться в общероссийское пространство» [Муратова 2019а: 14; Хлынина и др. 2012: 5; Россия… 2018: 11].

Акцентировка конструктивистского аспекта развития и упрочения региональных структур на Северном Кавказе применительно к случаю кабардино-балкарского единства может оставить в тени то обстоятельство, что для этих народов, живших в пространственной структуре, определяемой симбиозом – равнина/горы, упорядоченная кооперация в базовых областях их существования выступала как жизненно важная потребность. Рассматривая имперскую модернизацию XIX в., также важно не упустить из виду эффект обратной связи. Политика преобразований имперской власти являлась не только средством выражения волеизъявления и воплощения представлений управленцев о построении нового общества, но в известной мере учитывала и отражала историко-культурные основания и хозяйственно-экономические реалии выстраивания отношений между кабардинцами и балкарцами. Неслучайно развитие кавказоведения шло рука об руку с включением Кавказа в цивилизационное пространство и политико-административную структуру России.

Конституирование Центрального Кавказа и кабардино-балкарского его сегмента как особой единицы в природно-географическом и культурно-историческом пространстве Северного Кавказа имеет, таким образом объективную, «внешнюю», и субъективную, «внутреннюю» стороны. Их синтез происходил в представлениях и практике как самих народов субрегиона, так и региональной имперской элиты, причастной к разработке и реализации реформ. При этом на протяжении XIX в. возрастала роль именно имперской региональной политики в определении вектора и построении механизмов внутреннего социально-культурного развития местных народов.

Большой и содержательный материал, показывающий, как исторически сложившиеся формы социо-пространственной интеграции кабардинцев и балкарцев в рамках полиэтничного пространства Центрального Кавказа воспринимались и интерпретировались в общественно-государственном дискурсе Кавказского наместничества, представлен на страницах газеты «Кавказ» (Тифлис). С другой стороны, материалы газеты «Кавказ» дают картину усилий правительства по конструированию нового формата связей и взаимодействий кабардинцев и балкарцев.

Таким образом, изучение материалов «Кавказа» по обозначенной проблеме представляет интерес как для прояснения исторических и актуальных для

периода с конца 1840-х до начала 1900-х гг. аспектов кабардино-балкарских связей, так и для систематизации и обобщения данных об отражении в периодической печати того времени всей проблематики взаимосвязей народов Центрального Кавказа. С этой точки зрения предмет настоящей статьи является частным случаем, иллюстрирующим фактические и концептуальные проблемы понимания аналогичных тем в периодической печати XIX – начала XX века. Тема ранее не становилась предметом специального исследования.

Объектом исследования является историческое развитие Центрального Кавказа как пространства «трансэтнических» социально-политических взаимодействий. Предмет исследования – содержание материалов газеты «Кавказ», затрагивающих проблемы исторического взаимодействия народов Кабарды и Балкарии.

Цель исследования заключается в систематизации и концептуальной характеристике содержания публикаций, раскрывающих понимание редакцией газеты «Кавказ» взаимосвязей населения Кабарды и Балкарии в рамках единой социально-пространственной структуры Центрального Кавказа XIX – начала XX в.

В основе исследования лежит «нарративный», описательно-объяснительный подход, позволяющий избежать подчинения строго определенной концепции и сосредоточиться на анализе источниковых данных и последовательной реконструкции фактов и всех возможных взаимодействий по исследуемому случаю. Привлеченные материалы проанализированы также с опорой на историко-системный метод.

Единство географического и политико-административного пространства

Первый редактор газеты «Кавказ» О.И. Константинов сформулировал направленность на комплексное изучение северокавказских обществ, с обращением, в первую очередь, внимания на природно-географический фактор. В «Очерке северной стороны Кавказа» [Константинов 1847: 6–8] он обозначил перспективы комплексного познания и исследования Кавказа с учетом природно-географической специфики рассматриваемого региона. В начале «Очерка» Константинов посвящает читателей в свое представление о пространственном делении Кавказа, полагая, что знакомство с краем должно начинаться с понимания его территориального структурирования:

> «Разделим Кавказ условно на три полосы: Первая, **Закавказье**, заключающее в себе земли, лежащие между Турцией, Персией, Каспийским, Черным морем и главным хребтом гор от Баки до Тамани. Вторая, **Кавказ**, или пространство от вышепомянутого главного хребта к северу до рек Кубани, Малки и Терека, обитаемая покорными и непокорными горскими племенами, и наконец, третья **Подкавказье**, за чертою этих рек и заключающая в себе казачьи поселения и кочевья Ногайцев» [Константинов 1847: 6].

«Очерк» посвящен описанию второй полосы «Кавказ» из трех территориальных полос, обозначаемых с юга на север. Автор уделяет особое внимание географической характеристике избранного объекта, описывая речную систему региона с ключевыми реками и их притоками, переходы от высокогорья к гористой

местности и к равнинам. Географическое описание иллюстрирует естественные границы между тремя условно обозначенными территориальными полосами и показывает внутренние разграничители Северного Кавказа, представленные реками и возвышенностями [Константинов 1847: 6–7].

Природно-географическое измерение специфики Кавказа и в последующие годы представляло интерес для редакции газеты. Так, на страницах газеты периодически печаталась информация о собраниях членов Кавказского отдела Русского географического общества с обсуждением докладов о Центральном Кавказе [Общее… 1889; Годичное… 1889]. Был опубликован репортаж о докладе В.Г. Михайловского «к географии центрального Кавказа», озвученном на публичном заседании географического отделения общества естествознания, антропологии и этнографии 4 мая 1893 г. [Доклад… 1893: 3]. Доклад представляет сугубо географический обзор Кавказского хребта, его вершин, ледников. Данные примеры демонстрирует последовательный интерес редакции к пониманию и представлению природно-географической картины Кавказа.

Помимо географической характеристики, в «Очерке» О.И. Константинова приводится и военно-территориальное разделение края с запада на восток: Черноморская кордонная линия, Правый фланг, Центр, управление Владикавказского коменданта, Левый фланг, северный и южный Дагестан [Константинов 1847: 7]. Интересующий нас Центр состоял из Кисловодской и Кабардинской линий. Из населения Центра линии, включавшего как кабардинцев, так и балкарцев, О.И. Константинов упоминает кабардинцев в структуре обзорного описания общественного строя адыгов в целом [Константинов 1847: 7].

На 1820–1850-е гг. приходится начало формирования административно-территориальной идентичности Кабарды и Балкарии в государственном пространстве Российской империи. В этот период институтом, учрежденным российскими военными властями и формально закреплявшим административное единство Кабарды и Балкарии, стал Кабардинский временный суд (1822–1858) [Абазов 2015; Абазов 2016]. В ведении суда находились гражданские дела и споры, а также надзор за исполнением правительственных распоряжений и сохранение общественного порядка. Компетенция Кабардинского временного суда распространялась как на территорию Кабарды, так и на территорию Балкарии [Боров и др. 2024: 37]. Впрочем, исследователи отмечают номинальность административной власти начальника Центра Кавказской линии на территории Балкарии до учреждения приставства [Муратова 2007: 182, 185–186].

В 1846 г. был назначен отдельный пристав «уруспиевского, балкарского, чегемского и хуламского народов» [Века… 2017: 276, 297]. В этом событии усматривается начало конструирования собственного «административно-политического пространства Балкарии в составе Российской империи» [Века… 2017: 276]. Но в таком виде административное устройство просуществовало недолго. В 1856 г. было принято решение о преобразовании прежних управлений в «Правое крыло» и «Левое крыло» Кавказской линии [Калмыков 2007: 59; Алхасова 2023: 43]. В 1858 г. Кабардинская линия была упразднена и создан Кабардинский округ (1858–1870 гг.), а Кабардинский временный суд преобразован в окружной [Прасолов 2019: 18; Века… 2017: 271–275]. Кабардинский округ включал Большую

Кабарду, бывшее малокабардинское приставство, приставство уруспиевского, балкарского, чегемского и хуламского обществ и временно – Дигорию. Таким образом, завершился период некоторой неопределенности в том, каковы соотношение и взаимосвязь административного статуса Кабарды и Балкарии. С 1858 г. оформляется единая для них административно-территориальная единица. Несмотря на дальнейшие изменения ее территориальной конфигурации или наименования, кабардинцы и балкарцы неизменно составляли ее основное население.

Именным указом от 8 февраля 1860 г. Левое крыло Кавказской линии было преобразовано в Терскую область, включавшую Кабардинский округ. В 1870 г. Кабардинский округ Терской области был реорганизован. Кабардинские и балкарские общества вошли в состав Георгиевского округа, а с 1875 по 1882 гг. – Пятигорского округа. В 1882 г. был образован Нальчикский округ, просуществовавший до ликвидации Терской области в 1920 г. [Боров и др. 2024: 37].

Ключевые вехи реорганизаций Кавказской линии и создания нового административно-территориального устройства Центрального Кавказа, в котором получило государственную легитимацию и закрепилось административное единство совокупной территории Кабарды и Балкарии как российского региона, можно проследить по материалам газеты «Кавказ». В феврале 1858 г. газета опубликовала Высочайшее повеление, согласно которому на правом крыле Кавказской линии оформлялись четыре приставства – Нижне-Прикубанское, Закубанских Ногайцев, Тахтамышевское и Карачаевское, а на левом крыле четыре округа – Кабардинский, Военно-Осетинский, Чеченский и Кумыкский. Повеление также регламентировало учреждение должности начальника округа, подчиненного Командующими войсками левого крыла, народного суда, состоящего из начальника округа, главного кадия и депутатов от обществ округа. Адъютанту начальника округа также вручались полномочия делопроизводителя суда [Высочайшие… 1858: 60].

В марте 1860 г. газета опубликовала Высочайшее повеление, о переименовании Правого крыла Кавказской линии Кубанской областью, Левого крыла – Терской областью и об именовании впредь Северным Кавказом пространства к северу от Главного Кавказского хребта, включая обе области и Ставропольскую Губернию [Высочайшее… 1860: 121].

В июльском выпуске за 1862 г. было обнародовано решение императора об утверждении «*Положения об управлении Терской Областью»* и штатной ведомости к нему [Извлечение… 1862: 319]. Интересно отметить, что из содержания высочайшего повеления явствует подход к проведению преобразований имперской властью.

> Так отмечается, что «согласно Высочайшей воле, преобразование военно-народных управлений Терской Области и учреждение в ней вновь охранной стражи и земской полиции должны приводиться в исполнение **не вдруг**, **а постепенно**, по мере открывающихся к тому денежных средств» [Извлечение… 1862: 319].

Согласно «Положению…», Кабардинский округ относился к Западному Отделу Терской области и включал Большую Кабарду, Малую Кабарду, Балкарское, Безенгиевское, Хуламское, Чегемское и Урусбиевское общества

[Извлечение… 1862: 319]. В 1866 г. было решено создать в структуре Кабардинского округа Горский участок, состоявший из «пяти горских обществ Кабарды». Управление же Горским участком планировалось расположить в хуламском обществе [Приказы… 1866].

В последующих номерах газеты периодически появлялась информация об административных преобразованиях в регионе и последовательном оформлении Георгиевского округа [Указ… 1870; Циркулярное… 1870], Пятигорского округа [Межевые… 1875] и Нальчикского округа [Высочайшее… 1881]. Эти материалы не отличались подробностью изложения и лишь извещали об образовании новых округов без пояснений относительно их структуры. Также стоит отметить, что повеления и решения правительства об управленческих изменениях на Кавказе печатались на страницах газеты с некоторым запозданием.

Каковы бы ни были новые административные границы, конструируемые царским правительством, кабардинские и балкарские общества никогда не обособлялись и всегда оставлялись в рамках одного округа. В истории территориального устройства Кабарды был период выведения Малой Кабарды из Нальчикского округа и включения в состав Сунженского отдела (1888–1905 гг.) [Красолов 2021]. Кабардинский народ, таким образом, административно пребывал некоторое время в разделенном состоянии. И это искусственное разделение не выдержало испытание временем. Административно-территориальное оформление российским правительством регионального единства Кабарды и Балкарии не содержит подобного эпизода разделения. В данном случае имперская власть не создавала искусственный конструкт, обусловленный исключительно ее сторонним видением удобного для нее формата управления, а следовала складывавшейся веками естественной необходимости. Построение единого административного пространства стало проекцией объективно существующей, преемственной и одновременно изменяющейся социально-территориальной структуры. Во второй половине XIX в., как и ранее, население Центрального Кавказа в своих особенностях самоорганизации «принадлежало» пространству, а не наоборот.

Описания Кабарды и Балкарии

Для военной и гражданской администрации и для всего русского общества Кавказ XIX в. представлял собой не только театр военных действий, а затем регион, требующий судебно-административного устройства и реформ, но и своеобразную этнографическую область, конгломерат «племен», языков и культур. Редакция газеты «Кавказ» с самого начала функционирования намеревалась дать последовательное описание местностей и народов, составляющих Кавказ. Программными текстами в этом смысле являются «Очерк северной стороны Кавказа» [Константинов 1847: 6–8], «Обзор статей, помещенных в газете «Кавказ», в продолжение: 1846, 1847, 1848 и 1849 годов» [Обзор… 1849], «Материалы для изучения Кавказа» [Материалы… 1858].

«Очерк северной стороны Кавказа» знакомил читателей с географическим и административным районированием Северного Кавказа, а также давал краткое описание общественного строя народов, двигаясь с запада на восток. «Обзор статей» показывал проведенную за четыре года работу по регионам Кавказа и

описывал уже опубликованные материалы о развитии местных народов. Редакция также сообщала о своем намерении подготовить обзор будущих публикаций о развитии народов Кавказа, их культуре, современном состоянии в пределах обозначенных территорий и военно-административных границ. Появление заглавия «Материалы для изучения Кавказа» в учено-литературном отделе газеты знаменовало обязательство редакции публиковать в будущих номерах материалы, посвященные развитию края и его народов.

Сообщалось, что «в этот состав войдут и беглые заметки людей специальных, близко знакомых с предметом, и труды более или менее обработанные. В первых еще нумерах будущего года читатели наши увидят статьи, относящиеся большею частью до горных народов; мы можем назвать между прочим: **Татарское племя на Кавказе**; Нравы и обычаи Дагестанских горцев; Чечня и Кумыкская плоскость; **Племя Адигэ**; Абазинское племя; Путевые заметки некоторых из постоянных сотрудников «Кавказа» и много других статей…» [Материалы… 1858: 505].

В своем анонсе редакция заявляла с одной стороны о желании оградить «Материалы» от «излишней взыскательности», с другой – призывала сведущих людей делать «отзывы, пополнения и заметки, а может быть и поправки». Редакция провозглашала, выражаясь образно, «постройку здания», которое станет «Музеем кавказской природы, народности и истории» [Материалы… 1858: 505].

Следует отметить, что в работе редакции по выполнению заявленной программы было меньше системности, связи и последовательности, нежели декларировалось. Тем не менее пусть даже в более стихийном формате, чем планировалось, редакция выполняла свое обязательство по иллюстрации культурного многообразия Кавказа.

В культурно-исторических нарративах, печатавшихся на страницах «Кавказа», описание Кабарды и Балкарии давалось в отдельных статьях. При этом Кабарде, кабардинцам и адыгам в целом было посвящено несравнимо больше статей, очерков и заметок чем балкарским обществам. В первые десятилетия функционирования газеты это было обусловлено сложностью доступа к балкарским обществам и скудостью информации о них. В последующем сыграло свою роль представление редакции о включенности балкарских обществ в единое с Кабардой административно-территориальное пространство. Общества Урусбий, Хулам, Безенгий, Чегем и Балкар были «известны под именем «горских обществ кабардинскаго округа», и все они составляют так называемый «Горский участок» того округа» [Тифлис… 1868: 1].

В приказе военного министра № 352 от 2 декабря 1866 г. пояснялось, «в устранение неудобств, происходящих от значительного разстояния пяти горских обществ Кабардинского округа (Терской области) от своих участковых правлений, делающих, при топографических условиях местности, невозможным сообщение горной части Кабарды с плоскостью в течение 8-ми месяцев» образовывался Горский участок, состоящий из пяти балкарских обществ [Приказы… 1867].

Из публикаций, посвященных истории, культуре, быту, нравам, обычаям и современному состоянию кабардинцев, следует отметить: «Замечания на статью

Законы и обычаи Кабардинцев» Гирея [Гирей 1846], «Очерк северной стороны Кавказа» О.И. Константинова [Константинов 1847], «О быте, нравах и обычаях древних Атыхейских или Черкесских племен (Из рукописи Шах-Бек-Мурзина)» Ш. Ногмова [О быте… 1849; Азикова 2024], «Сведения об Атыхейцах, почерпнутые из местных преданий, песен и родословной книги под названием Джиафир и Джианама, на турецком языке (Из рукописи Шах-Бек-Мурзина)» Ш. Ногмова [Сведения… 1849; Азикова 2024], «Предания Атыхейцов, не бесполезные для истории России (Из рукописи Шах-Бек-Мурзина)» Ш. Ногмова [Предания… 1849; Азикова 2024], «О природе и хозяйстве Кабарды» Т.Г. Баратова [Баратов 1860], «Беглые очерки Кабарды» Н. Степанова [Степанов 1861], «Племя Адигэ» Т. Макарова [Макаров 1862], «Освобождение крепостных» [С. 1867], «Характерные обычаи у осетин, кабардинцев и чеченцев» [И.К. 1876], «Общинное землевладение в Кабарде» [Общинное… 1891], «Хозяйственный быт на Кавказе (Особенности кабардинцев)» [Хозяйственный… 1891] и др. материалы.

Первое краткое обзорное описание балкарских обществ на странницах газеты «Кавказ» появилось в 1859 году в структуре одного из последних разделов статьи «Татарское племя на Кавказе» предполагаемого авторства Т. Макарова [М. 1859]. Очевидно, описание стало попыткой как-то восполнить существующий информационный пробел. В объявлении редакции о создании рубрики «Материалы для изучения Кавказа» [Материалы… 1858: 505] анонсировалась подготовка к публикации ряда работ, среди которых упоминались статьи «Татарское племя на Кавказе» и «Племя Адигэ». Если работа «Племя Адигэ», в данном перечне, являлась скорее обобщением известной на тот момент информации об адыгах вообще и кабардинцах в частности, то описание балкарских обществ стало для редакции фактически первым опытом подобного рода.

В последующем упоминания балкарских обществ попадали на страницы газеты в структуре статей и заметок, описывавших путешествия по кавказским горам. Так, к примеру, в августе 1868 г. путешественники Д.У. Фрешфильд, А.У. Мур и Ч.К. Такер сообщали в редакцию о своем восхождении на Казбек и Эльбрус. В своем письме они упоминали деревню Урусби, где останавливались, и своих проводников из той же деревни – охотников Джапоева Джатчи и Сотаева Ашиа [Корреспонденция… 1868]. В 1874 г. газета сообщала о восшествии в июле на Эльбрус английского путешественника Ф. Грова. В этот раз также упоминалось, что путешественники прошли через Урусби [Разные… 1874]. В серии описаний иных обследований Кавказского хребта и его вершин также вскользь упоминаются балкарские общества [Н.Ж. 1888; Унгерн-Штернберг 1888; Восхождение… 1889].

В 1888–1889 гг. газета в ряде материалов освещала обстоятельства путешествия и гибели английских альпинистов Гарри Фокса и Уильяма Донкина [Из Нальчика… 1888; Известия… 1888; Динник 1888; Заметка… 1888; Жуков 1889; Ловен 1889]. Данные публикации интересны тем, что описывают содействие жителей Балкарии путешественникам и поисковикам. Правда, если топограф коллежский асессор Н.В. Жуков пишет о недостаточной и некорректной помощи местных жителей, то участковый начальник Нальчикского округа подполковник

П. Ловен возражает ему и пишет о неумении Н.В. Жукова находить общий язык с горцами.

Так П. Ловен отмечал, «Горцы ходят, вероятно, не хуже г-на Жукова и его казаков и, при желании, могут подняться на такие высоты, куда, пожалуй, не пойдет даже неустрашимый г-н Жуков 2-й. Все дело в умении заставить их себя слушать, а этого-то уменья у г-на Жукова и нет: не желая понять, что короткое время, когда большинство селения находилось на полевых работах, не возможно достать людей для поисков, г-н Жуков сталь кричать и браниться. Поставив себя в такие отношения к горцам, г-н Жуков не мог, полагаю, ожидать от них полной готовности жертвовать рядом с ним жизнью при розыске погибших путешественников» [Ловен 1889: 2–3].

П. Ловен свидетельствовал о том, что в поисках принимали участие горцы Балкарии, Безенги, Хулама, Чегема и даже лично один из «лучших охотников и ходоков по горам» таубий Тенгиз Суншев [Ловен 1889: 3].

Интересные детали жизни и быта населения урусбиевского, чегемского и балкарского обществ описываются в заметке «Охота на туров» [Ж. 1891]. В жанре путевых заметок в газете представлен очерк «Баксанское ущелье», приписываемый Е.З. Баранову [И.З. 1891]. Помимо обычных для такого рода текстов иллюстраций природы, проделанного пути, особенностей повседневности и обычаев принимающих гостя-путешественника людей, в очерке показано влияние на наблюдаемое общество модернизационных процессов. Любопытным примером предприимчивости, готовности к новшествам, открытости к достижениям весьма далекой географически, но близкой по природным условиям культуры является описанный в очерке случай запуска Хамзатом Урусбиевым сыроварни по швейцарскому образцу [И.З. 1891: 2]. В 1903 г. был опубликован очерк Б.А. Ланге «Балкария и балкарцы» [Ланге 1903]. Работа была написана на основе личных наблюдений автора и материалов других исследователей, интересовавшихся Балкарией. Б.А. Ланге посвятил работу только балкарскому обществу, расположенному в верховьях Черека. Это обосновывалось тем, что «так называемые горские общества Большой Кабарды – балкарское, бизенгиевское, хуламское, чегемское и урусбиевское» относятся к одному народу с единой культурой, первоначальным местом поселения которого являлось верховье Черека. Работа дает представление о хозяйстве, быте, культуре, общественном строе, социальной структуре, судопроизводстве и праве балкарского общества. Также автор обращается к проблеме этногенеза и этнической истории балкарского народа.

Нарративы о кабардинском и балкарском обществах, публиковавшиеся в газете «Кавказ», представляли отдельные описания историко-культурного развития и современного состояния двух соседних народов. Вместе с тем при характеристике авторами географического положения избранного для рассмотрения общества, указывалось обоюдно значимое соседство кабардинцев и балкарцев. В отдельных случаях давалось объяснение хозяйственной обусловленности взаимоотношений двух народов.

Иллюстрация взаимосвязанности кабардинцев и балкарцев

В материалах газеты «Кавказ» представлено два фактора взаимосвязанности кабардинского и балкарского обществ – требования обеспечения безопасности и хозяйственные нужды. В любопытной публикации 1868 г., в которой не указан автор, а название «Тифлис 27-го октября» не дает корректного представления о содержании статьи, приводится лаконичное пояснение, на чем основан обоюдный интерес кабардинцев и балкарцев к взаимному сотрудничеству [Тифлис… 1868]. Предметом публикации является описание организации постройки дорог, ведущих в горные ущелья. Логика построения рассуждений побуждает автора обратиться к описанию исторического контекста и современных реалий жизни горских обществ. С точки зрения автора окончание военных действий на Кавказе побудило самих местных жителей «разрывать горные трущобы, столько веков служащие недосягаемым убежищем и вернейшим залогом их независимости» [Тифлис… 1868: 1]. Описывается, как, вслед за карачаевцами и абазинами, жители Горского участка – урусбиевцы, хуламцы, безенгиевцы, чегемцы и балкарцы приступили к проведению дорог к местам своего проживания [Тифлис… 1868: 1].

Автор отмечает, что «издревле котловины «горских обществ» служили для кабардинскаго народа цитаделью, в которую тот укрывался во время нашествия врагов на его землю. Так в «Истории Адыхейскаго народа» Шора Ногмова рассказывается случай, что кабардинцы нашли там убежище, после тамерлановскаго погрома. С другой стороны, когда под русской властью кабардинцы стали переходить на мирныя занятия, то некоторыя их владельческия фамилии стали заявлять свои притязания на порабощение и обращение в крестьянство некоторых из числа означенных обществ. Что подобное было бы весьма возможно, если бы русские не явились тут со своим великим словом свободы для всякаго низшаго класса народа…

Котловины «горских обществ» оба раза удачно выполнили свое назначение – укрывали остатки кабардинскаго народа от истребления и предохраняли собственных жителей котловин от домогательств самых кабардинцев.

Ныне подобные времена переменились: кабардинцам уже не от кого спасаться бегством в трущобы, а жителям «горских обществ» уже нечего, за освобождением крестьян по всему лицу земли русской, опасаться закрепощения.

Вполне естественно, что, вслед за доставлением прочной обезспеченности в личной безопасности, поднялись само собою на первый план экономические интересы. Для кабардинцев явилась нужда в улучшении путей в означенныя горския общества для прогона в летнюю пору на находящияся там возвышенныя пастбища скота, гонимаго снизу жарой и мошкарою, а для жителей этих котловин представилась нужда в таких же пунктах для сбыта растущаго на скалах их в изобилии сосноваго леса, так как горное скотоводство, бывшее до тех пор единственным средством их существования, при своем неразвитом состоянии и при возрастающих потребностях жизни, уже оказалось недостаточным: словом более или менее с обеих сторон представилась нужда в раскрытии этих трущоб и в улучшении доступа к ним» [Тифлис… 1868: 1].

Далее автор повествует о постройке колесных дорог жителями Горского участка «на свой собственный счет … с некоторою от правительства помощью» [Тифлис… 1868: 1]. Приводятся подробности участия балкарских обществ в постройке отдельных участков дорог, расписываются также денежные и продуктовые взносы обществ, указывается и на возможность ассигнования из

кабардинской общественной суммы «потому, что и для Кабардинцев небезвыгодны проводимыя дороги» [Тифлис… 1868: 1].

Таким образом, в цитируемом тексте выгоды кабардинцев от союза с горскими обществами представлены в возможности спасаться в горных ущельях в случае опасности и выпасе скота на возвышенных пастбищах в летнюю жару. Выгоды же балкарских обществ от взаимодействия с жителями равнины, автор выявляет только применительно к периоду установления российской власти в регионе и фактически отмечает только потребность сбыта горскими обществами соснового леса. Вместе с тем описанная картина чрезвычайных усилий балкарских обществ с значительными трудовыми и материальными затратами на постройку дорог показывала громадное стремление горцев к преодолению своей изолированности в труднодоступных ущельях.

Дополняет описанную картину кабардино-балкарских хозяйственных связей информация из работ Т. Макарова [Макаров 1862; М. 1859] и Б.А. Ланге [Ланге 1903]. Т. Макаров отмечает определенную степень зависимости от кабардинцев жителей балкарских обществ.

В очерке «Татарское племя на Кавказе» указывается, что балкарцы «кабардинцам… платят ясак за пользование их землями, за пастьбу скота и за сенокосы. Впрочем, в некоторых обществах, особенно у карачаевцев, есть земли – собственно им принадлежащие и так называемые спорные» [М. 1859].

В работе «Племя Адигэ» Т. Макаров цитирует положения «Постановлений о сословиях в Кабарде» и приводит формы «подданства» жителей пяти горских обществ по отношению к кабардинским князьям [Макаров 1862: 174].

Б.А. Ланге в первой части своего труда «Балкария и балкарцы» пишет о малоземелье балкарских обществ и о том, что «по естественным условиям местности жители горских обществ Большой Кабарды не могут существовать земледелием, тем более, что по краткости теплаго времени в году пшеница здесь не успевает вызревать, а посевы ячменя сильно страдают от множества сусликов. Поэтому с давних пор главное занятие жителей составляет скотоводство, для нужд котораго они пользуются принадлежащими им в горах и арендуемыми в долинах Кабарды пастбищами» [Ланге 1903: № 283].

Несмотря на изрядное трудолюбие балкарцев, – пояснял Б.А. Ланге, – «урожаи получаются обыкновенно скудные и собраннаго хлеба далеко не хватает на удовлетворение потребностей населения, которое принуждено поэтому постоянно прикупать его на плоскости» [Ланге 1903: № 288].

Поземельные отношения в Кабарде и Балкарии претерпевали значительные изменения во второй половине XIX – начале XX в. вследствие отмены крепостного права и проведения земельной реформы на территории страны [Прасолов 2005; Прасолов 2011; Прасолов 2013; Муратова 2019b]. Процесс проведения преобразований в Кабарде и Балкарии отражен на страницах газеты фрагментарно. Вместе с тем последовательно иллюстрируется сохранение поземельной взаимосвязанности соседних народов. Так, в июне 1889 г. корреспондент газеты

сообщал о приезде в Нальчик начальника Терской области генерал-лейтенанта А.М. Смекалова для объявления монаршей воли.

Вводя в курс дела, корреспондент пояснял, что «согласно Высочайшего повеления 28-го декабря 1869 года, при наделении сельских обществ землями, кабардинцам и некоторым горским обществам было отведено по числу 5969 дымов 245818 десятин, хотя на каждый дым и приходилось более 40 десятин земли, но с увеличением населения до 12830 дымов и с развитием коневодства и скотоводства, составляющих главное занятие жителей, чувствовался страх за будущее, так как не сегодня-завтра можно было ожидать перехода запасных земель в ведение министерства государственных имуществ, и тогда неизбежно пришлось бы сократить хозяйство и тем подорвать благосостояние народа. В виду этого, во время посещения в прошлом году Его Императорским Величеством Государем Императором Кавказа, депутация от кабардинцев обратилась к Его Величеству с просьбою об оставлении за населением 315383 десятин запасных земель» [Слобода… 1889]. Государь удовлетворил просьбу кабардинской депутации. В связи с чем, прибывший начальник области А.М. Смекалов «объявил великую милость Государеву об оставлении в постоянном неотъемлемом пользовании кабардинскаго народа и горских обществ 315383 десятин пастбищных и лесных земель» [Слобода… 1889].

Вскоре газета опубликовала «Правила о порядке пользования кабардинцами и сопредельными с ними пятью горскими обществами, предоставленными им, на основании Высочайшаго повеления от 21-го мая 1889 года, в постоянное пользование пастбищными землями и лесными угодьями» [Правила… 1891].

Наличие у кабардинцев и балкарцев общих интересов в землепользовании и превращение имперской власти не просто в посредника и арбитра, а в субъект распоряжения и надзора над всеми земельными ресурсами, не закрепленными в общинную и частную собственность, превращало пастбищные и лесные угодья в предмет спорного пользования с апеллированием к российской администрации. Конфликтный потенциал вопроса для двух тесно соседствующих народов, у которых отсутствовали документальные свидетельства о точных границах между ними, демонстрируется известным письмом М. Абаева в редакцию газеты «Кавказ». М. Абаев сообщал об обнаружении каменной плиты с фиксированием границ между балкарскими обществами и кабардинскими владениями.

Автор письма выражал сожаление по поводу позднего обнаружения артефакта, поскольку «явись документ этот на сцену в начале 1880 годов, он мог-бы иметь существенное значение для населения горских обществ Нальчикскаго округа – балкарскаго, безингиевскаго, хуламскаго, чегемскаго и баксанскаго (урусбиевскаго) в деле установления границ между плоскостными (кабардинскими) землями и горской территорией, как юридически документ; в настоящее-же время он имеет значение лишь как исторический документ» [Интересный… 1895].

Критический анализ документа, на который ссылается М. Абаев, и свои сомнения относительно достоверности позднейших интерпретаций его содержания были представлены общественности К.Ф. Дзамиховым [Еще раз… 1995]. Вместе с тем появление подобного письма в конце XIX в. и предмет сожаления М. Абаева показательны.

Заключение

История знает случаи единения народов ситуационно удобные, удачные, либо вынужденные. Когда внешние обстоятельства, спровоцировавшие сближение, меняются, то, зачастую, искусственные объединения распадаются. Напротив, выросшие естественно-историческим путем на почве определенной природно-географической среды, базовых потребностей хозяйственной жизни и однотипного социального порядка социально-территориальные структуры невосприимчивы к изменениям внешних по отношению к ним обстоятельств. Многовековое социально-пространственное единение кабардинского и балкарского народов является подобной долговременной структурой, не имевшей равнозначных по функциональной эффективности альтернативных вариантов социально-политической организации полиэтничного пространства исторической Кабардино-Балкарии. Несомненно, фактор включения в российское общество и государство, подверженность модернизационным преобразованиям оказывали трансформирующие влияние на кабардинский и балкарский народы. Вместе с тем фундаментальные основания выстраивания взаимоотношений между двумя народами не потеряли свою актуальность.

Вхождение Кабарды и Балкарии в объективно существующую единую социально-пространственную структуру нашло отражение в публикациях «Кавказа». Материалы газеты освещали особенности существовавшего веками социально-пространственного единства, обусловленного единством природно-хозяйственной системы, транслировали действия имперского правительства по дальнейшему его сохранению и оформлению в рамках своего правового поля. Последовательное описание и объяснение на страницах газеты интеграции кабардинского и балкарского народов в свое время дало основание корреспонденту издания применить обозначение «кабардино-горский народ» [Нальчик… 1883]. Материалы газеты показывают, что с одной стороны, союз с горцами для населения Большой Кабарды являлся спасительным в периоды опасности, с другой – продовольственная безопасность балкарских обществ зависела от умения сотрудничать с жителями равнин. Эти материалы свидетельствуют, что ключевым направлением мобильности балкарских обществ являлось северное – к местам проживания кабардинцев. В горные ущелья, ставшие местом защищенного проживания жителей балкарских обществ и позволявшие горцам сохранить определенные пределы своей независимости, можно было пройти через территорию проживания кабардинцев. Авторы и корреспонденты газеты «Кавказ» показывали географическую связанность двух народов, а затем административное оформление их интеграции в рамках Кабардинского/Нальчикского округа как социально-пространственной единицы российского государства. В периоды перестройки устоявшегося порядка интер-социального взаимодействия неизбежно возникали споры вокруг определения границ землевладения и землепользования. Тем не менее в материалах газеты отображалось прочное удержание каждым из двух народов контроля над своим субпространством и ассимиляционных процессов не наблюдалось.

Очевидно, что взаимоотношения между кабардинцами и балкарцами, завязывавшиеся как следствие необходимости совместного присвоения и удержания

зонального пространства, поддержания физической и продовольственной безопасности, были сложны, иерархичны, учитывали аспекты престижа и статусной дифференциации сторон взаимодействия. Но эти нюансы не становились предметом анализа авторов и корреспондентов газеты «Кавказ». Эти задачи решаются последующими поколениями исследователей-кавказоведов, вооруженных актуальными методологиями и стратегиями изучения сложных вопросов кабардино-балкарского единства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Абазов 2015 – *Абазов А.Х.* Кабардинский временный суд в условиях интеграции Кабарды в состав Российской империи во второй четверти XIX в. // Кавказский сборник. – Том 9(41). – М: Русская панорама, 2015. – С. 150–170.

Абазов 2016 – *Абазов А.Х.* Народы Центрального Кавказа в судебной системе Российской империи в конце XVIII – начале XX в. – Нальчик: ООО «Печатный двор», 2016. – 264 с.

Азикова 2024 – *Азикова Ю.М.* «История» Шоры Ногмова на страницах газеты «Кавказ»: опыт формирования исторической и коллективной памяти // Материалы Межрегиональной научно-практической конференции «Национально-государственные образования в России: история и современность», посвященной 100-летию образования Республики Ингушетия, состоявшейся 11–13 ноября 2024 г. в г. Магасе Республики Ингушетия. Сборник статей в 2-х томах. Т. II. – Ростов-на-Дону: Южный издательский дом, 2024. – С. 164–170.

Алхасова 2023 – *Алхасова Д.М.* Порядок деконструкции военно-административного учреждения на примере упразднения Центра Кавказской линии в 1857 году // Научная мысль Кавказа. – 2023. – №2 (114). – С. 42–47.

Баразбиев 2000 – *Баразбиев М.И.* Этнокультурные связи балкарцев и карачаевцев с народами Кавказа в XVIII – начале XX века. – Нальчик: Эльбрус, 2000. – 112 с.

Баратов 1860 – *Баратов Т.Г.* О природе и хозяйстве Кабарды // Кавказ. – 1860. – № 73. – С. 431.

Батчаев 2006 – *Батчаев В.М.* Балкария в XV – начале XIX вв. – М.: Институт археологии Кавказа, 2006. – 239 с.

Бегеулов 2009 – *Бегеулов Р.М.* Центральный Кавказ в XVII – первой четверти XIX века: очерки этнополитической истории. – Карачаевск: КЧГУ, 2009. – 240 с.

Блиева 2005 – *Блиева З.М.* Российский бюрократический аппарат и народы Центрального Кавказа в конце XVIII – 80-е годы XIX века. – Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2005. – 398 с.

Боров 2022 – *Боров А.Х.* Проблема «этнического» и «пространственного» в региональном историческом нарративе: «случай» Кабардино-Балкарии в свете данных этногеномики // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 3. – С. 15-40. – DOI: https://doi.org/10.31143/2542-212X-2022-3-15-40

Боров 2023 – *Боров А.Х.* Этногенез и регионогенез в становлении исторической Кабардино-Балкарии // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 3. – С. 14-75. – DOI: https://doi.org/10.31143/2542-212X-2023-3-14-75

Боров и др. 1999 – *Боров А.Х., Думанов Х.М., Кажаров В.Х.* Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы. – Нальчик: Эль-Фа, 1999. – 184 с.

Боров и др. 2021 – *Боров А.Х., Муратова Е.Г., Азикова Ю.М.* Центральный Кавказ как пространство социально-политических взаимодействий: историографические итоги и перспективы изучения // Электронный журнал «Кавказология». – 2021. – № 4. – С. 48-85. – DOI: https://doi.org/10.31143/2542-212X-2021-4-48-85

Боров и др. 2024 – *Боров А.Х., Кушхабиев А.В., Шаожева Н.А., Гераев Х.К., Татаров А.А., Тумов А.А.* Кабардино-Балкарская Республика: генезис, аспекты и проблемы современного развития. – Нальчик: КБНЦ РАН, 2024. – 472 с.

Боров, Дзамихов 1998 – *Боров А.Х., Дзамихов К.Ф.* Россия и Северный Кавказ: этапы взаимоотношений // Известия КБНЦ РАН. – 1998. – № 1. – С. 142-150.

Боров 2024 – *Боров А.Х.* Этнополитика современной Кабардино-Балкарии: генезис и специфика // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 3. – С. 16–40. – DOI: https://doi.org/10.31143/2542-212X-2024-3-16-40

Века… 2017 – *Века* совместной истории: народы Кабардино-Балкарии в российском цивилизационном процессе (1557–1917 гг.). – Нальчик: ИГИ КБНЦ РАН, 2017. – 542 с.

Восхождение… 1889 – *Восхождение* на гору Эльбрус [сообщение М.К. Голумбиевского] // Кавказ. – 1889. – № 35. – С. 3.

Высочайшее… 1860 – *Высочайшее* повеление // Кавказ. – 1860. – № 23. – С. 121.

Высочайшее… 1881 – *Высочайшее* повеление об образовании в Терской области нового округа // Кавказ. – 1881. – № 269. – С. 1.

Высочайшие… 1858 – *Высочайшие* повеления // Кавказ. – 1858. – № 12. – С. 60–61.

Гирей 1846 – *Гирей*. Замечания на статью Законы и обычаи Кабардинцев // Кавказ. – 1846. – № 10. – С. 57–58; – № 11. – С. 41–43.

Годичное… 1889 – *Годичное* общее собрание членов кавказского отдела русского географического общества [реферат Н.В. Жукова] // Кавказ. – 1889. – № 312. – С. 2–3.

Динник 1888 – *Динник Н.* По поводу погибших на Кавказе путешественников-англичан // Кавказ. – 1888. – № 303. – С. 1–2.

Доклад… 1893 – *Доклад* о центральном Кавказе в географическом отделении // Кавказ. – 1893. – № 152. – С. 3.

Еще раз… 1995 – *Еще раз* о надписи на каменной плите и «Истории Кабардино-Балкарии» // Хасэ. – 1995.– № 47 (109). – 25 ноября.

Ж. 1891 – *Ж.* Охота на туров // Кавказ. – 1891. – № 314. – С. 2.

Жуков 1889 – *Жуков Н.В.* Подробные сведения о розысках погибших английских альпинистов Донкина и Фокса // Кавказ. – 1889. – № 36. – С. 3; – № 37. – С. 3.

Заметка… 1888 – *Заметка* топографа Жукова // Кавказ. – 1888. – № 304. – С. 2.

И.З. 1891 – *И.З.* Баксанское ущелье (Путевые заметки) // Кавказ. – 1891. – № 336. – С. 2–3.

И.К. 1876 – *И.К.* Характерные обычаи у осетин, кабардинцев и чеченцев // Кавказ. – 1876. – № 148. – С. 1–2.

Из Нальчика… 1888 – *Из Нальчика* // Кавказ. – 1888. – № 248. – С. 2.

Известия… 1888 – *Известия* о пропавших англичанах-путешественниках // Кавказ. – 1888. – № 279. – С. 3.

Извлечение… 1862 – *Извлечение* из Положения об управлении Терской областью // Кавказ. – 1862. – № 57. – С. 319–320.

Интересный… 1895 – *Интересный* документ // Кавказ. – 1895. – № 230. – С. 2.

Кажаров 2014 – *Кажаров В.Х.* К вопросу о территории феодальной Кабарды // Кажаров В.Х. Избранные труды по истории и этнографии адыгов / Сост. А.Х. Абазов. – Нальчик: ООО «Печатный двор», 2014. – С. 570–589.

Калмыков 2007 – *Калмыков Ж.А.* Интеграция Кабарды и Балкарии в общероссийскую систему управления (вторая половина XVIII – начало XX в.). – Нальчик: Эль-Фа, 2007. – 232 с.

Кипкеев 2005 – *Кипкеев И.С.* История правовой культуры этнополитических отношений на Северо-Западном Кавказе (XVI–XIX вв.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Черкесск, 2005. – 174 с.

Кипкеева 2008 – *Кипкеева З.Б.* Северный Кавказ в Российской империи: народы, миграции, территории. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2008. – 432 с.

Кожев 2005 – *Кожев З.А.* Иерархические связи кабардинцев с народами Северного Кавказа (XVI–XVIII) // Исторический вестник. – 2005. – Вып. 1. – С. 118–144.

Кожев 2016 – *Кожев З.А.* Социально-политическое и этнокультурное пространство Черкесии (XVI – нач. XIX в.): принципы самоорганизации. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2016. – 172 с.

Константинов 1847 – *Константинов О.И.* Очерк северной стороны Кавказа // Кавказ. – 1847. – № 2. – С. 6–8.

Корреспонденция… 1868 – *Корреспонденция* «Кавказа» // Кавказ. – 1868. – № 96. – С. 2.

Ланге 1903 – *Ланге Б.А.* Балкария и балкарцы // Кавказ. – 1903. – № 283. – С. 2; – № 287. – С. 2; – № 288. – С. 2; – № 294. – С. 2; – № 301. – С. 2.

Ловен 1889 – *Ловен П.* Еще о погибших английских альпинистах Донкине и Фоксе // Кавказ. – 1889. – № 57. – С. 2–3.

М. 1859 – *М.* Татарское племя на Кавказе // Кавказ. – 1859. – № 91. – С. 5–6.

Макаров 1862 – *Макаров Т.* Племя Адигэ // Кавказ. – 1862. – № 29. – С. 154–156; – № 30. – С. 160–162; – № 31. – С. 166–168; – № 32. – С. 173–174; – № 33. – С. 178–180; – № 34. – С. 185–186.

Материалы… 1858 – *Материалы* для изучения Кавказа // Кавказ. – 1858. – № 96. – С. 505–506.

Межевые… 1875 – *Межевые* действия в Закавказском крае и на Северном Кавказе в 1875 году // Кавказ. – 1875. – № 49. – С. 1–2.

Муратова 2007 – *Муратова Е.Г.* Социально-политическая история Балкарии XVIII – начала XX в. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2007. – 420 с.

Муратова 2019a – *Муратова Е.Г.* Балкарские горские общества в условиях имперской модернизации России: этносоциальная консолидация и развитие // Электронный журнал «Кавказология». – 2019. – № 2. – С. 12–36. – DOI: https://doi.org/10.31143/2542-212X-2019-2-12-36.

Муратова 2019b – *Муратова Е.Г.* Д.С. Кодзоков и начало земельных преобразований в Балкарии (1860–1870-е гг.) // Электронный журнал «Кавказология». – 2019. – № 1. – С. 80–86. – DOI: https://doi.org/10.31143/2542-212X-2019-1-80-86

Н.Ж. 1888 – *Н.Ж.* С Главного Кавказского хребта // Кавказ. – 1888. – № 236. – С. 3; – № 283. – С. 3.

Нальчик… 1883 – *Нальчик* (Терск. обл.), 7 февраля // Кавказ. – 1883. – № 46. – С. 3

О быте… 1849 – *О быте*, нравах и обычаях древних Атыхейских или Черкесских племен (Из рукописи Шах-Бек-Мурзина) // Кавказ. – 1849. – № 36. – С. 143–144; – № 37. – С. 146–148.

Обзор… 1849 – *Обзор* статей, помещенных в газете «Кавказ», в продолжение: 1846, 1847, 1848 и 1849 годов // Кавказ. – 1849. – №№ 48, 49, 50, 51, 52. – С. 190–191, 195–196, 199–200, 202–203, 206–208.

Общее… 1889 – *Общее* собрание членов кавказского отдела Императорского русского географического общества // Кавказ. – 1889. – № 33. – С. 2.

Общинное… 1891 – *Общинное* землевладение в Кабарде // Кавказ. – 1891. – № 308. – С. 2.

Остерхаммель 2011 – *Остерхаммель Ю.* Трансформация мира: история XIX века: главы из книги / пер. с нем. А. Каплуновского // Ab Imperio. – 2011. – № 3. – С. 21–140.

Правила… 1891 – *Правила* о порядке пользования кабардинцами и сопредельными с ними пятью горскими обществами, предоставленными им, на основании Высочайшаго повеления от 21-го мая 1889 года, в постоянное пользование пастбищными землями и лесными угодьями // Кавказ. – 1891. – № 263. – С. 1.

Прасолов 2005 – *Прасолов Д.Н.* Поземельные отношения в Кабарде во 2-й половине XIX – начале XX в. // Исторический вестник. – Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.»; Издательский центр «Эль-Фа», 2005. – Вып. I. – С. 191–213.

Прасолов 2011 – *Прасолов Д.Н.* Землевладение и землепользование Зольскими и Нагорными пастбищами (XIX-XX вв.) // Этнополитические и религиозные проблемы Кабардино-Балкарии: предпосылки, характер и перспективы решения. – Нальчик: Тетраграф, 2011. – С. 38–44.

Прасолов 2013 – *Прасолов Д.Н.* Пространство землепользования кабардинцев и балкарцев – образы прошлого в исторической ретроспективе // Историческое прошлое и образы истории: Материалы международной научной конференции в честь 95-летия гуманитарного образования в Саратовском государственном университете имени Н.Г. Чернышевского / под ред. Л.Н. Черновой. – Саратов: Издательский центр «Наука», 2013. – С. 48–55.

Прасолов 2017 – *Прасолов Д.Н.* Развитие местного самоуправления у кабардинцев и балкарцев во второй половине XIX – начале XX в. – Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. – 136 с.

Прасолов 2019 – *Прасолов Д.Н.* Съезды доверенных в практиках местного самоуправления кабардинцев и балкарцев во второй половине XIX – начале XX в. Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2019. – 208 с.

Прасолов 2021 – *Прасолов Д.Н.* «Вся Кабарда встретит этот акт с чувством великого нравственного удовлетворения…». Статья Г. Баева «О присоединении Малой Кабарды к Большой» // Электронный журнал «Кавказология». – 2021. – № 4. – С. 86–107. – DOI: https://doi.org/10.31143/2542-212X-2021-4-86-107

Предания… 1849 – *Предания* Атыхейцов, не бесполезные для истории России (Из рукописи Шах-Бек-Мурзина) // Кавказ. – 1849. – № 45. – С. 179–180.

Приказы… 1866 – *Приказы* по кавказскому военному округу // Кавказ. – 1866. – № 71. – С. 1.

Приказы… 1867 – *Приказы* военного министра // Кавказ. – 1867. – № 4. – С. 20.

Разные… 1874 – *Разные* известия. Восхождение на Эльбрус // Кавказ. – 1874. – № 109. – С. 3.

Реконструкции… 2017 – *Реконструкции* мировой и региональной истории: от универсализма к моделям межкультурного диалога / Под общ. ред. Л.П. Репиной. – М.: Аквилон, 2017. – 560 с.

Репина 2019 – *Репина Л.П.* История регионов, или «территория историка» после пространственного поворота // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – 2019. – № 69. – С. 5–16.

Россия… 2018 – *Россия* и народы Северного Кавказа в XVI – середине XIX века: социокультурная дистанция и движение к государственно-политическому единству. – Нальчик: ИГИ КБНЦ РАН, 2018. – 268 с.

С. 1867 – *С.* Освобождение крепостных // Кавказ. – 1867. – № 27. – С. 153–154.

Сведения… 1849 – *Сведения* об Атыхейцах, почерпнутые из местных преданий, песен и родословной книги под названием Джиафир и Джианама, на турецком языке (Из рукописи Шах-Бек-Мурзина) // Кавказ. – 1849. – № 39. – С. 155–156.

Слобода… 1889 – *Слобода* Нальчик (Терской области), 28-го июня // Кавказ. – 1889. – № 175. – С. 2.

Степанов 1861 – *Степанов Н.* Беглые очерки Кабарды (Из записок топографа) // Кавказ. – 1861. – № 82. – С. 442–444.

Тебуев, Хатуев 2002 – *Тебуев Р.С., Хатуев Р.Т.* Очерки истории карачаево-балкарцев. – М.: Илекса; Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 2002. – 224 с.

Тифлис… 1868 – *Тифлис* 27-го октября // Кавказ. – 1868. – № 126. – С. 1.

Указ… 1870 – *Указ* Правительствующему Сенату // Кавказ. – 1870. – № 22. – С. 1.

Унгерн-Штернберг 1888 – *Унгерн-Штернберг Ф.Р.* По поводу моего восхождения на Эльбрус // Кавказ. – 1888. – № 328. – С. 2–3.

Хатуев 1999 – *Хатуев Р.Т.* Карачай и Балкария до второй половины XIX в.: Власть и общество // Карачаевцы и балкарцы (этнография, история, археология). – М.: ИЭА РАН, 1999. – С. 5–198.

Хлынина и др. 2012 – *Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф., Урушадзе А.Т.* Российский Северный Кавказ: исторический опыт управления и формирования границ региона. – Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. – 272 с.

Хозяйственный… 1891 – *Хозяйственный* быт на Кавказе (Особенности кабардинцев) // Кавказ. – 1891. – № 342. – С. 2–3.

Циркулярное… 1870 – *Циркулярное* предложение Его Императорского Высочества Великого князя наместника от 6 декабря 1870 года, № 575 // Кавказ. – 1870. – № 151. – С. 1.

REFERENCES

ABAZOV A.KH. *Kabardinskii vremennyi sud v usloviyakh integratsii Kabardy v sostav Rossiiskoi imperii vo vtoroi chetverti XIX v.* [Kabardian Provisional Court in the Context of Kabarda's Integration into the Russian Empire in the Second Quarter of the 19th Century]. IN: *Kavkazskii sbornik*. – Vol. 9(41). – M: Russkaya panorama, 2015. – P. 150–170. (In Russ.)

ABAZOV A.KH. *Narody Tsentral'nogo Kavkaza v sudebnoi sisteme Rossiiskoi imperii v kontse XVIII – nachale XX v.* [Peoples of the Central Caucasus in the Judicial System of the Russian Empire in the Late 18th – Early 20th Centuries]. – Nalchik: OOO «Pechatnyi dvor», 2016. – 264 p. (In Russ.)

AZIKOVA YU.M. *«Istoriya» Shory Nogmova na stranitsakh gazety «Kavkaz»: opyt formirovaniya istoricheskoi i kollektivnoi pamyati* [History" by Shora Nogmov on the pages of the newspaper "Kavkaz": an experience of forming historical and collective memory]. IN: *Materialy Mezhregional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Natsional'no-gosudarstvennye obrazovaniya v Rossii: istoriya i sovremennost'», posvyashchennoi 100-letiyu obrazovaniya Respubliki Ingushetiya, sostoyavsheisya 11–13 noyabrya 2024 g. v g. Magase Respubliki Ingushetiya. Sbornik statei v 2-kh tomakh. T. II.* [Proceedings of the Interregional Scientific and Practical Conference "National-State Entities in Russia: History and Modernity", dedicated to the 100th anniversary of the formation of the Republic of Ingushetia, held on November 11-13, 2024 in Magas, Republic of Ingushetia. Collection of articles in 2 volumes. Vol. II]. – Rostov-na-Donu: Yuzhnyi izdatel'skii dom, 2024. – P. 164–170. (In Russ.)

ALKHASOVA D.M. *Poryadok dekonstruktsii voenno-administrativnogo uchrezhdeniya na primere uprazdneniya Tsentra Kavkazskoi linii v 1857 godu* [The Procedure for Deconstructing a Military-Administrative Institution Using the Example of the Abolition of the Center of the Caucasian Line in 1857]. IN: *Nauchnaya mysl' Kavkaza*. – 2023. – No.2 (114). – P. 42–47. (In Russ.)

BARAZBIEV M.I. *Etnokul'turnye svyazi balkartsev i karachaevtsev s narodami Kavkaza v XVIII – nachale XX veka* [Ethnocultural ties of the Balkars and Karachays with the peoples of the Caucasus in the 18th – early 20th centuries]. – Nalchik: El'brus, 2000. – 112 p. (In Russ.)

BARATOV T.G. *O prirode i khozyaistve Kabardy* [About the nature and economy of Kabarda]. IN: *Kavkaz*. – 1860. – No. 73. – P. 431. (In Russ.)

BATCHAEV V.M. *Balkariya v XV – nachale XIX vv.* [Balkaria in the 15th – early 19th centuries]. – M.: Institut arkheologii Kavkaza, 2006. – 239 p. (In Russ.)

BEGEULOV R.M. *Tsentral'nyi Kavkaz v XVII – pervoi chetverti XIX veka: ocherki etnopoliticheskoi istorii* [Central Caucasus in the 17th – first quarter of the 19th century: essays on ethnopolitical history]. – Karachaevsk: KChGU, 2009. – 240 p. (In Russ.)

BLIEVA Z.M. *Rossiiskii byurokraticheskii apparat i narody Tsentral'nogo Kavkaza v kontse XVIII – 80-e gody XIX veka* [Russian bureaucratic apparatus and the peoples of the Central Caucasus in the late 18th – 80s of the 19th century]. – Vladikavkaz: Izd-vo SOGU, 2005. – 398 p. (In Russ.)

BOROV A.KH. *Problema «etnicheskogo» i «prostranstvennogo» v regional'nom istoricheskom narrative: «sluchai» Kabardino-Balkarii v svete dannykh etnogenomiki* [Problem of "ethnic" and "spatial" in the regional historical narrative: the case of Kabardino-Balkaria in the light of ethnogenomics data]. IN: *Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya»*. – 2022. – No. 3. – P. 15-40. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-3-15-40. EDN: AQGGBU. (In Russ.)

BOROV A.KH. *Etnogenez i regionogenez v stanovlenii istoricheskoi Kabardino-Balkarii* [Ethnogenesis and region's genesis in the making of historical Kabardino-Balkaria]. IN: *Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya»*. – 2023. – No. 3. – P. 14-75. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-14-75. EDN: CELTBJ. (In Russ.)

BOROV A.KH., DUMANOV KH.M., KAZHAROV V.KH. *Sovremennaya gosudarstvennost' Kabardino-Balkarii: istoki, puti stanovleniya, problemy* [Modern statehood of Kabardino-Balkaria: origins, paths of formation, problems]. – Nalchik: El-Fa, 1999. – 184 p. (In Russ.)

BOROV A.KH., MURATOVA E.G., AZIKOVA YU.M. *Tsentral'nyi Kavkaz kak prostranstvo sotsial'no-politicheskikh vzaimodeistvii: istoriograficheskie itogi i perspektivy izucheniya* [Central Caucasus as a Space of Socio-Political Interactions: Historiographical Results And Research

Prospects]. IN: *Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya»*. – 2021. – No. 4. – P. 48-85. – DOI: https://doi.org/10.31143/2542-212X-2021-4-48-85 (In Russ.)

BOROV A.KH., KUSHKHABIEV A.V., SHAOZHEVA N.A., GEGRAEV KH.K., TATAROV A.A., TUMOV A.A. *Kabardino-Balkarskaya Respublika: genezis, aspekty i problemy sovremennogo razvitiya* [Kabardino-Balkarian Republic: genesis, aspects and problems of modern development]. – Nalchik: KBNTs RAN, 2024. – 472 p. (In Russ.)

BOROV A.KH., DZAMIKHOV K.F. *Rossiya i Severnyi Kavkaz: etapy vzaimootnoshenii* [Russia and the North Caucasus: stages of relationship]. IN: *Izvestiya KBNTs RAN*. – 1998. – No. 1. – P. 142-150. (In Russ.)

BOROV A.KH. *Etnopolitika sovremennoi Kabardino-Balkarii: genezis i spetsifika* [Ethnopolitics of modern Kabardino-Balkaria: genesis and specificity]. IN: Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya». – 2024. – No. 3. – P. 16–40. – DOI: https://doi.org/10.31143/2542-212X-2024-3-16-40 (In Russ.)

Veka sovmestnoi istorii: narody Kabardino-Balkarii v rossiiskom tsivilizatsionnom protsesse (1557–1917 gg.) [Centuries of shared history: the peoples of Kabardino-Balkaria in the Russian civilizational process (1557–1917)]. – Nalchik: IGI KBNTs RAN, 2017. – 542 p. (In Russ.)

Voskhozhdenie na goru El'brus [soobshchenie M.K. Golumbievskogo] [Climbing Mount Elbrus (report by M.K. Golumbievsky)]. IN: *Kavkaz*. – 1889. – No. 35. – P. 3. (In Russ.)

Vysochaishee povelenie [The highest command]. IN: *Kavkaz*. – 1860. – No. 23. – P. 121. (In Russ.)

Vysochaishee povelenie ob obrazovanii v Terskoi oblasti novogo okruga [The highest order on the formation of a new district in the Terek region]. IN: *Kavkaz*. – 1881. – No. 269. – P. 1.

Vysochaishie poveleniya [The highest commands]. IN: *Kavkaz*. – 1858. – No. 12. – P. 60–61.

GIREI. *Zamechaniya na stat'yu Zakony i obychai Kabardintsev* [Comments on the article Laws and customs of Kabardins]. IN: *Kavkaz*. – 1846. – No. 10. – P. 57–58; – No. 11. – P. 41–43. (In Russ.)

Godichnoe obshchee sobranie chlenov kavkazskogo otdela russkogo geograficheskogo obshchestva [referat N.V. Zhukova] [Annual General Meeting of the Members of the Caucasian Department of the Russian Geographical Society (abstract by N.V. Zhukov)]. IN: *Kavkaz*. – 1889. – No. 312. – P. 2–3. (In Russ.)

DINNIK N. *Po povodu pogibshikh na Kavkaze puteshestvennikov-anglichan* [Regarding the English travelers who died in the Caucasus]. IN: *Kavkaz*. – 1888. – No. 303. – P. 1–2. (In Russ.)

Doklad o tsentral'nom Kavkaze v geograficheskom otdelenii [Report on the Central Caucasus in the Geographic Department]. IN: *Kavkaz*. – 1893. – No. 152. – P. 3. (In Russ.)

Eshche raz o nadpisi na kamennoi plite i «Istorii Kabardino-Balkarii» [Once again about the inscription on the stone slab and the "History of Kabardino-Balkaria"]. IN: *Khase*. – 1995. – No. 47 (109). – 25 noyabrya. (In Russ.)

ZH. *Okhota na turov* [Tur hunting]. IN: *Kavkaz*. – 1891. – No. 314. – P. 2. (In Russ.)

ZHUKOV N.V. *Podrobnye svedeniya o rozyskakh pogibshikh angliiskikh al'pinistov Donkina i Foksa* [Detailed information on the search for the dead English climbers Donkin and Fox]. IN: *Kavkaz*. – 1889. – No. 36. – P. 3; – No. 37. – P. 3. (In Russ.)

Zametka topografa Zhukova [Note by topographer Zhukov]. IN: *Kavkaz*. – 1888. – No. 304. – P. 2. (In Russ.)

I.Z. *Baksanskoe ushchel'e (Putevye zametki)* [Baksan Gorge (Travel Notes)]. IN: *Kavkaz*. – 1891. – No. 336. – P. 2–3. (In Russ.)

I.K. *Kharakternye obychai u osetin, kabardintsev i chechentsev* [Characteristic customs of Ossetians, Kabardians and Chechens]. IN: *Kavkaz*. – 1876. – No. 148. – P. 1–2. (In Russ.)

Iz Nal'chika [From Nalchik]. IN: *Kavkaz*. – 1888. – No. 248. – P. 2. (In Russ.)

Izvestiya o propavshikh anglichanakh-puteshestvennikakh [News of the missing English travelers]. IN: *Kavkaz*. – 1888. – No. 279. – P. 3. (In Russ.)

Izvlechenie iz Polozheniya ob upravlenii Terskoi oblast'yu [Extract from the Regulation on the management of the Terek region]. IN: *Kavkaz*. – 1862. – No. 57. – P. 319–320. (In Russ.)

Interesnyi dokument [Interesting document]. IN: *Kavkaz*. – 1895. – No. 230. – P. 2. (In Russ.)

KAZHAROV V.KH. *K voprosu o territorii feodal'noi Kabardy* [On the issue of the territory of feudal Kabarda]. IN: *Kazharov V.Kh. Izbrannye trudy po istorii i etnografii adygov / Sost. A.Kh. Abazov* [Selected works on the history and ethnography of the Adyghe. Comp. by A.Kh. Abazov]. – Nalchik: OOO «Pechatnyi dvor», 2014. – P. 570–589. (In Russ.)

KALMYKOV ZH.A. *Integratsiya Kabardy i Balkarii v obshcherossiiskuyu sistemu upravleniya (vtoraya polovina XVIII – nachalo XX v.)* [Integration of Kabarda and Balkaria into the all-Russian system of governance (second half of the 18th – early 20th century)]. – Nalchik: El'-Fa, 2007. – 232 p. (In Russ.)

KIPKEEV I.S. *Istoriya pravovoi kul'tury etnopoliticheskikh otnoshenii na Severo-Zapadnom Kavkaze (XVI–XIX vv.). Dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata istoricheskikh nauk* [History of the legal culture of ethnopolitical relations in the North-West Caucasus (16th–19th centuries). Dissertation for the degree of candidate of historical sciences]. – Cherkessk, 2005. – 174 p. (In Russ.)

KIPKEEVA Z.B. *Severnyi Kavkaz v Rossiiskoi imperii: narody, migratsii, territorii* [The North Caucasus in the Russian Empire: peoples, migrations, territories]. – Stavropol: Izd-vo SGU, 2008. – 432 p. (In Russ.)

KOZHEV Z.A. *Ierarkhicheskie svyazi kabardintsev s narodami Severnogo Kavkaza (XVI–XVIII)* [Hierarchical ties of the Kabardians with the peoples of the North Caucasus (16th–18th)]. IN: *Istoricheskii vestnik*. – 2005. – Iss. 1. – P. 118–144. (In Russ.)

KOZHEV Z.A. *Sotsial'no-politicheskoe i etnokul'turnoe prostranstvo Cherkesii (XVI – nach. XIX v.): printsipy samoorganizatsii* [Socio-political and ethnocultural space of Circassia (16th – early 19th centuries): principles of self-organization]. – Nalchik: Izdatel'skii otdel KBIGI, 2016. – 172 p. (In Russ.)

KONSTANTINOV O.I. *Ocherk severnoi storony Kavkaza* [Essay on the Northern Side of the Caucasus]. IN: *Kavkaz*. – 1847. – No. 2. – P. 6–8. (In Russ.)

Korrespondentsiya «Kavkaza» [Correspondence of "Kavkaz"]. IN: *Kavkaz*. – 1868. – № 96. – P. 2. (In Russ.)

LANGE B.A. *Balkariya i balkartsy* [Balkaria and Balkars]. IN: *Kavkaz*. – 1903. – № 283. – P. 2; – № 287. – P. 2; – № 288. – P. 2; – № 294. – P. 2; – № 301. – P. 2. (In Russ.)

LOVEN P. *Eshche o pogibshikh angliiskikh al'pinistakh Donkine i Fokse* [More about the deceased English climbers Donkin and Fox]. IN: *Kavkaz*. – 1889. – № 57. – P. 2–3. (In Russ.)

M. *Tatarskoe plemya na Kavkaze* [Tatar tribe in the Caucasus]. IN: *Kavkaz*. – 1859. – № 91. – P. 5–6. (In Russ.)

MAKAROV T. *Plemya Adige* [Adige tribe]. IN: *Kavkaz*. – 1862. – № 29. – P. 154–156; – № 30. – P. 160–162; – № 31. – P. 166–168; – № 32. – P. 173–174; – № 33. – P. 178–180; – No. 34. – P. 185–186. (In Russ.)

Materialy dlya izucheniya Kavkaza [Materials for studying the Caucasus]. IN: *Kavkaz*. – 1858. – No. 96. – P. 505–506. (In Russ.)

Mezhevye deistviya v Zakavkazskom krae i na Severnom Kavkaze v 1875 godu [Land surveying activities in the Transcaucasian region and the North Caucasus in 1875]. IN: *Kavkaz*. – 1875. – No. 49. – P. 1–2. (In Russ.)

MURATOVA E.G. *Sotsial'no-politicheskaya istoriya Balkarii XVIII – nachala XX v.* [Socio-political history of Balkaria in the 18th – early 20th centuries]. – Nalchik: Izdatel'skii tsentr «El'-Fa», 2007. – 420 p.

MURATOVA E.G. *Balkarskie gorskie obshchestva v usloviyakh imperskoi modernizatsii Rossii: etnosotsial'naya konsolidatsiya i razvitie* [Balkar Mountain Societies in the Context of Imperial Modernization of Russia: Ethnosocial Consolidation and Development]. IN: *Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya»*. – 2019. – No. 2. – P. 12–36. – DOI: https://doi.org/10.31143/2542-212X-2019-2-12-36 (In Russ.)

MURATOVA E.G. *D.S. Kodzokov i nachalo zemel'nykh preobrazovanii v Balkarii (1860–1870-e gg.)* [D.S. Kodzokov and the beginning of land reforms in Balkaria (1860–1870s)]. IN:

Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya». – 2019. – No. 1. – P. 80–86. – DOI: https://doi.org/10.31143/2542-212X-2019-1-80-86 (In Russ.)

N.ZH. *S Glavnogo Kavkazskogo khrebta* [From the Main Caucasian Range]. IN: *Kavkaz*. – 1888. – No. 236. – P. 3; – No. 283. – P. 3. (In Russ.)

Nal'chik (Tersk. obl.), 7 fevralya [Nalchik (Terek region), February 7]. IN: *Kavkaz*. – 1883. – No. 46. – P. 3. (In Russ.)

O byte, nravakh i obychayakh drevnikh Atykheiskikh ili Cherkesskikh plemen (Iz rukopisi Shakh-Bek-Murzina) [On the life, customs and traditions of the ancient Atykhei or Circassian tribes (From the manuscript of Shah-Bek-Murzin)]. IN: *Kavkaz*. – 1849. – No. 36. – P. 143–144; – No. 37. – P. 146–148. (In Russ.)

Obzor statei pomeshchennykh v gazete «Kavkaz», v prodolzhenie: 1846, 1847, 1848 i 1849 godov [Review of articles published in the newspaper "Kavkaz", in continuation: 1846, 1847, 1848 and 1849]. IN: *Kavkaz*. – 1849. – No.No. 48, 49, 50, 51, 52. – P. 190–191, 195–196, 199–200, 202–203, 206–208. (In Russ.)

Obshchee sobranie chlenov kavkazskogo otdela Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva [General meeting of members of the Caucasian department of the Imperial Russian Geographical Society]. IN: *Kavkaz*. – 1889. – No. 33. – P. 2. (In Russ.)

Obshchinnoe zemlevladenie v Kabarde [Community land tenure in Kabarda]. IN: *Kavkaz*. – 1891. – No. 308. – P. 2. (In Russ.)

OSTERHAMMEL J. *Transformatsiya mira: istoriya XIX veka: glavy iz knigi / per. s nem. A. Kaplunovskogo* [Transformation of the World: History of the 19th Century: Chapters from the Book. Translated from German by A. Kaplunovsky]. IN: *Ab Imperio*. – 2011. – No. 3. – P. 21–140. (In Russ.)

Pravila o poryadke pol'zovaniya kabardintsami i sopredel'nymi s nimi pyat'yu gorskimi obshchestvami predostavlennymi im, na osnovanii Vysochaishago poveleniya ot 21-go maya 1889 goda, v postoyannoe pol'zovanie pastbishchnymi zemlyami i lesnymi ugod'yami [Rules on the procedure for the use by Kabardians and five mountain communities adjacent to them of pasture lands and forest lands granted to them for permanent use on the basis of the Supreme Decree of May 21, 1889]. IN: *Kavkaz*. – 1891. – No. 263. – P. 1. (In Russ.)

PRASOLOV D.N. *Pozemel'nye otnosheniya v Kabarde vo 2-i polovine XIX – nachale XX v.* [Land relations in Kabarda in the second half of the XIX – early XX centuries]. IN: *Istoricheskii vestnik*. – Nalchik: GP KBR «Respublikanskii poligrafkombinat im. Revolyutsii 1905 g.»; «El-Fa», 2005. – Iss. I. – P. 191–213. (In Russ.)

PRASOLOV D.N. *Zemlevladenie i zemlepol'zovanie Zol'skimi i Nagornymi pastbishchami (XIX–XX vv.)* [Land tenure and land use of the Zolsky and Upland pastures (19th-20th centuries)]. IN: *Etnopoliticheskie i religioznye problemy Kabardino-Balkarii: predposylki, kharakter i perspektivy resheniya* [Ethnopolitical and religious problems of Kabardino-Balkaria: prerequisites, nature and prospects for solution]. – Nalchik: Tetragraf, 2011. – P. 38–44. (In Russ.)

PRASOLOV D.N. *Prostranstvo zemlepol'zovaniya kabardintsev i balkartsev – obrazy proshlogo v istoricheskoi retrospektive* [Land use space of Kabardians and Balkars – Images of the past in historical retrospect]. IN: *Istoricheskoe proshloe i obrazy istorii: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii v chest' 95-letiya gumanitarnogo obrazovaniya v Saratovskom gosudarstvennom universitete imeni N.G. Chernyshevskogo / pod red. L.N. Chernovoi* [Historical past and images of history: Materials of the international scientific conference in honor of the 95th anniversary of humanitarian education at the Saratov State University named after N. G. Chernyshevsky. Edited by L.N. Chernova]. – Saratov: Izdatel'skii tsentr «Nauka», 2013. – P. 48–55. (In Russ.)

PRASOLOV D.N. *Razvitie mestnogo samoupravleniya u kabardintsev i balkartsev vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.* [Development of Local Self-Government among Kabardians and Balkars in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. – Nalchik: Redaktsionno-izdatel'skii otdel IGI KBNTs RAN, 2017. – 136 p. (In Russ.)

PRASOLOV D.N. *S"ezdy doverennykh v praktikakh mestnogo samoupravleniya kabardintsev i balkartsev vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.* [Congresses of trusted practitioners of local self-

government of Kabardians and Balkars in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Nalchik: Redaktsionno-izdatel'skii otdel IGI KBNTs RAN, 2019. – 208 p. (In Russ.)

PRASOLOV D.N. *«Vsya Kabarda vstretit etot akt s chuvstvom velikogo nravstvennogo udovletvoreniya…». Stat'ya G. Baeva «O prisoedinenii Maloi Kabardy k Bol'shoi»* ["The Whole Kabarda will Greet this Act with a Sense of Great Moral Satisfaction...". Article of G. Bayev "About Joining of Minor Kabarda to the Great Kabarda"]. IN: *Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya»*. – 2021. – No. 4. – P. 86-107. – DOI: https://doi.org/10.31143/2542-212X-2021-4-86-107 (In Russ.)

Predaniya Atykheitsov, ne bespoleznye dlya istorii Rossii (Iz rukopisi Shakh-Bek-Murzina) [Legends of the Atykhians, not useless for the history of Russia (From the manuscript of Shah-Bek-Murzin)]. IN: *Kavkaz*. – 1849. – No. 45. – P. 179–180. (In Russ.)

Prikazy po kavkazskomu voennomu okrugu [Orders for the Caucasian Military District]. IN: *Kavkaz*. – 1866. – No. 71. – P. 1. (In Russ.)

Prikazy voennogo ministra [Orders of the Minister of War]. IN: *Kavkaz*. – 1867. – No. 4. – P. 20. (In Russ.)

Raznye izvestiya. Voskhozhdenie na El'brus [Various news. Climbing Elbrus]. IN: *Kavkaz*. – 1874. – No. 109. – P. 3. (In Russ.)

Rekonstruktsii mirovoi i regional'noi istorii: ot universalizma k modelyam mezhkul'turnogo dialoga / pod obshch. red. L.P. Repinoi [Reconstructions of World and Regional History: From Universalism to Models of Intercultural Dialogue. Under the general editorship of ed. L.P. Repina]. – M.: Akvilon, 2017. – 560 p. (In Russ.)

REPINA L.P. *Istoriya regionov, ili «territoriya istorika» posle prostranstvennogo povorota* [History of Regions, or the "Historian's Territory" after the Spatial Turn]. IN: *Dialog so vremenem. Al'manakh intellektual'noi istorii*. – 2019. – No. 69. – P. 5–16. (In Russ.)

Rossiya i narody Severnogo Kavkaza v XVI – seredine XIX veka: sotsiokul'turnaya distantsiya i dvizhenie k gosudarstvenno-politicheskomu edinstvu [Russia and the Peoples of the North Caucasus in the 16th – mid. 19th Centuries: Sociocultural Distance and Movement Towards State-Political Unity]. – Nalchik: IGI KBNTs RAN, 2018. – 268 p. (In Russ.)

S. *Osvobozhdenie krepostnykh* [Emancipation of the serfs]. IN: *Kavkaz*. – 1867. – No. 27. – P. 153–154. (In Russ.)

Svedeniya ob Atykheitsakh, pocherpnutye iz mestnykh predanii, pesen i rodoslovnoi knigi pod nazvaniem Dzhiafir i Dzhianama, na turetskom yazyke (Iz rukopisi Shakh-Bek-Murzina) [Information about the Atykhians, taken from local legends, songs and a genealogical book called Jiafir and Jiyanama, in Turkish (From the manuscript of Shah-Bek-Murzin)]. IN: *Kavkaz*. – 1849. – No. 39. – P. 155–156. (In Russ.)

Sloboda Nal'chik (Terskoi oblasti), 28-go iyunya [Sloboda Nalchik (Terek region), June 28]. IN: *Kavkaz*. – 1889. – No. 175. – P. 2. (In Russ.)

STEPANOV N. *Beglye ocherki Kabardy (Iz zapisok topografa)* [Quick Essays of Kabarda (From the Notes of a Topographer)]. IN: *Kavkaz*. – 1861. – No. 82. – P. 442–444. (In Russ.)

TEBUEV R.S., KHATUEV R.T. *Ocherki istorii karachaevo-balkartsev* [Essays on the history of the Karachay-Balkars]. – M.: Ileksa; Stavropol: Stavropol'servisshkola, 2002. – 224 p. (In Russ.)

Tiflis 27-go oktyabrya [Tiflis October 27th]. IN: *Kavkaz*. – 1868. – No. 126. – P. 1. (In Russ.)

Ukaz Pravitel'stvuyushchemu Senatu [Decree to the Governing Senate]. IN: *Kavkaz*. – 1870. – No. 22. – P. 1. (In Russ.)

UNGERN-SHTERNBERG F.R. *Po povodu moego voskhozhdeniya na El'brus* [About my ascent of Elbrus]. IN: *Kavkaz*. – 1888. – No. 328. – P. 2–3. (In Russ.)

KHATUEV R.T. *Karachai i Balkariya do vtoroi poloviny XIX v.: Vlast' i obshchestvo* [Karachay and Balkaria to the Second Half of the 19th Century: Power and Society]. IN: *Karachaevtsy i balkartsy (etnografiya, istoriya, arkheologiya)* [Karachays and Balkars (Ethnography, History, Archaeology)]. – M.: IEA RAN, 1999. – P. 5–198. (In Russ.)

KHLYNINA T.P., KRINKO E.F., URUSHADZE A.T. *Rossiiskii Severnyi Kavkaz: istoricheskii opyt upravleniya i formirovaniya granits regiona* [Russian North Caucasus: Historical

Experience of Governance and Formation of the Region's Borders]. – Rostov n/D: Izd-vo YuNTs RAN, 2012. – 272 p. (In Russ.)

Khozyaistvennyi byt na Kavkaze (Osobennosti kabardintsev) [Economic life in the Caucasus (Features of the Kabardians)]. IN: *Kavkaz*. – 1891. – No. 342. – P. 2–3. (In Russ.)

Tsirkulyarnoe predlozhenie Ego Imperatorskogo Vysochestva Velikogo knyazya namestnika ot 6 dekabrya 1870 goda, No. 575 [Circular Proposal of His Imperial Highness the Grand Duke Viceroy of December 6, 1870, No. 575]. IN: *Kavkaz*. – 1870. – No. 151. – P. 1. (In Russ.)

Информация об авторе

Ю.М. Азикова – кандидат исторических наук, доцент.

Information about the author

Y.M. Azikova – Candidate of Sciences (History), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 22.03.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.06.2025 г.; принята к публикации 27.06.2025 г.

The article was submitted 22.03.2025; approved after reviewing 15.06.2025; accepted for publication 27.06.2025.

Научная статья
УДК 94(470)
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-2-140-158
EDN: OLXUAJ

КАВКАЗСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ИССЛЕДОВАНИЯХ АДОЛЬФА ПЕТРОВИЧА БЕРЖЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЖУРНАЛА «РУССКАЯ СТАРИНА»)

Анжела Ариковна Журтова
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия, anzhelka28@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-0928-2393

Аннотация. Статья посвящена исследованию научных работ А.П. Берже, опубликованных в журнале «Русская старина». Автор сотрудничал с редакцией данного издания на протяжении четырнадцати лет (1872–1886 гг.) и подготовил для него десятки документальных подборок и статей, посвященных проблеме российско-кавказских взаимоотношений в XVI-XIX вв., а также различным вопросам истории и культуры народов Кавказа.

Большинство опубликованных историком архивных материалов составляют делопроизводственные документы и воспоминания известных на Кавказе военно-политических и общественных деятелей. В их числе приказы и переписки П.Д. Цицианова, И.В. Гудовича, А.П. Тормасова, А.П. Ермолова, И.В. Паскевича и др. В основной массе исследований А.П. Берже, изданных «Русской стариной», анализируется политика российской военной администрации в регионе, проблема присоединения кавказских народов к России, эволюция взаимоотношений горцев с властями и т.д. Часть работ ученого посвящена исследованию фактов биографии известных исторических личностей, так или иначе связанных с Кавказом. Среди них, писатель и дипломат А.С. Грибоедов, иранский шах Фетх-Али-шах, его внук Хосров-мирза, кавказский наместник Н.И. Муравьев, генерал-лейтенант Н.П. Колюбакин и др.

В статьях А.П. Берже, представленных в журнале «Русская старина», кавказская проблематика приобрела новые исследовательские направления. Его опора на обширную источниковую базу способствовала развитию методики научных исследований, посвященных истории Кавказа, и формированию основ отечественного кавказоведения в дореволюционный период.

Ключевые слова: А.П. Берже, «Русская старина», кавказоведение, российско-кавказские отношения, историография.

Благодарности и финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке Внутреннего гранта КБГУ. Договор № 14 от 9.07.2024 г.

Для цитирования: Журтова А.А. Кавказская проблематика в исследованиях Адольфа Петровича Берже (по материалам журнала «Русская старина») // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 2. – С. 140-158. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-2-140-158. EDN: OLXUAJ.

© Журтова А.А., 2025

Original article

CAUCASIAN PROBLEMS IN THE RESEARCH OF ADOLF PETROVICH BERGER (BASED ON THE MATERIALS OF THE JOURNAL «RUSSKAYA STARINA»)

Anzhela A. Zhurtova
Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia, anzhelka28@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-0928-2393

Abstract. The article studies scientific papers published by A.P. Bergerbin in the magazine «Russkaya Starina». The author collaborated with the editors of this journal for fourteen years (1872–1886) and prepared for it dozens of documentary collections and articles dedicated to the problem of Russian-Caucasian relations in the 16th-19th centuries, as well as various issues of the history and culture of the Caucasian peoples.

Most of the archival materials published by the historian constitute paperwork and memoirs of military-political and public figures known in the Caucasus. Among them are orders and correspondence of P.D. Tsitsianov, I.V. Gudovich, A.P. Tormasov, A.P. Ermolov, I.V. Paskevich and others. The bulk of the research of A.P. Berger published by the «Russkaya Starina» is devoted to the policy of the Russian military administration in the region, various problems of the accession of the Caucasian peoples to Russia, etc. Part of the scientist's works is devoted to the study of the facts of the biography of famous historical personalities, one way or another, related to the Caucasus. Among them, the writer and diplomat A.S. Griboedov, Iranian Shah Feth-Ali-Shah, his grandson Khosrov-Mirza, Caucasian governor N.I. Muravyov, Lieutenant General N.P. Kolyubakin and others.

In the articles of A.P. Berger, presented in the journal «Russkaya Starina», were acquired new research areas of Caucasian. Its support on an extensive source base contributed to the development of the scientific method and the formation of the domestic Caucasia foundations.

Keywords: A.P. Berger, «Russkaya Starina», Caucasia, Russian-Caucasian relations, historiography.

Gratitude and financing: The study was performed with the financial support of the internal grant of the KBSU. Treaty no. 14 dated 9.07.2024.

For citation: Zhurtova A.A. Caucasian problems in the research of Adolf Petrovich Berger (based on the materials of the journal «Russkaya starina»). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 2. – P. 140-158. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-2-140-158. EDN: OLXUAJ.

© Zhurtova A.A., 2025

Введение

Официальные печатные издания в имперской России на протяжении всего периода ее существования являлись выразителем государственной идеологии и важнейшим инструментом легитимации политического курса. С момента своего возникновения и организационного оформления периодическая печать решала задачу формирования общественного мнения. В XIX в. внешне- и внутриполитическую повестку дня России во многом определяла кавказская проблематика, связанная со сложным процессом интеграции региона в состав Российского государства. Актуальность данного вопроса определила тематику периодических изданий указанного периода. На страницах газет и журналов появляются работы, посвященные проблемам развития кавказских обществ, призванные сформировать системное и, по возможности, объективное представление о регионе. Данная задача решалась прежде всего благодаря деятельности российских органов власти и военного командования на Кавказе. Одним из ее ярких представителей был Адольф Петрович Берже, который неся административную службу в регионе, активно занимался исследованием истории и этнографии местных народов.

Благодаря его деятельности были заложены основы отечественного кавказоведения, без собранных им материалов не обходится ни одно современное исследование, посвященное проблемам российско-кавказского исторического взаимодействия.

Научной деятельности А.П. Берже посвящено большое количество работ. К числу первых исследований, в которых представлена биография ученого, можно отнести статьи М.И. Семевского, М.Б. Городецкого и др. [Семевский 1886; Городецкий 1912]. В трудах М.О. Косвена, Л.Н. Колосова и др. проанализированы исторические и этнографические исследования А.П. Берже [Косвен 1955, Колосов 1987].

В современной историографии значительный интерес к его личности и научной деятельности сохраняется. Большинство авторов относят А.П. Берже к одному из основателей отечественной кавказоведческой школы. Его исследования и материалы по различным проблемам истории и культуры народов Кавказа, а также наиболее яркие факты научной биографии А.П. Берже изучены в работах А.Л. Рыбакова, Ю.С. Сулаберидзе, М.Е. Колесниковой, А.Н. Максимчика, А.И. Алиевой, Т.А. Колосовской и др. [Рыбаков 2006; Сулаберидзе 2013; Колесникова 2014; Максимчик и др. 2020; Алиева 2021; Колосовская 2023]. Однако, несмотря на устойчивый интерес кавказоведов к деятельности А.П. Берже, его работы, опубликованные в различных периодических изданиях, в частности, в журнале «Русская старина», газете «Кавказ», ежегодном справочнике «Кавказский календарь» и др., не стали объектом отдельного научного исследования. Ученый на протяжении четырнадцати лет тесно взаимодействовал с журналом «Русская старина», подготовил для него большое число статей, которые заслуживают, на наш взгляд, научного анализа. В данной работе предпринята попытка систематизации и концептуального анализа работ А.П. Берже, представленных на страницах «Русской старины».

Результаты

Служба А.П. Берже на Кавказе началась в 1851 г. в канцелярии Кавказского наместника М.С. Воронцова. В 1858 г. он занял должность чиновника по особым поручениям при начальнике Главного управления кавказского наместника. В конце жизни получил чин тайного советника, соответствующий гражданскому чину 3-го класса в известной Табели о рангах Российской империи и чину генерал-лейтенанта в армии. Службу А.П. Берже совмещал с активной исследовательской деятельностью, ездил в научные экспедиции в Иран (1853 и 1855 гг.), побывал во всех регионах Кавказа, что позволило ему собрать богатейший корпус материалов по истории, археологии и этнографии местных народов.

В 1856-1859 гг. он являлся «правителем дел» Кавказского отдела императорского Русского географического общества[1]. С 1857 г. заведовал Тифлисской публичной библиотекой, благоустроил ее и значительно пополнил книжный фонд.

Наибольший вклад в развитие кавказоведения А.П. Берже внес в должности главы Кавказской археографической комиссии, созданной в 1864 г. при Главном

[1] Открыт в 1850 году.

управлении кавказского наместника с целью систематизации многочисленных документов и делопроизводственных материалов по истории присоединения Кавказа к России. В результате работы комиссии были опубликованы Акты, содержавшие более 16 тыс. документов по истории российско-кавказского исторического взаимодействия [Колосовская 2023]. Представленные в АКАК материалы датируются XVIII – первой половиной XIX в. Основатель журнала «Русская старина» М.И. Семевский писал, что «надо было так любить и так знать историю Кавказа», как А.П. Берже, чтобы составить данный «громаднейший сборник» [Семевский 1886: 733]. В журнале была специальная рубрика, в которой сообщалось об издании новых книг, в том числе очередных томов АКАК под редакцией А.П. Берже [Библиографический 1873; 1874; 1885], который с «замечательной заботливостью и знанием дела» собирал многочисленные материалы «первостепенного значения» [Библиографический 1885: 2]. Сборники выходили небольшим тиражом, поскольку издание, как сообщали редакторы журнала, не подвергалось цензуре, что усиливало научный интерес к нему.

Сотрудничество А.П. Берже с «Русской стариной» началось в 1872 г. и прекратилось со смертью ученого в 1886 г. За это время на страницах данного издания были опубликованы десятки его материалов и статей, включавших в себя исторические источники и исследовательские статьи [Берже 1872a; 1872b; 1873a; 1873b; 1873c; 1874; 1876a; 1876b; 1876c; 1876d; 1877; 1879a; 1879b; 1880a; 1880b; 1882; 1883; 1884a; 1884b; 1885; 1886a; 1886b; Письма 1880; Записка 1882].

Опубликованные источники представлены прежде всего делопроизводственными документами и воспоминаниями наиболее известных на Кавказе военных и государственных деятелей, о которых А.П. Берже собирал сведения в период своей 35-летней службы. В частности, в «Русской старине» напечатаны его подборки приказов командующих Кавказской армии за 1802–1828 гг. [Берже 1876b; 1886a] Данные материалы позволяют сформировать представление не только о ходе военных действий в регионе, изменениях в структуре и составе войск, повседневных проблемах армейской жизни, но и о личности составителя приказа, стратегических способностях военачальника и т.п. Большинство представленных документов составляют приказы П.Д. Цицианова, И.В. Гудовича, А.П. Тормасова, А.П. Ермолова, И.В. Паскевича и др.

Особое внимание А.П. Берже уделяет различным фактам биографии А.П. Ермолова. В «Русской старине» представлена переписка генерала с М.С. Воронцовым, В.О. Бебутовым и др. [Берже 1872a; 1885]. А.П. Ермолова с М.С. Воронцовым связывали сорокалетние дружеские отношения, он ценил «военные достоинства» и «душевные качества» князя, называя его «лучшим из человеков» [Берже 1885: 523]. Генерал в переписке сообщает М.С. Воронцову о строительстве крепости Грозной в 1818 г., о борьбе с дагестанскими ханствами, лезгинами, чеченцами, безрезультатных попытках «переменить их образ управления», подчеркивая, что только человек с «истинной любовью к пользе отечества» сможет решиться на здешнюю службу [Берже 1885: 527]. При этом А.П. Ермолов считает необходимым выразить восхищение «величественной природой Кавказа», Кабардой, горами, составляющими «чрезвычайно красивую сторону». Говорит он также и о людях, прежде всего о лидере местного национально-

освободительного движения, Шамиле, который является человеком «необыкновенно умным», о чем свидетельствуют долгие годы борьбы с ним и северокавказскими народами [Берже 1885: 548].

А.П. Берже в предисловии к письмам А.П. Ермолова к В.О. Бебутову представляет биографическую справку о князе. Его происхождение связано с древней армянской фамилией. Под начальство Ермолова он поступил в 1816 г., участвовал в покорении Акушинской области и Казикумукского ханства в 1819-1820 гг. [Берже 1872а: 431]. В 1830 г. В.О. Бебутов был назначен начальником Армянской области. С 1844 г. командовал войсками Северного и Нагорного Дагестана, участвовал в походах против Шамиля, был награжден орденом Святого Георгия третьей степени. При генерале Н.Н. Муравьеве с 1855 г. он управлял гражданскими делами на Кавказе [Берже 1872а: 432]. А.П. Берже характеризует В.О. Бебутова как человека со «светлым и гибким умом», посвятившим свою жизнь кавказской службе [Берже 1872а: 433].

Руководствуясь исключительно научными мотивами, А.П. Берже представляет также сведения о личной жизни А.П. Ермолова [Берже 1884а], для создания «законченного» образа предмета исследования, предполагающего его рассмотрение «во всех оттенках», «не исключая нравственную» [Берже 1884а: 523]. Как известно, А.П. Ермолов никогда не был женат, однако А.П. Берже сообщает о трех «кебинных женах», с которыми он сочетался браком в период его пребывания на Кавказе в 1816-1827 гг. «Гордость России», как утверждает А.П. Берже, «в отношении своих нравственных принципов стоял на подобающей ему высоте», пусть они и расходились с идеалами христианской церкви [Берже 1884а: 523]. Детей, рожденных у А.П. Ермолова в указанных браках, Александр II повелел признать потомственными дворянами [Берже 1884а: 528].

А.П. Берже опубликовал в «Русской старине» «Записку» Александра II о Кавказе, где император дает оценку деятельности главнокомандующего А.И. Барятинского и трудностям, связанным с содержанием российской армии на Кавказе. «Блистательные результаты» политики Барятинского превзошли ожидания императора, привели к окончанию тяжелейшей Кавказской войны, в связи с чем Александр II выражает надежду, что расходы на содержание войск отныне многократно сократятся [Записка 1882: 284].

Большинство исследований А.П. Берже, представленных на страницах периодических изданий, посвящено вопросам военно-политической истории России, проблеме российско-кавказских отношений в XIX в. и т.д. Выбор проблематики связан с повесткой дня, обусловленной утверждением российской административной и судебно-правовой системы на Кавказе и интеграцией местных народов в общероссийское социокультурное пространство.

Исследования в данной предметной области служили идеологическим обоснованием политики России в регионе, основой ее легитимации. По мнению Ю.С. Сулаберидзе, методология А.П. Берже опиралась на концепцию исторического процесса С.М. Соловьева и В.О. Ключевского, в соответствии с которыми причины продвижения России на Кавказ были заложены в ее «национальном организме», определялись ходом развития российской государственности и цивилизаторской миссией [Сулаберидзе 2013: 99]. Подобная точка зрения выглядела

достаточно объективной «с позиции рационального позитивизма» [Сулаберидзе 2013: 99].

В данном контексте А.П. Берже анализирует присоединение Восточной Грузии к России [Берже 1880b]. В начале работы, опубликованной в «Русской старине», он ставит перед собой три вопроса, на которые в ходе исследования планирует ответить: во-первых, явилось ли присоединение Грузии «результатом завоевательных планов России»; во-вторых, связано ли данное событие с желанием царя Георгия XII защитить свои личные интересы; в-третьих, стремился ли грузинский народ вступить в российское подданство [Берже 1880b: 1].

«Решительное покорение» Кавказа, как утверждает ученый, началось именно с присоединения Грузии и было обусловлено внутри- и внешнеполитическими факторами развития Российского государства, в соответствии с задачами, которые оно должно было решить в мировом «ходе событий» [Берже 1880b: 2]. Анализируя события периода правления Екатерины II, в том числе договор с грузинским царем Ираклием II 1783 года, политику Павла I, А.П. Берже приходит к выводу, что в их стремлениях не было «никакого намека» на расширение «русского могущества за Кавказом» [Берже 1880b: 17]. Только при Александре I данный вопрос стал приоритетным во внешней политике. Автор сообщает, как император в рескрипте К.Ф. Кноррингу от 19 апреля 1801 г., характеризуя мотивы присоединения закавказских территорий, связанных с необходимостью обеспечения южных границ, притязаниями Турции, «прорывами» горских народов и т.д., подчеркивает, что в данном вопросе преследует не только российские интересы, а прежде всего стремится сохранить самостоятельность Грузии «под покровительством России». В этой связи от генерала требовалось узнать «искренно-ли убеждены грузины» в необходимости принять российское подданство, и, в случае положительного ответа, ему поручалось подготовить положение об управлении новой территорией [Берже 1880b: 18].

Спустя три месяца К.Ф. Кнорринг в своем рапорте доложил императору «о безнадежном положении Грузии», где не утихают феодальные междоусобицы, бесконтрольно растут и взымаются налоги, «внешние враги умножаются и усиливаются», поэтому грузинский царь Георгий XII, приняв решение о вступлении в российское подданство, «гнал пользы своего народа», выразившего единодушное желание присоединиться к России [Берже 1880b: 19]. Последствием данного донесения К.Ф. Кнорринга стал манифест 12 сентября 1801 г. о присоединении Грузии к Российской империи. Немаловажную роль в данном вопросе, по мнению А.П. Берже, сыграла религия, и для каждого «благомыслящего» грузина «могущественная и единоверная Россия» стала единственно верным выбором, повлиявшим на дальнейшую судьбу всего кавказского региона [Берже 1880b: 373]. Рассматривая данную проблему с военной точки зрения, А.П. Берже отмечает, что без применения войск в регионе не обошлось, поскольку периодически возникали протесты со стороны некоторых князей и царевичей, внутренних и внешних неприятелей Грузии [Берже 1880b: 30].

Таким образом, А.П. Берже, представляя интересы российской администрации в регионе, преследовал цель легитимации политики России и обоснования ее цивилизаторской миссии на Кавказе. Однако, несмотря на монархическое

мышление, в его мировоззрении можно проследить либеральные тенденции [Сулаберидзе 2013: 97]. Применение нового научного метода, поиски теоретического обоснования закономерностей исторического процесса, внимание к различным вопросам философии истории выделяет его среди исследователей официально-охранительного направления.

Либеральные мотивы прослеживаются и в работе А.П. Берже, посвященной выселению кавказских народов в Османскую империю [Берже 1882], опубликованной в той же «Русской старине». Работа состоит из девяти частей, в которых анализируются предпосылки и причины выселения горцев, подробно представлены географические, этнографические и демографические сведения о данном процессе, обозначена его нормативная и организационная база и т.д.

В начале работы А.П. Берже обосновывает актуальность обращения к проблеме выселения в рамках научного исследования. Во-первых, автор подчеркивает, что данное событие «не разъяснено и не описано» как следует; во-вторых, «полумиллионное население» с уникальной богатой культурой и «самобытным строем» было вынуждено покинуть историческую территорию и рассеяться в различных провинциях Османской империи, где одна часть погибла «от трудностей переселения», другая – смешалась с турецкими племенами и со временем утратит свою самобытность и национальную идентичность. Поэтому, убежден исследователь, на современниках лежит обязанность всесторонне изучить исторические причины и «ход этого печального выселения Кавказских народов» [Берже 1882: 161].

Начало распространения российского влияния на Кавказе автор связывает с эпохой Ивана Грозного, когда в регионе появились первые крепости и казачьи поселения для обеспечения безопасности южных территорий от нападений «разноплеменных соседей». Граница на протяжении столетий оставалась динамичной и постепенно продвигалась к Кавказскому хребту. И, что самое главное, складывались отношения между русскими и местными народами, которые носили противоречивый характер: «инородцы» отправляли посольства к монархам, принимали присягу, выдавали аманатов, но при этом периодически осуществляли грабежи и нападения на линию российских крепостей.

Столкновения и конфликты на границе привели к Кавказской войне, которая, как в очередной раз подчеркивает А.П. Берже, стала «естественным результатом государственного роста России», несмотря на «бесплодные» государственные расходы и никому «ненужное кровопролитие» [Берже 1882: 168].

Европу долгое время не беспокоило российское продвижение на Кавказ, однако с возникновением так называемого восточного вопроса начались «заботы» европейских дипломатов о кавказских горцах, что выразилось, по словам ученого, в поддержке турецкой политики в регионе с целью «противодействия России» [Берже 1882: 172].

Совокупность внешне- и внутриполитических обстоятельств привела в конце 1860 г. к решению о прекращении «бесполезных экспедиций» и заселении кавказских территорий казаками посредством выселения горцев на плоскость. Наступление российских войск сопровождалось требованием покорного принятия предлагаемых условий переселения на указанные администрацией земли и

подчинения представителям власти. Не желавшие исполнить данные требования должны были выселяться в Турцию «на собственный счет и страх» [Берже 1882: 349]. Предложенный Н.И. Евдокимовым «замечательный» план должен был «бесповоротно» завершить Кавказскую войну [Берже 1882: 339].

Для практической реализации указанных мероприятий в 1860 г. в Константинополь был отправлен генерал-майор М.Т. Лорис-Меликов [Кузьминов 2005; Кузьминов 2009], который «выхлопотал дозволение» у султана о переселении в Турцию 3000 семейств [Берже 1882: 341]. Основная масса населения покинула Северный Кавказ в 1860–1864 гг. А.П. Берже убежден, что турецкое правительство воспринимало «прилив горцев» исключительно как средство исламизации христианского населения, надеясь, помимо прочего, использовать «прекрасные боевые силы и средства» горцев [Берже 1882: 342]. Историк описывает различные трагические сюжеты, связанные со страданиями и лишениями переселенцев, болезнями, эпидемиями и т.п. При этом обращает внимание на то, что российское руководство сделало все возможное для сокращения масштабов бедствия [Берже 1882: 361]. По сведениям автора, в результате выселения с 1858 по 1865 г. Кавказ покинуло около 500 тысяч человек. Большинство из них составили адыгские племена [Берже 1882: 164].

После выселения черкесов, как сообщает А.П. Берже, периодически возникали попытки «ухода в Турцию» со стороны других племен, однако местное начальство всячески препятствовало этому и «мало по малу» приучало горцев российскому управлению [Берже 1882: 2].

Говоря об аналогичных процессах на Северо-Восточном Кавказе, исследователь уделяет внимание выселению чеченцев, которые были лишены «наибольшего процента своего населения» [Берже 1882: 4]. Наладить взаимодействие с Чечней оказалось чрезвычайно сложной задачей: «проникнутая мусульманским фанатизмом», она «продолжала ненавидеть» российскую власть, и все ее добрые намерения воспринимались не иначе как «ненавистный дар гяура» [Берже 1882: 6].

Евдокимов переселял чеченцев с гор на равнину, на свободных территориях строил казачьи станицы, намереваясь, как полагает А.П. Берже, расселить чеченцев в Кабарде [Берже 1882: 10]. В первую очередь в Турцию были переселены карабулаки (до 1500 семейств), а также те чеченцы, которые отличались особым «закоренелым фанатизмом». Общая численность выселенных, по сведениям историка, составила 5 тыс. семейств. Им было разрешено забрать свое имущество, продовольствие и скот [Берже 1882: 16]. Часть чеченцев погибла в пути «от климатических болезней» и «изнурения», многие решили вернуться в Россию, не найдя иного выхода и «спасения» [Берже 1882: 25]. Основную роль в выселении чеченцев сыграл начальник Терской области М.Т. Лорис-Меликов.

Таким образом, во взгляде А.П. Берже на данную проблему соединились две противоположные тенденции: обоснование исторической обусловленности и прогрессивности присоединения Кавказа к России и сожаление о «безвозвратной потере самобытной цивилизации, уничтоженной» в результате завоевания и выселения. Подобное сочетание монархизма с демократическими взглядами было свойственно российской либеральной идее XIX в. [Коновалов и др. 2020;

Zhurtova A.A et al.], когда наряду с защитой государственных интересов обосновывалась ценность отдельной личности и всего народа.

Степень приверженности ученого государственным ценностям отражена также в его статье, посвященной осаде Михайловского укрепления Черноморской береговой линии в начале 1840-х гг. [Берже 1877], где на основе архивных материалов воссоздана история разгрома крепости горцами и прославляется подвиг рядового Тенгинского полка Архипа Осипова.

Действия «недружелюбной» Турции, поддерживающей западных черкесов в антироссийской борьбе, привели к строительству вдоль восточного берега Черного моря линии крепостей. Под управлением корпусного командира Е.А. Головина были возведены укрепления Навагинское, Тенгинское, Головинское, Лазаревское, Михайловское и др.

В своем очерке А.П. Берже характеризует гарнизон Михайловской крепости как брошенный на пустынный берег и обреченный «на тяжелую службу» без надежды «на какую-либо помощь извне» [Берже 1877: 276]. 1840 год на Северо-Западном Кавказе выдался особенно трудным из-за неурожая и эпидемий, что привело к восстанию черкесских племен и их штурму крепости. 21 марта они направились к Михайловскому, гарнизон которого состоял всего из двух рот под командованием грека штабс-капитана Н.К. Лико и подпоручика Краумзгольда и насчитывал до 500 человек. По сведениям А.П. Берже, Лико собрал офицеров и объявил об опасности, а также напомнил о долге «не сдаваться живыми» [Берже 1877: 278].

Когда личный состав крепости почти весь погиб, рядовой роты Краумзгольда Архип Осипов вбежал в пороховой погреб, совершил выстрел, который привел к взрыву. Понимая, что ждать помощи неоткуда, Лико собрал всех офицеров, которые последовали примеру Осипова и «подняли себя на воздух» вместе с ворвавшимися в крепость горцами. Автор подчеркивает, что в военных летописях России не было подобного примера самоотверженности и мужества, которые делают данный подвиг бессмертным [Берже 1877: 281].

Особую научную ценность представляют биографические исследования А.П. Берже, в которых описываются и анализируются малоизученные эпизоды жизни, военной и общественно-политической деятельности известных лиц, так или иначе связанных с событиями на Кавказе. Среди героев его работ дипломат и драматург А.С. Грибоедов, иранский шах Фетх-Али-шах и его внук Хосров-мирза, наместник Н.И. Муравьев, генерал-лейтенант Н.П. Колюбакин и др. [Берже 1872b; 1873c; 1874; 1876a; 1876c; 1879b; 1880a; 1883; 1884b; 1886b].

Одной из самых известных работ А.П. Берже является исследование о дипломатической службе А.С. Грибоедова на Кавказе и в Персии, и его трагической кончине. Статья, посвященная обстоятельствам смерти русского драматурга, содержит массу дипломатических документов, нот и донесений высших должностных лиц Российской империи, Ирана и Великобритании, которые впервые вводились историком в научный оборот и позволили прояснить некоторые события «тегеранской катастрофы» [Берже 1872b].

Одним из следствий Туркманчайского договора 1828 г., положившего конец «неприязненным отношениям» между Россией и Ираном, стало учреждение

должности министра при тегеранском дворе. На данном посту практически сразу был утвержден племянник главнокомандующего на Кавказе И.Ф. Паскевича А.С. Грибоедов, который в июне 1828 г. отправился в Иран. Спустя полгода, 30 января 1829 г., российское посольство в Тегеране стало жертвой «разъяренной толпы персидской столицы», что привело к гибели автора бессмертной пьесы «Горе от ума». Это «неслыханное происшествие» нарушало международное право и нанесло удар «достоинству России» [Берже 1872b: 163]. Однако столь громкое событие не было достаточно изучено, а официальные версии гибели посольства вызывали массу вопросов, что послужило основанием обращения А.П. Берже к данной проблеме. Для максимальной объективности и научной обоснованности выводов он использует архивные материалы и изучает точки зрения как российских авторов, так и иранских.

Исследователь восстановил хронологию событий, опираясь на сведения известного персидского историка Ризы Кули. После приезда в июле 1828 г. А.С. Грибоедов остановился в доме недалеко от «Шах-Абдул-Азимских ворот». Через два-три дня, согласно этикету, его отвели к Фетх-Али-шаху и перед входом во дворец вежливо пригласили в палатку для телохранителей. Но «обряд этот рассердил Грибоедова», который стал вести себя «дерзко и высокомерно», в том числе по отношению к шаху [Берже 1872b: 165, 166].

Спустя несколько дней один из евнухов шахского гарема Якуб попросил российского подданства. Он сообщал министру имена грузинских пленных, отыскивал и привозил женщин из их числа. Многих он «забирал силою», поскольку они «состояли в замужестве за разными лицами и имели детей» [Берже 1872b: 167]. Подобные меры вызвали всеобщее недовольство, «у казиев, шейхов и сеидов» возникло «чувство религиозной ревности», и они решили обратиться к российскому министру и потребовать уважения норм шариата. В ответ А.С. Грибоедов «вспыхнул» и отправил их со двора с угрозами. Следом толпа недовольных хлынула к нему в дом и окружила его. Министр «с 37 товарищами» были найдены мертвыми. Спастись удалось только первому секретарю И.С. Мальцову. Таким образом, среди причин убийства членов российской дипломатической миссии, Риза Кули называет незнание местных обычаев, принятие под покровительство евнуха Якуба и «укрывательство у себя женщин» [Берже 1872b: 168].

Далее А.П. Берже обращается к российским документам и отмечает, что они мало противоречат версии персидского историка. Согласно донесениям И.С. Мальцова, причиной смерти российского посла послужили «евнух Мирза-Якуб и две женщины из гарема Аллах-Яр-хана», визиря, премьер-министра Персии [Берже 1872b: 179]. Принятие под покровительство Мирзы-Якуба, который долгие годы занимал должность казначея и главного евнуха при шахском дворе и знал все его тайны, было расценено руководством Ирана как государственная измена, и «вооружило» против А.С. Грибоедова всю персидскую элиту. Он, как полагает историк, «зашел слишком далеко», распространив свое покровительство на пленниц, которые находились в гаремах «значительных и влиятельных» лиц [Берже 1872b: 181]. Все это вызвало недовольство не только правящих кругов, но и всего народа, и привело к трагической гибели дипломата.

Опасаясь международного скандала и возобновления военных действий Фетх-Али-шах отправил в Петербург своего внука принца Хосров-мирзу, который от лица шаха выразил сожаление о произошедшем 30 января 1829 г. и просил Николая I «предать вечному забвению» случившееся [Берже 1872b: 199].

Посольство наследника персидского престола А.П. Берже рассматривает в отдельном исследовании [Берже 1879b], в котором использует официальные документы, дипломатические переписки, биографию Хосров-мирзы и др. 10 августа 1829 г. на встрече с Николаем I в Зимнем дворце Хосров-мирза вручил императору шахскую грамоту – «извинительное письмо» – подчеркнув, что от случившегося «неслыханного злодеяния» «ужаснулось праведное сердце Фетх-Али-шаха». Персидский шах выразил надежду на то, что «горсть злодеев» не сможет привести «к разрыву мира» между Россией и Персией [Берже 1879b: 344]. В результате переговоров Николай I обещал «предать вечному забвению злополучное тегеранское происшествие» [Берже 1879b: 347].

Биографические факты из жизни самого императора также стали предметом изучения А.П. Берже. В частности, представляет интерес статья о поездке Николая I на Кавказ в 1837 г. [Берже 1884b]. Она примечательна тем, что ее итогом стал ряд отставок и назначений в высшем командовании и офицерском составе на Кавказе. Следуя из Крыма, император 20 сентября посетил Геленджик, где его встретил командующий войсками Кавказской линии А.А. Вельяминов [Берже 1884b: 377]. Затем он отправился в Тифлис, где все органы и учреждения охватила «лихорадочная суета» в процессе подготовки к приезду царя [Берже 1884b: 379]. По пути он побывал в Кутаисе, Ахалкалаки, заложил 4 октября в Гюмри (Армения) церковь имени Св. Александры [Берже 1884b: 382].

В Тифлисе Николая I встречал барон Г.В. Розен, судьба которого, по словам А.П. Берже, на тот момент была уже решена. Император назначил на место командующего Отдельным Кавказским корпусом генерал-лейтенанта Е.А. Головина. Основанием для данного решения стал доклад барона П. Гана, возглавлявшего высочайшую комиссию по преобразованию гражданских учреждений на Кавказе, о деятельности Г.В. Розена и «вопиющих злоупотреблениях» его зятя флигель-адъютанта полковника князя Дадиани, возглавлявшего Эриванский карабинерный полк [Берже 1884b: 391, 392]. 30 ноября 1837 года Розен подал прошение об увольнении, однако продолжал управлять краем до прибытия нового командующего.

А.П. Берже подробно изучал деятельность наместников, главнокомандующих, иных должностных лиц, которые несли свою службу на Кавказе. Как правило, его работы находили отклик как среди научного сообщества, так и среди государственных служащих и общественных деятелей. Нередко с историком вступали в дискуссию по тем или иным вопросам. В данном контексте вызывают интерес противоречивые отзывы о деятельности Н.Н. Муравьева в период его наместничества на Кавказе в 1854-1856 годах, опубликованные на страницах журнала «Русская старина» [Берже 1873c; Любитель 1874].

Как полагает историк, предыдущая кавказская служба Муравьёва в 1816-1820 гг., его поездка в Хиву, предпринятая по поручению генерала Ермолова, участие в русско-турецких и русско-иранских войнах первой трети XIX в.,

командование в 1833 г. российским отрядом на Босфоре и др. сформировало в обществе мнение о нем, как о «замечательном военном таланте». Он «пользовался репутацией строгого, но справедливого начальника», человека образованного и «учёного», прежде всего «хорошего ориенталиста». Однако Кавказ, подчеркивает автор, смотрел на него иначе: знакомый с ним со времен А.П. Ермолова и И.Ф. Паскевича, «он помнил лишь суровый характер» Муравьева, поэтому горцы опасались нового наместника. Сам же он, по словам А.П. Берже, «ничему в жизни» так не был рад, как новому назначению [Берже 1873с: 599, 600].

Историк обвиняет нового кавказского наместника в «странностях» и «причудах», которым «не было конца» [Берже 1873с: 605]. В частности, прибыв в крепость Грозную он адресовал Ермолову письмо, «наполненное укором и выходками» против высшего командования на Кавказе и нелестно отозвался о порядках в российской армии. Содержание письма получило публичную огласку, что привело к конфликту с Ермоловым и «глубокому оскорблению» всего военного сословия [Берже 1873с: 601].

Автор описывает просчеты и ошибки Муравьева в период наместничества, критикует его работу на данном посту. В частности, по мнению А.П. Берже, длительная осада Карса в период Крымской войны (1853–1856 гг.), доказала, что он «плохой практик» [Берже 1873с: 610]. Однако, как известно, наместник был награжден орденом Святого Георгия II степени за взятие Карса, более того, получил «почетную» приставку к фамилии «Карсский».

Исследователь ставит под сомнение также его управленческие способности, характеризуя те или иные планы Н.Н. Муравьева, которые «рушились» в силу сложности их осуществления. «Горький опыт» неоднократно показывал «всю несостоятельность его стратегических соображений» [Берже 1873с: 609].

В дискуссию с А.П. Берже вступил некий автор, опубликовавший в той же «Русской старине» свою статью под псевдонимом «Любитель Кавказа и Закавказья» [Любитель 1874]. В предисловии к ней редакторы подчеркнули, что журнал всегда относился «с полнейшим беспристрастием» «ко всем мнениям» об исторических деятелях и событиях, стремясь их представить «суду отечественной истории», который должен видеть перед собой обе стороны [Любитель 1874: 140].

«Любитель Кавказа и Закавказья» начинает свою статью с обвинений в адрес А.П. Берже и заявляет, что ни у одного российского офицера «не поднялась бы рука написать подобную клевету на доблестного ветерана». На такое мог решиться только один «гражданский чиновник с канцелярскими взглядами», считает он [Любитель 1874: 139]. Автор разбирает каждый сюжет, описанный А.П. Берже, оправдывает его, рассказывает о многолетней службе Н.Н. Муравьева и прославивших его военных успехах. «Любитель» называет наместника «рыцарем чести», который всегда был готов жертвовать собой и отличался «благородным забвением обид». Он признает педантичность и строгость Н.Н. Муравьева по отношению к подчиненным, однако добавляет, что ни для кого он не был так строг, «как в отношении самого себя» [Любитель 1874: 141, 142]. Превращение журнала в площадку столкновений различных точек зрения свидетельствует о

его важнейшей роли в формировании общественного мнения и поисках научной объективности.

К числу кавказских военных деятелей, привлекших внимание исследователя, относятся также генералы императорской армии братья М.П и Н.П. Колюбакины, которым А.П. Берже посвятил свой очерк [Берже 1876с]. Они были уроженцами Волынской губернии, а служба их на всю жизнь связала с Кавказом. Младший брат, Михаил Петрович, прибыл сюда в 1836 г. в чине поручика и поступил в Нижегородский драгунский полк, в составе которого многократно принимал участие «в делах против горцев». В 1838 г. он стал адъютантом при бывшем начальнике штаба Кавказского корпуса генерале П.Е. Коцебу, занимал в порядке последовательности должности Белаканского окружного начальника, вице-губернатора в Кутаисе и Тифлисе, управляющего в Мингрелии; был членом совета наместника кавказского и начальником управления сельского хозяйства на Кавказе. С 1863 г. являлся бакинским губернатором, выполняя как военные, так и гражданские функции [Берже 1876с: 317]. Скончался М.П. Колюбакин в 1872 г. после 35-летней кавказской службы.

Николай Петрович Колюбакин, сообщается в статье, в 1832 г. был отправлен в отдельный Кавказский корпус и зачислен в Тенгинский пехотный полк. Он активно участвовал в экспедициях генерал-лейтенанта А.А. Вельяминова в 1835-1837 гг. за Кубань. В 1840 г. он стал адъютантом управляющего Джаро-Белаканскою областью, затем начальника Черноморской береговой линии; принимал участие в знаменитой Даргинской экспедиции М.С. Воронцова в 1845 г., Крымской войне и др. [Берже 1876с: 318] В 1846 г. Николай Петрович был назначен начальником Белаканского округа и правого фланга Лезгинской линии, с 1855 г. – кутаисским военным губернатором. В 1857 г. он был произведен в генерал-майоры и назначен управляющим Мингрелией, а в следующем году стал Эриванским военным губернатором. Скончался в октябре 1868 г. будучи сенатором [Берже 1876с: 319]. А.П. Берже также пишет о том, как Николай Петрович в период службы на Кавказе был несколько раз тяжело ранен. Однако больше всего внимание историка привлекли работы старшего Колюбакина, которые в том же номере «Русской старины» он поместил со своим предисловием. «К лучшим произведениям» Николая Петровича он отнес его письма к князю В.О. Бебутову, записи из дневника, а также документы, озаглавленные «Memento или материалы для военной истории», которые «живо рисуют» внутриполитическую ситуацию и военное положение в Абхазии и на Юго-Западном Кавказе в середине XIX в., в особенности в 1855 г. [Берже 1876с: 320].

А.П. Берже интересовался не только историческими деятелями, внесшими свой вклад в утверждении России на Кавказе, но также лицами, которые находились в оппозиции к имперской власти. В частности, им опубликованы небольшие статьи и выдержки из документов о различных фактах биографии Е. Пугачева, А.А. Бестужева (Марлинского) и др. [Берже 1883; 1880а].

В 1846-1850 гг. разбирая, по распоряжению князя М. С. Воронцова, материалы моздокского архива, исследователь обнаружил интересные документы о пребывании Пугачева па Кавказе, в которых содержатся сведения о его деятельности, предшествовавшей известному восстанию. Наибольшее внимание

ученого привлек рапорт есаула Агафонова коменданту полковнику А.Ф. Иванову, в котором сообщается о том, как 21 декабря 1771 г. казак Е. Пугачев осуществил побег из войска Донского Зимовейской станицы и был обнаружен близ Моздока в феврале 1772 г. [Берже 1883: 167]. Основные документы об этом деле были ранее изданы в «Сборнике статистических сведений о Ставропольской губернии» [Сборник 1869].

В другой статье А.П. Берже рассказывает о последних годах жизни писателя, декабриста А.А. Бестужева (Марлинского) [Берже 1880а]: о его пребывании в Пятигорске в 1835 г., его лечении и геройской гибели на мысе Адлер во время экспедиции 1837 г. Рядовой Грузинского линейного батальона, квартировавшегося в Черномории, А.А. Бестужев из-за тяжелой болезни был отправлен в Пятигорск [Берже 1880а: 417]. Под строгим присмотром военных он проходил лечение у некоего доктора Мейера. «Неотвязчивое наблюдение за каждым его шагом и словом» со стороны барона Розена, как убежден А.П. Берже, действовало на писателя разрушительно и привело к его «полнейшему равнодушию к жизни» [Берже 1880а: 422] и последующей трагической смерти.

Заключение

На наш взгляд, при всей важности и фундаментальности монографических исследований, динамику развитию науки придает периодическая печать. В статьях исследователь осуществляет постановку проблемы, акцентирует внимание на ее неизученных или малоизученных аспектах, находит и очерчивает свой предмет исследования, высказывает новые мысли и осуществляет первую апробацию научной методологии. Статья становится началом любого исследовательского пути, в ней рождается тема и направление будущих изысканий.

В работах А.П. Берже, опубликованных в журнале «Русская старина», кавказская проблематика приобрела новые исследовательские направления. В них получила апробацию научная методика, требующая строгую опору на источниковую базу и обращение к различным точкам зрения по тому или иному вопросу. Он опубликовал большое количество документов по истории и культуре кавказских народов и их взаимодействию с Россией. Объектом его исследования становились как видные военно-политические и общественные деятели: императоры, шахи, главнокомандующие и др., так и личности «второго плана», а то и вовсе неугодные власти лица.

Своей главной задачей А.П. Берже считал необходимость исследования исторических и культурных особенностей кавказских народов с целью их гармоничной интеграции в состав Российского государства и общества. Историк с характерным ему монархическим мышлением находил научно-идеологическое обоснование утверждению России на Кавказе, которое, по его мнению, определялось ходом развития российской государственности с XVI в. Он стремился создать позитивный образ имперской политики в регионе, доказывая идею о цивилизаторской миссии России и общей российско-кавказской исторической судьбе. При этом свойственный ему в отдельных вопросах либерализм позволял обосновывать ценность каждой личности, народа и культуры.

А.П. Берже был одним из первых кавказоведов, заложивших фундамент исторической науки в регионе. Его исследования получили заслуженное признание как в России, так и за рубежом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Алиева 2021 – *Алиева А.И.* Адольф Петрович Берже - исследователь народов Кавказа // Традиционная культура. – 2021. – № 22 (4). – С. 143-152. https://doi.org/10.26158/TK.202122A012

Берже 1872a – *Берже А.П.* Алексей Петрович Ермолов: письма его к кн. Бебутову 1835-1857 гг. // Русская старина. – Т. V. – 1872. – Вып. 1-6. – С. 431-456

Берже 1872b – *Берже А.П.* Смерть А. С. Грибоедова // Русская старина. – Т. VI. – 1872. – Вып. 7-12. – С. 163-207

Берже 1873a – *Берже А.П.* Известия о землянке Ермолова в крепости Грозной // Русская старина. – 1873. – Т. VIII. – С. 999.

Берже 1873b – *Берже А.П.* Князь М. С. Воронцов: письма его к князю В.О. Бебутову. 1846-1853 гг. // Русская старина. – 1873. – Т. VII. – С. 103-108; 254-261; 691-698.

Берже 1873c – *Берже А.П.* Николай Николаевич Муравьев во время его наместничества на Кавказе, 1854-1856 гг. // Русская старина. – 1873. – Т. VIII. – Вып. 7-12. – С. 599-632.

Берже 1874 – *Берже А.П.* Александр Сергеевич Грибоедов. Деятельность его как дипломата 1827-1829 гг. // Русская старина. – 1874. – Т. XI. – Вып. 9-12. – С. 516-534; С.746-765.

Берже 1876a – *Берже А.П.* Александр Сергеевич Грибоедов. Деятельность его как дипломата 1827-1829 гг. // Русская старина. – 1876. – Т. XVII. – Вып. 9-12. – С. 727-758.

Берже 1876b – *Берже А.П.* Командиры Кавказской армии в их приказах. 1802-1812 гг. // Русская старина. – 1876. – Т. XVII. – Вып. 9-12. – С. 630-633.

Берже 1876c – *Берже А.П.* Николай Петрович Колюбакин, 1810-1868 гг., его переписка и статья о Кавказе // Русская старина. – 1876. – Т. XVII. – Вып. 9-12. – С. 317-320.

Берже 1876d – *Берже А.П.* Письма гр. И.Ф. Паскевича к в. кн. Михаилу Павловичу, 1827 г. // Русская старина. – 1876. – Т. XVII. – Вып. 9-12. – С. 851-854.

Берже 1877 – *Берже А.П.* Защита Михайловского укрепления на Кавказе, 22-го марта 1840 г. // Русская старина. – 1877. – Т. XIX. – Вып. 5-8. – С. 275-286.

Берже 1879a – *Берже А.П.* История России, изложенная персиянином. Рассказ о высоком российском правительстве, о постепенном увеличении его могущества и о славе русских венценосцев до настоящего времени // Русская старина. – 1879. – Т. XXIV. – С. 163-168.

Берже 1879b – *Берже А.П.* Хосров-мирза (1813-1875) // Русская старина. – 1879. – Т. XXV. – Вып. 5-8. – С. 333-352; С. 401-414.

Берже 1880a – *Берже А.П.* А.А. Бестужев в Пятигорске в 1835 г. Биографическая заметка // Русская старина. – 1880. – Т. XXIX. – Вып. 9-12. – С. 417-422.

Берже 1880b – *Берже А.П.* Присоединение Грузии к России 1799-1831, Историческое исследование // Русская старина. – 1880. – Т. XXVIII. – Вып. 5-8. – С. 1-34, 159-178, 363-384.

Берже 1882 – *Берже А.П.* Выселение горцев с Кавказа. Исторический очерк // Русская старина. – 1882. – Т. XXXIII. – Вып. 1-3. – Главы I-IV. – С. 161-175, 337-363; Т. XXXVI. – Вып. 10-12. – Главы V-IX. – С. 1-32.

Берже 1883 – *Берже А.П.* Пугачев на Кавказе в 1772 году // Русская старина. – 1883. – Т. XXXVII. – Вып. 1-3. – С. 167-170.

Берже 1884a – *Берже А.П.* Алексей Петрович Ермолов и его кебинные жены на Кавказе 1816-1827 гг. // Русская старина. – 1884. – Т. XLIII. – Вып. 7-9. – С. 523-528.

Берже 1884b – *Берже А.П.* Император Николай на Кавказе в 1837 г. // Русская старина. – 1884. – Т. XLIII. – Вып. 7-9. – С. 377-398.

Берже 1885 – *Берже А.П.* Алексей Петрович Ермолов в его письмах к кн. М.С. Воронцову 1816-1862 // Русская старина. – 1885. – Т. XLVIII. – Вып. 10-12. – С. 523-550.

Берже 1886a – *Берже А.П.* Командиры кавказской армии в их приказах, 1804-1828 гг. // Русская старина. – 1886. – Т. L-LI. – Вып. 5-8. – С. 371-382.

Берже 1886b – *Берже А.П.* Фетх-Али-шах и его дети: исторический очерк (1762-1834) // Русская старина. – 1886. – Т. L-LI. – Вып. 5-8. – С. 549-562.

Библиографический 1873 – *Библиографический* листок новых книг // Русская старина. – 1873. – Т. VIII. – Вып. 7-12.

Библиографический 1874 – *Библиографический* листок новых книг // Русская старина. – 1874. – Т. XI. – Вып. 9-12.

Библиографический 1885 – *Библиографический* листок новых книг // Русская старина. – 1885. – Т. XLVIII. – Вып. 10-12.

Городецкий 1912 – *Городецкий М.Б.* Адольф Петрович Берже // Литературные и общественные деятели Северного Кавказа. Биобиблиографические очерки. – Екатеринодар: Типография Кубанского областного правления, 1912. – С. 369-373.

Записка 1882 – *Записка* императора Александра II о Кавказе, 1860 / Сообщил Ад. П. Берже // Русская старина. – 1882. – Т. XXXVI. – Вып. 10-12. – С. 283-285.

Колесникова 2014 – *Колесникова М.Е.* Кавказская Археографическая комиссия // Ставропольский хронограф на 2014 год. – Ставрополь, 2014. – С. 65–69. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://skunb.ru/node/5224 (дата обращения: 18.03.2025).

Колосов 1987 – *Колосов Л.Н.* А.П. Берже: Материалы к научной биографии // История и историки: Историографический ежегодник. – М.: Наука. 1987. – С. 213-225.

Колосовская 2023 – *Колосовская Т.А.* К проблеме производства исторического знания о кавказской окраине Российской империи (на материалах исследовательских практик А. П. Берже) // Журнал фронтирных исследований. – 2023. – № 4 (32). – Т. 8. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/exploring-the-issue-of-historical-knowledge-production-regarding-the-caucasus-periphery-of-the-russian-empire-based-on-the-research (дата обращения: 18.03.2025).

Коновалов и др. 2020 – *Коновалов А.А.,* Журтова А.А., Кандрокова Ф.С. Концептуальные основы русского и европейского либерализма второй половины XIX в. В сравнительной перспективе // Манускрипт. – Тамбов: Грамота, 2020. – Т. 13. – Вып. 5. – С. 82–87. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.gramota.net/materials/9/2020/5/15.html (дата обращения: 18.03.2025).

Косвен 1955 – *Косвен М.О.* Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке // Кавказский этнографический сборник. – М.: Наука, 1955. – Т. 1. – С. 368-369.

Кузьминов 2005 – *Кузьминов П.А.* М.Т. Лорис-Меликов на Кавказе // Кавказский сборник. – Т. 2 (34). – М.: НП ИД «Русская панорама», 2005. – С. 109–128.

Кузьминов 2009 – *Кузьминов П.А.* М.Т. Лорис-Меликов на службе Его Величества // Исторический вестник КБИГИ. – Нальчик, 2009. – № 8. – С. 405–436.

Любитель 1874 – *Любитель* Кавказа и Закавказья (псевдоним). Николай Николаевич Муравьев, наместничество его на Кавказе. 1854-1856 гг. // Русская старина. – Т. X. – 1874. – Вып. 5-8. – С. 139-151

Максимчик и др. 2020 – *Максимчик А.Н.*, Манышев С.Б. «...Собрать из архивов главнейшие акты и сведения...» (Кавказская археографическая комиссия и архивное дело на Кавказе во второй половине XIX в.) // Новое прошлое. – 2020. – № 2. – С. 44-61. https://doi.org/10.18522/2500-3224-2020-2-44-61

Письма 1880 – *Письма* Шамиля и его жён к кн. А.И. Барятинскому, 1859-1871 гг. / Примечан. А.П. Берже, М.Я. Ольшевского // Русская старина. – 1880. – Т. XXVII. – Вып. 1-4. – С. 805-812.

Рыбаков 2006 – *Рыбаков А.Л.* Ориенталист на Кавказе. К 120-летию со дня смерти А.П. Берже (1828-1886) // Кавказский сборник. – М: Русская панорама, 2006. – Т. 3 (35). – С. 356-369.

Сборник 1869 – *Сборник* статистических сведений о Ставропольской губернии. – Ставрополь, 1869. – Выпуск 2. – С. 175-180.

Семевский 1886 – *Семевский М.И.* Адольф Петрович Берже, 31-го января 1886 г. Очерк его жизни и учебно-литературной деятельности. Список трудов // Русская старина. – 1886. – Т. XLIX-L. – Вып. 1-4. – С. 727-744.

Сулаберидзе 2013 – *Сулаберидзе Ю.С.* Адольф Петрович Берже – исследователь Кавказа // Клио. – 2013. – № 3 (75). – С. 97-102.

Zhurtova A.A et al., 2017 – *Zhurtova A.A.*, Kuz'minov P.A., Konovalov A.A., Muratova E.G. The problem of Russian-Caucasian historical interaction in the domestic liberal historiography of the late XVIII – XIX centuries // Bylye Gody. – 2017. – № 45 (3). – С. 776–784.

REFERENCES

ALIEVA A.I. *Adol'f Petrovich Berzhe – Issledovatel' narodov Kavkaza* [Adolf Petrovich Berger – a researcher of the peoples of the Caucasus]. In: Traditsionnaya kul'tura. – 2021. – 22 (4). – P. 143-152. https://doi.org/10.26158/TK.202122A012 (In Russ.).

BERZHE A.P. *Aleksei Petrovich Ermolov: pis'ma ego k kn. Bebutovu 1835-1857 gg.* [Aleksey Petrovich Ermolov: his letters to Prince Bebutov 1835-1857]. In: Russkaya starina. – T. V. – 1872. – Vyp. 1-6. – P. 431-456. (In Russ.).

BERZHE A.P. *Smert' A. S. Griboedova* [The Death of A.S. Griboyedov]. In: Russkaya starina. – T. VI. – 1872. – Vyp. 7-12. – P. 163-207. (In Russ.).

BERZHE A.P. *Izvestiya o zemlyanke Ermolova v kreposti Groznoi* [News about Yermolov's dugout in the Grozny fortress]. In: Russkaya starina. – 1873. – T. VIII. – P. 999. (In Russ.).

BERZHE A.P. *Knyaz' M. S. Vorontsov: pis'ma ego k knyazyu V.O. Bebutovu. 1846-1853 gg.* [Prince M. S. Vorontsov: his letters to Prince V. O. Bebutov. 1846-1853]. In: Russkaya starina. – 1873. – T. VII. – P. 103-108; 254-261; 691-698. (In Russ.).

BERZHE A.P. *Nikolai Nikolaevich Murav'ev vo vremya ego namestnichestva na Kavkaze, 1854-1856 gg*. [Nikolay Nikolaevich Muravyov during his viceroyalty to the Caucasus, 1854-1856]. In: Russkaya starina. – 1873. – T. VIII. – Vyp. 7-12. – P. 599-632. (In Russ.).

BERZHE A.P. *Aleksandr Sergeevich Griboedov. Deyatel'nost' ego kak diplomata 1827-1829 gg.* [Alexander Sergeevich Griboyedov. His activities as a diplomat in 1827-1829]. In: Russkaya starina. – 1874. – T. XI. – Vyp. 9-12. – P. 516-534; P.746-765. (In Russ.).

BERZHE A.P. *Aleksandr Sergeevich Griboedov. Deyatel'nost' ego kak diplomata 1827-1829 gg.* [Alexander Sergeevich Griboyedov. His activities as a diplomat in 1827-1829]. In: Russkaya starina. – 1876. – T. XVII. – Vyp. 9-12. – P. 727-758. (In Russ.).

BERZHE A.P. *Komandiry Kavkazskoi armii v ikh prikazakh. 1802-1812 gg*. [Commanders of the Caucasian Army in their orders. 1802-1812]. In: Russkaya starina. – 1876. – T. XVII. – Vyp. 9-12. – P. 630-633. (In Russ.).

BERZHE A.P. *Nikolai Petrovich Kolyubakin, 1810-1868 gg., ego perepiska i stat'ya o Kavkaze* [Nikolai Petrovich Kolyubakin, 1810-1868, his correspondence and article on the Caucasus]. In: Russkaya starina. – 1876. – T. XVII. – Vyp. 9-12 – P. 317-320. (In Russ.).

BERZHE A.P. *Pis'ma gr. I.F. Paskevicha k v. kn. Mikhailu Pavlovichu, 1827 g.* [Letters of Count I.F. Paskevich to Grand Prince Mikhail Pavlovich, 1827]. In: Russkaya starina. – 1876. – T. XVII. – Vyp. 9-12. – P. 851-854. (In Russ.).

BERZHE A.P. *Zashchita Mikhailovskogo ukrepleniya na Kavkaze, 22-go marta 1840 g.* [Defense of the Mikhailovsky Fortification in the Caucasus, March 22, 1840]. In: Russkaya starina. – 1877. – T. XIX. – Vyp. 5-8. – P. 275-286. (In Russ.).

BERZHE A.P. *Istoriya Rossii, izlozhennaya persiyaninom. Rasskaz o vysokom rossiiskom pravitel'stve, o postepennom uvelichenii ego mogushchestva i o slave russkikh ventsenostsev do nastoyashchego vremeni* [History of Russia, as told by a Persian. An account of the high Russian government, of the gradual increase of its power and of the glory of Russian crowned heads to the present day]. In: Russkaya starina. – 1879. – T. XXIV. – P. 163-168. (In Russ.).

BERZHE A.P. *Khosrov-mirza (1813-1875)* [Khosrov Mirza (1813-1875)]. In: Russkaya starina. – 1879. – T. XXV. – Vyp. 5-8. – P. 333-352; P. 401-414. (In Russ.).

BERZHE A.P. *A.A. Bestuzhev v Pyatigorske v 1835 g. Biograficheskaya zametka* [A.A. Bestuzhev in Pyatigorsk in 1835. Biographical note]. In: Russkaya starina. – 1880. – T. XXIX. – Vyp. 9-12. – P. 417-422. (In Russ.).

BERZHE A.P. *Prisoedinenie Gruzii k Rossii 1799-1831, Istoricheskoe issledovanie* [The Annexation of Georgia to Russia 1799-1831, Historical Study]. In: Russkaya starina. – 1880. – T. XXVIII. – Vyp. 5-8. – P. 1-34, 159-178, 363-384. (In Russ.).

BERZHE A.P. *Vyselenie gortsev s Kavkaza. Istoricheskii ocherk* [The Deportation of the Highlanders from the Caucasus. Historical Essay]. In: Russkaya starina. – 1882. – T. XXXIII. – Vyp. 1-3. – Glavy I-IV – P. 161-175, 337-363; – T. XXXVI. – Vyp. 10-12, – glavy V-IX. – P. 1-32. (In Russ.).

BERZHE A.P. *Pugachev na Kavkaze v 1772 godu* [Pugachev in the Caucasus in 1772]. In: Russkaya starina. – 1883. – T. XXXVII. – Vyp. 1-3. – P. 167-170. (In Russ.).

BERZHE A.P. *Aleksei Petrovich Ermolov i ego kebinnye zheny na Kavkaze 1816-1827 gg.* [Aleksey Petrovich Ermolov and his cabbie wives in the Caucasus in 1816-1827]. In: Russkaya starina. – 1884. – T. XLIII. – Vyp. 7-9. – P. 523-528. (In Russ.).

BERZHE A.P. *Imperator Nikolai na Kavkaze v 1837 g.* [Emperor Nicholas in the Caucasus in 1837]. In: Russkaya starina. – 1884. – T. XLIII. – Vyp. 7-9. – P. 377-398. (In Russ.).

BERZHE A.P. *Aleksei Petrovich Ermolov v ego pis'makh k kn. M.S. Vorontsovu 1816-1862* [Aleksey Petrovich Ermolov in his letters to Prince M.S. Vorontsov 1816-1862]. In: Russkaya ctarina. – 1885. – T. XLVIII. – Vyp. 10-12. – P. 523-550. (In Russ.).

BERZHE A.P. *Komandiry kavkazskoi armii v ikh prikazakh, 1804-1828 gg.* [Commanders of the Caucasian army in their orders, 1804-1828]. In: Russkaya ctarina. – 1886. – T. L-LI. – Vyp. 5-8. – P. 371-382. (In Russ.).

BERZHE A.P. *Fetkh-Ali-shakh i ego deti: istoricheskii ocherk (1762-1834)* [Fath-Ali Shah and his children: a historical essay (1762-1834)]. In: Russkaya starina. – 1886. – T. L-LI. – Vyp. 5-8. – P. 549-562. (In Russ.).

Bibliograficheskii listok novykh knig [Bibliographic leaflet of new books]. In: Russkaya starina. – 1873. – T. VIII. – Vyp. 7-12. (In Russ.).

Bibliograficheskii listok novykh knig [Bibliographic leaflet of new books]. In: Russkaya starina. – 1874. – T. XI. – Vyp. 9-12. (In Russ.).

Bibliograficheskii listok novykh knig [Bibliographic leaflet of new books]. In: Russkaya ctarina. – 1885. – T. XLVIII. – Vyp. 10-12. (In Russ.).

GORODETSKII M.B. *Adol'f Petrovich Berzhe* [Adolf Petrovich Berger]. In: Literaturnye i obshchestvennye deyateli Severnogo Kavkaza. Biobibliograficheskie ocherki. – Ekaterinodar: Tipografiya Kubanskogo oblastnogo pravleniya, 1912. – P. 369-373. (In Russ.).

Zapiska imperatora Aleksandra II o Kavkaze, 1860 / Soobshchil Ad. P. Berzhe [Note of Emperor Alexander II on the Caucasus, 1860]. In: Russkaya starina. – 1882. – T. XXXVI. – Vyp. 10-12. – P. 283-285. (In Russ.).

KOLESNIKOVA M.E. *Kavkazskaya Arkheograficheskaya komissiya* [Caucasian Archaeographic Commission]. In: Stavropol'skii khronograf na 2014 god. – Stavropol', 2014. – P. 65–69. URL: https://skunb.ru/node/5224 (date of access: 18.03.2025). (In Russ.).

KOLOSOV L.N. *A.P. Berzhe: Materialy k nauchnoi biografii* [A.P. Berger: Materials for a scientific biography]. In: Istoriya i istoriki: Istoriograficheskii ezhegodnik. – M.: Nauka. 1987. – P. 213-225. (In Russ.).

KOLOSOVSKAYA T.A. *K probleme proizvodstva istoricheskogo znaniya o kavkazskoi okraine Rossiiskoi imperii (na materialakh issledovatel'skikh praktik A. P. Berzhe)* [On the problem of producing historical knowledge about the Caucasian outskirts of the Russian Empire (based on the research practices of A.P. Berger)]. In: Zhurnal Frontirnykh Issledovanii nomer. – 2023. – № 4 (32). – T. 8. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/exploring-the-issue-of-historical-knowledge-production-regarding-the-caucasus-periphery-of-the-russian-empire-based-on-the-research (date of access: 18.03.2025). (In Russ.).

KONOVALOV A.A., ZHURTOVA A.A., KANDROKOVA F.S. *Kontseptual'nye osnovy russkogo i evropeiskogo liberalizma vtoroi poloviny XIX v. V sravnitel'noi perspektive* [Conceptual Foundations of Russian and European Liberalism of the Second Half of the 19th Century. In Comparative Perspective] [Electronic resource]. In: Manuskript. – Tambov: Gramota, 2020. – T. 13. – No. 5. – Pp.

82–87. URL: https://www.gramota.net/materials/9/2020/5/15.html (date of access: 18.03.2025). (In Russ.).

KOSVEN M.O. *Materialy po istorii etnograficheskogo izucheniya Kavkaza v russkoi nauke* [Materials on the history of the ethnographic study of the Caucasus in Russian science]. In: Kavkazskii etnograficheskii sbornik. – M.: Nauka, 1955. – T. 1. – P. 368-369. (In Russ.).

KUZ'MINOV P.A. *M.T. Loris-Melikov na Kavkaze* [M.T. Loris-Melikov in the Caucasus]. In: Kavkazskii sbornik. T.2(34). – M.: NP ID «Russkaya panorama», 2005. – P. 109–128. (In Russ.).

KUZ'MINOV P.A. *M.T. Loris-Melikov na sluzhbe Ego Velichestva* [M.T. Loris-Melikov in the service of His Majesty]. In: Istoricheskii vestnik KBIGI. – Nal'chik, 2009. – № 8. – P. 405–436. (In Russ.).

LYUBITEL' KAVKAZA I ZAKAVKAZ'YA. *Nikolai Nikolaevich Murav'ev, namestnichestvo ego na Kavkaze. 1854-1856 gg.* [Nikolai Nikolaevich Muravyov, his viceroyalty in the Caucasus. 1854–1856]. In: Russkaya starina. – T. X. – 1874. – Vyp. 5-8. – P. 139-151. (In Russ.).

MAKSIMCHIK A.N., MANYSHEV S.B. *«...Sobrat' iz arkhivov glavneishie akty i svedeniya...» (Kavkazskaya arkheograficheskaya komissiya i arkhivnoe delo na Kavkaze vo vtoroi polovine XIX v.)* ["...To collect the most important acts and information from archives..." (Caucasian Archaeographic Commission and archival affairs in the Caucasus in the second half of the 19th century)]. In: Novoe proshloe. – 2020. – № 2. – P. 44-61. https://doi.org/10.18522/2500-3224-2020-2-44-61. (In Russ.).

Pis'ma Shamilya i ego zhen k kn. A.I. Baryatinskomu, 1859-1871 gg. / Primechan. A.P. Berzhe, M.Ya. Ol'shevskogo [Letters of Shamil and his wives to Prince A.I. Baryatinsky, 1859-1871 / Notes. A.P. Berger, M.Ya. Olshevsky]. In: Russkaya starina. – 1880. – T. XXVII. – Vyp. 1-4. – P. 805-812. (In Russ.).

RYBAKOV A.L. *Orientalist na Kavkaze. K 120-letiyu so dnya smerti A.P. Berzhe (1828-1886)* [Orientalist in the Caucasus. On the 120th Anniversary of the Death of A.P. Berger (1828-1886)]. In: Kavkazskii sbornik. – M: Russkaya panorama, 2006. – T. 3 (35). – P. 356-369. (In Russ.).

Sbornik statisticheskikh svedenii o Stavropol'skoi gubernii [Collection of statistical information about the Stavropol province]. – Stavropol', 1869. – Vypusk 2. – P. 175-180. (In Russ.).

SEMEVSKII M.I. *Adol'f Petrovich Berzhe, 31-go yanvarya 1886 g. Ocherk ego zhizni i uchebno-literaturnoi deyatel'nosti. Spisok trudov* [Adolf Petrovich Berger, January 31, 1886. Essay on his life and educational and literary activities. List of works]. In: Russkaya starina. – 1886. – T. XLIX-L. – Vyp. 1-4. – P. 727-744. (In Russ.).

SULABERIDZE YU.S. *Adol'f Petrovich Berzhe – issledovatel' Kavkaza* [Adolf Petrovich Berger – researcher of the Caucasus]. In: Klio. – 2013. – № 3 (75). – P. 97-102. (In Russ.).

ZHURTOVA A.A., KUZ'MINOV P.A., KONOVALOV A.A., MURATOVA E.G. The problem of Russian-Caucasian historical interaction in the domestic liberal historiography of the late XVIII – XIX centuries. In: Bylye Gody. – 2017. – № 45 (3). – C. 776–784. (In Russ.).

Информация об авторе

А.А. Журтова – кандидат исторических наук, доцент.

Information about the author

A.A. Zhyrtova – Candidate of Sciences (History), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 20.03.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.06.2025 г.; принята к публикации 27.06.2025 г.

The article was submitted 20.03.2025; approved after reviewing 15.06.2025; accepted for publication 27.06.2025.

Научная статья
УДК 93/94(470.6)
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-2-159-172
EDN: OMYGHO

ОТРАЖЕНИЕ ВОЕННЫХ И РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ 1905 ГОДА НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ «КАВКАЗ»

Зарета Хасанбиевна Соблирова[1], **Лина Ризуановна Гаунова**[2]
[1,2,3] Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, г. Нальчик, Россия
[1] zareta.soblirova@inbox.ru, https://orcid.org/0000-0001-8100-4991
[2] gaunova.lina@mail.ru, https://orcid.org/0009-0000-7651-6466

Аннотация. Статья посвящена изучению редакционной политики газеты «Кавказ» в освещении военных и революционных событий в России в 1905 г. Газета выходила в г. Тифлис и знакомила провинциальных читателей с актуальными общественно-политическими событиями в стране. Анализ публикаций газеты, затрагивающих события Русско-японской войны и революции, показал, что газета «Кавказ» поддерживала внутреннюю и внешнюю политику самодержавия и формировала общественное мнение. Необходимость сохранения мира и спокойствия в кавказском регионе определяли осторожный характер освещения этих событий. Подачу материала отличал идеологический консерватизм, устанавливалась связь неудач на фронтах войны с революционным движением. Общество настраивалось против революции, а поражение в войне с Японией оправдывалось началом внутренних беспорядков. Тем не менее, трагические события 1905 г. поколебали основы самодержавного строя в России и заложили предпосылки для последующих революционных потрясений.

Ключевые слова: периодические издания, газета, Кавказ, редакция, Русско-японская война, Первая русская революция.

Благодарности и финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке Внутреннего гранта КБГУ. Договор № 14 от 09.07.2024.

Для цитирования: Соблирова З.Х., Гаунова Л.Р. Отражение военных и революционных событий 1905 года на страницах газеты «Кавказ» // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 2. – С. 159-172. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-2-159-172. EDN: OMYGHO.

© Соблирова З.Х., Гаунова Л.Р., 2025

Original article

REFLECTION OF MILITARY AND REVOLUTIONARY EVENTS OF 1905 IN THE PAGES OF THE NEWSPAPER «KAVKAZ»

Zareta Kh. Soblirova[1], **Lina R. Gaunova**[2]
[1,2,3] Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia
[1] zareta.soblirova@inbox.ru, https://orcid.org/0000-0001-8100-4991
[2] gaunova.lina@mail.ru, https://orcid.org/0009-0000-7651-6466

Abstract. The article examines the editorial policy of the newspaper «Kavkaz» in covering the military and revolutionary events in Russia in 1905. Published in Tiflis, the newspaper informed provincial readers about current socio-political developments in the country. An analysis of its publications addressing the Russo-Japanese War and the First Russian Revolution reveals that the Kavkaz endorsed the domestic and foreign policies of the autocracy and shaped public opinion in the Caucasus region. The need to maintain peace and stability in the Caucasus dictated a cautious approach to reporting these events. The newspaper's content was marked by ideological conservatism, linking military failures on the military fronts to the revolutionary movement. Society was steered against the revolution, while Russia's defeat in the war with Japan was attributed to internal unrest. These disturbances later weakened the foundations of the autocratic regime in Russia and set the stage for subsequent revolutionary upheavals.

Keywords: periodicals, newspaper, Caucasus, editorial office, Russo-Japanese War, First Russian Revolution.

Acknowledgements and funding: The study was financially supported by an Internal grant from KBSU. Agreement No. 14 dated 07/09/2024.

For citation: Soblirova Z.Kh., Gaunova L.R. Reflection of military and revolutionary events of 1905 in the pages of the newspaper «Kavkaz». IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 2. – P. 159-172. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-2-159-172. EDN: OMYGHO.

© Soblirova Z.Kh., Gaunova L.R., 2025

Введение

9 января 1905 г. в России началась первая в истории страны буржуазно-демократическая революция, а уже в конце месяца революционные события охватили южные регионы империи, стали проходить первые митинги, забастовки, демонстрации. Параллельно разворачивались трагические военные действия на фронтах Русско-японской войны. Российские власти стали активно публиковать сведения об общественном недовольстве в стране на страницах официальных правительственных газет и журналов, чтобы оправдать военные потери началом революционного движения.

Многочисленные газеты и журналы на Кавказе публиковали официальные распоряжения, освещали социально-экономическое, и культурное положение народов Кавказа, их историческое прошлое. Богатый документальный материал печатали частные и официальные газеты и журналы: «Кавказ», «Казбек», «Каспий», «Северный Кавказ», «Терек», «Ставропольские», «Кубанские», «Терские» ведомости и др. Главная заслуга кавказских газет состояла в том, что они собирали и издавали материал о прошлом и настоящем народов Кавказа и этим способствовали развитию кавказоведения [Глашева 2018: 77]. «Местная кавказская печать, – по мнению И.М. Кабалоевой, – отвечала своей направленностью прогрессивным целям, играла большую роль в просвещении и развитии… горских народов. Она поднимала своими публикациями национальное самосознание как передовой части интеллигенции северокавказских народов, так и горцев в целом» [Кабалоева 2006: 19].

В начале XX в. позиции ведущего издания в крае продолжает сохранять газета «Кавказ». Газета была основана в 1846 г. по инициативе наместника М.С. Воронцова и выходила до 1917 г. Она не была первым русским периодическим

изданием на Кавказе, ей предшествовали ранее издававшиеся в Тифлисе: правительственная газета «Тифлисские ведомости» (1828–1832 гг.), выходившая на русском, грузинском, а затем на фарсийском языках и официальный орган «Закавказский вестник» (1836–1856 гг.), который был впоследствии объединен с газетой «Кавказ» [Цинадзе 1979: 23–24]. Слияние произошло в 1867 г. под общим редакторским началом И.А. Сливицкого [Периодическая печать… 1901: 4]. Газета «Кавказ» выходила тиражом 2 300 экз. и имела, для того времени, достаточно широкую читательскую аудиторию.

Дореволюционная периодическая печать Кавказа привлекает внимание исследователей различных направлений. Научные исследования восстанавливают общую картину развития региональной периодической печати в ракурсе политических, экономических и социокультурных изменений [Ахмадулин 2001; Ахмадулин, Станько 2010; Кабалоева 2006]. Отдельные аспекты организационного оформления и деятельности редакторов газеты «Кавказ» получили освещение в ряде научных работ [Лучинский, Осташевский, Болтуц 2021; Махарадзе 1984; Цинадзе 1979; Иванов 2005]. Однако публикации и материалы газеты «Кавказ» в качестве основного исторического источника для изучения трагических событий 1905 г. становятся объектом научного исследования впервые.

Если до конца XIX в. газета знакомила читателей преимущественно с историей и культурой местного населения, публиковала богатый этнографический материал, то в первое десятилетие XX в. на первый план выдвинулись общественно-политические новости.

Высокая политическая активность газеты «Кавказ» связана с деятельностью редакторов А.Ф. Белинского и П.А. Опочинина и приходится на 1905–1907 гг. В этот сложный и противоречивый для региональной прессы период происходит радикализация общественных отношений, формируется система легальных политических партий, активизируются нелегальные, складывается отечественный парламентаризм [Лучинский, Осташевский, Болтуц 2021: 196].

Актуальность данной работы определяется необходимостью исследования информационной и редакционной политики газеты «Кавказ» в деле освещения событий первой русской революции и Русско-японской войны. Периодическая печать на Кавказе являлась важной отраслью информационной и культурно-просветительской деятельности государства, была тесно связана со всеми сферами общественной жизни и формировала национальное и гражданское самосознание. Материалы газеты «Кавказ» выступают в качестве исторического источника при изучении региона, позволяют реконструировать события рассматриваемого периода, отражены в таких областях исторических практик как культурная и интеллектуальная история, история повседневности и др. Цель статьи – исследовать содержание и специфику публикуемых материалов газеты «Кавказ» в освещении заявленных проблем, изучить позицию редколлегии в формировании определенного политического направления на Кавказе.

Источниковую базу исследования составили публикации газеты «Кавказ» за 1905 г. Изучение постоянных рубрик и разделов, а также анализ публикуемых материалов позволили обосновать позицию газеты в освещении официальной государственной политики в сложной общественно-политической ситуации.

Сборники документов и хрестоматии по военной истории были использованы для уточнений фактов и событий, содержащихся в публикациях газеты. В работе применен историко-сравнительный метод, позволивший провести сопоставление двух событий 1905 г. во внешней и внутренней политике государства и выявить их взаимосвязь и взаимовлияние. Проблемно-хронологический метод использован для анализа и последовательного выстраивания публикуемых материалов газеты «Кавказ» в освещении военных и революционных событий в исследуемый период.

Результаты исследования

В ночь на 27 января 1904 г. японские корабли напали на русскую эскадру, стоявшую на внешнем рейде Порт-Артура, и нанесли ей тяжелый урон. Так, началась Русско-японская война, заполыхавшая на северо-востоке Китая, где столкнулись интересы России и Японии. Весь 1904 г. на страницах газеты «Кавказ» активно обсуждались причины и характер Русско-японской войны, подробно освящались военные события, происходившие на фронте (две страницы из четырех содержали информацию о войне). Ежедневно печатались телеграммы главнокомандующего вооруженными силами Дальнего Востока генерал-адъютанта А.Н. Куропаткина на имя Его Императорского Величества с подробными сведениями о положении русской армии.

В непопулярной войне кавказские народы не подлежали обязательному призыву, но желание послужить Российской империи привело к обращению делегаций горцев к Наместнику на Кавказе. Во многих горских селениях Дагестана, Кубани и Терека прошли народные сходы, образованы воинские добровольческие части. Была сформирована Кавказская конная бригада, которая объединила сводный Терско-Кубанский и 2-й Дагестанский конные полки. В нее вошли кабардинцы, черкесы, балкарцы, карачаевцы, осетины, дагестанцы, чеченцы, ингуши. Соединение возглавил генерал-майор князь Г. Орбелиани[1]. Горцы находились в авангарде самых тяжелых боев, совершали молниеносные набеги в тыл японцев, воевали на Янзелинском и Далинском перевалах, показали себя под Мукденом и Ляояном, в других крупных военных операциях русских войск [Опрышко 2007: 437–467].

Осенью 1904 г. японские войска овладели стратегической инициативой. Русские войска несли большие потери и проиграли сражения у р. Ялу, при Цзиньчжоу, Ляояне [Бескровный 1947: 541, 571]. Во встречном сражении у р. Шахе обе стороны перешли к обороне. Обстановка для русской армии осложнилась сдачей генералами А.М. Стесселем и А.В. Фоком главной базы Тихоокеанского флота – Порт-Артура. Попытка русского командования выиграть сражение под Сандепу до подхода 3-й японской армии закончилась неудачно из-за просчетов в применении сил и средств. Затем последовало поражение под Мукденом (февраль-март 1905 г.).

[1] Кравченко В. Кавказцы против самураев // Электронный ресурс. Режим доступа: https://kavtoday.ru/article/8155 (Дата обращения 30.01.2025 г.).

Повествуя о сражениях на фронте, газета «Кавказ» поддерживала внутреннюю и внешнюю политику самодержавия, защищала линию правительства. Крупным шрифтом набирались лозунги о сплочении «общества» вокруг монарха для защиты Отечества. «Не раз Россия несла тяготы войны, поражения и разорения, тем не менее, она жива и могуча. Вся наша история представляет собой борьбу не на жизнь, а на смерть» [Кавказ: 1 января 1905 г. № 1]. Объявление войны Японии 27 января 1904 г. сопровождалось патриотическими манифестациями и сбором денежных пожертвований. Так, дворянство Минской губернии пожертвовало 26 тыс. рублей на нужды войны [Кавказ: 5 января 1905 г. № 4]. 27 апреля в контору газеты «Кавказ» поступило пожертвование от служащих Шушинского реального училища 32 руб. 79 коп., составляющее вычет из жалования на апрель месяц на нужды войны [Кавказ: 27 марта 1905 г. № 81]. С разрешения военного губернатора был образован думский комитет Карской области «по сбору пожертвований в пользу раненных и больных чинов действующей армии на Дальнем Востоке, под председательством Н.А. Самойловой» [Кавказ: 1 марта 1905 г. № 56]. Через редакцию газеты на фронт направлялись вещи и продукты (табак, сахар, мыло, книги, письма с теплыми пожеланиями и т.п.).

Кавказская общественность широко интересовалась событиями, происходившими на фронте. Стремясь удовлетворить запросы читателей, газета подробно освещала трагические события, предшествовавшие падению Порт-Артура (3 мая 1904 г. – 2 января 1905 г.). 8 января 1905 г. было опубликовано официальное обращение Николая II: «Порт-Артур перешел в руки врага. Одиннадцать месяцев длилась борьба за его защиту. Весь мир преклонялся перед доблестью русских солдат» [Кавказ: 8 января 1905 г. № 6].

Часто информация о событиях на фронте перепечатывалась из иностранных газет, т.к. российские газеты не имели собственных корреспондентов в Японии. Так, после сдачи Порт-Артура, они прогнозировали заключение мира России и Японии, поскольку поражение российских войск стало очевидным. Некоторые китайские и английские издания предсказывали новый поворот в войне. Например, газета «Echo de Chine» сообщала о полученных «из верных источников сведениях, о предстоящей блокаде Владивостока» [Кавказ: 21 февраля 1905 г. № 49]. В статье «Поражение армии – поражение народа» сдача Порт-Артура объяснялась «стремлением Японии идти на запад», а «Порт-Артур сдался лишь тогда, когда все силы были истощены, когда все заряды были расстреляны» [Кавказ: 1 января 1905 г. № 1].

Всеми возможными средствами газета «Кавказ» пыталась поддержать патриотическое настроение в обществе. Но события разворачивались не лучшим образом. Поражение под Мукденом было воспринято обществом тяжело. «Новый тяжелый удар оказался едва ли не сильнее всех предыдущих. За отступлением из Мукдена последовало очищение Телина… иностранная печать уже успела осветить кровавую мукденскую эпопею с разных сторон» [Кавказ: 9 марта 1905 г. № 64]. Токийские газеты сообщали о скорой победе в войне. Провал у деревни Сандепу разрушил веру в успех русских войск, которые понесли большие потери. Стали поступать сведения о больших жертвах.

Детально освещались события, связанные с движением эскадры З.П. Рожественского. Однако и это движение завершилось цусимской трагедией (2 мая – 28 мая 1905 г.). «Одним из ближайших последствий Цусимского боя является, прежде всего, увеличение шансов в пользу мира. Толки и предложения о мире перешли с газетных столбцов в кабинеты дипломатов», отмечала газета [Кавказ: 2 июня 1905 г. № 141].

По итогам Русско-японской войны 5 сентября 1905 г. в США был подписан Портсмутский мирный договор. С российской стороны его подписали С.Ю. Витте и Р.Р. Розен, с японской Комура и Такахира. Посредниками выступило правительство США. Подробно освещались события, предшествовавшие заключению мира. 10 июля редакция торжественно сообщала о назначении председателя Совета министров С.Ю. Витте уполномоченным по ведению переговоров с Японий. «Уступки врагу должны быть сделаны, но лишь такие, которые не явились бы новым ударом для русского национального самолюбия» [Кавказ: 10 июля 1905 г. № 171]. При этом все чаще на станицах газеты звучали слова о разочаровании русского общества результатами войны. Обсуждая возможные варианты будущего мира, журналист в статье «Мир достойный и недостойный» писал, что «русское общество в настоящее время заинтересовано не столько ходом военных действий, сколько вопросом о том возможен ли в настоящее время совместимый с достоинством России финал кровопролитной и утомительной борьбы» [Кавказ: 24 июля 1905 г. № 185]. Накануне подписания с Японией Портсмутского мира газета писала: «Неудачная во всех отношениях война завершилась результатом наиболее благоприятным для России. Сахалин, служивший местом для ссылки на каторжные работы, никогда не имел существенного значения для России» [Кавказ: 19 августа 1905 г. № 209]. Звучали надежды на то, что Россия «возможно лет через пять-шесть получит возможность отыграться за Мукден и Ляоян» [Кавказ: 2 июня 1905 г. № 141].

Таким образом, заключение мира рассматривалось как наилучший выход из сложившейся ситуации. Регулярно публиковались заметки в поддержку солдат, воспоминания участников, слова сопереживания. Рубрика «Война с Японией» продолжала выходить до 22 сентября, т.е. и после подписания мира. Редакция знакомила читателей с реакцией русских солдат и офицеров на заключение мира, переброске военных частей на постоянные места дислокации, финансовые затраты на войну, детали подписания Портсмутского мира и др.

Поражения на фронте сопровождались ростом общественного недовольства и революционными выступлениями внутри страны. В отличие от либеральных и демократических столичных изданий, газета «Кавказ» очень осторожно освещала эти события. 11 января 1905 г. на первой полосе в официальных известиях из Петербурга сообщалось о трагических событиях 9 января. «Возбуждаемые священником Гапоном рабочие Путиловского завода 2 января прекратили работы, предъявили требования об изменении порядка назначения расценок на все виды работ и увольнения рабочих… Требования рабочих приведены – 8 часовой рабочий день, об участии рабочих организаций в разрешении споров между рабочими и хозяевами и т.п. …Хозяева признали, что удовлетворение требований рабочих приведет к падению русской промышленности… К агитации рабочих

присоединилось подстрекательство подпольных революционных кружков… Преступная агитация злонамеренных лиц возбудили рабочих настолько, что они 9-го января огромными толпами стали направляться к центру города. Войска вынуждены были произвести залпы» [Кавказ: 11 января 1905 г. № 9]. Здесь же приводится заметка о покушении на Московского губернатора генерал-майора Д.О. Трепова.

В следующем номере нет никаких сведений о событиях в Петербурге, не было сказано и о том, что революционные беспорядки охватили другие заводы и фабрики. Только 13 января редакция отмечает, что беспорядков в Петербурге не было, но количество пострадавших велико: убитых – 96, раненных – 333 [Кавказ: 13 января 1905 г. № 10]. Такая подача материала о начале революции, дает основание утверждать, что информация о кровавых событиях была преднамеренно скрыта от читателей. Сведения о распространении революционного движения за пределами столицы не попадали на страницы газеты весь январь.

«Тяжелое, печальное время переживает теперь Россия. Извне ей угрожает меч врага, а внутри за последнее время стали разыгрываться одно за другим прискорбные события в разных местах. Казалось бы, следуя заветам предков, вся Россия должна… встать на защиту Отечества и отложить в сторону все свои внутренние небольшие вопросы. Но нашлись люди, которые интересы своей немногочисленной кучки решили противопоставить интересам всего государства. Неужели разумно порядка добиваться беспорядками?» [Кавказ: 31 января 1905 г. № 29].

Между тем, революционные события охватили значительную часть страны, в том числе и Кавказ. Перепечатки из других изданий содержали разрозненные сведения о недовольствах рабочих в регионах страны, в том числе и о начале волнений в Тифлисе.

«…Забастовки распространились среди резников бойни, а 25 января началась забастовка среди фармацевтов и аптекарских учеников... 24 января разошлись низшие служащие, мастеровые и рабочие батумского железнодорожного депо, в Тквибули рабочие камнеугольных депо, носильщики и грузчики, в Елизаветполе более 200 чел., ...26 января забастовка распространилась в Чиатуры, 28 января – в Квирилах забастовщики намеревались устроить манифестацию, но при начале шествия по улицам, полицейские стражники произвели два выстрела и толпа разбежалась. С 26 января возобновились забастовки в типографии в Баку, 28 января к ним присоединились рабочие заводов. Убит старший городовой Кондратьевич. Беспорядки в Кутаиси. Задержано 40 человек» [Кавказ: 30 января 1905 г. № 28].

Скрывать информацию редакция уже не могла.

Усмирением митингующих занималась местная полиция и казаки. Большие надежды на усмирение демонстрантов и восстановление порядка возлагались на армию. Под заголовком «Освободительное движение и армия» в газете 9 декабря 1905 г. напечатана статья в поддержку армии:

«Русская армия, вышедшая из недр народа, национальна. Она должна, оставаясь верной долгу присяги, служить беспристрастной опорой закона и порядка. Она должна стать главной защитницей государственной самостоятельности свободного народа». Осуждались попытки вовлечь армию в революционное движение. «Зачем же клеймить позорным клеймом тех, кто

является выразителем народной мощи? Зачем призывать к вооруженному восстанию войска? Ведь армия, ставшая на путь активной политики, социальной борьбы классов и других перипетий современной общественной жизни, неминуемо явится опасной организацией, сплоченной силой, диктующей государству свои условия» [Кавказ: 9 декабря 1905 г. № 304].

Уже в начале февраля 1905 г. редакция сообщала, что большая часть забастовок рабочих прекращены, возобновлены работы на большинстве фабрик, заводов, типографий. Сообщалось, что министр финансов Российской империи В.Н. Коковцов на собрании петербургских фабрикантов и заводчиков 27 и 28 января уведомил о возможности удовлетворения предъявленных рабочими требований. Это привело к некоторому успокоению, которое, оказалось, временным.

19 января было опубликовано официальное обращение Николая II к народу. По этому поводу газета писала:

«…законодательные слова… вносят совершенную определенность в нынешнее положение рабочего вопроса в России. Один уже факт непосредственного обращения Царя к депутации рабочих свидетельствует, что будет сделано всё.… Следует рабочим запастись благоразумием и спокойно ожидать результатов» расследования событий 9 января 1905 г. [Кавказ: 11 февраля 1905 г. № 39].

6 февраля 1905 г. газета «Кавказ» сообщила об убийстве московского генерал-губернатора Великого князя Сергея Александровича бомбой, брошенной в экипаж [Кавказ: 6 февраля 1905 г. № 34]. Это вызвало волну возмущения. Редакция не могла обойти вниманием и беспорядки, которые начались в Баку в феврале 1905 г. на почве межнациональных разногласий между армянами и азербайджанцами. Рубрика «Кавказская хроника» из номера в номер освещала кровавые столкновения между армянами и мусульманами на бакинских улицах. Бакинский губернатор М.А. Накашидзе подробно изложил информацию о событиях, которые произошли 6–9 февраля, печатались рассказы очевидцев (Б. Ровняков) [Кавказ: 16 февраля 1905 г. № 44]. Причинами беспорядков редакция называла экономическое неравенство и культурную отсталость населения – «в глубине невежества народных масс и лежит источник великих бед» [Кавказ: 16 февраля 1905 г. № 44]. «В то время, когда цвет России кладет головы в борьбе за честь родины, внутри ее возрастает смута, брат идет на брата и опять кровь, кровь» [Кавказ: 22 февраля 1905 г. № 50]. 18 февраля в Баку было введено военное положение. От специального корреспондента в Баку Г. Павлова поступила информация о мерах, принимаемых властями для успокоения положения в городе. Необходимо отметить, что в газете не обсуждались истинные причины беспорядков, замалчивалась позиция администрации и бездействие полиции и властей.

19 февраля опубликован Манифест Николая II, в котором осуждались беспорядки в стране:

«…ослепленные гордыней, злоумышленные вожди мятежного движения посягают на освященные православной церковью устои Государства Российского. Мы призываем благомыслящих людей… противодействовать смуте внутренней» [Кавказ: 19 февраля 1905 г. № 47].

Важное значение для наведения порядка на Кавказе имело назначение нового Наместника. Как показала практика, ликвидация Кавказского наместничества 22 ноября 1881 г., вместо которого была образована Кавказская администрация во главе с Главноначальствующим гражданской часть, привела к обострению национального, конфессионального, социального, политического вопросов в крае. В связи с этим в начале 1905 г. был освобожден от занимаемой должности Григорий Сергеевич Голицын, который был на этом посту с 1896 г.

3 января газета «Кавказ» опубликовала официальную телеграмму Николая II, в которой объявлялась благодарность чиновнику, который во многом был повинен в происходящих беспорядках в регионе.

«Со свойственной вам настойчивостью и прямотой вы неустанно трудились на поприще высшего управления обширной кавказской окраиной, стремясь к упрочению в ней порядка, гражданственности и к теснейшему объединению с империей. Утомление от 8-летних напряженных занятий побудило вас ныне просить об освобождении от занимаемых на Кавказе должностей» [Кавказ: 3 января 1905 г. № 2].

В первых числах марта газета известила читателей о том, что 26 февраля 1905 г. новым Наместником Кавказа назначен граф Илларион Иванович Воронцов-Дашков. В своем поздравлении Николай II писал: «Основным принципом русской государственной политики по отношению к Кавказу всегда являлось развитие в этом крае мира, благосостояния и порядка на основах тесного единения с остальными частями нашего отчества» [Кавказ: 3 марта 1905 г. № 58], а его помощником/заместителем был назначен потомок крымских ханов Н.А. Султан-Крым-Гирей [Кавказ: 27 марта 1905 г. № 81].

Газета «Кавказ» подробно освещала работу Наместника. Несколько номеров подряд анонсировался приезд И.И. Воронцова-Дашкова, а 9 мая состоялся его торжественный въезд в Тифлис. Этому событию была посвящена организованная властями города патриотическая манифестация рабочих.

«Большие волнения, непорядки, забастовки, кровавые расправы… заставили лучшую часть рабочих подумать о своей сплоченности, чтобы иметь возможность грубой силе вожаков забастовок противопоставить объединенную силу честных тружеников», писал корреспондент газеты «Кавказ» [Кавказ: 12 мая 1905 г. № 121].

К началу лета все крупные города страны были охвачены революционными потрясениями. О беспорядках газета не сообщала. Приводились только официальные данные из Петербурга о создании различных комиссий для восстановления общественного порядка (Комиссия по выяснению причин недовольства рабочих для изыскания мер к устранению, Комиссия для обсуждения мер упорядочения быта и положения рабочих и др.).

Но самой важной политической новостью стал «Указ о созыве Государственной Думы и проведении выборов». 8 августа был напечатан документ «Об учреждении «Булыгинской» Государственной думы» и «Приложение о выборах в государственную думу» [Кавказ: 8 августа 1905 г. № 199, Кавказ 9 августа 1905 г. № 200]. Новый Указ был встречен с большими надеждами, т.к. провинциальная

общественность была настроена на либерализацию политической жизни. «Это целый переворот в русском законодательстве, знаменующий собой начало новой светлой эры в русской истории. Удовлетворению назревших потребностей призвана служить Государственная Дума», звучало со страниц газеты [Кавказ: 9 августа 1905 г. № 200]. Публиковалась информация о принципах проведения выборов, о представительстве, о возможных вариантах решения агарного вопроса и др. Но редакция избегала тем, связанных с рабочим и революционным движением, столкновениях полиции и демонстрантов. В сентябрьских номерах газеты сведений о них не выявлено. Но октябрь ознаменовался новым витком рабочего и революционного движения. Новости о «возмущениях» в стране распространялись стремительно и скрывать их газета уже не могла.

В октябрьских выпусках сообщалось о забастовках рабочих типографий в Москве, выступлениях рабочих хлебопекарен – «брожение, благодаря усилиям местных революционных групп, намеревающихся использовать начавшееся рабочее движение с целью устройства всеобщей забастовки, распространилось на другие производства», констатировала газета [Кавказ: 1 октября 1905 г. № 250]. Волновались тысячи рабочих Кавказского края. Сообщалось о забастовках мастеровых и рабочих технического завода Эйзеншмидта в Черном городе, забастовке вагоновожатых электрического трамвая во Владикавказе и др. [Кавказ: 15 октября 1905 г. № 263]. В Тифлисе 14 октября началась всеобщая забастовка рабочих и служащих в торгово-промышленных учреждениях, начались беспорядки в кадетском корпусе, опубликован длинный список убитых в столкновении с полицией и войсками [Кавказ: 25 октября 1905 г. № 264].

В отличие от других крупных промышленных центров, на Кавказе царская администрация не опасалась всеобщей рабочей стачки ввиду небольшого числа заводов и фабрик в крае и рабочих на них, но беспорядки могли поднять более серьезные проблемы, связанные с социальными противоречиями, межэтническими и национальными конфликтами. По мнению редакции, этого нельзя было допускать, поэтому публикуемый материал призывал к благоразумию и спокойствию. 14 октября сообщалось о том, что наш «земляк», граф С.Ю. Витте принимал у себя депутатов железнодорожных служащих и в заключение он «дал совет довериться правительству и прекратить забастовку, дальнейшее продолжение которой представляет громадную опасность. Стачка направлена против правительства, но страдает все население» [Кавказ: 14 октября 1905 г. № 262]. Публиковались заметки о том, что император Николай II регулярно получал письма с выражением верности правительству и самодержцу.

В статье «Среди мятежников» редакция газеты «Кавказ» главной причиной крестьянских погромов называет «подстрекательства социал-демократической партией, которая нашла для себя готовую почву для возбуждения брожения среди крестьян» [Кавказ: 12 апреля 1905 г. № 94]. Наиболее масштабные волнения крестьян были зафиксированы в Гурии, где главной причиной недовольства оставался вопрос малоземелья.

В Тифлисской губернии крестьянские выступления отмечены в селениях – Татанис, Шалошети, Курбага-оглы, Хеот, Циоргицминда и др. Беспорядки выразились в самовольной вырубке леса, в захвате помещичьих земель и их распашке,

в самовольном выгоне скота на их поля, в изгнании помещиков и их управляющих из имений. Начавшиеся беспорядки были остановлены при помощи казаков и стражников [Кавказ: 16 мая 1905 г. № 125].

На фоне этих событий с большими надеждами на перемены в обществе был встречен Манифест Николая II 17 октября. Номера газеты «Кавказ» за 15–24 октября 1905 г. в Российской государственной библиотеке отсутствуют, что, возможно, связано с остановкой работы редакции в кульминационный момент первой российской революции, или нарушением транспортной связи в государстве. 25 октября было опубликовано официальное обращение Наместника к жителям края И.И. Воронцова-Дашкова:

«В виду объявленного населению Кавказа Высочайшего Государя Императора Манифеста, являющегося историческим актом, приглашаю население края, в интересах действительного осуществления гражданской свободы, ныне являющейся основным законом империи, обратиться к мирным занятиям.… Я уверен, что значительная часть населения Кавказского края поняла и оценила ту великую реформу, которая произведена в управлении государством Манифестом 17-го октября»» [Кавказ: 25 октября 1905 г. № 264].

Последующие номера газеты наполнены восхвалением Манифеста от 17-го октября, который назван «Золотой грамотой».

«День 27 октября 1905 года будет отнесён историей к числу таких драгоценных дней, воспоминание о которых гордостью и счастьем наполняет всех… событие колоссальное… участие народа в государственной деятельности и государственном творчестве» [Кавказ: 26 октября 1905 г. № 265].

С.Ю. Витте, отправляя в редакцию газет по телеграфу текст Манифеста, сопроводил его словами: «В виду крайне тревожного времени для того, чтобы произвести обещанные Манифестом реформы, необходимо успокоение общества» [Кавказ: 26 октября 1905 г. № 265]. Газета сопроводила его обращение комментарием:

«Он не как официальное лицо, а как русский человек обращается к представителям русской прессы с просьбой помочь ему в тяжелой задаче, возложенной на него прося помощи в деле успокоения взволнованных умов русских людей» [Кавказ: 26 октября 1905 г. № 265].

30 октября в газете было опубликовано обращение Николая II к народу:

«Призываем всех верных сынов России вспомнить долг перед родиной и помочь прекращению сей неслыханной смуты вместе с нами напрячь все силы к восстановлению тишины и мира на родной земле» [Кавказ: 30 октября 1905 г. № 269].

Подборка редакционных сообщений наглядно свидетельствует, что ведущая газета региона всеми силами настраивала общество против революционных сил, осуждала террор, забастовки, стачки, крестьянские выступления. 30 ноября в статье «Революция начинается или кончается?» редакция газеты «Кавказ»

констатировала, что революция в России завершена [Кавказ: 30 ноября 1905 г. № 295].

Выводы

Таким образом, анализ публикаций газеты «Кавказ» за 1905 г. позволил восстановить хронологию событий, связанных с двумя важнейшими историческими событиями начала XX века – Русско-японской войны и Первой русской революции, серьезно изменившим международный и политический ландшафт в России. Несмотря на официально-охранительное направление, которого придерживалась редакция в это время, публикации газеты могут быть применены в качестве исторического источника. Каждый номер газеты акцентирует внимание на двух событиях 1905 года: войне и революции. Необходимость сохранения мира и спокойствия в кавказском регионе определяли осторожный характер освещения этих событий на страницах газеты «Кавказ». Общественные протесты могли здесь усилить застарелые противоречия, связанные с недостатками модернизации кавказского традиционного общества 60–70-х годов XIX в., продолжающейся «русификацией» края, национальными и межэтническими проблемами. Политические и социальные взгляды редактора играли основополагающую роль в освещении и анализе трагичных событий края.

Как и большинство изданий рассматриваемого периода, газета «Кавказ» стремилась публиковать актуальную для того времени информацию о происходящих в России и за ее пределами событиях. Но подачу материала отличал идеологический консерватизм редактора, усматривавший неразрывную связь неудач на фронтах войны с революционным движением и убеждавший читательскую аудиторию в том, что причиной поражения в войне стало революционное движение.

«Самодостаточность государства требует того, чтобы государственная власть была суверенной. Вся полнота власти должна принадлежать лицу или учреждению, стоящему во главе государства, потому что без такой власти, существование государства не обеспечено», звучало со страниц «Кавказа» [Кавказ: 7 декабря 1905 г. № 302].

Газета «Кавказ» поддерживала внутреннюю и внешнюю политику самодержавия и видела своей важной задачей сохранение основ российского государства. Тем не менее, никакие идеологические прикрытия и восхваления не могли скрыть того факта, что трагические события 1905 г. поколебали основы самодержавного строя в России и заложили предпосылки для последующих революционных потрясений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Ахмадулин 2001 – *Ахмадулин Е.В.* Пресса политических партий России начала XX века: Издания либералов. – Ростов н/Д.: Ростиздат, 2001. – 176 с.

Ахмадулин, Станько 2010 – *Ахмадулин Е.В., Станько А.И.* Региональная печать Дона и Северного Кавказа. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2010. – 372 с.

Бескровный 1947 – *Бескровный Л.Г.* Хрестоматия по русской военной истории. – М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1947. – 640 с.

Глашева 2018 – *Глашева З.Ж.* Периодическая печать Кавказа как инструмент проведения правительственных реформ: история создания и развития // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – № 4 (84). – 2018. – С. 74–79.

Иванов 2005 – *Иванов К.В.* Редактор газеты «Кавказ» В.В. Стратонов (1910–1911). // Книжное дело на Северном Кавказе: история и современность. Сборник статей. Вып.3. – Краснодар: КГУКИ, 2005. – С. 88–133.

Кабалоева 2006 – *Кабалоева И.М.* Отражение вопросов просвещения, воспитания и образования горцев в периодической печати Северного Кавказа в XIX – начале XX веков: дисс. канд. педагогич. наук. –Владикавказ, 2006. – 159 с.

Кавказ – Газета «Кавказ».

Лучинский, Осташевский, Болтуц 2021 – *Лучинский Ю.В., Осташевский А.В., Болтуц О.А.* Редакторский корпус газеты «Кавказ» в первое десятилетие XX века: трансформация информационной политики // Известия ЮФУ. Филол. науки. – 2021. – № 4. – С. 194–206.

Махарадзе 1984 – *Махарадзе Н.А.* Русская газета на Кавказе в 40–50-е гг. XIX в («Закавказский вестник» и «Кавказ» в 1845–1856 гг.). – Тбилиси: Издательство Тбилисского университета, 1984. – 233 с.

Опрышко 2007 – *Опрышко О.Л.* По тропам истории. Через века и судьбы. Всадники и легенды. – Нальчик: Эльбрус, 2007. – 672 с.

Периодическая печать… 1901 – Периодическая печать на Кавказе. – Тифлис. Электропечатня груз. Изд. Т-ва. Большая Ванкская ул., 1901. – 51 с.

Цинадзе 1979 – *Цинадзе А.И.* Вопросы истории Грузии на страницах газеты «Кавказ (1846–1881)». дис.… канд. истор. наук. – Тбилиси, 1979. – 167 с.

REFERENCES

AKHMADULIN E.V. *Pressa politicheskikh partii Rossii nachala XX veka: Izdaniya liberalov* [The Press of Political Parties of Russia in the Early 20th Century: Liberal Publications]. – Rostov n/D.: Rostizdat, 2001. – 176 p. (In Russ.).

AKHMADULIN E.V., STAN'KO A.I. *Regional'naya pechat' Dona i Severnogo Kavkaza* [Regional press of the Don and the North Caucasus]. – Rostov n/D.: Izd-vo YuFU, 2010. – 372 p. (In Russ.).

BESKROVNYI L.G. *Khrestomatiya po russkoi voennoi istorii* [Anthology of Russian military history]. – M.: Voennoe izdatel'stvo Ministerstva oborony SSSR, 1947. – 640 p. (In Russ.).

Gazeta «Kavkaz» [The newspaper "Kavkaz"]. (In Russ.).

GLASHEVA Z.ZH. *Periodicheskaya pechat' Kavkaza kak instrument provedeniya pravitel'stvennykh reform: istoriya sozdaniya i razvitiya* [Periodical press of the Caucasus as a tool for conducting government reforms: history of creation and development]. In: Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN – № 4 (84). – 2018. – P. 74–79. (In Russ.).

IVANOV K.V. *Redaktor gazety «Kavkaz» V.V. Stratonov (1910–1911)* [Editor of the newspaper "Kavkaz" V.V. Stratonov (1910–1911)]. In: Knizhnoe delo na Severnom Kavkaze: istoriya i sovremennost'. Sbornik statei. Vyp.3. – Krasnodar: KGUKI, 2005. – P. 88–133. (In Russ.).

KABALOEVA I.M. *Otrazhenie voprosov prosveshcheniya, vospitaniya i obrazovaniya gortsev v periodicheskoi pechati Severnogo Kavkaza v XIX – nachale XX vekov* [Reflection of issues of education, upbringing and training of highlanders in the periodical press of the North Caucasus in the 19th – early 20th centuries]. diss. kand. pedagogich. nauk. – Vladikavkaz, 2006. – 159 p. (In Russ.).

LUCHINSKII YU.V., OSTASHEVSKII A.V., BOLTUTS O.A. *Redaktorskii korpus gazety «Kavkaz» v pervoe desyatiletie KhKh veka: transformatsiya informatsionnoi politiki* [The editorial corps of the newspaper «Kavkaz» in the first decade of the twentieth century: transformation of information policy]. // Izvestiya YuFU. Filol. nauki. – 2021. – № 4. – P. 194–206. (In Russ.).

MAKHARADZE N.A. *Russkaya gazeta na Kavkaze v 40–50-e gg. XIX v («Zakavkazskii vestnik» i «Kavkaz» v 1845–1856 gg.)* [Russian newspaper in the Caucasus in the 1840s–50s (Transcaucasian Herald and Caucasus in 1845–1856)]. – Tbilisi: Izdatel'stvo Tbilisskogo universiteta, 1984. – 233 p. (In Russ.).

OPRYSHKO O.L. *Po tropam istorii. Cherez veka i sud'by. Vsadniki i legendy* [Along the paths of history. Through centuries and destinies. Riders and legends]. – Nal'chik: El'brus, 2007. – 672 p. (In Russ.).

Periodicheskaya pechat' na Kavkaze [Periodical press in the Caucasus]. – Tiflis. Elektropechatnya gruz. Izd. T-va. Bol'shaya Vankskaya ul., 1901. – 51 p. (In Russ.).

TSINADZE A.I. V*oprosy istorii Gruzii na stranitsakh gazety «Kavkaz (1846–1881)»* [Questions of Georgian history on the pages of the newspaper «Kavkaz» (1846–1881)]. diss.… kand. istor. nauk. – Tbilisi, 1979. – 167 p. (In Russ.).

Информация об авторах

З.Х. Соблирова – кандидат исторических наук, доцент.

Л.Х. Гаунова – аспирант.

Information about the author

Z.H. Soblirova – Candidate of Sciences (History), Associate Professor.

L.H. Gaunova – postgraduate student.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.03.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.06.2025 г.; принята к публикации 27.06.2025 г.

The article was submitted 13.03.2025; approved after reviewing 15.06.2025; accepted for publication 27.06.2025.

Научная статья
УДК 392.51+396.6
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-2-173-188
EDN: PDLNRK

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СЕМЕЙНО-БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ИНГУШСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Ася Магомедовна Гетагазова
Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук, Нальчик, Россия, getagazova2013@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-0043-5525

Аннотация: В статье рассматриваются некоторые исторические и современные особенности семейно-брачных отношений в ингушском обществе на примере многоженства с момента первых свидетельств о фактах полигамии в народе в XIX – начале XXI в. Целью данного исследования является рассмотрение практик многоженства в исторической динамике. В задачи исследования входил поиск источников, дающих ответы на такие вопросы: в какой период фиксируются практики многоженства; как политика государства влияла на бытование полигамии на различных этапах ее существования; как относятся к практике полигамных браков современные мужчины и женщины ингушской национальности разных возрастов; какова причинно-следственная связь вступления современных ингушей в полигамные браки?

Для комплексного исследования поставленной проблемы автор использовал следующие научные методы исследования: историко-сравнительный, метод тематического интервью, глубинного интервью, а также метод наблюдения.

Сбор полевого материала проводился автором с 2022 по 2024 гг. в различных населенных пунктах Республики Ингушетия – городах Магас, Назрань, Сунжа, Карабулак, а также сельских поселениях Долаково, Экажево, Плиево, Сурхахи, Галашки, Средние Ачалуки и Бейни. В качестве респондентов выступали мужчины и женщины ингушской национальности в возрасте от 25 лет и старше. Все опрошенные имели среднее или высшее образование, различный социальный статус, от безработных до достаточно успешных предпринимателей.

На основании анализа эмпирических данных, полученных в ходе подготовки материала, было установлено, что, несмотря на процессы урбанизации, модернизации культуры, а также реисламизацию общества последних лет, полигамия отчасти сохранилась в ингушском социуме. Исследование показало, что многоженство в некоторых формах сохраняется и в современном обществе, но с течением времени изменилась мотивация молодоженов-ингушей, вступающих в полигамные браки, а также отношение к этому явлению в обществе.

Ключевые слова: ингуши, полигамия, многоженство, «старшая» жена, «первая» жена, «младшая» жена, «вторая» жена.

Для цитирования: Гетагазова А.М. Некоторые особенности семейно-брачных отношений в ингушском обществе: история и современность // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 2. – С. 173-188. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-2-173-188. EDN: PDLNRK.

© Гетагазова А.М., 2025

Original article

SOME FEATURES OF FAMILY AND MARRIAGE RELATIONS IN THE INGUSH SOCIETY: HISTORY AND MODERNITY

Asya M. Getagazova
Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, getagazova2013@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-0043-5525

Abstract: The article deals with the practice of polygamy among the Ingush people in the historical dynamics from the first evidence in the early XIX to the XXI century. The tasks of the author's research include finding answers to questions such as: how much more or less common has polygyny become in the Ingush community when comparing the experience of the past (XIX century) to the present? How is the practice of creating polygamous marriages by men and women of Ingush nationality of different ages and varying degrees of education treated by people living in different areas: cities and villages? What are the causal relationships for Ingush newlyweds in polygamous marriages?

The author also aimed to include information about the modern practices of forming polygamous families among the Ingush people in the scientific discourse and to explore the perception of the phenomenon of polygamy by representatives of the nation.

To comprehensively address the claimed topic, the author employed various scientific research methods: historical and comparative methods, thematic interviews, in-depth interviews, and the method of observation.

Based on the analysis of empirical data collected while preparing the material, the author demonstrates that, despite the processes of urbanization, modernization of culture, and recent re-Islamization of society, the culture and traditions of the Ingush people remain strongly influenced. Overall, polygamy has retained its presence in Ingush society. The study shows that the motivations of Ingush newlyweds entering into polygamous marriages have changed over time.

The author collected field material from 2022 to 2024 in various settlements of the Republic of Ingushetia, including the cities of Magas, Nazran, Sunzha, and Karabulak, as well as the rural settlements of Dolakovo, Ekazhevo, Plievo, Surkhakhi, Galashki, Sredni Achaluki, and Beini. The respondents were men and women of Ingush nationality aged 25 years and older. All respondents had secondary or higher education and varied social status, including unemployed individuals, entrepreneurs, and specialists in various fields.

Keywords: Ingushi, Polygamy, Polygamy, "Older" wife, "The First Wife, "Younger" wife, "The Second Wife.

For citation: Getagazova A.M. Some features of family and marriage relations in the Ingush society: history and modernity. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 2. – P. 173-188. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-2-173-188. EDN: PDLNRK.

© Getagazova A.M., 2025

Введение

Полигамия – одно из самых дискуссионных социальных явлений во всем мире и в тех или иных проявлениях встречается в разных странах и регионах. Принято считать, что чаще всего явление полигамии как формы брака встречается у народностей, исповедующих мусульманскую религию. В России заключение двойного, тройного и четверного неформального религиозного брака чаще всего встречается на Кавказе и в Татарстане среди народностей, придерживающихся правил мусульманской веры.

В данной статье мы рассмотрим явление полигамии в ингушском обществе в историческом контексте и в условиях трансформации практик заключения полигамных брачных союзов в современности.

В рамках данного исследования автор не ставил перед собой цель провести сравнительный анализ с соседними регионами, где также иногда встречается полигамия. Эта тема является недостаточно изученной и требует проведения дополнительных исследований и сбора полевых материалов. Географические рамки данного исследования охватывают территорию Республики Ингушетии.

Обращаясь к терминологии полигамии, отметим, что она подразделяется на два вида – полигиния (многоженство) и полиандрия (многомужество). В истории ингушского народа встречались лишь случаи полигинии. В тексте данного исследования термин полигамия применялся в контексте обозначения формы брачного союза – полигиния.

Исследованием данной темы в разные исторические периоды занимались видные ученые-этнографы Л.Т. Агиева [Агиева 2011], П.Х. Акиева [Акиева 2014], М.С-Г. Албогачиева [Албогачиева 2021], Б.К. Далгат [Далгат 2008], З.М-Т. Дзарахова [Дзарахова 2021], Ф.И. Кудусова [Кудусова 1991], Б. М-Г. Харсиев [Харсиев 1993] и др. Свои исследования вопросам гендерных взаимоотношений и половой стратификации посвящали многие зарубежные ученые прошлого и современности, в частности, Д.С. Милль [Милль 1869], И. Берлин [Берлин 1992], Дж. Батлер [Батлер 2022] и др. В то же время сведений о современных практиках полигинии у ингушей и его восприятии представителями ингушского общества в научных источниках почти нет, чем и обуславливается актуальность данного исследования.

Исторический дискурс о многоженстве

В жизни ингушского народа такое явление как полигиния известно из письменных источников достаточно давно. Например, Б.К. Далгат обратил внимание на то, что многоженство встречалось в ингушском обществе еще до принятия ислама [Далгат 2008: 162]. Однако, по данным исследователей, обращавшихся к этой теме, браки чаще всего бывали моногамными, а многоженство в восприятии представителей этого народа издавна несло в себе оттенок болезненного, противоречивого чувства.

Ориентированные на деторождение и, более того, на рождение сыновей, в случаях бездетности жены или рождения одних девочек некоторые ингуши рассматривали полигамный брак как крайнюю меру, вызванную жизненной в народном понимании необходимостью, почему и прибегали к такой форме семейных отношений не часто. «Благополучие семьи определяется не только материальными благами, но и наличием в семье детей мужского пола – къянк (инг. мальчик)» [Албогачиева 2012: 207]. В сыне ингуши испокон веков видели продолжателя рода, наследника имущества, будущего хозяина дома и опору в старости [Гетагазова 2022: 35].

Б.К. Далгат описывал, что в прошлом в полигамных семьях часто происходили ссоры и разлады. Кроме того, ингушские мужья-многоженцы выражали обеспокоенность дороговизной содержания нескольких жен, бесконечно

соперничавших между собой: «…если они (2 жены) ссорятся, то муж берет еще третью жену, «чтобы поставить ее поперек между ними», говорят ингуши, и таким образом иногда действительно устанавливается дома мир» [Далгат 2008: 157].

Что касается бытовых нюансов многоженства среди ингушей в прошлом, известно, что ингушский мужчина (в основном это были состоятельные семьи) мог позволить себе одновременно быть женатым на четырех женщинах. Причинами создания полигамных семей были, чаще всего, либо бездетность жены или мужа (когда муж не признавал этого), отсутствие сыновей, либо желание родителей девушки удачно «пристроить» дочь. Жены поселялись в разных комнатах, но кухня была общая. При этом первая жена, вне зависимости от возраста, считалась старшей и более почитаемой среди жен. «Младшие» жены слушались ее в вопросах ведения домашних дел и решении бытовых задач.

Л.Т. Агиева отмечала, что в прошлом в полигамных браках дети от всех жен воспитывались в одном дворе. Их матери демонстрировали дружбу и согласие во взаимоотношениях между собой, тем самым выказывая глубокое уважение к мужу. По мнению Л.Т. Агиевой, полигамные семьи существовали по причинам материальной заинтересованности со стороны девушек и их родителей, а также заинтересованности в многочисленном мужском потомстве со стороны мужчин [Агиева 2011: 598].

Проявлять непокорность или упрекать мужа за многоженство ни одна из жен или ее родственников, в соответствии с ингушскими этикетными нормами, не имели права [Дзарахова 2021: 240].

Ф.И. Кудусова отмечала, что ингушки пребывали в постоянном страхе быть оставленными мужьями, а также опасались по поводу привода в дом мужем новой жены (инг. «энгир йоалаяр»). Такое внутренне состояние формировало в ингушках угодническое поведение и стремление угождать мужьям и их членам семьи. Иногда в стремлении сохранить свой статус уважаемой и мудрой женщины, некоторые бездетные ингушки могли способствовать новому браку своего мужа, выступая в роли свахи. В народе считалось, что женщина, которая ставила интересы супруга и его рода выше собственных, заслуживает особого почета и уважения [Кудусова 1991: 30].

Как видно, в условиях патриархата, тесного социального взаимодействия и общественного давления, свойственного ингушскому обществу в прошлые времена желание женщины-ингушки сохранить «лицо», отражалось в её согласии быть участницей привода в семью еще одной жены для мужа. Противиться социальным установкам в традиционном ингушском обществе было характерно для немногих женщин. Большей части ингушских женщин было проще сохранять смиренность, бессловесность и покладистость, нежели подвергнуться критике со стороны общества.

После Октябрьской революции 1917 г. под влиянием новых законов, регулировавших жизнь народов, населяющих РСФСР, многоженство стало трактоваться как пережиток родового быта, как преступление, за которое предусматривалось наказание в ст. 235 Уголовного Кодекса РСФСР (УК РСФСР «О преступлениях, составляющих пережитки родового быта» (многоженство, принуждение девушек к вступлению в брак, вступление в брак с малолетним). Нарушение

закона могло привести к наказанию – назначению судом меры пресечения в виде лишения свободы на 1 год, либо выполнения принудительных работ сроком до 1 года или уплаты штрафа до 1000 рублей.

Однако в действительности были и отступления от правовой нормы. М.С-Г. Албогачиева писала: «По официальной статистике, в 1926 г. по всей Ингушетии на 100 женатых мужчин приходилось 111 замужних женщин» [Албогачиева 2021: 163]. Это говорит о том, что многоженство иногда встречалось, но массовым явлением не было. При этом, советской властью «с 1927 г. проводились мероприятия по изживанию экономического и правового неравенства женщин, в частности, мероприятия по «борьбе с многоженством, калымом, умыканием женщин, ранним замужеством, выдачей молодых девушек за стариков против их желания» [Харсиев 2015: 95].

Далее в годы депортации ингушей с территории Чечено-Ингушской АССР в Казахскую и Киргизскую ССР (а также частично в Узбекскую и Таджикскую ССР), осуществлённой Советским Союзом в 1944 г. и продолжавшейся до момента восстановления Чечено-Ингушская АССР в 1957 г., когда, по оценкам Д.М. Эдиева, потери ингушей от депортации составили 20 284 ингуша (21,27 % от числа депортированных), полигамные браки вновь стали представлять собой одну из форм организации бытовой жизни и были сопряжены с необходимостью представителей народа, переживавшего тяжелейшие времена, буквально сохранить жизнь [Эдиев 2003: 102]. Полигамия в те годы являлась неофициальной формой брака, заключавшегося в целях ведения мужчинами и женщинами общего хозяйства и совместного поиска пропитания. Об этом свидетельствует история нашего респондента о случае создания полигамной семьи ингушами, проживавшими в Казахстане примерно в 1950-е годы. Так, его бабушка рассказывала ей историю об одной ингушской семье, в которой у мужчины было три жены. Одна из них очень болела, а другие две ухаживали за ней и занимались всеми хлопотами по быту, а также воспитанием детей. В те годы многие женщины оставались без кормильцев, и едва ли не единственной возможностью выжить было вступление в брак в качестве «второй», «третьей» и т.д. женой [ПМА. № 1].

После восстановления Чечено-Ингушская АССР в 1957 г., когда многие ингушские семьи вернулись на историческую родину, на практику полигамии снова стала оказывать воздействие политика общесоветских власти. Советское руководство продолжало вести борьбу с пережитками родового быта народа. Для этого они практиковали разные меры. Так, в период с апреля по июль 1970 г. в населенных пунктах Назрановского, Малгобекского и Сунженского районов Чечено-Ингушетии были организованы сходы жителей, инициированные партийными организациями, в ходе которых осуждались пережитки прошлого, в том числе и многоженство [Албогачиева 2014: 46].

Однако, несмотря на предпринимаемые руководством СССР меры, направленные на «устранение» из жизни советского общества явлений, признанных «бытовыми преступлениями», полигамные браки, как и некоторые другие архаичные народные традиции, не были до конца искоренены и отчасти встречались в общественной жизни ингушей [Акиева 2016: 335].

В ходе сбора полевых материалов в 2024 г. нами был зафиксировать рассказ респондента из с.п. Галашки о жизни своей матери, которая у отца рассказчицы была второй женой. Ее, 16-летнюю сироту, муж взял в жены в 1958 г. Обе жены жили в одном дворе в разных домах, но с общей кухней. Прожили в разногласиях. Дети не ладили между собой. Но отец об этом не знал, ему ничего об этом не рассказывали, так как он был строг, и они опасались его реакции. Только после смерти отца и разделения женщин по разным местам жительства разногласия между бывшими женами начали утихать [ПМА. № 2].

После распада СССР тема многоженства зазвучала снова в социально-политической повестке, но уже на уровне региональной законодательной инициативы. 19 июля 1999 г. Указом президента Республики Ингушетия Р.С. Аушева «О некоторых вопросах государственной регистрации заключения браков» в регионе было узаконено многоженство. В документе отмечалось: «Граждане мужского пола вправе заключать до четырех браков с лицами женского пола, не состоящими в браке»[1]. Однако, разумеется, что на федеральном уровне эта инициатива не могла найти поддержки, и в Семейном кодексе РФ отражена не была. По этой причине, через пять лет после выхода Указа, 16 февраля 2006 г., законом Республики Ингушетии № 11-РЗ он был отменен в связи с полным противоречием законам Российской Федерации. Сведений о количестве зарегистрированных за этот период в Республике Ингушетия полигамных браков в региональном ЗАГСе на сегодняшний день нет. Как пояснила руководитель Органа ЗАГС по Республике Ингушетия Елизавета Мовлаевна Даурбекова, после отмены Указа Р.С. Аушева в результате судебных постановлений все зарегистрированные за время действия Указа браки были признаны недействительными [ПМА. № 3]. Однако, по свидетельству М.С-Г. Албогачиевой в период действия упомянутого закона на территории Республики Ингушетия проживали сотни тысяч вынужденных переселенцев из Чеченской Республики и Северной Осетии-Алании, в числе которых было немало женщин, готовых к созданию семьи [Албогачиева 2021: 165]. По М.С-Г. Албогачиевой, по этой причине среди населения республики сильно увеличилось количество полигамных, нередко межнациональных браков [Албогачиева 2021: 165]. При этом некоторые ингушские «первые» жены не желали мириться с таким семейным укладом и решались на развод. М.С-Г. Албогачиева отмечает, что некоторые женщины после привода мужьями вторых жен, чтобы лишить соперницу права на государственную поддержку в случае развода, расторжение брака официально не оформляли – ни в соответствии с законодательством Российской Федерации, ни в соответствии с нормами религии [Албогачиева 2021: 165]. Она также отметила, что в условиях существующей системы брачных отношений в нашей стране, наличие второй жены сопряжено с рядом сложностей, так как отсутствие официальной регистрации может привести к ограничению прав и возможностей второй жены (например, в отношении жилой площади, наследства, регистрации рожденных детей и др.). В полигамных браках только первая жена имеет соответствующий штамп в паспорте

[1] Указом президента Республики Ингушетия «О некоторых вопросах государственной регистрации заключения браков» от 19 июля 1999 г. // Электронный ресурс. Режим доступа: https://base.garant.ru/34302411/ Дата обращения: 10.12.2024 г.

[Албогачиева 2021: 165]. Все это усиливает актуальность поставленной проблемы, т.к. оценка ситуации в регионе в контексте прав жен и детей в полигамных семьях требует отдельного исследования.

Респондент из с.п. Средние Ачалуки Республики Ингушетия отметил, что в ее истории полигамной семьи она не заметила соблюдения мужем ее мусульманских прав, как жены. О приводе последующих жен муж с ней не советовался. Через 11 лет супружеской жизни, в течение которых у них успело родиться 5 детей, супруг женился вторично на представительнице другого народа. Респондент, став «первой женой», с такой ролью соглашаться не стала и ушла из семьи вместе с детьми. Супруг не стал возражать. По словам информанта, через еще 10 лет бывший супруг снова женился, так же не сообщив о своем намерении уже второй жене. Та, в свою очередь, тоже не смогла жить в полигамном браке и ушла от супруга, забрав их троих детей [ПМА. № 4].

Встречаются примеры полигамных семей в ингушском народе и в наши дни. В время сбора полевых материалов с 2022 по 2024 годы автором было выявлено, что определенная часть незамужних, не бывавших замужем и находящихся в статусе разведенных девушек и женщин в возрасте от 30 лет и выше, а также уже находящихся в статусе «вторых жен» относятся к полигамному браку в большей степени нейтрально, рассматривая для себя его хоть и не желательным, но допустимым. В то же время, незамужние и не состоявшие в браке девушки до 30 лет, а также женщины, состоящие в моногамных браках и «первые» жены в полигамных браках такой вид брака, чаще всего, порицают и считают далеким от «идеала». Это можно объяснить тем, что, будучи ориентированными на построение собственной семьи, ингушские девушки, в большей части по-прежнему ограниченные в силу национального менталитета в выборе женихов в пределах своего этноса, а также в силу значительного демографического перекоса в пользу женской части населения относительно мужской, вынуждены рассматривать для себя перспективы вступления в полигамные браки. По данным Росстата, на 2020 г. на 1000 мужчин трудоспособного возраста приходится 1152 женщины трудоспособного возраста [Статистический ежегодник Республика Ингушетия 2022: 22]. Однако, начиная с 2022 г. и по настоящее время, ингуши-мужчины продолжают погибать в вооруженных конфликтах (например, в специальной военной операции, проводимой РФ на территории Украины, ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей).

Нередко от ингушских девушек старше в возрасте от 30 лет можно услышать рассуждения о том, что вступление в брак их интересует не столько из желания реализовать надежды на личное счастье, сколько из отсутствия других предложений о замужестве, а также страха прожить жизнь в одиночестве и естественного для ингушской женщины, исторически ориентированной на семейную жизнь, желания родить детей. В процессе сбора нами полевого материала среди ингушских женщин была также выявлена не самая обычная, но бытующая в обществе, расцениваемая как корыстная, тенденция привода «первыми» женами «невест» для мужей. Эта тенденция выражалась в том, чтобы «младшая жена» родила сына, после чего «старшая» жена, изыскав способ довести молодоженов до развода, приводила к тому, что новорожденный сын, который в соответствии

с народными традициями оставался в семье мужа и продолжал жить в уже моногамной семье, будучи разлученным и нередко лишенным контактов с кровной матерью. Такая практика, хоть и кажется удивительной и является редкой, но по заверениям респондентов, не единична и иногда встречается в семейно-брачных отношений ингушского населения Кавказа.

Жительница г. Назрань рассказала о случае, произошедшем с ее родственниками, где муж объявил жене о желании вторично жениться в связи с тем, что в семье не рождаются мальчики. Не желая становиться *«первой женой»,* супруга *«ушла из дома»,* после чего ее супруг женился на своей новой пассии. Молодожены сняли себе квартиру в одном из многоэтажных домов Магаса и зажили своей жизнью. У них родился сын. Тогда «первая» жена, не забывшая свою обиду, сняла квартиру на одной площадке с ними и заселилась в квартире прямо напротив. Нужно ли говорить, что, немного времени спустя, новоиспеченные родители развелись, а бывшие супруги, теперь уже вместе с маленьким сыном, лишенным матери, снова зажили своей семьей [ПМА. № 5].

По поводу эмоциональной составляющей полигамных браков в ингушском обществе М.С-Г. Албогачиева отмечала, что в полигамных браках может быть равное проявление отношения к супругам, однако невозможно, чтобы оно такой брак строился на основе равной любви к женам, так как это превосходит человеческие возможности. «Вы никогда не сумеете относиться одинаково справедливо к женам, если бы даже очень хотели этого. Не будьте же полностью благосклонны к одной, оставляя другую заброшенной» [Албогачиева 2021: 167].

История пожелавшей остаться не названной респондентки, которая состоит в полигамном браке в настоящее время, также ничего не знала о намерениях супруга привести вторую жену спустя 16 лет совместной жизни. Рассказчица считала, что всегда была покорной женой, старалась быть идеальной снохой, и идеальной матерью четверых детей (двух дочерей и двоих сыновей). Делала все, чтобы супруг мог развиваться в профессии, достигать высокого положения в обществе и т.п. Однако все это не помогло сохранить союз супругов от вступления супруга в новый брачный союз. Женщина отметила, что ее супруг живет счастливо и ко ней и общим детям относится уважительно и заботливо, однако, по ее мнению, это – не семья. По ее словам, в полигамных браках в Ингушетии жизнь устроена не так, как об этом говорится в религиозных учениях. На ее взгляд, если с приходом в семью второй жены увеличивается ответственность и разные хлопоты у мужчины, на которого ложатся дополнительные обязательства по содержанию второй семьи и прочее. Но в реале все состоит совершенно иначе. Традиции таковы, что именно женщина бережет «лицо» мужчины, а значит, это именно ингушка будет стремиться выстроить семейные отношения таким образом, чтобы не нанести урон репутации мужа-двоеженца: демонстрировать обществу дружескую семейную атмосферу; зная о финансовых проблемах супруга, *«меньше хотеть»;* угождать супругу и не выказывать обид, чтобы он хотя бы являлся в дом к детям, которые тоже должны жить в «здоровой» атмосфере и проявлял к супруге уважение. В ингушской среде все это ложится на плечи женщины. А в жизни мужчины с появлением второй жены ничего, кроме самого этого факта, на ее взгляд, не меняется» [ПМА. № 6].

Следует отметить, что смирению в столь сложных психологически ситуациях ингушскую девушку учили многими поколениями, воспитывая в ней с самого детства возвышенное отношение к мужчинам рода и семьи и стремление во всем им угодить. В прошлом «в девочке-ингушке с малолетства старались воспитать качества, которые считались необходимыми для ингушской женщины в замужестве: знание и строгое соблюдение обычаев, скромность и терпение, послушание и покорность старшим и мужу в семье…» [Гетагазова 2023: 511]. В наши дни смиренному восприятию желания мужа привести в дом вторую жену учит уже религия, в соответствии с которой мужчина может иметь до четырех жен одновременно. В мусульманской религии при этом описывается ряд условий, обязательных к соблюдению при создании полигамных семей.

По мнению многих опрошенных женщин-ингушек, проживающих или проживавших в полигамных браках, эти условия мужьями-многоженцами соблюдаются не в полной мере. Некоторые истории наших респонденток о полигамных браках были схожи: «старшая» жена, смирившись, оставалась «дохаживать» престарелых родителей супруга, так как они являлись для нее почитаемыми и уже успевшими стать родными людьми, «бабушками и дедушками» ее детей, а с «молодой» женой супруг поселялся в отдельном жилье. Хотя по нормам шариата, муж обязан относиться к каждой супруге одинаково. Это касается и супружеского долга и материального обеспечения. Все строго по графику, чтобы все жены были довольны. Но на деле, по рассказам респондентов, чаще всего, все так, как удобно мужу.

Так, например, из рассказа 56-летней ингушки стало известно, что 11 лет назад при трагических обстоятельствах погибли их двое сыновей и осталась одна дочь. Через два года после похорон родственники мужа стали уговаривать его жениться вторично, так как *«нет наследника»*. По словам женщины, некоторое время он прямо им отвечал, что никогда этого не сделает и она ему верила, ведь они всю жизнь жили душа в душу. Но уговоры не затихали и настал день, когда мужчина согласился с доводами родственников. По ее словам, решение супруга привести вторую жену показалось ей жутким и бесчеловечным предательством. У мужа со второй женой родился сын. Супруг был счастлив, сожительствуя преимущественно с «младшей» женой. По словам женщины, ни о каком сожительстве с несколькими женами по очереди как это предполагается в мусульманской религии, речи нет. С «младшей» женой ингушка встречается в среднем одним раз в пару лет – на фамильных мероприятиях. Обе стараются вести себя *«приветливо»*. Женщина отмечает, что привыкла к такому образу жизни [ПМА. № 7].

В ходе исследования мы обнаружили, что некоторые женщины, проживающие в семьях в качестве «вторых» жен, идут на контакт с интервьюером менее охотно. Одна из них, в свое время жившая в статусе «второй» жены, поделилась своей историей. По ее словам, мужчина был решительно настроен на их союз. Сама она уже была в разводе несколько лет. Жизнь в первом браке у нее не задалась, и она была одинока. Ее дети после развода в соответствии с ингушской традицией остались проживать с первым супругом, несмотря на судебные тяжбы. После долгих уговоров со стороны второго супруга она согласилась на полигамный брак. При этом супруг настаивал на том, чтобы она никаким

образом не давала первой его жене о себе знать. В неширокому кругу близких прочитали мовлид (религиозный обряд с застольем), был передан калым, с помощью муллы заключили брак, и без каких-либо свадебных церемоний состоялось оформление брака. Однако он продлился недолго – несколько месяцев. Несмотря на то, что, в действительности, супруг стал обеспечивать вторую жену финансово, фактически, по ее словам, она по-прежнему была очень одинокой. Супруг скрывал ее от первой жены и почти все время проводил со «старшей» женой и детьми. Вторую жену навещал, когда получалось. В конце концов, она стала от этого страдать, в связи с чем просила раскрыть их союз перед первой женой и другими родственниками, на что супруг ответил отказом, а затем и вовсе принял решение расторгнуть брак с ней [ПМА. № 8].

История второй жены из с.п. Сурхахи очень сходна с предыдущей. Женщина вышла замуж, так как чувствовала себя лишней в семье брата, где жила в статусе разведенной золовки. В первом браке детей у нее не родилось и, так как по ингушским традициям женщина не может жить одна, она вернулась после развода в отчий дом, где уже не было родителей, а жил ее младший брат со своей семьей. Брат тотально контролировал разведенную сестру, как это и принято в народе, – *«я должна была отчитываться за каждое свое движение, ведь на мне было что-то вроде «клейма» – «разведенка» (инг. «жеро»)»*. Статус разведенной, ощущение себя лишней в семье брата, бесконечное давление – все это заставляло женщину мечтать о собственном уголке. Поэтому, когда поступило предложение выйти замуж второй женой за малоизвестного человека, где первая жена, как обещалось *«была не против»*, она посчитала это выходом из затруднительного положения и шансом на собственное счастье. При свидетельстве муллы был заключен никях (мусульманский брак), самой свадьбы не было – так состоялось оформление брака. За несколько лет брака детей у так и не появилось, а это было главной надеждой ингушки. Однако женщина, имея собственный заработок, успела за свой счет отремонтировать дом, в котором жила с мужем и его детьми от первой жены, выдать двоих падчериц замуж, полностью профинансировав их свадебные расходы. По ее словам, так она старалась зажить «своим счастьем». Скандалы с первой женой, относившейся к ней *«как к главному врагу в жизни»*, несправедливость мужа, потеря здоровья – все это привело к разводу. По словам женщины, она верит, что полигамный брак может быть мирным, но именно ей не посчастливилось [ПМА. № 9].

Несмотря на бытующие в местном обществе представления о том, что современные ингушские мужчины женятся вторично по причине потери интереса к первым женам в связи с их непривлекательностью, социальной нереализованностью или возрастной неухоженностью, в ходе опросов не подтвердились. Опрошенная жительница г. Сунжа, являющаяся очень ухоженной и привлекательной бизнес-леди, сообщила, что в возрасте 45 лет решилась на беременность, так как муж стал задумываться о вторичной женитьбе, по его заверениям, по причине отсутствия сына. Женщина рассказывает, что никогда бы не подумала, что супруг переживает по поводу отсутствия сына – он не выказывал подобных мыслей. Чтобы сохранить семью в том смысле и значении, которое она придает понятию «семья», она, несмотря на страхи в связи с возрастом, а также

противопоказания врачей, решилась на беременность. *«Надеюсь, у нас родится сын и все наладится»* – делится респондент [ПМА. № 10].

На интервью мужчины – многоженцы соглашаются редко. Но тем не менее, даже те немногие интервью позволяют сделать вывод о том, что многие мужчины идут на это шаг, чаще, побуждаемые обыкновенным мужским интересом к представительницам противоположного пола, реже – из желания иметь большее количество детей (сыновей). При этом характерной особенностью представителей ингушских мужчин является то, что почти всегда они продолжают содержать «первую» жену и общих детей и не стремятся расторгать с ними брак, в силу своих возможностей продолжая их материально обеспечивать и нести ответственность за их жизни.

Любопытно отметить, что двое из пожелавших себя не называть мужчин, имевших опыт проживания в полигамных семьях, в ходе интервью озвучили мысль о том, что «когда и пока у мужчины есть солидные деньги, у него будут «вторые» и т.д. жены. Но как только денег не станет, не станет и всех этих жен» [ПМА. № 11]. Один респондент поделился тем, что когда его посадили в тюрьму, двух «младших» из трех своих жен, так как у них еще не успели родиться дети, он «отпустил», то есть дал им развод, обосновывая это тем, что заботился об их судьбах в силу их молодого возраста [ПМА. № 12].

Другой респондент поделился своим опытом жизни в полигамной семье, рассказав о том, что впервые он привел «вторую» жену так как, несмотря на большое уважение к «первой» жене, в то время она уже длительное время болела онкологией. После, по словам информанта, он женился еще трижды. Сначала он привел в дом «вторую» жену, через некоторое время «первая» супруга скончалась. Далее мужчина женился еще трижды, но последующие браки не были долговечными. В момент интервью у респондента было две жены, а детей – 17, рожденных от пяти жен. Все они в тесном контакте со отцом, который их обеспечивает, при необходимости, помогая финансово и бывшим женам. «Скажу так, ситуации бывают разные. Я знаю только одно – женщину никогда ни в чем нельзя винить. Всю ответственность за семью в жизни должен брать на себя мужчина». Мужчина отметил, что никому из мужчин не советовал бы без особой на то необходимости, вступать в полигамные браки – это большая ответственность. Однако, по его словам, если такая семья сложилась, необходимо быть очень жестким и справедливым с женами, иначе их соперничество и женские эмоции создадут страшный «хаос». *«Стоит проявить с ними слабость в отношении взаимодействия друг с другом, все идет наперекосяк».* До создания полигамной семьи мужчина рекомендует организовать встречу невесты и жен и позволить им задать друг другу все интересующие их вопросы. «Я считаю, что женщина – это «столп», который держит крышу дома. Если повезло с женой – ты счастливейший из людей» – отметил респондент [ПМА. № 13].

Как отмечали многие респонденты во время полевых исследований, почти каждая ингушская женщина, состоящая в наши дни в моногамном браке, регулярно в полушуточном тоне слышит «угрозы» мужа и его родственников о вторичной женитьбе, «если что-то пойдет не так». Кто-то поделился, что привык отшучиваться в ответ на такие шутки, кто-то обижается. Однако реальную

возможность реализации такой «угрозы» в наши дни, как и в далеком прошлом, так или иначе, осознает почти каждая замужняя женщина вне зависимости от возраста, места жительства, степени образованности или социального положения.

Следует отметить также и относительно правового обеспечения женщин, состоящих в полигамных браках. В российском государстве нет и не может быть правовой базы, регулирующей права женщин, состоящих в полигамных браках. В настоящее время по вопросам семейных отношений лица, состоящие в таких браках, могут обращаться как в гражданский суд, так и в кадият (территориальное подразделение муфтията) Ингушетии. При проведении исследования случаев обращения ингушскими женами, состоящими или состоявшими в полигамных браках в кадият, выявлено не было. Причиной отсутствия таких примеров среди опрошенных жителей региона автор считает щепетильность темы исследования для представителей нации и нежелание «выносить сор из избы».

Заключение

На основании проведенного исследования можно заключить, что, несмотря на устойчивое отрицательное отношение российского государства и ингушского общества к полигамии, многоженство как существовало в ингушском социуме в прошлом (начало XIX в.), так продолжает неформально существовать и в настоящее время (XXI в.). Это происходит несмотря на то, что с течением времени в процессе урбанизации региона, модернизации ингушской культуры и реисламизации менялись причины вступления мужчин и женщин в полигамные браки. Такая форма семейных отношений в наши дни продолжает неформально существовать и в масштабах своей распространенности в народе сохраняется приблизительно на том же уровне, что и в далеком прошлом.

В то же время, если раньше многоженство среди ингушей выполняло задачи в основном социального и экономического характера (позволяло укреплять общинные связи, поддерживать культуру предков, оказывать экономическую поддержку женщинам, содействовало деторождению), то в наши дни полигамия среди ингушей уже больше обусловлена субъективными интересами брачующихся и реже – желанием мужчины укрепить род или увеличить потомство. При этом степень образованности, место проживания, возраст, социальный статус и другие личностные аспекты в наши дни значения почти не играют. Женщины и мужчины видят полигамный брак по-разному, но отчасти признают его бытование в современном ингушском обществе. Полигамный брак с современной ингушкой в условиях существенного гендерного дисбаланса порой оценивается как «единственная возможность построить семью и родить детей». При этом на «женское счастье» или «счастье жены» вступающие в полигамный брак заведомо не рассчитывают, более того, готовят себя к значительным эмоциональным и бытовым сложностям. Так, если в прошлом необходимость полигинии, в первую очередь, диктовалась потребностью мужчин в большом количестве сыновей, а женщин – в крове, покровителе или спутнике жизни, то в наши дни мужчины, чаще всего, пользуются религиозным дозволением на вступление в полигамный брак, мотивируя свой поступок обыкновенной симпатией к девушке, реже – желанием иметь большее количество детей мужского пола, а девушки и женщины

– желанием создать семью в условиях существенного гендерного дисбаланса, иметь возможность родить детей, и реже, по утверждению некоторых мужчин-многоженцев, – простым меркантильным интересом.

Современные ингушки, более самостоятельные в экономическом отношении, чем женщины, вступавшие в полигамные браки из материальных и бытовых мотивов, теперь чаще вступают в полигамные браки в качестве «вторых» жен по причине ограниченности выбора в кандидатах на семейную жизнь и движимые желанием уйти из отчего дома, чтобы создать свою семью и иметь детей.

Исходя из собранных полевых материалов, можно сделать вывод, что полигамные браки среди ингушей, как в прошлом, так и в наши дни, чаще всего, не наполнены теплыми человеческими эмоциями, а больше выполняют функцию воплощения в допустимом и доступном формате желания вступить в законные в религиозном смысле семейные отношения. Личные чувства или искренние эмоции людей, и в особенности женщины, в полигамных браках и сегодня, и в прошлом отодвигались на последний план, уступая определяющее значение субъективным целям и потребностям.

Говоря о сравнительной распространенности практик полигамии в ингушском социуме с XIX в. по наши дни, следует отметить, что в целом полигамные браки в ингушском обществе не имеют широкого распространения, хотя стабильно фиксируются обществом и, в то же время, большой редкостью их тоже не назовешь. В связи с тем, что юридически двоеженство никак не фиксируется, установить число полигамных браков в Республике Ингушетия в настоящее время невозможно. Так же следует отметить, что автору не удалось найти примеров обращения за защитой своих прав лиц, состоящих или состоявших в полигамных браках в гражданский суд или региональный кадият. Причиной отсутствия примеров подобных «историй» в ходе сбора полевых материалов автор считает нежеланием «посвящать посторонних в семейные проблемы».

Таким образом, полигамия в современном ингушском обществе, отчасти сохраняя свои исторические корни, адаптируется к реалиям XXI в. Хотя она остается малораспространенной неформальной практикой, она все же играет определенную роль в развитии семейно-брачных отношений ингушского общества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Полевые материалы этнографических экспедиций:

ПМА. № 1 – ПМА, с.п. Долаково, 2024 г. № 1.
ПМА. № 2 – ПМА, с.п. Галашки, 2024 г. № 2.
ПМА. № 3 – ПМА, г. Назрань, 2024 г. № 3.
ПМА. № 4 – ПМА, с.п. Средние Ачалуки, 2023 г. № 4.
ПМА. № 5 – ПМА, с.п. Плиево, 2022 г. № 5.
ПМА. № 6 – ПМА, г. Магас, 2022 г. № 6.
ПМА. № 7 – ПМА, г. Карабулак, 2023 г. № 7.
ПМА. № 8 – ПМА, г. Назрань, 2024 г. № 8.
ПМА. № 9 – ПМА, с.п. Сурхахи, 2023 г. № 9.
ПМА. № 10 – ПМА, г. Сунжа, 2024 г. № 10.
ПМА. № 11 – ПМА, с.п. Экажево, 2024 г. № 11.
ПМА. № 12 – ПМА, с.п. Сурхахи, 2022 г., № 12.
ПМА. № 13 – ПМА, с.п. Бейни, 2023 г. № 13.

Литература

Агиева 2011 – *Агиева Л.Т.* Этнография ингушей. – Майкоп: Полиграф-ЮГ, 2011. – 625 с.

Акиева 2017 – *Акиева П.Х.* Архетипическое в этнокультуре ингушей (на материале мифологии, нартского эпоса и обрядов жизненного цикла). Дис. докт. ист. н-к. – Махачкала, 2017. – 425 с.

Албогачиева 2009 – *Албогачиева М.С-Г.* Функционирование в Ингушетии трехзвенного суда: адатного, шариатского и российского (XIX в.) // Лавровский сборник. Этнология, история, археология, культурология: Материалы XXXIII Среднеазиатско-Кавказских чтений 2008-2009 гг.: к столетию со дня рождения Леонида Ивановича Лаврова, Санкт-Петербург, 15–17 мая 2008 года. – Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 2009. – С. 114-118.

Албогачиева 2012 – *Албогачиева М.С-Г.* Система терминов родства и семейно-брачные отношения у ингушей // Алгебра родства. Родство. Системы родства. Системы терминов родства. Том Выпуск 13. – Санкт-Петербург: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, 2012. – С. 198-209.

Албогачиева 2014 – *Албогачиева М.С.-Г.* Роль адата и шариата в российской правовой системе // Платон. – 2014. – № 4. – С. 43-50.

Албогачиева 2021 – *Албогачиева М.С-Г.* Ислам в социальной жизни ингушей: история, практики, институции (XVIII – начало XXI в.). Дис. докт. ист. н-к. – Санкт-Петербург, 2021. – 434 с.

Батлер 2022 – *Батлер Дж.* Гендерное беспокойство. Феминизм и подрыв идентичности / Пер. К. Саркисова. – М.: V-A-C-Press, 2022. – 269 с.

Берлин 1992 – *Берлин И.* Четыре эссе о свободе. – London: Overseas publ interchange, 1992. – 394 с.

Гетагазова 2022 – *Гетагазова А.М.* Традиционные родильные и детские обряды в современных практиках ингушей // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. – 2022. – № 2 (53). – С. 32-44;

Гетагазова 2023 – *Гетагазова А.М.* Национальные традиции воспитания девочки-ингушки в прошлом и настоящем // История, археология и этнография Кавказа. – 2023. – Т. 19. – № 2. – С. 503-517.

Далгат 2008 – *Далгат Б.К.* Родовой быт и обычное право чеченцев и ингушей. Исследование и материалы 1892-1894 гг. – М.: ИМЛИ РАН, 2008. – 383 с.

Дзарахова 2021 – *Дзарахова З.М-Т.* Вековые устои ингушской семьи. – Ростов-на-Дону: Южный издательский дом, 2021. – 292 с.

Кудусова 1991 – *Кудусова Ф.И.* Семья и семейный быт ингушей (XIX – начало XX вв.). – Грозный: Книга. 1991. – 80 с.

Милль 1896 – *Милль Д.С.* Подчиненность женщины. – СПб.: В.И. Губинский, 1869. – 121 с.

Статистический ежегодник Республика Ингушетия 2022 – «Статистический ежегодник». Республика Ингушетия. 2022: стат. сб./ С78 Северо-Кавказстат. – Ингушетия: б/и, 2021. – 189 с.

Харсиев 2015 – *Харсиев Б.М-Г.* Инициативы советской власти по переустройству семьи и семейного быта на Северном Кавказе // Вестник Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева. – 2015. – № 1. – С. 87-102.

Эдиев 2003 – *Эдиев Д.М.* Демографические потери депортированных народов СССР. – Ставрополь: СтГАУ «Аргус», 2003. – 336 с.

REFERENCES

Field materials of ethnographic expeditions:

PMA, r.s. Dolakovo, 2024 No. 1;

PMA, r.s. Galashki, 2024 No. 2;

PMA, Nazran, 2024 No. 3;

PMA, r.s. Middle Achaluca, 2023 #4;

PMA, r.s. Plievo, 2022 No. 5;

PMA, Magas, 2022 No. 6;

PMA, Karabulak, 2023 No. 7;

PMA, Nazran, 2024 No. 8;
PMA, r.s. Surkhakhi, 2023 No. 9;
PMA, Sunzha, 2024 No. 10;
PMA, r.s. Ekazhevo, 2024 No. 11;
PMA, r.s. Surkhakhi, 2022, No. 12;
PMA, r.s. Baney, 2023 No. 13.

Literature

AGIEVA L.T. *Etnografiya ingushej* [Ethnography of the Ingush]. – Majkop: Poligraf-YuG, 2011. – 625 p. (In Russ.).

AKIEVA P.H. *Arhetipicheskoe v etnokul'ture ingushej (na materiale mifologii, nart-skogo eposa i obryadov zhiznennogo cikla)* [The archetypal in the Ingush ethnoculture (based on the material of mythology, the Nart epic and the rituals of the life cycle)]. Dis. dokt. ist. n-k. – Mahachkala, 2017. – 425 p. (In Russ.).

ALBOGACHIEVA M.S-G. *Funkcionirovanie v Ingushetii trekhzvennogo suda: adatnogo, shariatskogo i rossijskogo (XIX v.)* [The functioning of a three-tier court in Ingushetia: the Adate, Sharia and Russian (19th century)]. In: Lavrovskij sbornik. Etnologiya, istoriya, arheologiya, kul'turologiya: Materialy XXXIII Sredneaziatsko-Kavkazskih chtenij 2008-2009 gg.: k sto-letiyu so dnya rozhdeniya Leonida Ivanovicha Lavrova, Sankt-Peterburg, 15–17 maya 2008 goda. – Sankt-Peterburg: MAE RAN, 2009. – P. 114-118. (In Russ.).

ALBOGACHIEVA M.S-G. *Sistema terminov rodstva i semejno-brachnye otnosheniya u ingushej* [System of kinship terms and family and marriage relations among the Ingush]. In: Algebra rodstva. Rodstvo. Sistemy rodstva. Sistemy terminov rodstva. Tom Vy-pusk 13. – Sankt-Peterburg: Muzej antropologii i etnografii im. Petra Velikogo (Kunst-kamera) RAN, 2012. – P. 198-209. (In Russ.).

ALBOGACHIEVA M.S.-G. *Rol' adata i shariata v rossijskoj pravovoj sisteme* [The role of Adat and Sharia in the Russian legal system]. In: Platon. – 2014. – № 4. – P. 43-50. (In Russ.).

ALBOGACHIEVA M.S-G. *Islam v social'noj zhizni ingushej: istoriya, praktiki, institu-cii (XVIII – nachalo XXI v.)* [Islam in the social life of the Ingush: History, practices, institutions (XVIII – early XXI centuries)]. Dis. dokt. ist. n-k. – Sankt-Peterburg, 2021. – 434 p. (In Russ.).

BATLER DZH. *Gendernoe bespokojstvo. Feminizm i podryv identichnosti* [Gender concern. Feminism and identity subversion] / Per. K. Sarkisova. – M.: V-A-C-Press, 2022. – 269 p. (In Russ.).

BERLIN I. *Chetyre esse o svobode* [Four essays on freedom]. – London: Overseas publ interchange, 1992. – 394 p. (In Russ.).

GETAGAZOVA A.M. *Tradicionnye rodil'nye i detskie obryady v sovremennyh praktikah ingushej* [Traditional maternity and child rites in modern Ingush practices]. In: Vestnik Kabardino-Balkarskogo instituta gumanitarnyh issledovanij. – 2022. – № 2 (53). – P. 32-44. (In Russ.).

GETAGAZOVA A.M. *Nacional'nye tradicii vospitaniya devochki-ingushki v proshlom i nastoyashchem* [National traditions of raising an Ingush girl in the past and present]. In: Istoriya, arheologiya i etnografiya Kavkaza. – 2023. – T. 19. – № 2. – P. 503-517. (In Russ.).

DALGAT B.K. *Rodovoj byt i obychnoe pravo chechencev i ingushej. Issledovanie i mate-rialy 1892-1894 gg*. [Tribal life and customary law of Chechens and Ingush. Research and materials]. – M.: IMLI RAN, 2008. – 383 p. (In Russ.).

DZARAHOVA Z.M-T. *Vekovye ustoi ingushskoj sem'i* [The age-old foundations of the Ingush family]. – Rostov-na-Donu: Yuzhnyj izda-tel'skij dom, 2021. – 292 p. (In Russ.).

KUDUSOVA F.I. *Sem'ya i semejnyj byt ingushej (XIX – nachalo XX vv.)* [Family and family life of the Ingush (XIX – early XX centuries)]. – Groznyj: Kni-ga. 1991. – 80 p. (In Russ.).

MILL' D.S. *Podchinennost' zhenshchiny* [Subordination of women]. – SPb.: V.I. Gubinskij, 1869. – 121 p. (In Russ.).

Statisticheskij ezhegodnik. Respublika Ingushetiya [Statistical yearbook. The Republic of Ingushetia. 2022]. 2022: stat. sb./ S78 Severo-Kavkazstat. – Ingushetiya: b/i, 2021. – 189 p. (In Russ.).

HARSIEV B.M-G. *Iniciativy sovetskoj vlasti po pereustrojstvu sem'i i semejnogo byta na Severnom Kavkaze* [The initiatives of the Soviet government to rebuild the family and family life in the North Caucasus]. In: Vestnik Ingushskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta gu-manitarnyh nauk im. Ch.E. Ahrieva. – 2015. – № 1. – P. 87-102. (In Russ.).

EDIEV D.M. *Demograficheskie poteri deportirovannyh narodov SSSR* [Demographic losses of the deported peoples of the USSR]. – Stavropol': StGAU «Argus», 2003. – 336 p. (In Russ.).

Сведения об авторе:
А.М. Гетагазова – аспирант.
Information about the author
A.M. Getagazova – graduate student.

Статья поступила в редакцию 06.04.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.06.2025 г.; принята к публикации 27.06.2025 г.

The article was submitted 06.04.2025; approved after reviewing 15.06.2025; accepted for publication 27.06.2025.

ФИЛОЛОГИЯ

Литература народов Российской Федерации (литература народов Северного Кавказа)

Научная статья
УДК 808.1
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-2-189-202
EDN: QGAOPU

МОДЕРНИЗАЦИЯ ПОЭТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ В БАЛКАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1920-1930-Х ГОДОВ (К.Б. МЕЧИЕВ, С.О. ШАХМУРЗАЕВ)

Казим Каллетович Бауаев
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия, kazim_bauaev@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-0647-1295

Аннотация. Работа содержит аналитическую информацию о процессах эстетической унификации и национальной идентичности северо-кавказских литератур начала XX в. В центре внимания – размышления над природой идеологических факторов, повлиявших на деление национальных литератур на «традиционные» и «новописьменные». На материале поэтических произведений К. Мечиева, С. Шахмурзаева анализу подвергаются проблема преемственности и изолированности балкарской литературы, процессы модернизации национальной авторской поэзии 1920–1930 гг. Показано, что в условиях резкого расширения тематического и проблемного полей молодой советской поэзии, наблюдавшегося даже во время ужесточения культурной политики государства балкарские поэты сознательно и целенаправленно выстраивали в своих произведениях новую систему образных презентаций, основанную не только на традиционных сензитивных структурах, но и – в большей мере – на рефлективных схемах денотативного, обобщенно-понятийного характера.

Автор приходит к выводу о том, что физическая наполненность образов балкарской поэзии, их материальность, исходящая из перцептивных ресурсов самого языка, в конце 30-х гг. XX в. определяет параметры поэтических представлений большинства авторов. Она присуща даже тем из них, чей индивидуальный стиль, пафосность и концептуалистика полностью определялись эталонами идеологического порядка и формировались в границах социалистической отвлеченной эмблематики.

Ключевые слова: поэзия, балкарская литература, модернизация, советская эпоха, аруз, строфа, стихотворение, генезис, творчество.

Для цитирования: Бауаев К.К. Модернизация поэтической традиции в балкарской литературе 1920-1930-х годов (К.Б. Мечиев, С.О. Шахмурзаев) // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 2. – С. 189-202. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-2-189-202. EDN: QGAOPU.

© Бауаев К.К., 2025

Original article

MODERNIZATION OF THE POETIC TRADITION IN THE BALKARIAN LITERATURE OF THE 1920S AND 1930S (K.B. MECHIEV, S.O. SHAKHMURZAEV)

Kazim K. Bauaev
Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia, kazim_bauaev@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-0647

Abstract. The article includes analytical information regarding the processes of aesthetic unity and national identity in early twentieth-century North Caucasian literature. The emphasis is on thoughts on the ideological issues that impacted the classification of national literatures into "traditional" and "newly written" categories. Based on the poetic works of K. Mechiev and S. Shakhmurzaev, the problem of continuity and isolation of Balkarian literature, the processes of modernization of national author's poetry of the 1920s and 1930s are analyzed. It is shown that, in the context of a sharp expansion of thematic and problematic fields of young Soviet poetry, which was observed even during the tightening of the state's cultural policy, Balkan poets consciously and purposefully built in their works a new system of imaginative presentations based not only on traditional sensitive structures, but also - to a greater extent - on reflective schemes of denotative, generalized conceptual character.

The author comes to the conclusion that the physical fullness of the images of Balkarian poetry, their materiality, emanating from the perceptual resources of the language itself, in the late 30s of the last century determines the parameters of poetic representations of most authors. It is inherent even to those of them whose individual style, pathos and conceptualism were completely determined by the standards of the ideological order and formed within the boundaries of the socialist abstract emblems.

Keywords: poetry, Balkarian literature, modernization, Soviet era, aruz, stanza, poem, genesis, creativity.

For citation: Bauaev K.K. Modernization of the poetic tradition in the Balkarian literature of the 1920s and 1930s (K.B. Mechiev, S.O. Shakhmurzaev). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 2. – P. 189-202. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-2-189-202. EDN: QGAOPU.

© Bauaev K.K., 2025

История балкарской поэзии практически идеально вписывается в координаты так называемой теории «ускоренного развития» [Гачев 1989: 3-4]. Советские литераторы – учёные и критики – уверенно относили балкарскую художественную словесность к разряду новописьменных, что, конечно же, имело свои очевидные основания. Однако некоторая коррекция сложившихся в советское время воззрений, все-таки, необходима. В рамках социалистической доктрины, естественно, не учитывались многие существенные обстоятельства. На протяжении длительной временной дистанции, с появлением все новых и новых поколений писателей и ученых, реверансы в сторону политической и идеологической необходимости приобретали системный характер, все более и более искажая картину актуального состояния и эволюции национального словесного творчества.

Так, первым из базовых постулатов фактологии балкарской литературы можно принимать несомненный приоритет Кязима Мечиева, как основоположника и первопроходца национальной художественной словесности. Этот тезис

никогда и никем не оспаривался, по крайней мере, в советскую эпоху, что, однако, объяснялось не только эстетическим качеством и уровнем одаренности первого официального балкарского поэта. Кязим Мечиев, помимо всего прочего, идеально вписывался в каноническую картину духовного роста масс населения с приходом советской власти, вписывался в схему развития культурного сознания и эстетического мышления в стране победившего социализма [Бауаев 2015: 237]. В целях создания эталонного образца национального поэта, рожденного новым строем, биография Мечиева подвергалась коррекции и идеологическому ретушированию. Это не было бы столь существенно с точки зрения реального контекста балкарской литературы довоенного периода – мы не видим особых принципиальных отличий эволюционного характера между текстами авторов-выходцев из различных социальных слоев. Однако, помимо идеологически обоснованных исправлений творческой судьбы и биографии Кязима Мечиева, литературоведение соцреализма позволяло себе купирование системных институциональных этапов литературного движения и, соответственно, без оглядки вымарывало принципиальные моменты действительной истории национальной литературы.

Именно поэтому в своем классическом виде – классическом с точки зрения теории соцреализма – история балкарской художественной словесности выглядит как некий процесс с единовременным зарождением и поступательным линейным движением в границах единой системы идеологии, концептуалогии, философского осмысления окружающего. Как результат – мы имеем творчество Кязима Мечиева в качестве исходной точки. Творчество великого поэта однозначно социально-идеологического плана, ориентированное на оправдание и восхваление нового строя, на освещение несправедливости общества дооктябрьского периода. Между тем это далеко не так.

Начнем с того, что творчество самого Кязима Мечиева не было единообразным и столь ортодоксально одобряемым в идеологическом аспекте. Огромное количество его текстов духовного содержания советским литературоведением попросту умалчивалось, игнорировалось и никак не учитывалось в формировании общей картины национального литературного контекста. К тому же, с точки зрения поэтики, наследие первого балкарского автора носит явные следы нетривиального для Советского Союза и советской литературы образного мышления, образной атрибутации. Вопрос этот требует дополнительного исследования, однако уже сейчас появились работы (Кучуковой З.А. «Карачаево-Балкарская вертикаль». Нальчик, 2015. Бауаев К.К. «Эволюционная специфика балкарской поэзии: типология апперцептивных версий». Махачкала, 2017, Биттирова Т.Ш. «Кязим Мечиев: духовно – нравственные поиски и художественный мир поэта». Нальчик, 2023. Узденова Ф.Т. «Мечиев Кязим Беккиевич». Нальчик, 2003.), доказывающие, что исходным базисным основанием апперцептивных представлений великого уроженца Безенги были каноны и стандарты арузного, восточного поэтического стихосложения.

Судя по некоторым текстам, К. Мечиев достаточно хорошо знал технику восточного аруза. В некоторых своих произведениях он буквально следует классическим формулам и жанровым параметрам восточной поэтики. Можно полагать, что из всех разновидностей аруза Мечиеву ближе всего был арабский канон,

так как еще до первого своего хаджа балкарский поэт, вне всякого сомнения, был знаком с произведениями арабских авторов, хотя бы, в религиозных исламских жанрах. Как известно, несмотря на свое происхождение из семьи ремесленников, Кязим Мечиев достаточно рано начал обучаться в духовных учреждениях и был знаком с арабской культурой. Некоторые исследователи утверждают напрямую, что Мечиев неплохо ориентировался и в светской литературе Востока, будучи ознакомленным с ней одним из своих учителей – Чепеллеу-эфенди [Узденова 2003: 77].

Необходимо констатировать, что великий балкарский поэт, в целом, действительно неплохо знал арузную технику стихосложения. В ряде своих произведений он демонстрирует точное следование требованиям ордера, и, как показано в указанных выше работах, речь могла идти не только о системе образного представления и поэтических фигурах, но и об уверенном владений структурой, композицией и концептуалистикой крупных форм. Нет никакого сомнения в том, что Кязим Мечиев еще в молодости пытался освоить арузную технику, что видно, хотя бы, по нескольким его текстам, выстроенным в соответствии с требованиями персидского ордера стихосложения. В частности, некоторые его стихи представляют собой рубаи в чистом виде без всяких скидок на культурную и формальную адаптацию:

Тау башында тау болмаз,
Жангыз терекден бау болмаз.
Къылыч жара сау болса да,
Сюймеклик жара сау болмаз [Мечиев 1987: 5].
//--//
На вершине горы – горы не будет.
Из одного дерева хлева не выстроишь,
Если рана от клинка и зарастает,
От любовной раны не выздоровеешь [перевод: Бауаев К.К.] – напомним, что это известнейшее стихотворение датируется 1890 годом.

В этот же период в текстах поэта можно отследить образцы такой сугубо восточной традиционной формы, как параллелизм, правда, характеризующийся большим объёмом, меньшей компактностью и четкостью, чем в аутентичных прототипах на арабском языке и фарси. По всей видимости, сугубо техническая недостаточность вынуждала балкарского стихотворца прибегать к распространенным, точнее, расширенным модификациям параллелизма, в основе которых находились чисто грамматические характеристики балкарского языка. Поэт попросту не встраивал свою художественную сентенцию в эталонный бейтовый размер, увеличивая его, как минимум, в два раза:

Атанг келди да гюрбежиге,
Атына кишен ишлетди.
Аны биргесине юйюне
Мени жюрегими да элтди.
//--//
Сюеме – кишеним жарасын,

Жюрегим да юйюнгде къалсын.
Атанг эмилик атын тыяр,
Сени уа не хазна тыялсын! [Мечиев 1987: 6]
//--//
Пришёл в кузню твой отец
Заказал своей лошади путы.
С ними вместе домой
Отнёс и моё сердце.
//--//
Хочу, чтоб путы подошли,
Чтобы и сердце моё в твоём доме осталось.
Отец твой свою необъезженную лошадь остановит
Но вряд ли остановит тебя! [перевод: Бауаев К.К.]

Формирование поэтического мышления Саида Шахмурзаева проходило совершенно по-другому, его творческий путь и вся биография доказывают: это был совершенно иной психотип, более ориентированый не на выражение собственного субъективного мира, а на коррекцию и преобразование окружающего. Хотя Саид Шахмурзаев также учился в медресе и получил достойное духовное образование, он изучал Коран, прошел все центры мусульманского и светского образования – от школ в чегемском ушелье Эль-Тюбю, Актопраке до Кёнделена, Учкулана, Ногая (Эркин-Шахара), Буйнакска, Кизляра и Симферополя (педтехникум), приобрёл не только знания, но и духовную мудрость, до определенного момента он никак не реализовал себя в качестве особо выделенной единицы общества в ментальном и социальном смысле. Вероятней всего достаточно стабильная обстановка балкарского этносоциума последней четверти XIX века не была той средой, которая инициировала бы природные потенции такой личности, как Шахмурзаев. Полем его реализации был поиск и фиксация духовных и творческих локаций общественно-креативного характера, это был прирожденный просветитель, человек-первопроходец с выраженной потребностью освоения и интерпретации тех или иных информационных ареалов, желательно – не затронутых до него. Если бы Саид Османович и был бы досконально знаком с техникой арузного стихосложения, она бы вряд ли привлекла его – прежде всего, как система выражения внутренних рефлексивных движений, более всего адаптированная к выражению собственного «я». Вся жизнь Саида Шахмурзаева демонстрирует его неистребимую тягу к социально значимым проектам. Реализация его как личности, была возможна лишь в сфере интеллектуальных и морально-волевых усилий, направленных во внешний мир. Именно этим объясняется его активность в принятии и воплощении масштабных проектов новой власти после 1917 г., обращенных к модификаций таких сфер, как образование, целеустановки общества, коррекция и совершенствование информационного пространства этноса. В 1924 г. Саид Османович сделал свой первый шаг в просветительстве, создав балкарский алфавит и взяв за основу латиницу.

Даже в одной из самых значительных работ Саида Шахмурзаева – его знаменитом топонимическом словаре – бесспорно заметна врождённая, исконная экстравертность автора. Написанный совместно с Дж.Н. Коковым, «Словарь» представляет нам совершенно очевидную модель общих усилий, в рамках

которой Саид Шахмурзаев взял на себя фиксацию тезауруса топонимики Балкарии, а Коков – объяснение и толкование найденных лексем. По всей видимости, балкарскому поэту единственной и достойной задачей при работе над словарем виделось закрепление топонимического глоссария как такового. Эта часть нагрузки настолько увлекала писателя, что дальнейшая доработка в смысле толкования и определения генезиса топонимического глоссария Шахмурзаева уже практически не интересовала, ведь даже поверхностный обзор словарных статей со всей убедительностью показывает некорректность некоторых и даже многих из них. Остаточное влияние расхожих сублимативных теорий, сформулированных в период выселения балкарского народа, сказалось на толковании многих топонимов Дж.Коковым – иногда даже в поразительно показательных случаях, таких, как например, «ыфцых» (перевал), отнесенных к заимствованием из осетинского языка. Абсолютно прозрачное карачаево-балкарское «ау+чыкъ», имеющее бесспорный перевод «выход на спуск на ту сторону», толкуется в словаре, как осетинское «перевал» в основе которого почему-то лежит корень «афцаг», означающий «верхние позвонки спинного хребта» [Коков, Шахмурзаев 1970: 76].

Достаточно легко читаемый характер работы, точнее специализации авторов «Словаря» вполне доказательно говорит нам о ментальных приоритетах С.О. Шахмурзаева, всегда стремившегося к моделям креативного охвата окружающего, к формированию новых областей осмысления и логического анализа и зачастую пренебрегавшего моментами реализации субъективного «я» и, тем более, возможностями самовыражения в части презентации уникальных черт собственной личности. Саид Шахмурзаев, со всей определенностью, был человеком, обращенным к обществу.

Понятно, что подобный тип личности не имел достаточного интереса к структурам литературного самовыражения, предполагающим акцентированное внимание к тонким эволюциям собственной души. Посему Саида Шахмурзаева не должны были интересовать и, де-факто, не интересовали системы арузного стихосложения, как, впрочем, и восточные поэтические практики в целом. Это был слишком деятельный характер, деятельный настолько, что ему никоим образом не грозило глубокое погружение в лирическое самовыражение. Саиду Шахмурзаеву требовалась яркая, выраженная внешняя причина, которая служила бы вызовом его внутренним ресурсам, причина, на которую он должен был бы ответить непосредственно социально ориентированным образом. В этом аспекте видится очень показательным тот факт, что первое зафиксированное стихотворение балкарского поэта датировано 1916 годом [Теппеев, Биттирова 2003: 398]. Первая мировая война оказалось достаточно веской причиной для инициации и активизации его способности к художественному слову. Интересен образный строй этого текста:

Тилеграмла урулдула
Халкъгъа хапар берирге,
Петербургдан хапар келди
Биз солдатха кетерге...
//-//

«Атыгъыз!» къычыралла
Жюрегимми жаралла,
Начальникле, командирле
«Хайдагъыз!» деб айталла...
//-//
...Таракъ-таракъ эрийдиле
Тихтеннгенни бузлары,
Ызыбыздан жиляйдыл'а
Чегем элни къызлары... [Шахмурзаев 2003: 18].
//--//
Посыпались телеграммы
Народу донести вести,
Из Петербурга новость пришла,
Что мы уходим в солдаты...
//-//
«Стреляйте!» – кричат,
Сердце моё раскалывают,
Начальники, командиры
«Давайте!» – говорят-командуют...
//-//
...Бороздами-бороздами тают
Льды Тихтенген,
Вслед за нами плачут
Девушки чегемского общества... [перевод Бауаев К.К.].

Опубликованное в 1916 г. в кумыкском журнале «Тангчолпан», (Утренняя звезда), стихотворение «Слово солдата» посвящено событиям первой мировой войны и переживаниям молодых бойцов на фронте. Мы видим последовательность простых автологических определений, передающих основной ход событий и, практически, не касающихся образно-атрибутивной составляющей описаний. Это наблюдается в первой строфе, но затем автор переходит к эмотивным определениям, оснащенным даже физиологически значимыми деталями – «Стреляйте!» «Давайте!» – если, конечно, причислять к таковым свойственное балкарскому языку интонационное выделение при подаче голосовых команд, намного превышающее соответствующие показатели русской речи.

Третья строфа приведенного фрагмента отмечена наличием ярко выраженного сензитивного языкового представления. «Бороздами-бороздами тают льды Тихтенген» – для балкарца это очень яркая и достоверная картина таянья фирнового снега на большой высоте, имеющая не только визуальное наполнение, но и достаточное тактильно-осязательное содержание. Жители высокогорья прекрасно знают, что многолетний снег исчезает под лучами солнца, формируя своеобразный рельеф из продольных параллельных линий. Материализованное качество представляемого описания усугубляется семантикой примененного в оригинале слово. Оно, буквально, означает не борозду, а гребень и несет в себе оттенок ощущений актанта, что, в конечном итоге, конкретизируют апперцептивный эффект образа, внося в него конкретное иннервационное содержание.

Тяготение Шахмурзаева к конкретным параметрам и свойствам поэтических объектов в его творчестве имело свое фундаментальное обоснование и

говорило о некоторых институциональных сторонах его мышления и образного воображение. Помимо всего прочего, эта черта индивидуального стиля балкарского автора была системной, многократно и регулярно проявлявшейся в его художественных текстах. Даже в том мизерном количестве произведений Шахмурзаева, что дошло до нас из его предреволюционного периода творчества, конкретика и реальная деталь описания видится постоянным стабильным маркером его поэтического высказывания таково, к примеру, стихотворение поэта «Мен быллайны сюйгенем» (Я полюбил такую):

Инчге белли, токъ ёшюнлю бир къызчыкъ,
Къар юсюнде назик аякъ къыз ызчыкъ.
//--//
Излей барыб, ол къызчыкъны табханем,
Кёргеним'лей, мен эрними къабханем...
//--//
...Жан береме сюйгениме таралыб,
Кюйе, бише бул-булума аралыб,
//--//
Дуньям къалды аман бла къаралыб,
Къар тауланы тёппелери агъарыб [Шахмурзаев 1957:20-22].
//--//
С тонкой талией, с полной грудью одна девушка,
На снегу – изящные отпечатки её девичьих следов.
//--//
Я шёл, разыскивая, и нашёл эту девочку,
Как только увидел (её), я прикусил губу...
//--//
...Отдам душу, тоскуя по своей любимой,
Сгорая, варясь, уставившись на своего соловья.
//--//
Мой мир окрасившись бедой, стал чёрным,
Снежных гор макушки побелели... . [перевод Бауаев К.К.].

В данном случае комментарии излишни. Не столь явными видится лишь один момент: «Отдам душу, тоскуя по своей любимой», но он не вполне соответствует оригиналу и поэтому кажется выстроенным в канве условно-поэтических единиц, однако балкарское слово «таралып» не означает тоску в чистом виде. Оно имеет явный семантический оттенок физического действия, сопровождаемого буквальным ущербом тому или иному предмету. Расшифровывая смысл этой лексемы, использованной Шахмурзаевым, мы должны будем согласиться с тем, что оно означает нанесение поверхностных травм. Он таков же, как и в русском «царапать», но, с точки зрения пафоса и модальности, относится, исключительно, к сфере высоких духовных переживаний.

Итак, принципы апперцепции раннего творчества Саида Шахмурзаева подразумевали достаточно близкое родство с поэтикой Кязима Мечиева, за исключением того факта, что основоположник национальной литературы был технически более оснащен, нежели его младший товарищ, лучше знал теорию аруза, соответственно, создавал тексты более-менее коррелировавшие с восточными

поэтическими практиками. Во всем остальном в объеме апперцептивных навыков Мечиев и Шахмурзаев были типологически сходными авторами, произведения которых выстраивались, в основном, из автологических единиц конкретного содержания с частыми включениями материализованной и даже физиологически значимой эстетической рефлексии.

Этот момент является ключевым для понимания характера эволюции Саида Шахмурзаева в дальнейшем. В условиях социальной стабильности балкарский художник, по всей видимости, не находил достаточного ресурса вдохновения, из чего можно сделать заключение о его малой степени интегрированности в систему восточных поэтических учений. Аруз, несмотря на доминирующее превосходство автологических определений, все же, ориентирован на внутренние душевные эмоциональные движения субъекта. Рациональность и понятийное мышление – природа образности арабской и персидской поэтики и возросших на их основании тюркских поэтических практик.

Однако, надо понимать, что условность и отсутствие материального наполнения арузной образности не идет от избегания эстетической доктриной Востока реальных объектов. Иллюзорность таковых является следствием чрезвычайной развитости традиционных осмыслении и интерпретаций в рамках аруза. Теоретическая и художественная мысль Персии и арабских стран очень сильно опередила изыскания европейских мыслителей и поэтов, дойдя в своих нормативных и рекомендательных составляющих даже до упорядочения графики при написании стихотворного текста. Некоторые из поэтических фигур, описываемых теоретиками арабской и персидской литератур, напрямую посвящены анализу визуальных несоответствий, временами детализированных до такой степени что, например, разницу в фигурах «мукатта» и «мувассал» можно обнаружить только в начертании букв и лигатур [Рашид Ад-Дин Ватват 1985: 18].

Условно-понятийный характер описаний восточных авторов следовал не из абстрактности используемых и включенных в текст объектов. Наоборот, список пользуемых в произведениях понятий весьма короток, и намного чаще мы сталкиваемся с конкретикой реальных предметов, обогащенных, однако, настолько плотными ассоциативными выходами, настолько многочисленными апелляциями к единицам культурного характера, что они воспринимаются, как сугубо эстетические, умозрительные сущности, близкие по своему информационному наполнению абстрактно-рациональным категориям.

И это очень важный момент в попытке понимания роли и значения Саида Шахмурзаева в истории балкарской художественной словесности. Будучи менее погруженным в пространство арузной поэтики, нежели Кязим Мечиев, Саид Шахмурзаев был носителем совершенно другой структуры поэтического образа и модели художественной рефлексии. Восточная поэтика, повторимся, предполагала углубленное внимание к тонким движениям души автора, она базировалась на обращении субъекта к самому себе, что нашло выражение даже в соответствующих традиционных фигурах аруза, эстетическая легитимность тахаллуса говорит в этом смысле о многом. Сопутствующим эффектом подобной системы отражения мира было повышенное требование к эмоциональной, то есть, в данном случае, ассоциативной компоненте образа. И это оборачивалось формированием

селективного механизма, ограничивающего проникновение в сферу эстетически допустимого значительной части объектов реального окружения. По сути дела, любой арузный текст весьма скуден описываемыми объектами, несмотря на их явную материальную наполненность.

Говоря иначе, традиционная восточная поэтика тяготеет к тому способу отражения, который не предполагает возможности резкого массированного внедрения в эстетическое сознание нового тезауруса объектов. Поэтика Востока консервативна в силу особенностей своих рефлективных алгоритмов. И если Кязим Мечиев формировался в ламинарной среде, сохранявшей заметные параметры традиционного балкарского общества, сразу после отмены крепостного права, то Саид Шахмурзаев вступил в сознательную жизнь на этапе начальной модернизации этносоциума. Более низкий уровень освоения техники арузного письма Шахмурзаева, в первую очередь, говорит не об особенностях его образного мышления и способности к восприятию, а прежде всего об информационной среде среднестатистического жителя Балкарии на исходе позапрошлого столетия.

Процессы социальной и экономической модернизации на Северном Кавказе, в частности на территории Балкарии, фактически совпали со временем социальной и гражданской зрелости Саида Шахмурзаева – конец XIX-первое десятилетие XX вв. [Дзагов 2010: 265]. Атрибутика и антураж жизни в горах значительно изменились: огромное количество новых объектов и понятий стало фактом повседневной жизни, изменились традиционная мотивация и аксиология народа. Вспомним показательное описание внешности любимой девушки у балкарского поэта – совершенно невозможная у его предтечи и учителя К.Б. Мечиева.

В отсутствии такой прочной и органической связи с эстетикой и образностью аруза, какими отмечено творчество Мечиева, тенденция к расширению, прежде всего, объемному, количественному сферы эстетического, сферы объектов, допустимых к художественному осмыслению в текстах, для Шахмурзаева была определяющей. Мы не знаем, в какой степени ограничения конфессионального характера, полученные им в процессе обучения, сковывали развития мировоззрения уроженца Чегема. Но, несомненно, некое сопротивление на ментальном уровне имело место быть.

В условиях ограничений, инициированных властными верхами, модернизационных процессов и сохранении патриархального уклада жизни [Боров 2007: 265], внутренние барьеры психологического характера, безусловно, сказались на творческой активности писателя. Так как основным посылом и ресурсом его эстетического взгляда на мир была тяга к познанию нового, стремление к фиксации инновационных полей интеллектуальной деятельности, низкий уровень трансформационных процессов в экономике, в социальной и культурной жизни Балкарии обусловил и соответствующий уровень творческой активности. В то время, как интенсивность создания поэтических текстов его старшими товарищами вошла в свой пиковый режим, Саид Шахмурзаев резко снизил объёмы работы в сфере художественной словесности. Так, по крайней мере, следует из доступной нам хронологизации его наследия.

При этом следует обратить внимание на тот факт, что апперцептивные принципы художественного мышления Шахмурзаева в этот период – конец XIX-начало XX веков – практически совпадали с параметрами эстетических воззрений К. Мечиева. Оба они, естественно, в большей или меньшей степени следовали практикам народной словесности, оба были неплохо знакомы с традициями восточной поэтики, оба не избегали конкретики и материальной наполненности образного представления свойственного карачаево-балкарскому языку в целом. Здесь, по всей видимости, следует отметить, что присутствие сензитивности в национальных текстах можно наблюдать даже в самых архаичных фольклорных произведениях («...Он разозлится, его веки набухнут //...его зубы-кетмени высекут искры // ...В крепости орлиные крылья рассыпятся // От схватки (боя) клинков воздух загорится») [Нарты… 1994: 63].

Характер эстетической рефлексии, соблюдаемый в произведениях двух балкарских авторов единообразен. Это приблизительное равенство указанных институирующих компонент с небольшими концептуальными расхождениями – уже тогда Шахмурзаева интересовали масштабные общественно значимые темы и проблемы, в границах которых он разворачивал свою поэтическую мысль. Простейшее сравнение текстов двух балкарских художников в этом смысле вполне иллюстративно:

Къул – къалтырай эшикде,
Хыбырт тону – тешикли.
//--//
Таш юйюнде от этмей,
Ашаргъа ашы жетмей.
//--//
Ишлейд, белин тюзетмей,
Къыйынлыкъ андан кетмей [Мечиев 1989: 136].
//--//
Слуга – дрожит на улице,
Его сыромятный полушубок дыряв.
//--//
В каменном доме не разведён огонь,
Еды у него не хватает.
//--//
Работает, не разгибая спины (поясницы),
Бедность от него не уходит [перевод Бауаев К.К.].

Это строки Кязима Мечиева, из стихотворения «Къар жауады» (Снег идет), созданные им в 1886 г. В том же апперцептивном ключе написано одно из дореволюционных стихотворений Саида Шахмурзавева:

...Патронла ишлеучю эдим
Казармада олтуруб,
Тенглериме къараучедим
Кёзлерими толтуруб.
--//--
Пелиуан кеме келеди

Толкъун сууда къан отха,
Насыблы бала мен болсам,
Тюшмез эдим солдатха... [Шахмурзаев 1957: 19].
--//--/
... Я делал, бывало, патроны,
Сидя в казарме.
Смотрел на своих товарищей,
Наполнив глаза (слезами).
--//--
Сильный корабль подходит
В волнистой воде к кровавому огню,
Если бы я был удачлив (счастлив)
Не попал бы я в солдаты... [перевод Бауаев К.К.].

Несмотря на то, что эти тексты разделяют два десятилетия, в классификационно-хронологическом плане они принадлежат одному эволюционному периоду развития балкарской национальной поэзии, и закономерно отмечены единством образной системы, рефлекторных алгоритмов и моделей представления. Даже резюмирующий вывод каждого из отрывков представляет из себя понятийный вывод, данный на фоне автологических определений и конкретных описаний объектов. У Мечиева предваряющим антуражем являются дырявый сыромятный полушубок, потухший очаг, нехватка еды, работа на износ, а итоговая часть воплощена в «от него не уходящей бедности» – с показательным рационально-понятийным объектом «бедность» в качестве организующий единицы концевого образа из, как минимум, двух строф. Аналогичную картину наблюдаем во фрагменте, принадлежащем перу Шахмурзаева – изготовление патронов, казарма, глаза, полные слез, волны и горящая вода. Ударная точка эпизода – сослагательное «не попал бы я» вкупе с красноречивой в своей иллюзорности «удачей».

Речь шла о формировании авторской литературы балкарского народа, и в этом смысле, Кязим Мечиев действительно предстает перед нами первым балкарским автором, работавшим в сфере светской литературы и признаваемым таковым своими компатриотами. Авторитет Мечиева был столь высок, что он полностью вытеснил из народной памяти всех предыдущих стихотворцев, таких как Абайханов (по причине исключительного интереса к религиозной тематике), других легендарных певцов XVI-XVII веков: Хуболова, Мокаева, Жаникаева, Шаваева – в силу единообразия и унифицированности их творчества, не выходившего за рамки словесной традиции и фольклорной техники. Несмотря на существенные отличительные и уникальные черты поэтики первых балкарских поэтов, они объединены, как уже отмечалось, неким стилевым единством, позволяющим говорить о становлении монолитного потока балкарской литературы.

Однако история распорядилась иначе: после 1917 года поле духовности и ментальности этноса, его традиционная культура и цивилизационные навыки подверглись сильнейшему воздействию как со стороны русского социума, так и со стороны идеологических структур вновь образованного государства. В информационном плане произошла радикальная смена объектного окружения национальных авторов, их аксиологических установок и мотивации творчества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Бауаев 2015 – *Бауаев К.К.* Критерии «новописменности» и авторское самосознание // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2-2. – С. 237.

Бауаев 2017 – *Бауаев К.К.* Эволюционная специфика балкарской поэзии: типология апперцептивных версий // Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Махачкала: Формат, 2017. – 46 с.

Биттирова 2023 – *Биттирова Т. Ш.* Кязим Мечиев: духовно-нравственные поиски и художественный мир поэта. – Нальчик: ООО «Фрегат», 2023. – 344 с.

Боров 2007 – *Боров А.Х.* Северный Кавказ в российском цивилизационном процессе (проблемы социально-культурного синтеза). – Нальчик: КБГУ, 2007. – 297 с.

Гачев 1989 – *Гачев Г.Д.* Неминуемое. Ускоренное развитие литературы. – М.: Художественная литература, 1989. – 439 с.

Дзагов 2010 – *Дзагов Р.Н.* Модернизационные процессы в Кабарде и Балкарии в конце XIX – начале XX века: факторы воздействия и тенденции развития // Исторический вестник. Вып. IX. – Нальчик: КБИГИ. 2010. – С. 257-270.

Коков, Шахмурзаев 1970 – *Коков Дж. Н., Шахмурзаев С.О*. Балкарский топонимический словарь. – Нальчик: Эльбрус, 1970. – 170 с.

Кучукова 2015 – *Кучукова З. А.* Карачаево-балкарская вертикаль. Нальчик: Эльбрус, 2015. – 301 с.

Мечиев 1989 – *Мечиев К.Б.* Собрание сочинений; в 2-х т. Т. 1. Стихотворения и поэмы. – Нальчик, Эльбрус, 1989. – 416 с.

Мечиев 1987 – *Мечиев К.Б*. Стихи и поэмы. – Нальчик: Эльбрус, 1987. – 100 с.

Нарты… 1994 – Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев. – М.: Восточная литература, 1994. – 654 с.

Рашид Ад-Дин Ватват 1985 – Рашид Ад-Дин Ватват. Сады волшебства в тонкостях поэзии. – М.: Наука. 1985. – 149 с.

Теппеев, Биттирова 2003 – *Теппеев А.М., Биттирова Т.Ш*. Шахмурзаев С.О. // Писатели Кабардино-Балкарии XIX – конец 80-х гг. XX вв. Биобиблиографический словарь. –Нальчик: КБИГИ, Эль-Фа. 2003. – С. 397–400.

Узденова 2003 – *Узденова Ф.Т*. Мечиев Кязим Беккиевич // Писатели Кабардино-Балкарии XIX - конец 80-х гг. XX вв. Биобиблиографический словарь. – Нальчик. КБИГИ, Эль-Фа. 2003. – С. 281–285.

Шахмурзаев 1957 – *Шахмурзаев С.О*. Я Сырыйна (Свирельна балк. яз.). – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное изд-во, 1957. – 228 с.

REFERENCES

BAUAEV K.K. *Evolyucionnaya specifika balkarskoj poezii: tipolo-giya apperceptivnyh versij* [The evolutionary specificity of Balkar poetry: a typology of apperceptive versions]. – Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni doktora filologicheskih nauk. Mahachkala: Format, 2017. – 46 p. (In Russ.).

BAUAEV K.K. *Kriterii «novopismennosti» i avtorskoe samosoznanie* [Criteria of "newness" and author's self-awareness]. In: Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. – 2015. – № 2-2. – P. 237. (In Russ.).

BITTIROVA T. SH. *Kyazim Mechiev: duhovno-nravstvennye poiski i hudozhestvennyj mir poeta* [Kazim Mechiev: spiritual and moral searches and the artistic world of the poet]. – Nal'chik: OOO «Fregat», 2023. – 344 p. (In Russ.).

BOROV A.H. *Severnyj Kavkaz v rossijskom civilizacionnom processe (problemy social'no-kul'turnogo sinteza)* [The North Caucasus in the Russian Civilizational process (problems of socio-cultural synthesis)]. – Nal'chik: KBGU, 2007. – 297 p. (In Russ.).

DZAGOV R.N. *Modernizacionnye processy v Kabarde i Balkarii v konce XIX - nachale XX veka: faktory vozdejstviya i tendencii razvitiya* [Modernization processes in Kabarda and Balkaria in

the late 19th and early 20th centuries: impact factors and development trends]. In: Istoricheskij vestnik. – Vyp. IX. – Nal'chik: KBIGI. 2010. – P. 257-270. (In Russ.).

GACHEV G.D. *Neminuemoe. Uskorennoe razvitie literatury* [The inevitable. Accelerated development of literature]. – M.: Hudozhestvennaya literatura, 1989. – 439 p. (In Russ.).

KOKOV DZH. N., SHAHMURZAEV S.O. *Balkarskij toponimicheskij slovar'* [Balkar toponymic dictionary]. – Nal'chik: El'brus, 1970. – 170 p. (In Russ.).

KUCHUKOVA Z. A. *Karachaevo-balkarskaya vertikal'* [Karachay-Balkar vertical]. Nal'chik: El'brus, 2015. – 301 p. (In Russ.).

MECHIEV K.B. *Sobranie sochinenij* [Collected works]; v 2-h t. T. 1. Stihotvoreniya i poemy. – Nal'chik, El'-brus, 1989. – 416 p. (In Russ.).

MECHIEV K.B. *Stihi i poemy* [Poems and poems]. – Nal'chik: El'brus, 1987. – 100 p. (In Russ.).

Narty. Geroicheskij epos balkarcev i karachaevcev [Sleds. The heroic epic of the Balkars and Karachays]. – M.: Vostochnaya literatura, 1994. – 654 p. (In Russ.).

RASHID AD-DIN VATVAT. *Sady volshebstva v tonkostyah poezii* [Gardens of Magic in the intricacies of poetry]. – M.: Nauka. 1985. – 149 p. (In Russ.).

SHAHMURZAEV S.O. *Ya Syryjna (Svirel')* [I am Syryna]. – Nal'chik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izd-vo, 1957. – 228 p. (in balkarian.)

TEPPEEV A.M., BITTIROVA T.SH. Shahmurzaev S.O. *Pisateli Kabardino-Balkarii XIX – konec 80-h gg. XX vv. Biobibliograficheskij slovar'* [Shakhmurzaev S.O.]. – Nal'chik: KBIGI, El'-Fa. 2003. – P. 397–400. (In Russ.).

UZDENOVA F.T. *Mechiev Kyazim Bekkievich* [Mechiev Kazim Bekkievich]. In: Pisateli Kabardino-Balkarii XIX – konec 80-h gg. XX vv. Biobibliograficheskij slovar'. – Nal'chik. KBIGI, El'-Fa, 2003. – P. 281–285. (In Russ.).

Информация об авторе
К.К. Бауаев – доктор филологических наук, доцент.
Information about the author
K.K. Bauaev – Doctor of Philology, docent.

Статья поступила в редакцию 10.03.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.06.2025 г.; принята к публикации 27.06.2025 г.

The article was submitted 10.03.2025; approved after reviewing 15.06.2025; accepted for publication 27.06.2025.

ЩIэныгъэ тхыгъэ
УДК 821.352.3
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-2-203-213
EDN: QJNIPU

ЛЪЭПКЪЫМ И ГЪАЩIЭ БЛЭКIАР АНЗОР МУХЬЭМЭД И «АТЭЛЫКЪЫМ И ЛIЭУЖЬЫР» ПОВЕСТЫМ КЪЫЗЭРЫЩЫГЪЭЛЪЭГЪУЭ-ЖАР

Бозий Наимэ Борис ипхъу
Бэрбэч Хь. М. и цIэр зезыхьэ Къэбэрдей-Балъкъэр къэрал университет, Налшык, Урысей, naimabozieva@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-0767-2825

Аннотацэ. Мы тхыгъэр хуэгъэпсащ лъэпкъым и гъащIэ блэкIар шэрджэс тхакIуэ Анзор М. «Атэлыкъым и лIэужьыр» и повестым къызэрыщыгъэлъэгъуэжар зэпкърыхыным. Статьям гулъытэ лей щыхуэщIащ тхыгъэм щIэлъ гупсысэ нэхъыщхьэр, иIэ гъэсэныгъэ мыхьэнэр къэгъэнэхуэным, къигъэсэбэпа литературэ Iэмалхэм. Мы лэжьыгъэм и пщIэр къеIэт темэр щIэуэ зэрыщытым, адыгэ литературэ щIэныгъэм Анзор Мухьэмэд и творчествэр нобэр къыздэсым къихутэну зэрыхунэмысам. Араш тхакIуэм и повестыр анализ тщIыну дыщIеувэлIари. ИкIи къыхэгъэщын хуейщ ди къэхутэныгъэхэм кърикIуахэр мы статьям къызэрыщыдгъэлъагъуэр: а) Анзор Мухьэмэд образ гукъинэжхэр къигъэщIащ; б) зекIуэ зэманым екIуэкIа Iуэхугъуэ зыбжанэ IупщIу къигъэлъэгъуащ, адыгэ тхыдэр, лъэпкъ хьэлыр, лIыгъэр тхакIуэм ди пащхьэ кърилъхьащ. «Атэлыкъым и лIэужьыр» лъэпкъым и шыфэлIыфэр, и хьэл-щэныр, зыгъэгуфIэ-зыгъэпIейтей Iуэхугъуэхэр, и блэкIамрэ и нобэмрэ зэпызыщIэ, и къэкIуэнум ущIэзыгъэхъуэпс тхыгъэщ. Статьям дыщелэжьым, къэдгъэсэбэпащ зэпэлъытэныгъэ, тхыдэ-зэгъэпщэныгъэ щIэныгъэ Iэмалхэр, литературэ анализыр, бзэщIэныгъэ хабзэхэр. Абыхэм я фIыгъэкIэ къэхута хъуащ тхакIуэм и тхыгъэм и къыщхьэщыкIыныгъэ нэхъыщхьэхэр, адыгэ литературэм Анзор Мухьэмэд и творчествэм щиубыд увыпIэр. Ди къэхутэныгъэхэм кърикIуахэр къыщыбгъэсэбэп хъунущ лъэпкъ литературэм и тхыдэр щатхыжкIэ, филологие IэщIагъэм хуеджэхэм папщIэ программэхэр, лекцэхэр щызэхалъхьэкIэ. Апхуэдэу статьяр сэбэп хуэхъунущ адыгэ тхакIуэхэм я тхыгъэхэр, зэрыщыту лъэпкъ литературэр урысейпсо щэнхабзэ утыкум ишэным.

Зэрыгъуазэ псалъэхэр: Анзор Мухьэмэд, къэбэрдей-шэрджэс литературэ, повесть, адыгэ хабзэ, лъэпкъым и гъащIэ, тхыдэ.

Цитатэ къызэрыхэпхынур: Бозий Н.Б. Лъэпкъым и гъащIэ блэкIар Анзор Мухьэмэд и «Атэлыкъым и лIэужьыр» повестым къызэрыщыгъэлъэгъуэжар // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 2. – С. 203-213. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-2-203-213. EDN: QJNIPU.

© Бозий Н.Б., 2025

Original article

THE HISTORICAL PAST OF THE PEOPLE IN THE STORY «TRACE OF ATALYK» BY MUKHAMED ANZOROV

Naima B. Bozieva
Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia, naimabozieva@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-0767-2825

Abstract. The article attempts to research the historical past in the story of the Circassian writer M. Anzorov "The Trace of the Atalyk". The work focuses on identifying the peculiarities of the worldview of a modern artist, the connection of his works with life, and an expressed focus on the reliability of the presentation. The relevance of the research topic is determined by the innovative nature associated with the analysis of unstudied works of Kabardino-Circassian literature. Based on the results of the scientific research, the following conclusions are made: a) sensitive perception of the surrounding world allowed M. Anzorov to create a whole gallery of artistic images that are memorable for their spontaneity; b) M. Anzorov's story presents the life, social life, laws, and customs of the Adyghe. The author gives his assessment of all of the above. The introduction of ethnographic digressions into the artistic fabric of the story allows the writer to correspond to the truth of life, emphasize the moral strength of the customs of the people, observance of "Adyghe khabze" (Adyghe) as a way of revealing the national character of the Adyghe, national society. The abundance of ethnographic inserts gives a journalistic coloring to the writer's style. The inclusion of ethnographic essays (about atalychestvo, about kunatskaya, etc.) is artistically conditioned and helps in the movement of the conflict of the story, reveals the national character of the people and time, introduces the worldview, psychology of the Adyghe. These ethnographic sketches correspond to the principle of historicism, act as a link between the past and the present. In the course of the study, a set of scientific methods was used, including comparative, comparative-historical, description and literary analysis, which allow us to determine both the structural models and the substantive-conceptual aspect of the artist's work. The practical significance of the article lies in the fact that the results obtained can become a theoretical support for further research of M. Anzorov's work and for the study of Kabardino-Circassian literature in general. They can also be used in the preparation of undergraduate and graduate students of philological faculties, in lecture courses on national literatures and literature of the peoples of Russia. The article is intended to facilitate the introduction of works of Adyghe (Kabardino-Circassian) literature into the all-Russian cultural context.

Keywords: Mukhamed Anzorov, Kabardino-Circassian literature, story, Adyghe Khabze, life of the people, history.

For citation: Bozieva N.B. The historical past of the people in the story «Trace of atalyk» by Mukhamed Anzorov. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 2. – P. 203-213. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-2-203-213. EDN: QJNIPU.

© Bozieva N.B., 2025

Научная статья

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ НАРОДА В ПОВЕСТИ «СЛЕД АТАЛЫКА» МУХАМЕДА АНЗОРОВА

Наима Борисовна Бозиева

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия, naimabozieva@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-0767-2825

Аннотация. В статье предпринимается попытка исследования исторического прошлого в повести черкесского писателя М. Анзорова «След аталыка». В работе делается акцент на выявление особенности мировоззрения современного художника, связь его произведений с жизнью и выраженная установка на достоверность изложения. Актуальность темы исследования определяется ее новаторским характером, связанным с анализом неизученных произведений кабардино-черкесской литературы. По результатам научного исследования сделаны выводы: а) чуткое восприятие окружающего мира позволило М. Анзорову создать целую галерею художественных образов, запоминающихся своей непосредственностью; б) в повести М.

Анзорова представлены жизнь, общественный быт, законы, обычаи адыгов. Автор дает свою оценку всему вышеобозначенному. Введение в художественную ткань повести этнографических отступлений позволяет писателю соответствовать правде жизни, подчеркнуть нравственную силу обычаев народа, соблюдение «адыгэ хабзэ» (адыгство) как способа раскрытия национального характера адыга, национального общества. Обилие этнографических вставок придает публицистическую окраску стилю писателя. Включение этнографических очерков (об аталычестве, о кунацкой и т. д.) художественно обусловлено и помогает в движении конфликта повести, раскрывает национальный характер народа и времени, знакомит с миропониманием, психологией адыга. Эти этнографические зарисовки соответствуют принципу историзма, выступают связующим звеном между прошлым и настоящим. В ходе исследования применен комплекс научных методов, в том числе сопоставительный, сравнительно-исторический, описание и литературный анализ, которые позволяют определить, как структурные модели, так и содержательно-концептуальный аспект творчества художника. Практическая значимость статьи заключается в том, что полученные результаты могут стать теоретическим подспорьем при дальнейшем исследовании творчества М. Анзорова и при изучении кабардино-черкесской литературы в целом. Они также могут быть использованы при подготовке студентов-бакалавров и магистрантов филологических факультетов, в лекционных курсах по национальным литературам и литературе народов России. Статья призвана способствовать введению произведений адыгской (кабардино-черкесской) литературы в общероссийский культурный контекст.

Ключевые слова: Мухамед Анзоров, кабардино-черкесская литература, повесть, адыгэ хабзэ, жизнь народа, история.

Для цитирования: Бозиева Н.Б. Историческое прошлое народа в повести «След аталыка» Мухамеда Анзорова // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 2. – С. 203-213. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-2-203-213. EDN: QJNIPU.

© Бозиева Н.Б., 2025

«Анзор Мухьэмэд (1940–1995) шэрджэс усакIуэщ, тхакIуэщ, журналистщ, СССР-м и Журналистхэм я союзым хэтащ. Ар зэш имыIэу лажьэу, щIэм лъыхъуэу, зылъыхъуэр къигъуэтыфу псэуа цIыхущ» [Абитов 2008: 257]. Анзор М. и усэхэм, поэмэхэм, рассказхэм, повестхэм я нэхъыбапIэм лъабжьэ яхуэхъуащ езым и гъащIэм щилъэгъуа Iуэхугъуэхэр.

Анзорым нэхъ тхыгъэ пIащэу и Iэдакъэ къыщIэкIахэм ящыщщ «Атэлыкъым и лIэужьыр» повестыр. Ар курыт еджапIэхэм я программэм хэтщ. БакIуу Хъ. къызэрилъытэмкIэ, «тхыгъэм зекIуэ зэманым екIуэкIа Iуэхугъуэ зыбжанэ IупщIу къыщыгъэлъэгъуащ, адыгэ тхыдэр, лъэпкъ хьэлыр, лIыгъэр авторым ди пащхьэ кърелъхьэ. «Атэлыкъым и лIэужьыр» повестыр Мухьэмэд и тхыгъэ нэхъыфIщ» [Баков 2021: 78].

«Атэлыкъым и лIэужьыр» повестым лъабжьэ хуэхъуащ «зекIуэлIымрэ зекIуэшымрэ» лъэпкъым и гъащIэм дежкIэ мыхьэнэ хэха яIэу щыщыта лъэхъэнэ жыжьэм адыгэхэм я псэукIар, лъахэм, унагъуэм илъа хабзэмрэ нэмысымрэ. Гъэсэныгъэ къаруушхуэ зыхэлъ и тхыгъэмкIэ Анзор Мухьэмэд тхылъеджэр къыхуреджэ лъэпкъыр хъума хъун щхьэкIэ, адыгагъэрэ цIыхугъэрэ, губзыгъагъэрэ зышыIэныгъэрэ адыгэу зызылъытэж дэтхэнэми къигъэлъэгъуэн зэрыхуейм. БлэкIам и дерсхэмкIэ щIэгъэбыдэжа а гупсысэр щынэхъыщхьэщ «Атэлыкъым и лIэужьым».

Анзор М. къехъулIащ XIX лIэщIыгъуэм адыгэхэм я псэукIар, ахэр зыгъэпIейтей, зыгъэгуфIэ Iуэхугъуэхэр, пэжагъ ин хэлъу, къигъэлъэгъуэжын. Повестым къызэщIеубыдэ XIX лIэщIыгъуэм и пэщIэдзэр, ИстамбылакIуэ щыщыIа, абы и ужь къит зэманыр. Тхыгъэм къыхощыж залымыгъэр зыхуэмыхьыж, гъэпщылIэныгъэм и бжьы тIуащIэм щIэт адыгэхэм мызэ-мытIэу зыкъызэраIэтыр, абыхэм я губжьыр къызэрыкъубейр. Социальнэ бэнэныгъэр тхакIуэм лъэпкъ фащэкIэ ихуэпащ. Хабзэжьым и щIэину къэна лъыщIэжыныгъэр пэублэ хуохъу повестым щекIуэкI Iуэхугъуэхэм. Сюжетым зэрызиужьым укIэлъыплъмэ, гу лъытэгъуейкъым социальнэ зэпэщIэувыныгъэм зыщIигъэста мафIэм и хъуаскIэу лъыщIэжыр зэрыщытыр. Анзорыр хуосакъ лъэпкъым хэлъ хьэл-щэным, хабзэм лъабжьэшхуэ зэриIэр къызэригъэлъэгъуэным. МащIэ игъэгуIакъым лъыщIэжыным, лажьэ зимыIэ цIыху хей куэдым я гъащIэр ихьащ. Апхуэдэщ, псалъэм папщIэ, Чэрим гъуэнэдэууэ зэраукIар икIи абы илъ щIэжын гъуэгу и къаныр зэрытеувэр.

«Атэлыкъым и лIэужьым» къыхощыж адыгэ лъэпкъым и псэукIар, гугъуехь-гуфIэгъуэ зыхэтахэр, хабзэ хьэлэмэт адыгэхэм яхэлъахэр. Повестым и фIэщыгъэцIэмкIэ къэщIэгъуейкъым абы и темэ нэхъыщхьэр. Ар пасэ зэманым адыгэхэм яIа хабзэращ нэхъыбэу зытеухуар: сабийхэр къану ирату зэрыщытарщ. ЛъыщIэжым увыпIэ нэхъыщхьэ щеубыд тхыгъэм сюжет щыпхрышам. Нэхъыбэу ар зэпхар Бланокъуэ Исмел и атэлыкъ Чэрим илъ ищIэжыну гъуэгу зэрытеувэрщ.

«Атэлыкъым и лIэужьыр» повестым ущрохьэлIэ Мысострэ Исмелрэ я образ купщIафIэхэм. ЛIыгъэм щIыгъуу псэ къабзагъэри, адыгэ нэмысри, фIэлIыкIри, цIыхугъэри, гущIэгъури яфIэмыкIуэду, зыхэхуэ зауэ-банэми, гузавэгъуэми, гухэщIми, гуауэми ахэр пхокI. Араш абыхэм я образхэр гукъинэж зыщIыр. ЩIэныгъэлI Гъут I. зэритхымкIэ «атэлыкъ гъащIэм ипсыхьа Мысострэ Исмелрэ персонаж нэхъыщхьэу кIуэцIрокIыр повестым» [Гутов 2013: 197]. Ахэр хуэпэжщ адыгагъэм, лIыгъэм. ЗекIуэ хабзэри цIыхур зэрагъэунэхуу щытащ адыгэ тхыдэм деж. Абы пыщIа Iуэху хьэлэмэт куэд ди пащхьэ кърелъхьэ тхакIуэм.

Тхыгъэм и лIыхъужь нэхъыщхьэ Мэхъэшокъуэ Къамбот и къуэ Мысост зекIуэлIщ. Абы и лIыгъэм, и щыпкъагъэм, и захуагъэм псори щыгъуазэщ. ЛIыхъужь нэхъыщхьэм япэу дыщыIущIэр къуэрылъху къыхуалъхуам иращIэкI тхьэлъэIурщ. Мысост и ныбжьэгъу къызэхуэсахэм я псалъэхэмкIэ ар зэрыцIыху щыпкъэр, зэрызекIуэлI Iэзэр, хабзэм, нэмысым фIыуэ зэрыщыгъуазэр, и лэжьыгъэкIэ хэкум зэрыщыцIэрыIуэр тхакIуэм къыдегъэлъагъу. Ауэ Мысост хужаIэ хъуэхъухэр зэхимых хуэдэщ, ар гупсысэ хьэлъэ гуэрым иIыгъщ. ЗекIуэ щежьа зэман гуэрым абы ныбжьэгъу къыхуэхъуат Бланокъуэ Исмел. А тIум зэгъусэу бей гуэрым ахъшэрэ дыщэрэ къыфIадыгъуащ. Мысост мылъкур къыщидыгъум, Исмел къыхуиIуэтэжа хъыбар гуэр игу къокIыжри, ахъшэм щыщ и жыпым щегъэпщкIу, апхуэдэ хьэл зэи имыIами. Исмел ар къыщищIэм, Мысостыр егъэукIытэри ахъшэр къызыкъуехыж. ХабзэмыщIэрэ напэ имыIэу къыхужеIэри, къэлътмакъыр къыхуегъанэри йожьэж. Ауэ абы илъым иджыри къэс еIусатэкъым Мысост. Хабзэм, и напэм къемызэгъ зэрыIэщIэщIар ищIэжырти, арат и къуэрылъхур езым ещхь хъуну ар щIыхуэмейр. ХьэщIэ къызэхуэсахэм Исмел яхэсу къыщIокI. ИкIи къотэджри къыжреIэ Мысост, ар игъэунэхуну зэрищIар икIи къэлътмакъым илъым зэрыхэмыIэбэнури абы ищIэрт.

Бланокъуэ Исмел езыр зекIуэлI Iэзэу, хабзэм, нэмысым фIыуэ хэзыщIыкI цIыхуу къыхощыж повестым. Япэу ущрихьэлIэкIэ гу лъыботэ ар зэрыцIыху гъэсам, зэрыгубзыгъэм, и атэлыкъым хуэфащэ къану къызэрыщIэкIам. Исмел сытым дежи игу къегъэкIыж и атэлыкъыу щыта, бзаджащIэхэм гъуанэдэууэ яIэщIэукIа МэшыщIэ Чэрим. Абы и псалъитIым язу щытщ Чэрим и чэнджэщхэр, ар зыхуигъасэу, зыхуиущийуэ щыта псалъэхэр. Сыт хуэдэ Iуэху хэмыхуами, Исмел занщIэу йогупсыс: «Си пIэм итамэ, сыту пIэрэт си атэлыкъым ищIэнур?» – жиIэу. Псалъэм папщIэ, Исмел дыгъуакIуэ гупым щахэхуам, абыхэм я нэхъыжьым езэуэн хуей мэхъу. Къамэ кIэщIыр кърипхъуэтауэ къыбгъэдэлъадэм щеплъым, абы игу къокIыж и атэлыкъым зыхуигъэсар: «...къамэр зэриIыгъ Iэм зэхищIэу лъакъуэкIэ соуэри къамэр IэщIолъэт, мэлъейри, жыр къабзэр псалъэу мывэ къуршхэм хохуэ...» [Анзоров 1995: 21].

ГъуэгурыкIуэм ныбжьэгъу къыхуэхъу щIалэхэр абы еущий, и атэлыкъым и IуэхущIафэхэр яхуеIуатэ, ахэр егъасэ: «...зекIуэ хабзэр пщэдджыжь уэсэпсу кIуэдыжынщ зекIуэлI къэс и гъуэгур адэкIэ пызыщэн нэхъыщIэ имыгъэхьэзырмэ, имыпсыхьмэ...» [Анзоров 1995: 36].

ЗылъэмыкIыр хэзыутэхэм, хамэ пщIантIэпскIэ псэухэм япэщIэувэфу, дэкъузахэм къыщхьэщыжу, захуагъэм папщIэ гугъуехьми шынагъуэхэми ерыщу пэщIэтыфу игъэсащ Исмел и атэлыкъым. Атэлыкъым и лIэужьыр абы пкъырытщ щIэныгъэу, акъылу, къарууэ. ИкIи «лIэужьыр бжьиблкIэ мауэ», жыхуаIэращи, а лIэужьырщ фIымрэ Iеймрэ зэпэщIигъэувэу, зэригъапщэу, абы езым гъащIэ дерс къыхихыфрэ нэгъуэщIхэм чэнджэщ нэс яритыфу Исмел езыгъэсар.

ТхакIуэм убгъуауэ и гугъу ещI Бланокъуэ Исмел и атэлыкъ Чэрим и IуэхущIафэхэм. Исмел сыт хуэдэ Iуэху хэмыхуами занщIэу и гур мажэ и атэлыкъ Iущым и деж. МэшыщIэ Чэрим хэкум щыцIэрыIуэ зекIуэлIу щытащ. Ар къэзымыцIыху адыгэ щIыналъэм исакъым. Исмел куэдым хуигъэсат, абы и чэнджэщхэр, и псалъэ Iущ куэдхэр сытым дежи игу къэкIыж зэпытт. Тхыгъэм ущеджэкIэ хыболъагъуэ Чэрим и IуэхущIафэхэм пызыщэн, абы и лIэужь дахэр зымыгъэкIуэдын щIалэ дунейм къызэрытринар.

Чэрим тхыгъэм и кIыхьагъкIэ и цIэ къраIуэу, абы и чэнджэщхэр, псалъэ Iущхэр ягу къагъэкIыжу щыт щхьэкIэ, езы лIыхъужьым повестым Iуэху щигъэзащIэу къыхэщкъым. Абы и гъащIэр, и IуэхущIафэхэр IуэрыIуатэжу къатщIэу аращ. Чэрим и къан Исмел уэсяту къыхуегъанэ илъ ищIэжыну. А зекIуэлI хахуэр бзаджащIэхэм гъуанэдэууэ яукIат, и Iэщэфащэри и шыри ирахужьэри ежьэжат. ИкIи ахэр къигъуэтыжыну, бзаджащIэ Хьэжбэчыр и мурад фIейхэр зэпиудыну уэсят къыхуищIри дунейм ехыжащ. Абы ехьэлIауэ щытщ повестым и сюжетым къепха адрей Iуэхугъуэхэри. Атэлыкъым и уэсятыр гъэзэщIэным, дунейм Хьэжбэчыр хуэдэ бзаджащIэхэр «тригъэкъэбзыкIыным» и гъащIэр триухуащ Исмел. АбыкIэ дэIэпыкъуэгъу къыхуохъу Мысост, Индрис, Хьэмыщэ, Мышэ, нэгъуэщI куэдхэри.

ЛъыщIэжыныр Мурид и образымкIи къэгъэлъэгъуэжащ. Ар ныбжьышхуэ зимыIэ щIалэ хахуэщ. Мурид и образым гуэхыпIэ имыIэу епхащ и адэ Емызэгъ Жыраслъэн. Тхыгъэм ар эпизод персонажу къыщыкIуэу къэплъытэ хъунущ, сыту жыпIэмэ абы теухуауэ и къуэм къиIуэтэжым фIэкIа нэгъуэщIкIэ повестым къыхэщыжу щыткъым Жыраслъэн. Хьэжбэчыр ижь Iей зыщIихуахэм ящыщщ ар.

ХъунщIакIуэхэм япыщIауэ щытауэ къытралъхьа пщIыр хуэмышэчу ар дунейм ехыжащ. Зи щхьэ пщIэ хуэзыщIыж, зи щIыхьым зы мащIэ дыдэкIи ныбжь тримыгъадзэу псэу, гу хьэлэлрэ псэ къабзэрэ зиIэ, лIыгъэ зыхэлъ зекIуэлIым, а пщIым и гъащIэр зэпиудащ. Жыраслъэн хуэдэ куэд игъэунэхъуащ Хьэжбэчыр.

Уэркъыжь Исхьэкъ и къуэ Хьэжбэчыр гурымыхь образу къыщыгъэлъэгъуащ повестым. И Iуэхущ Iафэхэм, дуней тетыкIэм къагъэлъагъуэр ар зэрымыцIыху щIагъуэр. Куэдым лей ирихащ а хъунщIакIуэм. Исмел и атэлыкъ цIэрыIуэ, хэку псом къыщацIыху, пщIэрэ щIыхьрэ зиIэ зекIуэлI хахуэр гъуанэдэууэ иукIащ, къуажэ-жылэ куэд ихъунщIащ абы, мылъку зыIэригъэхьэн мурадкIэ, ауэ сыт хуэдэ мылъку зэтримылъхьэми Хьэжбэчыр ирикъужыртэкъым, дуней псор зыIуригъэлъэдэну, лъэгущIэт ищIыну хэтт. ДауикI езым и къару закъуэкIэ а щIапхъэджагъэхэр абы зэхищIыхьакъым. Къуажэ-къуажэкIэрэ абы сабийхэр къригъэдыгъуурэ хамэ къэралхэм, Тыркум ярищэрт. Абы дежкIэ нэхъыщхьэр абыхэм къащIих мылъкурт. Исмел, Мысост, Мурид, Индрис сымэ я гупхэр зэгъусэу тоуэ хъунщIакIуэм зыщигъэпщкIу бгъуэнщIагъым. Хьэжбэчыр занщIэу яукIыркъым. Хуэфащэ тезыр лъагъэсыжащ абы.

Повестым дыщызэхуэзэ лIыхъужьхэм я хьэл-щэнхэр зэтехуэркъым, я теплъэр зырызщ. Дэтхэнэ зыми и псалъэкIэ, и плъэкIэ, и къэкIухьыкIэ, и зыIыгъыкIэ, хабзэ, нэмыс иIэжщ. Апхуэдэхэщ, псалъэм папщIэ, Индрис, Хьэмыщэ, нэгъуэщIхэм я образхэри.

Индрис нэмыс зыхэлъ, зэрыгъэсари, къару ин зэрыкъуэлъри плъагъу зекIуэлI Iэзэщ. Абы хэлъэтышхуэ иIэщ, зэрылъашэм щхьэкIи къэмынэу. «Пабжьэ хъейм дыгъужьищэ къыхэжу зылъэгъуахэм» [Анзоров 1995: 47] зэращымыщыр уолъагъу Индрис.

ТхакIуэм и бзэм и къулеягъым, абы и Iэзагъым и зы нэщэнэу жыпIэ хъунущ дэтхэнэ зы лIыхъужьми и гурыгъу-гурыщIэхэр кууэ къызэриIуэтэфыр, абыхэм я теплъэмкIэ я гум щыщIэхэр къызэрыбгуригъэIуэфыр. Псалъэм папщIэ, Индрис япэу дыщыIущIэкIэ абы тхакIуэм гу лъыдегъатэ: «...лIым и нэ дахэхэм нэщхъеягъуэ гуэр зэрыщIэтым къыбжиIэт и гум имыхуэж гуауэшхуэ зэригъэвыр... Езыр лIы къуэгъущ, лъагэщ, плIабгъуэщ. Ар зэрыныкъуэдыкъуэ-ракъым зекIуэлIхэм я гум къинар, абы и нэ дахэхэм щIалъэгъуа нэщхъеягъуэ-ращ» [Анзоров 1995: 73].

Индрис и цIэ дыдэр Мыхьэмэтт. Езыр щIалэ танэ цIыкIуу Тыркум щащауэ щытащ. И адэ Жылэкъан Хьэлым къуажэпщ Хьэщпакърэ Хьэжбэчыррэ яIэщIэкIуэдащ, и анэри гъэрыпIэм иту псэуащ. Индрис и нэгум илъ нэщхъеягъэр арат къызыхэкIыр.

Повестым цIыхубз образу къыхэщыжыр Исмел и щхьэгъусэ Дахэнагъуэщ. Исмел и ныбжьэгъухэм яхуиIуэтэж зы хъыбарым щыщу хыдолъагъуэ ар. Абы илэжьа Iуэхугъуэ тхакIуэм щыгъуазэ дызыхуищIымкIэ бзылъхугъуэм и хьэл-щэныр, и акъылыр, нэмыс хэлъыр къэгъэлъэгъуа мэхъур. Исмелрэ Дахэнагъуэрэ джэгум хэту япэу зэрыцIыхуауэ щытащ. Жэщищ-махуищкIэ а тIум я хьэгъуэлIыгъуэр дихащ Чэрим. Хъыджэбз цIыкIу щыздагъуэтым, и атэлыкъым унагъуэ щхьэхуэу игъэтIысыжащ. Ахэр зэдэпсэуащ адыгэ нэмыс я унагъуэм илъу, цIыхугъэмрэ пэжыгъэмрэ щытепщэу. ЗэгурыIуэныгъэ илът я унагъуэм. Чэрим зэрыжиIэти: «...зэгурыIуэ щакIуэхэм щыхьыр я Iэрылъхьэщ, зэгурыIуэ унагъуэм и насыпыр куущ» [Анзоров 1995: 207].

Дахэнагъуэ и образымкIэ Анзорым къигъэлъэгъуэжын хузэфIэкIащ адыгэ бзылъхугъэм и напэмрэ и щIыхьымрэ ихъумэжын папщIэ имыщIэфын зэрыщымыIэр, абы бгъэдэлъ къарур, пэжыгъэр, нэмысыр, хабзэр. «Щауэр зыгъэщауэр гуащэщи, гуащэр зыгъэгуащэр щэнщ», зыхужаIэм хуэдэ бзылъхугъэт Дахэнагъуэ [Анзоров 1995: 77].

Тхыгъэм хэт псори Анзорым зэрепх лъы щIэжынымкIэ. Хэти и адэ-анэм илъ ещIэж, хэт и къуэшым илъ, хэт атэлыкъым, нэгъуэщIхэми. ЛIыхъужьхэр зэхуозэ Чэрим илъ щIэжын гъуэгум Исмелрэ Мысострэ техьа нэужь. Хьэжбэчыр лей зримыха, имыгъэгуIа исыжтэкъым хэкуми, лъы зыщIэжынухэр гупыфI зэрогъэхъу. Повестым щыпхиша гупсысэ нэхъыщхьэу къыдолъытэ адыгэ лъпкъыр ижьижьыж лъандэрэ зыдэт дэкъузэныгъэм къыдэзышын гъуэгу захуэ адыгэ лъэпкъым зэрыпхишар. ГъукIэлI Iэзэу тхыгъэм къыхэщыж Хьэмыщэ зэрыжиIащи, «ЗэрыIыгъ джэдухэр зэгурымыIуэ дыгъужьхэм ятокIуэ» [Анзоров 1995: 63].

«Атэлыкъым и лIэужьыр» повестым къыхэщыж образхэмкIэ тхакIуэм дегъэлъагъу пасэ зэманым псэуа цIыхум и теплъэр, и шыфIэлIыфIэр. Абыхэм яхэлъа пщIэр, хабзэр, нэмысыр Анзор М. удихьэхыу къигъэлъэгъуэжыныр хузэфIэкIащ. Адыгэ тхыдэм и гъуджэ пэлъытэщ абы и повестыр. ЛIыгъэмрэ цIыхугъэмрэ зехьэгъуафIэкъым. ЦIыхухэм я губгъэн фIэмылIыкIыр ар цIыхукъым. УлIу пащIэ птетмэ, лъэпкъ Iуэху зепхуэн, зепхьэн хуейщ, я нэхъ шынагъуэ дыдэу уи кIуэдыр къикIынуми укъимыкIуэту. Аращ адыгэ псалъэжьым «Е улIын, е улIэн» щIыжиIэр. «ЛIыгъэншэу лIэщIыгъуищэ къэбгъэщIарэ лъэужьыншэу укIуэдыж нэхърэ, мащIэ дыдэ бгъащIэрэ лIэщIыгъуищэкIэ уи лъэужьыр мыкIуэдыжым нэхъыфIкъэ!» – жеIэ Сосрыкъуэ. Мис а гупсысэ хьэлэмэтымкIэ псыхьащ Анзор М. и лIыхъужьхэр.

Анзор М. и повестым нэхъ гу зылъозыгъатэу хэлъ хьэлэмэтагъхэм ящыщщ абы и бзэр зэIубзу, Iуэрыуатэм и хабзэм тету зэрыщытыр, бзэм къулеигъэу иIэр къызэригъэIурыщIэфыр, персонажхэм дэтхэнэ зыми псэлъафэ иIэжу зэрыщытыр. Абы къыщынэмыщIауэ, абы и тхыгъэм и кIыхьагъкIэ хэпхъауэ хъыбархэр, уэрэдхэр, таурыхъхэр, гъыбзэхэр, псалъэжьхэр, щIагъыбзэ зыщIэлъ псалъэхэр, хъуэрыбзэхэр хэтщ. Ахэр IэкIуэлъакIуэу авторым къызэригъэсэбэпым къешэ повестыр пкъыфIэу, зэманым декIуу зэрыщытыр.

«Атэлыкъым и лIэужьыр» повестым къыщыгъэлъэгъуащ адыгэм Iэщэу зэрахьэу щытар, я унэхэр, псэуалъэхэр зыхуэдэр, цIыхубэр щызэхуэс пэкухэр, хасэхэр зыхуэдэр. Лъэпкъым и этнографием щытепсэлъыхькIэ нэрылъагъу пщохъу тхакIуэр адыгэ лъэпкъым, Кавказым ис лъэпкъхэм я хабзэм, шыфэлIыфэм, псэукIэм, щыIэкIэм зэрыщыгъуазэр.

ТхакIуэм зэманым и нэщэнэхэр зэригъэмыкIуэдыным хущIокъу икIи ар зэрыхузэфIэкIкIэ иужь итщ адыгэ лъэпкъым и гъащIэм щыщ дэтхэнэ зы мэскъалри IупщIу ди нэгу къыщIигъэувэным. ИкIи ар абы къехъулIауэ къэплъытэ хъунущ. Псалъэм папщIэ, адыгэ хьэщIэщым щIэлъ хьэпшыпхэм я гугъу щищIкIэ, ахэр къызэригъэлъагъуэм ущыкIэлъыплъкIэ, IупщIу уи нэгу къыщIоувэ зи гугъу ищI лъэхъэнэр. Повестым тхакIуэм нэхъ зи гугъу щищIыр цIыхухъу хьэщIэщырщ: абы щIэтщ цIыхухъур зыхуейну Iэмэпсымэхэр, и Iэщэ-фащэр зыфIидзэнур, тас-къубгъаныр, гъуэлъыпIэр, Iэнэ лъакъуищыр; пщIантIэм

щхьэхуэу иІэщ хьэщІэм и шы фІэдзапІэр, абы и шым сытым дежи шхын щигъуэтынущ здекІуэлІа бысымым деж.

Анзор М. гъащІэ блэкІам епхауэ къэхъуа Іуэхугъуэхэм езым и Іуэху еплъыкІэхэр иретыж. Псалъэм папщІэ, лъыщІэж Іуэхум и гугъу щищІкІэ гу лъыботэ тхакІуэм ар цІыхухэм зэрадиІыгъым. Ар зэхуагъэм, лІыгъэм и нэщэнэу къелъытэ абы. Хьэжбэчыр трилъхьэ тезырымкІэ къыбгуроІуэ Мурид, Исмел, Мысост сымэ ялъ зэращІэжыр зэрадиІыгъыр, сыт хуэдизу ар гущІэгъуншэІуэу щымытми. Ауэ уегупсысмэ, Хьэжбэчыр зэрихьа лейхэм къапэкІуа тезырыр езым къилэжьыжащ.

Удихьэхыу, зэман блэкІар уи нэгу къыщІигъэувэжу къигъэлъэгъуэжащ тхакІуэм лІыхъужьхэм я теплъэр, пасэрей зекІуэлІым и фащэр, и зыІыгъыкІэр. Псалъэм папщІэ, «...пащІапцІэр ныкъуэтхъущ, и пэр бгъэпэщ, набдзапцІэщ. Хъурыфэ пыІэри, цейри, лъейхэри зы плъыфэщ – фІыцІэщ» [Анзоров 1995: 14]; «...дыгъэмрэ жьыбгъэмрэ къамылыфэ-морафэ зытрагъэуа нэкІум узыІэпашэрт,... шхуэмылакІэмрэ уанэ къуапэмрэ зыІыгъ и Іэ щэджащэхэм, пащІапцІэм лІы пхъашафэ къытрагъауэрт» [Анзоров 1995: 44].

Зэман блэкІам и шыфІэлІыфэхэр гукъинэж зыщІхэм ящыщщ повестым хэт цІыху зэмылІэужьыгъуэхэм, нэхъыжьхэми нэхъыщІэхэми я хьэл-щэным, ахэр зэрыт щытыкІэм екІуу, я псэлъэкІэхэри зэрызэхэщхьэхукІар. Гу лъомытэу къанэркъым, щІалэщІэ цІыкІухэм зэпадзыжу зэІэпах хъуэрыбзэхэм; Іэнэм щыбгъэдэсми, гупым щахэтми, уелъэпэуэнкІэ Іэмал имыІэу яхэлъа хабзэ дахэхэм, хъуэхъу телъыджэхэм. Ахэр телъыджэм къыщымынэу, тхыгъэм «хэгъэпщІауэ» щымыту, повестыр зытещІыхьа Іуэхухэм быдэу епхащ.

А зэманым адыгэхэм яІа псэукІэм хуэщІауэ пщІантІэхэр, унэ кІуэцІхэр зэрыщытам, ахэр къэзыухъурейхь дунейр зыхуэдэм нэІуасэ ухуохъу. Уеблэмэ, ахэм я шхыныгъуэу щытахэм тхакІуэр щытепсэлъыхькІэ пхулъэмыкІыу уи гурыІупсыр къегъажэ: «... шыуан цІыкІумкІэ лы гъэгъуар тІэкІу щІагъэжьыхьыжу къыщІэкІынщ, итІанэ шей ягъэвэнщ..., мэжаджэ щыІэщ, матэкхъуей гъэгъуа хъурейшхуэхэр апхуэдэщ» [Анзоров 1995: 191].

Телъыджэу къэгъэлъэгъуэжащ адыгэлІымрэ адыгэшымрэ зэтауэ я гъащІэр зэрахьым, щысабийм щыщІэдзауэ ныбжьыщІэхэр лІыгъэшыгъэм хуагъэсауэ зэрыщытым теухууэ тхакІуэм щыгъуазэ дызыхуищІхэр. АдыгэлІым уанэгур игъуэтамэ, дуней псор езым ейщ. ШыфІ зиІэ адыгэр ежьэнущ, зекІуэ кІуэнущ, и лІыгъэр игъэунэхунущ.

ЛІыгъэм, цІыхугъэм щІапІыкІа пасэрейхэр арщ ди щІэблэр къызытехъукІар жыуигъэІэу гушхуагъэ къыпхелъхьэ Анзорым и повестым. Зэманым куэдкІэ зихъуэжами, ди щІэблэм дежкІэ гъэсэныгъэ тэмэмхэм, адыгэ хабзэм, цІыхугъэм и щапхъэ дахэ куэд повестым нэрылъагъу къытщещІ. Ар и щыхьэтщ Анзорым и тхыгъэм иІэ художественнэ къарум. «Атэлыкъым и лІэужьыр», шэч хэмылъу, езы тхакІуэм и творчествэм и мызакъуэу, шэрджэс литературэм и хэлъхьэныгъэхэм ящыщ зыщ.

Повестыр бзэ дахэ, шэрыуэкІэ тхащ. Абы псалъэжь, псалъэ шэрыуэ, жыІэгъуэ, псалъэ Іущ, купщІэ зиІэ псалъэ куэд къыщыхьащ. Псалъэжьхэр къыщигъэсэбэп зэманым къекІуу къихьащ тхакІуэм. АбыхэмкІэ Анзорым и лІыхъужьхэм я гурылъ-гурыщІэхэр, гупсысэхэр къаригъэІуэтащ. Апхуэдэхэщ,

псалъэм папщIэ: «ЛIэужьыр бжьиблкIэ мауэ», «Бэгу зиIэ тIэхъуалэщи, гукъеуэ зиIэ псалъалэщ», «Уи кIэм къеIусэмэ, пыупщI», «Акъылым и анэр гупсысэщ», «Джанэ мылажьэрэ лажьэ мыIуэтэжрэ щыIэкъым», «Бгъэплъыщэмэ, мывэри зэгуоуд», «Блэр бэгмэ, и гъуэм ихуэжкъым», «Жьэ лIыкIуэ нэхърэ хьэ лIыкIуэ», «Дыгъэр пшэр щIилъафэкIэ ункIыфIыркъым», «Хейм и мэжаджэ Iыхьэ гъуэгум телъщ», «ПащIэ гъэлыгъуэ джэгу хэлъкъым», «Гур мыплъэмэ, нэри плъэркъым», «Узэщэ нэхърэ узэтэ», «НыбжьэгъуфIыр тхъущIэж зыщIэлъ мэрамысэм хуэдэщ», «Ныбжьэгъуркъэгъуэтыгъуейкъым, ар Iыгъынращ гугъур», «Ныбжьэгъузиркуэдыргубгъуэшхуэу фабгъуэщи, ныбжьэгъу зи мащIэр Iэгуфэ щызу Iузэщ», «НыбжьэгъурбийумыщI», «Зэныбжьэгъугъэщыпкъэрэ псына-щхьэ къабзэрэ», «Ныбжьэгъугъэм и лъабжьэр дзыхьщи, дзыхьыр зыгъэщы-пкъэр къуэшым хуэдэщ», «Къэпым и щхьэр умытIатэу хьэ илърэ ху илърэ къыпхуэщIэнукъым», «ЗэрыIыгъ джэдухэр зэгурымыIуэ дыгъужьхэми ятокIуэ», «Фочым зы цIыху иукIащ, бзэм – нэрыбгэ мин», «Щхьэлым щыIам нэхъыбэ жиIащ зауэм щыIам нэхърэ», «ЩыхупIэм гур щыхуа нэужь гъуэгур зыгъэлъэгъуэн куэд къыкъуокIыр», «Iей пщIауэ фIым ущымыгугъ», «Хьэр хахуэм йобэн, къэрабгъэм йодзакъэ», «Мэзым мыщэ щIэмысмэ тхьэкIумэкIыхьыр къыщофэ», «ЛIэным лIыгъэ хэлъу жаIэр», «ЗэкъуэшитIрэ дзитI зыIутрэ», «И пщIантIэжь хьэри щылъэрыхьщ», «Хамэ жьантIэ нэхърэ си бжэкъуагъ», «Iуэхум и пэублэр банэщ, ауэ и щIагъыр тхъущ», «Сабий зэрымыс унагъуэрэ псы зэмыкIуалIэ щхьэлрэ», «И куэбжэпэм Iутыжмэ адакъэри хахуэщ», «Уемыгупсысу жомыIэ, жыпIамэ утемыкIыж», «ПцIым икIуфыр зы бжьизщ», «НыбжьэгъуищэрмащIэщи, зы бийри куэдщ», «Былым мин зиIэр хокIуадэри, ныбжьэгъу мин зиIэр къол».

Псалъэжь, псалъэ шэрыуэ, хъуэрыбзэ дахэхэр IэкIуэлъакIуэу къызэрыщыхьам и закъуэкъым гу зылъытапхъэр. Повестым адыгэбзэм къыщамыгъэсэбэпыж псалъэ куэди ущыхуозэ. Псалъэм папщIэ: куэншыбэ, гуэзнэч, бэтэгъэ, къурамбей, хьэмшэс, н.

Природэм, пейзажым къалэнышхуэ щагъэзащIэ повестым. ИкIи ар епхащ лIыхъужьым игу щыщIэхэм. ТхыгъэмкъыщокIуэ щIагъыбзэ зыщIэлъ псалъэхэри: «уи шыр къызэрыпхуэпэжыр уи фIэщ щIы, ауэ щэлъахъэ теплъхьэну зыщомыгъэгъупщэ».

Повестыр гъэщIэгъуэн къыпщызыщIхэм ящыщщ тхакIуэм къиIуатэ Iуэхугъуэхэм ядэкIуэу адыгэхэм яIа хабзэ щхьэхуэхэм я гугъу къызэрытхуищIыр. ЛъыщIэж, зекIуэ, атэлыкъ яIэу зэрыщытахэм нэмыщI, бгырыс лъэпкъхэр, псом хуэмыдэу шэрджэсхэр, адрейхэм къащхьэщыкIт хьэщIэм хуащI пщIэхэмкIэ, гъуэгум щызэрахьэ хабзэхэмкIэ, нэхъыжьым пщIэ зэрыхуащIымкIэ, нэгъуэщIхэмкIи.

ЩIыпIэшхуэ щеубыд Анзор М. и повестым адыгэ хабзэм, абы къызэщIиубыдэ псоми. ТхакIуэм дэ къехъулIауэ къыдолъытэ адыгэ лъэпкъым и гъащIэ блэкIар дахэу, зэгъэкIуауэ ди пащхьэм кърилъхьэжыныр. ГъащIэ гъуэгум и зэхэгъэкIыкIэм хэхуа цIыхухэм я гупсысэ щэхухэр, гурыгъу-гурыщIэхэр къыщыгъэлъэгъуэжащ мыбы. ПовестымкIэ Анзорым дегъэлъагъу зауэ-банэм щыхэтым деж, адыгэ лъэпкъым къызэкъуих лIыгъэ мыухыжыр – хэкум и къуэ пажэхэр хьэзырщ я лъахэм папщIэ я псэр ятыну. Дунейр щымамырым деж абыхэм къадекIуэкIыу щыта гуфIэгъуэхэр, хьэгъуэлIыгъуэхэм щызэрахьэ хабзэхэр,

зекIуэ ежьамэ, яхэлъ нэмысыр, лIыгъэр нэгъуэщI куэдри абы хыболъагъуэ. Псом хуэмыдэу Анзорым пэжу, кууэ зэпкърихащ лъыщIэж хабзэм и Iуэхур, атэлыкъымрэ къанымрэ я зэхущытыкIэу щытахэр, хабзэ ткIий щыIахэр.

Повестым хыболъагъуэ адыгэлIым ныбжьэгъугъэр, лъагъуныгъэр, напэр, нэмысыр, укIытэр зыпищIын, ар зэрищэфыни къызэрищэхуфыни дунейм зэрытемытыр, ахэр адыгэ гъащIэм и Iыхьэ нэхъыщхьэу зэрыщытыр. Ауэ ахэр мылъкукIэ зыхъуэжыф куэди адыгэхэм зэрахэтари зыщигъэгъупщэкъым тхакIуэм. Ар, дауикI, ди лъэпкъым и напэр тезых Iуэхугъуэщ, ауэ апхуэдэхэри къехьэкI-нехьэкI хэмылъу къыщигъэлъэгъуэжащ тхакIуэм и повестым.

Лъэпкъ гъащIэ блэкIар щызэфIигъэвэжкIэ, тхакIуэм гулъытэ лей хуищIащ а лъэхъэнэм цIыхухэм я зэхущытыкIэмрэ я Iуэху еплъыкIэмрэ къызэтегъэнэным, лъэпкъ гъащIэм IуэрыIуатэм щиубыд щIыпIэр тэмэму къэгъэлъэгъуэжыным. Ар икIи гурыIуэгъуэщ: пасэрей бгырыс гъащIэр къыгуэхыпIэ имыIэу епхащ лIыгъэкIэ гъэнщIа лъэпкъ эпосым, лIыхъужьыгъэ уэрэдхэмрэ хъыбархэмрэ.

Апхуэдэ щIыкIэкIэ, ди гупсысэхэр къризэщIэткъуэжу, жыпIэ хъунущ Анзор Мухьэмэд и «Атэлыкъым и лIэужьыр» повестыр къэбэрдей-шэрджэс литературэм и хэлъхьэныгъэ гъэщIэгъуэну.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Абитов 2007 – *Абитов В.К.* Адыгские писатели: жизнь и творчество [На каб.-черк. яз: АбытIэ В.Къ. Адыгэ тхакIуэхэр: я къекIуэкIыкIар, я тхыгъэхэр, траухуахэр]. – Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное издательство, 2008. – 340 с.

Анзоров 1995 – *Анзоров М.А.* Наследие [На каб.-черк. яз: Анзор М.Хь. Атэлыкъым и лIэужьыр]. – Нальчик: Эль-Фа, 1995. – 302 с.

Баков 2021 – *Баков Х.И.* Анзоров Мухамед Айсович [На каб.-черк. яз: Анзор Мухьэмэд хьисэ и къуэр] // Адыгские (адыгейские, кабардинские, черкесские, черкесского зарубежья) писатели XIX-XXI вв. Биобиблиографический словарь. В 3-х тт. Т. I: А–И. – Нальчик: Издательская типография «Принт Центр», 2021. – С. 77–78.

Гутов 2013 – *Гутов А.М.* Зарождение и развитие повести [На каб.-черк. яз: Повестым и зыужьыкIэмрэ и тхыдэмрэ] // История адыгской (кабардино-черкесской) литературы. Т. 2 [На каб.-черк. яз: Адыгэ (къэбэрдей-шэрджэс) литературэм и тхыдэ. ЕтIуанэ тхылъ]. – Нальчик: ООО «Тетраграф», 2013. – 480 с.

REFERENCES

ABITOV V.K. *Adyghe writers: life and work* [In the Kabardino-Cherkess language: AbitIe V.K. Adyghe thakIuekher: I k'ekIuekIykIar, I thyg'ekher, traukhuakher]. – Cherkessk: Karachaevo-Cherkess Book Publishing House, 2008. – 340 p. (In Kabardian-Circassian).

ANZOROV M.A. *Heritage* [Na kab.-cherk. yaz: Atelikym i lIeuzhyyr]. – Nalchik: El-Fa, 1995. – 302 s. (In Kabardian-Circassian).

BAKOV H.I. *Anzorov Mukhamed Aisovich* [Na kab.-cherk. yaz: Anzor Mukhemed khyise i kuer]. In: Adyghe (Adyghe, Kabardian, Circassian, Circassian diaspora) writers of the 19th-21st centuries. Biographical dictionary. In 3 vols. T. I: A–I. – Nalchik: Print Center Publishing House, 2021. – S. 77–78. (In Russ.).

GUTOV A.M. *The origin and development of the story* [Na kab.-cherk. yaz: Povestym i zyuzhykIemre i tkhydemre]. In: History of the Adyghe (Kabardino-Circassian) literature. T. 2 [Na kab.-cherk. yaz: Adyghe (keberdey-sherjes) literaturem i tkhyde. EtIuane tkhyl]. – Nalchik: OOO Tetragraf, 2013. – 480 p. (In Russ.).

Авторым теухуауэ
Н.Б. Бозий – филологие щIэныгъэхэмкIэ кандидат, доцент.
Information about the author
N.B. Bozieva – candidate of Science (Philology), docent.
Информация об авторе
Н.Б. Бозиева – кандидат филологических наук, доцент.

Тхыгъэр редакцэм кърагъэхьащ 15.02.2025 гъ.; рецензэ нэужьым къащтащ 15.06.2025 гъ.; къытрадзэнущ 27.06.2025 гъ.

The article was submitted 15.02.2025; approved after reviewing 15.06.2025; accepted for publication 27.06.2025.

Статья поступила в редакцию 15.02.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.06.2025 г.; принята к публикации 27.06.2025 г.

Научная статья
УДК 821.352.3
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-2-214-230
EDN: SLACVZ

ПОВЕСТЬ «ЗАТЕРЯВШИЙСЯ В ГОРОДЕ» ЗАУРА КАНКУЛОВА: ИМЕНА, ЭМОЦИИ, СМЫСЛЫ

Инна Анатольевна Кажарова
Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия barsello@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0002-7431-0840

Аннотация. Статья освещает ряд мировоззренческих и художественных аспектов повести «Затерявшийся в городе» адыгского прозаика З.М. Канкулова. Эскизно представлены эпизоды, связанные с запечатлением памяти о писателе, вхождением его образа в адыгский литературный контекст. Отмечена роль Н.А. Шогенцуковой и З.С. Кануковой в сохранении и популяризации художественного наследия З. Канкулова. Дан краткий обзор изданий его произведений на языке оригинала и в художественном переводе. Среди отмеченных в представленной работе аспектов повести «Затерявшийся в городе» особое место занимает персонажная структура, композиционное построение, особенности эмоционального рисунка, роль имен собственных и наименований, философский подтекст. Продемонстрирована функциональность эффекта обманутого ожидания и предопределяемая этим эффектом роль читательской эмоции, выявлена связь семантики имен с характерами их носителей.

Ключевые слова: Заур Канкулов, адыгская литература, Нина Шогенцукова, Зарина Канукова, повесть, имя, герой, пространство, время.

Для цитирования: Кажарова И.А. Повесть «Затерявшийся в городе» Заура Канкулова: имена, эмоции, смыслы // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 2. – С. 214-230. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-2-214-230. EDN: SLACVZ.

© Кажарова И.А., 2025

Original article

STORY BY ZAUR KANKULOV «LOST IN THE CITY»: NAMES, EMOTIONS, MEANINGS

Inna A. Kazharova
The Institute for the Humanities Research – Affiliated Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, barsello@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0002-7431-0840

Abstract. The article highlights a number of ideological and artistic aspects embodied in the story "Lost in the City" by the Adyghe writer Z. M. Kankulov. In addition, episodes related to the imprinting of the memory of the writer, the entry of his image into the Adyghe literary context are sketched. The role of N. A. Shogentsukova and Z. S. Kanukova in the publication and popularization of the artistic heritage of Z. Kankulov is noted. A brief overview of the publications of his works in the original language and in literary translation is given. Among the aspects of the story "Lost in the

City" actualized in the presented work, a special place is occupied by the character structure, compositional construction, features of the emotional drawing, the role of proper names and appellations, and philosophical subtext. Conclusions are made about the functionality of the effect of deceived expectations and the role of reader's emotion predetermined by this effect, about the connection of the semantics of the names of the heroes with their characters.

Key words: Zaur Kankulov, Adyghe literature, Nina Shogentsukova, Zarina Kanukova, story, name, hero, space, time.

For citation: Kazharova I.A. Story by Zaur Kankulov «Lost in the city»: names, emotions, meanings. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 2. – P. 214-230. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-2-214-230. EDN: SLACVZ.

© Kazharova I.A., 2025

Многим, кто знаком с художественным феноменом Заура Мухамедовича Канкулова (1967–1992), довелось впервые услышать о нем от специалиста по зарубежной литературе, доктора филологических наук Нины Адамовны Шогенцуковой (1953–2022). Трепетно относившаяся к его личности и дарованию еще с той поры, когда он был ее студентом, она переживала как часть собственной судьбы историю его творческого становления и его трагический уход.

Пожалуй, без этого имени не обходился ни один разговор Нины Адамовны о вершинных моментах литературного бытия, и люди, никогда не знавшие Заура, подпадали под его обаяние, его образ трогал душу, а приобщение к магии его слова становилось неизбежностью. В таком «посвящении непосвященных» было что-то оберегающее, ведь отрезок времени между оборвавшим жизнь писателя 1992 годом и годом 2004, в котором появился на свет сборник его произведений, вполне мог оказаться достаточным для того, чтобы многое из воспоминаний поблекло и затерлось.

Не сказать, что до выхода его книги в 2004 г. Заур Канкулов был хорошо известен читателю. Оно и понятно: автор, который только-только начал набирать высоту, еще и в пространстве национальной словесности, что до поры бывает заметно лишь небольшому кругу читателей. Некоторые его сочинения отложились в периодике, при жизни и после. Так, если говорить о периоде до издания сборника, повесть «Затерявшийся в городе» была представлена в 1995 году журналом «Ошхамахо». Для читателя же, не владеющего адыгским языком, долгое время был доступен лишь рассказ «Белая копоть», переведенный Джамбулатом Кошубаевым и опубликованный в газете «Советская молодежь» за 1997 год [Канкулов 1997] (позже, в переводе Л. Маремкуловой, предстанет как «Светлая копоть»).

Нина Шогенцукова, для которой история Заура Канкулова была подобна незаживающей ране, одна из тех, благодаря кому сборник «Затерявшийся в городе» состоялся. Более того, можно говорить, что и вся дальнейшая история этого сборника, в которой будут переводы и переиздания, создавалась теми, в ком она успела высечь искру интереса к феномену Канкулова.

Логично, что ее перу принадлежит и первая литературоведческая работа о писателе, очерк, отразивший дорогие ей черты характера и творчества.

Она пишет о нем в жанре портрета, причем парного, поместив в общую рамку, духовно-интеллектуальную и пространственно-временную, два созвучных для нее образа, Заура Канкулова и Зарины Кануковой. Очерк «Два портрета: Заур и Зарина», должен был войти в сборник ее статей «Лабиринты текста» [Шогенцукова: 2002], но по необъяснимым причинам этого не произошло. И все же, доводя задуманное до конца, Нина Адамовна издала эту вещь отдельной брошюрой. Теперь она существует как приложение к «Лабиринтам текста».

Зарина Канукова, о которой сказано в очерке, ныне известный поэт, прозаик, журналист и драматург. То, что она и Заур люди одной стати, Нине Адамовне, их преподавателю, было ясно как никому другому. Представители одного поколения, становление которого пришлось на непростое время крушения советской стабильности и перехода в реальность весьма условных очертаний, оба живо реагировали на эту реальность погружением в собственные глубины.

В пору учебы Заура и Зарины на филологическом факультете КБГУ действовало литературное объединение, где начинающие писатели могли обсуждать свои опыты, видеть их со стороны. Завязавшаяся в те дни дружба молодых людей не прервалась и с переводом Заура в столицу, на факультет журналистики МГУ. Творческие контакты продолжились в переписке. С этим связан эпизод, который непосредственно приобщает личность Зарины Кануковой к наследию Заура Канкулова, ведь если бы не ее настойчивые поиски, вероятней всего, «Затерявшийся в городе» не добрался бы до читателя, а сгинул бы в почтовых завалах, пополнив печальный список потерь адыгской литературы.

В одном из писем Зарине Заур сообщал, что повесть завершена и рукопись отправлена в Нальчик с тем, чтобы ее отпечатали на машинке. Благодаря той же переписке вскоре стало ясно, что готовая и отосланная машинопись до адресата так и не дошла – вероятно, из-за допущенной в обратном адресе неточности. Как позже довелось убедиться Зарине, повесть долгое время курсировала между почтовыми отделениями двух городов. Сам автор разобраться в ситуации уже не мог, его не стало.

В том же выпуске газеты «Советская молодежь» за 1997 г., в котором был опубликован перевод рассказа «Белая копоть», есть небольшая заметка Зарины Кануковой. Мы приведем ее полностью, поскольку здесь не только необходимые читателю подробности биографии, но еще и возможность уловить эмоцию, на волне которой состоялся сборник произведений Канкулова:

«В 1992 году трагически оборвалась жизнь талантливого кабардинского прозаика Заура Канкулова.

Судьба подарила ему всего лишь четверть века.

Заур родился и вырос в Кабардино-Балкарии, в с. Камлюково.

По окончании школы поступил в КБГУ на филфак, отделение кабардинского языка и литературы. Служил в армии, затем еще год учебы в Нальчике и перевод в МГУ.

Факультет журналистики Заур окончил с отличием. В одном из своих последних писем Заур писал: «Повесть написана, осталось отпечатать ее на

машинке. В планах нечто более грандиозное. Постоянно думаю об этом. Точно знаю одно – надо писать…»

Творческое наследие Заура невелико – повесть и несколько рассказов. Повесть «Затерявшийся в городе» была опубликована в журнале «Ошхамахо» (№ 1, 1995 г.).

Несомненный талант молодого писателя был замечен читателями и критиками. Неординарность, чуткость этого человека чувствовали все, кто с ним общался. Жизнь почему-то распорядилась так, его не стало. Но остались его рукописи, немногочисленность которых не смущает, чтоб издать их отдельной книгой. По этому поводу к нашим читателям просьба: если среди вас есть друзья, знакомые Заура Канкулова, у которых хранятся его неопубликованные работы, письма и т.д., то, пожалуйста, принесите в редакцию. Этим вы, несомненно, поможете нам».

Упомянутой публикации в журнале «Ошхамахо» была предпослана вступительная статья Зарины. На тот момент миновало три года со дня гибели писателя, и она берется побеседовать с его родными, друзьями, близкими. В этой мозаике воспоминаний сошлись слова его матери, педагогов (Нины Шогенцуковой, Хамида Кажарова), автора вступления, и, что особенно дорого – слышен сам Канкулов: *«Голос Заура. Каким он был? Можно догадаться по его рассказам и повести. Но, думаю, лучше всего он слышен в его письмах»*… [Канукова 1995: 53].

Творческое наследие Заура Канкулова, как говорилось ранее, вышло отдельной книгой в 2004 г. [Канкулов 2004]. Сборник «Затерявшийся в городе», куда вошли одноименная повесть и пять рассказов, опубликовало Кабардино-Балкарское книжное издательство «Эльбрус». По свидетельству Зарины Кануковой, для издательств, тем более региональных, это было крайне непростое время, но вопреки всему и благодаря усердию неравнодушных, среди которых особенно выделяется личность заведующего отделом прозы журнала «Ошхамахо» Бориса Кагермазова (1935–2016), книга увидела свет.

Очередной удачей «Затерявшегося в городе» стало его воплощение в русскоязычном переводе Ларисы Маремкуловой. В 2009 г. этот перевод вошел в изданный Фондом С.А. Филатова сборник повестей писателей Северного Кавказа «Цепи снеговых гор».

В 2022 г., к пятидесяти пятилетию прозаика, при поддержке Министерства культуры и по инициативе Союза писателей КБР, сборник «Затерявшийся в городе» вышел на русском языке в издательстве М. и В. Котляровых [Канкулов 2022]. Спустя два года, в 2024, Мария и Виктор Котляровы на собственные средства и при финансовой поддержке участников Кабардино-Балкарской региональной общественной организации по краеведению «Память в наследство», издали сборник под тем же названием, объединив под одной обложкой оригинал и перевод [Канкулов 2024].

Повесть Заура Канкулова «Затерявшийся в городе»: эффект оправданного ожидания

С момента первой книжной публикации «Затерявшегося в городе» прошло больше двух десятилетий, но впечатления от этого события свежи и поныне:

точно вмешательство чего-то сверхъестественного было в том, что невероятность и запредельность, о которой рассказывала Нина Адамовна, вдруг материализовалась и так тихо и обыденно, словно и нет в этом ничего особенного, существует на полке книжного магазина. Осмелимся предположить, что ожидания тех, кто слышал об этом авторе, но не имел возможности почитать, оправдались уже с первых минут знакомства с повестью, которая открывает сборник.

Повесть и пять рассказов. Духовная глубина Заура Канкулова равно определяется в том и другом. И все же характер восприятия повести и рассказов разный, и причина, конечно, далеко не в жанровой индивидуальности. Читая рассказы, проживаешь их не только с интересом, но даже на душевном подъеме, зато повесть воспринимается на совсем иной волне. Прожить и пережить «Затерявшегося в городе» нелегко и непросто.

Есть в истории художественной культуры такие явления, о которых говорят, что, пройдя через них однажды, прежним уже не будешь. «Затерявшийся в городе» Заура Канкулова явно из их числа. Здесь не работают категории «нравится/не нравится», «это мне близко» или же – «нет, не мое». Здесь другое. Это то, что по прочтении так просто не отпустит, и не важно, появится ли при этом желание высказаться, или нет. Рискнувши высказаться, вероятней всего, начнешь издалека: не с того, что и как сказал автор, а как такое вообще оказалось возможным для молодого человека двадцати с лишним лет – прожить и прочувствовать так много за столь короткий срок.

О настоящем искусстве трудно рассуждать, поскольку оно всегда больше самого себя, больше того, кто его создал, и ты словно пытаешься найти подходящие рамки для того, что стремится за свои пределы. Говоря, что настоящее искусство выходит за пределы, мы подразумеваем не только то, что в нем много смыслов, а то, что, выходя за свои пределы, оно каким-то образом задевает нашу жизнь. Повесть Заура Канкулова этим свойством наделена. В том, что прожить произведение и пережить его, то есть пройти сквозь него и не втянуться в напряженный и долгий диалог с ним непросто, убеждаешься ближе к финалу. Можно сказать, приходится отыскивать точки опоры, чтобы его пережить. Оно имеет очень неожиданный и странный финал.

Герой повести, с которым, как выяснится в эпилоге, связано ее заглавие, обыкновенный юноша со своими слабостями, не хороший и не плохой, скорее даже хороший, поскольку иной раз проступает мягкость его натуры, пусть едва заметная, но все же тяга к возвышенному. Это присутствует и на знаковом уровне (плюшевый медвежонок, которого он приносит в подарок на день рождения Залине; нетипичная для его сверстников увлеченность биологией, подавленная, правда, авторитетным мнением родителей), и на уровне его переживаний и реакций (отторжение, которое вызывает в нем возможность телесной близости со случайной девушкой; бережно пронесенное через все школьные годы чувство к Залине). Иными словами, мягкий, порой неустойчивый Феликс скорее вызывает симпатию читателя, нежели что-то противоположное, особенно на фоне своего друга Коли, уверенного, находчивого, «знающего жизнь».

И вот, этот Феликс по какой-то причине проходит через непростые испытания – видения, которые доводят его до полубезумного состояния. В общем-то, видимых причин, по которым он «заслужил» эти испытания, в повести нет, да и

с причинами невидимыми все не очень внятно. По предположению деда Бекула, который помогает юноше преодолеть этот кошмар, с ним говорит прошлое, возможно, потому что в его родне «много таких, чьи души после смерти не нашли упокоения».

Другой персонаж – Ахмед, более осознанный, чистый духом, безусловно положительный. Он составляет контраст не только с Феликсом и Колей, но вообще со всей молодежью, отмеченной в повести. Ахмед словно находится по одну сторону представленной действительности, а все остальные – по другую. Возможно, одна лишь Залина по роду созвучных ей ценностей занимает срединное положение между Ахмедом и всеми остальными. В мире сумбурных ориентиров, порожденном длительным периодом ценностных трансформаций, мыслящий, ищущий, чувствительный и самокритичный Ахмед, подобно воспитавшим его бабушке Марем и деду Бекулу, предстает как продолжатель, а может и хранитель былой гармонии своего этноса. Он и поспособствует Феликсу выйти на путь спасения, выбраться из мрака.

Ахмед познакомит Феликса с дедом Бекулом, старым отшельником, своим наставником, некогда приобщившим его к Корану. Тот его спасет. И жизнь Феликса постепенно начнет приходить в нормальное состояние. Видения отступят, вернется спокойный сон. Жизнь наладится. В его характере проявятся решительные и четкие линии. Все это не даст ему отступить от намеченной цели после неудачи с поступлением в столичный вуз, подвигнет к тому, чтобы преодолевать трудности самостоятельно. Помимо этого, после спасения в Феликсе начнет пробиваться нечто важное и ранее не осознаваемое. Так, будучи вдали от родных мест, он вдруг станет испытывать щемящую тоску по звукам родного языка, которым толком и не владеет, заслышав родную мелодию, он затоскует по этнической наполненности, по смутно осознаваемой, но явно утраченной этнической сути. В общем, он на верном пути. И читатель проживает это спасение вместе с ним, он освобождается от мрака вместе с героем.

Можно ли это назвать эффектом обманутого ожидания, но в финале герой вновь уходит во мрак и, видимо, навсегда. На этот раз причина ухода явственна – его трусость, страх физической боли, лишившие его способности защитить от хулиганов свою девушку, Залину. Выходит так, что на этот раз путь к «спасению» от неминуемого мрака ему указывает близкий друг, Коля – тоже человек сильный духом, только сила эта с отрицательным знаком. «Проводник» Коля абсолютная противоположность Ахмеда, который ранее помог Феликсу выйти на спасительный путь.

Невольно встает вопрос: к чему же был весь этот путь, к чему было спасение, которое оказалось лишь кратковременным высветлением мрака?

Возвращаясь к роковому событию, погасившему едва замаячивший для Феликса свет, как-то не удается до конца поверить в безвыходность его ситуации, а именно в неодолимость овладевшего им страха. Брошенное ему оскорбление – *«кто друга променял на бабу, тот сам баба»* [Канкулов 2022: 96], вызывает в Феликсе совершенно здоровую и естественную реакцию, агрессию. Он пытается дать в лицо своему обидчику, промахивается (такое не редкость!), и уже в следующую

минуту его агрессия улетучивается от встречного удара по шее, от блеснувшей перед глазами цепи. Феликс удирает, оставляя в беде свою любимую.

Если оказавшейся во власти насильников Залине зажимают рот, то убегающему Феликсу никто рот не зажимает: мог бы поднять шум, кричать, звать на помощь, тем более что несмотря на поздний час, парк безлюден не был. Но вопреки всему Феликс бросается наутек, подгоняя себя, судорожно цепляясь за мысль о бессмысленном донкихотстве:

«Феликс схватился за голову и побежал. Скорее! Скорее! Перехватывает дыхание. Слышен крик Залины, он напоминает вопль животного, попавшего в западню. Крик то обрывается, то взмывает вновь. Наверное, ей зажимают рот. Феликс останавливается, но лишь на минуту, страх гонит его дальше. Их много, а он один. Одному против всех – какое донкихотство!» [Канкулов 2022: 96].

Любопытная деталь. Охваченный страхом Феликс покидает парк не как-нибудь, не как придется, а через самое жуткое для него место – «угловой выход из парка, где возвышается памятник Тембалу». Шевельнувшийся в этот момент памятник мог бы стать вымученным оправданием его якобы возобновившегося психоза, однако ничего подобного: словно безмолвный упрек его малодушию «Тембал невозмутимо стоял на пьедестале…» [Канкулов 2022: 96]. Относительно проявлений Феликса перед лицом, если можно так выразиться, двух ужасов, Н. А. Шогенцукова замечает следующее: «Страх Феликса в первом случае связан с воздействием извне. Залина, Ахмед, Бекул избавляют от него. Страх во втором случае обусловлен не потусторонними, а человеческими причинами. Трусость Феликса, его малодушие, его эгоизм действуют изнутри, а от этого не избавит никто, с этим надо справиться самому, здесь нет помощников; в ином случае – нет и спасения. Это уже твой, личный грех, с ним – жить, с ним, а может из-за него, – гибнуть. Оказывается, труднее иметь дело с земным, с повседневным, с наработанным ходом твоей жизни, каждым твоим выбором, любым, даже незначительным поступком, действием» [Канкулов 2022: 17].

Стоит вспомнить, что в самом начале повести, после диалога с полубезумной Залиной, на Феликса наплывали какие-то неприятные видения: запахи крови и пота, похожая на забитую насмерть птичку Залина с остекленевшим взглядом… Теперь же, в финале, этот эпизод как бы «становится на место», проясняя, что беглец, оказывается, вернулся, но вернулся тогда, когда уже ничего нельзя было спасти: «*Я ведь тогда… за подмогой бегал, ты знаешь, я вернулся потом… Куда одному против троих*» [Канкулов 2022: 26].

Выходит, счастье Феликса и Залины разрушил лишь один миг, в котором возобладал страх физической боли. И здесь напрашивается очередной вопрос: а насколько страх физической боли способен превзойти страх за того, кто тебе ближе и дороже всех на свете? Ведь не только для Залины Феликс был *«единственный по-настоящему близкий человек»*. Подобное же в отношении Залины чувствует и Феликс. «*Тебя одну любил за всю свою жизнь, – тихо проронил он вдруг. – Тебя одну»* [Канкулов 2022: 27] – таково спустя годы его признание Залине, запоздалое и неуместное, но, как убеждает дальнейшее повествование,

возвращающее к поре их юности, неразрывность духовной связи Феликса с Залиной действительно была: ей первой он рассказывает о своих видениях, уверенный в том, что она все поймет; ее силуэт видит он на лунной дорожке и хочет быть верен только ей; он ясно осознает, что не мыслит без нее своего будущего. Причем эта связь стала проступать все уверенней, звучать все громче и громче незадолго до трагической развязки их истории. И на таком вот фоне, посреди этого звучания, бегство Феликса – это не просто диссонанс, а прямо-таки вопиющая нелепость.

Однако читатель имеет то, что имеет: автор избрал для своего героя именно такой сценарий, такую участь. При этом он дал ему «говорящее» имя, и это обстоятельство трудно проигнорировать, ведь, повторяя мысль В. Руднева, «у имени собственного этимология – это все, что у него есть, поэтому она для него чрезвычайно важна» [Руднев 2003: 152], и еще: «Для культуры XX в. характерно наделение героев именами собственными в духе мифологического сознания» [Руднев 2003: 152]. Исходя из этого не будет лишним прочитать каждое встречающееся в повести имя как некую иноформу личности его носителя.

Имена

Имя собственное Феликс произошло от латинского «felix 1) счастливый, благополучный; приносящий счастье, благоприятный»; 2) плодородный, плодоносный; 3) богатый» [Латинско-русский… 1952: 257]. Небезынтересна история перехода имени прилагательного felix в имя собственное: «В Римской империи в качестве имени слово изначально практически не употреблялось, лишь изредка добавлялось к имени в качестве прозвища в значении «счастливый» («везунчик»), чтобы подчеркнуть удачливость или «непотопляемость» данного лица. Наиболее известным примером подобного рода является бессрочный римский диктатор Луций Корнелий Сулла по прозвищу Феликс или «Счастливый»»»[1].

И как же в таком случае распознать, о чем именно говорит нам «говорящее» имя героя повести «Затерявшийся в городе»? Может, это имя всего лишь ирония автора над героем? Или же важно расслышать, что в имени был шанс, было счастливое предопределение, которое герой сам же и отверг?

Возможно, чтобы добавить ясности, стоит принять во внимание последующий этап в истории распространения имени Феликс: «Постепенный сдвиг в употреблении слова Felix в качестве имени произошел примерно к первому веку до нашей эры. В таком же значении «счастливый» имя (или прозвище) Феликс стало даваться иноязычным рабам, и впоследствии удерживалось ими, если они становились вольноотпущенниками»[2].

Если предположить, что в перспективе судьбы Феликса была заложена участь раба, то, вероятно, этапы ее таковы: сначала неявные предпосылки в форме подражательства – *«Феликс пытался не отставать от друга. Есть люди с талантом пародирования. Феликс к ним не относился, но сам, кажется, этого*

[1] Феликс (имя) // Википедия. URL: https://wikipedia.org/wiki/%D0%A4%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D1%81_(%D0%B8%D0%BC%D1%8F) (дата обращения: 28.02.2025)
[2] Там же.

не осознавал» [Канкулов 2022: 80], а впоследствии полное подчинение своему «господину» Коле, от которого он покорно сносит даже удар в лицо: *«Коля, до сих пор молча сидевший рядом с водителем, обернулся и чувствительно въехал пьяному в лицо:*

– Чего распоясался, тряпичная душа? Заглохни!

Коля не склонен шутить, кажется, пар идет из его гневно раздувающихся ноздрей. Феликс присмирел и скорбно погрузился в себя» [Канкулов 2022: 29]. Ясней же всего «участь раба» обнаружилась спустя несколько дней после позорного бегства, когда Феликс, представший перед надругавшимся над его девушкой другом, «чтобы спросить с него», с какой-то аномальной готовностью «проглотил» все пустопорожние доводы Коли, и теперь твердо *«знал, что с этой минуты никогда не ослушается лучшего друга»* [Канкулов 2022: 98]. К этому стоит присовокупить одну малозаметную деталь. На протяжении всей повести только в речи Коли фигурирует краткая форма имени его друга – Филя, и благодаря невольной, но весьма упорной ассоциации с собачьей кличкой, она только лишний раз ту пренебрежительность, что замешана в его дружбе.

Но так или иначе это должен был быть раб удачливый, то есть человек счастливый. Однако даже с натяжкой счастливым или удачливым Феликса, раба Коли, не назвать. По всему, несомненно, лишь то, что в кульминации повести странное поведение героя выбивается из ситуации так же, как выбивается из предначертанной судьбы его «счастливое» имя.

Имена других героев тоже со смыслом. Так, имя Залина имеет толкования в разных культурах. «В тюркских языках – «красивая», «великолепная». В переводе с арабского языка имя Залина может означать «жемчужина». Также существует версия, что имя Залина имеет персидское происхождение и означает «красная», «румяная»»[1]. И это далеко не все. Другой источник также указывая, что толкование этого имени «имеет несколько версий, приводит немного иные значения. Первая версия говорит, что имя имеет латинские корни и в переводе дословно означает «цветок розы». По второй версии имя это с арабской историей происхождения и значением «рожденная золотом»[2]. Таким образом, во всех случаях Залина подразумевает нечто прекрасное. Вряд ли с именем этой героини могло быть иначе, недаром же она двоюродная сестра Ахмеда, и недаром оба они внуки бабушки Марем.

Касательно имени Ахмед особой вариативности значения нет. Ахмед – «постоянно благодарящий Бога». Ахмад, Ахмет – (арабское, компонент сложносоставного имени) «прославленный, достохвальный»; эпитет пророка Мухаммеда» [Мусульманские… 2007: 46].

Чуть отступив в сторону, подметим интересный момент. Как мы здесь сказали, духовная сопоставимость Залины и Ахмеда определена кровным родством. Однако в повести есть еще один случай духовной сопоставимости, и весьма

[1] «Жемчужина» Востока: необычное имя Залина. URL: https://shedevrum.ai/post/d10a72f06adb11eea68d222e7fa838a6/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 28.02.2025)

[2] Залина: значение и история имени, судьба и характер. URL: https://1000imen.ru/zhenskie-imena/zalina-znachenie.html (дата обращения: 28.02.2025)

неожиданный, – это Ахмед и Феликс. Совершенно разные, в какие-то мгновения они как будто видят друг в друге собственное отражение. Возможно, это отражение в кривом зеркале, и все же. Вот первое, еще не запятнанное предстоящими проявлениями Феликса, впечатление о нем Ахмеда, когда он видит его на дне рождения Залины: *«А он и на городского мало похож, скромен и очень нерешителен»* [Канкулов 2022: 65]. А вот оценка Феликсом Ахмеда в их следующую встречу, когда они втроем с Залиной идут в кино: *«Робок и скромен больно. До тошноты скромен»* [Канкулов 2022: 68]. Чуть позднее сквозь раздражение Ахмеда по поводу нелепых выкрутасов Феликса проглянет частичное отождествление себя с ним: *«Он и сам раскусил этого парня. Сочувствует его болезни, но до чего раздражает его бесхребетность! А как начнет изображать из себя крутого мужчину, так и тянет схватить его за плечи и встряхнуть: слушай, ты, перестань рисоваться, я тебя насквозь вижу, у меня самого те же проблемы, будь же собой!»* [Канкулов 2022: 79]. И вот уже мнение Ахмеда о Феликсе, где очевидны черты, определяющие его самого: *«Слушая сбивчивую исповедь, Ахмед думал о том, что он заблуждался в первоначальной оценке этого парня. Сейчас он видел перед собой человека ранимого, думающего»* [Канкулов 2022: 85]. Ранимый, думающий… Именно таким знают Ахмеда близкие ему люди – Залина, дед Бекул и бабушка Марем, именно таким видит его и читатель.

Возвращаясь к именам, скажем, что помимо Ахмеда есть еще два персонажа, чьи имена отсылают к сфере духовно-религиозной. Это дед Бекул и бабушка Марем.

Согласно толкованию, приведенному в словаре-справочнике «Мусульманские имена», Беккули – имя тюркского происхождения, означает «раб Господа» [Мусульманские… 2007: 57]. Какие-либо дополнения касаемо имени человека, который помог освоить Ахмеду «язык, на котором нужно «разговаривать» с Кораном», помог Феликсу освободиться от жутких видений, будут излишни.

Марем (Марьям) – это преломленное в кавказском контексте имя христианской богоматери. Вот как характеризует оттенки этого преломления «Энциклопедия черкесской мифологии»: «Марем [Мерем] – богиня земледелия, считалась также покровительницей пчеловодства. Представления о Марем сложились под влиянием образа христианской богоматери (отсюда ее имя)» [Мижаев, Паштова 2012: 214].

Еще одно имя, мелькающее в повести, напрямую связано с бабушкой Марем. Это имя ее дочери, мамы Залины – Марины Петровны (Патовны). Думается, здесь существенно не столько значение имени (лат. «морская»), сколько его обманчивая соотнесенность с Марем, обманчивая настолько, что «загоняет» в скобки настоящее отчество Марины – Патовна. Даже кровное родство бессильно. Созвучная с матерью именем, но бесконечно далекая от нее, по сути, Марина Петровна.

Безусловно, номинация играет не последнюю роль в произведении Заура Канкулова. И здесь важно не только то, как именованы люди, но также – местность и народность. Н. А. Шогенцукова обращает внимание на название села Чарцуко, в переводе с кабардинского «Село называется Лощина Акаций. Через формулу умолчания подчеркивается контраст. Когда-то аромат акаций был

доминирующим, не случайно ведь появилось такое название. Но теперь акации и их аромат и не упоминаются» [Канкулов 2022: 20]. Столь же красноречиво и имя народа, представителями которого являются герои повести – «наршу» – «несомненна ассоциация с нартшу – нарт-всадник» [Канкулов 2022: 8]. От себя добавим, что тему «нартов-всадников» продолжает и фамилия, с которой связаны Марем, Ахмед и Залина. В художественном переводе это не отражено, но в оригинале такое есть: *«Лъэсыдзэхэ къуажапщэмкIэ щыст»* [Канкулов 2004: 10] – «Род Лесидзевых проживал в верхней части села» (перевод наш. – *И.К.*). Звучная фамилия Лъэсыдзэ дословно означает «пешее войско» или, если сообразовываться с проходящим через повесть лейтмотивом судьбы народа, «спешившееся войско»: *«Уже вынудили мужчин наршу спешиться, но они продолжали строить новую жизнь»* [Канкулов 2022: 31].

В зловещем контексте этой повести невольно содрогаешься от значения имени Николай – «Во всех именословах имя Николай объясняется как происходящее от греческого «ника» – «победа» и означающее «Победитель народов» [Русские имена… 2020: 628]. Через всю повесть проходит краткая форма этого имени, Коля, но это, конечно, никак не отрицает смысловые потенции, заложенные в нем. Вот как характеризует «духовное и душевное строение личности» носителя этого имени П.А. Флоренский «Это характер, в котором нет плавных и упругих линий, но все состоит из отрезков прямых. В святом – они символичны и онтологичны, в обыкновенном же человеке – деревянны и черствы. Николай рассматривает себя как центр действий, сравнительно мало ощущая иные силы над собою и под собою» [Флоренский 2006: 563]. И судя по тому, что доволен и счастлив в итоге окажется только Коля, только Коля обретет твердую почву под ногами, он и есть победитель. Но дело в том, что читатель никогда не согласится с таким положением.

Сколь бы причудливые формы ни принимала борьба противоположностей в художественном произведении, разум упорно будет искать себе некую опору – смысл, ради которого автор решил подвести героя и читателя к зловещему итогу.

Траектории смысла

Рискнем предположить, что основное действующее лицо, ради которого Заур Канкулов создает свое творение и к чьим глубинам он пробирается – это душа читателя, ей придется пройти определенные трансформации, соприкоснувшись с этим текстом. И неизбежность этих трансформаций не только в богатой россыпи смыслов, не только в рождающихся спорах читателя с автором и с самим собой.

Заур Канкулов выстраивает произведение таким образом, что читатель оказывается вынужден совершить немалую душевную работу [Кажарова 2016: 162]. В определенной степени этому способствует инверсивное повествование, которое опирается на инверсивно представленное время. Начало повести дает понять, что нас ждет ретроспекция, что герои, а вслед за ними и читатель, направляют взгляд из настоящего в давно прошедшее.

Повесть открывается диалогом двух героев. Феликс и Залина (в прошлом тихая, скромная девушка, возлюбленная Феликса, теперь же городская

сумасшедшая) ведут мучительный разговор во времени настоящем, а все то, что будет происходить дальше – это рассказ о прошедшем, где оба они пока еще чисты и не сломлены. Эпилог повести ясно дает понять, что финал этой истории «расположен» там, где ему и положено быть – в самом конце произведения, причем он закольцовывается с началом повести, вновь возвращая нас в настоящее время. Эпилогом служит короткая зарисовка утра, сменившего тот день, в котором был разговор Феликса с полубезумной Залиной: утром он *«встал, отправился в ванную, побрился. Смывая пену, порвал нитку на шее, и заветную бусинку унесло водой в раковину. <…> Он вышел на улицу. Пройдя немного пешком, осознал вдруг, что домой больше не вернется. Не найдет дороги. Он заблудился. Затерялся в городе»* [Канкулов 2022: 98]. Казалось бы, все четко: вот он, настоящий момент. На самом же деле – нет. Время настоящее, время, которое «расположено» ближе всего к читателю и автору, связано с образом некоего мужчины, блуждающего по городу. Он проходит пунктиром через все повествование. И кто он такой, поначалу неясно.

Вот его первое появление. Торопящийся на день рождения к Залине Феликс едва успевает вскочить на подножку автобуса, но вдруг эту повествовательную линию перебивает коротенький, неведомо к чему привязанный эпизод:

«День достаточно теплый, но мужчина поеживается и поднимает ворот плаща, затягивает ворот потуже. Поднимается со скамьи и медленно трогается с места. Вслед за ним так же медленно трогается солнце, обрывки воспоминаний, его тень. Его печаль, его радость. Отчаянно пульсирует набухшая жилка на лбу…» [Канкулов 2022: 38].

Вскоре тот же «неприкаянный» образ ненадолго прервет динамичное повествование о дне рождения Залины:

«Мужчина пересек дорогу. Едва не попал под машину, водитель с трудом вывернул руль. Остановился, обматерил его на двух языках и поехал дальше. Мужчина, казалось, даже не заметил этого. Он размышлял о статуях и крысах. Порой сила мысли смещалась к ногам, заставляя его то убыстрять, то убавлять шаг…» [Канкулов 2022: 39].

А потом, несколькими страницами ниже, он, словно пауза, «перебивает» будничную беседу Феликса и Залины о предстоящем поступлении в учебное заведение:

«Город песочного цвета. И люди. Как они все похожи – лицо, рост, одежда – все одинаковое. Никто на тебя не смотрит, никто никому не интересен. Никому ты не нужен, можешь не прятать лицо. Он нащупал в кармане смятую пачку сигарет. Хоть бы снег пошел. Или ливень. Чтобы смыл напрочь эту отвратительную серую краску, застившую все сущее. И голова прояснилась бы от свежести… Дома, люди, деревья – все куда-то бегут. Кто остановит их? Как? Хватать по одному и ставить на место? А эти памятники – вдруг они начнут

прыгать с постаментов и обратятся в бегство? Не это ли зовется концом света?..» [Канкулов 2022: 42].

Вскоре он буквально «прошивает» своим судорожным присутствием обширный фрагмент повести, почти две страницы, на протяжении которых всплывают чьи-то воспоминания о детстве, о птице, которую мальчик ненароком убил, запустив палкой в слетевшуюся на двор стаю. Здесь, конечно, может мелькнуть ассоциация с остекленевшим взглядом забитой насмерть птички, которой уподоблена Залина в тех воспоминаниях, что охватили Феликса еще в начале повести, но не обязательно. Прямых связей нет.

Под стать напряженному состоянию этого неприкаянного персонажа, с каждым таким отрывком нарастает хаотичность времени и пространства:

«Дума, ржавым гвоздем застрявшая в мозгу, вылезла наружу. Небесные жители изощренно измываются над людьми, когда и как вздумается. Страх, необъятный страх черным дымом обволакивает его, стискивает до дрожи в ногах, гонит и не дает остановиться. Стиснуть зубы. Ни звука. Ни стона. Снова городская улица. Лечь бы, но некуда – земля горит. Что это, помутнение рассудка? Он перестал ориентироваться во времени и пространстве…

Вспыхнули разом все окна большого дома и ослепили его. Он напоминает себе беспомощного слепого крота. Но слух доносит до мозга все новые и новые звуки. Рот наполняется вязкой слюной. Громовые шаги. Страшные, в одном ритме с шумным дыханием шаги. Кто это? Тембал? Но звон колокола перекрывает все звуки…» [Канкулов 2022: 48].

В дальнейшем памятник Тембалу войдет в повествование и будет активно проявлять себя в «общении» с Феликсом. И уже, что называется, обратным числом, можно будет вспомнить упоминание Тембала в процитированном отрывке и заподозрить в образе блуждающего мужчины Феликса, но, опять же – не обязательно, ведь ассоциации пока весьма расплывчаты.

При следующем появлении этого образа возникает «апокалиптический провал в пространстве». Дальнейшие вставки в большей степени будут только акцентировать болезненное взаимодействие пространства и времени с этим неназванным мужчиной.

«Хмельной ветер разносил по улицам запах перегара. Минута запнулась на месте, постояла, дрожа от напряжения, качнулась в сторону и прошла. Пропала опора под ногами. <…> Дрожала земля так, что ногу страшно поставить. Все умерло. Ничего не осталось. Животный инстинкт самосохранения – и тот на последнем издыхании. Он сидит на скамье, под ее четырьмя ножками земная твердь еще сохраняется, а все остальное вдруг рухнуло в пропасть. Пропасть вокруг, дух захватывает. От взгляда в эту бездонную пропасть накатил приступ страха. Он наступал неодолимо, он притягивал к себе, как любовь. Потеряв равновесие, скатился со скамьи…» [Канкулов 2022: 62].

Как мы уже сказали, не совсем понятно, к кому это относится, но в двух случаях этот сквозной образ как будто срастается с Феликсом. Так, приведенный только что фрагмент возникает вслед за эпизодом, в котором не пожелавший заводить интрижку Феликс покидает свою случайную подругу, а в следующий момент становится свидетелем жутких шевелений, производимых монументом, возвышающимся у входа в парк. Возникает двойственный эффект: то ли это вновь тот загадочный мужчина продолжает свое шаткое продвижение сквозь фантасмагорическое пространство, то ли до смерти напуганный созерцанием ожившего памятника Феликс теряет под собой опору.

Подобное наблюдается и здесь:

«…Он вновь обрел земную твердь, он вновь может ходить, не боясь провалиться. Он бесприютен. Он не нужен никому в этом городе, и ему никто не нужен. Идет, пошатываясь, и понимает, что надо идти ровнее, чтобы не загреметь в вытрезвитель. Выбрал себе невидимую точку и идет, ориентируясь по ней» [Канкулов 2022: 90].

Данный фрагмент настолько плавно переходит в повествование о жизни Феликса в столице *(«Большой город всей тяжестью навалился на своего гостя…»)* после того, как его состояние нормализовалось, что может показаться началом описания его эмоций, однако это совершенно не увязывается с той поступательностью просветления, которая наблюдается в делах и мыслях Феликса «московского периода». А может, этот фрагмент вообще ассоциирован с Колей, который абзацем выше «рухнул вниз» вместе с карточным столом и вместе с другими игроками?..

Эпилог:

«Он пробудился. Солнце заливало комнату. Лежащая рядом храпела, приоткрыв рот. Голова раскалывается. Здорово они набрались вчера у реки. Встал. Отправился в ванную, побрился. Смывая пену, порвал нитку на шее, и заветную бусинку унесло водой в раковину. Жаль. Дети еще спят. Он вышел на улицу. Пройдя немного пешком, осознал вдруг, что домой больше не вернется. Не найдет дороги. Он заблудился. Затерялся в городе. Напал страх. Крик совы. Он идет по парку, идет к цели, зримой только ему» [Канкулов 2022: 98].

Он не назван по имени, но это Феликс.

При чтении и перечтении повести мысль должна будет проделать немало возвратно-поступательных движений, чтобы открыть, к кому это относится.

Под конец произведения уже делается понятно, что это настоящее Феликса, его последняя остановка, его нынешняя судьба, которая разворачивается в той точке, из которой смотрит и пишет повествователь. Но все эти перебивы приводят читателя в какое-то сложное состояние, разорванное восприятие времени, пространства и связанных с ними событий. Понемногу читатель приходит к пониманию, что в начале произведения было показано не время настоящее, из

которого устремлен взгляд повествователя (и героя) на события из недавнего прошлого, а некая затянувшаяся пауза, подвешенное состояние героя. Повторим, собрать все воедино читатель сумеет только в финале. И финал будет таков, что сознание, скорее всего, ему воспротивится.

Начав повесть с итоговой части истории Феликса и Залины, Заур Канкулов, по сути, уловил своего героя, как мы сказали, в состоянии затянувшейся паузы. В этом «вступлении к финалу» все в жизни Феликса если и не хорошо, то, по крайней мере, ни шатко ни валко. Есть еще надежда на что-то, вернее, слабые попытки что-то изменить, исправить: «*Залина, чем я могу искупить…*» [Канкулов 2022: 27]. Зато в конце повести автор вновь обратится к итоговой части этой истории и уже уничтожит своего героя окончательно.

О том, сколько смысловых граней у повести «Затерявшийся в городе», можно рассуждать очень долго, не менее впечатляет тот эффект, который всякий раз сохраняется при каждом ее перечтении: зная, чем она закончится, помня о том мраке, который наваливается в финале, почему-то упорно ожидаешь, что в этот раз все будет по-другому. Среди множества смысловых нюансов начинается поиск какой-то важной детали, тонкой полоски света, которая была упущена в прошлый раз, и которая все преобразит. Особенно усиливается эта надежда на том участке повести, где жизнь Феликса начинает налаживаться после встречи с Бекулом. Зарождается иллюзия, что в этот раз все будет хорошо. Но ближе к финалу вновь происходит удушение надежды. Заур Канкулов виртуозно выстраивает эмоциональный рисунок, иначе эффект ожидания иного финала не возник бы. Возможно, упорное желание обнаружить деталь, которая выведет к свету, и есть тот ценный опыт, ради которого появляются подобные произведения.

Есть писатели, которые меняют сознание эпохи, задают новые направления в искусстве. Стал ли Заур Канкулов одним из них? Энергия его художественного дарования мягко, но властно вовлекающая читателя в поле значимых для него смыслов, убеждает, что он из тех, кто был на это способен. Но изменил ли он сознание эпохи? Или хотя бы вошел в канон адыгской литературы? Скорее нет, чем да. Возможно, причина банальна – о нем мало знают. Сколь бы прогрессивна ни была эпоха, в которую мы живем, это далеко не время расцвета искусства, не время расцвета творчества. И какие-либо упреки культуре здесь вряд ли уместны. Н. А. Шогенцукова часто повторяла, что Заур Канкулов опередил свое время. Вероятно, в культуре, которой Заур Канкулов принадлежит по праву рождения, еще многое должно быть прожито, многое должно состояться, чтобы ему воздали должное.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Кажарова 2016 – *Кажарова И.А.* Модусы художественности: Сборник научных статей об адыгской литературе. – Нальчик: Печатный двор, 2016. – 176 с.

Канкулов 2004 – *Канкулов З.М.* Затерявшийся в городе: Повесть, рассказы. – Нальчик: Эльбрус, 2004. – 96 с. (на каб.-черк. яз.).

Канкулов 2022 – *Канкулов З.М.* Затерявшийся в городе. Повесть, рассказы. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2022. – 140 с.

Канкулов 2024 – *Канкулов З.М.* Затерявшийся в городе. Повесть, рассказы / Къалэм дэгъуэщыхьа. Повесть. Рассказхэр. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2024. – 240 с (на русс. и каб-черк. яз).

Канукова 1995 – *Канукова З.С.* Оборванное слово // Ошхамахо. – 1995. – № 1. – С. 53-54.

Латинско-русский… 1952 – *Латинско-русский словарь*. – Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1952. – 763 с.

Мижаев, Паштова 2012 – *Мижаев М.И., Паштова М.М.* Энциклопедия черкесской мифологии. – Майкоп: «ИП Паштов З.В.», 2012. – 460 с.

Мусульманские… 2007 – *Мусульманские имена*. Словарь-справочник. – Москва–Санкт-Петербург: Диля, 2007. – 448 с.

Руднев 2003 – *Руднев В.П.* Энциклопедический словарь культуры XX века: Ключевые понятия и тексты. – М.: «Аграф», 2003. – 608 с.

Русские имена… 2020 – Русские имена, прозвища, фамилии. Материалы к именослову. Часть 1. Русские имена славянского происхождения / Автор-составитель Н.И. Решетников. – М.: Переплетофф, 2020. – 1077 с.

Советская молодежь 1997 – *Советская молодежь*: газета. – 1997. – № 44. – 31 октября. – С. 8.

Флоренский 2006 – *Флоренский П.* Имена: Сочинения. – М.: Эксмо, 2006. – 896 с.

Шогенцукова 2002 – *Шогенцукова Н.А.* Лабиринты текста. – Нальчик: Эльбрус, 2002. – 224 с.

REFERENCES

FLORENSKII P. *Imena: Sochineniya* [Names: Works]. – Moscow: Eksmo, 2006. – 896 p. (In Russ.)

KANKULOV Z.M. *Zateryavshiisya v gorode. Povest', rasskazy* [Lost in the city: Novel, stories]. – Nalchik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovykh, 2022. – 140 p. (In Russ.)

KANKULOV Z.M. *Zateryavshiisya v gorode. Povest', rasskazy* [Lost in the city: Novel, stories.]. – Nalchik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovykh, 2024. – 240 p. (In Kabardin-Circassian and Russ.)

KANKULOV Z.M. *Zateryavshiisya v gorode: Povest', rasskazy* [Lost in the city: Novel, stories]. – Nalchik: El'brus, 2004. – 96 p. (In Kabardin-Circassian)

KANUKOVA Z.S. *Oborvannoe slovo* [The broken word] // Oshkhamakho. – 1995. – № 1. – P. 53-54. (In Kabardin-Circassian)

KAZHAROVA I.A. *Modusy khudozhestvennosti: Sbornik nauchnykh statei ob adygskoi literature* [Modes of artistry: Collection of scientific articles on Adyghe literature]. – Nalchik: Pechatnyi dvor, 2016. – 176 p. (In Russ.)

Latinsko-russkii slovar' [Latin-Russian dictionary]. – Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarei, 1952. – 763 p. (In Latin and Russ.)

MIZHAEV M.I., PASHTOVA M.M. *Entsiklopediya cherkesskoi mifologii* [Encyclopedia of Circassian Mythology]. – Maikop: IP Pashtov Z.V., 2012. – 460 p. (In Kabardin-Circassian and Russ.)

Musul'manskie imena. Slovar'-spravochnik [Muslim Names. Dictionary-Reference]. – Moscow-St. Petersburg: Dilya. 2007. – 448 p. (In Russ.)

RUDNEV V.P. *Entsiklopedicheskii slovar' kul'tury XX veka: Klyuchevye ponyatiya i teksty* [Encyclopedic Dictionary of the Culture of the Twentieth Century: Key Concepts and Texts]. – Moscow: Agraf, 2003. – 608 p. (In Russ.)

Russkie imena, prozvishcha, familii. Materialy k imenoslovu. Chast' 1. Russkie imena slavyanskogo proiskhozhdeniya [Russian names, nicknames, surnames. Materials for the Book of Names. Part 1.] / Avtor-sostavitel' N.I. Reshetnikov. – Moscow: Perepletoff, 2020. – 1077 p. (In Russ.)

SHOGENTSUKOVA N.A. *Labirinty teksta* [Labyrinths of the text]. – Nalchik: El'brus, 2002. – 224 p. (In Russ.)

Sovetskaya molodezh': gazeta [Soviet Youth: Newspaper]. – 1997. – № 44. – 31 Oktober. – P. 8. (In Russ.)

Информация об авторе
И.А. Кажарова – кандидат филологических наук.
Information about the author
I.A. Kazharova is a Candidate of Philology.

Статья поступила в редакцию 22.04.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.06.2025 г.; принята к публикации 27.06.2025 г.
The article was submitted 22.04.2025; approved after reviewing 15.06.2025; accepted for publication 27.06.2025.

Илму статья
УДК 821.512
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-2-231-241
EDN: SVRHMG

ГУРТУЛАНЫ БЕРТНИ МАЛКЪАР АДАБИЯТНЫ АЙНЫУУНА КЪОШУМЧУЛУГЪУ (ЖАЗЫУЧУНУ 115-ЖЫЛЫГЪЫНА)

Сарбашланы Мустафаны къызы Алена
Гуманитар тинтиулени Институту – Россей илмуланы академиясыны Къабарты-Малкъар илму арасыны филиалы, Нальчик шахар, Россей, alenasarb@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-7457-9823

Къысха магъанасы. Илму ишде белгили жазыучу, малкъар жазма адабиятны мурдорун салгъанладан бири – Гуртуланы Исмаилны жашы Бертни (1910–2001) чыгъармачылыкъ иши, аны айныуу тинтиледиледиле, сёз устаны миллет адабиятны ёсюуюне къошумчулугъу ачыкъланады. Гуртуланы Бертни жашауу жангы бетлери кёргюзтюледиле, ала аны жамауатда бардыргъан ишлерини магъанылыгъын шарт белгилейдиле. Жазыучуну суратлау сёзге усталыгъы тюрлю-тюрлю литература жанрлада ачыкъланады. Гурту улуну ниет хазнасында ондан артыкъ назму жыйымдыкъ («Къызыл ёнле», 1934; «Жарыкь танг», 1958; «Шуёхла арасында», 1963; «Чомартлыкъ», 1969; «Таула чакъырадыла», 1974); «Акъ кёгюрчюн», 1980; «Мардакемле китабы», 1990 эм башхала), повестле («Бекир», 1933; «Адилгерий», 1961; «Жашауну къыланчлары» («Зигзаги жизни», 1988) бла роман («Жангы талисман» («Новый талисман», 1970) бардыла. Ала бары да суратлаучулукъ фахмусуну кёп бетлилигине, эстетика онгуну кенглигине шагъатлыкъ этедиле. Жазыучуну чыгъармачылыгъыны баш энчиликлеринден бири халкъны жашаууна, аны харкюнлюк ишлерин, турмушун, тёрелерин, миллет къылыгъын суратлауду. Айырмалы чыгъармаларыны санында «Чалгъычыла» (1957) деген поэмасы белгиленеди: мында урунууну къууанчы, аны зауукълугъу уста ачыкъланады. Гуртуланы Бертни чыгъармаларыны мурдорун жашау эм тарых кертилик къурайды.

Баш магъаналы сёзле*:* Гуртуланы Берт, чыгъармачылыкъ, малкъар адабият, назмучулукъ, къара сёз.

Цитата этерге: Сарбашланы М.къ.А. Гуртуланы Бертни малкъар адабиятны айныууна къошумчулугъу (жазыучуну 115-жылыгъына) // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 2. – С. 231-241. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-2-231-241. EDN: SVRHMG.

© Сарбашланы М.къ.А., 2025

Original article

BERT GURTUEV'S CONTRIBUTION TO THE DEVELOPMENT OF BALKAR LITERATURE (ON THE WRITER'S 115TH BIRTHDAY)

Alena M. Sarbasheva
The Institute for the Humanities Research – Affiliated Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, alenasarb@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-7457-9823

Abstract. The article highlights the literary activity of the famous poet and writer, one of the founders of the Balkarian written literature, Bert Ismailovich Gurtuev (1910-2001). The evolution of the classic's work is traced, and his contribution to the development of national artistic thought is determined. New biographical facts are presented that expand the understanding of the artist's importance in the socio-cultural life of the people. The author's skill, manifested in various literary genres, is noted. The work presents the area of the author's work, which includes more than a dozen poetry collections ("Kyzyl enle" ("Red Voices", 1934); "Zharik tang" (Bright Morning, 1958); "Shuehla Arasinda" ("Among friends", 1963); "Chomartlyk" ("Generosity", 1969); "Taula chakyradyla" ("The Mountains call", 1974); "Ak kegyurchyun" ("The White Dove", 1980); "Mardakemle kitaba" ("The Book of Miniatures", 1990), etc.), novellas ("Bekir", 1933; "Adilgery", 1961; "Zhashaunu kilanchlary" ("Zigzags of Life", 1988), novel ("Zhangy Talisman" ("New Talisman", 1970), testifying to the aesthetic potential and versatility of the artist's talent. Among the artistic features of B. Gurtuev's work is the glorification of folk life, the everyday work of the villagers, the depiction of everyday life, national traditions, and ethnopsychology. In the writer's literary practice, the central place is occupied by the poem "Chalgychyla" ("Mowers", 1957), in which the national flavor is clearly expressed, the theme of rural labor is embodied. The study found that works based on the author's personal perceptions and impressions are differentiated by historical and vital authenticity.

Keywords*:* Bert Gurtuev, creativity, Balkarian literature, poetry, prose.

For citation: Sarbasheva A.M. Bert Gurtuev's contribution to the development of balkar literature (on the writer's 115th birthday). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 2. – P. 231-241. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-2-231-241. EDN: SVRHMG.

© Sarbasheva A.M., 2025

Научная статья

ВКЛАД БЕРТА ГУРТУЕВА В РАЗВИТИЕ БАЛКАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (К 115-ЛЕТИЮ ПИСАТЕЛЯ)

Алена Мустафаевна Сарбашева

Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия, alenasarb@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-7457-9823

Аннотация. В статье освещается литературная деятельность известного поэта и писателя, одного из основоположников балкарской письменной словесности Берта Исмаиловича Гуртуева (1910–2001). Прослеживается эволюция творчества классика, определяется его вклад в развитие национальной художественной мысли. Приводятся новые биографические факты, расширяющие представление о значимости художника в социально-культурной жизни народа. Отмечается мастерство писателя, проявившееся в различных литературных жанрах. В работе представлен ареал творчества автора, в котором насчитываются более десятка поэтических сборников («Къызыл ёнле» («Красные голоса», 1934); «Жарыкь танг» (Светлое утро», 1958); «Шуёхла арасында» («Среди друзей», 1963); «Чомартлыкъ» («Щедрость», 1969); «Таула чакъырадыла» («Горы зовут», 1974); «Акъ кёгюрчюн» («Белый голубь», 1980); «Мардакемле китабы» («Книга миниатюр», 1990) и др.), повести («Бекир», 1933; «Адилгерий», 1961; «Жашауну къыланчлары» («Зигзаги жизни», 1988), роман («Жангы талисман» («Новый талисман», 1970), свидетельствующие об эстетическом потенциале и многогранности таланта художника. В ряду художественных особенностей творчества Б. Гуртуева отмечается

воспевание народной жизни, трудовых будней сельчан, изображение быта, национальных традиций, этнопсихологии. В литературной практике писателя центральное место занимает поэма «Чалгьычыла» («Косари», 1957), в которой ярко выражен национальный колорит, воплощена тема сельского труда. Исследование показало, что произведения, основанные на личных наблюдениях и впечатлениях писателя, отличаются исторической и жизненной достоверностью.

Ключевые слова: Берт Гуртуев, творчество, балкарская литература, поэзия, проза.

Для цитирования: Сарбашева А.М. Вклад Берта Гуртуева в развитие балкарской литературы (к 115-летию писателя) // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 2. – С. 231-241. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-2-231-241. EDN: SVRHMG.

© Бозиева Н.Б., 2025

Гуртуланы Исмаилны жашы Берт (07.11.1910–13.02.2001) озгъан ёмюрню башында малкъар жазма адабиятны мурдор ташын салгъан жазыучуладан бириди. Илму ишни баш мураты – сёз устаны жашау сынауун эм чыгъармачылыкъ къадарын бирден тинтип, миллет адабиятны айныууна къошумчулугъун кёргюзтюудю. Гурту улуну фахмулугъуна шагъат халкъына къойгъан бай ниет хазнасыды. Суратлау сёзге усталыгъыны, миллет адабиятны ёсюуюне салгъан къыйынынын юслеринден алимле, жазыучула кеслерини илму ишлеринде, жазмаларында, эскериулеринде шарт белгилегендиле [Кулиев 1958; Теппеев 1974; Атабиева 2008; Толгуров 2010а; Сарбашева 2003; Сарбашева 2010; Биттирова 2010 эм башхала]. Сёз ючюн, Толгъурланы Зейтун былай жазгъанды: «Гуртуланы Берт хар фахмулу жазыучуча, поэтчау из-леуню къыйын жолундан таймай келеди. Ол жолда жазыучу литературабызны суратлау кючюн кётюргенин, аны мурдорунда бек къыйматлы ташладан бирин салгъанын, битеу кючюн, эсин анга бергени шартды» [Толгуров 2010: 39].

Гуртуланы Берт суратлау сёзге усталыгъы бла чекленип къалмай, миллет «культурагъа, жарыкъландырыу ишге къуллукъ этгенди. Аны чыгъармалары заманнга жарагъандыла» [Теппеев 2010: 21]. Башда айтылгъаннга жазыучуну жашау жолу толу шагъатлыкъ этеди. Ол Россей империяны Терск областыны Нальчик округуну Акъ Суу элинде туугъанды (Нальчикский округ Терской области Российской империи, бусагъатда КъМР). Тогъузжыллыгъында атасындан-анасындан ёксюз къалгъанды. Школну бошагъандан сора Ленинчи окъутуу шахарчыкъда педагогика техникумуна киргенди, 1931 ж. аны бошагъандан сора устаз болуп ишлегенди. Республикада бардырылгъан жамуат-политика, билим бериу бла байламлы ишлеге тири къатышханды. Малкъар тилни жангы алфавитини проектин, ана тилни грамматикасындан бла адабиятындан окъуу китапла хазырлагъанды, алагъа кёре дерслеге программала, хрестоматияла жарашдыргъанды. «Жангы жашау жолунда» (1931) деген жаш фахмуланы биринчи чыгъармаларындан къуралгъан назму жыйымдыкъгъа редакторлукъ этгенди, ары кесини биринчи назмулары да киргендиле. 1931 ж. Къабарты-Малкъар областда бардырылгъан тау халкъланы миллет искусстволарыны олимпиадаларына къатышханды, анда пролетар назмулары ючюн сыйлы къагъытлагъа тийишли болгъанды.

Гуртуланы Берт 1934 ж. СССР-ны жазыучуларыны Союзуна киргенди. Совет жазыучуланы биринчи Битеусоюз съездини келечиси болгъанды, аны ишине къатышханды. М. Горькийни къолундан жазыучуланы биригиуюне кирген билетин алгъанды. КъМАО-ны жазыучуларыны биригиуюню таматасыны орунбасары болгъанды. Сакъланнган архив документлеге кёре, 03.08.1936 ж. айтылгъан биригиуню башчысыны къуллугъун толтуруп башлагъанды, 07.07. 1938 ж. уа Ленинград шахаргъа Марра академикни атын жюрютген тил Институтну аспирантурасына окъургъа киргенди [1]. Андан къайтхандан сора жарыкъландырыу ишни бардыргъанды: Пятигорск шахарда политпросветшколада директорну къуллугъун толтургъанды, КъМАССР-ны (КъМАО 1936 жылда атын алышханды) Хулам-Бызынгы районуну билим берген бёлюмюне башчылыкъ этгенди.

Уллу Ата Журт уруш башланнганлай, эркинлик къагъыты (бронь) болуп тургъанлай, фронтха кетгенди. 1941 ж. 1 ноябрден башлап тамата лейтенант чинде аскер къуллугъун толтургъанды. Краснодарда стрелково-миномет училищада устаз (1942), курсантланы стрелковый роталарыны политругу (1943) болуп тургъанлай, къажау сермешлеге тири къатышханды. Аладан биринде ауур жаралы болуп, Закавказьяда Канакер шахарда эвакогоспитальгъа тюшгенди. Жаралары сау болгъандан сора солургъа эркинлик алып, туугъан элине келгенди. Фронтха къайтыр кюнню аллында 1944 ж. 8-чи мартда халкъы бла бирге Орта Азиягъа кёчюрюлгенди. Миллети бла бирге сынагъан къыйынлыкълагъа Берт кесин хорлатмагъанды: сюргюнде да ол жамауат эм чыгъармачылыкъ ишин бардыргъанды. Киргизияда Ош областында Къарасуу элни орта школунда военрук эм устаз, Фрунзеде илму институда къуллукъчу болуп ишлегенди, 1956 ж. дери Канск району Киршёлк совхозуну школасында завучну, директорну къуллукъларын толтургъанды.

Уруш жыллада эм кёчкюнчюлюкде сыналгъан къыйынлыкъланы юсюнден Гуртуланы Берт «Къара кюнле» деген эскериуле халда жазылгъан чыгъармасында хапарлайды [Гуртуев 2010: 91–131].

Ата журтуна къайтхандан сора жазыучу малкъар халкъыны миллет маданиятын жангыртыугъа уллу къыйын салгъанды. 1958 ж. башлап сыйлы солуугъа кетгинчиге дери (1974) къабарты-малкъар жазыучуланы биригиуюню Правлениясыны баш секретары, «Шуёхлукъ» альманахны баш редактору, тамата литература консультанты болуп ишлегенди.

Гуртуланы Берт Къабарты-Малкъарны республиканы урушну бла урунуу ветеранларыны Советини члени болгъанды. СССР-ны Баш Советини Указы бла кёп тюрлю орденле, майдалла бла саулагъаннганды (орден Отечественной войны II степени, «Знак Почета» – «Сыйлылыкъны белгиси» (1970), «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1946), «За оборону Кавказа» (1966), «Ветеран труда» (1975) эм башхала).

Республиканы жамауат жашауына тири къатышханы ючюн, миллет адабиятны айныууна салгъан къыйыны ючюн КъМАССР-ны Баш Советини Президиумуну (1960), Къабарты-Малкъар Республиканы (1996) Сыйлы Грамоталары бла

[1] Ф. 1. Оп. 1. Д. 166. Л. 1, 2. Д. 198. Лл. 71, 80. Архивден билдириу «Берт Гуртуев. Жашау ызы, оюмлары, тенглери. … (туугъанлы – 100 жыл). Нальчик: Издательство М.и В. Котляровых, 2010» деген китапдан алынгъанды.

саугъаланнганды. «КъМР-ны исскуствосуну сыйлы къуллукъчусу» (1972), «Къабарты-Малкъарны халкъ жазыучусу» (1980), «Нальчик шахарны сыйлы адамы (гражданины)» (1996) деген бийик атлагъа тийишли болгъанды.

Чыгъармачылыкъ иш бла кюрешип Гуртуланы Берт 1920-чы жылланы ахырында башлагъанды. Ол кезиуде къыралда совет властьны тохташханы бла байламлы уллу тюрлениуле бола эдиле (коллективизация, индустриализация, окъутуу-жарыкъландыруу ишле). Жаш адам къыланчлы заманны шагъаты болгъанды, аны ниет излемлерине кертичилей къалгъанды. Аны биринчи чыгъармаларында жамауатда болгъан социалист тюрлениуле, ала ючюн бардырылгъан кюреш суратланадыла («Жангы жашауну жолунда» деген поэмасы (1929); «Бекир» деген повести (1933). Берт биринчи назмуларында заманны баш илишанларын ачыкъларгъа итинеди. «Литпунктлагъа жюрюгюз, илму-билим билигиз» (1928) деген назмусунда окъургъа, билим алыргъа, аны бла жахилликни хорларгъа чакъырады хар инсанны да.

Жашауда жарыкъ тюрлениуле бла бирге Гуртуланы Берт жамауатда болгъан терс ишлени (уручулукъ, урунуугъа уллу кёллюлюк, жахиллик, ичгичилик, бузукъчулукъ) масхара сёзню кючю бла жютю кесаматлайды («Гудукан», «Махай-эфенди», «Ичгичиге» эм башхала). Эринчекликни, жахилликни юслеринден «Тасбаш» деген комедиясында да айтылады. Жазыучуну эскериулерине кёре, сахна чыгъарманы ол Шахмурзаланы Саид бла бирге (биратлы татар пъесагъа кёре) жазгъанды [Гуртуев 2004].

Малкъар адабиятны тарыхында Гуртуланы Бертни «Бекир» (1933) деген чыгъармасы биринчи повестди деген оюм тохташханды [Теппеев 1974: 92]. Чыгъарманы ниет мурдорун колхоз къурулушха къатышханланы бла кулакланы араларында чюйрелик къурайды. Жазыучу баш жигити Бекирни сыфатында жашауда болгъан тюрлениулени толу, тюз ангылаялмагъан адамны кёргюзтеди. Бекирни оюмуна кёре, жангы тохташхан совет власть аны ишден эркин этеди: ол, ишден ёнгелеп, терек тюбюнде жатады, заманын бошуна оздурады, ол себепден эринчеклени санына тюшеди. Суратлау чыгъарма къурауда тынгылы сынауу болмагъан жазыучу Бекирни ич дуниясын терен кёргюзталмайды, къылыгъында эсленнген тюрлениулени сылтауларын ачыкълаялмайды. Жигит кечеден тангнга колхозчуланы жыйылыуундан сора терк окъуна алчы ишчи болады. Чыгъармада белгиленнген чюйрелик айнымай къалады. Болса да, айтылгъан суратлау кемчиликлеге да къарамай, повесть 1930-чу жж. малкъар адабиятда тийишли жерин алады, «бюгюнлюкде да Шимал Кавказны халкъларыны адабиятларында магъанасын тас этмеген чыгъармаладан бириди» [Толгуров 2010а: 327].

Бертни биринчи назму китабы «Къызыл ёнле» 1934 ж. басманнганды. Анда назмучу жангы жашауну къууанч сезим бла, жарыкъ тюрсюнле бла суратлайды, адамланы окъуу-билим алыргъа чакъырады. Китабы ючюн Гурту улу республикалы премиягъа тийишли болгъанды.

Уллу Ата Журт урушну жылларында, бирси къалам къарындашларыча, Гуртуланы Берт душманны къуру сюнгю бла къалмай, суратлау сёзню кючю бла да «ууатханды». Ол жыллада жазылгъан назмуларында («Уу жилянны эзерге» (1941), «Зулмучула» (1943), «Къурч къапханнга тюшдюле» (1943), «Тёрт шахар» (1943), «Эки да катюшагъа» (1944), «Саугъала» (1944), «Тогъузунчу май» (1945)

эм башхалада) туугъан жерине сюймеклигин айта, урушну кюйсюзлюгюн чертеди, совет халкъны хорлам ючюн бардыргъан кюрешин суратлайды. Элде жашагъан, ишлеген адамланы кёз къарамлары бла урушну керти сыфатын къурайды.

Урушну бла мамырлыкъны юслеринден оюмларын назмучу «Жарыкь танг» (1958) деген жангы жыйымдыгъында айнытады («Хорлау», «Къорасынла урушну кюсегенле», «Мамырлыкъ ючюн»). Бу китап бир къауум кесекден къуралады: жырла, назмула, поэмала, сабийлеге аталгъан назмула. Назмучуну ниет хазнасында белгиленнген жанр тюрлюлюк аны суратлау сёзге хунерин кёргюзтеди.

1950-чи жж. ахырында, малкъарлыла Орта Азиядан кеслерини журтларына къайтхан кезиуде Гуртуланы Бертни поэзиясы жангы суратлау мадарла бла байыкъланады: ол а аны суратлау фахмусуну ёсюуюню шартыды. Тарых тюзлюкню тохташханы, миллетине къайтхан эркинлиги назмучуда жарыкъ сезимле, жангы сыфатла туудурадыла. Сынагъан къыйынлыкълагъа да хорлатмай, Берт жашауну кючюне, адам улуну къадары жарыкъ боллугъуна ийнанады. Анга шагъатлыкъ «Жарыкъ танг» (1958) деген жаз тилли (метафоралы) аты бла басмаланнган китабыды. Ариу макъамлы назмуларында къыралына, адамларына хурмет эте, жазыучу аланы этген ишлерине ыразылыгъын жашырмай айтады.

Гуртуланы Бертни чыгъармачылыгъыны энчи шартларындан бири – халкъны жашаууун, аны харкюнлюк ишлерин, турмушун, тёрелерин, миллет къылыгъын, туугъан жерини табийгъатын суратлауду. Белгиленнген шарт жазыучуну айырмалы чыгъармаларындан бири «Чалгъычыла» (1957) деген поэмасында баямланады. Колхоз жашауну суратлай, назмучу эллилени ишге кёл салып, бийик жетишимлеге итиннгенлерин ачыкълайды, жигитлени сыфатларын уллу усталыкъ бла къурайды. Урунууну къууанчын, аны зауукълугъун ачыкълауда назмучу суратлау сёзге фахмусун кёргюзтеди. Малкъар окъуучула поэмагъа бийик багъа бичгендиле. Аланы санында Къулийланы Къайсын болгъанды: «3Чалгъычла3 деген жангы поэмасы Берт Гуртуевну бек мажал бишген затларындан бириди… < >… Поэмагъа реализмни мухуру тынгылы салыннганын кёребиз. Анга бизни халкъыбызны ишлеую, жашау халы, къылыгъы, оюну, кюлкюсю, чамы киргендиле… Аны себепли поэма кенг магъаналы чыгъармады» [Кулиев 1958: 237].

1960-чы жж. башында Гуртуланы Бертни чыгъармачылыгъы башха миллетли окъуучулагъа да белгили болады. Аны орус тилде «Светлые дали» (1960) деген китабы чыгъады, назмулары ара журналлада басмаланадыла. Гурту улугъа буюрулуп жазылгъан къагъытлада билдириулеге кёре, 1960-чы жыллада «Огонек» журналны бетлеринде «Ленин бла таулу» деген поэмасыны юзюгю басманнганды, андан тышында Битеусоюз радио бла окъулгъанды. «Дон» деген журналны 1962-чи жылда редакциялы планына таулу тиширыулагъа аталгъан «Ийнек сауучу тиширыула» деген жангы поэмасы кирген эди [Гуртуев 2010: 344–345].

«Шуёхла арасында» (1963) деген китабында назмучу ишге, адам улуну туугъан жерине кертичилигини юслеринден жазады. Жыйымдыкъны баш темасы халкъланы араларында шуёхлукъду. Биратлы поэмасында жашауда керти

болгъан иш – миллет жазыучула бла тюбешиу репортаж халда суратланады. Назмучу «мамыр келген къонакъланы // татлы кёрюп» [Гуртуев 1963: 115], атларын айтады: белгили туркмен жазыучула Беки Сейтаков, Берды Кербабаев, Къара Сейтлиев, чеченли назмучу Раиса Ахматова, сыйлы къонакъланы тюбегенлени санында болгъан къабартылы жазыучу Алим Кешоков. Малкъар халкъны къонакъбайлыкъгъа усталыгъы назму тизгинледе шарт белгиленеди:

Халкъыбызда, сыйлы кёрюб,
Къонакъ алыу тёреди.
Жарыкъ бетли халкъыбызны
Хар къонакъ да кёреди.
[Гуртуев 1963: 115].

Гуртуланы Бертни бир бир ызларындан чыкъгъан китаплары аны фикири, ниет излемлери, суратлау оюмлауу айный, тюрлене баргъанларына тынгылы шагъатлыкъ этедиле. «Чомартлыкъ» (1969) деген жыйымдыгъында назмучу чыгъармачылыкъ ишинде хунерлигин, жашауда жюрек чомартлыгъын, сау дуниягъа жюрек ачыкълыгъын баямлайды (*Жаным-тиним чомартлыкъ, / Жарыкъ болуу къонакъгъа, / Къулакъ салыб тынгылау / Халкъ жырына, жомакъгъа.* [Гуртуев 1969: 5]). Энчи да туугъан жерине, халкъына, ана тилине сюймеклигини кючлюгюн назму тизгинледе сезерча онгла табады. Суратлау мадарла бла (тенглешдириуле, жан салыу дегенча) уста хайырлана, назмуларын бийик эстетика даражагъа жетишдиреди («Туугъан жерим», «Ана тилим», «Сакъ жауунну аллына», «Жашил гелеу», «Жаз башыны жылыуу», «Дорбункъулла да жырлайдыла», «Жибит мени, жауунум»).

Юлгюле:

Чёблеге чанчылгъан инжи бюртюкле
Кёз къысалла, хычыуун кюннге къараб.
Кюн да кюмюш садакъ окъла атады,
Гелеуде инжи бюртюклени мараб… («Жашил гелеу»)
[Гуртуев 1969: 29].

Неда:
Чиран сууу, тютюн эте,
Чучхур-чучхур саркъады.
Ол кюмюш окъа аркъанын
Черек таба атады. («Тауда»)
[Гуртуев 1969: 89].

«Таула чакъырадыла» (1974) деген назму китабында Гуртуланы Бертни жашауну магъанасы, адам улуну борчу дегенча философиялы сагъышла бийлейдиле. Поэтни ангылауунда, насыпны ёлчемлеринден бири – халкъына къуллануп, аны ниет, эстетика излемлерин тамамлап, ыразы этиудю («Ыразы эталсам эди халкъымы»). Белгиленнген оюмланы назмучу «Акъ кёгюрчюн» (1980), «Чаша дружбы» (1985) деген китапларында да айтады.

Гуртуланы Берт малкъар прозаны айныууна да тийишли юлюшюн къошханды. Жазыучуну миллет окъуучугъа белгили хапарлары («Асиятны некяхы», «Басият» э.б.), повестлери («Адилгерий», 1961; «Жашауну къыланчлары», 1988), романы («Жангы талисман», 1970) малкъар адабиятны тарыхында сыйлы жерлерин алгъандыла.

Белгиленнген чыгъармалада хапарлауну ёзегин жашау кертилик къурайды. Жазыучу кеси кёргенини, эшитгенини юслеринден айта, суратлау даражагъа жетишдиреди. Сёз ючюн, «Адилгерий» деген повестде инсан урушну кезиую суратланады. Чыгъарманы сюжетини мурдорун жашауда керти болгъан Деппуланы Хамангерийни къадарыны юсюнден хапар къурайды. Акъ аскерчиле бла кюрешде жигитлигин кёргюзтген таулу жашны сыфаты повестни баш жигити Адилгерийни прототипы болады.

«Жашауну къыланчлары» деген повестинде жазыучу озгъан ёмюрню 30-чу жылларында болгъан ишле суратланадыла. Чыгъарманы баш жигитлери – эл советни таматасы Мухарбек бла школну башчысы Нажмудинни араларында турмуш болумлада туудурулгъан чюйрелик суратланады. Жазыучуну баш мураты – ол къыланчлы заманны бетинде адам улуну ниет байлыгъын неда учузлугъун, къылыкъсызлыгъын ачыкълауду. Бийик къуллукълада тохташхан Мухарбекни, район советни таматасы Харунну харамлыкъ, адамсызлыкъ, низамсыз шартларын ачыкълай, Гуртуланы Берт жашауну бушуулу-гъун, экибетлилигин кёргюзтеди.

Гуртуланы Бертни «Жангы талисман» (1970) деген эпикалы чыгъармасы биринчи малкъар романланы (Этезланы Омарны «Тарда» –1961, Залиханланы Жанакъаитны «Тау къушла» – 1962, Шауаланы Миналданны «Мурат» – 1964) сыйлы тизмесиндеди. Жазыучу XX-чы ёмюрню башында жангы тарых кезиуюнде малкъар халкъны жашаун суратларгъа, адамланы къылыкъларын, ниет айныуларын чюйрели болумлада кёргюзтюрге итинеди. Адамланы къадарлары, сезимлери, эслери революциягъа дери, андан сора да къалай тюрлене баргъанлары чыгъарманы баш жигити Ибрагимни сыфатында ачыкъланады. Таулу кишиге жашаунда Дюгербийча зулмучуланы хаталарындан кёп зорлукъну, жарлылыкъны, жарсыуланы сынаргъа тюшеди. Биринчи заманда ол унугъуп, жарлылыгъындан башын кётюралмай жашай эсе, артдан-артха аны дуниягъа къарамы, къылыгъы да тюрленедиле, ол ниет эркинликге итинеди. Жазыучу миллет сезимни кючлендирир муратда хапарлаунда мифология эм халкъ чыгъармачылыкъ ызланы айырады. Чыгъармада *къара тюлкюню* терисини, уллу жауундан сора табылгъан *минчакъны* сыфатларыны юсю бла халкъны къылыгъыны миллет шартлары, дуниясы, ниет байлыгъы ачыкъланадыла, анга кёре романны да эстетика даражасы кётюрюледи.

Жыл саны жетгенде да Гуртуланы Бертни чыгъармачылыкъ тирилиги таркъаймайды. Анга шагъатлыкъ этген 1990-чу ж. басмаланнган «Мардакемле китабыды». Мында жазыучу жашау сынамы бла чыгъармачылыгъын бирикдирип, халкъда жюрюген акъыл оюмланы къысха назму тизгинлеге сыйындырып, нарт сёзлени даражаларына жетишдирип береди. «Аз сёз къоратып, кёпню ангылатыргъа, оюм, сагъыш этдирирге итиннген китапды ол. 3Мардакемле3 халкъыбызда, жамауатда эртте белгили болгъан, айтыла келген акъыл, нарт сёзлени

эслилик бла жюрютюллюк, уллу сынау сёзге усталыкъ туудургъан сыфатланы жыйымдыгъыды…, – деп жазады Толгъурланы Зейтун. – Нарт сёзле орнуна жюрютюрге жарагъанла неда артдан-артха нарт сёзлеге къошулуп къаллыкъ чыгъармаладыла ала…» [Толгуров 2010: 41]. Биттирланы Тамара Бертни мардакемлерин сюзюп, аланы энчиликлерин шарт белгилейди: «…биринчиден, ол халкъыбызны ата сёзюн уста билгенин, экинчиден, аны жашаууну тюрлю-тюрлю бояуларына тюшюнюп, ол бояуланы онгдурмай, аталадан келген сёз, фикир байлыкъгъа жангы, керти тюрсюнле къошханыды» [Биттирова 2010: 42]. Айтылгъан оюмланы тюзлюклерин черте, Гурту улу жашаугъа кёз къарамы, суратлау сёзге усталыгъы бла малкъар халкъны ниет хазнасын байыкъландыргъанды дерге тийишлиди.

Гуртуланы Берт миллет музыканы айныууна да уллу къошумчулукъ этгенди. Аны жыр къауумлары «Жарыкъ танг», «Чомартлыкъ», «Таула чакъырадыла» деген назму жыйымдыкъларына киргендиле. Чыгъармачылыгъыны ал атламларында жазылгъан назмуларына кёре къуралгъан жырла («Къойчуну жыры» (1931), «Колхоз жыры» (1932), «Кировны жыры» (1935), «Аскерчилени жыры» (1938) эм башхала халкъда сюйюлюп айтылгъандыла. Назмучу Къабарты-Малкъарны белгили композиторлары Трувор Шейблер, Хасан Карданов, Артемий Шахгалдян, Жеттеланы Мустафир, Мухадин Балов, Байчеккуланы Абидин, Нихат Османов, Рахайланы Анатолий бла бирлешип ишлегенди. Миллет музыкалы культурада белгили жырланы санында «Жол жыр», «Алгъа-алгъа», «Жаш шоферну жыры», «Гюлле бла жырла», «Акъ марал» деген жырлары сакъланнгандыла.

Гуртуланы Берт усталыгъын кёчюрмечилик ишде да кёргюзтгенди. Ол дуниягъа белгили жазыучуланы (А. Пушкин, Ф. Шиллер, М. Лермонтов, Я. Райнис, С. Стальский, И. Чавчавадзе, В. Маяковский, А. Навои, Т. Шевченко, М. Вовчок) чыгъармаларын малкъар тилге кёчюргенди. Фахмулу жазыучуну чыгъармачылыгъы бла шагърей болургъа тыш миллетли окъуучуну да онгу болгъанды: Бертни назмулары, проза чыгъармалары да орус, ингилиз, француз, украин, къабарты, осетин, чечен, латыш, къумукъ тиллеге кёчюрюлгендиле.

Гуртуланы Берт жашаунда халкъына, аны маданиятына да керти къуллукъ этгенди. Къулийланы Къайсын айтханча, ол «малкъар поэзияны мурдорун салгъанладан бири болуб, жаш литературабызны айнытыуда, аны отун тиргизиуде къыйматлы иш этгенине ишек жокъду» [Кулиев 1958: 234]. Жазыучу миллет адабиятны ёсюуюне, байыкъланыууна уллу къыйын салгъанды, келлик тёлюлеге бай ниет хазнасын юлюш этгенди.

ХАЙЫРЛАНЫЛГЪАН ИШЛЕНИ ТИЗМЕСИ (СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ)

Атабиева 2008 – *Атабиева А.Д.* Эволюция балкарской детской литературы (проблемы жанрового развития). – Нальчик: КБИГИ, 2008. – 180 с.

Биттирова 2010 – *Биттирова Т.* Акъыл сёзю ныгъышлада эшитилген (Его мудрое слово звучало там, где народ собирался) // Берт Гуртуев. Жашау ызы, оюмлары, тенглери… (тугъанлы – 100 жыл) (Жизненный путь, размышления, друзья... (100 лет со дня рождения). – Нальчик: Издательство М.и В. Котляровых, 2010. – Б. 41– 45.

Гуртуев 1963 – *Гуртуев Б.* Шуёхла арасында (Среди друзей). – Нальчик: Эльбрус, 1963. – 176 б.

Гуртуев 1969 – *Гуртуев Б.* Чомартлыкъ (Щедрость). – Нальчик: Эльбрус, 1969. – 159 б.

Гуртуев 2004 – *Гуртуев Б.* Ол заманны бети, излеми эди (Он был лицом, требованием времени) // Заман (Время). – 2004. – 24 авг.

Гуртуев 2010 – *Гуртуев Б.* Жашау ызы, оюмлары, тенглери… (туугъанлы – 100 жыл). – Нальчик: Издательство М.и В. Котляровых, 2010. – Б. 91–131.

Кулиев 1958 – *Кулиев К.* Берт Гуртуев // Гуртуев Б. Жарыкъ танг (Ясное утро). – Нальчик: Эльбрус, 1958. – Б. 234–237.

Сарбашева 2003 – *Сарбашева А.* Гуртуев Берт // Писатели Кабардино-Балкарии (XIX – конец 80-х гг. XX в.). Биобиблиографический словарь. – Нальчик: Эль-Фа, 2003. С. 154–157.

Сарбашева 2010 – *Сарбашева А.* Балкарская проза в 1970–1990-е годы // Очерки истории балкарской литературы. – Нальчик: Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 2010. – С. 418-446.

Теппеев 1974 – *Теппеев А.* Балкарская проза. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – 176 с.

Теппеев 2010 – *Теппеев А.* Заманны келечиси (Представитель времени) // Берт Гуртуев. Жашау ызы, оюмлары, тенглери… (туугъанлы – 100 жыл) (Жизненный путь, размышления, друзья... (100 лет со дня рождения). – Нальчик: Издательство М.и В. Котляровых, 2010. – Б. 21–26.

Толгуров 2010а – *Толгуров З.* Гуртуев Берт // Очерки истории балкарской литературы. – Нальчик: Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 2010. – С. 321–331.

Толгуров 2010 – Т*олгуров З.* Ниет байлыкъны жарыгъы (Свет духовного богатства) // Берт Гуртуев. Жашау ызы, оюмлары, тенглери… (туугъанлы – 100 жыл) (Жизненный путь, размышления, друзья... (100 лет со дня рождения). – Нальчик: Издательство М.и В. Котляровых, 2010. – Б. 33–41.

REFERENCES

ATABIEVA A.D. *Ehvolyutsiya balkarskoi detskoi literatury (problemy zhanrovogo razvitiya)* [Evolution of Balkarian children's literature (problems of genre development)]. – Nal’chik: KBIGI, 2008. – 180 p. (In Russ.).

BITTIROVA T. *Ak"yl sezyu nyg"yshlada ehshitilgen* [His wise words were heard where the people gathered]. IN: Bert Gurtuev. Zhashau yzy, oyumlary, tenglerI… (tuug"anly – 100 zhyl) [Life's journey, thoughts, friends... (100 years since birth)]. – Nal'chik: Izdatel'stvo M.i V. Kotlyarovykh, 2010. – P. 41–45. (In Balkarian).

GURTUEV B. *Shuekhla arasynda* [Among friends]. – Nal'chik: El'brus, 1963. – 176 p. (In Balkarian).

GURTUEV B. *Chomartlyk* [Generosity]. – Nal'chik: El'brus, 1969. – 159 p. (In Balkarian).

GURTUEV B. *Ol zamanny beti, izlemi ehdi* [He was the face, the demand of the times]. In: Zaman [Time]. – 2004. – 24 avg. (In Balkarian).

GURTUEV B. *Zhashau yzy, oyumlary, tenglerI… (tuug"anly – 100 zhyl)* [Life's journey, thoughts, friends... (100 years since birth)]. – Nal'chik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovykh, 2010. – 528 p. (In Balkarian).

KULIEV K. *Bert Gurtuev* [Bert Gurtuev]. In: Gurtuev B. Zharyk" tang [Clear morning]. – Nal'chik: Ehl'brus, 1958. – P. 234–237. (In Balkarian).

SARBASHEVA A. *Gurtuev Bert* [*Gurtuev Bert*]. IN: Pisateli Kabardino-Balkarii (KhIKh – konets 80-kh gg. XX v.) Biobibliografi cheskii slovar’ [Writers of Kabardino-Balkaria (19th – late 80s of the 20th century) Biographical Dictionary]. – Nal’chik: El’-Fa, 2003. – P. 154-157. (In Russ.).

SARBASHEVA A. *Balkarskaya proza v 1970-1990-e gody* [Balkar prose in the 1970s-1990s]. IN: Ocherki istorii balkarskoi literatury [Essays on the history of Balkarian literature]. –Nal'chik: Respublikanskii poligrafkombinat im. Revolyutsii 1905 g., 2010. – P. 418–446. (InRuss.).

TEPPEEV A. Balkarskaya proza [Balkar prose]. – Nal'chik: Ehl'brus, 1974. – 176 p. (In Russ.).

TEPPEEV A. Zamanny kelechisi [Representative of the time]. IN: Bert Gurtuev. Zhashau yzy, oyumlary, tenglerI… (tuug"anly – 100 zhyl) [Life's journey, thoughts, friends... (100 years since birth)]. – Nal'chik: Izdatel'stvo M.i V. Kotlyarovykh, 2010. – P. 21–26. (In Balkarian).

TOLGUROV Z. *Gurtuev Bert* [Gurtuev Bert]. IN: Ocherki istorii balkarskoi literatury [Essays on the history of Balkarian literature]. –Nal'chik, Respublikanskii poligrafkombinat im. Revolyutsii 1905 g., 2010. –P. 321–331. (In Russ.).

TOLGUROV Z. *Niet bailyk"ny zharyg"*y [Light of spiritual wealth]. IN: Bert Gurtuev. Zhashau yzy, oyumlary, tenglerI… (tuug"anly – 100 zhyl). – Nal'chik: Izdatel'stvo M.i V. Kotlyarovykh, 2010. – P. 33–41. (In Balkarian).

Авторну юсюнден билдириу

Сарбашланы М.къ. А. – филология илмуланы доктору.

Information about the author

A.M. Sarbasheva – Doctor of Science (Philology), associate professor.

Информация об авторе

А.М. Сарбашева – доктор филологических наук, доцент.

Статья поступила в редакцию 24.03.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.06.2025 г.; принята к публикации 27.06.2025 г.

The article was submitted 24.03.2025; approved after reviewing 15.06.2025; accepted for publication 27.06.2025.

Научная статья
УДК 81
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-2-242-255
EDN: VGHTIP

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ ЭКСПАНСИЯ *НЭ*-ГЛАЗ В КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОМ ЯЗЫКЕ

Мадина Юрьевна Езаова
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия, madinaezaova@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-0574-7299

Аннотация: В статье представлен первый опыт семантического и словообразовательного анализа лексемы *нэ*-глаз в кабардино-черкесском языке, образующей лексическое поле и являющейся ее ядром. Зафиксированные в языковых единицах представления разных народов о действительности дают разнообразные языковые картины мира. Каждый язык является кодированной системой, отражающей тип отношений человека, одной этнической общности к миру. Одна из базовых категорий «человек» имеет самые различные характеристики, выражающиеся в метафорах. Понятие «глаз» как одна из важнейших составляющих человека относится к важнейшим архетипам, регулирующим человеческое мышление. В языке слово глаз и его производные лежат в основе лексических единиц, употребляемых для описания окружающей реальности, человека, оценки его внешнего и внутреннего мира, анатомии и психологического склада, отношения к окружающему миру, его социальной роли. Статья посвящена различным вопросам структурного состава и семантики слов, восходящих к производящей основе *нэ*-глаз в адыгской лингвокультуре. В статье рассматриваются вопросы, связанные с функционированием соматизма *нэ*-глаз в кабардино-черкесском языке, переносные выражения с компонентом *нэ*-глаз, служащие образными средствами для описания различных физических и ментальных состояний человека, связанные абстрактными и конкретными понятиями. Отдельный научный интерес представляют фразеологизмы с компонентом *нэ*-глаз кабардино-черкесского языка.

Ключевые слова: лексема, лексическое поле, структура, семантика, метафора, фразеологизм, семантическое совмещение.

Для цитирования: Езаова М.Ю. Метафорическая экспансия *нэ*-глаз в кабардино-черкесском языке // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 2. – С. 242-255. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-2-242-255. EDN: VGHTIP.

© Езаова М.Ю., 2025

Original article

METAPHORICAL EXPANSION OF NE-GLAZ IN THE KABARDINO-CIRCASSIAN LANGUAGE

Madina Yu. Ezaova
Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia, madinaezaova@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-0574-7299

Abstract. The article presents the first experience of semantic and word-formation analysis of the eye (нэ) lexeme in the Kabardino-Circassian language, which forms a lexical field and is its core. The representations of different peoples about reality recorded in linguistic units give a variety of linguistic pictures of the world. Each language is a coded system reflecting the type of relations of a person, one ethnic community to the world. One of the basic categories of "human" has a wide variety of characteristics, expressed in metaphors. The concept of the "eye" as one of the most important components of man refers to the most important archetypes that regulate human thinking. In the language, the word eye, and its derivatives are the basis of lexical units used to describe the surrounding reality, a person, an assessment of his external and internal world, anatomy and psychological makeup, attitude to the outside world, and his social role. The article is devoted to various issues of the structural composition and semantics of words dating back to the productive basis of eyes in the Adyghe linguoculture. The article discusses issues related to the functioning of ne-eye somatism in the Kabardino-Circassian language, figurative expressions with the ne-eye component, which serve as figurative means to describe various physical and mental states of a person, connected by abstract and concrete concepts. Phraseological units with the ne-eye component of the Kabardino-Circassian language are of particular scientific interest.

Keywords: lexeme, lexical field, structure, semantics, metaphor, phraseology, semantic combination.

For citation: Ezaova M.Yu. Metaphorical expansion of ne-glaz in the Kabardino-Circassian language. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 2. – P. 242-255. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-2-242-255. EDN: VGHTIP.

© Ezaova M.Yu., 2025

Введение

Полноценный анализ семантического и словообразовательного развития лексемы следует начинать с его этимологического значения и мифологических представлений, с ним связанных. Этимологическое значение содержит первосмысл слова, в котором потенциально заложены траектории его дальнейшего семантического развития. Мифология сохраняет свою роль в современном классическом ее понимании, так как она способствует объяснению окружающего мира и места человека в нем, природы и универсума. Особенно это значимо для слов-соматизмов, обозначающих физические и ментальные свойства индивидуума, которые человек по своей наивности переносил на предметы и феномены окружающей действительности. «Хорошо известен и другой ряд языковых семантических отождествлений типа голова-небо, глаза-светила, рот-огонь и т.д.» [Мифы народов мира 1982: 302]. В словаре М.М. Маковского находим следующие уподобления: «Глаз олицетворял солнце и луну [соответственно: свет, огонь, (божественную силу), плодородие, знание]. Подобно луне и звездам, глаз может излучать нет только добро, но и зло» [Маковский 1996: 119].

Носитель языка «формирует свое видение мира не на основе самостоятельной переработки своих мыслей и переживаний, а в рамках закрепленного в понятиях языка опыта его языковых предков, который зафиксирован в мифах и архетипах; усваивая этот опыт, мы лишь пытаемся его применить и слегка усовершенствовать. Но в процессе познания мира создаются новые понятия, фиксирующиеся в языке, которые есть культурное достояние: язык является средством открытия нового» [Переводоведение и культурология 1987: 89]. Диахронический

анализ лексемы дает возможность проследить появление новых значений и словообразовательных цепочек, т.е. ее номинативную плотность на современном этапе. Таким образом, можно с уверенностью сказать, что: «На основании лексем в языке, рассматриваемых в процессе их эволюции, можно судить о его историко-культурном развитии, если понимать под этим развитием порядок появления в языке тех или иных названий или значений» [Хараева, Езаова и др. 2022: 2237].

Специфика вербальной коммуникации зависит от особенностей культуры общения, что ведет к своеобразию языковых реализаций [Hall 1959]. Язык можно представить также в виде интерактивной системы, связанной с культурно обусловленным сознанием [Mead 1984].

Актуальность исследования обусловлена необходимостью дальнейших исследований наивной картины мира на материале различных языков для уточнения особенностей мировидения этноколлективов и недостаточной изученностью структурно-семантических особенностей отдельных соматизмов в кабардино-черкесском языке.

Высокая значимость лексемы *нэ-глаз* обусловила выбор экспериментального материала, так как в кабардино-черкесской наивной картине мира лексема *нэ* 'глаз' наделена особой ценностью наряду с соматизмами *гу* 'сердце', *щхьэ* 'голова', *псэ* 'душа' [Токмакова 2012: 84]. Косвенным подтвержде-нием важности зрения/глаз является кабардино-черкесская паремия – *нэм ипэ псэр ихуэ* 'лучше умереть, чем остаться незрячим'. Это объясняется, видимо, тем неоспоримым фактом, что зрительный канал (зрение) является наиболее важным для получения информации.

Научная новизна заключается в структурном и семантическом анализе лексем, восходящих к исходной языковой единице нэ-глаз, выраженных производными от соответствующей лексической единицы, в том числе фразеологизмов кабардино-черкесского языка, которые не имеют систематического описания.

Целью исследования является анализ лексического поля нэ-глаз кабардино-черкесского языка, репрезентированных лексемами и фразеологизмами.

Поставленная цель требует решения задач:

– изучение представления о человеческих глазах в наивной картине мира;

– определение ключевых лексем и фразеологизмов;

– анализ специфики языковой реализации соматического кода.

Материал, методы, обзор

Основными **методами** исследования являются метод структурного анализа, семантического описания, а также когнитивный подход.

Материалом служат лексические фразеологические единицы, относящиеся к лексическому полю *нэ-глаз* в количестве 250 лексем.

Объектом исследования являются лексемы и фразеологизмы с компонентом *нэ-глаз*, а его **предметом** когнитивные связи, лежащие в основе семантических переходов, структурные модели образования новых лексем.

Результаты и обсуждение

В структурном плане лексема *нэ-глаз* относится к единицам с простой структурой кабардино-черкесского языка типа «*щхьэ* – голова, *жьэ* – рот, *фэ* – кожа, представляющие собой изначально моновокальные корневые нечленимые основы. Названные лексемы функционируют в «качестве собственно соматизмов с простой структурой, обозначающих соответствующую часть тела/органа» [Кимов 2010б: 30].

Производные лексемы представляют собой сложную систему на структурном уровне. Данный соматизм активно участвует в словообразовательном процессе, в результате которого появляются сложные соматизмы, состоящие из нескольких основ-соматизмов.

Двусложные: *на-кIэ* (глаз + хвост) – 'внешний угол глаз'; *на-пIэ* (глаз + место) – нижнее веко; *нэ-ку* (глаз + середина) – 'глазное яблоко'; *нэ-джащIэ* (глаз + дно) – 'глазное дно'; *нэ-джыдж* (глаз + блеск) – 'прозрачная пленка на глазном яблоке'; *нэ-пкъ* (глаз + каркас) – 'подглазье' (кость); *нэ-гу* (глаз + сердце) – 'передняя часть лица'; *на-къэ* (глаз + направление) – 'скуластый'; *на-пэ* (глаз + перед) – 'лицо'; *нэ-кIу* (глаз + щека) – 'лицо' (*кIу*-'щека'); *на-тIэ* (глаз + верх) – 'лоб'; *набдзэ* (глаз + дуга) – 'бровь'; *нэ-пс* (глаз + капля) – 'слеза'; *нэ-джэдыкIэ* (глаз + яйцо) – 'глазное яблоко'; *нэ-вагъуэ* (глаз + звезда) – 'зрачок'.

Трехсложные: *на-па-фэ* (глаз + перед + кожа) – 'кожа на лице'; *на-кIэ-плъ* (глаз + угол + красный) – 'красный нижний ободок глаза'; *на-кIа-фэ* (глаз + угол + кожа) – 'кожа на внешнем углу глаз'; *нэ-ку-гъуэ* (глаз + середина + нора) – 'роговица'; *на-пIа-щхьэ* (глаз + место + верх) – 'верхнее веко'; *на-пIэ-пщ* (глаз + место + раздутость) – 'опухшее веко'; *на-п-щIэ* (глаз + верх + делать) – 'надбровье'; *нэ-бжьы-ц* (глаз + бремя + волос) – 'ресницы'; *нэ-щIа-щэ* (глаз + дно + место) – 'подглазье'; *нэ-щIа-щей* (глаз + дно + много) – 'глубокое подглазье'; *нэ-жь-гъ* (глаз + середина + направление) – 'средняя часть лица'; *нэ-кIу-щхьэ* (глаз + середина + верх) – 'скула'; *на-тIа-щхьэ* (глаз + направление + верх) – 'верх лба'; *на-тIэ-гу* (глаз + направление + середина) – 'середина лба'; *на-тIэ-пэ* (глаз + направление + перед) – 'линия лба в продолжение носа'; *нэ-жьгъу-ц* (глаз + бок + волос) – 'бакенбарды'; *нэ-хужьы-бэ* (глаз + белый + много) – 'белок глаза'.

Многосложные: *на-кIэ-лъа-кIэ* (глаз + угол + конечность + угол) – 'внешний угол глаз' (простореч.); *нэ-зэ-ры-хъэ* (глаз + много + интерфикс + сплетение) – 'висок'; *нэ-ш-кIу-л* (глаз + большой + следующий + мясо) – 'подглазье'.

Цепочечные: *на-гуэ-па-гуэ* (глаз + короткий + нос + короткий) – 'коротконосый', 'короткоподбородый'; *нэ-хъу-пэ-хъу* (глаз + округлость - нос + округлость) – 'большие отверстия глаз и носа'.

Представленные соматизмы состоят из двух-трех минимальных основ-соматизмов. Правый(ые) член(ы) (вершина соматизмов) выступают в различных метафорических значениях. Структурный анализ показал, что наиболее часто встречается модель трехсложных слов-соматизмов, что является результатом более детального осмысления лица, его частей.

Р.С. Кимов пишет, что «за *нэ* стоит чрезвычайно развитая концептуальная сеть» [Кимов 2010а: 150]. Он высказывает аргументированное мнение, что помимо, представленных в словарях трех значений 1. глаз; 2. отверстие, ячейка; 3. ушко (иголки). «*Нэ* расширяет свое значение, обозначая «зрение»: *си нэр*

щIагъуэкъым – у меня неважное зрение» [Кимов 2010а: 149]. Автор уточняет, что данное расширение смысла глаз-зрение есть «языковая универсалия, которая укладывается в формулу концептуальной смежности орган-выполняемая функция… Метонимический сдвиг – орган-функция органа» [Кимов 2010а: 150].

На содержательном уровне анализа мы исходим прежде всего из понимания концепта, предложенного В.В. Колесовым, согласно которому «концепт есть исходная точка семантического наполнения» [Колесов 2002: 63]. Таким образом, можно считать, что концепт заключает в себе этимон слова и всю его последующую траекторию семантического развития.

Как показывает структурный анализ изученного материала, лексема *нэ* 'глаз' в кабардино-черкесском языке лежит в основе номинаций лица и верхней его части. Обратимся к рассуждениям Р.С. Кимова:

> «Во многих языках концепт лицо этимологически возводится к концепту глаз. Между этими частями тела существует когнитивная связь. В кабардинском языке есть четыре сложных наименования для обозначения лица – *напэ*, *нэгу*, *нэкIу*, *нэIу*. Как видно, каждое из них содержит компонент глаз *нэ*. *Напэ* (*нэ* глаз + *пэ* нос) – наиболее распространенное слово обозначение для лица. Традиционно считается, что это метонимическое образование. С другой стороны, в кабардинском языке есть слово *накIэ* (*нэ* + *кIэ* хвост), букв.: хвост глаза, служит для обозначения внешнего угла глаза. Почему нельзя предположить, что *напэ* есть своеобразное начало лица. Не вызывает сомнения, что имя *накIэ* вызвано к жизни зооморфной моделью концептуализации мира. Лицо, голова, грудь служат в качестве опорной области для концепта перед» [Кимов 2010б: 14-15].

И далее он выводит семантическую цепочку, выраженную шкалой «метафорических переходов: лицо > предмет > действие > пространство > время > качество» [Кимов 2010б: 25], которая ляжет в основу нашего анализа.

Семантический переход глаз-лицо можно объяснить расширением значения, вследствие отношений смежности, основанных на когнитивной связи. Лицо, восходящее этимологически к лексеме глаз, может служить для характеристики человека, его внешности, пространства и времени и т.д. Как указывалось выше, лицо является звеном концептуальной цепочки, в которую также входят предмет > действие > пространство > время > качество. Этимологически пространственные структуры носят векторный характер, что отражается на их использовании в описании различных сфер.

В своей работе мы исходим из известного положения о метафоризации как способе представления лексем. Разберем основные метафоры.

Глаза-человек. Самая очевидная метафора, при которой части тела интерпретируются как человек. Как показывает анализ, в кабардино-черкесском языке *нэ*-глаз имеет весьма разветвленную сеть производных слов-соматизмов, обозначающих части лица, которые также активно участвуют в описании человека. Физические характеристики, анатомия. Глаза: *нэхъу* – 'большеглазый'; *нэ набгъэ* – 'близорукие глаза'; *нэ къитIэтI* – 'выпуклоглазый' (негативная коннотация); *нэгъуд* – 'глубоко посаженные глаза'; *нэмытI* – 'пучеглазый от болезни'; *нэбдзыфIэ* – 'благовидный' (ментально и материально); *нэжьгъущIыдзэ* – 'ведьма крупноглазая и с железными зубами'.

Соматизм+колороним: *нагъуэ* – 'кареглазый'; *нащхьуэ* – 'голубоглазый' / 'сероглазый'; *нэплъ* – 'красноглазый'; *напщIэплъ* – 'красное веко'; *накIэплъ* – 'красный нижний ободок глаза'; *нэкъуэлэн* – 'зеленые глаза'.

Брови, ресницы: *набдзапцIэ*, *напщIацэ* – 'густобровый'; *набдзэ фIыцIэ* – 'чернобровый'; *нэбжьыц* – 'ресницы'; *набдзэ къурашэ* – 'изогнутые брови'.

Бинарная оппозиция красота-уродство в кабардино-черкесском языке может выражаться при помощи описания глаз, бровей: *назычэ* – 'очень красивый', 'броский' (в целом о человеке); *нэджэIуджэ* – 'урод'; *нэтх-пэтх* – 'как нарисованный' (про красивого). Про самую красивую женщину говорят: *набдзэ зытелъым я нэхъ дахэ* – букв.: самая красивая из тех, кто носит брови.

Скулы, щеки: *нэ-гу-ху* – 'светлоликий'; *на-пэ-ху* – 'светлощекий'; *на-гъы-ху* – 'бледный'; *нэ-кIу-ху* – 'белощекий'; *нэ-кIу-бгъуэ* – 'широкощекий'; *нэ-кIу-гъу* – 'худое лицо'; *нэ-кIу-тIэ* – 'щекастый' (положительная коннотация); *нэ-кIу-фIэ* – 'полнощекий'; *нэ-кIу-плъ* – 'румяный'; *нэ-кIу-щхьэ-плъ* – 'румяноскулый'; *на-къэ-ды-къэ* – 'крупные черты лица', относится к сделавшему что-то негативное (переносн.); *на-гуэ-ды-гуэ* – 'нечеткие', 'некрасивые черты лица'; *на-къэ-па-къэ* – 'крупноскулый', 'крупноносый' (к мужской внешности чаще или мужеподобная женщина).

Лоб: *на-тIа-бгъуэ* – 'широколобый'; *на-тIа-гуэ* – 'плоский лоб' (не выпуклый); *на-тIэ-бжьэ* – 'высоколобый'; *на-тIэ-къ* – 'очень крупный лоб'; *на-тIэ-къэб* – 'очень выпуклый лоб'; *на-тIэ-шхуэ* – 'большой лоб'; *на-тIэ-гъуджэ* – 'у кого на лбу белесые волоски'; *на-тIа-цэ* – 'кудри на лбу'; *на-тIэ-пс* – 'конская челка'; *натIэпэ* – 'линия лба в продолжение носа'; *на-тIэ-ц* – 'челка'; соматизм+глагол: *на-тIэ-дыхьэ* – 'на лбу залысины'; соматизм+колороним: *натIэху* – 'у кого седина на лбу' (букв.: белый лоб). Волосы: *нэхутхьэху* – 'светловолосый'.

Ментальные характеристики, качества: *набдзэгубдзаплъэ* – 'наблюдательный'; *набдзэпэщIэплъу* – 'недоверчиво'; *нацэIуцэ* – 'простоватый'; *нэгуфIэ* – 'улыбчивый'; *нэжэгужэ* – 'улыбчивый'; *нэгъыф* – 'неприветливый'; *бысым нэгъыф* – 'не гостеприимный'; *нэIуей* – 'неприятный'; *нэкIуей* – 'неприятный'; *нэIурыт* – 1. 'тот, о ком знаешь, думаешь'; 2. 'приветливый'; *нэщхъыдзэ* – 'агрессивный'; *нэщхъыджэ* – 'агрессивно хмурый'; *нэщхъпэщхъыу* – 'хмурый'; *нэщхъыфIагъэ* – 'приветливость'; *нэщхъыцэ* – 'хмурый'; *нэщIэпкIэ* – 'весело-шустрый'; *нэIуасэ* – 'знакомый'; *нэщхъеифэ* – 'печальный'; *нэщхъеирилэ* – 'часто бывающий печальным; *нэцIэIуцIэ-нэпсей* – 'жадный'; *нэрыIэзэ* – 'меткоглазый'; *нэутхэ* – 'приветливый'; *нэутхъуэ* – 'неприветливый'; *нэфI* – 'доброе отношение'; *нэфIэгуфIэ* – 'приветливость на лице'; *нэшхуэгушхуэ* – 'открытый'; *нэжэгужэ* – 'веселый', 'открытый'; *нэфI* – 'добрый', 'открытый взгляд'; *нэфI-ней* – 'предвзятость по отношению к кому-то'; *нэрыщэ-гурыщэкIэ* – 'приблизительно', 'на глаз'; *нэрыIэзэ* – 'замечающий недостатки в чужом труде, но не умеющий ничего делать'; *нэрыIэзэ Iэпэзадэ* – то же.

В кабардино-черкесском языке на основе *нэ-напэ* возникла морально-этическая оппозиция честь (совесть) – позор (стыд, отсутствие совести): *напэ* – 'честь', 'совесть'; *напэншэ* – 'бессовестный'; *напэтех* – 'позор'; *напитI* – 'двуличный'; *нэкуи-напIи* зимыIэ – 'бесстыжий'; *нэмыукIытэ* – 'бесстыжие глаза'. Понятие гордости, признания заслуг человека также обозначается производным от *нэ* –

набдзэ 'брови', например: *Лъэпкъым и набдзэ* – (букв.: бровь народа) 'гордость, честь народа'. По всей видимости, здесь присутствует некоторая аналогия, в основе которой лежит шкала ценностей. Если глаза – это ценнейший орган, так как зрительный канал является главным каналом получения информации, то по аналогии ценные ментальные качества и их антиподы обозначаются их производными.

Действия: *накIэнащхьэ*: 1. (оказать негласную услугу); *нащхьэ (хуэ) щIын* 'подмигнуть'; *нащхьэ* (щIын) – 'подмигнуть; *нащхьэIушхьэ – нащхьэIущхьэ щIын* – 'перемигивание'; *напэлъагъу* – 'лицезреть'; *и напэлъагъу щIэбэгын* – 'соскучиться по образу, лицу'; *нэхъу-нэхъуу* – 'нагло смотреть'; *нэцIэн* – 1. 'завидовать' (еда); 2. 'очень ждать то, что хочешь'; *нэщхъ* (щIын) – 'хмуриться'; *нэщхъеин* – 'печалиться'; *нэIэ тедзэн=нэ ищын* – 'положить глаз'; *нэIэ текIын* – 'упустить из виду'.

Образ действия: *нэрыщэ-гурыщэкIэ* – 'интуитивно'; *нэкъыфIэщI* – 'кажущийся'; *нэуфIыцIщхьэрыуэу* – 'импульсивно'; *нэгъуазэкIэ* – 'ориентируясь на глаз'; *нэбгъузкIэ* – 'краем глаза'; *накIэнэщхьагъэ* (хэмылъу) – 'честно', 'без предвзятости'; *нэщIыбагъ* – 'за глаза'; *нэщIыбагъкIэ* – 'за спиной', 'за глаза'; (и) *нэбдзыпэ* (зэхуэмыкIуауэ) – 'не сомкнув; *нэтемыхыу* – 'не отводя глаз'.

Отсутствие органа, его целостность, нарушение функции: *нэф* – 'слепой'; *нэфыгъэ* – 'слепота'. Отсутствие зрения может приобретать и моральное измерение.

Глаза-свет. В мировой символике глаза ассоциируются с теплом, холодом, огнем, светом. Метафорические образы, интерпретирующие представление о глазах, дополнительно проецируются на архетипическую сеть концептов, представленных в виде бинарных оппозиций, в их числе, тепло-холод: *Нэм мафIэр къыщIех* – 'глаза искрятся', 'глаза горят'. *Нэр къэгъэплъэн* – 'открыть глаза'. *НитIыр диящ* – 'глаза застыли'.

Темно-светло: *си нэр щыункIыфIыкIащ* – 'в глазах моих потемнело'; *нэр уфIыцIын* – 'закрыть глаза' (закрыть свет); *нэ нурыншэ* – 'тусклые глаза, без света'.

Данная архетипическая связь в кабардино-черкесском языке отразилась в номинациях:

1) временных отрезков: *нэхущ* – 'рассвет' (*нэхущвагъуэ* – 'утренняя звезда Венера'); *нэхулъэ* – 'рассвет'; *нэхумыщу* – 'до рассвета'; *нэхукIэ* – 'закат'.

2) природных феноменов: *нэбзий* – 'луч солнца'; *нэху* – 'свет'; *нэхуу щыт щIыпIэ* – 'светлое место'.

По метонимическому переносу свет в глазах ассоциируется со светом, идущим от человека: *нэгум къыщIих нэщхъыфIагъэ, нэфIэгуфIагъэ, нэжэгужагъэ* – 'приветливость', отражение хорошего настроения.

Глаза-контейнер, вместилище для разума и познания. Представление о контейнере ассоциируется с ограниченным пространством. При помощи данной метафоры происходит членение пространства. Очень важным для исследования следует признать тот факт, что «всякий раз, когда мы говорим о пространственных отношениях и способах их выражения, мы чаще всего имеем в виду не то, каким образом наше представление о мире выражается в языковой форме, но то,

каким образом те или иные предметы получают пространственную характеристику в некоторой системе координат» [Кравченко 1996: 23].

Основой метафорического перехода человеческий глаз-вместилище является физиология – открывать/закрывать глаза, предстающая развитием оппозиции внешний/внутренний. «…Оппозиция «открывать/закрывать» охватывает метафорически преобразованные смыслы, связанные с идеей правды, истины в противовес идеи умолчания, отсутствия правды» [Рябинина 2005: 105]. На этой метафорической основе образованы производные слова с абстрактными значениями: *нэхуапIэ* – 'истина'; *нахуэ* – 'явь', 'явность'; *наIуэ* – 'явное'; *нэрымылъагъу* – 'скрытое', 'не видное'; *нэрылъагъу* – 'видный глазу'.

Вариант базовой метафорической модели – открытые глаза/закрытые глаза – жизнь/смерть. Это метафорическое осмысление предстает как способ обозначения жизни и смерти, связанных с ними радости и горя, траура: *нэщIэбжьэ* – 'горе'.

Вместилище – место, помещение: *нэгузыужь* – 'место для развлечения – где радуется глаз'; *нэхуи-хупси* (здэщымыIэ) – 'темное помещение / пространство'.

Глаза-сосуд с жидкостью: вариантное проявление метафорической модели вместилища. *Нэпс* – 'слеза'; *нэпскъудамэ* – 'след от слез'; *нэкIэ пыджэ* – 'смотреть грозно'; *нэпсыкIэ* – 'обилие слез'; *нэпсыншэ* – 'бесслезный'; *нэпсырыгуащIэ* – 'плаксивый'; *накIэпыджэ* – 'слезливый'.

Глаза-взгляд. Глаз метонимически обозначает взгляд. Глаз ассоциируется с взглядом, диапазоном взгляда, со сферой досягаемости зрения, с полем зрения, его характеристиками. Взор, взгляд является верным показателем внутреннего состояния, напряжения, эмоций, отношения: *нашэ* – 'косой взгляд'; *напщIэуфэ* – 'нахмуренный'; *нащхъуэбзащхъуэ* – 'сердитый взгляд'; *нащхъуэ* – 'злой', 'сердитый' (букв.: серые глаза). В данном случае «цветообозначение *щхъуэ* анализируется в аспекте универсальности и этноспецифичности и представляет научный интерес также с точки зрения своеобразия создаваемых метафорических образов» [Езаова, Шугушева и др. 2023: 66].

Именно на основе метафорической модели – глаз-взгляд, на наш взгляд, появляются номинации окружающей видимой реальности, которую можно членить при помощи взгляда. К ним, в первую очередь, относятся ландшафтно-рельефные единицы, о связи которых с соматизмами отмечает Р.С. Кимов: «Соматизмы обнаруживаются в правовершинной позиции сложных слов, выступая при этом только в переносных значениях, и служат для обозначения пространства и его фрагментов…. *НэплъапIэ* – возвышение, откуда все видно, возвышенность *глаз + смотреть; Нэпкъ* – спуск, берег реки *нэпкъ* берег реки глаз+костная основа» [Кимов 2010б: 30]. Производное абстрактное понятие *нэплъэгъуэ* – 'отдушина', 'свобода', 'благополучие' можно трактовать, прежде всего, как свободное пространство, место, откуда все видно.

Глаза-инструмент. Орган зрения является основой для реальных ощущений человека: *нэкIэ щхын* – 'пожирать глазами'; 'смотреть со злобой'; *(и)нэм цIуцIу къы(ху)щIэгъэхын* – 'устроить нагоняй', 'взбучку' (букв.: выбить из глаз блестки).

Глаза-предмет. Метафорическое переосмысление лежит в основе номинаций-предметов, таких как: *напэщыхуэ* – 'крем для лица'; *нэгъуджэ* – 'очки'; *нэрыплъэ* – 'бинокль'; *напэIэлъэщI* – 'полотенце'; *нэтемыгъахуэ* – 'оберег от сглаза'; *нэIурыпхъуэ* – 'вуаль'; *нэщIэудэ* – 'порошок для глаз'; *набдзэщIэч* – 'щипчики'; *нэкIэ къэпщынытъэ* – 'глазомер'; *джэдыкIэнэкъиж* – 'яичница', 'глазунья'; *мастэ нэхъу* – 'глазок', 'отверстие шумовки', 'большое отверстие ушка иглы'; *мастэнэ* – 'ушко иголки'; *уэщынэ* – 'ушко топора'.

Глаза-животный и растительный мир. По всей видимости острое зрение лежит в основе номинации. *Нэбажэ* – 'сокол'; *нэбгъэф* – 'жеребенок 1-2 лет'; *нэщIэпкIэ* – 'улитка' (название из-за подвижности кожи вокруг глаз); *накIэгуу* – 'ячмень'.

Фразеологические единицы, компонентом которых является соматизм, являются самыми культурно насыщенными слоями языка. В исследованиях фразеологизмов преследуется цель «на постижение их культурного смысла, соотнесенности образа фразеологизма с древнейшими пластами культуры» [Шурупова, Ходжагельдыев 2019: 349-350]. В то же время фразеологизм содержит в себе «устойчивые смыслы (символические, эталонные, стереотипные), которые были «заложены» в языковую семантику фразеологизма при самом его образовании, служат культурной основой данной семантики и извлекаются из нее в речи» [Ковшова 2009: 12]. Особый интерес вызывают фразеологизмы, основывающиеся на соматическом опыте, так как наивные эмпирические представления и образные ассоциации, связанные с ними.

Отдельно выделяются кинетико-соматические, обозначающие жесты, мимику, действия человека. Такие фразеологизмы выступают в прямом и переносном значениях. С одной стороны, они представляют собой соответствующие подражания, жесты и действия и остаются свободным сочетанием слов; с другой стороны, они имеют переносное значение, выражая различные эмоции, чувства и субъективное отношение к происходящему. Их называют «фразеологизмами-омонимами» [Емузов 1986: 164], «фрезеоматическими совмещениями, в которых «все компоненты употребляются в своих буквальных значениях» [Кунин 1996: 328], «жестовыми идиомами» [Козеренко, Крейдлин 1999], отличительной чертой которых является устойчивость и идиоматичность сочетания. Значение фразеологизма отсылает «к языку жестов» [Козеренко 2011: 327].

А.И. Баранов и Д.О. Добровольский относят кинетико-соматические фразеологизмы к коллокациям или слабоидиоматическим единицам, которые структурно состоят из глаголов-коллокаторов в прямом значении и зависимых существительных, обозначающих человеческий орган, являющихся объектом действий, выраженных глаголами. В данной структуре существительное-орган представляет базу фразеологизма. Как уточняют авторы, в некоторых случаях «один и тот же коллокатор сочетается с разными базами в нескольких коллокациях» [Баранов, Добровольский 2013: 274].

Ученые выделяют особый зрительный код, ключевыми понятиями которого являются «*глаз* как инструмент зрения; *видеть,* как предикат состояния, *смотреть,* как предикат активного действия и зрение как свойство и способность человека» [Ясинская 2015: 19].

Динамика соматизмов подкрепляется глаголами со значением движения, которые входят в состав кинетико-соматических фразеологизмов [Маслова 2007: 67]. Глаза, фиксированные на лице, обладают большой динамикой. Слово, обозначающее глаз, а в союзе с различными глаголами коллокаторами, образуют группу кинетико-соматических фразеологизмов, обозначая разнообразные эмоции. Например: *нэр щIегъэлъэфэн* – 'закатывать глаза'; *нэр теубыдын* – 'упереться глазами в кого-либо'; *нэр къитIэтIын* – 'вытаращив глаза' (букв.: вывалив глаза); *нэр къижу* – 'вытаращив глаза'; *нэр гъэупIэрэпIэн* – 'хлопать глазами'; *нэр къыщихун* – 'глаза вылезли из орбит'.

В основе анализируемых фразеологических единиц лежит метонимический переход или перенос названия по смежности с процесса видения на процесс понимания. Орган зрения метонимически обозначает способность человека обращать внимание и анализировать происходящее: *нэр къэгъэплъэн* – 'открыть глаза'; 'открывать глаза кому-либо на что-либо'; *нэм щIэIун* – 'совать под нос что-либо кому-либо'; *нэм къыщIэхуэн* – 'попасть в глаз'.

В ходе анализа выявлены следующие модели:

– Зрительная перцепция → ментальное состояние: *нэр зэтепIэн* – 'закрыть глаза'; 'умереть', 'скончаться'; *зи нэIэ тет* – 'хозяйский взгляд'*; нэр здэплъэмкIэ кIуэн* – 'идти куда глаза глядят'; *нэм къыщIэIэбэр умылъагъуу кIыфIщ* – 'темно, хоть глаза выколоть'; *набдзэр мыхъуу нэм занщIэу техуэу* – 'не в бровь, а в глаз'.

– Зрительная перцепция → ментальное восприятие. Данная перцепция лежит в основе познания. Познание понимается как род видения, созерцания, отношения к чему-либо. Метафора *понимание, восприятие-зрение* неотделима от метафоры *понимание-свет,* в основе которой лежит физиологическое свойство зрения – способность восприятия света: *акъылыр жыжьэу маплъэ, нэр абы и лъагъуэ ирокIуэ* – 'ум видит далеко, а глаза идут по его следу'; *зы нэм имылъагъур зы нэм елъагъу* – 'второй глаз заметит то, что не увидит первый'; *нэм илъагъур щхьэм и уасэщ* – 'восприятие увиденного зависит от чувства собственного достоинства' (от совести, от ума); *емыджар нэфщ* – 'неученье – тьма'; *зы лIым щэ укъигъапцIэмэ уделэщ, зы мащэм щэ уихуэмэ унэфщ* – 'обманутый трижды одним и тем же человеком – дурак, упавший трижды в одну яму – слепец'.

– Зрительная перцепция → чувства: *Псэм фIэIэфIыр нэм фIэдахэщ* – 'кто мил душе, тот и глаз радует'; *а си нитIымкIэ езгъэплъарэт* – 'хоть бы он взглянул (на него/нее) моими глазами'.

Универсальные семантические элементы естественного языка, по мнению А. Вежбицкой, лежат в основе описания «когнитивного сценария» эмоций [Вежбицкая 2001]. К этим универсальным семантическим элементам относят слова базисного слоя – соматизмы, «поэтому в описании эмоций так часто встречаются лексические компоненты, такие как «сердце», «душа», «голова», «плечи», «руки», «ноги», «язык», «глаза», «губы» и т.д.» [Хараева 2007: 206]. Приведем примеры использования кинетико-соматических фразеологизмов с компонентом *нэ*-глаз для выражения различных эмоций: *нэр къикIын* – 'тосковать', 'скучать', 'испытывать сильное желание', 'стремление' (букв.: глаза выходят); *нэм къыфIэнэн* – 'понравиться' (букв.: глаз зацепился); *нэр Iэпихыу* – 'очаровываясь' (букв.: глаз забирает); *нэм щIэхуам щIумых* – 'любить очень сильно', 'уважать'

(букв.: что в глаза попало, не убрать); *нэм къимыхьым* – 'не нравиться' (букв.: глазам не приносят); *нэм хуэмылъагъун* – 'питать неприязнь' (букв.: глаза не могут видеть); *нэ дазэкIэ темыгъэплъэн* – 'не видеть как своих ушей' (букв.: не дать взглянуть уголком глаз); *нэр гъэлыдын* – 'сверкать глазами', 'метать молнии'; *нэр къилыдыкIын* – 'сверкать глазами'; *нэм пшагъуэ кыщIихьэн* – 'хмуриться', 'сердиться' (букв.: глаза туман чуют); *нэм къыщипхъуэн (къыщхьэрипхъуэн)* – 'ничего не видеть перед глазами'; 'помутиться в глазах'; *нэм хъуаскIэ къыщIихын* – 'метать громы и молнии' (букв.: искры сыпятся из глаз); *нэкIи пэкIи пэбжьэуэн* – 'метать громы и молнии' (букв.: глазами и носом кидаться); *нэм щIы имылъагъужын* – 'быть страшно разгневанным' (букв.: глазам земли не видеть, потерять устойчивость); *нэр тIууэ хуэгъэплъэн* – 'навести страх' (букв.: заставить смотреть в оба глаза); *нэм хущIэIэбэн* – 'ткнуть кому-либо в глаза'; *нэр бгъэууэ хэгъэплъэн* – 'испугать', 'озадачить' (букв.: заставить смотреть с расширенными глазами); *накIэлъакIэ щIын=накIэлъакIэ щIэудын* – 'подбить глаз'.

Суженные, сощуренные глаза являются проявлением доминирования или агрессии по отношению к другим и реализует значения угрозы, презрения, осторожности, подозрения, удивления: *нэбдзыпэ щIэплъын* – 'смотреть исподлобья'; *нэбгъузкIэ еплъын* – 'смотреть косо на кого-либо'.

Заключение

Структурный анализ показал, что лексема *нэ-глаз* является минимальной (односложной) основой-соматизмом, служащей для образования двух-, трех- и многосложных соматизмов, которые обозначают различные части лица. Правый(ые) член(ы) (вершина соматизмов) выступают в различных метафорических значениях. В кабардино-черкесском языке слово *лицо* этимологически возводится к простой нечленимой корневой основе *глаз,* что свидетельствует о когнитивной связи между этими частями тела. В статье проведен анализ семантической цепочки метафорических переходов – глаз > лицо > предмет > действие > пространство > время > качество, отраженных базовой основой –соматизмом и производными словами. Выявлены основные метафорические модели: глаза-человек, глаза-контейнер, глаз-взгляд, глаза-инструмент, глаза-предмет. Анализ кинетико-соматических фразеологизмов, в основе которых лежит телесный признак, показал, что зрительная функция/перцепция является первичной в процессе познания мира.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Баранов, Добровольский 2013 – *Баранов А.Н., Добровольский Д.О.* Основы фразеологии (краткий курс). – М.: Флинта: Наука, 2013. – 312 с.

Вежбицкая 2001 – *Вежбицкая А.* Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 272 с.

Езаова, Шугушева и др. 2023 – *Езаова М.Ю., Шугушева Д.Х., Ашхотова Ф.М.* Цветовое наименование *щхъуэ* в адыгской лингвокультуре: этимология, внутренняя форма, семантика // Научный диалог. – 2023. – Т. 12. № 14. – С. 66-84.

Емузов 1986 – *Емузов А.Г.* Лексико-семантический и грамматический анализ фразеологии кабардино-черкесского языка. – Нальчик: Эльбрус, 1986. – 224 с.

Кимов 2010а – *Кимов Р.С.* Метафора и метонимия как когнитивные и эпистемические мехамеханизмы формирования языковой картины мира. – Нальчик: Каб.-Балк. госуниверситет им. Х.М. Бербекова, 2010. – 183 с.

Кимов 2010б – *Кимов Р.С.* Соматизмы кабардинского языка. Грамматикализация. – Нальчик: Каб.-Балк. госуниверситет им. Х.М. Бербекова, 2010. – 122 с.

Ковшова 2009 – *Ковшова М.Л.* Семантика и прагматика фразеологизмов (лингвокультурологический аспект): дисс. … доктора филол. н. – М., 2009. – 654 с.

Козеренко 2011 – *Козеренко А.Д.* Жестовые идиомы и жесты: типы соответствий. // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Материалы ежегодной Международной конференции. – М.: РГТУ, 2011. – С. 325-333.

Козеренко, Крейдлин 1999 – *Козеренко А.Д., Крейдлин Г.Е.* Тело как объект природы и тело как объект культуры (о семантике фразеологизмов, построенных на базе жестов). // Фразеология в контексте культуры. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 269-277.

Колесов 2002 – *Колесов В.В.* Философия русского языка. – Спб.: ZOHA, 2002. – 448 с.

Кравченко 1996 – *Кравченко А.В.* Язык и восприятие. Когнитивные аспекты языковой категоризации. – Иркутск: Из-во Иркутского ун-та, 1996. – 159 с.

Кунин 1996 – *Кунин А. В.* Курс фразеологии современного английского языка. – М.: Дубна: Высшая школа; Феникс. 1996. – 381 с.

Маковский 1996 – *Маковский М.М.* Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов. – М.: «Гуманитарный издательский ценор ВЛАДОС», 1996. – 416 с.

Маслова 2007 – *Маслова В.М.* Homo lingalis в культуре. – М.: Гнозис, 2007. – 320 с.

Мифы народов мира 1982 – Мифы народов мира: энциклопедия / гл. ред. С. А. Токарев. – М.: Сов. энциклопедия, 1982. Т. 2: К-Я. – 719 с.

Переводоведение и культурология 1987 – Переводоведение и культурология. Цели, методы, результаты [сборник статей]. / АН СССР, Ин-т языкознания. – М.: Б. и., 1987. – 150 с.

Рябинина 2005 – *Рябинина Н.А.* Когнитивная модель восприяттия в русском языке (на материале фразеологизмов с компонентами «глаз», «ухо», «нос»): дисс. ... канд. филол. наук. – Томск: ТГУ, 2005. – 218 с.

Токмакова 2012 – *Токмакова М.Х.* Слово гу «сердце» в эмотивной лексике кабардино-черкесского языка // Вестник КБИГИ, №1 (19). – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2012. – С. 84-89.

Хараева, Езаова и др. 2022 – *Хараева Л.Х., Езаова М.Ю., Шугушева Д.Х.* Цветовая триада «черный-белый-красный» в адыгской картине мира и ее функционирование в художественном дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: издательство «Грамота». 2022. – №7. – С. 2232-2238.

Хараева 2007 – *Хараева Л.Х.* Когнитивное моделирование этимологических гнезд в разносистемных языка (на материале французского и кабардино-черкесского языков). – Нальчик: Эль-Фа, 2007. – 235 с.

Шурупова, Ходжагельдыев 2019 – *Шурупова О.С., Ходжагельдыев Б.Д.* Кинетико-соматические фразеологизмы английского и русского языков с компонентами head (голова), ear (ухо), eye (brow) (глаз(бровь), lips(губы) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2019. Том.12. вып.9. – С. 348-352.

Ясинская 2015 – *Ясинская М. В.* Представления о глазах и зрении в языке и традиционной культуре славян: дисс…. канд. филол. н. – М., 2015. – 278 с.

Hall 1959 – *Hall E.T.* The Silent Language. – Garden City, N.Y., 1959.

Mead 1984 – *Mead G.H.* Vind, Self and Society /Ed. C. W. Morris. – Chicago University Press, 1984.

REFERENCES

BARANOV A.N., DOBROVOL"SKII D.O. *Osnovy frazeologii (kratkii kurs)* [Fundamentals of phraseology (short course)]. – M.: Flinta: Nauka, 2013. – 312 p. (In Russ.).

VEZhBITsKAYa A. *Sopostavlenie kul'tur cherez posredstvo leksiki i pragmatiki* [Comparison of cultures through the medium of vocabulary and pragmatics]. – M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2001. – 272 p. (In Russ.).

EZAOVA M.Yu., ShUGUShEVA D.Kh., AShKhOTOVA F.M. *Tsvetovoe naimenovanie shchkh"ue v adygskoi lingvokul'ture: etimologiya, vnutrennyaya forma, semantika* [The color name of shchue in the Adyghe linguoculture: etymology, internal form, semantics]. In: Nauchnyi dia-log. – 2023. – T. 12. № 14. – P. 66-84. (In Russ.).

EMUZOV A.G. *Leksiko-semanticheskii i grammaticheskii analiz frazeologii kabardino-cherkesskogo yazyka* [Lexico-semantic and grammatical analysis of the phraseology of the Kabardino-Circassian language]. – Nal'chik: El'brus, 1986. – 224 p. (In Russ.).

KIMOV R.S. *Metafora i metonimiya kak kognitivnye i epistemicheskie mekhamekha-nizmy formirovaniya yazykovoi kartiny mira* [Metaphor and metonymy as cognitive and epistemic mechanisms of the formation of a linguistic picture of the world]. – Nal'chik: Kab.-Balk. gosuniversitet im. Kh.M. Berbekova, 2010. – 183 p. (In Russ.).

KIMOV R.S. *Somatizmy kabardinskogo yazyka. Grammatikalizatsiya* [Somatisms of the Kabardian language. Grammaticalization]. – Nal'chik: Kab.-Balk. gosuniversitet im. Kh.M. Berbekova, 2010. – 122 p. (In Russ.).

KOVShOVA M.L. *Semantika i pragmatika frazeologizmov (lingvokul'turologiche-skii aspekt)* [Semantics and pragmatics of phraseological units (linguistic and cultural aspect)]: diss. … doktora filol. n. – M., 2009. – 654 p. (In Russ.).

KOZERENKO A.D. *Zhestovye idiomy i zhesty: tipy sootvetstvii* [Gestural idioms and gestures: types of correspondences]. In: Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Materialy ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii. – M.: RGTU, 2011. – P. 325-333. (In Russ.).

KOZERENKO A.D., KREIDLIN G.E. *Telo kak ob"ekt prirody i telo kak ob"ekt kul'tury (o semantike frazeologizmov, postroennykh na baze zhestov)* [The body as an object of nature and the body as an object of culture (on the semantics of phraseological units based on gestures)]. In: Frazeologiya v kontekste kul'tury. – M.: Yazyki russkoi kul'tury, 1999. – P. 269-277. (In Russ.).

KOLESOV V.V. *Filosofiya russkogo yazyka* [Philosophy of the Russian language]. – Spb.: ZOHA, 2002. – 448 p. (In Russ.).

KRAVChENKO A.V. *Yazyk i vospriyatie. Kognitivnye aspekty yazykovoi kategoriza-tsii* [Language and perception. Cognitive aspects of linguistic categorization]. – Irkutsk: Iz-vo Irkutskogo un-ta, 1996. – 159 p. (In Russ.).

KUNIN A.V. *Kurs frazeologii sovremennogo angliiskogo yazyka* [The course of phraseology of modern English]. – M.: Dubna: Vys-shaya shkola; Feniks. 1996. – 381 p. (In Russ.).

MAKOVSKII M.M. *Sravnitel'nyi slovar' mifologicheskoi simvoliki v indoev-ropeiskikh yazykakh. Obraz mira i miry obrazov* [Comparative dictionary of mythological symbolism in Indo-European languages. The image of the world and the worlds of images]. – M.: «Gumanitarnyi izdatel'skii tsenor VLADOS», 1996. – 416 p. (In Russ.).

MASLOVA V.M. *Homo lingalis v kul'ture* [Homo lingalis in culture]. – M.: Gnozis, 2007. – 320 p. (In Russ.).

Mify narodov mira: entsiklopediya [Myths of the peoples of the world: encyclopedia] / gl. red. S. A. Tokarev. – M.: Sov. entsiklope-diya, 1982. T. 2: K-Ya. – 719 p. (In Russ.).

Perevodovedenie i kul'turologiya. Tseli, metody, rezul'taty [sbornik statei] [Translation and Cultural Studies. Goals, methods, and results. [collection of articles]]. / AN SSSR, In-t yazykoznaniya. – M.: B. i., 1987. – 150 p. (In Russ.).

RYaBININA N.A. *Kognitivnaya model' vospriyattiya v russkom yazyke (na materiale frazeologizmov s komponentami «glaz», «ukho», «nos»)* [Cognitive model of perception in the Russian language (based on phraseological units with components "eye", "ear", "nose")]: diss. ... kand. filol. nauk. – Tomsk: TGU, 2005. – 218 p. (In Russ.).

TOKMAKOVA M.Kh. *Slovo gu «serdtse» v emotivnoi leksike kabardino-cherkesskogo yazyka* [The word gu "heart" in the emotive vocabulary of the Kabardino-Circassian language]. In: Vestnik KBIGI, №1 (19). – Nal'chik: Izdatel'skii otdel KBIGI, 2012. – P. 84-89. (In Russ.).

KhARAEVA L.Kh., EZAOVA M.Yu., ShUGUShEVA D.Kh. *Tsvetovaya triada «chernyi-belyi-krasnyi» v adygskoi kartine mira i ee funktsionirovanie v khudozhestvennom diskurse* [The color triad "black-white-red" in the Adyghe worldview and its functioning in artistic discourse]. In: Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – Tambov: izdatel'stvo «Gramota». 2022. – № 7. – P. 2232-2238. (In Russ.).

KhARAEVA L.Kh. *Kognitivnoe modelirovanie etimologicheskikh gnezd v raznosistem-nykh yazyka (na materiale frantsuzskogo i kabardino-cherkesskogo yazykov)* [Cognitive modeling of etymological nests in multi-system languages (based on the material of French and Kabardino-Circassian languages)]. – Nal'chik: El'-Fa, 2007. – 235 p. (In Russ.).

ShURUPOVA O.S., KhODZhAGEL"DYEV B.D. *Kinetiko-somaticheskie frazeologizmy angliiskogo i russkogo yazykov s komponentami head (golova), ear (ukho), eye (brow) (glaz(brov'), lips(guby)* [Kinetic and somatic phraseological units of English and Russian languages with components head (head), ear (ear), eye (brow) (eye (eyebrow), lips (lips)]. In: Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – Tambov: Gramota, 2019. Tom.12. vyp.9. – P. 348-352. (In Russ.).

YaSINSKAYa M.V. *Predstavleniya o glazakh i zrenii v yazyke i traditsionnoi kul'ture slavyan* [Ideas about eyes and vision in the language and traditional culture of the Slavs]: diss…. kand. filol. n. – M., 2015. – 278 p. (In Russ.).

HALL E.T. The Silent Language. – Garden City, N.Y., 1959. (In Eng.).

MEAD G.H. Vind, Self and Society /Ed. C. W. Morris. – Chicago University Press, 1984. (In Eng.).

Информация об авторе

М.Ю. Езаова – кандидат филологических наук, доцент.

Information about the author

M.Yu. Ezaova – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 13.03.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.06.2025 г.; принята к публикации 27.06.2025 г.

The article was submitted 13.03.2025; approved after reviewing 15.06.2025; accepted for publication 27.06.2025.

ЩIэныгъэ тхыгъэ
УДК 811.352.3
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-2-256-265
EDN: WXRGAE

АДЫГЭБЗЭМ И ТЕРМИН ПСАЛЪАЛЪЭХЭМ ЖЫЛАГЪУЭ-ПОЛИТИКЭ ЛЕКСИКЭР КЪАЗЭРЫХЭЩЫР

Жылэтеж Хьэжысмел Чыланий и къуэ
Гуманитар къэхутэныгъэхэмкIэ институт – Федеральнэ къэрал бюджет щIэныгъэ IуэхущIапIэ «Урысейм щIэныгъэхэмкIэ и академием и Къэбэрдей-Балъкъэр щIэныгъэ центр» Федеральнэ щIэныгъэ центрым и филиал, Налшык, Урысей, hazismel@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-6040-9524

Аннотацэ. Лэжьыгъэр теухуащ адыгэбзэм и жылагъуэ-политикэ лексикэр термин псалъалъэхэм къызэрыщыгъэлъэгъуа щIыкIэр зэпкърыхыным. Мы темэр иджыри къэс джа мыхъуахэм ящыщщ. Къэхутэныгъэм и мурад нэхъыщхьэр − щIэныгъэ псори къызэщIиубыдэу бзэм хэт термин псалъалъэхэм тетхыхьынырщ, я мыхьэнэр зэхэгъэкIынырщ. Апхуэдэ псалъалъэхэм я теплъэр, я зэхэлъыкIэр, щхьэхуэныгъэ, ныкъусаныгъэ яIэхэр мыбы щыубзыхуащ.

ЩIэуэ лэжьыгъэм хэлъыр − мыпхуэдэ зэпкърыхыныгъэр япэ дыдэщ, адыгэбзэкIи урысыбзэкIи мы темэм теухуа тхыгъэ зыри щыIэкъым.

Статьям къыщыгъэсэбэпащ бзэщIэныгъэ къэхутэныгъэ Iэмалхэу зэпкърыхыныгъэ, тетхыхьыныгъэ, къэбжыныгъэ, зэзыгъапщэ-зэпэзыгъэув зэпкърыхыныгъэхэр.

Къэхутэныгъэм кърикIуар щыхьэт тохъуэ адыгэбзэм щIэныгъэ псоми ехьэлIа термин псалъалъэу хэтыр зэрымащIэ дыдэм, ахэри еджакIуэхэм, еджапIэхэм папщIэ зэхалъхьауэ аращ. Иужьрейхэм жылагъуэ-политикэ фIэщыгъэцIэхэр къызэрыщыгъэлъэгъуар авторхэм зыкъомкIэ къехъулIауэ жыпIэ хъунущ. Псалъалъэхэр лъабжьэ быдэ яхуэхъуащ урысыбзэр зэзыгъэщIэну хуейхэм, зи бзэр къулей, шэрыуэ зыщIынухэм. Абы къыдэкIуэуи лэжьыгъэм къыщыгъэлъэгъуащ термин псалъалъэхэм дагъуэу яIэхэр, ахэр зэфIэха зэрыхъуну Iэмалхэр щыубзыхуащ.

Зэрыгъуазэ псалъэхэр: къэбэрдей-шэрджэсыбзэ, жылагъуэ-политикэ лексикэ, термин, псалъалъэ.

Цитатэ къызэрыхэпхынур: Жылэтеж Хь.Ч. Адыгэбзэм и термин псалъалъэхэм жылагъуэ-политикэ лексикэр къазэрыхэщыр // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 2. – С. 256-265. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-2-256-265. EDN: WXRGAE.

© Жылэтеж Хь.Ч., 2025

Original article

REFLECTION OF SOCIO-POLITICAL VOCABULARY IN TERMINOLOGICAL DICTIONARIES OF THE KABARDINO-CIRCASSIAN LANGUAGE

Khazhismel Ch. Zhiletezhev
Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientifi c Establishment «Federal Scientifi c Center «Kabardian-Balkarian Scientifi c

Center of the Russian Academy of Sciences», Kabardino-Balkarian Republic, Nalchik, Russia, hazismel@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-6040-9524

Abstract. The Russian-Kabardian Terminological Dictionary for secondary School textbooks (1950) and the School Russian–Kabardian-Circassian Terminological Dictionary (1999), published based on the Kabardian-Circassian language, were evaluated in the article. These works analyze one of the most poorly studied lexical and thematic groups of the Kabardian-Circassian language. – socio-political vocabulary. The main purpose of the work is a critical review of socio–political vocabulary in the terminological dictionaries of the Kabardino-Circassian language. To achieve this goal, the content, structure, and typical features of dictionaries are presented, and their advantages and disadvantages are highlighted. The author focuses on the fact that in the Kabardino-Circassian language, besides the school terminological dictionaries under consideration, there are no such general terminological dictionaries. The analysis of the material allows us to establish that, although socio-political vocabulary is presented in sufficient quantity in the school dictionaries under consideration, there is still a discrepancy in spelling and interpretation of socio-political names.

The novelty of the work lies in the fact that such a study of the terminology of the Kabardino-Circassian language is being conducted for the first time, there are no works on this topic either in Kabardino-Circassian or in Russian.

The relevance of the research is because many theoretical and practical issues related to the presentation of the socio-political vocabulary of the Kabardino-Circassian language in dictionaries require their solution. The paper uses a descriptive analytical method, contextual analysis, and statistical calculation.

Keywords: Kabardino-Circassian language, socio-political vocabulary, term, dictionary.

For citation: Zhiletezhev Kh.Ch. Reflection of socio-political vocabulary in terminological dictionaries of the Kabardino-Circassian language. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 2. – P. 256-265. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-2-256-265. EDN: WXRGAE.

© Zhiletezhev Kh.Ch., 2025

Научная статья

ОТРАЖЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВАРЯХ КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО ЯЗЫКА

Хажисмель Чиляниевич Жилетежев

Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия, hazismel@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-6040-9524

Аннотация. В статье подверглись оценке изданные на основе кабардино-черкесского языка общетерминологические словари – «Русско-кабардинский терминологический словарь к учебникам для средних школ (1950 г.) и «Школьный русско-кабардино-черкесский терминологический словарь (1999 г.). В данных работах анализируется один из самых малоизученных лексико-тематических групп кабардино-черкесского языка – общественно-политическая лексика. Основная цель работы – критический обзор общественно-политической лексики в терминологических словарях кабардино-черкесского языка. Для достижения поставленной цели в работе подробно представлены содержание, структура, типовые особенности словарей, выделяются их достоинства и недостатки. Автор акцентирует внимание на том, что в

кабардино-черкесском языке, кроме рассматриваемых школьных терминологических словарей, отсутствуют подобные общетерминологические словари. Анализ материала позволяет установить, что, хотя в рассматриваемых школьных словарях общественно-политическая лексика представлена в достаточном количестве, все же наблюдается разнобой в правописании и толковании общественно-политических наименований.

Новизна работы заключается в том, что подобное исследование терминологии кабардино-черкесского языка проводится впервые, нет трудов по данной теме ни на кабардино-черкесском, ни на русском языках.

Актуальность исследования обусловлена тем, что многие теоритические и практические вопросы, связанные с представлением общественно-политической лексики кабардино-черкесского языка в словарях, требуют своего решения. В работе использован дескриптивно-аналитический метод, контекстуальный анализ, статистический подсчет.

Ключевые слова: кабардино-черкесский язык, общественно-политическая лексика, термин, словарь.

Для цитирования: Жилетежев Х.Ч. Отражение общественно-политической лексики в терминологических словарях кабардино-черкесского языка // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 2. – С. 256-265. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-2-256-265. EDN: WXRGAE.

_____

© Жилетежев Х.Ч., 2025

Адыгэбзэ псалъалъэхэр зэхэлъхьэным, къыдэгъэкIыным ехьэлIа лэжьыгъэхэр нэхъ щIэгъэхуэбжьа щыхъуар блэкIа лIэщIыгъуэм и 50 гъэхэрщ. КъыкIэлъыкIуэ илъэс зыбжанэм къриубыдэу дунейм къытехьащ псалъалъэ зэмылIэужьыгъуэ куэд дыдэ, ауэ фIэщыгъэцIэхэм (терминхэм) ехьэлIауэ абыхэм яхэтыр мащIэ дыдэщ.

БлэкIа лIэщIыгъуэм и 50 гъэхэм еджапIэхэм 7-нэ классым нэс предмет псори адыгэбзэкIэ щрагъэджыну республикэм унафэ къыщащтат. Абы къыхэкIыу Налшык къыщыдэкIащ зэреджэ тхылъхьэм я гуэлъхьэну щIэныгъэ зэмылIэужьыгъуэмкIэ термин псалъалъэ [Русско-кабардинский терминологический словарь к учебникам для средних школ 1950]. ЕджапIэхэм щадж предмет къэс (физикэ, ботаникэ, зоологие, алгебрэ, геометрие, тхыдэ, географие, н.) хуэзэу псалъи 150-м нэблагъэ адыгэбзэкIэ абы щызэдзэкIащ. Адрей псалъалъэхэм къащхьэщыкIыу мыбы курыт еджапIэхэм щадж предмет къэс зэхэзылъхьа, адыгэбзэкIи зэзыдзэкIа автор щхьэхуэ яIэщ. Жылагъуэ-политикэ псалъэхэм дэ дащрохьэлIэ «История древнего мира», «История средних веков», «География частей света» жыхуиIэ предметхэм. Ахэр адыгэбзэм кърагъэзэгъащ Шортэн А., Алъхъэс М., Увыж Хь. сымэ. Термин къэс псалъалъэ статья щхьэхуэ иIэщ, жыIэгъуэхэр адыгэбзэм и хабзэм къызэрезэгъкIэ щызэдзэкIащ, я мыхьэнэр адыгэбзэкIэ щыгъэнэхуаи щымыгъэнэхуаи уарохьэлIэ. Псалъэм папщIэ: **Граница** – гъунапкъэ [РКТС…1950: 75]; **Делегация** (латин псалъэщ) – делегацэ – цIыху зытIущ хъууэ зы IуэхущIапIэ гуэрым, зы гупым, е зы хэкум я лIыкIуэ [РКТС…1950: 76]; **Посольство** – *посольствэ. Хамэ къэралым чэнджэщакIуэу щыIэ лIыкIуэ* [РКТС…1950: 112].

НапэкIуэцI 15 фIэкIа мыхъу «История древнего мира» жыхуиIэм жылагъуэ-политикэ псалъэу 60-м нэс къыщокIуэ, напэкIуэцI 18 хъу «История средних веков» предметым – псалъи 100-м нэс, напэкIуэцI 12 хъу «География частей света»

жыхуиІэм – псалъэу 30. Мыбдежым къэгъэлъэгъуэн хуейщ абыхэм зэтехуэ псалъэ зыбжанэ зэрахэтым: *аристократ, власть, восстанэ, демократие, император, империе, президент, колоние, реформэ, тиран, эрэ,* н.къ.

Псалъалъэм къыщыхьа жылагъуэ-политикэ псалъэхэм я ухуэкІэм, къэхьыкІэм мащІэу дакъытеувыІэнщ:

– лэжьыгъэм уащрохьэлІэ зы псалъэкІэ е псалъэ зэпхакІэ урыс (интернациональнэ) терминыр адыгэбзэм щызэдзэкІауэ: арендэ – *бэджэнд,* государство – *къэрал*, граница – *гъунапкъэ*, закон – *хабзэ,* император (латин псалъэщ) – *пащтыхь еру*, мир – *мамырыгъэ,* монарх – *хэку тет,* право – *лъэкІыныгъэ, хуитыныгъэ,* реформэ – *зэхъуэкІыныгъэ*, н. Зэрынэрылъагъущи, мыбыхэм я мыхьэнэр гъэнэІуакъым.

– псалъалъэм псалъэ куэд дыдэ къыщыкІуащ я тхыкІэр адыгэбзэм и хабзэхэм игъэзэгъарэ я мыхьэнэр гъэнэхуауэ: восстание – *восстанэ – правительственнэ властым ебэныну цІыхум я къызэщІэхъееныгъэ*; диктатура (латин псалъэщ) – *диктатурэ – тепщэныгъэ, къыпэщІэувэф щымыІэу къэрал властыр Іыгъыныгъэ*; империя – *империе. Императорыр зи Іэтащхьэ хэкущ, къэралщ*; орган (грекыбзэщ) – *орган. Къэрал е общественнэ Іуэхущ1апІэщ,* н.

– лэжьыгъэм и зэхэлъыкІэхэм ящыщ зыщ хамэбзэ псалъэр щызэрадзэкІкІэ, хамэбзэ псалъэмрэ езы бзэм и псалъэмрэ зэгъусэу къызэрыщагъэсэбэпыр: власть – *власть – лъэкІыныгъэ, тепщэныгъэ*; вождь – *вождь – пашэ*; осадэ – *осадэ – къэтІысыхьыныгъэ;* производство – *производствэ, щІыныгъэ, къэлэжьыныгъэ;* реформа – *реформэ, зэхъуэкІыныгъэ*; эпоха – *эпоха, зэман, лъэхъэнэ;* явление – *явление, къэхъу-къэщІа, къэхъугъэ,* н. Тхыбзэр щызэфІэувагъащІэхэм бзэм иІэ нэщэнэхэм ящыщ зыщ апхуэдэ къэгъэсэбэпыкІэр. Уеблэмэ а лъэхъэнэм хамэбзэ псалъэхэр егъэлеяуэ бзэм куэд щыхъуат.

– тхылъым къыщыхьа языныкъуэ фІэщыгъэщІэхэм я зэдзэкІыкІэр гурыІуэгъуэкъым: дворянство – *лІакъуэлІэшыгъэ;* договор – *зэрызэгурыІуамкІэ быдагъэ зэщІылІэн;* император – *пащтыхь еру*; империя – *езыр зыфІэфІыр зыщІэ, пщы еру къэралыгъуэ*; монарх – *хэку тет*; правитель – *зезыгъакІуэ (къэралыр, хэкур зезыгъакІуэ, тет)*; влияние – *зыгуэрым и Іуэху къыхилъхьэурэ егъэкІуэкІа хъуа, е екІуэкІ Іуэхугъуэщ;* воля – *уи мурадыр, узыхуейр бгъэзэщІэфыныгъэрщ, зэфІэкІ хэлъыныгъэрщ;* повелитель – *къэралым и Іэтащхьэ цІыху.* Мыпхуэдэхэм я мыхьэнэр зэхэщІыкІыгъуэу щыткъым икІи ахэр бзэм къищтакъым.

– псалъалъэм и дагъуэ нэхъыщхьэу убж хъунущ урыс псалъэ куэд дыдэ зэмыдзэкІауэ къызэрынар. Къапщтэмэ, «История средних веков» Іыхьэм къыщыхьа жылагъуэ-политикэ псалъи 100-м щыщу зэрыщыту псалъэ 88-рэ къэнэжащ. Апхуэдэ Іуэхугъуэм щхьэусыгъуэ зыбжанэ иІэщ. Япэрауэ, адыгэбзэр тхыгъэщІэбзэхэм ящыщщ. Илъэс 30 фІэкІа зи тхыбзэр мыхъу бзэм апхуэдэ зэфІэкІыныгъэхэр а зэманым иІакъым. ЕтІуанэрауэ, а лъэхъэнэм къэралым и политикэмрэ бзэщІэныгъэлІхэм я бгъэдыхьэкІэмрэ хуэунэтІат урыс (интернациональнэ) псалъэхэм зэхъуэкІыныгъэ ямыІэу нэгъуэщІыбзэхэм къащтэн зэрыхуейм. Абы и щыхьэту къэтхьынщ 1951 гъэм къыдэкІа «Русско-кабардинский политико-терминологический словарь»-ым и пэублэм щыщ пычыгъуэ: «Термин, псоми къагъэсэбэп псалъэ зэпха куэд зэмыдзэкІауэ псалъалъэм къыщІинам и щхьэусыгъуэу авторхэм тегъэщІапІэ ящІыр мыращ: адыгэбзэм

зэрызиужьыфыныр урыс цIыхубэм я жьауэм щIэт къудейуэщ, адыгэбзэр нэхъ къулей зэрыхъун хуейр урыс псалъэхэмрэ терминхэмрэ къищтэурэщ» [РКПТС 1951: 3]. Апхуэдэ щIыкIэм къишэрт адыгэбзэр зыIурылъхэм урысыбзэр нэхъ псынщIэу, нэхъыфIу ящIэ зэрыхъур. Ауэ абы и зэранкIэ езы адыгэбзэм и Iэмалхэр IэщIыб хъурт, бзэр хамэбзэ псалъэхэм зэщIащтэрт. Ещанэрауэ, езы «термин» псалъэм къикIымрэ ар зэдзэкIа зэрыхъун хуеймрэ а зэманым дэнэ къэна, нобэр къыздэсым бзэщIэныгъэм щызэхэгъэкIауэ щыткъым.

– лэжьыгъэм ихуа Iыхьэхэр зи Iэдакъэщ!экIхэм зэуIу, зэщхь зэрамыщIам къыхэкIкIэ, зы псалъэм и тхыкIэр, зэдзэкIыкIэр зэмыщхь щыхъуа щыIэщ: **партия** – парт [РКТС…1950: 96], **партия** – партие [РКТС…1950: 112]; **племена** – лъэпкъыгъуэхэр [РКТС…1950: 80], **племена** – племенхэр [РКТС…1950: 112]; **держава** – къэралыгъуэшхуэ, къэрал зылъэкI, нэгъуэщIым емыубзэ [РКТС…1950: 76], **держава** – державэ [РКТС…1950: 90, 107], **держава** – державэ. Щхьэхуэу псэуф къэрал [РКТС…1950: 107]; **колония** – колоние [РКТС…1950: 78, 93], **колония** – колонэ [РКТС…1950: 109].

Къэдгъэлъэгъуа щыуагъэхэр хэтми, псалъалъэм и къалэн нэхъыщхьэу щытар терминхэр зэрагъэщIэнымкIэ еджакIуэхэм щIэгъэкъуэн яхуэхъунырщ. ЗыкъомкIэ ар къехъулIауэ убж хъунущ.

ИщхьэкIэ дызытепсэлъыхьа лэжьыгъэм и ужькIэ щIэныгъэ щхьэхуэ зэхуэмыдэхэм ехьэлIауэ псалъалъэ гуэрхэр къыдэкIами, ахэр псори щызэхуэхьэсауэ, къызэщIиубыдэу тхылъ зэрыщымыIэм бзэр илъахъэрт, еджакIуэхэри зэдзэкIакIуэхэри гугъу иригъэхьырт. А псори къилъытэри, адыгэ бзэщIэныгъэлI ЗекIуэрей Нурдин 1999 гъэм къыдигъэкIащ «Урыс-адыгэ термин псалъалъэ» [Зекореев 1999]. Тхылъым и фIэщыгъэцIэм къегъэлъагъуэ термину къагъэсэбэпхэр мыбы щызэхуэхьэсауэ щытын зэрыхуейр. Мы псалъалъэм къыщыхьащ еджапIэ псоми зэрыщрагъаджэ тхылъхэм, пособиехэм, методикэ лэжьыгъэхэм ехьэлIа фIэщыгъэцIэу 2500-м щIигъу. ИпэкIэ къыдэкIа фIэщыгъэцIэ псалъалъэ мыинхэм терминхэр адыгэбзэм къыщрагъэзагъэкIэ зы псалъэкIэ къагъэлъагъуэ хабзэт (корень – *лъабжьэ,* коллективизация – *коллективизацэ,* агроном – *агроном*). Абыхэм къащхьэщыкIыу зи гугъу тщIы псалъалъэм жыIэгъуэ къэсыху адыгэбзэкIэ щыгъэнэхуащ, щапхъэкIэ щыщIэгъэбыдэжащ: **АВТОНОМИЯ** автономие *полит.* Лъэпкъ щхьэхуэ щыпсэу щIыналъэхэм я щхьэ и унафэ ящIыжыну зыхыхьэ къэралым къарит хуитыныгъэ, п.п., Испанием щыIэ Каталоние, Андалусие, Галисие щIыналъэхэр. *Автономие игъуэтын* [Зекореев 1999: 13]. Зэрынэрылъагъущи, мыхьэнэр зэпкърызых Iыхьэм иужь иту къэхьащ щапхъэхэр, ахэр курсивкIэ тхащ. Щапхъэу псалъалъэм къыщыхьахэм я къалэнщ терминхэм я мыхьэнэр нэхъри гурыIуэгъуэ ящIыну, къызыхуахьа псалъэр бзэм къызэрыщагъэсэбэп хабзэр нэрылъагъу ящIыну. Щапхъэхэр къыхахащ тхакIуэ цIэрыIуэхэм я литературнэ Iэдакъэщ!экI пычыгъуэхэм, еджапIэм зэрыщеджэ тхылъхэм, апхуэдэуи езы зытхам къигупсысаи хэтщ. Псалъалъэр щызэхилъхьэм щыгъуэ авторым къигъэсэбэпащ къыдэкIауэ щыIэ лэжьыгъэхэр: термин, псалъэгъэнахуэ, энциклопедическэ, этимологическэ псалъалъэхэр. Шэч хэмылъу, урысыбзэр фIыуэ зымыщIэ еджакIуэхэм мыр щIэгъэкъуэныфI дыдэ яхуэхъуащ, абы къыщынэмыщIауэ ар яхуэгъэзат адыгэбзэкIэ еджэ еджакIуэхэм, бзэм елэжь щIэныгъэлIхэм.

ЗекIуэрей Нурдин и псалъалъэм къыщыхьа фIэщыгъэцIэхэм къагъэлъагъуэ гъащIэм и лъэныкъуэ псоми (политикэ, экономикэ, гъуазджэм, щIэныгъэм, техникэм н.къ.) епха гурыIуэгъуэ зэмылIэужьыгъуэхэр. Езым зэрыжиIэмкIэ, «абы и къалэнщ урысыбзэкIэ тха тхылъ зэреджэхэм еджакIуэр зыщрихьэлIэ терминхэр гурыIуэгъуэ щищIыну, я мыхьэнэр адыгэбзэкIэ зэпкърихыну» [Зекореев 1999: 8]. Жылагъуэ-политикэ гъащIэм епха псалъэу 280-м нэс мы лэжьыгъэм дэ къыщыдгъуэтащ. Ахэр псалъалъэм къызэрыщыхьа, зэрызэхэт щIыкIэмкIэ зыбжанэу бгуэш хъунущ:

1. Зэрыщыт дыдэм хуэдэу адыгэбзэм къыщыкIуа псалъэхэр 110-м нос. Адыгэбзэ пэжырытхэм и хабзэмкIэ абыхэм зэхъуэкIыныгъэ зыри ягъуэтыркъым: *авангард, гимн, делегат, закон, кризис, парламент, расизм, сепаратизм, суверенитет, экстремизм*, н.къ.

2. Зи кIэухым зэхъуэкIыныгъэ игъуэта псалъэхэр 90-м нос:

–ия урыс, къэралзэхуаку кIэухым адыгэбзэм *-ие* фащэ щегъуэт: автономия – *автономие,* демократия – *демократие,* дипломатия – *дипломатие,* монополия – *монополие,* н.;

– урыс, къэралзэхуаку псалъэхэм япыт лъабжьэгъусэ (аффикс) *-ние, -ция*-р адыгэбзэм *-нэ, -цэ* щохъу: дезинформация – *дезинформацэ*, делегация – *делегацэ,* приватизация – *приватизацэ,* реабилитация – *реабилитацэ,* революция – *революцэ,* инфляция – *инфляцэ,* фракция – *фракцэ,* н.;

– *ия* кIэухыр пымыту псалъалъэм ихуащ *парт* псалъэр: партия – *парт;*

– урысыбзэ, къэралзэхуаку псалъэхэр ударенэ зытемыхуэ *а, о*-хэмкIэ иухмэ, абыхэм я пIэкIэ э къокIуэ: грамота – *грамотэ,* норма – *нормэ,* нота – *нотэ,* общество – *обществэ,* палата – *палатэ*, политика – *политикэ,* пресса – *прессэ*, раса – *расэ,* дума – *думэ,* культура – *культурэ*. Ауэ гурыIуэгъуэкъым а хабзэм щIэувэ апхуэдэ псалъэ дыдэ зэрыщыту къыщIэнар: **вето** – вето. *Президентым вето трилъхьэн* [Зекореев 1999: 47].

– щыIэцIэхэм япыт *-ство-* лъабжьэужьыр (суффиксыр) адыгэбзэм *-ствэ-* щохъу: гражданство – *гражданствэ,* банкротство – *банкротствэ,* правительство – *правительствэ,* н.

Псалъалъэм ихуа псалъэ псоми дакъытеувыIэнкъым, ауэ къыхэгъэщын хуейщ абыхэм я тхыкIэр а зэманым щыIа адыгэбзэм и пэжырытхэм тету зэрыщытыр [Урыс, Зэхъуэхъу 1963: 64-67].

3. Псалъэ зыбжанэ псалъалъэм ихуащ урысыбзэ псалъэрэ адыгэбзэ псалъэрэ зэгъусэу зэдзэкIа псалъэм и мыхьэнэр къагъэлъагъуэу: диаспора – *диаспорэ, хэхэс;* культура – *культурэ, щэнхабзэ;* норма – *мардэ, нормэ;* общество – *цIыхубэ зэхэт, обществэ;* приговор – *унафэ, приговор;* реформа – *реформэ, зэхъуэкIыныгъэ*, н.

4. Псалъалъэм къыщыхьащ куэд лъандэрэ адыгэбзэм къыщагъэсэбэпу тыркубзэм, хьэрыпыбзэм, ираныбзэм къыхэкIа псалъэ зыбжанэ: адвокат – *уэчыл,* аренда – *бэджэнд,* время – *зэман,* вселенная – *дуней,* государство – *къэралыгъуэ,* долг – *борш, къалэн*, наказание – *тезыр,* н.

5. Лэжьыгъэм ихуа термин зыбжанэм я зэдзэкIыкIэр гъэтэмэмыжын е зыгуэрхэр дащIыгъужын хуейхэщ. Псалъэм папщIэ, **борьба** *бэнэныгъэ* псалъэр спорт мыхьэнэ иIэущ къызэрыщыгъэлъэгъуар. Абы щIыгъужыпхъэщ «зыгуэрым

(п.п. хуитыныгъэм) щIэкъун, щIэзэун» мыхьэнэр. **Государство** терминыр *къэралыгъуэ* псалъэмкIэ зэдзэкIащ. Мыбдежым зэгъэзэхуэжын хуейщ: **государство** жыхуиIэм хуэкIуэр *къэрал* фIэщыгъэцIэрщ, *къэралыгъуэ* псалъэм къигъэлъагъуэр **государственность** мыхьэнэщ. **Делегат, делегация** псалъэхэр зэмыдзэкIауэ къэнахэщ, абыхэм я мыхьэнэр къэзыгъэлъагъуэ *лIыкIуэ, лIыкIуэ гуп* псалъэхэр адыгэбзэм куэд щIауэ хэтми. **Менталитет** *дуней еплъыкIэ* зэдзэкIыкIэр тэмэму щыткъым, *дуней еплъыкIэ* псалъэ зэпхам пэхъу урысыбзэ псалъэр **мировоззрение** жыхуиIэращ. Езы псалъэр мыпхуэдэу къэхьамэ нэхъ къезэгъынут: **менталитет** *менталитет, (лъэпкъ) гупсысэкIэ, еплъыкIэ*. Мыхьэнэ щIыгъу игъуэтын хуейщ **обращение** *зэрызыхуагъазэ псалъэ* терминым. Мы лэжьыгъэм ар бзэм ехьэлIауэ къыщыгъэлъэгъуащ, ауэ абы нэгъуэщI мыхьэнэи жылагъуэ гъащIэм щигъуэтащ – *лъэпкъым, цIыхубэм зыхуэгъэзэныгъэ*. **Орган** *Iэпкълъэпкъ* фIэщыгъэцIэм **учреждение, организация** *Iуэхущlапlэ* [Адыгэбзэ псалъалъэ 1999: 546] мыхьэнэи къегъэлъагъуэ. Мыхьэнэ зыбжанэ зиIэ **решение** псалъэм мы лэжьыгъэм къыщыхуэхьар математикэм ехьэлIа закъуэрщ – *есэп щIыныгъэ, гъэзэщIэныгъэ, гъэзэщIэкIэ*. НэгъуэщI мыхьэнэ къэзыгъэлъагъуэ *унафэ* фIэщыгъэцIэр абы дэщIыгъупхъэщ. Математикэм ехьэлIа мыхьэнэ закъуэр иIэущ **задача** терминри къыхэрыкIуар, ауэ абы *къалэн* мыхьэнэи къегъэлъагъуэр.

6. ЗекIуэрейм и Iэдакъэщ Iэкlым псалъэ гъэщIэгъуэн дыдэ ихуащ: **Педагог** щэнгъасэлI, педагог *пед.* ЩIэблэр егъэджэныр, гъэсэныр, ущиныр зи IэщIагъэ цIыху. *ЩэнгъасэлIым и чэнджэщхэм тетын* [Зекореев 1999: 180]. *ЩэнгъасэлI* фIэщыгъэцIэр псалъищ зэхыхьэри къэхъуащ: *щэн* – характер, нрав + *гъасэ* – воспитывающий, обучающий + *лIы* – мужчина. Мыр адыгэбзэм хэт щIэныгъэлI – *ученый* фIэщыгъэм ещхьу езы авторым къигъэщIащ. Ауэ *щэнгъасэлI* псалъэр бзэм хэзэгъакъым, псалъалъэхэми ихуакъым. Гу лъытапхъэщ ар къызытекIа *щэнгъасэ* псалъэр бзэм куэд щIауэ зэрыхэтым. ТхакIуэ икIи зэдзэкIакIуэ Дым Iэдэм 1917 гъэм къызэригъэпэщауэ щыта япэ тхылъ тедзапIэм къыщыдэкIауэ щытащ езым и тхылъ «Щэнгъасэ» жыхуиIэр. Мыбы «Воспитание характера» зэдзэкIыкIэр иIэу нэхъыбэу къагъэсэбэп. ЕгъэджакIуэ, гъэсакIуэ, тхакIуэ Жылау Нурбий 1995 гъэм къыдигъэкIауэ щытащ «Щэнгъасэ» тхылъыр, ар урысыбзэкIэ мыпхуэдэу зэдзэкIащ «Воспитание характера на народных традициях» [Жылау 1995]. Дызытепсэлъыхь фIэщыгъэцIэр хэту адыгэ тхакIуэ, усакIуэ, еджагъэшхуэ, жылагъуэ лэжьакIуэ Нало Заур иIэщ «Сабий щэнгъасэ: щIэблэр зыгъасэхэм езыгъаджэхэм папщIэ» зыфIища тхылъ [Нало 1998]. Ар «Хрестоматия для детского сада: учебное пособие» жиIэу зэдзэкIащ. Адыгэ псалъэ газетым и напэкIуэцIхэми а псалъэм куэдрэ дащрохьэлIэ. Псалъэм папщIэ: *Апхуэдэу нарт эпосым къызэщIиубыдащ лъэпкъым щапхъэу къилъытэ щэнгъасэ мардэхэр* [Шурдым 2023: 10]. Мыбдежым *щэнгъасэ* псалъэм «воспитание» мыхьэнэ иIэщ. ИщхьэкIэ къэтхьа щапхъэхэм къызэрагъэлъагъуэщи, *щэнгъасэ* фIэщыгъэцIэр адыгэбзэм жыджэру хэтщ, ауэ абы и зэдзэкIыкIэр, ирагъэгъуэт мыхьэнэр зэтемыхуэу щытщ. Апхуэдэ щытыкIэм и щхьэусыгъуэу убж хъунущ *щэнгъасэ* фIэщыгъэцIэр псалъалъэхэм зэримыхуар, IэщIыб зэращIар. Сыт хуэдэ мыхьэнэтIэ абы къигъэлъагъуэр, дауэ ар псалъалъэхэм зэрихуэн хуейр? Япэрауэ, езы *щэнгъасэ* псалъэр зэрыщыт дыдэу зэбдзэкIмэ, «воспитание характера, нрава»

жиIэу къокI. Ауэ апхуэдэ къэгъэсэбэпыкIэр тэмэм дыдэу щыткъым, сыт щхьэкIэ жыпIэмэ а псалъэм мыхьэнэ куэд дыдэ къызэщIеубыдэ. Ахэр псори къигъэлъагъуэу ЗекIуэрей Нурдин и лэжьыгъэм фIэщыгъэцIэ къыщихьащ: **Педагогика** щэнгъасэ, педагогикэ *пед.* ЩIэблэр егъэджэным, гъэсэным ехьэлIа Iуэхугъуэхэр зыдж щIэныгъэ. *Иджырей щэнгъасэм игъуэта унэтIыныгъэхэр джын. Адыгэ цIыхубэ щэнгъасэ* [Зекореев 1999: 180]. Мыпхуэдэ зэдзэкIыкIэр нэхъ къозэгъ икIи псалъалъэхэм «*щэнгъасэ* – педагогика» фIэщыгъэцIэр итхэжын хуейщ.

7. Псалъалъэм имыхуэу къэнащ жылагъуэм къыщагъэсэбэп термин зыбжанэ: **власть, Родина, страна, организация, учреждение**, **завод, фабрика, террор, постановление,** н.къ.

ИщхьэкIэ къызэрыщыдгъэлъэгъуащи, бзэщIэныгъэм щыщу нэхъ мыджа, зэхэгъэкIа, зэIубз мыхъуахэм ящыщщ «термин», «терминологие» Iыхьэхэр. Урыс, хамэ бзэщIэныгъэм абы ехьэлIауэ лэжьыгъэ куэд дыдэ щыIэщ, ауэ теубыдауэ зы еплъыкIэм зэкIэ абы елэжьхэр хуэкIуэфакъым. Къапщтэмэ, урыс бзэщIэныгъэм терминхэмрэ терминологиемрэ я лабжьэр зыгъэтIылъауэ ябж А.А. Реформацкэм терминыр мыпхуэдэу егъэбелджылы: «Терминхэр – ар къалэн пыухыкIа зиIэ псалъэ хэхахэщ; гурыIуэгъуэ, хьэпшыпхэм я фIэщыгъэцIэ къагъэлъагъуэу зы мыхьэнэ зиIэ псалъэхэщ» [Реформацкий 1947: 288]. Хамэ бзэщIэныгъэм терминхэм кууэ щелэжьа Х. Фельбер мыпхуэдэу етх: «Терминыр – ар зэрызэгурыIуа дамыгъэщ (псалъэ, псалъэ гуп…), зы щIэныгъэ пыухыкIа гуэрым ехьэлIа гурыIуэгъуэ къигъэлъагъуэу [Фельбер 2002: 54]. Адыгэ бзэщIэныгъэм абы ехьэлIа лэжьыгъэ зыри щыIэхэкъым, пэжщ, щIэныгъэ щхьэхуэхэм (къэкIыгъэ, псэущхьэ, н.) теухуа псалъалъэ зыбжанэ щыIэщ. Тхылъым и пэублэм «термин» псалъэр езы ЗекIуэрейм мыпхуэдэу щигъэнэхуащ: «ТерминкIэ дэ доджэ ди бзэм хэт псалъэхэм щыщу Iуэхугъуэ хэха (щIэныгъэ, щэнхабзэ, лэжьыгъэ, еджэныгъэ, спорт, н.къ.) гуэрым и гурыIуэгъуэ къэзыгъэлъагъуэм, п.п., атом (физ.), вагъуэ (астр.), куцI (анатом.), чэзэп (хим.), гуэш (есэп), псалъэуха (бзэ)» [Зекореев 1999: 8]. Апхуэдэ дыдэу а псалъэр щыгъэнэхуащ а гъэ дыдэм къыдэкIа «Адыгэбзэ псалъэгъэнахуэ псалъалъэм», ауэ «фIэщыгъэцIэ» псалъэри дэщIыгъуащ [Адыгэбзэ псалъалъэ 1999: 626]. Иужьрей илъэсхэм къыдэкIа псалъалъэхэм «термин» псалъэр «фIэщыгъэцIэ» жыIэгъуэмкIэ щызэдзэкIащ [БРКЧС 2021: 707], [Бижоев 2022: 79].

Псалъалъэм пэублэ псалъэ хуэхъуащ бзэ щIэныгъэхэмкIэ доктор Апажэ М.Л. и «Русско-кабардино-черкесский толковый терминологический словарь» и его место в адыгской лексикографии» тхыгъэр. Абы къызэрилъытэмкIэ, мыр «адыгэ лексикографием нэхъ нэгъэсауэ, щызу щыгъэхьэзыра хъуа урыс, къэралзэхуаку фIэщыгъэцIэхэр щызэхуэхьэса, ахэр адыгэбзэкIэ щызэдзэкIа, зи мыхьэнэхэр убгъуауэ щыгъэнэхуа псалъалъэщ» [Зекореев 1999: 5]. Апажэр кIэщIу топсэлъыхь ипэкIэ къыдэкIэ апхуэдэ термин псалъалъэхэм, ЗекIуэрейм и лэжьыгъэр абыхэм зэрефIэкIыр къегъэлъагъуэ, абыхэм елъытауэ зи гугъу тщIы лэжьыгъэм адыгэ лексикографием щиубыд увыпIэмрэ бзэщIэныгъэм щиIэ мыхьэнэмрэ наIуэ ещI.

Псалъалъэр и зэхэлъыкIэ-ухуэкIэкIэ хохьэ энциклопедие псалъалъэ гупым. Адрей лэжьыгъэхэм мыр нэхъыбэу къащхьэщокI фIэщыгъэцIэхэм

зэратетхыхьамкIэ, абыхэм щIэныгъэ гурыIуэныгъэ зэретамкIэ. Терминхэр псори зэуIуу щызэхуэхьэса псалъалъэ адыгэбзэм зэримыIам къыхэкIыу мы лэжьыгъэм мыхьэнэр къэлъытэгъуейщ. Пэжщ, мыр псори къызэщIэзыкъуэ, зэуIу зыщI япэ термин псалъалъэу зэрыщытым щхьэкIэ щыуагъэ гуэрхэри хэмытынкIэ Iэмал зимыIэщ. ЗекIуэрейм и лэжьыгъэр адыгэ лексикографием и япэ лъэбакъуэу зэрыщытыр къэплъытэмэ, шэч хэлъкъым ар зэгъэзэхуэжын, пыщэн, адэкIи егъэфIэкIуэн зэрыхуейм. Мыбдежым къэгъэлъэгъуэн хуейщ ар еджапIэхэм папщIэ къыдагъэкIауэ зэрыщытар, нобэр къыздэсым а лэжьыгъэр пызыщэ, терминхэр псори къызэщIэзыкъуэ лэжьыгъэ бзэм дызэримыIэр.

Илъэс 20-м щIигъуащ ЗекIуэрейм и псалъалъэр дунейм къызэрытехьэрэ. А зэманым къриубыдэу щIэныгъэм хуабжьу зиужьащ, ар зэпымууэ япэкIэ кIуатэ зэпытщ. Абы къыхэкIыу бзэм къыхыхьэ терминхэм я бжыгъэри махуэ къэс хохъуэ. Ауэ бзэщIэныгъэм сыт хуэдэ зыужьыныгъэ имыIами, терминхэм, терминологием ехьэлIа упщIэхэр иджыри зэхэгъэкIа хъуакъым: Сыт терминкIэ зэджэр? Ар псалъэ дапщэу щытын хуей? Мыхьэнэ дапщэ псалъэм иIэн хуейр? Сыт хуэдэ гурыIуэгъуэ абы къигъэлъэгъуэн хуейр? Мы упщIэхэр зэфIэхыныр бзэщIэныгъэм ди япэкIэ къыпэщылъ къалэнщ.

ТЕГЪЭЩIАПIЭХЭР

Адыгэбзэ псалъалъэ 1999 – Адыгэ псалъалъэ (Словарь кабардино-черкесского языка). – М.: Дигора, 1999. – 860 с.

Бижоев 2022 – *Бижоев Б.Ч.* Русско-кабардино-черкесский и кабардино-черкесско-русский словари лингистических терминов. – Нальчик: Принт-Центр, 2022. – 172 с.

БРКЧС – Большой русско-кабардино-черкесский словарь. Б.Ч. Бижоев, Х.Ч. Жилетежев, Д.М. Кумыкова, Х.Т. Тимижев. – Нальчик: ООО «Фрегат», 2021. – 792 с.

Жылау 1995 – *Жылау Н.Хь.* Щэнгъасэ. (Жиляев Н.Х. Воспитание характера на народных традициях). – Нальчик: Эльбрус, 1995. – 273 с.

Зекореев 1999 – *Зекореев Н.Н.* Школьный русско-кабардино-черкесский терминологический словарь. – Нальчик: Эльбрус, 1999. – 288 с.

Нало 1998 – *Нало З.М.* Сабий щэнгъасэ: щIэблэр зыгъасэхэм езыгъаджэхэм папщIэ (Налоев З.М. Хрестоматия для детского сада: учебное пособие). – Нальчик: Эль-фа, 1998. – 416 с.

Реформацкий 1947 – *Реформатский А.А.* Введение в языковедение. – М., 1947. – 544 с.

РКПТС 1951 – Русско-кабардинский политико-терминологический словарь. – Нальчик: Кабардинское государственное издательство, 1951. – 114 с.

РКТС…1950 – Русско-кабардинский терминологический словарь к учебникам для средних школ. – Нальчик, 1950. – 116 с.

Урыс, Зэхъуэхъу 1963 – *Урыс Хь.Щ., Зэхъуэхъу Л.Хь.* Адыгэбзэ орфографиемрэ пунктуацэмрэ я хабзэхэр. (*Урусов Х.Ш., Захохов Л.Г.* Правило орфографии и пунктуации кабардино-черкесского языка). – Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1963. – 260 с.

Шурдым 2023 – *Шурдым Динэ.* Нартхэр я гъуазэу // Адыгэ псалъэ (газета «Адыгское слово»). – 2023.23.12. – № 153 (24.591). – С. 10.

Felber H. Terminology Manual. Paris: UNESCO, Infoterm, 2002.

REFERENCES

Adyge psal”al”e [Dictionary of kabardino-chircassian language]. – Moscow: Digora, 1999. – 860 p. (In Russian and in Kabardino-Circassian).

BIZHOEV B.CH. *Russko-kabardino-cherkesskij i kabardino-cherkessko-russkij slovari lingvisticheskih terminov* [Russian-Kabardino-Circassian and Kabardino-Circassian-Russian

Dictionary of Linguistic Terms]. – Nal’chik: Izdatel’skaya tipografi ya «Print Centr», 2022. – 172 p. (In Russian and in Kabardino-Circassian).

Bol’shoi russko-kabardino-cherkesskii slovar’ [Large Russian-Kabardino-Circassian dictionary]. B.Ch. Bizhoev, Kh.Ch. Zhiletezhev, D.M. Kumykova, Kh.T. Timizhev. – Nal’chik: OOO «Fregat», 2021. – 792 p. (In Russian and in Kabardino-Circassian).

ZHYLAU N.KH'. *Shcheng"ase* [Character building based on folk traditions]. – Nal'chik: El'brus, 1995. – 273 p. (in Kabardino-Circassian).

ZEKOREEV N.N. *Shkol’nyi russko-kabardinskii tolkovyi terminologicheskii slovar’* [School Russian-Kabardian explanatory terminological dictionary]. – Nal’chik: El’brus, 1999. – 288 p. (In Russia and in Kabardino-Circassian).

REFORMATSKII A.A. *Vvedenie v yazykovedenie* [Introduction to Linguistics]. – M., 1947. – 544 p. (In Russ.).

Russko-kabardinskii politiko-terminologicheskii slovar' [Russian-Kabardian political and terminological dictionary]. – Nal'chik: Kabardinskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1951. – 114 p. (In Russia and in Kabardino-Circassian).

Russko-kabardinskii terminologicheskii slovar’ k uchebnikam dlya srednikh shkol [RussianKabardian terminological dictionary for textbooks for secondary schools]. – Nal’chik, 1950. – 116 p. (In Russia and in Kabardino-Circassian).

URYS Kh’.Shch., ZEKHUEKHU L.G. *Adygebze orfografi emre punktuatsemre ya khabzekher* [The rules of spelling and punctuation of the Kabardino-Circassian language]. – Nalshyk: K”eb.-Bal”k”. tkhyl” tedzapIe, 1963. – 259 n. (in Kabardino-Circassian).

SHURDYM DINE. *Nartkher ya g"uazeu* // Adyge psal"e [newspaper "Adyghe word"]. – 2023.23.12. – № 153 (24.591). – P. 10.

Felber H. Terminology Manual. Paris: UNESCO, Infoterm, 2002. P. 426 (In English).

Авторым теухууэ

Хь.Ч. Жылэтеж – филологие щIэныгъэхэмкIэ кандидат.

Информация об авторе

Х.Ч. Жилетежев – кандидат филологических наук.

Information about the author

Kh. Ch. Zhiletezhev – candidate of Science (Philology).

Тхыгъэр редакцэм кърагъэхьащ 03.03.2025 гъ.; рецензэ нэужьым къащтащ 15.06.2025 гъ.; къытрадзэнущ 27.06.2025 гъ.

The article was submitted 03.03.2025; approved after reviewing 15.06.2025; accepted for publication 27.06.2025.

Статья поступила в редакцию 03.03.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.06.2025 г.; принята к публикации 27.06.2025 г.

Научная статья
УДК: 811.352.3
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-2-266-277
EDN: YGKTIM

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ СТАТУС ЛЕКСЕМ С АФФИКСАМИ *-У//-УЭ//-ЭУ* В КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОМ ЯЗЫКЕ

Загират Талибовна Хашхожева
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия, zagirat_inkaz@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-2022-3589

Аннотация. Статья посвящена одной из актуальных проблем адыгского языкознания, вызывающей научные споры до настоящего времени - определению функционального статуса и уточнению генезиса кабардино-черкесских образований на **-у//-уэ//-эу.** В кабардино-черкесском языке в силу своей полифункциональности словоформы с участием аффикса **-у//-уэ//-эу** с грамматической точки зрения могут относиться к различным классам слов.

Исследователи адыгских языков высказывались различно относительно функциональной нагрузки и генезиса форманта **-у//-уэ//-эу.**

В статье на основе анализа языкового материала аргументировано показывается, что в кабардино-черкесском языке аффикс **-у//-уэ//-эу** следует признать словообразовательным, формообразующим и словоизменительным элементом, вносящим в предложение широкий спектр значений. Наряду с рассмотрением его словообразовательных, формообразующих и словоизменительных функций в работе представлена история изучения вопроса и генезиса форманта **-у//-уэ//-эу** с изложением различных взглядов исследователей-адыговедов на данную проблему.

Ключевые слова: словообразование, словоизменение, наречие, деепричастие, обстоятельственный падеж, функциональный статус, грамматическое значение, синтаксис предложения, аффикс, генезис, адвербиализация.

Для цитирования: Хашхожева З.Т. Функциональный статус лексем с аффиксами *-у//-уэ//-эу* в кабардино-черкесском языке // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 2. – С. 266-277. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-2-266-277. EDN: YGKTIM.

© Хашхожева З.Т., 2025

Original article

FUNCTIONAL STATUS LEXEMES WITH AFFIXES -U//-UE//-EU IN THE KABARDINO-CIRCASSIAN LANGUAGE

Zagirat T. Khashkhozheva
Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia, zagirat_inkaz@mail.ru,https://orcid.org/0000-0003-2022-3589

Abstract. The article focuses on a crucial issue in Adyghe linguistics: defining the functional status and clarifying the origins of Kabardino-Circassian formations ending in -y//-ye//-эу, a topic that has fueled ongoing scholarly discussion. In the Kabardino-Circassian language, because of its polyfunctionality, wordforms involving the affix -y//-ye//-эу can, from a grammatical point of view, belong to different classes of words.

Researchers of the Adyghe languages have expressed different opinions regarding the functional weight and genesis of the formant -y//-ye//-эу. This article, based on the analysis of linguistic material, presents the argument that the affix -y//-ye//-эу in Kabardino-Circassian should be classified as a word-forming, form-building, and inflectional element with a broad range of semantic contributions to the sentence. Along with the consideration of its word-formation, form-building and inflectional functions the work presents the history of the study of the issue and genesis of the formant -y//-ye//-эу with outlining various views of Adyghe researchers on this problem.

Keywords: word formation, inflection, adverb, adverbial participle, adverbial case, functional status, grammatical meaning, sentence syntax.

For citation: Khashkhozheva Z.T. Functional status lexemes with affixes -u//-ue//-eu in the Kabardino-Circassian language. In: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 2. – P. 266-277. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-2-266-277. EDN: YGKTIM.

© Khashkhozheva Z.T., 2025

Известно, что в истории адыгского языкознания ученые пытались определить генезис и грамматический статус форманта ***-у//-уэ//-эу***. Однако среди специалистов до сих пор нет полного единства в понимании сущности форм на ***– у//-уэ//-эу.***

Элемент ***-у//-уэ//-эу*** в кабардино-черкесском языке обладает полифункциональностью: грамматически словоформы, содержащие этот аффикс, могут принадлежать к различным классам слов. Трудности вопроса обусловлены не только полифункциональностью описываемого форманта ***-у//-уэ//-эу,*** но и отсутствием общей теории падежа в теоретическом языкознании.

Обращаясь к основным этапам изучения элемента ***-у//-уэ//-эу*** в языке, можно утверждать, что многие вопросы как синхронного, так и диахронного анализа не получили освещения.

Ш.Б. Ногма в работе «Начальные правила кабардинской грамматики» первым обратил внимание на форму имени с ***-у(э).*** Но, учитывая лишь только семантику слова, взятого в отрыве от формы, он ***-у(э)*** включил в парадигму именного склонения как один из вариантов «творительного падежа» [Ногма 1959: 61].

Вместе с тем, следует отметить, что Ш.Б. Ногма выделил элемент ***у/уэ*** в качестве основного способа образования деепричастия в адыгских языках: *дэIэпыкъурэпэт, дэIэпыкъууэ, дэIэпыкъууэрэ* – «помогая» [Ногма 1959: 85]

Л. Люлье относил, форму на ***-уэ//-у*** к наречиям. Он оставил вне поля зрения обстоятельственный падеж [Люлье 1846: 12].

Л.Г. Лопатинский считал, что ***-уэ//-у*** функционально соответствует русскому творительному предикативному, и наречия образуются посредством суффикса **го**, означающего понятия «как будто», «подобно» и происшедшего от архаичной формы **горэ** [Лопатинский 1891: 37].

Н.Ф. Яковлев в своих исследованиях анализировал некоторые словоизменительные и словообразовательные функции суффикса ***-у//-уэ//-эу***, подчеркивая, что его падежная функция преобладает над другими значениями и, следовательно, больше соответствует именной словоформе с аффиксом ***-у//-уэ//-эу*** [Яковлев 1948: 313].

Г.Ф. Турчанинов и М. Цагов также указывали на словообразовательный потенциал элемента ***-уэ//-у,*** отмечая, что словоформы с значением уподобительности и превратительности образуются с помощью этого элемента [Турчанинов, Цагов 1940: 59].

Х.У. Эльбердов отрицал словообразовательные функции данного элемента в именах, рассматривая его только в целях словоизменения, т.е. как показателя обстоятельственного падежа. Здесь Эльбердов ссылается на грузинский язык, где, по его мнению, аффикс обстоятельственного падежа **д//ад** также используется в целях формоизменения [Эльбердов 1963: 61].

А.К. Шагиров, возражая в данном вопросе Х.У. Эльбердову, исключил форму ***–эу, -у(э)*** из системы склонения. По его мнению, рассматриваемая форма представляет собой отыменный статический глагол с инфинитным значением. С его помощью в адыгских языках формируются наречия и деепричастия, а также способ «согласования» имени с суффиксом ***-у//-уэ//-эу*** с другим именем, т.е. падежное оформление определяемого и определяющего, «не характерное» для адыгских языков, и расположения компонентов атрибутивного сочетания (пыIэр фIыщIэу схуащIащ / фIыщIэу схуащIащ пыIэр «шапку сделали мне черной»). Исходя из этого, делается определенный вывод: адыгское имя с суффиксом ***-у//-уэ//-эу*** не форма падежа, а предикативная форма» [Шагиров 1961: 46-72].

«На наш взгляд, – пишет А.К. Шагиров, – здесь мы имеем дело не с именной формой, а с глагольной – с формой отыменного статического глагола. Это такой же статический глагол, каким является, скажем, *цIыхущ* «человек есть», но статический не финитной (определенной, законченной) формы, а инфинитной (неопределенной, незаконченной)» [Шагиров 1953: 80].

Относительно способности аффикса ***-у//-уэ//-эу*** выражать значения выделения, А. Шагиров отмечает, что в предложениях типа *Чырбышыр унэу ящI* «Кирпич превращают (в) дом» выделение достигается семантикой лишь самого предмета [Шагиров 1961: 57].

Выражение превращения предмета считается одним из основных функций формы на ***-у//-уэ//-эу*** при глаголах, близких по значению к превратительности. Также выражение профессии, должности входит в функциональную нагрузку обстоятельственного падежа. По мнению А. Шагирова, суффикс ***-уэ//-у*** выражает профессию или должность лишь постольку, поскольку оформляемое им имя представляет собой название профессии или должности. Следовательно, профессия или должность выражается не при помощи суффикса ***–уэ//-у,*** а именем [Шагиров 1961: 57].

Б.Х. Балкаров, который рассматривал функцию суффикса **-уэ//-у** в историко-сравнительном плане, стоял на точке зрения, что тождественность между словообразовательным ***-уэ//-у*** формантом обстоятельственного падежа ***–уэ//-у*** материально в плане диахроническом налицо [Балкаров 1950: 106].

Также в адыговедческой литературе нет единого мнения по вопросу генезиса ***-у//-уэ//-эу***. О происхождении форманта имеется много объяснений и предположений. Основным вопросом здесь становится взаимоотношение аффикса ***-у//-уэ//-эу*** и ***–гуэ,*** т.е. вопрос о первичности и вторичности рассматриваемых формантов – какой производный, или что к чему восходит.

Аффикс ***–у//-уэ*** в адыгском языкознании в свою очередь увязывается с суффиксом ***–гуэ.***

Л.Г. Лопатинский считал, что «формант ***-у(э)*** в кабардинском языке восходит к неопределенному местоимению *гуэрэ* «кто-то, что-то», а ***–у*** считает лишь особенностью закубанских кабардинцев. Он исходил из формы ***-гуэ*** — фонетического варианта исследуемого форманта. Становление рассматриваемого аффикса представляется Л. Лопатинским в следующем виде: ***гуэрэ – гуэ – у(э),*** тем самым считая его исходной, более архаичной формой [Лопатинский 1891: 35].

Напротив, Кумахов М.А. считает, что нет никаких оснований для возведения форманта ***-у(э)*** к местоимению *гуэрэ* «кто-то, что-то» и недостаточно обоснованным сопоставление рассматриваемого падежного форманта с элементом *у-* в бжедугских словах *удэ, удыджэ* «туда», *удырэр* «(тот) другой», *ур* «тот». Более убедительным он считает подход Г.В. Рогава, т.е. сближение адыгского формантива *-(э)у, -у(э)* с абхазским формативом *-уа* в деепричастных формах типа *дыца-уа* «он идя» [Рогава 1956: 53].

М.А. Кумахов поддерживал генетическую связь адыгского *-(э) у, -у(э)* с абхазским *-уа* в плане фонетическом и функциональном, ссылаясь на то, что посредством разбираемого элемента в адыгских языках, как и в абхазском, образуются деепричастия. Ср. каб. *кIуэ-уэ* «(он) идя» [Кумахов 1989: 271].

Большинство ученых-адыговедов разделяют точку зрения Лопатинского, согласно которой аффикс ***–гуэ*** является первичным, т.е. более архаичным вариантом [Турчанинов, Цагов 1940: 149; Эльбердов 1959; Гяургиев 1963; Урусов 1980].

Г.В. Рогава рассматривал элемент ***-гуэ*** как новообразование, а суффикс ***–уэ*** его исходной формой [Рогава 1956: 101].

В работе Б.Х. Балкарова «Значение и употребление ***-уэ//-у*** в кабардинском языке» отмечается, что ***-уэ//-у*** ← ***гуэ*** и что первоначальное назначение ***–гуэ*** – формоизменяющая роль, и только позже ***- гуэ*** стал функционировать как словообразовательный суффикс [Балкаров 1950: 108].

В связи с изложенным выше ставится вопрос о первичности и вторичности исследуемого форманта.

Мы выражаем свою точку зрения, не претендуя на исчерпывающее решение вопроса. Адыгские языки не обладают долгой письменной традицией, что затрудняет формулирование определенных суждений относительно исторических процессов в языке. Тем не менее, факт зафиксированных образований на *-гуэ* в трудах И.А. Гюльденштедта, Ш.Б. Ногма, К. Атажукина, Л.Г. Лопатинского и других исследователей позволяет предположить, что словообразовательная функция *-гуэ* представляет собой реликт в современном кабардино-черкесском языке. Отсутствие этого элемента в адыгейском языке указывает на то, что он не существовал в период общеадыгского языкового единства. Так же вероятно, что

форма на ***-гуэ*** могла появиться как новообразование в кабардино-черкесском языке после распада этого единства [Хашхожева 2007: 279].

Что касается вопроса о первичной функции форманта ***-у//-уэ//-эу,*** следует полагать, что он исторически глагольный, а не именной. Об этом свидетельствует функционирование ***-у//-уэ//-эу*** в формах абсолютива: *щысу матхэ* «сидя пишет».

Транспозиция образований на ***-у//-уэ//-эу*** в слова других частей речи представляется следующим образом: сначала подверглись функционально-семантической адвербиализации – *дахэу матхэ* «красиво пишет», лишь потом стал функционировать в именах существительных – *дохутыру* йоджэ «учится на доктора».

Кратко излагая разные мнения исследователей об элементе ***-уэ//-у//-эу***, можно их обобщить следующим образом: Элемент ***-у//-уэ//-эу*** рассматривается как словообразовательный, а не формоизменяющий (Л.Г. Лопатинский, Л. Люлье, А.К. Шагиров); Элемент ***-у//-уэ//-эу*** интерпретируется как формоизменяющий, а не словообразовательный (Х.У. Эльбердов); Элемент ***-у//-уэ//-эу*** рассматривается, как и словообразовательный, и формоизменяющий (Г.В. Рогова, Н.Ф. Яковлев, Б.Х. Балкаров, Д. Ашхамаф и др.).

В рамках данного дискуссионного вопроса нам кажется более обоснованной и объективной позиция третьей группы ученых.

В кабардинском языке аффикс ***-у//-уэ*** существует в системе словообразования, где он служит для образования наречия. Посредством этого высокопродуктивного суффикса образуются определительные наречия от именных основ: *кIэщIу* «коротко», *куэду* «много», *къабзэу* «чисто». Отличительной характеристикой наречий от прилагательных является их изменения по степеням сравнения, как и прилагательные: *нэхъ кIэщIу пыупщIын* «отрезать короче», *нэхъ куэду къэщэхун* «покупать больше», *нэхъ къабзэу жьыщIын* «стирать чище». Существуют наречия, образованные от слоевых числительных с помощью суффикса ***-у//-уэ***: *тIуащIэу* «в два слоя», *плIащIэу* «в четыре слоя».

Также довольно широко используют наречия, образованные удвоением основ качественных прилагательных, местоимений и существительных: *тIэкIу-тIэкIуу* «понемногу», *дахэ-дахэу* «по-хорошему», *хуабжь-хуабжьу* «быстро», *уэр-уэру* «ты сам», *езыр-езыру* «он сам».

Суффикс ***–у//-уэ*** образует не только наречие, но и деепричастие, которое совмещает в себе признаки глагола и наречия. Словообразовательный суффикс присоединяется непосредственно к основе глагола: *лажьэу* «работая», *щысу* «сидя», *псалъэу* «разговаривая». К формам на ***–у//-уэ*** близка деепричастная форма на ***–урэ//-уэрэ***.: *жиIэурэ* «говоря», *игъэщIагъуэурэ* «удивляясь».

Элемент *-рэ* вносит в деепричастие значение темпоральности действия, т.е. длительности, повторяемости добавочного действия: *И пхъум жриIэурэ и нысэм иреIуэкI* (Псалъэжь) «Говоря дочери, намекает снохе».

Отыменные образования на ***–эу, -у(э)*** способны выступить как инфинитные формы статического глагола.

Словоформы, включающие суффиксы ***-эу, -у(э),*** с грамматической точки зрения относятся к разным парадигматическим классам слов. Ср., например,

омонимичные образования в кабардинском языке: *Ар егъэджакIуэу мэлажьэ* «Он работает учителем» - *Ар егъэджакIуэу пIэрэ?* «Учитель ли он?».

В первой конструкции образование *егъэджакIуэу* «учитель» является падежной (именной) формой, во второй конструкции образование *егъэджакIуэу* «учитель» представляет собой форму статического глагола 3-го лица. Хотя разбираемые формы рассматриваются как идентичные образования, между ними имеются существенные различия. В данном случае в 3-м лице статического глагола субъект выражен нулевой морфемой, что и приводит к нейтрализации именных и глагольных форм.

Имеются, однако, более трудные случаи разграничения форм имени и глагола. Так, конструкции *егъэджакIуэу сыщытащ* «я был учителем», *сыегъэджакIуэу щытащ* «я был учителем» существенно различаются грамматически. Конструкция *егъэджакIуэу сыщытащ* состоит из дополнения и сказуемого, *а сыегъэджакIуэу щытащ* состоит из полнозначного слова и вспомогательного глагола.

Нельзя считать случайным образование с помощью суффикса ***-у//-уэ*** деепричастий в системе глагола и наречий в системе прилагательного. Наречие и деепричастие имеют общие черты не только с формальной стороны, но и в их роли в предложении.

Даже в специальной литературе по кабардинскому языку рассматривают деепричастие и наречие как одну грамматическую категорию [Турчанинов, Цагов 1940: 153].

Бесспорно, что они имеют много общих черт, и в языке существует группа наречий соотносительных с деепричастием. Они отличаются от деепричастий семантически и не имеют такие грамматические категории глагола, как лицо, число и др.

Деепричастные формы, подвергаясь адвербиализации, утрачивают способность согласоваться с субъектом в лице и числе: *Сэ* ***хэкIуэтауэ*** *сыкъэсыжащ.* – «Я вернулся поздно».

Следует особо остановиться на способе образования обстоятельственного падежа причастий. Причастия образуют форму обстоятельственного падежа с помощью форманта ***–у//-уэ:*** *къафэу* «танцуя» от причастия *къафэр* «танцующий», *псалъэу* «разговаривая» от причастия *псалъэр* «разговаривающий».

С помощью форматива ***–у//-уэ*** образуются не только обстоятельственный падеж причастия в синтаксической позиции определения, но и другие формы глагола, по форме очень близкие к деепричастию.

По мнению Х.Ш. Урусова, деепричастие или деепричастный оборот выполняют функцию определения: *Сэ сыхуейщ джатэ, мыкIыхьу, мыкIэщIу,* ***бий жыжьэр къыщышынэу, бий гъунэгъур хигъащIэу*** (Н.). «Мне нужен меч, не длинный, не короткий, поражающий близкого врага, (меч), которого боится далекий враг». [Урыс 1994: 102].

Как уже отмечалось, наличие в языке таких синтаксических конструкций-омонимов усложняет определение их статуса.

Считаем, что наиболее надежным способом их дифференциации здесь является синтаксический критерий.

Подобные конструкции вполне употребительны в устной речи и художественной литературе, например: *Дунейм зы лэжьыгъи щыIэкъым* ***щыщIэныгъэ гуэрхэр хэмылъу*** (М.Б.). «Нет в природе работы без какого-либо изъяна (по форме: какого-либо изъяна не имея; по содержанию: какого-либо изъяна не имеющей)». Выделенные словоформы с элементом ***-у*** выполняющие функцию определения в данном предложении, формально напоминают деепричастия. Однако их синтаксическая роль не соответствует синтаксическим функциям, характерным для деепричастий. Таким образом словоформы рассматриваемого типа не следует считать деепричастиями, они представляют собой причастия или причастный оборот в обстоятельственном падеже [Хашхожева 2010: 247].

Собственно такие примеры подразумевает профессор А.М. Камбачоков при определении способов выражения распространенных определений: «Распространенное определение в кабардино-черкесском языке выражено… синтаксической конструкцией, являющейся по содержанию причастным, по форме – деепричастным оборотом» [Камбачоков 2016: 55].

Как уже отмечалось, наличие в языке подобных синтаксических конструкций ограничивает дефиницию каждого из вариантов. Если описываемые конструкции соотносятся с глаголом-сказуемым, они в предложении функционируют как обстоятельства: *Ахьмэд жьы хъужат,* ***фIыуэ илъагъуу и лъагъуныгъэм ифI зримыгъэкIыжа цIыхубзым щIэгупсысу, щIэбэгыу*** (А.Л.). «Молодые годы Ахмеда прошли, думая о своей возлюбленной и скучая по ней». В то время как в предложениях, где они соотносятся с именами, они выступают в роли определений, выраженными причастным оборотом, как, например: *ГъуэлъыпIэ лъагэ гуэрхэри****, я натIэхэр кIэн-кIэну зэхэлъу,*** *жьантIэм дэтт* (Къ.Хь.). «И какие-то высокие кровати, с узорчатыми спинками, стояли в глубине комнаты».

Не менее дискуссионной и сложной является проблема выполнения деепричастием или деепричастным оборотом функций дополнения в кабардино-черкесском языке. С точки зрения Х. Ш. Урусова, анализируемые типы синтаксических оборотов не следует считать деепричастными, а «словосочетаниями, в которых главным компонентом является глагол с суффиксом ***-у/-уэ***». По словам ученого, «предложение с такой конструкцией является косвенной речью» [Урусов 1994: 44].

В данном положении не вызывает возражений тезис о том, что предложения рассматриваемого типа представляют собой косвенную речь, переделанную из прямой речи.

Однако в языке наличествуют конструкции, не имеющие форму косвенной речи, и где дополнение представлено синтаксическим оборотом, не отличающимся от деепричастного оборота: *Къысхуэщ1эжкъым абы нэхърэ нэхъ гуф1эгъуэ згъэунэхууэ* (М.Б.). «Не помнится, что когда-нибудь испытала такой радости».

В грамматике «Кабардино-черкесский язык» указано, что синтаксическую позицию дополнения в кабардино-черкесском языке занимает деепричастный оборот: ***Игу апхуэдэу зыхуэхъуа бзылъхугъэ и пэкIэ къихуауэ*** *ищIэжыркъым Ерстэм* (КІ.Т.) «Ерстем не помнит, чтобы он раньше встретил такую девушку, которая так взволновала его сердце» [Кабардино-черкесский язык 2006: 433].

Синтаксические обороты, выступающие в роли дополнения в анализируемых конструкциях, по мысли Х.У. Эльбердова, являются не деепричастными, стержневое слово в них не деепричастие, а отглагольное имя. Оно обозначает предмет посредством действия, которое формируется аффиксом ***-уэ***//***-у*** и напоминает по форме деепричастия. По справедливому замечанию Х.У. Эльбердова, дополнение в данном предложении выражено именем отглагольным, а не деепричастием [Эльбердов 1959: 85-86].

Таким образом, деепричастия и его обороты в языке не могут выступать в роли дополнения, а словоформы на **–у//-уэ,** внешне напоминающие деепричастие в роли дополнения в предложении, являются отглагольными именами существительными с предметным значением в форме обстоятельственного падежа.

В кабардино-черкесском языке посредством форматива ***-у***//***-уэ***//***-эу*** образуются обстоятельственный падеж. Обстоятельственный падеж выражает:

1. Должность, профессию: *Линэ дохутыру мэлажьэ* «Лина работает врачом»; *Мурат сымаджэщым и унафэщIу ягъэуващ* «Мурата назначили заведующим отделением больницы».

2. Уподобительность: *Сабийр мазэ нуру маблэ* «Ребенок светит словно луна».

3. Относительное имя при причастиях и причастных оборотах: *Унагъуэм цIыхуу исым щIэныгъэ ищхьэ яIэщ* «Все члены семьи имеют высшее образование».

4. Превращение во что-либо: *ГъущIыр куэбжэу ягъэващ* «Калитку изготовили из металла» [Кабардино-черкесский язык 2006: 97].

Аффикс обстоятельственного падежа имеет фонетические варианты, выбор из которых зависит от фонетического строения основы. В односложных основах с конечным гласным используется вариант **–уэ**: *цIэуэ* «как имя», *фэуэ* «как кожа, в качестве кожи». Вариантом **–у** оформляются многосложные основы с конечными гласными *э, ы* и : *дагъэу* «как масло», *шыпсыранэу* «как крапива».

В кабардино-черкесском языке употребительны имена существительные в форме обстоятельственного падежа, которые отличаются от наречий только в лексико-семантическом плане. Ср: *Бостейуэ здар* «то, что я сшила как платье», *дахэу здащ* «я сшила красиво», *гъуэншэджу здар* «то, что я сшила как брюки», *апхуэдэу дахэу здакъым* «я не так красиво сшила».

В языке имеются имена существительные в роли определения, которые по своим лексико-семантическим признакам похожи на относительные прилагательные, но морфологически не отличаются от существительных. Такие существительные-определения оформляются аффиксом ***–у//уэ***: *дыщэу Iэлъын* «кольцо золотое», *мывэу унэ* «дом каменный».

В языке широкое распространение получили сложные (аналитические), формы вакатива, например: *Сосрыкъуэ**-у** си къан, Сосрыкъуэ**-у** си нэху, Сосрыкъуэ**-у** си мыгъуэ* (Нартхэр) «Сосруко, воспитанник мой, Сосруко, свет мой, Сосруко, горе мое»; *Уэ, си анэ**-у**, си анэ, Уэ си анэ дыщэ* (Нартхэр) «Мать моя, моя мать, моя мать золотая».

Приведенные примеры демонстрируют, что вокатив включает две формы: форму на ***-у*** и форму с нулем. Характерно, что форма на ***-у*** в составе распространенного обращения всегда предшествует форме с нулем.

В устной поэзии в распространённом обращении встречаются формы на –***урэ***, функционально идентичные форме на ***-у(э).*** Ср.: *Нарт**урэ** лIыхъу нэху!* (Адыгэ ІуэрыІуатэхэр). «Мужественный нарт!»; *Нарту ди ТIотIэрэш, дзэгъэшынэ шу закъуэ! (*ІуэрыІуатэхэр) «Нарт (наш) Тотраш, страшилище для войнов, одинокий всадник!»

Аналитические формы обращения с формой на ***–у(э)*** употребляются в художественных произведениях, созданных под влиянием устного поэтического творчества: *Казибан**уэ** бын пэлъытэ, унэщхъейщи жагъуэ сщохъур* «Казибан, дитя мое, ты грустишь, и это меня огорчает»; *Йэй ди Дахэнагъуэу дахащэ, насып дыгъэпсыр тхегъадзэ!* «О, наша красивейшая Даханаго, освети нас лучами счастья!» (А.З.)

Итак, в кабардино-черкесском языке аффикс ***-у//-уэ//-эу*** может выступать:

– как формант обстоятельного падежа: *тхылъу* «книга», *шэуэ* «молоко»;

– как деепричастный суффикс: *кIуауэ* «пойдя», *къывэмыплъу* «не глядя на вас», *еджэу* «читая»;

Как суффикс наречия: *дахэу* «красиво», *гуп-гупу* «группами», *езыр-езыру* «самостоятельно»;

– в составе определительного сочетания – в качестве выделительного форманта, усиливающего признак определяемого компонента: ***ФIыцIэ-у*** *кIэ езгъэдащ.* «Черной юбку я сшила».

Присутствует в сказуемом:

– при глаголах *жыIэн* «говорить», *тхын* «писать» и др. или в сказуемом придаточного дополнительного: ***Ар къэкIуауэ*** *зэхэсхащ* «Я слышал, что он приехал»; *ЕгъэджакIуэм **жеIэж** щеджа илъэсхэр хуабжьу **хьэлъауэ**.* «Учитель рассказывает, что годы учебы были очень тяжелыми»;

– выступающем с частицей *пIэрэ?* «ли?»: *Дохутырыр **Линэу пIэрэ?*** «Не Лина ли доктор?»;

– с вспомогательными словами *аращ* «так и есть», *къыщIэкIын* «наверно» и др.: *Фэ мыIэрысэр къыпычыжын **фухауэ къыщIэкIынщ*** «Вы, видимо, закончили сбор яблок».

Завершая материал, посвященный определению грамматического потенциала и уточнению генезиса кабардино-черкесских образования на ***-у//-уэ//-эу*** в современном кабардино-черкесском языке, мы приходим к следующим выводам: В вопросе о грамматическом статусе образования на ***-у//-уэ//-эу*** в языках мы придерживаемся точки зрения, согласно которой аффикс ***-у//-уэ//-эу*** выполняет словообразовательные, формообразующие и словоизменительные функции.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

А.Л. – Абазэ Любэ.
А.З. – Акъсырэ Зэлымхъан.
КІ.А. – КІыщокъуэ Алим.
КІ.Т. – КІэрашэ Тембот.
Къ.Хь. – Къашыргъэ ХьэпащІэ.
М.Б. – Мэзыхьэ Борис.
Н. – Нартхэр.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Балкаров 1950 – *Балкаров Б.Х.* Значение и употребление аффикса у//уэ в кабардинском языке // Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института – Т. 5. – Нальчик: Кабардинское книжное издательство, 1950.

Гяургиев 1963 – *Гяургиев Х.З.* Наречие в кабардино-черкесском языке. – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1963. – 132 с.

Кабардино-черкесский язык 2006 – *Кабардино-черкесский язык*. – Нальчик: Эль-Фа, 2006. – Т. 1. – 549 с.

Камбачоков 2016 – *Камбачоков А.М., Хашхожева З.Т., Бетуганова Л.З.* Морфологические особенности и синтаксические функции причастия, деепричастия и инфинитива в кабардино-черкесском языке. – Нальчик: Издательство Кабардино-Балкарского государственного университета, 2016. – 79 с.

Кумахов1989 - *Кумахов М.А.* Сравнительно-историческая грамматика адыгских (черкесских) языков. – М.: Наука, 1989. – 384 с.

Лопатинский 1891 – *Лопатинский Л.Г.* Краткая кабардинская грамматика // «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа». – XII. – Отд. II. – Тифлис, 1891. – 47 с.

Люлье 1846 – *Люлье Л.Я.* Словарь русско-черкесский или адигский с краткой грамматикой сего последнего языка, одобренный С.-Петербургской академией наук. – Одесса: Городская типография, 1846. – 26 с.

Ногма 1959 – *Ногма Ш.Б.* Филологические труды. Т. 1. – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1959. – 200 с.

Рогава 1956 – *Рогава Г.В.* К вопросу о структуре именных основ и категории грамматических классов в адыгских (черкесских) языках. – Тбилиси: Изд-во АН ГССР, 1956. – 154 с.

Турчанинов, Цагов 1940 – *Турчанинов Г.Ф., Цагов М*. Грамматика кабардинского языка. – М.: Издательство АН СССР, 1940. – 160 с.

Урусов 1994 – *Урусов Х.Ш*. Кабардинская грамматика. Синтаксис, пунктуация. – Нальчик: Эльбрус, 1994. – 212 с.

Урусов 1980 – *Урусов Х.Ш*. Морфемика адыгских языков. – Нальчик: Эльбрус, 1980. – 402 с.

Хашхожева 2007 – *Хашхожева З.Т*. Некоторые способы образования деепричастия в кабардино-черкесском языке // Известия российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. Аспирантские тетради. – Санкт-Петербург: Издательство Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена, 2007. – № 19 (45). – С. 278-284.

Хашхожева 2010 – *Хашхожева З.Т.* Синтаксис кабардино-черкесского деепричастия // Национальные образы мира в художественной культуре. Материалы международной научной конференции. – Нальчик: Издательство Кабардино-Балкарского государственного университета, 2010. – С. 243-248.

Шагиров 1961 – *Шагиров А.К.* Сравнительная характеристика системы склонения в адыгских языках // Вопросы изучения иберийско-кавказских языков. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961 – 283 с.

Шагиров 1953 – *Шагиров А.К.* О системе склонения в кабардинском языке // Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института– Т. 8. – Нальчик: Кабардинское книжное издательство, 1953. – С. 79-80.

Эльбердов 1959 – *Эльбердов Х.У*. Некоторые спорные вопросы грамматики кабардинского языка. – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1959. – 138 с.

Эльбердов 1963 – *Эльбердов Х.У.* О частях речи в кабардинском языке // Вопросы описательных грамматик» языков Северного Кавказа и Дагестана. – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное изд-во, 1963. – С. 60-63.

REFERENCES

BALKAROV B.KH. *Znachenie i upotreblenie affiksa u//ue v kabardinskom yazyke* [Meaning and use of the affix u//ue in Kabardian language]. In: Uchenye zapiski Kabardinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta – T. 5. – Nal'chik: Kabardin-skoe knizhnoe izdatel'stvo, 1950. (In Russ.).

GYAURGIEV KH.Z. *Narechie v kabardino-cherkesskom yazyke* [An adverb in the Kabardino-Circassian language]. – Nal'chik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1963. – 132 p. (In Russ.).

Kabardino-cherkesskii yazyk [Kabardino-Circassian language]. – Nal'chik: El'-Fa, 2006. – T. 1. – 549 p. (In Russ.).

KAMBACHOKOV A.M., KHASHKHOZHEVA Z.T., BETUGANOVA L.Z. *Morfologicheskie osobennosti i sintaksicheskie funktsii prichastiya, deeprichastiya i infinitiva v kabardino-cherkesskom yazyke* [Morphological features and syntactic functions of the participle, adverbial and infinitive in Kabardino-Circassian language]. – Nal'chik: Izdatel'stvo Kabardino-Balkarskogo gosudarstvennogo universiteta, 2016. – 79 p. (In Russ.).

KUMAKHOV M.A. *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika adygskikh (cherkesskikh) yazykov* [Comparative historical grammar of the Adyghe (Circassian) languages]. – M.: Nauka, 1989. – 384 p. (In Russ.).

LOPATINSKII L.G. *Kratkaya kabardinskaya grammatika* [Brief Kabardian grammar]. In: «Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostei i plemen Kavkaza». – XII. – Otd. II. – Tiflis, 1891. – 47 p. (In Russ.).

LYUL'E L.YA. *Slovar' russko-cherkesskii ili adigskii s kratkoi grammatikoi sego po-slednego yazyka, odobrennyi S.-Peterburgskoi akademiei nauk* [A dictionary of Russian-Circassian or Adiga with a short grammar of this latter language, approved by the St. Petersburg Academy of Sciences]. – Odessa: Gorodskaya tipo-grafiya, 1846. – 26 p. (In Russ.).

NOGMA SH.B. *Filologicheskie Trudy* [Philological works]. T. 1. – Nal'chik: Kabardino-Balkar¬skoe knizhnoe izdatel'stvo, 1959. – 200 p. (In Russ.).

ROGAVA G.V. *K voprosu o strukture imennykh osnov i kategorii grammaticheskikh klas-sov v adygskikh (cherkesskikh) yazykakh* [On the question of the structure of nominal bases and the category of grammatical classes in the Adyg (Circassian) languages]. – Tbilisi: Izd-vo AN GSSR, 1956. – 154 p. (In Russ.).

TURCHANINOV G.F., TSAGOV M. *Grammatika kabardinskogo yazyka* [Grammar of the Kabardian language]. – M.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1940. – 160 p. (In Russ.).

URUSOV KH.SH. *Kabardinskaya grammatika. Sintaksis, punktuatsiya* [Kabardian grammar. Syntax, punctuation]. – Nal'chik: El'brus, 1994. – 212 p. (In Russ.).

URUSOV KH.SH. *Morfemika adygskikh yazykov* [Morphemics of the Adyghe languages]. – Nal'chik: El'brus, 1980. – 402 p. (In Russ.).

KHASHKHOZHEVA Z.T. *Nekotorye sposoby obrazovaniya deeprichastiya v kabardino-cherkesskom yazyke* [Some ways of forming the adverbial participle in the Kabardino-Circassian language]. In: Izvestiya rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A.I. Gertsena. Aspirantskie tetradi. – Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A.I. Gertsena, 2007. – № 19 (45). – P. 278-284. (In Russ.).

KHASHKHOZHEVA Z.T. *Sintaksis kabardino-cherkesskogo deeprichastiya* [The syntax of Kabardino-Circassian adverbial]. In: Natsional'nye ob-razy mira v khudozhestvennoi kul'ture. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. – Nal'chik: Izdatel'stvo Kabardino-Balkarskogo gosudarstvennogo universiteta, 2010. – P. 243-248. (In Russ.).

SHAGIROV A.K. *Sravnitel'naya kharakteristika sistemy skloneniya v adygskikh yazykakh* [Comparative characteristics of the declension system in the Adyghe languages]. In: Voprosy izucheniya iberiisko-kavkazskikh yazykov. – M.: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1961 – 283 p. (In Russ.).

SHAGIROV A.K. *O sisteme skloneniya v kabardinskom yazyke* [About the declension system in the Kabardian language]. In: Uchenye zapiski Kabar-dinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta– T. 8. – Nal'chik: Kabardinskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1953. – P. 79-80. (In Russ.).

EL'BERDOV KH.U. *Nekotorye spornye voprosy grammatiki kabardinskogo yazyka* [Some controversial issues of Kabardian grammar]. – Nal'chik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1959. – 138 p. (In Russ.).

EL'BERDOV KH.U. *O chastyakh rechi v kabardinskom yazyke* [About parts of speech in Kabardian language]. In: Voprosy opisatel'nykh gramma-tik» yazykov Severnogo Kavkaza i Dagestana. – Nal'chik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izd-vo, 1963. – P. 60-63. (In Russ.).

Информация об авторе

З.Т. Хашхожева – кандидат филологических наук, доцент.

Information about the authors

Z.T. Khashkhozheva – Candidate of Science (Philology), docent.

Статья поступила в редакцию 07.04.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.06.2025 г.; принята к публикации 27.06.2025 г.

The article was submitted 07.04.2025 y.; approved after reviewing 15.06.2025 y.; accepted for publication 27.06.2025 y.

ЩIэныгъэ тхыгъэ
УДК 811.352.3
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-2-278-287
EDN: YMVHFE

АДЫГЭ ТАУРЫХЪХЭМ Я БЗЭМ ХЭЛЪ ЩХЬЭХУЭНЫГЪЭХЭМ ТЕУХУАУЭ

ХъутIэжь Заудин Алий и къуэ[1], УнэлIокъуэ Вячеслав Хьэутий и къуэ[2]
[1,2] ЩIэныгъэмрэ еджапIэ нэхъыщхьэмкIэ Урысей Федерацэм и министерствэ щIэныгъэ нэхъыщхьэ щрагъэгъуэт федеральнэ къэрал бюджет еджапIэ «Бэрбэч Хь.М. и цIэр зезыхьэ Къэбэрдей-Балъкъэр къэрал университет», Налшык, Урысей
[1] zaudin-777@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-5975-1085
[2] vunatlokov@mail.ru, http://orcid.org/0000-0003-0756-9323

Аннотацэ. Лэжьыгъэр теухуащ адыгэ таурыхъхэр зэрытха бзэм яIэ щхьэхуэныгъэ нэхъыщхьэхэр гъэнэIуэным. Нобэр къыздэсым адыгэ таурыхъхэм я бзэм и гъэщIэгъуэнагъыр, и къулеягъыр щIэныгъэ и лъэныкъуэкIэ джа мыхъуа Iуэхугъуэхэм ящыщщ. Тхыгъэм и мурад нэхъыщхьэр – адыгэ таурыхъхэм я бзэм лексикэрэ стилкIэрэ яIэ щхьэхуэныгъэхэр къэхутэнырщ.

ЩIэуэ лэжьыгъэм хэлъыр – япэ дыдэу, бзэм и Iэмал нэхъыщхьэхэр къэдгъэсэбэпурэ, адыгэ таурыхъхэр бзэщIэныгъэ и лъэныкъуэкIэ зэпкъырытхащ, таурыхъхэм теухуауэ къыдэкIа щIэныгъэ лэжьыгъэхэр тегъэщIапIэ тщIыуэрэ.

Статьям къыщыгъэсэбэпащ зэпкърыхыныгъэ, тетхыхьыныгъэ бзэщIэныгъэ Iэмалхэр.

Къэхутэныгъэм кърикIуахэр: адыгэ таурыхъхэр бзэ гъэщIэгъуэнкIэ тхащ, лъэпкъым и тхыдэр, и къекIуэкIыкIар къэзыIуэтэж жьы хъуа псалъэ куэд къыхэнащ, таурыхъыбзэр нэхъ гъэщIэгъуэн, шэрыуэ, зыхэщIэгъуафIэ зыщI хэзышэ (вводнэ) псалъэ куэд къызэрыхэщым дыкъытеувыIащ, абыхэм стиль и лъэныкъуэкIэ ягъэзащIэ къалэнхэри дгъэнэIуащ.

Зэрыгъуазэ псалъэхэр: таурыхъ, жьы хъуа псалъэхэр, адыгэбзэ, лексикэ, стиль, хэзышэ (вводнэ) псалъэ.

Цитатэ къызэрыхэпхынур: ХъутIэжь З.А., УнэлIокъуэ В.Хь. Адыгэ таурыхъхэм я бзэм хэлъ щхьэхуэныгъэхэм теухуауэ // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 2. – С. 278-287. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-2-278-287. EDN: YMVHFE.

© ХъутIэжь З.А., УнэлIокъуэ В.Хь., 2025

Original article

ON THE QUESTION OF THE PECULIARITIES OF THE LANGUAGE OF ADYGHE FAIRY TALES

Zaudin G. Khutezhev[1], Vyacheslav Kh. Unatlokov[2]
[1,2] Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia
[1] zaudin-777@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-5975-1085
[2] vunatlokov@mail.ru, http://orcid.org/0000-0003-0756-9323

Abstract. The article is devoted to the study of the language of Adyghe fairy tales, the definition of its features. Until now, the language of Adyghe fairy tales has not been studied from a linguistic point of view, and therefore the main goal is to show the richness of the language of fairy tales, the stylistic features of the language, and to identify the role of fairy tales in preserving the history of the language. To achieve this goal, fairy tales published at different times were analyzed. The paper uses an analytical method, contextual analysis.

The analysis of the material showed that the language of the Adyghe fairy tales is amazing, on the one hand, archaisms were preserved that do not burden the perception of the language, on the other hand, it is rich in various introductory words and phrases that form the style of fairy tales. The scientific novelty lies in the fact that for the first time a linguistic analysis of the language of the Adyg fairy tales is being carried out to determine its lexical and stylistic features.

It has been established that the study of the language of fairy tales makes it possible to recreate the history of the language, to trace the formation of the literary Kabardino-Circassian language by lexical units that have been preserved only in fairy tales and are passed down from generation to generation, the study of which is of great importance to the people.

Keywords: fairy tale, obsolete words, Kabardino-Circassian language, vocabulary, style, introductory words, addresses.

For citation: Hutezhev Z.G., Unatlokov V.Kh. On the question of the peculiarities of the language of Adyghe fairy tales. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 2. – P. 278-287. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-2-278-287. EDN: YMVHFE.

© Hutezhev Z.G., Unatlokov V.H., 2025

Научная статья

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ЯЗЫКА АДЫГСКИХ СКАЗОК

Заудин Галиевич Хутежев[1], **Вячеслав Хаутиевич Унатлоков**[2]

[1,2] Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия

[1] zaudin-777@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-5975-1085

[2] vunatlokov@mail.ru, http://orcid.org/0000-0003-0756-9323

Аннотация. Статья посвящена изучению языка адыгских сказок, определению его особенностей. До сих пор язык адыгских сказок с лингвистической точки зрения не был изучен, в связи с этим основная цель – показать богатство языка сказок, стилистические особенности языка, обозначить роль сказок в сохранении истории языка. Для достижения поставленной цели были анализированы сказки, вышедшие в разное время. В работе использован аналитический метод, контекстуальный анализ.

Анализ материала показал, язык адыгских сказок удивителен, с одной стороны сохранились архаизмы, которые не отягощают восприятие языка, с другой – богата различными вводными словами и словосочетаниями, которые формируют стиль сказок. Научная новизна заключается в том, что впервые делается лингвистический анализ языка адыгских сказок, для определения его лексических, стилистических особенностей.

Установлено, что изучение языка сказок дает возможность воссоздать историю языка, проследить становление литературного кабардино-черкесского языка по лексическим единицам, которые сохранились только в сказках и передаются из поколения в поколения, изучения которых имеет большую значимость для народа.

Ключевые слова: сказка, устаревшие слова, кабардино-черкесский язык, лексика, стиль, вводные слова, обращения.

Для цитирования: Хутежев З.Г., Унатлоков В.Х. К вопросу об особенностях языка адыгских сказок // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 2. – С. 278-287. – DOI: -278-287. EDN: YMVHFE.

© Хутежев З.Г., Унатлоков В.Х. 2025

Таурыхъ жанрым сыт хуэдэ бзэми щIыпIэ хэха щеубыд. Адыгэбзэм елэжь щIэныгъэлI щхьэхуэхэм ар IуэрыIуатэм и зы Iыхьэу къалъытэ, адрейхэм жаныр щхьэхуэу къыхагъэкI. Таурыхъхэр зыхуэдэм, абыхэм къаIуэтэжым, къызыхураджэм, зэрызэщхьэщыкIым тетхыхьащ Пропп В.Я. [Пропп 1984], Померанцевэ Э.В. [Померанцева 1964], Афанасьев А.Н. [Афанасьев 2014], Алиевэ А.И. [Алиева 1986], Гъут Iэдэм [Гутов 1981], Анчек С.Х. [Анчек 2015], Хъут Шэмсэдин [Хут 1981], Шортэн Аскэрбий [Шортанов 1968], Къумахуэ Мухьэдин [Кумахов, Кумахова 1988], Къумахуэ Зарэ [Кумахов, Кумахова 1988], Гъыш Нухь [Гишев 2002], Нало Заур [Нало 1992], Тхьэмокъуэ Женэ [Тхьэмокъуэ 2005, 2018], Быхъурэ Мухьэмэд [Бухуров 2015], Климас И.С. [Климас 2005], Мэлей Фатимэ [Мэлей 2025] сымэ.

ЩIэныгъэрылажьэхэм я лэжьыгъэхэр лъабжьэ хуэхъуащ мы статьям. Таурыхъ тхыжыныр къыщыщIадзар е XIX-нэ лIэщIыгъуэм и япэ Iыхьэрщ, ХьэтIохъущокъуэ Къазий «Сборник сведений о Кавказских горцах» жыхуиIэм и еханэ къыдэкIыгъуэм къытригъэдзауэ щытащ урысыбзэкIэ адыгэ таурыхъипщI [Сборник 1872]. Таурыхъыр литературэм и жанр щхьэхуэу къалъытэ, езым и упщIи, и теми, и образ зэхэлъыкIэкIи, бзэ щхьэхуи иIэжу зэрыщытым трагъащIэу. Пропп В.Я. таурыхъхэм теухуауэ етх: «Зэ еплъыгъуэкIэ къыпщохъу таурыхъыр тхыжыгъуафIэу, щIэныгъэшхуэ хуэмейуэ, ар цIыху псоми яхузэфIэкIыну... Зы лъэныкъуэкIэ ари пэжщ – таурыхъыр хуэтхыжынущ абы едэIуа дэтхэнэми, ауэ ар тха зырыхъхуам щIэныгъэ лъабжьэ иIэн щхьэкIэ, тхыжыкIэ хэха иIэн хуейщ» [Пропп 1984: 64].

Адыгэ тхыбзэр иджыри щызэфIэмыува лъандэрэ лъэпкъым къадогъуэгурыкIуэ таурыхъхэр, къызэраIуэтэжу щытари къызэрыгуэкI псэлъэкIэщ, аращ таурыхъхэм я бзэр литературэбзэм къыщхьэщызыгъэкIыр, стилистикэ и лъэныкъуэкIэ зэщхьэщыкIыныгъэшхуэ щIaIэри.

Таурыхъыбзэр гъэнщIащ тхыбзэм къыщымыкIуэ, уеблэмэ литературнэу щымыт псалъэхэмкIэ. Таурыхъхэм куэдрэ дащрохьэлIэ егъэлеиныгъэмрэ зэхэщIэныгъэмрэ нэхъ игъэлъэщын папщIэ плъыфэцIэхэм къытрагъэзэжу е щытхъу, гуемыIу, ауанышI псалъэ дыгъэлхэр жыджэру къыщагъэсэбэпу е хамэбзэм щыщ лексемэхэр ебэкIыу. Псалъэм папщIэ: *сэлам нэхьэлейкум / уэхьэлейкум, хьэмбов апщий, лэжьакIуэжь, зиунагъуэрэ, дэгъуэшхуэ, цIыкIунитIэ / цIыкIунишитIэ / цыкIунивэ, узыншэжь, уэдыкъуэн, си псэм хуэдэ, щэныбэ, мэлыхьыплIэ, угъурсызыфэ, дзэмыкъ, къэбыщхьэ / щхьэкъэб, щхьэгъэуз, Iуплъэгъуей, нэху цIыкIу, быхъурэ-быхъуу, фIейрэ-фIейуэ, Iеижь цIыкIу, анна гущэ, дэнэIэ (дэнэ щыIэ), дэхэнэ (дэтхэнэ); - Ахьей, ар сиIэжтэмэ, - жиIа, - уэле, упщIэ пыIэкIэ схъуэжамэ, гъухьбжьыхь, IэрыIыгъ, сэмэрсакъ, пхъэщIэсэ, тесыгъуэ, сытмикI-тIэ, делэжьышхуэ, уэле,* [Тхьэмокъуэ 2005; 2018], н.

Таурыхъхэм куэдрэ дыщрохьэлIэ къызэрыгуэкI псэлъэкIэм къыщагъэсэбэп псалъэхэм. Абыхэм нэхъыбэу къарыкI мыхьэнэр гурымыхьыныгъэщ,

гурбиянытъэщ. Абы къыхэкIыу ахэр нэхъыбэу къыщагъэсэбэпыр зэпсэлъэныгъэм и къэкIуэкIэ щхьэхуэхэрщ. Апхуэдэхэщ, псалъэм папщIэ, *ефэн, шхэн, щIэжын, хъуэпсэн* псалъэхэм я пIэкIэ къагъэсэбэп *зыкIуэцIыкIэн, зыкIуэцIыкуэн, щIэцIэфтын, нэцIэрыфэ* псалъэхэр икIи ахэр персонажхэм я бзэкIэ гъэбелджыла мэхъу.

Таурыхъыбзэр литературэбзэм къыщхьэщызыгъэкIхэм ящыщщ къытезыгъэзэж псалъэхэр куэдрэ къызэрыщыкIуэр. Псалъэм папщIэ, *«кIуэм-лъэм»* къэпсэлъыкIэм зэтемыхуэныгъэ IукIэ-тхыкIэ зыбжанэ иIэу таурыхъхэм къыщокIуэ, щапхъэ:

ЗэрыжаIэщи, ***кIуэм-лъэм, кIуэм-лъэурэ****, еуэщ абыми, жыжьэ нэсауэ, фызым къищIащ ар* [Тхьэмокъуэ 2018: 44].

– ***КIуэм-лъейм, кIуэм-лъейм*** *– нэсащ а хъыджэбзибгъу зиIэ лIыжьым деж* [Тхьэмокъуэ 2018: 245].

Еуэри, ***кIуэмэ-лъэмэ, кIуэмэ-лъэуэрэ****, пщэдей хуэдэм, ахъшэмым деж, Бейм и къуэ БатыркIэ зэджэу апхуэдизри зылъыхъуам и пщIантIэм шокъу жо дыхьащ* [Тхьэмокъуэ 2018: 63].

Еуэри, ***кIуэмэ-лъейуэрэ, кIуэмэ-лъейуэрэ****, куэдрэ кIуа, мащIэрэ кIуа зы жыгей IэплIакIуэ ин гуэрым пэщIэхуащ* [Тхьэмокъуэ 2018:154].

– Ауэрэ ***къекIуэкI-некIуэкIыурэ****, а пащтыхьым и къуэри, арии жыг хуадэшхуэ гуэрэ иIэу, заборри плъыжьу, арии абы къыщIыхьэт* [Тхьэмокъуэ 2005: 82].

Еуэри ***кIуэмэ-жэмэ, кIуэмэ-кIуэурэ,*** *мащIэрэ кIуа, куэдрэ кIуа, жэщым псы хуей хъуахэщ* [Тхьэмокъуэ 2018: 448].

Еуэм-кIуэм, еуэм-кIуэурэ, *къуакIэбгыкIэ быдапIэ гуэрым нэсауэ, мывэ сэрей лъагэкIэ къэщIыхьауэ унэшхуэ гуэрым ирихьэлIащ* [Мэлей 2025: 89].

Хьай-хьай*, сыкъеблэгъа, си щIалэ! – жеIэ лIыжьым* [Тхьэмокъуэ 2018: 228].

– ***Алыхь-алыхь****, Сэтэней дахэ къишэжри ЛIыгъур къэсыжащ!* [Мэлей 20255: 96].

– ***Алыхь-алыхь****, абы кIуэр къэкIуэжкъым, сыт щхьэкIэ Iуэху уущI мыр?! – жиIэри къыхуэгузэващ* [Нало 1992: 114].

– Къишэри – ипэкIэ щауапIэм ису щытащ мазэ-мазитIкIэ – ***аурэ-аурэ, исурэ-исурэ*** *мазэм нэблэгъауэ пщэдджыжьым щIидзэс аби, «тIыкъ», жоуэ жасы нэгъунэ къеса, жиIа, уэсыр* [Тхьэмокъуэ 2005: 188-189].

– Ежьэщ аби, ***кIуэурэ-кIуэурэ, къикIухьурэ-къикIухьурэ****, зы къуажэ цIыкIу гуэрым дыхьэщ аби, мы тхьэIухудым хуэдэу, езыр зыхуей, зылъыхъуэм хуэдэу зы цIыхубз цIыкIу зы унэ Iей дыдэ тIэкIу, бгъэныщхьэ унэжь тIэкIу къыщIэкIауэ илъэгъуащ* [Тхьэмокъуэ 2005: 308].

– Еуэри, щIалэр ***кIуэмэ-кIуэуэрэ*** *гъуэгуанэфI ищIауэ, зы щIалэ зыгуэр къыIуощIэ гъуэгум* [Тхьэмокъуэ 2018: 227].

– ***«Алыхь-алыхь-алыхь,*** *дыщыунэхъуа махуэщ, пщым зыхихым, пщым и къуэм зыхихым, дуней дытрахыжынщ»…* [Тхьэмокъуэ 2018: 321].

Аргуэру ***жэм-жэурэ*** *кIэлъыщIыхьэ щыхъум, гъуджэ къызэридзэкIащ, икIи гъуэгур мылгъурыджей хъуащ* [Тхьэмокъуэ 2018: 62].

Еуэри-еуэрэт*, жи, зы Бажэжь цIыкIу псэут, жеIэ, и гъунэгъу къомым бзаджагъэкIэ ятекIуэу* [Мэлей 2025: 79].

Таурыхъыбзэр – ар къызэрыгуэкIыбзэщ, цIыхубэ жьабзэкIэ къэIуэтащ, абы къыхощыж лъэпкъым пасэ зэманым щыщIэдзауэ нобэ къэсыху къыдэгъуэгурыкIуэ псэлъэкIэр. Таурыхъхэм къыхощыж цIыхухэм я хъуэпсапIэу щытар, яIа гупсысэкIэр, мурадхэр, абыхэм я псэукIар, гъащIэм зэрыхущытар. Араш таурыхъыбзэр жьы хъуа псалъэхэмкIэ щIэкъулейр, адрей тхыгъэ жанырхэм я бзэм къыщхьэщызыгъэкIхэм ари ящыщщ. Псалъэм папщIэ, таурыхъхэм дызыщрихьэлIа жьы хъуа псалъэхэм ящыщщ мыхэр: ***даIим*** (сыт щыгъуи): – *Абы иужькIэ иныжьыр «даIым» жоу зекIуэ кIуэхукIэ, е зекIуэ мыкIуэу нэгъуэщI зыгуэркIэ дэкIын хуей хъуху, щIалэ цIыкIур гъусэ имыщIу зэикI дэмыкI хъуащ* [Тхьэмокъуэ 2018: 286]. ***Арму*** (IэмыкIуэлъэмыкIуэ): – *Сысейри армутэкъыми, сыкъеуэщ-сынеуэщ, есхулIэри, сыщIыхьэри, сызэрилъагъуу къыщылъэтащ мо щIалэщIэр: «Къеблагъэ, зи хьэщIэгъуэ схуэмыгъуэт!...»* [Тхьэмокъуэ 2005: 54]. ***Iулыдж*** (пщIэ): – *ИгъащIэкIэ а иныжьым и фIагъ лъэпкъ Iуэхум хэмылъуи ирехъуи, ирикъунт Iулыдж ирихуэпщIэну абы шынагъэу бгъэдэлъ къудейм щхьэкIэ, а иныжьым* [Тхьэмокъуэ 2018: 284]. ***Iэдэгъуэмылъэ*** (зегъэщIын, бгъукIэ гъуэлъын и Iэр и щхьэм щIэгъэкъуауэ): – *ДэкIщ аби, къуажэбгъум дежмэ Iуащхьэ бын гуэр щытти, Iуащхьэ быным дэжмэ ауэ Iэдэгъуэмылъэ зыригъэщIауэ щылът* [Тхьэмокъуэ 2018: 502]. ***Байгъэ*** (1. «а зи гугъу тщIар» жыхуиIэщ; 2. зэман): – *Иджы мыр иригъэшэжынущи, нэхъыжьу мыбы, руководителу къаритат байгъэ лIы угъурсыз, мы хъыджэбзыр зымыгъэпсэуар. Аргуэрым байгъэ кIуэщ аби, и жыгым къыпиупщIщ аби, баигъэфий гуэр ищIри, а фиймэ къокI* [Тхьэмокъуэ 2018: 228]. ***ГуащIэв*** **–** икъукIэ къаруушхуэ зиIэ цIыху: *Я нэхъыщIэр гуащIэвт, езыр, уIурыIэбэнкIэ амал имыIэу, лIы пхъашэт.* ***Губорэ*** (яжьэмрэ дэпымрэ щIэхъумауэ жьэгум щагъэжьа чыржын): *Нэху щыщым, фызыжьым хьэщIэр къигъэтэджри: – Иджы си щIалэ, мы къамышыр сIых, мы губоритIри узотыр* [Тхьэмокъуэ 2005: 433]. ***Гуэбэнэч*** – упщIэм къыхэщIыкIауэ Iэхъуэ-шыхъуэхэм щхьэкIэ щыгъын щIыIутелъ: – *Хьэуэ, нанэ, сэ схуэдэ гуэбэнэч Iэджэ зэрадзэри дэтщ а пщIантIэм, – жиIащ КъуийцIыкIум* [Тхьэмокъуэ 2005: 264]. ***Дотмэ*** (ткIийуэ ухуэна кIапсэ гъум): – *Къубгъаныр пщIантIэкум дей игъувщ аби: «Мыдэ къакIуэ, нетIэ сыщIэдыхьэшхар бжесIынущ», – жери, фызыр щIишэри, Iэбэщ аби и дотмэныр къыфIихри, еуэри иригъажьэри жиIа*…[Тхьэмокъуэ 2005:371]. ***Дунажын*** (илъэсиплI хъуа шыбз): – *«Ар къэслъыхъуэнщ», – жиIэри, зы шыбз гуэрым уанэ тыримылъхьэуэ щIакIуэжь гуэр щуплIэнщIри трилъхьащ, и дунажынри и ужь иригъэувэжри, еэури, ежьащ* [Тхьэмокъуэ 2018: 366]. ***ЕнцI*** (бжэгъу нэхърэ нэхъ гъумыIуэ пхъэ): – *КъыжраIэнIакIи кърамыкуурэ, ауэ сытми псалъэ хьэулейкIэ зэдэуэршэрурэ, лыр вэри, иныжьитI къэтэджащ, енцI щIагъэлъадэу лэгъупыр къытрахыжыну* [Тхьэмокъуэ 2018:405]. ***Жэтым*** (зеиншэ): – *А си лIыжь, сэ сылIэнущ, хъыджэбз цIыкIур жэтыму къэнэнущ* [Тхьэмокъуэ 2018: 38]. ***Зэпырылъу*** (яфIэгъэщIэгъуэну): – *Уэлэхьи, сэ згъэзэжу абы узмыхьыжын, – жиIащ, ау, Алыхьыр сэ согъэпцI, мы жылэм я зэпырылъу къаншэжу сэ уэ уезмыгъэшэжым! – жери, фызыр ихьыри, я дей – мазэкIэ игъэхьэщIащ, теуэ-тепкIэ хуищIащ* [Тхьэмокъуэ 2005: 221]. ***Икърар*** (псалъэ быдэ, тхьэIуа): – *Бгъэунэхуауэ уи ныбжьэгъу, – жиIа, ар, икърар яIэу? – Уэлэхьи яIэмэ, – жиIа* [Тхьэмокъуэ 2005: 138]. ***КIэнжэ*** (кIасэ, нэхъыщIэ): – *А си хъыджэбз – мыр си нэхъыжьщ, мыр си*

курытщ, мыр си кIэнжэ – фэ щым сыт хуэдэу сыкъэфлъагъуу пIэрэ, Iейуэ сщIэну сыхуейщ, – жеIэ [Тхьэмокъуэ 2005: 266]. ***Кхъуэхьэнцэ*** (щIыр щавэкIэ вабдзэр зэрагъэкъабзэ Iэмэпсымэ): *– И пщэхьэр хэмутым щиудауэ, и кIэнтIыIухьэр кхъуэхьэнцэкIэ теудауэ, и тхьэкIумэжьитIыр гуэлэлу къыдохьэжри, гуэщым щIешэж вым бгъурыту* [Тхьэмокъуэ 2005: 362]. ***Къудырэт*** (зэфIэкI, хьэрычэт): *– Зы анитI, зы шыпхъуикI иIэти, абы къудырэткIэрэипIырт* [Тхьэмокъуэ 2005: 347]. ***Къулаш*** (IитI зэкIэщIэхам хуэдиз зи кIыхьагъ щапхъэ): *– ЩIэкIри, адакъэшым тесу, езыр Iэдакъэбжьу и пащIитIыр къулаш блырыблу щIым тырилъафэу зыгуэр щытт* [Тхьэмокъуэ 2005: 214]. ***Мумбэрыч / умбэрэч*** (зи ныбжь хэкIуэтахэм муслъымэнхэм пщIэ хуащIу зэрызыхуагъазэ псалъэ – «щIыхуфI» жыхуиIэращ): *– Уалекум сэлам, мумбэрыч! Къеблагъэ, Алыхьым фIыу къилъагъу!* [Тхьэмокъуэ 2005: 402]. ***НэIэрыку*** (напIэзыпIэм жыхуиIэщ): *– Арати, Хьэрэмыжь щхьэл гуэным къыралъэфри, цырыцу зэпкъраудри, а зы нэIэрыкум яшхащ* [Тхьэмокъуэ 2018: 339]. ***ПсэдзыгъэкIэрэ*** (лIэныгъэкIэрэ жыхуиIэщ): *– Фэ жылэм …фи нэщIэбжьэну псэдзыгъэкIэрэ сэ мыбдеж щысхуэлэжьIаркъым, ау сэ злэжьыфыра…*[Тхьэмокъуэ 2005: 356]. ***Пхъэхьэндж*** (пхъэIэплIэ зэщIэкъуза): *– Иныжьым зы щыхьэрэ пхъэхъэнджырэ и дамэм телъу къэсыжри: – Фу-у!... цIыхумэ! – жиIащ* [Тхьэмокъуэ 2018: 383]. ***Темэн*** (псыпцIэ) *– ЩIэпхъуэри шууиблыр хэнауэ темэным яIущIащ* [Тхьэмокъуэ 2018: 192]. ***Тхъэбан / тахътэбан*** (пхъэбгъум къыхэщIыкIа гъуэлъыпIэ): *Еуэщ аби, лIыр, зыри жимыIэу, къуажэм кIуэри, къуажэ гъунэм зы унэ гуэрым зиплъыхьщ-зыкъиплъыхьщ аби, я тхъэбан щIагъым щIэтIысхьащ пцIанэу, а мкъаргъэжьыр и блэгущIэм щIэсу* [Тхьэмокъуэ 2018: 210]. ***Ущын*** (лъэуей): *– ЕтIуанэ махуэм джэдыкIипщI къыхуихьри къыхуэкIуащ лIыжь цIыкIум: – «Мыр джэдми щIэлъхьэ, икIи кърегъэш, икIи ущыным дэгъэлъей, икIи къегъэлъыхыж, фIэгъэжи, пщэдей хьэщIэ къысхуэкIуэхэм езгъэшхыну хьэзыру» жыIи уи пхъум схуетыж, – жери* [Тхьэмокъуэ 2005: 53]. ***Уэздыгъэшыхь*** (дагъэм хэлъэфауэ уэздыгъэнэфу ягъаблэу щыта хъыдан уэздыгъэку зэгуэухуэна): *– Зэ увыIэ, мыбы зыгуэр къэхъуащ, - жери, уэздыгъэшыхь жарищ иIэти, уэздыгъэшыхьыр щIигъанэри, къаплъыхьа и кIыругыр* [Тхьэмокъуэ 2005: 353]. ***Хъубжэ*** (ягъэхъуну къагъэна Iэщ): *– Пиудщ зыкъоми «хъубжэкIэ яхуэхъунщ» жери, ахьэр яритыжри, я мылъкури къихуа, щIалитIри къишауэ я пщIантIэдэтщ, и лIыри къишэжауэ «Хьет!» жиIэу мэпсэу иджы* [Тхьэмокъуэ 2005: 210]. ***Шудакъ*** (лъагапIэ, плъапIэ): *– Пщым и хадэм шудакъ ирищIыхьри тегъуэлъхьэжащ* [Тхьэмокъуэ 2018: 415]. ***Шыплъэ*** (пхъэм къыхэщIыкIауэ фалъэ куу, и джабэм тхыпхъэ къыхэбзыкIауэ): *– И цей кIапитIыр дэупщIауэ зы лIы цIыкIу къагъэуври шыуан цIыкIу хуэдизу зы пхъэ шыплъэ къыIэщIагъэуващ* [Тхьэмокъуэ 2005: 125]. ***ЩIыкъуэ*** (щIыпIэ дэгу, щIыпIэ жыжьэ): *– Сэ лIыщхьэ мыгъуэм срикъуэщ, щIыкъуэ бзаджэмэ дыкъихуащ* [Тхьэмокъуэ 2018: 520].

Жьы хъуа псалъэхэр тхыгъэхэм персонаж гуэрым Iурылъу къыщагъэсэбэп тхакIуэхэм псэукIэжьыр, зэман блэкIар къыщагъэлъэгъуэжкIэ. Ахэр зытетхыхьа зэманым щыIа хьэпшып гуэрхэм я цIэ къыщраIуэкIэ архаизм псалъэкIэ къагъэлъэгъуэж. Нэхъыбэрэ таурыхъхэм къыщыкIуэ жьы хъуа псалъэхэм я щапхъэхэм щыщ мыхэр:

Арати, Зауркъан кIэрылъа ***къамэри, сэшхуэри, фокIэщIри,*** *гъуэлъыпIэм деж кIэрыта* ***шабзэри, шабзалъэри*** *блыным фIадзэри, езым, Iэпэкlэ кърашэкI сабийуэ, и Iэпэ зырызыр яубыдри, «Iым» жимыIэфу, щIашащ* [Даур 2016: 155].

Пщащэхэр щызэблэкI хьэгъуэлIыгъуэхэм, щIалэгъуалэ зэхыхьэхэм защыбдзейуэ укъекIуэкIащ... ***Шыгъэ-лIыгъэ, хэтIэхэсэ, фочауэ-шабзэрыуэ*** *зэпеуэхэрщ узыхэтар* [Тхьэмокъуэ 2018: 163]. ***Пащтыхьым*** *и пхъур кIуэдауэ, и хьыпIи и шхыпIи ямыгъуэту дунейр зэрагъэдзэкIри, ешри увыIэжахэу, илъэс зыплIытхуи дэкIыжауэ, и Iуэхури ягъэтIылъыжауэ апхуэдэт* [Тхьэмокъуэ 2005: 234]. ***Хъаным*** *и пхъум екIурэ-ещхьу къегъэхьэщIэ ар, къегъатхъэ-къегъашхэ* [Мэлей 2025: 161].

Таурыхъхэм хэт лIыхъужьхэм жаIэм зэрыхущытыр, пIейтеиныгъэр, нэгъуэщI щытыкIэхэр кърагъэлъагъуэ *хэзышэ* (*вводнэ) псалъэхэмрэ вводнэ псалъэ зэпхахэмкIэ.* Абыхэм я къалэныр нэхъыбэрэ зыгъэзащIэр междометиехэрщ. Адыгэбзэм и псалъэхэм ящыщу псом нэхърэ нэхъ пасэу междометиехэр къэхъуауэ адыгэ бзэщIэныгъэлI цIэрыIуэхэу Яковлев Н.Ф. [Яковлев 1948], Урыс Хь. [Урыс 2002] сымэ къалъытэр, арауэ хуэбгъэфащэ хъунущ ахэр куэду таурыхъхэм къыщIыхэщыжым и щхьэусыгъуэр. Междометиехэм псалъэухам стиль и лъэныкъуэкIэ щагъэзащIэ къалэныр зэрыиным тетхыхьащ АфIэунэ А.А., абы къызэрилъытэмкIэ «Грамматикэ нэщэнэхэмкIэ псалъэухам и пкъыгъуэхэм емыпхами, къагуэхыпIэ имыIэу мыхьэнэкIи макъщIыкIэкIи абыхэм япыщIащ. ЖыIэгъуэм къиIуатэ гупсысэм щIэлъ зыхэщIэныгъэхэр къагъэлъэгъуэн папщIэ макъыцIэхэр [междометиехэр] къыщагъэсэбэпкIэ, абы и зэхэлъыкIэми, и стилми, и къэпсэлъыкIэми зехъуэж» [АГ 2023: 417]. Таурыхъхэм нэхъыбэрэ дызыщрихьэлIэ междометиехэм ящыщщ *ыхьы, уэлэхьэ, алыхь-алыхь, бетэмал, анна, ей-ехь, Iау, хьейдэ, атIэ, тобарэби, ярэбин, ахьей, уэле/уэлэхьи, еуэри, арти*, н. Псалъэм папщIэ: – *Уэ сэрмыгъуэ, – жиIащ, жи, -ар къытхуэзыщIэм сыт хуэдмыщIэнрэт, щIэгъэжыж, жиIащ жи, - бзаджэнаджэхэр!* [Тхьэмокъуэ 2005: 445]. – ***Ярэбин, нытIэ****, абы хущхъуэ есхьэлIэнт сэ, лIэуэ щытмэ сягъэ умыщIыну щытмэ, ... жиIыри, ар къыщыжиIым щыгъуэмэ:*

– ***Уэлэхьи****, бгъалIэми содэм, - жиIа, - уэлэхьи, бгъэхъужыми содэм, - жиIа, – дызэгурыбгъаIуэм, мылъкуу сиIым и Iыхьэ ныкъуэр, уэлэхьи, лIы накIуу ябжу уэстынм, – жиIа, – хьэуэ жыпIэрэ, гъэхъуж…* [Тхьэмокъуэ 2005: 290] **–** ***Ана-а,*** *сыт дзажэ?! – жиIащ, жи. – Алыхьу лъэщ, иджи сыныщIэмыкIа, сыгъуэлъыжау сыхэлъым, мыпхуэдэм, – жиIащ, жеIэ* [Тхьэмокъуэ 2018: 459]. *ЩIалэм ар щыжраIэм: –* ***Уей,*** *апхуэдэ лъэпкъ хэмылъ, цIыхубзыр сигу ирохьым, тыншу сыдопсэум, ауэ сэ гъуэгу сытетщ, си гъуэгум хэзгъэщIамэ, нэхъ къэсщтэнут, - жиIащ* [Тхьэмокъуэ 2005: 162]. – ***Анн-а****, мыхэр дауэ хъуа, хэт къыпхуищIа апхуэдэ фIыгъуэхэр?! – жиIэри фызыжь цIыкIур и лIым еупщIащ* [Тхьэмокъуэ 2005: 124]. – ***НтIэ,*** *мыр уэ къызэрызэптрэ, си хэщIапIэри, сежьэмэ, сыздэщыIэри пщIэмэ, иджыри къэс дыкъамыгъуэтыну дауэ хъуа?* [Тхьэмокъуэ 2018: 164]. **–** ***Е гъуэгу махуэрэ****, мы хуабэ бэлыхьым фыхэту мэкъу фемыуэу, махущ и кIыхьагъыу, махуэрэ ныкъуэрэ и бгъуагъыу жыг тету зы пщIэгъуалэжь ди гуэщым щIэтт, ар къыщIэфшырэ, абы и жьауэм фыщIэту мэкъу феуам, нэхъ фигъэтыншынт!....* [Тхьэмокъуэ 2018: 589]. – ***Уэлэхьи-тIэ****, а вакъитI плъыгъыр зэрылъыптIагъэрэ къыумыдыгъуаIамэ, мы жэмыр къыумыдыгъуа, - жаIэри,*

абыкIэ хей хъури ежьэжауэ щытащ [Тхьэмокъуэ 2018: 521]. *«**Алыхь–алыхь**, апхуэдиз къарурэ лIыгъэрэ зыхэлъ Донышъ цIыкIумрэ Ныбибгъумрэ сэ псэууэ сакъелынкъым!» – жиIэри, бжэний езыгъэндрэха Дыгъужьыжьыр шынэщ, щтэри, зекIунтIриеу ежьэжащ.* [Тхьэмокъуэ 2005: 50]. ***КхъыIэ,** Алыхьым хьэтыр иIэмэ, икIыжыпIэ иIэххэу щытмэ, сыгъэлъагъу! – нэгъуэщI-къинэмыщIу зэрыхузэфIэкIкIэ псалъэ зыбжанэ къыригъэкIуэкI-ныригъэкIуэкIыурэ елъэIуащ* [Тхьэмокъуэ 2018: 283]. – ***EI-mIэ**, ар сэра къызыхуэмыхьынур! – жиIэри, занщIэу шэсри дэкIащ, зи гугъу ящIа шур псыхъуэм щынэсым, езыри абы нэсащ* [Тхьэмокъуэ 2005: 286]. – *А зиунагъуэрэ, щыхьым и бжьакъуэ лъэдакъэм щытехуа шэр и лъэбжьанэмкIэ щыпхыкIыжауэ жеIэ* [Тхьэмокъуэ 2018: 582]. – ***Iэу**! Дыгъужь уепыджрэ уэ? – жери Дыгъужьыр къэкIэзызащ* [Мэлей 2025: 121].

Грамматикэ нэщэнэхэмкIэ псалъэухам и пкъыгъуэхэм емыпхами, къыгуэхыпIэ имыIэу мыхьэнэкIи интонацэкIи абы пыщIащ. ЖыIэгъуэм къиIуатэ гупсысэм щIэлъ зыхэщIэныгъэхэр къагъэнэIуэн папщIэ вводнэ псалъэхэр, псалъэ зэпхахэр къыщагъэсэбэпкIэ, абы и зэхэлъыкIэми, и стилми, и къэпсэлъыкIэми зехъуэж.

КъызэщIэткъуэжмэ, ди къэхутэныгъэм къызэрыхэщщи, адыгэ таурыхъхэр зэхуэхьэсыным, тхыжыным, къыдэгъэкIыжыным, джыжыным и тхыдэм XIX-нэ лIэщIыгъуэм и етIуанэ Iыхьэм къыщыщIедзэ. Таурыхъхэр бзэ шэрыуэкIэ, бзэ тыншкIэ тхыжащ, ахэр къыщагъэщIа, зэманыр къыхэщыжу, ахэр игъэбелджылыуэ, таурыхъыбзэр къулейщ жьы хъуа, нобэрей псэлъэкIэм къыщамыгъэсэбэпыж псалъэхэмкIэ, жыIэгъуэхэмкIэ.

Таурыхъыбзэр зэхэщIэгъуафIэ зыщIхэм я зы нэщэнэщ таурыхъхэм мымащIэу вводнэ псалъэхэмрэ псалъэ зэпхахэмрэ къызэрыхэщыр, нэхъыбэу абыхэм я къалэныр зыгъэзащIэр междометиехэрщ. Мы щIэныгъэ лэжьыгъэм къыщыдгъэнаIуар таурыхъыбзэм и щхьэхуэныгъэхэм щыщу нэхъыбэрэ дызырихьэлIэхэрщ.

ТЕГЪЭЩIАПIЭХЭР

АГ 2023 – Адыгэ (къэбэрдей-шэрджэс) грамматикэ / щIэныгъэ ред. БищIо Б.Ч. – Налшык: «Принт Центр» тхылъ тедзапIэ, 2023. – 624 н.

Алиева 1978 – *Алиева А.И.* Сказки адыгских народов. – Москва: Наука, 1978. – 407 с.

Алиева 1986 – *Алиева А.И.* Поэтика и стиль волшебных сказок адыгских народов. – М.: Наука, 1986. – 736 с.

Анчек 2015 – *Анчек С.*Х. Некоторые особенности языка адыгских сказок о животных // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Филология и искусство». – Вып. 3 (164). – Майкоп, 2015. – С. 21-26.

Афанасьев 2014 – *Афанасьев А.Н.* Народные русские сказки. Полное издание в одном томе. – М.: «Издательство АЛЬФАКНИГА», 2014. – 1087 с.

Бухуров 2015 – *Бухуров М.Ф.* Адыгская богатырская сказка. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2015. – 160 с.

Гишев 2002 – *Гишев Н.Т.* Языковые особенности адыгейского фольклора // Все об адыгах. – Майкоп, 2002. – С. 94-134.

Гутов 1981 – *Гутов А.М.* Материалы к изучению языка новых записей традиционного адыгского фольклора // Художественный язык фольклора кабардинцев и балкарцев. – Нальчик, 1981. – С. 127-153.

Даур 2016 – *Даур З.* Елыхъу и къуэ Елыхъу // Iуащхьэмахуэ журнал. – № 6. – Налшык, 2016. – Н. 154-157.

Климас 2005 – *Климас И.С.* Фольклорная лексикология: своеобразие объекта, состав единиц, специфика лексикологических категорий. Дисс... д-ра филол. н-к. – Курск, 2005. – 350 с.

Кумахов 1988 – *Кумахов М.*А., *Кумахова З.Ю*. Нартский эпос: язык и культура. – М, 1988. – 311 с.

Мэлей 2025 – *Мэлей Ф*. Адыгэ таурыхъхэр. – Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2025. – 270 н.

Нало 1992 – *Нало З.* Таурыхъищэ. – Налшык, 1992. – 400 н.

Померанцева 1964 – *Померанцева Э.В.* Судьбы русской сказки в XVII – XIX вв. – М., 1964. – 220 с.

Пропп 1984 – *Пропп В.Я.* Русская сказка. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1984. – 336 с.

Сборник 1872 – *Сборник сведений о Кавказских горцах*. – Вып. 6. – Тифлис, 1872. – 407 с.

Тхьэмокъуэ 2005 – *Тхьэмокъуэ Ж.* «Адыгэ таурыхъхэр. Новеллэ таурыхъхэр». I том. – Налшык: Эль-фа, 2005. – 834 н.

Тхьэмокъуэ 2018 – *Тхьэмокъуэ Ж.* «Адыгэ таурыхъхэр. Телъыджей таурыхъхэр», II том. – Налшык: ИГИ КБНЦ РАН, 2018. – 592 н.

Урыс 2002 – *Урыс Хь.Щ.* АдыгэбзэмкIэ практическэ стилистикэ. – Налшык: Эльбрус, 2002. – 208 н.

Хут 1981 – *Хут Ш.Х.* Сказочный эпос адыгов. – Майкоп: «Адыгейское отделение Краснодарского книжного издательства», 1981. – 191 с.

Шортанов 1968 – *Шортанов А.Т.* Фольклор // Очерки кабардинской литературы. – Нальчик: Эльбрус, 1968. – С. 11-64.

Яковлев 1948 – *Яковлев Н.Ф.* Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. – М.-Л., 1948. – 372 с.

REFERENCES

Adyge (k"eberdei-sherdzhes) grammatike [Kabardino-Cherkessian Grammar] / shchIenyg"e red. BishchIo B.Ch. – Nalshyk: «Print Tsentr» tkhyl" tedzapIe, 2023. – 624 n. (in Kabardian-Cherkessian)

ALIEVA A.I. *Skazki adygskikh narodov* [Tales of the Adyghe Peoples]. – Moskva: Nauka, 1978. – 407 p. (In Russ.).

ALIEVA A.I. *Poetika i stil' volshebnykh skazok adygskikh narodov* [Poetics and Style of the Magical Tales of the Adyghe Peoples]. – M.: Nauka, 1986. – 736 p. (In Russ.).

ANCHEK S.KH. *Nekotorye osobennosti yazyka adygskikh skazok o zhivotnykh* [Some Features of the Language of the Adyghe Tales about Animals]. In: Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Filologiya i iskusstvo». – Vyp. 3 (164). – Maikop, 2015. – P. 21-26. (In Russ.).

AFANAS'EV A.N. *Narodnye russkie skazki. Polnoe izdanie v odnom tome* [Russian Folk Tales. Complete Edition in One Volume]. – M.: «Izdatel'stvo AL"FAKNIGA», 2014. – 1087 p. (In Russ.).

BUKHUROV M.F. *Adygskaya bogatyrskaya skazka* [An Adyghe Hero Tale]. – Nal'chik: Izdatel'skii otdel KBI-GI, 2015. – 160 p. (In Russ.).

GISHEV N.T. *Yazykovye osobennosti adygeiskogo fol'klora* [Language Features of Adyghe Folklore]. In: Vse ob adygakh. – Maikop, 2002. – P. 94-134. (In Russ.).

GUTOV A.M. *Materialy k izucheniyu yazyka novykh zapisei traditsionnogo adygskogo fol'klora* [Materials for Studying the Language of New Recordings of Traditional Adyghe Folklore]. In: Khudozhestvennyi yazyk fol'klora kabardintsev i balkartsev. – Nal'chik, 1981. – P. 127-153. (In Russ.).

DAUR Z. *Elykh"u i k"ue Elykh"u* [Yelukh is the son of Yelukh]. In: Iuashchkh'emakhue zhurnal. – № 6. – Nalshyk, 2016. – N. 154-157. (in Kabardian-Cherkessian)

KLIMAS I.S. *Fol'klornaya leksikologiya: svoeobrazie ob"ekta, sostav edinits, spe-tsifika leksikologicheskikh kategorii* [Folkloric lexicology: the uniqueness of the object, the composition of units, and the specifics of lexicological categories]. Diss... d-ra filol. n-k. – Kursk, 2005. – 350 p. (In Russ.).

KUMAKHOV M.A., KUMAKHOVA Z.YU. *Nartskii epos: yazyk i kul'tura* [The Nart Epic: Language and Culture]. – M, 1988. – 311 p. (In Russ.).

MELEI F. *Adyge taurykh"kher* [Adyghe Fairy Tales]. – Nal'chik: Izd-vo M. i V. Kotlyarovykh, 2025. – 270 n. (in Kabardian-Cherkessian)

NALO Z. *Taurykh"ishche* [One Hundred Fairy Tales]. – Nalshyk, 1992. – 400 n. (in Kabardian-Cherkessian)

POMERANTSEVA E.V. *Sud'by russkoi skazki v XVII – XIX vv.* [The Fate of Russian Fairy Tales in the 17th-19th Centuries]. – M., 1964. – 220 p. (In Russ.).

PROPP V.YA. *Russkaya skazka* [Russian Fairy Tale]. – L.: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1984. – 336 p. (In Russ.).

Sbornik svedenii o Kavkazskikh gortsakh [Collection of information about the Caucasian highlanders]. – Vyp. 6. – Tiflis, 1872. – 407 p. (In Russ.).

TKH'EMOK"UE ZH. *Adyge taurykh"kher. Novelle taurykh"kher* [Adyghe fairy tales. Novellas, fairy tales]. I tom. – Nalshyk: El'-fa, 2005. – 834 n. (in Kabardian-Cherkessian)

TKH'EMOK"UE ZH. *Adyge taurykh"kher. Tel"ydzhei taurykh"kher* [Adyghe fairy tales. Magic fairy tales]. II tom. – Nalshyk: IGI KBNTs RAN, 2018. – 592 n. (in Kabardian-Cherkessian)

URYS KH'.SHCH. *AdygebzemkIe prakticheske stilistike* [Adyghe practical stylistics]. – Nalshyk: El'brus, 2002. – 208 n. (in Kabardian-Cherkessian)

KHUT SH.KH. *Skazochnyi epos adygov* [Adyghe fairy tale epic]. – Maikop: «Adygeiskoe otdelenie Krasnodarskogo knizhnogo izdatel'stva», 1981. – 191 p. (In Russ.).

SHORTANOV A.T. *Fol'klor* [Folklore]. In: Ocherki kabardinskoi literatury. – Nal'chik: El'brus, 1968. – P. 11-64. (In Russ.).

YAKOVLEV N.F. *Grammatika literaturnogo kabardino-cherkesskogo yazyka* [Grammar of the Literary Kabardian-Cherkessian Language]. – M.-L., 1948. – 372 p. (In Russ.).

Авторым теухууэ
З.А. ХъутIэжь – филологие щIэныгъэхэмкIэ кандидат;
В.Хь. УнэтлIокъуэ – филологие щIэныгъэхэмкIэ кандидат
Информация об авторах
З.Г. Хутежев – кандидат филологических наук;
В.Х. Унатлоков – кандидат филологических наук
Information about the author
Z.G. Hutezhev– candidate of Science (Philology).
V. Kh. Unatlokov – candidate of Science (Philology).

***Авторхэм я хэлъхьэныгъэхэр*:** Статьяр гъэхьэзырыным дэтхэнэ авторми зэхуэдэ хэлъхьэныгъэ хуищIащ. Авторхэм жаIэ зэгурымыIуэныгъэ лъэпкъ яку зэрыдэмылъыр.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Тхыгъэр редакцэм кърагъэхьащ 03.04.2025 гъ.; рецензэ нэужьым къащтащ 15.06.2025 гъ.; къытрадзэнущ 27.06.2025 гъ.

The article was submitted 03.04.2025; approved after reviewing 15.06.2025; accepted for publication 27.06.2025.

Статья поступила в редакцию 03.04.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.06.2025 г.; принята к публикации 27.06.2025 г.

Научная статья
УДК 81
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-2-288-301
EDN: ZQSHWN

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ПРАЗДНИЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ (на материале официальных текстов поздравлений к этническим праздникам кабардинцев и балкарцев)

Марина Чашифовна Шогенова
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия, shog-marina@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-4873-7795

Аннотация. Работа выполнена в контексте актуальных вопросов соотношения языка и культуры как одной из центральных в современных гуманитарных исследованиях проблем, обусловленных повышенным вниманием к национальной культуре как средству духовного развития и преобразования современного общества. В статье рассмотрены особенности современного праздника как социокультурной реальности XXI в.; подчеркнуто повышенное внимание к праздничной культуре, отмечена активизация процессов изменения ее стилистики; выявлены тенденции к возрождению этнических традиций и архаизации современной культуры; обоснован тезис о полифункциональности праздника с позиции исторического, репрезентативного, нравственно-ценностного содержания и личностного аспекта.

Материалом исследования послужили тексты, опубликованные на официальных региональных сайтах Кабардино-Балкарии, праздничный календарь которой включает в себя три этнических праздника: 1 сентября – День государственности КБР, 28 марта – День возрождения балкарского народа, 20 сентября – День адыгов (черкесов). В работе убедительно звучит тезис о том, что этнический праздник в республике – особое современное мероприятие, целевая установка которого предопределена утверждением ценностей и предпочтений народов, восстановлением когда-то забытых исторических эпизодов или традиционных смыслов, погружением в культурное наследие и осмыслением его ценностей сквозь призму настоящего, что помогает современному человеку сохранить свою этническую идентичность.

Анализ поздравительных текстов позволяет заключить, что официальные поздравительные тексты репрезентируют значимые для современности ключевые социальные и культурные ценности, утверждают доминирующие концептуальные идеи общества, раскрывают ценность праздничного слова в консолидирующих и интегрирующих процессах, формирующих у людей этнический менталитет, утверждающий современные нравственные ориентиры, непрерывную связь и преемственность поколений, эстетические предпочтения народа и т.п.

Ключевые слова: этническая культура, праздничная культура, праздничная коммуникация, поздравительная речь, официальные тексты поздравлений.

Благодарности и финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке внутреннего гранта Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова (договор № 43) в рамках программы «Приоритет 2030».

Для цитирования: Шогенова М.Ч. Репрезентация этнокультурной информации в современной праздничной коммуникации (на материале официальных текстов поздравлений к

этническим праздникам кабардинцев и балкарцев) // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 2. – С. 288-301. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-2-288-301. EDN: ZQSHWN.

© Шогенова М.Ч., 2025

Original article

REPRESENTATION OF ETHNOCULTURAL INFORMATION IN MODERN HOLIDAY COMMUNICATION (based on official texts of congratulations for ethnic holidays of the Kabardins and the Balkars)

Marina Ch. Shogenova
Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia, shog-marina@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-4873-7795

Abstract. This article addresses topical issues of the correlation between language and culture, a central problem in modern humanitarian research, due to increased attention to national culture as a means of spiritual development and societal transformation. The features of the modern holiday as a socio-cultural reality of the 21st century are considered; the increased attention to festive culture is emphasized, the activation of the processes of changing its style is noted; the tendencies towards the revival of ethnic traditions and the archaization of modern culture are revealed; the thesis about the multifunctionality of the holiday from the standpoint of historical, representative, moral and value content and personal aspect is substantiated. The research material was based on texts published on the official regional websites of Kabardino-Balkaria, whose festive calendar includes three ethnic holidays: September 1 is the Day of Statehood of the KBR, March 28 is the Day of the Revival of the Balkarian people, September 20 is the Day of the Adygs (Circassians). In the course of the work, the thesis is convincing that an ethnic holiday in the republic is a special modern event, the purpose of which is predetermined by the affirmation of the values and preferences of peoples, the restoration of once–forgotten historical life episodes or traditional meanings, immersion in cultural heritage and understanding its values through the prism of the present, which helps modern people to preserve their ethnic identity. identity. The analysis of congratulatory texts allows us to conclude that official congratulatory texts represent key social and cultural values that are significant for modernity, affirm the dominant conceptual ideas of society, reveal the value of the festive word in consolidating and integrating processes that form an ethnic mentality among people, affirming modern moral guidelines, continuous connection and continuity.

Keywords: ethnic culture, holiday culture, holiday communication, congratulatory speech, official congratulatory texts

Acknowledgements and funding: The study was conducted with the financial support of an Internal grant from the Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov «Within the Priority 2030 program» (Agreement no. 43).

For citation: Shogenova M.Ch. Representation of ethnocultural information in modern holiday communication (based on official texts of congratulations for ethnic holidays of the Kabardians and the Balkars). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 2. – P. 288-301. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-2-288-301. EDN: ZQSHWN.

© Shogenova M.Ch., 2025

Феномен человеческой культуры, как известно, сложное, многоаспектное и многогранное понятие, содержательный объем которого подвержен динамике и вмещает в себя разные оттенки понимания и представления, что детерминирует его полисемантический аспект. По мнению исследователей, термин «культура» насчитывает более пятисот определений и чаще отождествляется с традициями и наследием общества, комплексом правил и норм поведения, регулирующих жизнь человека, высоким уровнем его компетентности в чем-либо и т.п.

Первоначальный импульс к становлению и развитию теории значимости этнической культуры был дан еще в эпоху Просвещения (в XVIII в.), когда стали зарождаться идеи о силе и духе человека, его разуме, развивающемся благодаря просвещению, образованию против невежества и ограниченности. Такие доминантные, приоритетные мысли были направлены на поиск возможностей совершенствования личности и стали толчком к возникновению науки о культуре как философии истории человечества, а культура стала выступать тем началом, которое объединяет людей, делает их участниками единого социума.

Современная культура обладает специфическими особенностями, понимаемыми как «язык культуры» [Прохоров 2008: 11], «специфический способ человеческой деятельности», «всеобщий (атрибутивный) признак любого общества безотносительно к уровню его развития» [Маркарян 1983: 85]. Фундаментальное свойство культуры – быть средством деятельности людей – концентрированно выражает саму суть культуры и интегрирует все остальные ее характеристики.

Не умаляя значимости и необходимости понимания и рассмотрения культуры в разных исследовательских полях, считаем важным обозначить, что своеобразность и уникальность ее как совокупности материальных и духовных достояний народа во многом предопределяются историческими факторами, которые обусловливают специфику организации собственно образа жизни человека, особенности интеллектуального, духовного развития в контексте формирования его мировосприятия (мироощущения). Следовательно, культура – результат и совокупность духовной деятельности общества, направленной на упорядочение и систематизацию результатов когнитивных процессов по осмыслению жизни. Первичное восприятие мира и его понимание, которое складывается в сознании каждого человека, отражается именно в зеркале собственной культуры как необходимый процесс самопознания и самоидентификации при помощи средств именно этнической культуры.

Деятельность человека опирается на опыт и традиции предков и проявляется в мышлении, основывается на их наследии. Не случайно «…в рамках этнической культуры формируется психический склад этноса» [Костина 2009:186], в котором отражается национальная культура, основанная на принципах константности, преемственности, традициях, придающих ей цельность, устойчивость и стабильность.

Актуальной в этом отношении представляется праздничная культура как уникальный этнический феномен, социокультурная реальность XXI в. Праздник в современных условиях – «…это масштабный проект, в котором переплетаются экономические, политические и социально-культурные процессы…» [Романова 2020: 190].

Современный праздник приобретает новые «образы», представляется неотъемлемой частью социокультурной реальности, играет значимую роль в функционировании общества. Праздничное мероприятие воплощает и отражает идеалы прошлого через призму настоящего, в котором по-новому осмысливаются человеческие ценности, возрождаются и сохраняются национальные идеи, расставляются позиции в координате «свой – чужой» и т.п.

Лексема «праздник» – по данным словарей русского языка – является многозначным словом и определяется как мероприятие, которое посвящено памяти какого-нибудь… события…; мероприятие, посвященное какому-либо радостному событию…; противопоставление будням; мероприятие как пиршество; день отдыха… и т.п.; [Толковый словарь… 1996: 699]. В своем словаре В.И. Даль отмечает, что «празднество *ср.* – пиршество или торжество, празднование чего-либо обрядами, пирами, почет событию или воспоминанью о нем...» [Даль 2006:520]. По словарю С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой слово «праздник» – «День торжества, установленный в честь или память кого-чего-н.» [Ожегов, Шведова 1998:578].

В современной коммуникации праздник приобретает новый образ и становится заметным явлением в процессах утверждения культуры, выступает как средство единения и укрепления национальных идей (на уровне государства и в ее субъектах); как способ возрождения этнических традиций, как принцип архаизации современности в целях социокультурной трансформации опыта народа; как особый путь духовного развития в религиозной культуре и т.п. Следовательно, современные праздники являются разными по своей функциональной значимости и целевой направленности. По мнению М.А. Слюсаренко, «...феномен праздника состоит в том, что …является хранилищем культурных традиций …» [Слюсаренко 2000: 25].

В контексте настоящего исследования праздник рассматривается с позиции этнической культуры. Будучи публичным мероприятием, праздник демонстрирует, продвигает, пропагандирует, репрезентирует значимую для конкретного народа (этноса) идею, в которой утверждаются определенные концептуальные мысли; праздничное мероприятие способствует общности, солидарности, единению людей и основывается на совокупности менталитета, нравственных ориентиров, эстетических предпочтений народа.

Кабардино-Балкария – один из субъектов Российской Федерации. Титульными нациями республики являются кабардинский и балкарский народы, которые прошли длительный исторический путь развития, накопили солидный культурный опыт, сохранили определенные этнические традиции. Кабардинцы и балкарцы имеют много общего в исторической судьбе, много схожего в жизнедеятельности, укладе, мышлении и миропредставлении.

Современная Кабардино-Балкария – это динамически развивающаяся, активная, жизнеспособная республика, один из культурных центров Северо-Кавказского Федерального округа. В условиях единой пространственной и временной системы в республике сосуществуют многообразные типы культур и функционируют разносистемные языки, что придает региону своеобразный и уникальный характер. Однако ученые отмечают, что за последние годы произошли

существенные изменения в культуре, развитие которой пошло «…по пути деассимиляции, усложнения типов культурных ориентаций, которые стали дробными, мозаичными…», а потому важно «…восстановить «связь времен» в культурной жизни…, создать условия для освоения знаний в области собственной культуры, искусства, восстановления календарных и религиозных праздников и т.п. [Рахаев 2010: 73–74]. Действительно, жизнь показала, что тенденции к восстановлению «связи времен» в культуре становятся весьма активными в республике, что предопределяет раскрытие культурного потенциала титульных народов.

Особое место в подобном процессе занимают этнические праздники, которые способствуют объединению людей, укреплению их социальных связей. Региональные праздники отмечаются совместно, во многом детерминируют взаимоотношение и поведение людей. И это весьма важно, так как полиэтнический и поликультурный статус республики не только определяет ее богатство и уникальность, но и характеризует особый стиль сосуществования разных культур в едином временном коммуникативном пространстве, предопределяет многомерность и многоаспектность в решении проблемы сохранения гармоничной атмосферы развития толерантного общества. Межэтническая толерантность как социальная ценность предполагает прежде всего доброжелательное отношение к миру, способность к грамотному и востребованному сохранению как своих традиций и обычаев, в том числе и традиционных и религиозных праздников, так и уважительного отношения к чужой культуре во всех ее проявлениях.

По словам исследователя С.И. Аккиевой, «праздничный календарь Кабардино-Балкарии обусловлен историческим развитием республики, этническим составом и культурными особенностями» [Аккиева 2018: 224]. Без сомнения, этнический праздник в республике – особое современное мероприятие, которое не ограничивается весельем, радостью, приятным времяпрепровождением, так как его целевая установка – утверждение ценностей и предпочтений народа (-ов), восстановление когда-то забытых исторических жизненных эпизодов или традиционных смыслов, погружение в культурное наследие и осмысление его ценностей сквозь призму настоящего, что помогает современному человеку сохранить и утвердить свою этническую идентичность. Так, одним из значимых региональных праздников является День государственности КБР, который с 1997 г. отмечается 1 сентября. Это значимое мероприятие нацелено на объединение народов республики прежде всего осознанием политической идентичности и культурной ориентации, в которой утверждается государственность как фактор не только целостности территории, но и признания самобытности и единства народов республики. Анализ типовых мероприятий, посвященных Дню государственности республики, сценариев прохождения подобного мероприятия, анонсированных текстов, поздравительных публичных выступлений, обращений, интервью, социологических опросов позволяет выявить отношение людей к празднику, понять специфику его восприятия. Так, на официальных региональных сайтах (см. сайт Правительства КБР, сайт Администрации г. Нальчика, сайт Государственной национальной библиотеки КБР им. Т.К. Мальбахова, сайт Кабардино-Балкарского государственного университета и др.) отмечены разные праздничные

мероприятия, направленные на формирование устойчивого представления о Кабардино-Балкарии как единой социокультурной общности (ср.: «Темиркановские вечера» – городская трансляция концерта с участием выдающегося российского дирижёра, народного артиста СССР Юрия Темирканова (уроженца г. Нальчика); выставка «Годы и люди» в жанровой и портретной живописи художников КБР; выставка «Городские летописи»; праздничный концерт мастеров искусств республик «Мой край, моя республика», Фестиваль уличных театров «Город счастья», многодневная велогонка по велосипедному спорту «Дружба народов Северного Кавказа» и т.п. Как видно, ключевые слова, вынесенные в анонсированном списке мероприятий, раскрывают ценностную и аксиологическую направленность праздника, уникальные аспекты события. Ср.: словосочетания и слова *городская летопись* ***(исторический аспект),*** *фестиваль* (массовый показ как ***репрезентативный аспект***), *мой, моя* ***(собственно-личностный аспект****), счастье, дружба* (***нравственно-ценностный аспект)*** как отражение в сознании человека закрепленного представления о значимости отмечаемого праздника как полифункциональном феномене. Тематика публикаций показывает, что названия проводимых мероприятий ко Дню государственности раскрывают целевую направленность праздников, передает отношение людей к подобным мероприятиям, так как все названия праздничных мероприятий эмоционально насыщены и носят личностный характер. Ср.: «*Живи и процветай, республика моя!», «Богата память моего народа», «Моя милая, малая Родина», «Моя республика!» «Моя Республика! Моя земля!», «Пою тебе, республика моя», «Привет тебе, мой край родной», «Символы Республики – национальная гордость!»; «Всему начало здесь, в краю родном»* и т.п.

Праздник – уникальная коммуникативная форма в социально-культурной сфере, следовательно, неотъемлемой частью представляются тексты поздравительных речей и выступлений, в которых раскрывается идейное содержание любого праздничного мероприятия. Современная поздравительная речь – живая речь повседневной культуры и повседневной коммуникации.

Анализ текстов-поздравлений официальных лиц, в частности полномочного представителя Президента Российской Федерации в Северо-Кавказском федеральном округе Ю. Чайки, Главы Кабардино-Балкарской Республики К. Кокова, главы местной администрации городского округа Нальчик Т.Ахохова, ректора Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова Ю. Альтудова и др., показал, что современные официальные тексты-обращения отождествляются с ритуальной и этикетной формой публичной коммуникации, имеют определенную коммуникативную цель, отличаются структурной и смысловой оформленностью и обусловливают определенные требования к статусу и речевому поведению прежде всего адресанта. Поздравительные тексты представляются особым жанром, содержание которого усиливает многогранность и полиаспектность события, раскрывающего как социальное, так и личное восприятие мероприятия. Несмотря на уникальность праздничного слова каждого адресанта, содержание, композиция, структура и стилистика текстов государственных чиновников во многом схожи и позволяют определить целевую установку праздничного мероприятия: декларацию определенных идей, популяризацию

системы ценностей и смыслов, интеграцию людей, формирование их исторической и культурной памяти, укрепление чувства патриотизма, обострение эмоционального восприятия, сохранение национального наследия, укрепление веры в будущее и т.п. Подобные тенденции дают основание выделить следующе аспекты праздничной речи:

1) **исторический аспект – идеологическое составляющее праздника, значимость праздника в историческом аспекте**: «*…олицетворяет весь исторический путь, пройденный Кабардино-Балкарией…»; «…многовековую историю народы Кабардино-Балкарии, исторически связанные совместным проживанием, тесными хозяйственно-экономическими, дружескими отношениями…»*[1]*;*

2) **значимость праздника в контексте сохранения культурной памяти народа**: *«…Мы высоко чтим заслуги всех людей, чьим трудом, мудростью и волей строилась и развивалась Кабардино-Балкария, гордимся ратными подвигами и созидательным трудом многих поколений нашего народа, их значимым вкладом в укрепление российской государственности…»*[2]*; «В этот день, после тяжелых лет депортации, начался долгожданный путь балкарского народа на свою историческую родину. Мы мысленно возвращаемся к истории и вспоминаем трагическую судьбу изгнанного народа, когда война, депортация и послевоенные лишения унесли жизни тысяч людей…»*[3]*;*

3) **ценность праздника в социально-политическом аспекте**: *«…объединились в единое государственное образование в составе России…»; «Балкарский народ, преодолев тяготы периода его незаконного отлучения от исторической родины, вернулся на родную землю, добился в последующие годы высоких достижений во всех сферах деятельности, в укреплении своего культурного, духовного и интеллектуального потенциала»*[4]*; «Стойко выдержав тринадцать лет депортации, балкарский народ вернулся на родину и… добился огромных успехов в области политики, образования, культуры, внес большой вклад в формирование экономики нашего региона. Занимая достойное место среди братских народов многонациональной России, балкарцы сохраняют свою этническую культуру, чтят традиции предков и идут по пути экономического и социального прогресса, активно осваивая информационное пространство, современные цифровые технологии»*[5]*;*

4) **осмысление истоков праздника, прошлое как исторический путь развития (ретроспективный аспект):** *«Этот праздник имеет особое значение для региона и всего Северного Кавказа. Он символизирует тот большой и непростой исторический путь длиной в столетия, который прошли народы многонациональной Кабардино-Балкарии во имя становления государственности, укрепления единства и согласия, благополучного и достойного будущего своих*

[1] Электронный ресурс. Режим доступа: https://glava.kbr.ru (дата обращения – 01.04.2025 г.).
[2] Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.kbpravda.ru (дата обращения – 01.04.2025 г.).
[3] Электронный ресурс. Режим доступа: https://nalchik.bezformata.com (дата обращения – 01.04.2025 г.).
[4] Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.smikbr.ru (дата обращения – 01.04.2025 г.).
[5] Электронный ресурс. Режим доступа: https://kbsu.ru (дата обращения – 01.04.2025 г.).

потомков…»[1]*; «при поддержке братских народов республики, они мужественно пережили все тяготы и лишения судьбы и после возвращения домой нашли в себе силы жить и созидать во благо нашей общей Родины…»*[2]*; «…Этот праздник олицетворяет многовековой путь этноса, символизирует общность всех адыгов, сохранивших национальные корни, культуру и традиции, независимо от места их проживания»*[3]*; «…Пусть подобное преступление никогда не повторится в будущем. Возвращение балкарского народа на родину явилось актом возрождения единой Кабардино-Балкарии, которая снова стала родным домом для всех…»*[4]*; «День адыгов является напоминанием о героическом прошлом народа, патриотизме и силе духа, символом национального единения, воплощает в себе идеалы мира, добра и взаимоуважения»*[5]*;*

5) **современный аспект праздника – смыслообразующие ценности праздника:**«…*Сегодня балкарский народ в крепком, нерушимом братстве и согласии со всеми народами нашей многонациональной республики вносит весомый вклад в строительство достойного будущего общего для всех нас дома – Кабардино-Балкарии и всей России. Вне всякого сомнения, вместе, в прочном единстве и сплоченности мы преодолеем любые трудности времени, решим все стоящие перед нами задачи во имя благополучия и процветания родной республики и нашего Отечества...»*[6]*; «…Эта поистине знаменательная дата олицетворяет собой торжество правды и справедливости»*[7]*; «…олицетворяющим восстановление исторической правды и справедливости, непоколебимость и непреходящую ценность единства, дружбы и братства народов Кабардино-Балкарии…»; «Сегодня, обладая высоким интеллектуальным и духовным потенциалом, балкарский народ уверенно смотрит в будущее, в единой многонациональной семье народов Кабардино-Балкарии строит новую жизнь, вносит весомый вклад в создание сильной, благополучной, современной России»*[8]*; «Уверен, в тесном единстве и сплоченности мы преодолеем все трудности, добьемся поставленных целей во имя благополучия родной республики и нашего Отечества…»*[9]*;* «*Сегодня республика продолжает работать над развитием потенциала в социальной и экономической сферах, улучшением качества жизни каждого человека…»*[10]*;*

6) **роль праздника в укреплении этнических традиций и межкультурных связей и отношений (культурологический аспект):** «…*Кабардино-Балкария – это признанный туристический центр страны, место притяжения отдыхающих со всего мира…»*[11]*; «…способствовало сохранению их*

[1] Электронный ресурс. Режим доступа: http://xn--j1aihn.xn-p1ai/press/events (дата обращения – 01.04.2025 г.).
[2] Электронный ресурс. Режим доступа: https://nalchik.bezformata.com (дата обращения – 01.04.2025 г.).
[3] Электронный ресурс. Режим доступа: https://museum-kbrglav.ru/publications (дата обращения – 01.04.2025 г.).
[4] Электронный ресурс. Режим доступа: https://kbsu.ru/news (дата обращения – 01.04.2025 г.).
[5] Электронный ресурс. Режим доступа: https://maiskiy.bezformata.com (дата обращения – 01.04.2025 г.).
[6] Электронный ресурс. Режим доступа: https://kbrria.ru/obshchestvo (дата обращения – 01.04.2025 г.).
[7] Электронный ресурс. Режим доступа: https://babugentsosh.edu07.ru (дата обращения – 01.04.2025 г.).
[8] Электронный ресурс. Режим доступа: https://prohladnenskiy.kbr.ru (дата обращения – 01.04.2025 г.).
[9] Электронный ресурс. Режим доступа: https://smkbr.ru (дата обращения – 01.04.2025 г.).
[10] Электронный ресурс. Режим доступа: http://xn--j1aihn.xn--p1ai/press (дата обращения – 01.04.2025 г.).
[11] Электронный ресурс. Режим доступа: http://xn--j1aihn.xn--p1ai/press (дата обращения – 01.04.2025 г.).

самобытных традиций, богатого культурного и духовного наследия…»; «Этот праздник символизирует общность всех адыгов, сохранивших национальные корни, культуру и традиции, независимо от места их проживания»[1]*;*

7) **осмысление ценности праздника в аспекте функционального развития кабардинского и балкарского народов**: *«…Это событие стало важнейшей вехой в нашей истории, сыграло огромную роль в судьбе кабардинского и балкарского народов, открыло небывалые перспективы для их развития...»*[2]*;«…юбилей образования Кабардино-Балкарской Республики служит символом единства, сплоченности и дружбы наших народов…»*[3]*;*

8) **актуальность праздника в современности:** *«…сегодня в условиях новых вызовов мы особо остро осознаем важность и значимость консолидации нашего многонационального народа вокруг ценностей гражданственности и патриотизма, ответственности за судьбу страны и республики…»*[4]*;*

9) **перспективность празднуемого события**: *«…Располагая выверенной Стратегией развития, мы уверенно смотрим в будущее. Предстоящие годы должны стать этапом динамичного роста экономики и достижения на этой основе главной цели…»*[5]*;*

10) **важность праздника для каждого человека и эмоциональное содержание праздника**: *«…От всей души поздравляю вас с Днем республики, со знаменательным юбилеем образования Кабардино-Балкарии, желаю каждой семье, каждому жителю республики здоровья, мира, добра и процветания…»*[6]*;* «*…Желаю всем жителям и гостям региона, тем, кому он близок и дорог, дальнейшего процветания, мира и добра!»*[7]*; «Желаю всем жителям республики здоровья, мира, добра и благополучия…»;«Поздравляем всех адыгов (черкесов) с праздником и от всей души желаем мира и благоденствия на земле Кабардино-Балкарии, счастья и благополучия всем вам!»*[8]*; День адыгов воплощает идеалы мира, добра и взаимоуважения. Поздравляем всех адыгов (черкесов) с праздником и желаем мира и благоденствия, счастья и благополучия!»*[9]*;«…Всем представителям балкарского народа и каждому из нас желаю оптимизма, профессиональных успехов, здоровья, мира, счастья и благополучия!»; «Я хочу пожелать всем людям, которые перенесли трагедию насильственной депортации, здоровья и долгих лет жизни. Желаю здоровья, успехов, мира и процветания всем народам нашей республики!»*[10]*.*

Таким образом, официальная поздравительная речь – распространенное явление современной повседневной культуры и коммуникации – понимается как

[1] Электронный ресурс. Режим доступа: https://museum-kbrglav.ru (дата обращения – 01.04.2025 г.).
[2] Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.smikbr.ru/arhiv (дата обращения – 01.04.2025 г.).
[3] Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.kbpravda.ru (дата обращения – 01.04.2025 г.).
[4] Электронный ресурс. Режим доступа: https://glava.kbr.ru/news (дата обращения – 01.04.2025 г.).
[5] Электронный ресурс. Режим доступа: https://glava.kbr.ru/news (дата обращения – 01.04.2025 г.).
[6] Электронный ресурс. Режим доступа: https://glava.kbr.ru/news (дата обращения – 01.04.2025 г.).
[7] Электронный ресурс. Режим доступа: https://glava.kbr.ru/news (дата обращения – 01.04.2025 г.).
[8] Электронный ресурс. Режим доступа: https://museum-kbrglav.ru (дата обращения – 01.04.2025 г.).
[9] Электронный ресурс. Режим доступа: https://museum-kbrglav.ru (дата обращения – 01.04.2025 г.).
[10] Электронный ресурс. Режим доступа: https://kbsu.ru (дата обращения – 01.04.2025 г.).

приветствие в честь знаменательного и радостного события. В поздравительной речи содержатся благопожелания, вызывающие у адресата положительные эмоции и побуждающие к формированию или углублению понимания об отдельных фрагментах картины мира народа, его ценностные и приоритетные взгляды и жизненные ориентиры и т.п. Речевое поведение адресанта, отличается, с одной стороны, стандартизированностью, клишированностью, с другой стороны, стремлением придать речи индивидуальность, креативность. Обращение-поздравление является отражением совокупности этнокультурных ценностей и способом утверждения приоритетных в современном обществе установок, которые воспринимаются участниками общения положительно и эмоционально.

Официальные тексты-поздравления полифункциональны, обладают определенно-стилистическими особенностями, однако в целом их коммуникативное содержание детерминировано реализацией нескольких основных функций: фатической функции, информативной функции, консолидирующей функции и эмоциональной функции.

Фатическая функция – функция контакта – в ситуации официальной поздравительной речи представляется весьма важной составляющей частью и реализуется во вступительной части обращения, носит характер речевого клише (стандартизированного, стереотипного), направлена не только на установление контакта, но и стремление адресанта максимально приблизиться к адресату и привлечь его внимание, чтобы слушатель воспринял оратора как человека «своего», понимающего, уважающего, разделяющего тематику праздника и его значимость. Этикетные формулы обращения хотя и тяготеют к устойчивости, в современных поздравительных текстах приобретают не только этический характер, но и насыщенно эмоциональную окраску: *«Уважаемые жители республики!»; «Уважаемые старшие, уважаемые депутаты, дорогой для меня народ Кабардино-Балкарии!»; «Дорогие соотечественники!»; «Дорогие земляки!»; «Дорогие друзья!»; «Уважаемые наши гости, братья, мои дорогие!»; «Дорогие зольчане!»* и т.п.

Информативная функция – передача определенной информации – в текстах-поздравлениях реализуется через определенную цель – кратко изложить предпосылки праздника как средства исторической преемственности, способа отражения культурной памяти, усиление актуальности праздника для современного человека: *«…Этот праздник, учрежденный 1 сентября 1997 года в день принятия новой Конституции Кабардино-Балкарии, олицетворяет весь исторический путь нашей республики, ознаменованный яркими достижениями в экономическом, социальном и культурном развитии. Становление Кабардино-Балкарии неразрывно связано с судьбой России…»*[1]; *«Мечта о государственном самообразовании в адыгском и балкаро-карачаевском народах существовала многие века. Но лишь в начале XX века эта мечта была реально воплощена в жизнь. За этот сравнительно короткий исторический период Кабардино-Балкария*

[1] Электронный ресурс. Режим доступа: https://nartk-shkola (дата обращения – 01.04.2025 г.).

прошла большой путь в своем политическом, экономическом и культурном развитии…»[1] *и т.п.*

Участник праздника, слушая или читая текст-обращение, без сомнения, осмысливает содержательный (информативный) аспект мероприятия, то есть знания, отраженные в тексте, что формирует его отношение к празднику. В этом смысле праздничное обращение несет определенную информативную нагрузку.

Консолидирующая функция – функция объединения – в праздничном слове проявляется в социальном единении или утверждении этнической уникальности, индентификации, следовательно, его содержание направлено на солидарность людей в укреплении традиционных духовно-культурных ценностей, преемственности поколений, обеспечивающих процессы консолидирования общества с прошлым, настоящим и будущим: *«…Празднование Дня возрождения балкарского народа – мощный фактор этнической мобилизации»; «…Уверен, сохраняя и укрепляя наше единство и сплоченность, совместно осуществляя созидательную деятельность, мы обязательно сумеем достичь поставленных целей во имя благополучия и процветания родной Кабардино-Балкарии и нашего Отечества…»*[2]*; «…И сегодня, оглядываясь на пройденный путь, мы воздаем должное мудрости и дальновидности наших предшественников, принявших единственно верное решение о единении с Российским государством. В такие моменты мы особенно чувствуем, насколько значимы единство, доверие, связь поколений, то, как важно дорожить родной историей, проверенными веками традициями дружбы и братства, ценностями гражданственности и патриотизма, ответственности за судьбу страны и республики»*[3]*;*

«…Сегодня в условиях новых вызовов эти чувства и ценности еще сильнее объединяют наше общество, служат надежной основой для дальнейшего движения вперед. Мы с оптимизмом смотрим в будущее. Несмотря на трудности времени, республика демонстрирует устойчивое поступательное развитие...»[4].

Эмотивная функция в поздравительной речи проявляется прежде всего в отношении выступающего (говорящего) к явлению, предмету праздника, актуальности праздничного события, что обусловливает эмоциональное содержание текста:

«*…Любовь к Родине, трудолюбие, вера в себя делают нас сильными, позволяют уверенно решать самые сложные задачи»; «Сердечно поздравляю жителей Кабардино-Балкарии с праздником – Днем Республики, желаю мира, добра и благополучия…»*[5]*;*

«С праздником Вас, дорогие друзья! Мира, счастья, благополучия каждой семье, каждому жителю республики, доброго здоровья и процветания на древней и прекрасной земле Кабардино-Балкарии – неотъемлемой части Великой России»[6].

---

[1] Электронный ресурс. Режим доступа: https://nartk-shkola (дата обращения – 01.04.2025 г.).

[2] Электронный ресурс. Режим доступа: https://pravitelstvo.kbr.ru (дата обращения – 01.04.2025 г.).

[3] Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.kbpravda.ru (дата обращения – 01.04.2025 г.).

[4] Электронный ресурс. Режим доступа: https://pravitelstvo.kbr.ru (дата обращения – 01.04.2025 г.).

[5] Электронный ресурс. Режим доступа: https://kbrria.ru (дата обращения – 01.04.2025 г.).

[6] Электронный ресурс. Режим доступа: https://baksan.bezformata.com (дата обращения – 01.04.2025 г.).

Эмотивность представляется как совокупность языковых средств, способных вызвать у адресата определенные эмоции: *«…важно дорожить родной историей, проверенными веками традициями дружбы и братства, ценностями гражданственности и патриотизма…»*[1].

Как видно, праздник обусловливает эмоциональной фон этноса и побуждает у человека ощущение приподнятости настроения, радости, утверждение положительных мыслей.

Обобщая материал работы, заключаем:

- в современных условиях наблюдаются новые тенденции развития праздничной культуры, среди которых отмечается актуализация внимания людей к праздничному мероприятию и активизация его значимости как средства воздействия на массовое сознание, что расширяет функции праздников от развлечений, отдыха до мероприятий государственной важности;
- в современной праздничной культуре особое место занимают тексты-обращения представителей власти;
- официальная политическая праздничная речь направлена на интеграционные и консолидирующие процессы, утверждение общего посыла и ключевых идей, закрепленных в культурно-исторической памяти народа, представляемых как доминирующие в этническом обществе нравственные ценности; провозглашает общечеловеческие и культурные идеи, формирует и развивает национальную культурную память, сохраняет этнокультурное наследие, укрепляет этническую идентичность, утверждает веру в будущее и перспективность намеченного пути, тем самым обостряет эмоциональное восприятие праздника и поддерживает позитивный настрой людей;
- официальная современная поздравительная речь (*несмотря на характер жанра!*) – это эмоциональное, экспрессивно насыщенное высказывание, которое содержит утвердительный мотив и пожелания кому-нибудь в честь определенного радостного события;
- содержание текста-поздравления выходит за пределы официального обращения; поздравительная речь отражает личностные установки выступающего; сокращается дистанция коммуникативного пространства и обозначаются мировоззренческие взгляды и позиция адресанта, его отношение к празднуемому событию, что предопределяет включенность в высказывание эмоциональных, оценочных, ценностных, мотивирующих, прогнозирующих, перспективных элементов и т.п.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Аккиева 2018 – *Аккиева С.И.* Современная праздничная культура народов Кабардино-Балкарии // Современная наука и инновации. – Вып. 4. – 2018.– С. 222-227.

Даль 2006 – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского русского языка». – М.: Эксмо, 2006. – 736 с.

Костина 2009 – *Костина А.В.* Этническая культура: специфика развития в современном мире // Электронный информационный журнал Новые исследования Тувы. – 2009. – № 102. – С. 175-189.

[1] Электронный ресурс. Режим доступа: https://baksan.bezformata.com (дата обращения – 01.04.2025 г.).

Маркарян 1983 – *Маркарян Э.С.* Теория культуры и современная наука (логико-методологический анализ). – М.: Мысль 1983. – 144 с.

Ожегов, Шведова 1998 – *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* «Толковый словарь русского языка. – М.: Азбуковнк, 1998. – 944 с.

Прохоров 2008 – *Прохоров Ю.Е.* Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 224 с.

Рахаев 2010 – *Рахаев А.И.* Культурная жизнь современной Кабардино-Балкарии: особенности и тенденции развития. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2010 г. – 124 с.

Романова 2020 – *Романова Г.А.* Современная праздничная культура России: актуальность трансформаций, отличительные признаки и тенденции развития // Мир науки, культуры, образования. – № 6 (85). – 2020. – С. 190-191.

Слюсаренко 2000 – *Слюсаренко М.А.* Праздник в культуре и культура праздник в контексте современности // Вестник ТГПУ. – 2000. – Вып. 3 (19). Серия: Гуманитарные науки (спецвыпуск). – С. 25-30.

Толковый словарь… 1996 – *Толковый словарь русского языка*: В 4-х т. Т.3 / Под ред. проф. Д. Ушакова. – М.: ТЕРРА, 1996. – 712 с.

REFERENCES

AKKIEVA S.I. *Sovremennaya prazdnichnaya kul'tura narodov Kabardino-Balkarii* [Modern-festiveculture of the peoples of Kabardino-Balkaria]. In: Sovremennaya nauka i innovacii. – Vyp. № 4. – 2018. – P. 222-227. (In Russ.).

DALI' V.I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. – M.: Eksmo, 2006. – 736 p. (In Rus.).

KJSTINA A.V. *Etnicheskaya kul'tura: specifika razvitiya v sovremennom mire* [Ethnicculture: the specifics of developmentin the modernworld]. In: Elektronny j informacionnyj zhurnal Novye issledovaniya Tuvy. – 2009. – № 102. – P. 175-189. (In Russ.).

MARKARYAN E.S. *Teoriya kul'tury i sovremennaya nauka (logiko-metodologicheskij analiz)* [Theory of culture and modern science (logical and methodological analysis)]. – M.: Mysl' 1983. – 144 p. (In Russ.).

OZHEGOV S.I., SHVEDOVA N.YU. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. – M.: Azbukovnk, 1998. – 944 p. (In Russ.).

PROHOROV YU. E. *Nacional'nye sociokul'turnye stereotipyrechevogo obshcheniy a iihrol' v obuchenii russkomu yazyku inostrancev* [National socio-cultural stereotypes of speech communication and the irroleinteaching Russian to foreigners]. – M.: Izdatel'stvo LKI, 2008. – 224 p. (In Russ.).

RAHAEV A.I. *Kul'turnaya zhizn' sovremennoj Kabardino-Balkarii: osobennosti I tendencii razvitiya* [Cultural life of modern Kabardino-Balkaria: features and development trends]. – Nal'chik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovyh, 2010 g. – 124 p. (In Russian)

RJMANJVA G.A. *Sovremennaya prazdnichnaya kul'tura Rossii: aktual'nost' transformacij, otlichitel'nye priznaki I tendencii razvitiya* [Modern holiday culture of Russia: the relevance of transformations, distinctive features and development trends]. In: Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. – № 6 (85). – 2020. – P. 190-191. (In Russ.).

SLEUSARENKO M.A. *Prazdnik v kul'ture I kul'tura prazdnik v kontekste sovremennosti* [Holiday in culture and culture holiday in the context of modernity]. In: Vestnik TGPU. – 2000. – Vyp. 3 (19). Seriya: Gumanitarnye nauki (specvypusk). – P. 25-30. (In Russ.).

TOLKVEI SLOVAR' RUSSKOGO YAZYKA [Explanatory Dictionary of the Russian language]: V 4-h t. T.3 / Pod red. Prof. D. Ushakova. – M.: TERRA, 1996. – 712 p. (In Russ.).

Информация об авторе

М.Ч. Шогенова – кандидат филологических наук, доцент.

Information about the authors

M.Ch. Shogenova – Candidate of Science (Philology), associate professor.

Статья поступила в редакцию 21.04.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.06.2025 г.; принята к публикации 27.06.2025 г.

The article was submitted 21.04.2025 y.; approved after reviewing 15.06.2025 y.; accepted for publication 27.06.2025 y.

ОЧЕРКИ, ЗАМЕТКИ, РЕЦЕНЗИИ

Персоналии
УДК 94
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-2-302-313
EDN: ZYSDUM

КИНО В ТВОРЧЕСТВЕ МАХМУДА ЭСАМБАЕВА
(К 100-летию великого танцовщика)

Лема Абдоллаевич Турпалов
Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова Российской академии наук, Грозный, Россия, turpalov@list.ru, https://orcid.org/0000-0002-2008-039X

Аннотация. В статье предпринята попытка рассмотреть малоисследованное творчество Махмуда Эсамбаева как драматического актера. Он принял участие в различных кинопроектах: музыкально-хореографических, драматических, детских, приключенческих. Его роли в амплуа танцовщика стали достоянием мирового искусства. Между тем кинорежиссеры охотно приглашали Махмуда на роли и в игровых фильмах. Но это грань творчества Эсамбаева мало известна широкой публике. Без выявления вклада в кинематограф биография великого артиста будет представляться неполной. На основе многочисленных биографических работ и вводимых впервые в научный оборот журнальных публикаций сделан вывод, что приход Эсамбаева в кинематограф был закономерен. По оценке специалистов его роли в кино сыграны мастерски, ярко. Также отмечено, что он не до конца реализовал себя как драматический актер. Все еще ждут исследования и другие аспекты творчества М. Эсамбаева. Он обладал мастерством рассказчика на телевидении и документальном кино. Им создан жанр эстрады, который представляет из себя концерт-лекцию, где танцевальные номера сопровождались интересными историями самого исполнителя.

Ключевые слова: Махмуд Эсамбаев, хореография, театр танцев мира, драматический актер, кинематография

Для цитирования: Турпалов Л.А. Кино в творчестве Махмуда Эсамбаева (к 100-летию великого танцовщика) // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 2. – С. 302-313. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-2-302-313. EDN: ZYSDUM.

© Турпалов Л.А., 2025

Original article

CINEMA IN THE WORKS OF MAHMUD ESAMBAYEV
(On the 100th anniversary of the great dancer)

Lema A. Turpalov
Kh. Ibragimov Complex institute of the Russian Academy of Sciences, turpalov@list.ru, https://orcid.org/0000-0002-2008-039X

Abstract. The article explores Mahmud Esambayev's work as a dramatic actor, which has received little attention. He worked on a variety of film productions, including wuch as musical-choreographic, dramatic, children's films, and adventure. His dance performances achieved international

acclaim. Meanwhile, movie directors willingly invited Mahmud for roles in feature films. But this facet of Esambayev's work is little known to the general public. Without revealing his contribution to the cinematography, the biography of the great artist will be incomplete. Based on numerous biographical works and journal publications introduced for the first time in the scientific turnover, it is concluded that Esambayev's entry into cinematography was natural. According to experts, his roles in the movie are played masterfully and brightly. It is also noted that he did not fully realize himself as a dramatic actor. Other aspects of M. Esambayev's creative work are still awaiting research. He possessed the skill of a storyteller on television and documentary films. He created the genre of variety, which is a concert-lecture, where dance numbers were accompanied by interesting stories of the performer himself.

Keywords: Mahmud Esambayev, choreography, world dance theater, dramatic actor, cinematography

For citation: Turpalov L.A. Cinema in the works of Mahmud Esambayev (On the 100th anniversary of the great dancer). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 2. – P. 302-313. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-2-302-313. EDN: ZYSDUM.

© Turpalov L.A., 2025

Введение

Великий танцовщик XX в. Махмуд Эсамбаев проявил себя как мастер не только в хореографии, но и в других видах искусства. В частности, он принял участие во многих кинематографических и телевизионных проектах, причем довольно успешно. Драматическое искусство его привлекало с детства, хотя демонстрировать эту привязанность публично артист не любил. По утверждению кинокритиков и профессионалов кинематографа, Эсамбаев обладал талантом драматического актера, который затмевался искусством великого танцора. Между тем этот аспект деятельности артиста все еще остается вне поле зрения исследователей его творчества. Небольшие рецензии на фильмы с участием М. Эсамбаева и отклики зрителей в периодической печати не дают в полной мере представление о его кинематографическом творчестве. Этим обосновывается актуальность темы нашего исследования.

В биографических работах Р. М. Нашхоева [Нашхоев 1980], М.Б. Гешаева [Гешаев 2008], Г.А. Пожидаева [Пожидаев 1972], А. Мусаева [Мусаев 2011], А.А. Горнова [Горнов 2003], А.Д. Голушко [Голушко 2006] внимание акцентируется на выявлении вклада М. Эсамбаева в мировое танцевальное искусство, стилистических особенностей, созданного им театра танцев народа мира, жизненные перипетии артиста. Однако его работы как драматического актера затрагиваются только поверхностно.

Целью работы является выявление закономерности обращения М. Эсамбаева к кино, взаимовлияния его танцевального и актерского мастерства. Объект исследования составляет творчество Эсамбаева как актера кино, предмет – стилистические особенности созданных им кинообразов.

Материалы и методы

Наряду с биографическими изданиями, посвященными М. Эсамбаеву, источниковую базу составили мемуары, публикации в периодической печати,

отклики поклонников артиста в интернет-ресурсах, многие из которых впервые вводятся в научный оборот.

Методологической основой стали современные концепции культурологических процессов, методы биографический, конкретно-исторического и сравнительно-типологического анализа общественных явлений.

Основные результаты исследования

Актерские данные у Махмуда проявились уже в детстве. Еще в годы учебы на рабфаке в Грозном в 1939 г. он стал играть в самодеятельном театральном кружке. Первая роль была лермонтовский Мцыри. Махмуд и внешне походил на него. Впоследствии он воплотил тему тоски по родине в изгнании в своем первом игровом фильме «Я буду танцевать». В его блистательном горском танце слились воедино пластика и драматическая игра. Вот как описывает этот танец биограф танцовщика Г.А. Пожидаев:

«Сейчас откроется занавес, и артист ринется в бой. Но уже не будет ни артиста, ни зала, а будет кусок жизни, поэма о любви к родине, чем-то напоминающая лермонтовского «Мцыри» [Пожидаев 1972: 115].

По признанию Махмуда, любовь к кино у него началась с просмотра фильма «Веселые ребята».

«…Видел нечетное число раз, рассказывал он, – благо, мать моего одноклассника работала уборщицей в кинотеатре и пускала нас без билета» [Назаров 1984: 15].

Будучи еще в амплуа танцовщика классического балета в Киргизском театре оперы и балета, его привлекали роли хара́ктерные, сюжеты жизненные.

«…Я люблю драматическое искусство и, конечно, всегда ищу это в балете, – утверждал артист. – Дороже всего мне балетмейстеры, которые провозглашают принципы драматического балета. Он ближе всего стоит к жизни, к простому зрителю» [Пожидаев 1972: 146].

По мнению Эсамбаева, балет меняется и наряду с классическим появился балет более демократический, приближенный к жизни. Современные постановщики «от балета изящества и чистой красоты пришли к балету философскому, драматическому, балету трагедии и юмора», – говорил Эсамбаев [Пожидаев [Пожидаев 1972: 146].

Смена амплуа на народные танцы и хореографические новеллы позволила Махмуду превращать их в театрализованные представления. Он сам создавал сценарии этих постановок, сам режиссировал и сам воплощал в сценический образ. Каждый номер Эсамбаева не просто танец, а сценическое действие со своим сюжетом. Не случайно его искусство часто называют театром танца. «В сущности, они – целые танцевальные драмы, – отмечает исследователь А.Д. Галушко, – передающие при помощи пляски и пантомимы сложный мир ярких образов и идей» [Голушко 2006: 93]. Эти художественные особенности его творчества,

закономерно привели танцовщика в кино, без которого вряд ли мир узнал великое искусство и талант Махмуда Эсамбаева и как танцовщика.

Кинематографическое наследие Эсамбаева состоит из фильмов разного направления. В музыкально-хореографических артист демонстрирует свое профессиональное искусство танца. В документальных рассказывает о своем творчестве и жизни. В художественных проявил себя как драматический актер. Отдельно можно выделить и телевизионные передачи, в которых Эсамбаев принимал участие (чаще всего посвященных ему).

Конечно, наиболее значимые из них картины, в которых артист демонстрировал свое профессиональное творчество. Вполне закономерно, что первая полнометражная лента, в которой он участвовал, посвящена именно Эсамбаеву-танцовщику. В начале 1960-х годов советский космонавт Юрий Гагарин покорил космическое пространство. Полет первого космонавта стал импульсом для создания полнометражного цветного музыкально-хореографического фильма, главным героем которого стал Махмуд Эсамбаев. Он принял участие и в создании сценария. Режиссеры – Роман Тихомиров, Фахри Мустафаев. Съемки фильма «В мире танца», который состоял из девяти танцев-новелл, пролога и эпилога, начались уже в 1961 г. Сюжет сценария был привязан полету корабля «Восток-1». Юрий Гагарин, пролетая над планетой, как бы озирает жизнь разных народов мира. Их показывают в хореографических образах, танцевальных новеллах, сопровождая танцевальные постановки поэтическим текстом. Одновременно в паузах между новеллами во время перелета из одной страны в другую на экране появляются оригинальные рисунки-заставки, построенные по типу полиэкрана, вводящие в следующий танец.

В хореографической сценке, посвященной борьбе народностей Африки за свою свободу, Махмуд создал столь волнительный образ, что не оставлял зрителя равнодушным. Эпизод, в котором униженного, избитого негра бросают в тюрьму, – один из наиболее трудных для исполнения, признавался Махмуд. Чтобы показать плачущего африканца артисту предложили обычный кинематографический трюк – вместо слез побрызгать на лицо водой или понюхать нашатырный спирт. Но он отказался. Во время съемок Махмуд плакал по-настоящему двадцать раз. Великий артист не хотел и не умел ни жить, ни творить наполовину [Нашхоев 1980: 70]. Эта тема прослеживается и в танце на тему кубинской революции.

Махмуд исполнил кавказскую лезгинку, монгольский танец-игру «Охотник и орел», индийскую хореографическую новеллу «Золотой бог», бразильский, узбекский, испанский, танцы, пляски народов Африки, сатирическую сцену «Автомат» и, конечно, танец, посвященный первому советскому космонавту. Каждая постановка Эсамбаева – не только народный танец, но и исполненный пластикой сюжет, несущий определенную смысловую нагрузку. Танцевальными движениями он выражает суть, душу народа.

В фильме принимают участие артисты балета Государственного академического Большого театра Союза ССР, танцевальной группы хора им. Пятницкого и

Чечено-Ингушского танцевального ансамбля. Премьера состоялась 1 марта 1962 г. (кино), 1 мая 1962 г. (ТВ). Этот фильм в СССР просмотрели 5400000 зрителей[1].

Вторым масштабным кинематографическим проектом с участием Махмуда Эсамбаева стал фильм-балет «Лебединое озеро», поставленный в 1968 г. режиссерами Аполлинарием Дудко и Константином Сергеевым. Хореография Мариуса Петипа, Леонида Иванова, Константина Сергеева.

У создателей картины не было двух мнений о том, кто сыграет Ротбарта – Махмуд Эсамбаев. Он уже выступал в роли злого гения в пору работы в Киргизском театре оперы и балета. Первоначально Махмуд исполнял в той постановке испанский танец. Однажды, за день до спектакля, заболел исполнитель роли Ротбарта – Злого Гения. Режиссер Иван Кириллович Ковтунов предложил Махмуду срочно освоить эту роль [Гешаев 2008: 606]. На это был отведен всего один день. Конечно, Эсамбаев сомневался, что успеет подготовить столь сложную роль за такой короткий срок. Но режиссер настаивал: «Сможешь. Давай начнем. Ты у нас все можешь» [Гешаев 2008: 606]. Махмуд наполнил образ мыслью и драматизмом, стараясь показать подлинное, страшное лицо зла. Победа над злом становилась более убедительной [Гешаев 2008: 606]. Эсамбаевское видение роли пришлось по душе выдающемуся балетмейстеру и постановщику фильма-балета К.М. Сергееву.

Уже то, что на эту роль в фильме-спектакле, где участвовала вся труппа прославленного Ленинградского театра оперы и балета имени С.М. Кирова, был приглашен Махмуд Эсамбаев, свидетельствует о признании его лучшим Ротбартом и выдающимся танцором. Махмуд развил свою трактовку образа Злого Гения и в фильме. Его Ротбарт погибал под гром аплодисментов. Здесь танцор вместо крыльев, которыми обычно пользовались до него все исполнители, усилил впечатление удивительной пластикой рук [Гешаев 2008: 606]. То, что образ Ротбарта Эсамбаев своим исполнением вознес столь высоко, вероятнее всего, толкнуло постановщика расширить партию злого гения в фильме [Соколов 1968: 4]. В прессе писали об Эсамбаеве:

> «Высокий, сильный, с длинными всемогущими пальцами, гибкий как змея, казалось, он вот-вот соберется с силами, и тогда несдобровать Зигфриду. Высокая техника, необыкновенная одаренность позволили Эсамбаеву с помощью танца, выразительного жеста и мимики достигнуть полного перевоплощения, укрупнить образ Ротбарта, сделав его действительно гением темных сил, олицетворением зла, настоящим демоном» [Гешаев 2008: 606].

Исходя из высокой оценки фильма международным балетным сообществом, в частности, исполнительского мастерства М. Эсамбаева в роли Ротбарта, вряд ли можно согласиться с мнением критика А. Соколова, который несколько субъективно высказался о постановке на страницах «Советского экрана»:

> «Поразить воображение призвано соло Ротбарта. Но его танец, как, впрочем, и другие «эффекты» оставляет лишь недоумение и досаду. Ни бурный темперамент, ни «струящийся»,

[1] В мире танца // Электронный ресурс «Кино-театр.ру». Режим доступа: https://www.kino-teatr.ru/kino/movie/sov/15333/annot/ (дата обращения: 7.07.2024 г.).

меняющий цвет плащ не выручают танцовщика. Энергично вращая глазами, Ротбарт лишь однообразно суетится в тщетных попытках выглядеть значительным» [Соколов 1968: 5].

Но автор рецензии, сам того не замечая, признал, что глаза Ротбарта не заметить в круговерти танца невозможно. Махмуд танцевал не только ногами, руками, но и каждой частичкой своего тела, а особенно глазами. Фильм «Лебединое озеро» в 1969 г. на кинофестивале в Генуе получил приз «Золотая орхидея», а Махмуд был награжден дипломом за лучшее исполнение роли Ротбарта [Гешаев 2008: 607].

Фильм-концерт с Махмудом Эсамбаевым сняли и на малой родине танцовщика. В 1976 г. Чечено-Ингушское телевидение и Северо-Осетинское телевидение осуществили совместный проект «Танцы народов мира». Режиссером был назначен молодой постановщик Саламбек Мамилов. Он же в соавторстве с молодым режиссером чечено-ингушского национального театра Русланом Хакишевым написал сценарий. Оригинальные декорации и деревянные скульптуры создал художник Мурад Паланкоев.

В 1991 г. в цикле «Волшебный мир балета», состоящем из десяти фильмов, режиссерами Светланой Воскресенской и Натальей Рыженко была осуществлена экранизация симфонической сказки для детей «Петя и Волк», написанной Сергеем Сергеевичем Прокофьевым на собственный текст весной 1936 г. Задача сказки – познакомить детей с тем, как звучат инструменты оркестра: струнные, флейта, гобой, валторна и так далее. М. Эсамбаев исполнил роль Волка. Игра Эсамбаева была благосклонно встречена зрителями.

В 1994 г. на Украине режиссером Михаил Безчастновым (он же автор сценария) была экранизирована балетная феерия на темы зарождения стихий в начале времен, в которую был привлечен и Махмуд Эсамбаев.

Если участие в музыкально-хореографических фильмах Махмуда Эсамбаева в амплуа танцовщика, т. е. своей профессиональной деятельности, вполне закономерно, то его появление в художественных лентах как драматического актера многие восприняли как нонсенс. Да и сам Махмуд часто повторял, что он не драматический актер. Но кино его притягивало, хотя эту свою симпатию Махмуд не афишировал. Каждое предложение сняться в художественном фильму отклонял довольно резко…. «Нет, киноактерам себя на считаю, – говорил он. – И часто отказываюсь сниматься. Иногда не получается. Один сценарист сказал: «Махмуд, эту роль я написал для тебя». Тут уж деваться некуда. Или, скажем, пригласил меня Радион Нахапетов сняться в картине «Вино из одуванчиков». Он мой сосед, друг, да и роль показалась интересной. А, пожалуй, с самым большим удовольствие работал в фильме «Маленький Мук». Картина детская, значит, ее будут смотреть мои внуки, ну и внуки всех бабушек и дедушек и дети всех мам и пап» [Назаров 1984: 15].

Он был прирожденным лицедеем. Это замечали не только его многочисленные друзья, но и театральные, кинематографические деятели. Народная артистка СССР Людмила Зыкина так оценивала искусство М. Эсамбаева:

«Каждый его танец – это целый спектакль с рассказом о жизни, истории, обычаях и нравах того или иного народа. Своим творчеством он воспевает красоту, доброту, радость жизни» [Жданов 2009: 198].

Первый опыт исполнения драматической роли у Махмуда связан с фильмом, сюжет которого построен на его же биографии. Лента снята в . на киностудии «Азербайджанфильм» режиссёром Тофиком Тагизаде. Сценарий написал ингушский писатель Идриса Базоркин на основе своего документального очерка «Труд и розы», героем которого и был Махмуд Эсамбаев. В сценарии он получил фамилию Ишхоев, но имя прообраза было сохранено, как и имя отца Алисултан. По сюжету выходец из чеченской семьи, Махмуд Ишхоев с юных лет любит танцевать, однако его отец против того, чтобы сын плясал. Он говорит, что «чеченцам нужен врач, нужен инженер, шут не нужен». Из-за этого и все проблемы в семье.

На этот раз требовалось не только танцевать, но и играть центральную драматическую роль, то есть самого себя. Поэтому Махмуд на первых порах отказался, считая себя не готовым для такого перевоплощения. Но режиссер-постановщик Тофик Таги-заде оказался настойчивым. Он просил его приехать в Баку хотя бы для того, чтобы посмотреть, по верному ли пути идет коллектив. После долгих переговоров Махмуд согласился.

Перед ним стояла ответственная задача – через жизнь одной семьи горца Алисултана Ишхоева, его талантливого сына показать душу чеченского народа, его культуру, обычаи, традиции. В фильме приняли участие известные артисты театра и кино народный артист СССР В. Тхапсаев, народная артистка Грузинской ССР Л. Абашидзе. На их фоне игра непрофессионала актера Эсамбаева могла выглядеть бледной. Но, как вспоминали партнеры по фильму, они забывали, что с ними играет главную роль не актер драматического плана. Махмуд сумел на хорошем уровне сыграть и эту партию. Фильм «Я буду танцевать» завоевал экраны не только Советского Союза, но и зарубежные. Его посмотрели миллионы зрителей многих стран.

Кроме «Приключений маленького Мука» и «Пети и Волка» Эсамбаев снялся еще в нескольких детских фильмах: «Честное волшебное» (Реж. Г. Победонсцев), «На край света…» (Реж. Р. Нахапетов), «Пока бьют часы» (Г. Васильев). В них танцовщик, как правило, играет сказочных героев. В «Честном волшебном» – Огня. Зрители и критики отмечали:

«Наиболее артистичен в фильме Махмуд Эсамбаев. Даже не произнося слов, он великолепно передаёт огненную натуру своего персонажа. К тому же, для него не поленились изготовить самый качественный костюм»[1]. В фильме «Пока бьют часы» он – Придворный скрипач [Соловьев 1976: 20].

Трудностям переходного возраста посвящен фильм «На край света…». Эсамбаев сыграл человека со взрослыми проблемами: опустившегося алкоголика,

[1] Честное волшебное (1975) // Электронный ресурс «Кинопоиск». Режим доступа: https://www.kinopoisk.ru/film/45497/?utm_referrer=www.google.com (дата обращения:7.08.2024 г.).

которых принято называть бомжами. Хотя роль эпизодическая, исполнил ее выразительно, и зрители запомнили картинку, как пьяница в подшофе демонстрировал танцевальные па из своего сценического прошлого. Он настолько реалистично показал своего персонажа, что зрители приняли персонаж как реальное лицо. Вероятно, поэтому некоторые из многочисленных поклонников танцевального искусства Эсамбаева осудили его участие в фильме в образе резко отрицательного человека. Эти недовольство оказало давление и на самого артиста. «Зрители писали мне сердитые письма, – рассказывал он. – Они упрекали меня за неразборчивость в выборе ролей» [Горнов 2003: 25]. Но талант актера и заключается в том, чтобы показать героя реалистично, а с этим Эсамбаев справился.

В 1990-е гг., после распада СССР, киностудия «Узбекфильм» находилась в состоянии упадка почти десять лет. Режиссёр Гияс Шермухамедов стремился продолжить свою творческую деятельность и в 1992 году основал собственную киностудию «Меросфильм» («Наследие»). Он активно искал спонсоров для своих проектов и обращался за кредитами в банки. В результате, Шермухамедов начал работу над исторической дилогией «Зов предков», которая рассказывает о формировании государственности в Центральной Азии и о начале распространения ислама в этом регионе. Режиссер работал над сценарием в сотрудничестве с историками и тщательно изучал множество архивных документов. Спонсорскую поддержку он получил в Алжире, где, наряду с Узбекистаном, проходили съемки фильма. Первый фильм дилогии «Великий Туран» и второй фильм «Согдиана» вышли в 1995 году. Сюжет ленты разворачивается в VI веке и рассказывает о событиях, едва не приведших к гибели могущественного тюркского Каганата из-за политических интриг Ирана. Эсамбаев исполнил роль великого шамана Бильге-Оол.

Махмуда привлекали на роли различного плана от опустившегося человека до исторических личностей. В ленте «Дорога в ад» (1988) в постановке Николая Засеева-Руденко по сценарию Михаила Канюка и Владимира Шарова он сыграл лидера преступной группировки Керима Рустамовича Бакаева по кличке «Шах». Это был первый в советском кинематографе фильм, посвящённый проблемам наркомании среди молодёжи. Кинолента отличается реалистичностью, затрагивает страшную тему и показывает изнанку наркобизнеса. Эсамбаев показал «Шаха» как двуличную персону. Критика положительно откликнулась на работу танцовщика: «Роль короткая, но сочная и запоминающаяся...»[1].

Безусловно, наиболее известная драматическая роль Эсамбаева – это шаман в «Земле Санникова». Фильм был поставлен режиссерами Альбертом Мкртчяном и Леонидом Поповым по мотивам одноименного научно-фантастического романа В.А. Обручева. Вспоминает режиссер «Земли Санникова» Леонид Попов:

«О том, кто должен играть Шамана, двух мнений быть не могло – Махмуд Эсамбаев. Вот только согласиться ли он? Говорили, что Махмуд принципиально отказывается от всех

[1] Пушин К. Страшный и поучительный фильм. Реализм 80-х и неменяющаяся гнилая "рыба" // Электронный ресурс «irecommend.ru». Режим доступа: https://irecommend.ru/content/strashnyi-i-pouchitelnyi-film-realizm-80-kh-i-nemenyayushchayasya-gnilaya-ryba (дата обращения: 7.07.2024 г.).

кинолей, кроме тех, где он занимается своим профессиональным делом – танцует. Шаман у нас в фильме много танцевал, но главным в его роли был все-таки не танец, а яростное стремление оставаться единственным вершителем судеб маленького, затерявшегося в бескрайней Арктике народа онкилонов. Отсюда берет начало непримиримое отношение шамана к могущественным пришельцам из чуждого, непонятного и опасного мира» [Цит. по: Мусаев 2011: 269].

Участники киноэкспедиции «Земли Санникова» отмечали необыкновенную работоспособность и ответственность Махмуда во время съемок:

«…Он, как настоящий профессионал, работал перед камерой. Внимательно прислушивался к режиссерским замечаниям. Потому работать с ним было легко. Махмуд, конечно, знал себе цену, что он звезда первой величины. Но никогда этим не кичился, не пытался давить своим авторитетом» [Мусаев 2011: 272].

Махмуд был таким мастером во всем. С головой уходил в работу.

По характеристике постановщиков картины «он был очень тонкий, чуткий человек и актер. Всему учился буквально с первого раза. Но первым удачным дублем Махмуд почти никогда не удовлетворялся… И во второй раз он играл не просто содержательнее и точнее, он умудрялся добавить еще нечто неуловимое, что превращает зачастую схематичный образ в живое существо, которое зритель запоминает на всю жизнь. Это, кстати, наверное, главная черта, которая отличает профессионального и даже талантливого актера от мастера. Вот это неуловимое, но совершенно очевидное умение дополнить характер персонажа, добавить в него что-то неуловимое свое, чего нельзя прописать даже в самом точном и психологически разработанном сценарии. И особенно удивительно было то, что он находил в себе силы отказаться для этого от привычного и многими годами наработанного опыта танцора» [Мусаев 2011: 273].

Махмуд своими па буквально вводил в транс всю съемочную группу. Кстати, все пляски дикарей ставил тоже он лично.

Очень высокую оценку дал игре Эсамбаева в «Земле Санникова» народный артист России Юрий Владимирович Назаров:

«Как артист, Махмуд, конечно, блестяще выступил. Шаман в фильме далеко не главную роль играл. Но у Махмуда он получился до того интересный и яркий, что конечно же стал одним из основных персонажей. Очень убедительно выглядели шаманские танцы, которые он исполнял» [Мусаев 2011: 279].

По утверждению Марка Кириллова, «…лучшая роль Махмуда Эсамбаева – это шаман в "Земле Санникова". Страшный и в то же время очень понятный человек. С одной стороны – просто чёрный злодей, с другой – единственный, кто понимает, что будет с Землёй Онкилонов после прихода туда "белого человека"»[1].

На счету Эсамбаева 13 сыгранных драматических ролей в фильмах различных жанров: драма, трагедия, сказка, исторический, биографический. Каждую, включая эпизодическую пьяницы в картине «На край света», он играл, от души.

[1] Махмуд Эсамбаев // Электронный ресурс «Кино-театр.ру». Режим доступа: https://www.kino-teatr.ru/kino/acter/sov/4995/forum/ (дата обращения: 22.07.2024 г.).

Кинематограф способствовал открытию у танцовщика новых граней творчества. Так, во время съемок фильма «Честное волшебное» режиссер предложил Махмуду спеть. Это было для него неожиданно, хотя любил петь, конечно, не на публике.

Искусствоведы отмечают также талант Эсамбаева мастера пантомимы. Например, в танцах «Автомат», «Портняжка» и «Чабанёнок» пластика и мимика танцовщика достигают совершенства [Нашхоев 1980: 80]. «Портняжка» - танцевальная новелла, навеянная рассказом великого еврейского писателя Шалома Алейхема.

Молодой портняжка влюблен в свою профессию. Он воображает, что к нему пришел заказчик, и выбирает ему материал, беседует с ним, тут же кроит, шьет, гладит и отдает готовый костюм. Как хорошо сделать человеку приятное! Юный портняжка танцует от радости. Все эти действия портняжки артистом переданы с большой достоверностью. Вес, форма, размеры утюга, иголки, материала, из которого шьют костюм, профессиональное умение портного пользоваться этими предметами нашло отображение в танце. Эту комическую новеллу можно вполне назвать и пантомимой, потому что здесь, пожалуй, больше представления посредством жестов, чем танца [Нашхоев 1980: 79]. Это, казалось бы, второстепенные увлечения Эсамбаева делали его мастером лицедейства.

«Махмуд, он по природе своей настоящий скоморох, – дает характеристику Эсамбаеву народный артист России Юрий Владимирович Назаров, – он во всем видит смешное. Прибавьте к этому бесподобный талант пародиста. Голосом, движением, мимикой он на удивление похоже и смешно умел человека показать. Я в своей, не короткой уже жизни только двух таких людей видел. Один – бывший артист еврейского театра Михаил Михайлович Алипский …Второй был Махмуд. Фейерверк какой-то нескончаемый. И тоже все так смешно, что словами передать невозможно…» [Мусаев 2011: 277].

Актерский талант Махмуда проявлялся не только на сцене или экране. Рассказы о его мастерски поставленных розыгрышах ходили по стране. Есть основания полагать, что история, рассказанная актером Зельдиным, об участии с ним в фильме Пырьева «Свинарка и пастух» Махмуда Эсамбаева выросла из очередного розыгрыша великого танцовщика и великого актера[1]. Маловероятно, что Махмуд мог оказаться в Москве на «Мосфильме» в 1940–1941 годах: он в это время учился в Грозном, затем работал в Пятигорском театре, и ничего кроме танцев его не волновало. Вряд ли мог Махмуд, бросив свое любимое занятие, поехать в столицу в призрачной надежде покорить кинематограф.

Отмечал В. Зельдин и актерский талант Махмуда: «Когда он мне звонил, без всяких предисловий начинал петь «Песню о Москве»: «И в какой стороне я ни буду, по какой ни пройду я траве...». Он не просто приходил в дом — он врывался. Устраивал из своего прихода целое представление... Красивый человек…, он и жил красиво, превращая свою жизнь в живописное шоу… В любой

[1] Владимир Зельдин с особым трепетом хранил кавказскую папаху, подаренную ему танцором Махмудом Эсамбаевым // Электронный ресурс «Москва-Баку». Режим доступа: https://moscow-baku.ru/news/culture/vladimir_zeldin_s_osobym_trepetom_khranil_kavkazskuyu_papakhu_podarennuyu_emu_tantsorom_makhmudom_es/ (дата обращения: 5.07.2024 г.).

компании он становился ее центром... Мог все вокруг себя взбаламутить и всем доставить удовольствие...»[1]. Актерский талант Махмуда позволял ему легко сходиться с людьми. Можно утверждать вся его жизнь была великолепно срежиссированной постановкой, в которой центральным актером был он сам.

Заключение

Махмуд Эсамбаев оставил заметный след в истории мирового искусства, создав театр танца народов мира. Театр одного танцовщика. Всего за годы своей карьеры он исполнил около ста балетных партий, танцев, хореографических миниатюр. И сегодня ни один танцовщик не может сравниться с ним в мастерстве и уникальности исполнения танцев практически всех народов мира.

Актерское творчество Эсамбаева не столь величественно. Однако как зрители, так и искусствоведы дают высокую оценку его умению перевоплощаться на киноэкране.

> «Могу утверждать: миллионы зрителей Махмуда Эсамбаева, – писал в «Советском экране» кинокритик В. Назаров, – а большинство из них страстные поклонники его общепризнанного таланта, многое потеряли, зная его лишь по самому «молчаливому» виду искусства – танцам, а Махмуд (придется поверить мне на слово) – великолепный рассказчик и импровизатор, остроумный пародист» [Назаров 1984: 15].

Творчество Махмуда Эсамбаева действительно многогранно. И в каждом из них он был мастером. Безусловно, оно нуждается в комплексном и системном исследовании.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Гешаев 2008 – *Гешаев М.Б.* Махмуд Эсамбаев в российской и мировой культуре // Чеченцы в истории, политике, науке и культуре России: исследования и документы / [отв. ред. Х.В. Туркаев]. Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Маклухо-Маклая РАН. – М.: Наука, 2008. С. – 601-625.

Голушко 2006 – *Голушко А.Д.* Духовное творческое наследие Махмуда Эсамбаева вчера и сегодня // Хореография: история, теория, практика: [сб. ст.] / Ун-т Натальи Нестеровой, Акад. танца; [ред. Л.И. Турусова]. – Москва: Ун-т Натальи Нестеровой, 2006. – С. 91–97.

Горнов 2003 – *Горнов А.А.* Магический кристалл. – Саратов: Сателлит, 2003. – 320 с.

Жданов 2009 – *Жданов Ю.А.* Избранное: в трех томах. Т. 3. – Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ ЮФУ, 2009. – 412 с.

Мусаев 2011 – *Мусаев А.* Махмуд Эсамбаев. – М.: Молодая гвардия, 2011. – 381 с.

Назаров 1984 – *Назаров В.* «Кино – любовь моя» // Советский экран. – 1984. – № 7. – С. 15.

Нашхоев 1980 – *Нашхоев Р.М.* Чародей танца. – Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1980. – 112 с.

Пожидаев 1972 – *Пожидаев Г.А.* Повесть о танце. – М.: «Молодая гвардия», 1972. – 176 с.

Соколов 1968 – *Соколов А.* Разукрашенная классика // Советский экран. – 1968. – № 22. С. 4–5.

Соловьев 1976 – *Соловьев А.* «Пока бьют часы» // Советский экран. – 1976. – № 21. – С. 20.

[1] Владимир Зельдин с особым трепетом хранил кавказскую папаху, подаренную ему танцором Махмудом Эсамбаевым // Электронный ресурс «Москва-Баку». Режим доступа: https://moscow-baku.ru/news/culture/vladimir_zeldin_s_osobym_trepetom_khranil_kavkazskuyu_papakhu_podarennuyu_emu_tantsorom_makhmudom_es/ (дата обращения: 5.07.2024).

REFERENCES

GESHAYEV M.B. *Makhmud Esambayev v rossiyskoy i mirovoy kul'ture* [Mahmud Esambayev in Russian and World Culture]. In: Chechens in Russian History, Politics, Science and Culture: Studies and Documents. Institute of Ethnology and Anthropology. N.N. Maklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences. – Moscow: Nauka, 2008. P. – 601-625. (In Russ.).

GOLUSHKO A.D. *Dukhovnoye tvorcheskoye naslediye Makhmuda Esambayeva vchera i segodnya* [Spiritual creative heritage of Mahmud Esambayev yesterday and today]. In: Choreography: history, theory, practice: [collection of articles] / Natalia Nesterova University, Academy of Dance; [ed. L. I. Turusova]. - Moscow: Natalia Nesterova University, 2006. – P. 91-97. (In Russ.).

GORNOV A.A. *Magicheskiy kristall* [Magical crystal]. – Saratov: Satellite, 2003. – 320 p. (In Russ.).

ZHDANOV YU.A. *Izbrannoye: v trekh tomakh*. [Selected: in three volumes]. V. 3. - Rostov-on-Don: SKNTs VSH SFU, 2009. – 412 c. (In Russ.).

MUSAEV A. *Mahmud Esambayev*. – Moscow: Molodaya Gvardiya, 2011. – 381 p. (In Russ.).

NAZAROV V. *«Kino – lyubov' moya»* [“Cinema is my love”]. In: Soviet Screen. – 1984. – № 7. – C. 15. (In Russ.).

NASHKHOEV R.M. *Charodey tantsa* [The Enchanter of Dance]. – Grozny: Chechen-Ingush Book Publishing House, 1980. – 112 p. (In Russ.).

POZHIDAEV G.A. *Povest' o tantse* [The Tale of Dance]. – Moscow: “Molodaya Gvardiya”, 1972. – 176 p. (In Russ.).

SOKOLOV A. *Razukrashennaya klassika* [Colorized classic]. In: Soviet Screen. – 1968. – № 22. – P. 4-5.

SOLOVIEV A. *«Poka b'yut chasy»* [“While the clock strikes”]. In: Soviet Screen. – 1976. – № 21. – P. 20. (In Russ.).

Информация об авторе

Л.А. Турпалов – доктор филологических наук, доцент.

Information about the author

L.A. Turpalov – Doctor of Philological Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 21.02.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.06.2025 г.; принята к публикации 27.06.2025 г.

The article was submitted 21.02.2025; approved after reviewing 15.06.2025; accepted for publication 27.06.2025.

Наши авторы

Азикова Юзанна Мартиновна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: i.azikova@kbsu.ru

Бауаев Казим Каллетович – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русской и зарубежной литератур ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: kazim_bauaev@mail.ru

Беппаев Азамат Русланович – аспирант Научно-образовательного центра ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.
E-mail: beppaev33@mail.ru

Бозиева Наима Борисовна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры кабардино-черкесского языка и литературы ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: naimabozieva@mail.ru

Гаунова Лина Ризуановна – младший научный сотрудник культурно-образовательного центра «Эрмитаж-Кавказ» ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: gaunova.lina@mail.ru

Гетагазова Ася Магомедовна – аспирант Научно-образовательного центра ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.
E-mail: getagazova2013@mail.ru

Дабагова Инна Мухамедовна – аспирант Научно-образовательного центра ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.
E-mail: innadabagova@gmail.com

Езаова Мадина Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры кабардино-черкесского языка и литературы ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: madinaezaova@mail.ru

Жилетежев Хажисмель Чиляниевич – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.
E-mail: hazismel@mail.ru

Журтова Анжела Ариковна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и кавказоведения ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: anzhelka28@mail.ru

Кажарова Инна Анатольевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.
E-mail: barsello@rambler.ru

Кушхабиев Анзор Викторович – доктор исторических наук, доцент, начальник научно-инновационного центра «Экспертные системы источниковедения и историографии» ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.
E-mail: anzor-vk@mail.ru

Муков Мурат Исмаилович – соискатель Научно-образовательного центра ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.
E-mail: abaza_2005@mail.ru

Сарбашева Алена Мустафаевна – доктор филологических наук, доцент, заведующая сектором карачаево-балкарской литературы Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.
E-mail: alenasarb@mail.ru

Соблирова Зарета Хасанбиевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России и кавказоведения ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: zareta.soblirova@inbox.ru

Тумаков Денис Васильевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и философии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный медицинский университет» Минздрава России, доцент кафедры новейшей отечественной истории исторического факультета Ярославского государственного университета имени П.Г. Демидова, Ярославль, Россия.
E-mail: denistumakov@yandex.ru

Турпалов Лема Абдоллаевич – доктор филологических наук, доцент, главный научный сотрудник Комплексного научно-исследовательского института им. Х.И. Ибрагимова Российской академии наук, Грозный, Россия.
E-mail: turpalov@list.ru

Унатлоков Вячеслав Хаутиевич – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры кабардино-черкесского языка и литературы социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: vunatlokov@mail.ru

Урусмамбетова Лаура Адамовна – кандидат педагогических наук, заведующая лабораторией развития социально-гуманитарных дисциплин Государственного бюджетного учреждения дополнительного профессионального образования «Центр непрерывного повышения профессионального мастерства педагогических работников» Минпросвещения КБР, Нальчик, Россия.
E-mail: layra76@mail.ru

Хашхожева Загират Талибовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры кабардино-черкесского языка и литературы социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: zagirat_inkaz@mail.ru

Хутежев Заудин Галиевич – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры кабардино-черкесского языка и литературы социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: zaudin-777@mail.ru

Шогенова Марина Чашифовна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и общего языкознания социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: shog-marina@yandex.ru

Яхутль Юрий Асланбиевич – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», Краснодар, Россия.
E-mail: a075ca@yandex.ru

Электронный журнал

«Кавказология»

Caucasology

№ 2 / 2025

DOI: 10.31143/2542-212X-2025-2

Подписано к изданию:
30.06.2025 г.

Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова © 2025